

ΔX
5145N2

5145N2

N2

СОЧИНЕНІЯ

С. В. ЕШЕВСКАГО.

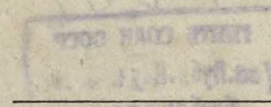
СОЧИНЕНИЯ

С. В. ЕШЕВСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Зав

Издание К. Солдатенкова.

ЦѢНА ЗА ТРИ ЧАСТИ 6 РУБ.

Тираж 1.200 (мелков)

МОСКВА.

Типографія Грачева и К^о, у Пречистенскихъ воротъ, д. Шиловой.

1870.

2X
5445
22

СОВЕТСКОЕ

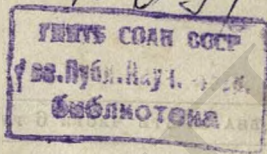
С. В. ЕЩЕРЯКОВ

ПЕЧАТЪ

Э П О Х А

ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВЪ И КАРОЛИНГИ.

Д. В. ЕЩЕРЯКОВ

1870

I.

Было принято начинать исторію средних вѣковъ съ 476 г., такъ называемымъ паденіемъ Западной Римской имперіи. Теперь это обыкновеніе сохранилось развѣ въ немногихъ учебникахъ. Сверженіе Ромула-Августула такой ничтожный фактъ, что его едва замѣтитъ всякій сколько-нибудь серьезно занимающійся историкъ. Было бы смѣшно принимать его за черту, разграничивающую двѣ великія эпохи человѣчества, два міра, столь непохожіе другъ на друга и столь своеобразные. Сверхъ того, невозможно тѣмъ или другимъ годомъ обозначить такой великій переворотъ, который совершился въ концѣ исторіи древней и въ началѣ новой. И если уже нужно хронологически обозначить грань, отдѣляющую исторію древности отъ исторіи новой Европы, то этою гранью приличнѣе принять первое столѣтіе нашей эры. Христіанство и варвары—вотъ два всемірно-историческія явленія, положившія конецъ античному міру; но христіанство только слишкомъ черезъ три столѣтія освободилось отъ преслѣдованій, и только въ концѣ V-го вѣка варварскій вождь презрительно свелъ съ престола послѣдняго представителя имперіи Августа. Такіе великіе перевороты, каково было паденіе Римской имперіи, не совершаются минутою. Кромѣ того, говоря о паденіи Западной Римской имперіи, мы

напрасно будемъ понимать его въ настоящемъ значеніи этого слова, т. е. какъ что-то быстрое, неожиданное, эффектное. Напротивъ, сверженіе Ромула-Августула не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія даже на современниковъ. Оно совершилось незамѣтно, не отозвалось ничѣмъ въ понятіи и воображеніи очевидцевъ; нѣсколько словъ, сказанныхъ мимоходомъ хроникеромъ—вотъ все, что осталось о немъ для потомства. Современное общество было слишкомъ занято болѣе близкими, болѣе важными и существенными для него интересами, чтобы обратить какое-нибудь вниманіе на жалкую роль и горькую судьбу послѣдняго западнаго римскаго императора.

Дѣло въ томъ, что Римская имперія фактически перестала существовать въ прежнемъ ея значеніи задолго до сверженія послѣдняго номинальнаго ея представителя, и основатель имперіи, великій Августъ, перенесенный чудомъ въ Римъ V-го вѣка, не призналъ бы въ немъ ни одной черты прежняго, ему знакомаго Рима,—того города, понятіе о которомъ сливалось когда-то у его гражданъ съ понятіемъ о вселенной. Мало того, самая эта имперія была отрицаніемъ началъ и формъ античной жизни и въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи заходила все далѣе и далѣе въ этомъ отрицаніи. Если Августъ, съ свойственнымъ ему лицемѣріемъ, заботливо хранилъ всю внѣшность политическихъ формъ прежней республики и довольствовался сосредоточеніемъ въ своихъ рукахъ всей дѣйствительной власти, если, при всемъ разгулѣ безграничнаго самовластія и часто дикаго произвола его преемниковъ, формы древней республики, лишенной всякаго смысла и значенія, еще оставались, то Септимій Северъ, уже не скрываясь, не лицемѣря, провозгласилъ военную диктатуру. «Ласкайте солдатъ, говорилъ онъ своимъ сыновьямъ, и смѣйтесь надъ всѣмъ остальнымъ!» При Діоклетіанѣ лице императора стало на недостижимую высоту надъ прочими смертными, получило священный, божественный

характеръ. Императоръ сдѣлался «господиномъ» (*Dominus*); его называли «вѣчностью» (*aeternitas*), «величіемъ» (*majestas*). Все, что его окружало, было священнымъ; его комнаты—*sacrum cubiculum*, его сокровища—*sacrae largitiones*. Своимъ подданнымъ онъ являлся, сидя на тронѣ, въ бѣлой діадемѣ, усеянной драгоценными камнями. Ничего подобнаго не знали ни древняя Греція, ни древній Римъ; все это было несовмѣстно съ греко-языческою цивилизаціею, было ея полнѣйшимъ отрицаніемъ. Если мы заботливо станемъ отыскивать на этихъ формахъ императорской власти слѣдовъ вліянія древняго міра, то должны будемъ признать, что единственное вліяніе возможно было только со стороны древняго Востока, къ формамъ быта котораго такъ нетерпимо и такъ враждебно относился древній Грекъ или Римлянинъ. Въ то же время само государство принимало совершенно новый характеръ. Въ древности оно основывалось если не на родовой, то на племенной исключительности. Въ Римѣ только патриціи, члены извѣстнаго числа родовъ, были полноправными гражданами, не смотря на то, что многіе изъ плебеевъ не уступали имъ ни въ древности или знатности происхожденія (между плебеями были царскіе роды), ни въ богатствѣ или образованіи. Потомъ, когда путемъ вѣковой борьбы плебеи сравнялись съ патриціями, то же отношеніе установилось между Римлянами и однокровнымъ, одноязычнымъ, однороднымъ населеніемъ Италіи. Нужны были кровопролитныя союзническія войны, чтобы доставить Италикамъ извѣстную равноправность съ гражданами самого Рима. Но вотъ, съ появленіемъ имперіи начинается крутой поворотъ и въ этомъ отношеніи, который совершается даже быстрее, чѣмъ отрицаніе государственныхъ формъ древности. Правда, Августъ уничтожилъ продажу права римскаго гражданства провинціаламъ, лишилъ этого права множество лицъ, пріобрѣтшихъ его незаконнымъ путемъ, и произнесъ громкую

фразу, что онъ скорѣе готовъ уменьшить сокровища, чѣмъ честь Рима. Правда, трижды въ свое правленіе онъ производилъ перепись римскихъ гражданъ. Но при томъ же Августъ Римъ впервые увидѣлъ триумфальный въѣздъ въ Капитолій Испанца Бальбуса, какъ при Цезарѣ онъ видѣлъ впервые дядо этого Испанца римскимъ сенаторомъ и консуломъ. Что мѣра, принятая Августомъ для ограниченія раздачи правъ римскаго гражданства, не имѣла дѣйствительнаго значенія, лучше всего доказываетъ перепись римскихъ гражданъ, произведенная при Клавдіи. Въ 55 лѣтъ, прошедшихъ съ переписи Августа до этого времени, число римскихъ гражданъ, записанныхъ въ цензорскій регистръ, возрасло слишкомъ на 2,800,000, что для общаго числа гражданъ обоого пола и всѣхъ возрастовъ даетъ около 12,000,000 увеличенія. Тотъ же Клавдій доставилъ знатнѣйшей части Галліи *Comata* право достиженія почестей въ Римѣ и доступъ въ сенатъ ¹⁾. Сенека въ своемъ пасквилѣ на Клавдія заставляетъ говорить одну изъ Паркъ: «Я хотѣла бы оставить пожить нѣсколько

¹⁾ Клавдій далъ право римскаго гражданства именно правительственнымъ агентамъ въ городахъ Волосатой Галліи (*Gallia comata*). Римляне дѣлили все пространство, занимаемое въ Европѣ Галлами, на двѣ главные части. Одна называлась *Доальпійскою* (*Cisalpina*), отъ Альпъ до Рубикона: этонынѣшняя верхняя Италія, за исключеніемъ Піемонта, часть Тироля и Крайны, Феррара, Болонья и Романья. Она именовалась также *togata*, *одѣтая въ тогу*, такъ какъ въ ней господствовала введенная туда Римлянами мода носить тогу. Другая часть Галліи называлась *Заальпійскою* (*Transalpina*). Она обнимала нынѣшнюю Францію на востокъ до Рейна и Альпъ. Римляне величали ее также Волосатою (*comata*), такъ какъ ея жители, въ противоположность съ ними, носили никогда не обстригаемые огромные, взъерошенные волосы. Сверхъ того, южную часть этой Галліи (*Provincia*, потомъ *Gallia Narbonensis* или *Roman*), нынѣ—Провансъ, Дофинъ, Лангедокъ) они называли *braccata*, одѣтая въ порты—оригинальное платье, родъ штановъ, употреблявшееся туземцами и незнакомое Римлянамъ, А. Т.

времени этого человѣка, чтобы онъ сдѣлалъ римскими гражданами небольшое число людей, лишенныхъ этого права. Онъ рѣшился видѣть одѣтыми въ римскую тогу всѣхъ Грековъ, Галловъ, Испанцевъ и Британцевъ; но такъ какъ нужно же оставить на племя хоть немного чужестранцевъ, то я перерываю нить жизни». Знаменитая конституція Каракаллы окончила дѣло Клавдія. По ней всѣ свободные жители имперіи получили право римскаго гражданства. Напрасно стараются объяснить эту либеральную конституцію, изданную однимъ изъ позднѣйшихъ властителей Рима, одними корыстными побужденіями, однимъ желаніемъ распространить на все свободное населеніе имперіи извѣстные налоги, которые до сихъ поръ платились только римскими гражданами. Можетъ быть, корыстные побужденія и входили въ расчеты Каракаллы, но тѣмъ не менѣе его постановленіе было неизбежнымъ, естественнымъ слѣдствіемъ всего предшествовавшаго. Отвратить его ничто не было въ состояніи. Если при первомъ назначеніи Галловъ въ число сенаторовъ, Римлянами овладѣло негодованіе, то скоро этому чувству не было уже мѣста въ Римѣ. Не только кресла въ сенатѣ, но и тронъ императоровъ заняты были людьми не римскаго происхожденія. Критянинъ Нерва первый открылъ иностранцамъ дорогу къ трону. За нимъ одинъ за другимъ всходили на тронъ цезарей: Испанцы (Траянъ, Адрианъ), Африканцы (Альбинъ, Септимій Северъ, Гордіанъ), Сирійцы (Геліогабалъ и Александръ Северъ), Арабы (Филиппъ), а съ Аврелиана Галлы и Иллирійцы.

То же отреченіе отъ прежней исключительности мы видимъ во всѣхъ сферахъ. Всѣ религіи древняго міра исповѣдывались въ Римѣ, сливались одна съ другою, и уже при Августѣ въ великомъ Пантеонѣ были соединены изображенія всѣхъ божествъ древняго міра. Только іудейство и христіанство по своей сущности были противны такому обобщенію и сліянію;

зато только они не находили себѣ мѣста въ римской имперіи, только они подвергались ожесточеннымъ преслѣдованіямъ. То же самое мы видимъ въ римской литературѣ. Какъ въ сенатѣ временъ имперіи римскіе аристократы все болѣе и болѣе уступали мѣсто провинціаламъ, такъ и здѣсь писатели той или другой римской провинціи постепенно выступаютъ на первый планъ, оттѣсняя писателей римскаго, даже итальянскаго происхожденія. Чуждое вліяніе почувствовалось очень сильно еще во времена республики. Какъ и слѣдовало ожидать, прежде всего оно шло изъ Греціи. Цицеронъ такъ говоритъ о вліяніи Эллады: «Это не слабый ручеекъ, притекшій въ сей городъ (Римъ); это—многоводная, огромная рѣка». Первые римскіе писатели, Ливій Андроникъ, Энній, Пакувій, были Греки изъ южной Италіи; Невій былъ Кампанецъ. Затѣмъ слѣдовало вліяніе итальянскихъ городовъ. Кремона и Миланъ дали Риму Виргилія, Падуа—Тита Ливія, котораго упрекали за его падуанизмъ, Верона—Витрувія, Гостилія—Корнелія Непота. Берега озера Гарда—самаго граціознаго изъ римскихъ поэтовъ, Катулла. Нарбоннская Галлія, давно уже считавшаяся болѣе Италіей, чѣмъ провинціей, образовала для Рима толпу писателей, изъ которыхъ самыми замѣчательными были: Трогъ Помпей, авторъ перваго опыта общей исторіи, и Петроній, авторъ извѣстнаго «Сатирикона». Чѣмъ далѣе шла Римская имперія въ своемъ развитіи, тѣмъ сильнѣе и очевиднѣе становилось вліяніе провинцій на судьбу римской литературы. Самую исторію этой литературы можно раздѣлять на періоды, отмѣченные исключительнымъ вліяніемъ той или другой провинціи. Первымъ изъ этихъ періодовъ былъ періодъ латино-испанской литературы. Не надо думать, чтобы этотъ періодъ характеризовался только испанскимъ происхожденіемъ господствующихъ писателей. Напротивъ, эти писатели вносили особые приемы, имъ только свойственные. Особенности писателей

испанскаго происхожденія были давно замѣчены; уже во времена Еннія говаривали: «это значитъ говорить по испански, а не по римски». Цицеронъ упрекалъ кордовскихъ поэтовъ за чрезмѣрную роскошь фигуръ, за напряженность и напыщенность слога, и однако эти недостатки привлекали къ себѣ Римлянъ и увлекали ихъ. Уже во времена Августа въ римскую школу Испанца *Latro* сходились знатнѣйшіе Римляне, и Овидій, напр., былъ восторженнымъ поклонникомъ испанскаго учителя. Отъ Нерона до Траяна въ Римѣ господствовало испанское направленіе, и лучшіе писатели этой эпохи Испанцы по происхожденію. Достаточно указать на Колумеллу, Помпонія Мелу, Лукана, Сенеку, Сплія Италика, Квинтилиана, Марцелла, Аннея Флора и др. Испанское вліяніе отразилось даже на его противникахъ и на людяхъ не испанскаго происхожденія. Оба Плинія, Ювеналъ, самъ Тацитъ были увлечены имъ. Послѣ испано-латинскаго періода греческое вліяніе еще разъ сказалось съ новою силой при Траянѣ, Адрианѣ и Антонинахъ; но слѣдующій затѣмъ періодъ съ полною справедливостію можетъ быть названъ латино-африканскимъ. Кароагентъ, возобновленный изъ развалинъ Юліемъ Цезаремъ, давно уже сдѣлался центромъ латинской образованности въ Африкѣ, соперникомъ самого Рима. «Небесная муза, Камена людей, носящихъ тогу», таковы были названія, съ которыми къ нему обращались. Латино-африканская школа уже довольно рано оказала свое вліяніе. При Неронѣ знаменитый стоическій философъ, Анней Корнутъ, другъ Персія и Лукана, родомъ изъ Лептиса, стоялъ въ числѣ римскихъ знаменитостей. При Домиціанѣ не менѣе знаменитъ былъ Африканецъ поэтъ, Септимій Северъ, вѣроятно предокъ императора, къ которому сохранилось посланіе Стація. Знаменитѣйшій изъ африканскихъ писателей былъ Нумидецъ Фронтонъ, учитель и другъ Марка-Аврелія. Сочиненія Фронтоня не дошли до насъ; но зато мы имѣемъ труды

двух других, еще, быть может, более блестящих представителей латино-африканской литературы. Особенности этой литературы всего яснее, всего заметнее в сочинениях Апулея, которым так гордилась Африка, и христианского писателя Тертуллиана. Если Апулей может служить представителем изящности и грации африканского характера, то Тертуллиан еще резче выражает другую особенность этого характера, силу и неудержимое увлечение. Особенности характера африканской литературы сохранились неизменно даже у позднейших христианских писателей Африки, у св. Кирилла, Арнобия, Лактанция и бл. Августина. Позднейший период истории римской литературы может быть назван латино-галльским. Галлия, завоевание которой так дорого стоило Риму, быстро подчинилась его влиянию. Южная Галлия давно уже считалась скорее Италией, чем провинцией. Также быстро проникло цивилизирующее влияние Рима и в другие части этой страны. В страстном увлечении новизною Галлы забыли свой прежний народный язык для языка латинского, отождествляли свои национальные божества с римскими и чтили их под чуждым именем. Повсюду заволакивались греческие и римские школы, скоро достигшие знаменитости во всем римском мире. Успехи римского влияния были так велики, что император Калигула уже устроил в Лион поэтическое состязание, окружив его смелыми и цельными условиями. Но, отдаваясь так неудержимо латинскому влиянию, Галлы не могли однакоже отречься от своего народного характера; употребляя все усилия, чтобы сделаться вполне Римлянами, они оставались Галлами и в римской тоге. Особенности национального галльского характера отразились в латинской литературе, может быть, еще сильнее и заметнее, чем народные особенности Испанцев и Африканцев. Эти особенности были замечены и признаны самими современниками.

Влияние Галлов рано сказалось в римской литературе. Уже в I веке многие галльские и даже бретонские ораторы приобрели себе почетную известность в самой Италии. Красноречие было главным родом латино-галльской литературы. Преобладание латино-галльского элемента в литературе становится особенно заметным, господствующим со второй половины III века. В числе известнейших галльских ораторов этой эпохи едва ли не первое место занимают лица, покрытые императорским пурпуром, молодой Постум и Нумеріан. Тот и другой славился своими декламациями; последний, сверх того, был поэт. В IV веке почти все известнейшие ораторы и панегиристы были Галлы. Евмен, два Мамертина, Альцим, Агреций, Назарий, много других, и выше всех Дрепаній Покатъ. Еще большее число знаменитых профессоров мы найдем в многочисленных школах Галлии. Почти все поэты последнего времени империи были Галлы по происхождению. Таковы Рутілій Нумаціанъ, Авзоній, Павлинъ и др.

Но нигде яснее и полнее не выразилось то отрицание основ и принципов античной жизни, которым была Римская империя, чем в сфере права. Древнейшее право Квиритов, как мы знаем его из законов XII таблиц, было строго семейное. Ни в одном законодательстве древних народов мы не видим такой строгой последовательности. Нигде с таким неумолимым ригоризмом не было проведено основное начало—отцовская власть и тесно соединенное с нею право мужа над женою. Это древнее квиритское право, с его религиозным характером, хранилось в тайне, окруженное символическими действиями и формулами. Только патриции могли знать и толковать его. Но отношения к плебеям не позволили оставаться навсегда этому положению для. Плебей Флавій, секретарь патрицианского юриста Аппія Клавдія,

выдалъ эти таинственныя формулы плебеямъ. Законы XII таблицъ вывели патриціанское право изъ области тайнаго знанія въ сферу науки. Съ 387 года, съ знаменитой эпохи допущенія плебеевъ къ должности консула, патриціанское право еще менѣе могло оставаться исключительною собственностью патриціевъ. Поэтому однимъ изъ первыхъ дѣлъ патриціанской общины было установленіе новой должности, доступной только патриціямъ, именно претуры. Обязанностью преторовъ было толковать, дополнять и исправлять гражданское право. Преторъ сталъ живымъ голосомъ закона.

Уже самое это назначеніе претора вело къ ослабленію исключительности древнѣйшаго права. Но было еще обстоятельство, сильно содѣйствовавшее ослабленію и потому уничтоженію этой исключительности. Кромѣ тяжбъ между римскими гражданами, суду претора подлежали еще дѣла между римскими гражданами съ одной стороны и иностранцами съ другой, а также и дѣла между иностранцами, находившимися въ Римѣ. Не забудемъ, что слово «иностранецъ» въ древности совсѣмъ не то значило, что теперь. Иностранцемъ въ Римѣ былъ всякій подданный Рима, не пользовавшійся правомъ полнаго римскаго гражданства. Иностранецъ былъ въ глазахъ Рима и Латинъ, и Италианецъ, и провинціалъ. Съ расширеніемъ могущества Рима число такихъ иностранцевъ въ Римѣ становилось огромнымъ. Претуру пришлось раздѣлить на двое; новый преторъ, *praetor peregrinus*, назначенъ былъ собственно для разбора дѣлъ между иностранцами. Въ исторіи римскаго права это фактъ необыкновенной важности. Преторъ иностранцевъ, очевидно, не могъ судить иностранцевъ по ихъ собственнымъ законамъ. Къ его трибуналу стекались люди всѣхъ націй, всѣхъ провинцій, и представители высшей цивилизаціи, и почти варвары. Знать всѣ безчисленные законы иностранцевъ было немислимо, и преторъ иностранцевъ самъ создавалъ законъ, по

которому судилъ, издавалъ свой преторскій эдиктъ, *edictum praetoris*. Такимъ образомъ, въ самомъ Римѣ, подлѣ строгаго квинтискаго права, рядомъ преторскихъ эдиктовъ образовалось *jus gentium, jus naturale*, общечеловѣческое право, если можно такъ выразиться, право не того или другаго племени, не того или другаго города или области, а право всѣхъ и каждаго. Это не осталось безъ вліянія и на толкованіе и развитіе римскаго права. Его постановленія или обходились, или совершенно забывались. Уже въ концѣ республики законы XII таблицъ, до сихъ поръ обязательно заучивавшіеся въ школахъ, были замѣнены въ преподаваніи изученіемъ преторскихъ эдиктовъ. Съ установленіемъ имперіи дѣло пошло еще быстрѣе. Въ началѣ ея еще существовали двѣ партіи юристовъ. Одна старалась всѣми силами отстоять и сохранить древнее обычное право, другая стремилась его уничтожить. Но вскорѣ онѣ слились въ одну. Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всѣ высшія должности государства, императоръ сдѣлался и верховнымъ судьей. Первые императоры посвящали значительную часть своего времени суду. Но масса дѣлъ была такъ велика, что императоръ, какъ бы онъ дѣятеленъ ни былъ, очевидно, не могъ нести эту тяжесть на себѣ. Пришлось раздѣлить занятія. Префекту преторіи передано было судопроизводство провинцій, префекту города судопроизводство города. Изъ юристовъ, самостоятельности которыхъ онъ опасался, Августъ образовалъ особую комиссію или совѣтъ, которому поручилъ толкованіе законовъ. Императоръ скоро присвоилъ себѣ и право составлять и издавать ихъ. Последніе законы, изданные прежнимъ, законнымъ путемъ, были при Тиверіи. Съ тѣхъ поръ право составлять и издавать законы перенесено было въ сенатъ, т. е. перешло въ руки императора. Адрианъ поручилъ Сальвію Юліану составить проектъ общаго закона, утвержденнаго сенатомъ и императоромъ. Такъ явился *Edictum*

perpetuum. Маркъ-Аврелій издалъ провинціальный эдиктъ, общій для всѣхъ провинцій. Съ этихъ поръ открылась систематическая разработка римскаго права, основаннаго какъ на XII таблицахъ, такъ и на *jus gentium*, начала котораго признаны вѣчнымъ эдиктомъ Адріана. Блестящее время этой разработки было при Септиміи и Александрѣ Северахъ. Труды Гайя, Папиніана, Павла, Ульпіана, Модестина создали то великолѣпное зданіе, на фронтоны котораго были помѣщены слѣдующія опредѣленія права, рѣзко противорѣчившія узкой исключительности античныхъ законодательствъ: «*Justitia est constans et perpetua voluntas jus suum cuique tribuere; Iurisprudentia est divinarum atque humanarum rerum notitia, justi atque injusti scientia*» ¹⁾).

Такимъ образомъ, во всѣхъ сферахъ народной жизни время Римской имперіи было болѣе или менѣе полнымъ отрицаніемъ принциповъ античнаго міра. Какъ разрозненные, съ характеромъ исключительности, древнія государства слились въ громадную имперію, такъ боги всей древности сошлись въ римскомъ Пантеонѣ, за исключеніемъ лишь гонимаго христіанства, которое оставалось въ сторонѣ, храня въ себѣ задатки будущаго. Въ сферѣ литературной всѣ національныя вліянія отразились на римской литературѣ, ставшей литературою всего образованнаго міра. Въ сферѣ юридической рушилась исключительность древняго права и мѣсто его заняло широкое, философское разработываніе юридическихъ основъ, вліяніе котораго пережило тысячелѣтія, чувствуется и въ настоящее время, какъ будетъ чувствоваться, вѣроятно, и въ далекомъ будущемъ.

¹⁾ «Правосудіе есть твердое и постоянное желаніе воздать всякому должное. Наука права есть познаніе божескаго и человѣческаго, справедливаго и несправедливаго».

Подобно провинціаламъ, внесшимъ въ римское гражданство свои вѣрованія, особенности народнаго характера и литературныя приемы, вошли въ имперію и варвары и совершенно измѣнили ея характеръ. Правда, они входили въ имперію не вдругъ, не быстрымъ, неожиданнымъ натискомъ, но медленно, почти незамѣтно, постепенно. Ихъ присутствіе обнаруживалось не въ одно время повсюду. Но считать хотя бы и самое грозное вторженіе какихъ-либо племенъ или же сверженіе Ромула-Августула гранью, отдѣляющую римскій міръ отъ варварскаго, еще менѣе основательно, чѣмъ приписывать конституціи Каракаллы рѣшительный переворотъ въ отношеніяхъ римскихъ гражданъ къ провинціаламъ. Говоря объ отношеніяхъ варваровъ къ Риму, мы будемъ по необходимости прежде всего имѣть въ виду только часть Римской имперіи и только тѣхъ варваровъ, которые имѣли съ нею прямыя сношенія. Съ западную половину Римской имперіи сосѣдили прежде всего Германцы по Рейну и Дунаю; за ними, далѣе къ В., слѣдовали племена сарматскія и славянскія, и въ первое время только на заднемъ планѣ, далеко къ С. В., являются племена финно-монгольскія, игравшія такую страшную роль въ послѣднія времена имперіи. Тацитъ лишь нѣсколько словъ говоритъ о Финнахъ, тогда еще почти неизвѣстныхъ Риму. Но зато онъ оставилъ намъ превосходную, хотя, быть можетъ, не лишенную нѣкотораго увлеченія и даже задней мысли, характеристику племенъ германскихъ. По Рейну и къ С. В. отъ этой рѣки жили мелкія, едва осѣдлыя племена, къ которымъ по преимуществу относилось имя Германцевъ. На верхнемъ и среднемъ Дунаѣ болѣе сплошными массами группировались племена свевскія. Римъ еще до имперіи былъ въ столкновеніи съ тѣми и другими. Страшное нашествіе Кимбровъ и Тевтоновъ впервые познакомило Римлянъ съ этими врагами и надолго оставило по себѣ тяжелую память. Въ Галліи Цезарь долженъ былъ бороться

съ Германцами Аріовиста и, чтобы упрочить ее за собою, переходилъ за заѣтный рубежъ Рейна, въ глубь лѣсовъ самой Германіи. Со временъ имперіи Римъ находится въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Германцами, и погибель Вара съ его легионами была какъ бы первымъ грознымъ намекомъ на то будущее, которое ждало созданіе Августа. Римъ и германское варварство были два міра, діаметрально противоположные во всѣхъ отношеніяхъ. Не станемъ говорить о различіи въ образованіи, въ степени развитія. Это различіе легко бы сглаживалось. Отреклись же Галлы для римской цивилизаціи и отъ своихъ вѣрованій, и отъ своего языка, такъ мало оставившаго корней въ языкѣ ихъ потомковъ сравнительно съ заимствованнымъ ими языкомъ побѣдителей. Болѣе, чѣмъ сами потомки древнихъ Квириговъ, Галлы стояли за славу римскаго имени, были Римлянами болѣе, чѣмъ сами Римляне, и римская имперія существовала въ покоренной Галліи нѣсколько долѣе, чѣмъ въ самомъ Римѣ. Между Римлянами и Германцами различіе было не въ одномъ образованіи, а во всемъ строѣ понятій и жизни, въ самой сущности народнаго характера. Согласить Римъ и Германцевъ было невозможно, не смотря на тысячелѣтнія стремленія и усилія. И до сихъ поръ народы германскаго племени рѣзко отличаются отъ племенъ романскаго происхожденія, т. е. отъ племенъ, воспринявшихъ въ себя римское вліяніе.

При столкновеніи, при постоянномъ соприкосновеніи этихъ двухъ разнородныхъ міровъ, необходимо должно было почувствоваться ихъ дѣйствіе одного на другой, и на первое время перевѣсъ вліянія былъ, конечно, на сторонѣ Римлянъ. Для полудикаго Германца римскій міръ казался чѣмъ-то чудеснымъ, и мы не можемъ привести лучшаго примѣра того обаятельнаго дѣйствія, которое производило на варвара новое, впервые представлявшееся глазамъ зрѣлище, какъ рассказъ Веллея

Патеркула объ экспедиціи Тиверія къ Эльбѣ. Когда Тиверій приблизился къ этой рѣкѣ, старый Германецъ переправился черезъ нее въ своемъ челнокѣ и требовалъ, чтобы ему позволили видѣть римскаго полководца. Допущенный къ Тиверію, насмотрѣвшись на него и коснувшись его руки, онъ вскричалъ въ восторгѣ: «Я умру спокойно: сегодня я видѣлъ боговъ!» Вліяніе Рима на Германію шло различными путями. Уже при Августѣ римскіе легионы доходили до Эльбы. Римляне еще мало знали Германцевъ и мечтали легко покорить ихъ. Примѣръ Вара нѣсколько умѣрилъ эти мечты, но самая дѣятельность Вара въ Германіи служила полнѣйшимъ доказательствомъ этихъ обманчивыхъ надеждъ и расчетовъ. Римляне хотѣли упрочить за собою страну путемъ военныхъ постовъ и колонизаціи. Самыми обширными опытами римской колонизаціи были такъ называемые *agri decumates*, представлявшіе, по словамъ Тацита, какъ бы заливъ въ глубь варварства. Это были земли между верхнимъ Рейномъ и верхнимъ Дунаемъ, заселенныя преимущественно кельтскими колонистами, огражденныя непрерывною цѣпью укрѣпленій и защищенныя укрѣпленными римскими колоніями. Отсюда отдѣльныя укрѣпленія могли выступать впередъ, въ глубь Германіи. Извѣстны римскія поселенія на земляхъ Квадовъ. Менѣе значительны и менѣе безопасны были римскія поселенія на нижнемъ Рейнѣ, такъ называемый *limes transrhennanus*. Адріанъ построилъ для его защиты непрерывную стѣну изъ деревянныхъ брусевъ и камней. Этими укрѣпленіями римское правительство думало закрѣпить за собою Германію, и, дѣйствительно, на первый разъ дѣло казалось возможнымъ. Римляне не разъ давали германскимъ племенамъ ихъ конунговъ. Другимъ путемъ, которымъ проникало въ Германію римское вліяніе, была торговля. Не смотря на всевозможныя опасности, на грабежи и убійства, римскіе купцы заходили далеко въ глубь Германіи, быть

ч. II.

можетъ, дальше, чѣмъ когда-нибудь проникало римское оружіе. Въ пограничныхъ поселеніяхъ были открыты рынки для постоянной торговли съ сосѣдними племенами, и вскорѣ Сарматы и Германцы начали шить себѣ одежды изъ тканей, приготовленныхъ на фабрикахъ Италіи или Галліи. Третьимъ путемъ были союзы, заключаемые Римомъ съ отдѣльными племенами. Эти союзы были различны, смотря по условіямъ договора. Германскія племена относительно Рима становились или *socii*, или *hospites*, или *foederati*. Если приобрѣтенное званіе «народа—союзника» (*socius*) и друга Рима не налагало на него зависимости отъ римскаго правительства и было до нѣкоторой степени равноправнымъ отношеніемъ, то *hospites* и *foederati* становились къ Риму уже въ болѣе зависимое, подчиненное отношеніе, хотя и не совсѣмъ въ одинаковой мѣрѣ. Эти племена платили Риму извѣстную подать или естественными произведеніями страны (кожами, мѣхами и т. п.), или же воинами. Эти союзы сильно сблизжали Германцевъ съ Римлянами. Служба въ римскихъ войскахъ была удѣломъ не однихъ простыхъ воиновъ. Побѣдитель Вара, Германъ, долгое время былъ въ римской службѣ и получилъ званіе не только римскаго гражданина, но и всадника. Своему пребыванію въ Римѣ обязанъ знаменитый вождь Свевовъ, Марбодъ, своимъ успѣхомъ въ замыслѣ образовать крѣпкое государство изъ разъединенныхъ племенъ. Король Херусковъ послѣ Германа, Италусъ, или Италикусъ, даже выросъ въ Римѣ.

Въ первое время имперія Германцы, если и не могли пробиться въ ея предѣлы оружіемъ, то тѣмъ не менѣе проникали туда цѣлыми племенами. Это переселеніе началось еще до начала имперіи. Уже Цезарь нашелъ въ Галліи нѣсколько германскихъ племенъ и не рѣшился или не счелъ пужнымъ изгнать ихъ. Сверхъ того, онъ оставилъ въ Галліи три племени изъ ополченія Аріовиста: Вангіоновъ, Трибоковъ и Неметовъ.

Августъ поселялъ въ Галліи около Мозеля племя Торинговъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, тѣснимые врагами Убія, съ разрѣшенія римскаго правительства, перешли Рейнъ и поселились на его римскомъ берегу. Среди нихъ въ послѣдствіи основана была римская колонія, *Colonia Agrippina*—нынѣ Кельнъ. Тиверій переселилъ въ Галлію до 40,000 Сигамбровъ. Если послѣ Тиверія на довольно долгое время прекратились переселенія на римскую почву Германцевъ цѣлыми племенами, то это не значитъ, чтобы поселеніе варваровъ въ римскихъ провинціяхъ остановилось. Въ безпрестанныхъ войнахъ съ Германцами тысячи плѣнныхъ приводились въ римскія провинціи и поселялись тамъ или въ качествѣ рабовъ, или въ качествѣ подданныхъ (*dedititii*). Наконецъ, вспомогательныя когорты варваровъ, постоянно находившіяся въ римской службѣ, оставляли не малый осадокъ на римской почвѣ. Многія союзныя племена Германцевъ платили свою подать римскому государству не иначе, какъ солдатами. Таковы были Маттіаки, Батавы и Каннинефаты. Въ надписяхъ того времени мы встрѣчаемъ упоминаніе о когортахъ Узиіевъ, Каракатовъ, Фризоновъ, Сигамбровъ, Каттовъ и т. д. До конститутіи Каракаллы, сдѣлавшей всѣхъ свободныхъ подданныхъ имперіи римскими гражданами, поселившіеся въ римскихъ провинціяхъ варвары легко роднились съ туземцами, потому что браки имъ были запрещены только съ римскими гражданами. Этимъ объясняется отвѣтъ Убіевъ Тевкрамъ, убѣждавшимъ ихъ разрушить Кельнъ и перерѣзать Римлянъ, тамъ жившихъ: «Мы не можемъ этого сдѣлать; мы не можемъ убить нашихъ родителей, братьевъ и дѣтей». Этимъ объясняется и та легкость, съ которою Германцы сливались съ туземнымъ населеніемъ, внося въ него свои національные элементы.

Во второй половинѣ II вѣка между германскими варварами произошло необыкновенное движеніе, совершенно измѣнившее

какъ известное Римлянамъ положеніе этой страны, такъ и самыя отношенія варваровъ къ имперіи. Германскія племена массами передвигаются съ сѣвера на югъ, съ запада на востокъ. Одни племенные имена исчезаютъ безслѣдно; другія являются вновь; вмѣсто разъединенныхъ, разрозненныхъ племенъ, мы находимъ въ Германіи совершенно новые племенные союзы. Выселеніе Готовъ, Гепидовъ изъ Скандинавіи было сигналомъ и причиною этого движенія. Что заставило Готовъ оставить Скандинавію, мы не знаемъ. Римскіе источники совершенно молчатъ объ этомъ движеніи варваровъ, или же представляютъ отрывочныя и краткія, темныя и сбивчивыя извѣстія. Источниковъ собственно германскихъ мы не находимъ. Одни только фрагменты эпическихъ пѣсенъ и сказаній дошли до насъ, записанные уже въ позднѣйшую эпоху и потому искаженные позднѣйшими вставками, передѣлками, и притомъ далеко не полныя. Нѣкоторые писатели приписываютъ выселеніе Готовъ и ихъ союзниковъ изъ Скандинавіи единичному, внесенному туда выходцами съ дальняго Востока. Какія бы ни были, впрочемъ, причины выселенія Готовъ, оно привело въ движеніе всѣ племена Германіи. Переправившись на берега Балтійскаго моря, Готы раскинулись въ своемъ завоевательномъ движеніи до самаго Чернаго моря. Племена, встрѣчавшіяся имъ на пути, были ими покорены или вытѣснены. Обитатели германскаго сѣвера, Герулы, Руги, Вандалы, бросились къ югу, оттѣснили племена свевскія и сарматскія, которыя, въ свою очередь, всю свою тяжесть стѣснили Маркомановъ. Результаты готскаго движенія не ограничились даже областью Дуная. То же самое передвиженіе мы видимъ и въ области Рейна. Римскіе колонисты должны были спасаться. Германскія племена, начинавшія уже привыкать къ осѣлости подъ римскимъ вліяніемъ, снова начали свою бродячую жизнь. Границы Галліи были прорваны въ нѣкоторыхъ

пунктахъ. Но главнымъ образомъ слѣдствія готскаго движенія обнаружались на Дунаѣ въ Панноніи. Прямымъ слѣдствіемъ была тяжелая 18-лѣтняя война Римлянъ съ Маркоманами (162—180), въ которой нашелъ смерть лучшій изъ римскихъ императоровъ, Маркъ-Аврелій. Только послѣ окончанія этой войны остановилось на время это хаотическое броженіе. Новая Германія не была похожа на Германію Цезаря и Тацита. На нижнемъ Рейнѣ и далѣе до Эльбы, Майна и Океана, вмѣсто мелкихъ, разъединенныхъ племенъ, которымъ Римляне давали имя Германцевъ, явилась могущественная конфедерация Франковъ, которыхъ имя впервые встрѣчается въ 241 году въ припѣвѣ солдатской пѣсни галльскихъ легионовъ, отправлявшихся на востокъ для борьбы съ Персами. Къ С. отъ франкской конфедерации, на устьяхъ Эльбы, возникъ союзъ Саксовъ; къ югу, между Рейномъ и Дунаемъ, устроилась конфедерация Аллемановъ, въ предѣлахъ прежнихъ *agri decumates*. Подъ этимъ именемъ соединились остатки племенъ свевскихъ, усиленные сбродомъ всякихъ другихъ племенъ (*all-mann*). Въ Герцинскомъ лѣсу утвердились Бургунды, перешедшіе сюда съ верхняго Одера. Они слились съ римскими гарнизонами укрѣпленій внутренней Германіи и между всѣми германскими племенами отличались склонностью къ осѣлости, къ жизни сплошными поселеніями, бургами, откуда, по мнѣнію нѣкоторыхъ римскихъ писателей, происходитъ и ихъ имя. Около того же Герцинскаго лѣса, вмѣстѣ съ остатками Маркомановъ и Квадовъ, за Богемскими горами до устья Эльбы, скитались Лангобарды и Вандалы, дотолѣ почти неизвѣстные Римлянамъ. На нижнемъ Дунаѣ и по Черному морю утвердилось могучее племя Готовъ, находившихся въ постоянномъ союзѣ съ Гепидами и Герулами. Ихъ имя впервые встрѣчается у Римлянъ въ 215 году. Черезъ нѣсколько десятилетій (259 — 270) ихъ флоты грабятъ азіатскіе и

европейскіе берега Чернаго моря, захватываютъ и топятъ купеческіе корабли торговыхъ городовъ восточной части Римской имперіи, и въ одномъ изъ этихъ разбойничьихъ набѣговъ жгутъ знаменитый храмъ Діаны ефесской. Средоточіе ихъ было на Дибстрѣ, дѣлившемъ Готовъ на два главные племени. На С. В. отъ Дибстра, тѣсня славянскія, сарматскія и финскія племена, поселились Остготы. На Ю. З. жило племя Визиготовъ, которыхъ передовые отряды показывались въ Карпатахъ и которые тяготѣли надъ римскими провинціями по Дунаю, особенно надъ Дакіей.

Знакомство Римлянъ съ новою Германіей началось ожесточенною борьбою. Франки вторгнулись въ сѣверо-восточную Галлію, Аллеманы одинаково грозили и Италіи, гдѣ они достигали до Равенны, и южной Галліи. Тѣ же Аллеманы въ соединеніи съ Сарматами бросались безпрестанно въ Паннонію, гдѣ грабили также Вандалы. Готы опустошали берега Чернаго моря и сухопутными набѣгами заходили во Фракію и даже въ самую Грецію. Императоры Клавдій, Авреліанъ, Пробъ и др. всю жизнь провели въ упорной борьбѣ съ варварами. Императоръ Авреліанъ въ походахъ на Готовъ доходилъ до самаго Дибстра, одерживая надъ ними побѣды. Пробъ боролся съ Франками, Аллеманами, Вандалами, Бастарнами; возстановилъ 70 разрушенныхъ городовъ, выстроилъ стѣны и укрѣпленія на 600 миль протяженія; и однако, не смотря на это, Дакія была уступлена Готамъ Авреліаномъ и богъ Терминъ отступилъ до Дуная. *Agri decimates* давно уже были во власти варваровъ. Съ Діоклетіана и раздѣленія имперіи на 4 части напоръ варваровъ на области Рима возобновился съ новою силой. Граница Рейна была перейдена варварами. Франки огромными массами врывались въ Галлію и Констанцій разселилъ въ Галльской провинціи несмѣтное число ихъ плѣнниковъ. Точно также Аллеманы, Герулы и Маркоманы опустошали Паннонію. По

счастью, во главѣ имперіи были люди, стоявшіе въ уровень съ своимъ положеніемъ. Императоры и цезари были большею частью опытные полководцы, избранники легионовъ, проводившіе преимущественно свое время въ лагеряхъ. Многіе изъ нихъ не бывали въ Римѣ во все время своего управленія. Напоръ варваровъ былъ отраженъ повсюду; съ большею частью ихъ заключены были миръ и союзы. Аллеманы, на голову разбитые Констанціемъ, сдѣлались на время вѣрнѣйшими союзниками Рима и 50 лѣтъ не нарушали мира. Еще надежнѣе былъ союзъ съ Бургундами. Франки были упорнѣе и дольше всѣхъ вторгались въ Галлію. Но они встрѣтили себѣ достойнаго противника въ Константинѣ Великомъ. Онъ не только разбивалъ ихъ на римской почвѣ, но прогонялъ въ ихъ земли, страшно опустошая ихъ, избивая нещадно населеніе. Чтобы навести ужасъ на упорныхъ варваровъ, онъ не задумывался отдавать на съѣденіе дикимъ звѣрямъ въ галльскихъ амфитеатрахъ сотни знатнѣйшихъ франкскихъ плѣнниковъ. Въ трирскомъ амфитеатрѣ брошены были звѣрямъ двое королей франкскихъ, попавшихся въ руки побѣдителя. Франки смирились и 40 лѣтъ хранили миръ съ имперіей, поступая огромными толпами въ ея службу. Наконецъ Готы, послѣ безчисленныхъ набѣговъ моремъ и сухимъ путемъ, поняли, что если легко производить грабежи въ Римской имперіи, то не такъ легко бороться съ нею, и заключили миръ и союзъ съ Римлянами. По одному изъ условій этого мира, они обязались доставлять имперіи вспомогательный корпусъ въ 40,000 человекъ, которымъ римское правительство могло распоряжаться по своему произволу. Этотъ корпусъ упоминается даже въ VI вѣкѣ Иорнандомъ.

Взаимодѣйствіе римскаго и варварскаго міровъ въ теченіе этого періода было еще сильнѣе; но нельзя не замѣтить, что отношенія нѣсколько измѣнились. Римская колонизація за предѣлами имперіи была почти уничтожена и не возобновлялась;

самыя римскія границы отступили назадъ; Дакія уступлена варварамъ Авреліаномъ; *Agri decumates* заняты Аллеманами; *Limes transrhenanus* долѣе оставался въ рукахъ Римлянъ, но и туда варвары проникали почти сплошными массами. Союзы Рима съ варварскими племенами продолжались, но и тутъ отношенія нѣсколько измѣнились, притомъ не въ пользу Римлянъ. Варвары уже не чувствовали себя такими безсильными сравнительно съ Римомъ. Но если до нѣкоторой степени ослабло и уменьшилось вліяніе Римлянъ на варварство за предѣлами имперіи, зато варварство все болѣе и болѣе проникало въ самую глубь ея. Послѣ Диоклетіана возобновилось поселеніе варваровъ цѣлыми племенами внутри имперіи, оставленное было совершенно послѣ Тиверіа. Такъ при Галеріи цѣлое племя Карповъ поселено было на правомъ, римскомъ берегу Дуная; Константинъ поселилъ въ Панноніи сарматское племя Язиговъ. Въ 337 году рабы Сарматовъ и Визиготовъ возмутились и бросились къ границамъ Иліиріи, ища тамъ убѣжища. Константинъ принялъ ихъ въ числѣ болѣе 300,000 и расселилъ по Оракіи, Македоніи, Италіи. Тотъ же императоръ далъ убѣжище въ своей имперіи Вандаламъ-Силингамъ, тѣснимымъ Остготами. Въ Галліи племя салійскихъ Франковъ, преслѣдуемое Хауками, получило позволеніе отъ императора Юліана поселиться окончательно на земляхъ, захваченныхъ ими на римскомъ берегу Рейна. Такимъ образомъ, возобновленіе поселеній варваровъ цѣлыми племенами въ римскихъ провинціяхъ было, повидимому, только возвращеніемъ къ старому порядку вещей, къ временамъ Августа и Тиверіа. Но это возвращеніе было только видимое. Обстоятельства сильно измѣнились. При Августѣ и Тиверіи варвары, поселившіеся въ областяхъ имперіи, сливались съ туземнымъ населеніемъ, становились вполнѣ подданными Римской имперіи, теряли, такъ сказать, свою національность. Разительный примѣръ

этого мы видимъ въ Убіяхъ, поселенныхъ около Кельна. Конституція Каракаллы, признавая провинціаловъ гражданами, совершенно измѣнила положеніе дѣлъ. Браки между варварами и населеніемъ римскихъ провинцій сдѣлались невозможными по закону, и Валентиніанъ объявилъ смертную казнь за подобные браки. Законъ препятствовалъ сліянію варваровъ съ римскими подданными, законъ препятствовалъ обращать варваровъ въ Римлянъ, помогая первымъ сохранить свою національность. Положеніе варваровъ, поселившихся на земляхъ имперіи въ эту эпоху, было различно. Укажу на главные различія. Первое мѣсто занимали союзныя племена, поселившіеся въ предѣлахъ имперіи. Они сохраняли свой бытъ, свое внутреннее устройство; ихъ отношенія къ имперіи ограничивались однимъ признаніемъ ея верховной власти, признаніемъ своей зависимости. Въ другомъ положеніи были варварскіе военнопленные, поселенные на земляхъ имперіи, и добровольные переселенцы, переходившіе въ римскія провинціи не цѣлыми племенами, а отдѣльными семьями или лицами. Военнопленные, поселенные въ римскихъ провинціяхъ, были двухъ родовъ. Одни, взятые съ оружіемъ въ рукахъ и проданные въ рабство съ публичнаго торгу, ни чѣмъ не отличались отъ другихъ рабовъ имперіи. Другіе, сдавшіеся безъ боя, или объявленные пленными, составляли особенный классъ людей, подъ именемъ *dedititii*. *Dedititii* существовали и до конституціи Каракаллы. Но тогда они легко сливались съ провинціалами; теперь же они составили особый классъ, притомъ обреченный на вѣчно зависимое положеніе, лишенный надежды получить право римскаго гражданства, приравненный къ рабамъ, клеймленнымъ позорнымъ наказаніемъ и лишеннымъ права получить гражданство послѣ освобожденія на волю. *Dedititii* были рабами, но рабами не того или другаго лица, а имперіи. Правительство селило ихъ среди земледѣльческихъ и военныхъ своихъ колоній

которые должны были доставлять известное число рекрутов. Императору Пробу принадлежит первая мысль пополнить легионы этими варварскими рекрутами. Онъ сдѣлалъ это съ большою осторожностью, допустивъ не болѣе 600 человекъ въ отдѣльный корпусъ. Онъ говорилъ, что должно чувствовать помощь варваровъ, но не должно ея видѣть. Преемники Проба не держались этой осторожности, и скоро римскіе легионы до того наполнились варварами, что исчезло всякое различіе между римскими легионами и вспомогательными когортами. Были цѣлые легионы, составленные изъ варваровъ одного племени. Служба въ римскихъ войскахъ была выходомъ дедитиціевъ въ римское гражданство.

Третій родъ варварскихъ поселенцевъ на земляхъ имперіи составляли добровольные выходцы. Въ эту эпоху Германцы уже не имѣли того отвращенія къ осѣдлой, преимущественно къ городской жизни, которая такъ характеризовала ихъ во время Тацита, когда жизнь въ городахъ казалась имъ тюремнымъ заключеніемъ. Теперь римскія области влекли ихъ къ себѣ; они стремились «слѣдовать за римскимъ счастьемъ» (*felicitatem romanam sequi*), по ихъ выраженію. Не одни простые люди стремились въ земли имперіи. Туда являлись во множествѣ люди знатнаго происхожденія, даже царскаго рода, чтобы на мѣстѣ познакомиться съ тѣмъ, что они называли *romanitas*, чтобы выучиться латинскому языку и поискать счастья въ службѣ имперіи. Толпами варварскихъ поселенцевъ постоянно наполнялась имперія; ихъ мы видимъ повсюду. Имперія должна была легально опредѣлить мѣсто этимъ добровольнымъ поселенцамъ среди ея населенія. Въ западныхъ областяхъ имперіи и преимущественно, почти исключительно, въ Галліи образовался особенный классъ, известный подъ именемъ летовъ (*laeti*), земли которыхъ назывались *terrae laeticae*. Въ первый разъ это имя явилось при Діоклетіанѣ, и съ

тѣхъ поръ безпрестанно встрѣчается въ позднѣйшихъ памятникахъ. Должно признаться, нѣтъ вопроса болѣе спорнаго, болѣе темнаго, чѣмъ происхожденіе этого класса и этого имени. Большинство готово признать германское происхожденіе летовъ. Оно сближаетъ имя летовъ съ германскими лейдами. Приверженцы этого мнѣнія указываютъ на то обстоятельство, что леты являются только въ Галліи, провинціи сосѣдней съ Германцами и въ эту эпоху уже наполненной Германцами. Они указываютъ на *comites*, которыми, по свидѣтельству Тацита, окружали себя германскіе вожди, на лейдовъ V, VI и слѣдующихъ столѣтій. По ихъ мнѣнію, леты учрежденіе чисто германское, зарейнское, перешедшее отсюда на римскую почву съ своимъ характеромъ и именемъ. Совершенно противоположное мнѣніе высказывается другими изслѣдователями, между прочимъ Гауппомъ¹⁾. Гауппъ отрицаетъ германское происхожденіе летовъ. По его мнѣнію, слово *laetio*, вовсе не нѣмецкое, а происходитъ отъ греческаго *λεῖτος*, *λαῖτος*, и соответствуетъ латинскому *gentilis*. Въ известномъ административномъ памятникѣ послѣднихъ временъ имперіи, на который намъ часто придется ссылаться, въ *Notitia dignitatum*, названіе летовъ въ приложеніи къ варварамъ безпрестанно чередуется съ названіемъ *gentiles*. Предположеніе, что Германцы, поселясь на римскихъ земляхъ, принесли съ собою это учрежденіе, Гауппъ считаетъ крайне неосновательнымъ уже потому, что въ древнѣйшую эпоху, напр. во времена Тацита, у Германцевъ мы не находимъ ничего подобнаго. Въ послѣдствіи у нѣкоторыхъ племенъ, поселившихся въ римскихъ провинціяхъ, именно у Бургундовъ и Визиготовъ, мы не находимъ вовсе летовъ,—обстоятельство едвали возможное, еслибы

¹⁾ *Gaupp*: Die germanischen Ansiedlungen und Landtheilungen in den Provinzen des röm. Westreichs. Bresl. 1844.

учрежденіе летовъ было чисто германскаго происхожденія. Существованіе подобнаго класса людей у Саксовъ, жившихъ не въ земляхъ, принадлежавшихъ имперіи, а на германской почвѣ, именно класса лассовъ, вполне соответствующаго летамъ, Гаупшъ объясняетъ заимствованіемъ отъ ихъ сосѣдей, Франковъ. Оставляя, впрочемъ, въ сторонѣ второстепенный для насъ вопросъ о происхожденіи этого класса, скажемъ нѣсколько словъ о самомъ характерѣ этого учрежденія. Римское правительство, кажется, не мало благопріятствовало добровольнымъ поселеніямъ варваровъ въ своихъ провинціяхъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ населеніе замѣтно уменьшалось. Съ согласія императора переселявшимся варварамъ отводились извѣстныя земли; семейства ихъ селились деревнями, которыя составляли префектуру. Поселенцамъ давался скотъ и необходимыя инструменты. Въ каждой префектурѣ былъ непременно устроенъ лагерь для военныхъ упражненій и школы для обученія варваровъ латинскому языку. Леты, въ противоположность дедитиціямъ, могли получать право римскаго гражданства, и, дѣйствительно, мы видимъ, что изъ ихъ среды выходятъ не только многіе военные и гражданскіе чиновники Рима, но и лица, облакавшіяся императорскимъ пурпуромъ. Таковы были леты: Магненцій, убившій императора Константина и надѣвшій вѣнецъ въ Отэнѣ, и братъ его, Децентій; таковъ былъ Франкъ Сильванъ, также провозглашенный императоромъ. Леты обязаны были военною службой, и наборъ производился регулярно въ ихъ поселеніяхъ. Они образовывали въ римской арміи особенныя отряды, отмѣченные ихъ племенными именами. Источники V вѣка показываютъ намъ отряды франкскихъ летовъ въ Реннѣ, свевскихъ въ Монсѣ и Клермонѣ, батавскихъ въ Аррасѣ, Байѣ и Нойонѣ, тевтонскихъ въ Шартрѣ. Иногда названія летскихъ отрядовъ давались не по племенамъ, изъ которыхъ они состояли, а по мѣстности, гдѣ находились летскія

земли, откуда былъ набранъ отрядъ. Такъ, мы находимъ летовъ-адутиковъ, летовъ-нервовъ, летовъ-лингоновъ и т. д. что подъ этими мѣстными названіями скрывались германскіе варвары, это намъ хорошо извѣстно. Мы знаемъ положительно, что леты нервы были Франки, леты лингоны Аллеманы. Другіе отряды варваровъ, вѣроятно, ничѣмъ не разнившіеся отъ летскихъ, были извѣстны подъ именемъ gentiles. Отряды Сарматовъ съ этимъ именемъ были разбѣяны по всей имперіи, на востокъ точно также, какъ и на западъ. Въ Галліи мы находимъ сарматскіе отряды въ областяхъ городовъ Отэна, Лангра, Валенціи, Реймса, Парижа, Пуатье и т. д. Выѣстъ съ Сарматами въ Галліи мы находимъ и Тайстіаковъ, племя готскаго происхожденія. Существованіе этихъ отрядовъ несомнѣнно указываетъ на поселенія тѣхъ племенъ, къ которымъ они принадлежали, въ земляхъ Римской имперіи. Сказаннаго достаточно, чтобы показать, какое множество варваровъ наполняло римскія провинціи еще задолго до варварскихъ вторженій. И не только варвары занимали пустыя, малонаселенныя или безлюдныя мѣста имперіи: мы видимъ ихъ въ эту эпоху уже повсюду, во всѣхъ сферахъ не только военнаго, но и гражданскаго управленія. Съ Константина Великаго они въ множествѣ являются на мѣстахъ гражданскихъ, тогда какъ до сихъ поръ они особенно занимали военныя должности. Юліанъ сильно порицалъ Константина за это допущеніе варваровъ къ высшимъ должностямъ имперіи; но самъ же онъ далъ курульское кресло одному Готу. Трудно уже было противиться общему ходу дѣлъ и загородить варварамъ доступъ въ имперію.

Къ концу этого періода между варварствомъ и имперіей явилась новая связь, могущественно содѣйствовавшая ихъ сближенію. Съ Константина Великаго христіанство сдѣлалось господствующею религіею Римской имперіи. Въ то же время

оно начало проникать и къ варварамъ. Готы были первымъ германскимъ народомъ, принявшимъ христіанство. Орудіемъ для обращенія къ христіанству этого народа были плѣнные, которыхъ множество уводили Готы во время своихъ первыхъ опустошительныхъ набѣговъ. Христіанство особенно было распространено въ азіатскихъ провинціяхъ имперіи: на богатые города этой страны устремлены были разбойничьи набѣды Готовъ. Благодаря проповѣди христіанскихъ плѣнныхъ, впервые образовалась между Готами небольшая христіанская община. Первымъ извѣстнымъ намъ священникомъ между Готами былъ Евтихій, уроженецъ Каппадокіи, болѣе другихъ восточныхъ провинцій Римской имперіи опустошаемой Готами. Евтихій завязалъ сношенія зараждающейся церкви Готовъ съ своею родною Каппадокіей. Къ христіанской общинѣ Готовъ принадлежали также частію и Сарматы. Распространенію христіанства между Готами много содѣйствовало также и огромное число Готовъ, служившихъ въ римскихъ войскахъ. Число новообращенныхъ увеличивалось, явились епископы между Готами, и одного изъ нихъ, Теофила, мы видимъ въ числѣ отцовъ церкви засѣдающимъ на никейскомъ соборѣ.

Особенно распространилось христіанство при Ульфилѣ. Его родители были также плѣнники изъ Каппадокіи; но онъ самъ родился и выросъ между Готами, и готскій языкъ былъ для него столь же роднымъ, какъ и греческій. Молодымъ человекомъ онъ отправился въ Константинополь, въ числѣ членовъ готскаго посольства къ Константину Великому. Въ Константинополь, не смотря на его молодость, его посвятили въ готскіе епископы и, возвратившись, онъ дѣятельно принялся за проповѣдь. Лучшимъ средствомъ для успѣха онъ считалъ передачу Готамъ Св. писанія на ихъ языкѣ и избобрѣлъ для этого готскую азбуку. Большую часть буквъ онъ взялъ изъ греческаго алфавита. Недостающіе знаки для звуковъ,

не существующихъ у Грековъ, онъ заимствовалъ, повсей вѣроятности, изъ руническихъ начертаній. Онъ перевелъ на готскій языкъ все Св. писаніе, исключая Книги Царей, которую онъ боялся переводить, чтобы не возбуждать и безъ того воинственнаго характера Готовъ. Съ этихъ поръ проповѣдь Евангелія пошла еще успѣшнѣе между Готами и число обращенныхъ къ христіанству росло, не смотря на ожесточенное преслѣдованіе со стороны горячихъ приверженцевъ древнихъ вѣрованій. Самъ Ульфилъ пользовался громаднымъ вліяніемъ между Готами. Его прозвали «новымъ Моисеемъ». Въ Готіи онъ былъ какъ бы примасомъ національной церкви. Христіанская община имѣла своихъ епископовъ, священниковъ, діаконовъ, монаховъ. Церковь въ палаткѣ на колесахъ сопровождала Готовъ въ ихъ походахъ. Въ самыхъ городахъ и селеніяхъ церковь все еще помѣщалась въ палаткѣ. Христіанство отъ Готовъ перешло къ сосѣднимъ народамъ, и мы видимъ много христіанъ между Сарматами, Гепидами и Герулами.

Нашествіемъ Гуиновъ открывается третій періодъ въ исторіи отношеній варваровъ къ Римской имперіи. Въ 374 году орды Гуиновъ перешли Волгу, подъ предводительствомъ Баламира, и двинулись къ юго-западу. Мы не имѣемъ извѣстій о первоначальныхъ жилищахъ этого племени, о ихъ исторіи до столкновенія ихъ съ германскими народами. Готамъ, на которыхъ палъ ихъ первый ударъ, они казались чудовищами, порожденіемъ союза готскихъ волиебницъ съ нечистыми духами пустыни. Гипотеза ученаго Дегиня, старавшагося объяснить появленіе Гуиновъ въ Европѣ китайскими лѣтописями, которыя много говорятъ о народѣ *Hioung-nou* съ XII столѣтія до Р. Х. грабившемъ сѣверныя границы Китая и около 93 года нашей эры удалившемся по направленію къ сѣверо-западу, не выдерживаетъ строгой критики. Правда, созвучіе *Hunni* и *Hioung-nou* весьма соблазнительно; правда и то,

что китайскія лѣтописи съ 93 года до 402 какъ-бы совершенно теряютъ изъ виду племя Hioung-nou; но дѣло въ томъ, что черезъ 22 года послѣ 402 г. китайскія лѣтописи находятъ это племя на томъ же мѣстѣ, которое занимало оно прежде, и притомъ столь же могущественнымъ, что было бы невозможно, если бы главныя массы Гунновъ откочевали далеко на западъ. Намъ едва ли пужно доискиваться, къ какому именно племени принадлежали Гунны, и точно опредѣлять мѣсто ихъ первоначальнаго жилища. Исторія Востока часто представляетъ намъ примѣры совершенно схожіе съ нашествіемъ Гунновъ. Обширные союзы разнородныхъ племенъ сплавиваются въ одно громадное цѣлое подъ властію завоевательнаго генія, расходятся въ своемъ опустошительномъ нашествіи на необъятныя пространства и распадаются, когда исчезла рука, скрѣпившая ихъ въ одно цѣлое. Мы знаемъ, что сѣверъ Европы, отъ Скандинавіи до Урала и за него, занять былъ племенами финскими, которыя въ воображеніи Скандинавовъ, въ мионическихъ пѣсняхъ Эдды, являлись безобразными злыми карлами, искусными въ волшебствѣ, близкими съ подземнымъ міромъ точно также, какъ въ финскихъ пѣсняхъ Калевалы Скандинавъ является страшнымъ исполдомъ. Къ В. отъ Финновъ, далеко въ глубь Азіи, шло племя монгольское. Около Каспійскаго моря съ глубокой древности кочевали племена тюркскія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подъ именемъ Гунновъ нужно разумѣть союзъ всѣхъ этихъ племенъ. Мы знаемъ изъ свидѣтельствъ ближайшихъ къ тому времени историковъ, и между прочимъ изъ свидѣтельства историка, пользовавшагося эпическими пѣснями и преданіями Готовъ, что Гунны распадались на двѣ главныя отрасли: на Гунновъ черныхъ или смуглыхъ, принадлежавшихъ къ западной уральской отрасли, и Гунновъ бѣлыхъ, составлявшихъ восточную, прикаспійскую отрасль. Описанія наружности и

образа жизни Гунновъ, оставленные намъ людьми, знавшими ихъ близко, Амміаномъ Марцеллиномъ, Прискомъ, ясно указываютъ намъ, что главная масса этой орды состояла изъ племенъ финскихъ и монгольскихъ. Точно также портретъ Аттилы, принадлежащій челоуѣку, видѣвшему его часто и близко, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что господствующее племя или, по крайней мѣрѣ, родъ, составившій ядро громаднаго союза, принадлежалъ чисто къ монгольской расѣ. Въ нынѣшнихъ Калмыкахъ мы найдемъ тотъ же самый типъ, который поражалъ Римлянъ и Германцевъ своимъ чудовищнымъ безобразіемъ.

Сѣверо-западные берега Чернаго моря заняты были Готами. Ихъ власть признавали разноплеменные народы, отъ Дона на В. до Балтійскаго моря на З. Визиготы, жившіе къ З. отъ Дуэстра, заняты были главнымъ образомъ отношеніями къ Восточной римской имперіи; зато Остроготы, жившіе на В. отъ этой рѣки, обращали все вниманіе на закрѣпленіе за собою племенъ сарматскихъ и славянскихъ. Во главѣ Остроготовъ въ это время стоялъ десятилѣтній король Эрманарихъ, потомокъ Амаловъ—царскаго рода, когда-то владѣвшаго всѣми Готами, но теперь сохранившаго свою власть только надъ восточною отраслью этого племени. Въ народныхъ преданіяхъ своего племени онъ занималъ почти то же мѣсто, какъ Александръ Великій въ преданіяхъ эллинизма. Одно изъ племенъ, подчиненныхъ его власти, Роксолане, жившіе около Дона, вошли въ сношенія съ Гуннами. Ихъ переговоры были открыты, и вождь Роксоланъ бѣжалъ къ Гуннамъ. Эрманарихъ страшно отомстилъ его семьѣ. Жена вѣроломнаго вождя, захваченная имъ, была привязана къ 4 бѣшенымъ лошадямъ и разорвана на части. Братья погибшей хотѣли отомстить готскому королю; но имъ не удалось убить его. Раненый Эрманарихъ избѣгнулъ смерти. Но Роксолане призывали Гунновъ, которые, покоря Алановъ,

уже подошли къ восточному берегу Азовскаго моря. Гунны и Аланы ринулись на призывъ Роксоланъ. Разбитый два раза, Эрманарихъ не пережилъ своего стыда и закололся. Остроготы, разбитые еще разъ при преемникѣ Эрманариха, принуждены были покориться. Визиготы, прикрытые Днѣстромъ, думали-было остановить Гунновъ; но гуннская конница отыскала вдали бродъ черезъ эту рѣку, и король Визиготовъ едва не погибъ при нечаянномъ нападении. Визиготы отступили за Прутъ. Ужасъ, наведенный страшными Гуннами, былъ слишкомъ великъ, чтобы они могли оставаться долѣе за этимъ слабымъ прикрытіемъ. Визиготы въ это время повиновались тремъ королямъ. Одинъ изъ нихъ, Атанарихъ, былъ ожесточенный гонитель христіанъ; двое другихъ, Фридигернъ и Алавинъ, покровительствовали христіанамъ. Когда пошла рѣчь объ отысканіи надежнаго убѣжища отъ Гунновъ, голоса раздѣлились. Фридигернъ и Алавинъ хотѣли переселиться, съ позволенія императора, на римскій берегъ Дуная. Атанарихъ, воспитанный въ ненависти къ Риму, давшій клятву отцу, что его нога не коснется римской земли, требовалъ отступленія въ Карпатскія горы: одна неприступная горная равнина, *Caucaland* *), представляла, по его мнѣнію, надежную защиту отъ дикихъ варваровъ Азіи. За спорами послѣдовало раздѣленіе племени. Готы-христіане, а также и значительная часть Готовъ-

*) *Амміанъ Марцеллинъ* называетъ этотъ нѣсколько загадочный *Succalandensem locum altitudine silvarum inaccessum et montium*. *Шафарикъ* доказываетъ, что это — нынѣшнее Кекелло (въ Трансильваніи, по нѣмцѣи Kokel), мѣстность на берегу рѣки того же имени, притока Мароша. По мнѣнію *Гримма*, Каула есть древнее дакійское названіе этой мѣстности. *Шалльманнъ* (*Die Gesch. der Völkerwand. I, 108*) полагаетъ, что это слово означаетъ не только нынѣшнюю Трансильванію, но въ обширномъ смыслѣ и полосу земли на правомъ берегу Дуная, отъ рѣки Моравы до Чернаго моря (т. е. *Dacia ripensis* u. *Moesia II inferior*). А. Т.

язычниковъ пошли за Фридигерномъ и Алавиномъ къ Дунаю. Упорные язычники направились въ ущелья Карпатъ. На берегу Дуная, Готы требовали отъ римскихъ начальниковъ позволенія перейти на римскій берегъ. Для пропуска внутрь имперіи такого многочисленнаго племени, какъ Визиготы, требовалось согласіе императора: готскій епископъ, Ульфила, отправился въ Антиохію, гдѣ находился императоръ Валенсъ. Императорскій дворъ былъ въ нерѣшимости. Отказать Готамъ было также опасно, какъ и согласиться на ихъ требованіе. Отказать Готамъ значило предоставить ихъ на жертву Гуннамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличить силы послѣднихъ. У Валенса была еще особая причина согласиться на предложеніе Готовъ. Весь преданный богословскимъ спорамъ, горячій аріанистъ и преслѣдователь православія, онъ радовался случаю свратить православныхъ Готовъ въ аріанство. Первымъ условіемъ своего согласія онъ поставилъ поэтому принятіе Готами ученія Арія и только уже затѣмъ требовалъ выдачи оружія и многочисленныхъ заложниковъ. Готы были въ безвыходномъ положеніи. Ужасъ, наведенный на нихъ Гуннами, былъ слишкомъ великъ. Они согласились на все условія, и римская флотилія перевезла ихъ на правый берегъ Дуная. Этотъ переходъ Визиготовъ въ земли Римской имперіи имѣетъ огромное историческое значеніе. До сихъ поръ только мелкія варварскія племена селились внутри имперіи, среди многочисленнаго римскаго населенія. Теперь огромное племя, наводившее страхъ на имперію, почти въ полномъ своемъ составѣ перешло на ея почву. Число Готовъ, способныхъ носить оружіе, перешедшихъ на правый берегъ Дуная, доходило до 200,000 по счету римскихъ чиновниковъ. Слѣдствія обнаружились очень скоро. Возмутительная продажность и притѣсненія римскихъ чиновниковъ ожесточили Визиготовъ. Они открыли переходъ черезъ Дунай другимъ варварскимъ племенамъ, загнаннымъ

къ этому рубежу имперіи тѣмъ же страхомъ передъ азіатскими кочевниками, и съ оружіемъ въ рукахъ бросились внутрь имперіи. Фридигернъ отдалъ приказъ не осаждать укрѣпленныхъ городовъ, которые могли только задерживать незнакомыхъ съ военнымъ искусствомъ варваровъ; но зато, обходя ихъ, Готы были уже далеко внутри имперіи. Одна римская армія, осмѣлившаяся загородить имъ дорогу, была разбита при Марціанополѣ. Та же участь постигла и другую, еще сильнѣйшую, съ которой Валенсъ, очнувшійся, наконецъ, отъ своего бездѣйствія, спѣшилъ на защиту имперіи. 9 августа 378 года, въ страшной битвѣ при Адріанополѣ, римскія войска были разбиты на голову и самъ Валенсъ былъ сожженъ Готами въ хижинѣ, гдѣ раненый онъ искалъ спасенія. Фракія и Македонія были заняты Готами, далеко простиравшимися отсюда свои набѣги. Только черезъ годъ Θεодосію удалось остановить этотъ разливъ варваровъ. Онъ заключилъ съ ними миръ и союзъ, и во все продолженіе его правленія у него не было болѣе вѣрныхъ союзниковъ. Даже та часть Готовъ, которая не хотѣла идти въ римскія области и удалилась въ Карпаты, теперь просила позволенія присоединиться къ своимъ соотечественникамъ и поселилась въ Мёзии. Заклятой врагъ Рима и христіанства, Атанарихъ, прибылъ въ Константинополь и, пораженный невиданнымъ имъ зрѣлищемъ грекоримской цивилизации, завѣщалъ своимъ подданнымъ слѣдующее: «Императоръ, безъ всякаго сомнѣнія, есть богъ на землѣ, и кто подыметъ противъ него руку, тотъ своею кровью омоетъ это преступленіе». Правленіе Θεодосія Великаго особенно замѣчательно наплывомъ варваровъ во всѣ сферы государственнаго управленія. Множество замѣчательныхъ лицъ варварскаго происхожденія занимаютъ первыя мѣста въ государствѣ. Во главѣ всѣхъ стоитъ Вандакъ Стиликонъ, одинъ изъ геніальнѣйшихъ людей своего времени, другъ, зять, тестъ императоровъ,

главный начальникъ войска и правитель Западной римской имперіи. За нимъ слѣдуетъ Франкъ Рихомеръ, другъ Симмаха, два раза бывшій консуломъ. Всѣ главнѣйшія военныя должности заняты Франками, Готами, Свевами и другими варварами. Готы—Гайнасъ, Сарусъ, Фровита, Франки—два Меллобора и два Меробода, стояли во главѣ различныхъ частей управленія. Прежде провинціалы вытѣснили Римлянъ съ первыхъ мѣстъ литературной дѣятельности. Теперь сенатъ ставитъ на форумъ, подлѣ статуи Клавдіана, статую франкскаго вождя и поэта Меробода, поэмы котораго найдены и изданы Нибуромъ.

Въ своемъ преслѣдованіи Готовъ Гуины скоро достигли Дуная. Широкая рѣка надолго остановила ихъ, служа надежнымъ прикрытіемъ имперіи; но зато земли къ СЗ. отъ Дуная были безъ защиты предоставлены ихъ опустошительнымъ набѣгамъ. Царская орда Гунновъ утвердилась на самомъ Дунаѣ. Гунскія орды этого времени не составляли одного цѣлаго, и римская политика мастерски пользовалась этимъ разъединеніемъ. Каждое племя управлялось своимъ вождемъ, дѣйствовало совершенно самостоятельно. Вожди Гунновъ вступали въ союзы съ имперіей или просто въ ея службу. Когда одно племя дѣлало набѣгъ на области имперіи или на земли ея союзниковъ, другое сражалось подъ знаменами Рима. Вскорѣ мы видимъ многочисленныя ополченія Гунновъ внутри имперіи въ римской службѣ. Въ 405 г. царь Гунновъ, Ульдинъ, является вѣрнымъ слугою императора Гонорія противъ вторженія Германцевъ въ Италію. Онъ же посылаетъ императору Аркадію голову возмущившагося Гота Гайнаса, бывшаго начальникомъ военныхъ силъ Восточной имперіи. Но если на нѣкоторое время области имперіи были безопасны отъ Гунновъ и даже пользовались для своей защиты ихъ силами, то нашествіе азіатскихъ варваровъ все-таки страшными бѣдствіями отозвалось въ нихъ. Оставляя на время въ покоѣ имперію, даже служа

ей, Гунны широко распространяли на запад свое оружіе, между племенами германскими. Кочевья орды скоро явились уже на среднем Дунаѣ, и слѣдствіе этого движенія тяжело отозвалось въ Западной имперіи. Германскія племена долины среднего и верхняго Дуная пришли въ движеніе. Сюда устремились германскіе бѣглецы всѣхъ племенъ, искавшіе спасенія отъ азіатскихъ кочевниковъ, и вскорѣ двумя огромными массами двинулись въ области Западной имперіи. Бѣглецы всѣхъ племенъ, скученные на срединѣ Дуная, образовали громадное ополченіе, ринувшееся, подъ предводительствомъ Радагайса, въ Италію. Самое умѣренное исчисленіе даетъ 200,000 воиновъ. По другимъ извѣстіямъ ихъ было 400,000. Здѣсь были шайки всѣхъ племенъ: сарматскихъ, славянскихъ и германскихъ. Готы составляли одинъ изъ сильнѣйшихъ отрядовъ. Къ какому племени принадлежалъ самъ Радагайсъ, неизвѣстно. Вѣрно то, что онъ не былъ Германецъ. Болѣе вѣроятно, что онъ былъ предводитель какого-нибудь славянскаго племени или дружины. Норейскіе Альпы и долиной Адига эта масса разнородныхъ племенъ прорвалась въ Италію. Для защиты Рима Стиликонъ собралъ всѣ силы, какими могла располагать Западная имперія. Онъ вывелъ въ Италію легіоны, стоявшіе въ Галліи, собралъ всѣ вспомогательные отряды варваровъ, между которыми были Гунны и Готы, и его генію удалось спасти Римъ отъ нашествія, которому подобнаго не видала Имперія со временъ Кимбровъ и Тевтоновъ. Радагайсъ опустошалъ города Верхней Италіи, перешелъ По и уже осаждалъ Флоренцію, когда Стиликонъ искуснымъ маневромъ заставилъ его отступить на вершины Фьезоле, окружилъ и истребилъ почти все варварское ополченіе. Самому Радагайсу, захваченному въ плѣнъ, была отрублена голова. Италія была спасена на этотъ разъ; но вторженіе Радагайса только

открывало собою рядъ варварскихъ вторженій, отъ которыхъ имперія не могла избавиться съ подобнымъ успѣхомъ.

Одновременно съ нашествіемъ Радагайса и, быть можетъ, въ связи съ нимъ, сколько позволяютъ судить сбивчивыя, отрывочныя и противорѣчащія другъ другу извѣстія современниковъ, другой потокъ варваровъ прорвался въ Галлію. Если мы не имѣемъ точныхъ извѣстій о причинѣ и первоначальномъ ходѣ этого новаго вторженія, зато его успѣхи внутри Галліи извѣстны намъ по многимъ рассказамъ. Движеніе началось двумя племенами: Аланами, на которыхъ прежде всѣхъ въ Европѣ палъ ударъ Гунновъ и которые хотѣли уйти подальше отъ этихъ завоеваній, и Вандалами—германскимъ племенемъ, жившимъ первоначально на крайнемъ СВ. Германіи, на берегу Вислы и при Константинѣ Великомъ, съ его позволенія, поселившимся въ Панноніи, между Дунаемъ и Дравой. Оба народа прежде всего имѣли въ виду удалиться отъ Гунновъ и перейти въ области Западной имперіи. Гдѣ поселятся они, это было неизвѣстно имъ самимъ; ближайшею цѣлью была Галлія. Двумя путями двинулись варвары къ границамъ имперіи. Аланы, подъ предводительствомъ двухъ вождей, Гоара и Респендіала, направились къ верховьямъ Рейна; Вандалы къ среднему теченію этой рѣки, между впаденіемъ Майна и Липпе. Гепиды присоединились къ нимъ при первомъ движеніи и ихъ отряды шли, какъ за Аланами, такъ и за Вандалами. Къ послѣднимъ, кромѣ того, во время ихъ похода къ берегамъ Рейна примкнула почти вся масса свевскихъ племенъ, Маркоманы и Квады, жившіе въ нынѣшней Богеміи. Галлія была совершенно беззащитна передъ этимъ вторженіемъ. Послѣдніе легіоны были выведены изъ нея Стиликономъ для защиты Италіи отъ полчищъ Радагайса. Единственными защитниками имперіи съ этой стороны явились тѣ же варвары, именно конфедерціи Фраковъ, на нижнемъ и среднемъ Рейнѣ, и Аллемановъ,

на верхнемъ. Франки и Аллеманы были въ это время союзниками имперіи, и Стиликонъ пользовался надъ ними сильнымъ вліяніемъ. Одинъ изъ франкскихъ королей, Маркоміръ, возбудившій его подозрѣніе, былъ схваченъ имъ и умеръ плѣнникомъ въ Тосканѣ; другой, Сунно, желавшій отмстить за своего товарища и освободить Франковъ изъ-подъ вліянія и зависимости Рима, былъ убитъ самими Франками. На Аллемановъ и Франковъ палъ поэтому первый напоръ восточныхъ варваровъ, и онъ былъ выдержанъ ими съ успѣхомъ. Вандалы и Сवेвы, желавшіе пробиться въ Галлію черезъ франкскія поселенія, были разбиты на голову: 20,000, и въ томъ числѣ ихъ король, Годегизель, погибли въ битвѣ съ Франками. Не лучше было и положеніе Алановъ, шедшихъ черезъ земли Аллемановъ. Ихъ натискъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе и, кромѣ того, одинъ изъ ихъ вождей, именно Гоаръ, съ своимъ отрядомъ, перешелъ на сторону Аллемановъ. Остатокъ Алановъ потерялъ надежду пробиться черезъ поселенія Аллемановъ и повернулся къ С. для соединенія съ Вандалами и Свевами, которыми эта помощь была какъ нельзя болѣе кстати. Соединившись въ одно громадное ополченіе, Вандалы, Аланы и Свевы смяли Франковъ и перешли на римскій берегъ Рейна. Тамъ имъ нечего было ждать сопротивленія. Галлія была совершенно беззащитна. Прорвавшись за Рейнъ, они опустошительнымъ потокомъ разлились по всей Галліи, отъ океана и Рейна до самыхъ Пиренеевъ. Сколько можно предполагать, ихъ цѣлью было пробраться въ Испанію и тамъ окончательно поселиться. На первый разъ это не удалось имъ. Въ Испаніи также не было римскихъ войскъ для защиты; но родственники императора Гонорія, Дидимъ и Вериніанъ, вооружили пиренейскихъ горцевъ и остановили стремленіе варваровъ. Тѣмъ печальнѣе была участь Галліи. Отбитые отъ Пиренеевъ, Свевы, Аланы и Вандалы безпощадно опустошали ее во всѣхъ направленіяхъ.

Большая часть городовъ, Турне, Аррасъ, Амьенъ, Кале, Майнцъ, Вормсъ, были взяты и разрушены еще при первомъ ихъ движеніи. Теперь они рыскали въ Галліи до самой Бельгіи, но главнымъ образомъ въ ея южной части. За этими племенами, искавшими на земляхъ имперіи мѣстъ для окончательнаго поселенія, прорвались въ Галлію дружины другихъ зарейнскихъ германскихъ племенъ, искавшія въ Галліи только добычи, чтобы съ нею возвратиться снова въ свои жилища. Только одна часть Галліи на время уцѣлѣла отъ варварскихъ опустошеній. Это была область между Роной, Альпами и Средиземнымъ моремъ. Въ трехъ провинціяхъ этой части Галліи еще сохранилась власть Гонорія, еще оставались римскіе магистраты. Все остальное было во власти варваровъ. Отчаяніе овладѣло провинціями.

Въ центрѣ и на югѣ Галліи грабили шайки *багодовъ*, возставшихъ рабовъ и колоновъ. Сѣверозападные провинціи, оставленные безъ защиты Римомъ, выгнали отъ себя римскихъ чиновниковъ и объявили себя независимыми, устроивъ въ Арморикѣ собственное управленіе, можетъ быть древнее кельтское, на западной оконечности сохранивъ, по крайней мѣрѣ, римское муниципальное устройство. Явился и узурпаторъ. Отряды, оставленные въ Британіи, провозгласили одного за другимъ двухъ императоровъ и свергли обоихъ. Наконецъ, ихъ выборъ остановился на простомъ солдатѣ, носившемъ счастливое имя Константина. Переправившись въ Галлію, Константинъ присоединилъ къ себѣ разбѣянные въ разныхъ мѣстахъ римскіе отряды; но его главная сила была въ варварахъ, которыми была окружена и наполнена Галлія. Однимъ изъ главныхъ слѣдствій для западныхъ провинцій имперіи избранія Константина было то, что онъ открылъ дорогу въ Испанію Свевамъ, Аланамъ и Вандаламъ. Въ 409 г. они прорвались черезъ ущелья Пиренеевъ, уже не охраняемыя ихъ прежними

защитниками, казненными Константиномъ. Испанія до сихъ поръ не видала варварскихъ вторженій. Теперь она была опустошена отъ Пиренеевъ до Кадикса, особенно западная часть ея. Варвары опустошали ее, рыская повсюду, вплоть до 411 года. Только въ этомъ году, утомленные набѣгами, они подѣлили между собою области и утвердились окончательно, по крайней мѣрѣ большая часть изъ нихъ. Свевы заняли пространство между Дуρο и океаномъ на С. и З. (Галисія); къ нимъ присоединилась часть Вандаловъ. Вандалы поселились на Ю. полуострова въ бассейнѣ Гвадалквивира, въ области, получившей отъ нихъ свое имя (Вандалузія, вмѣсто прежняго имени Бетики). Средняя область, отъ Дуро до Сьерры-Морены, досталась Аланамъ, сверхъ того получившимъ провинцію на ЮВ. отъ верхней Гвадіаны, носившую тогда имя Картагены. Только восточная часть Испаніи, около четверти всего полуострова, еще оставалась за Римлянами.

Римское правительство оставило безъ защиты Галлію и Испанію; но вскорѣ послѣ нашествія Радагайса, отъ котораго только геній Стиликона спасъ Римъ, Италіи пришлось испытать новое, еще болѣе страшное вторженіе варваровъ. Мы оставили Готовъ въ областяхъ Восточной имперіи, усмирённыхъ Θεодосіемъ Великимъ, вѣрныхъ союзниковъ этого императора. Послѣ смерти Θεодосія, обстоятельства измѣнились. Ничтожный Аркадій, послушное орудіе въ рукахъ варварскихъ временщиковъ, не могъ продолжать дѣло своего великаго отца. Во главѣ Визиготовъ стоялъ тогда Аларихъ. Вскорѣ послѣ смерти Θεодосія, присоединивъ къ себѣ толпы Гунновъ, Сарматовъ и другихъ племенъ, онъ опустошилъ Паннонію, Мёзію и Θракію. Иллирія была покрыта его летучими отрядами, доходившими до самаго Константинополя. Правитель Западной имперіи, Стиликонъ, посѣщилъ на защиту Восточной. Предводительствуя войсками обѣихъ имперій, онъ стѣснилъ Визиготовъ

въ равнинахъ Θессаліи и готовился нанести имъ рѣшительный ударъ, когда измѣна Руфина, перваго министра Аркадія, отозвала войска Восточной имперіи. Стиликонъ возвратился въ Италію. Освобожденный отъ опаснаго врага, Аларихъ продолжалъ опустошеніе областей Восточной имперіи и перешелъ въ Грецію. Θермопилы, остановившіе Ксеркса, были теперь открыты Алариху. Войны сдались безъ сопротивленія, и варварскій вождь сумѣлъ сдержать своихъ варваровъ отъ грабежа. Онъ обѣдалъ въ Пританей съ знатѣйшими гражданами Аѣинъ, и только Элевзинскій храмъ, гдѣ еще праздновались языческія мистеріи, былъ разрушенъ до основанія по приказу Алариха, ревностнаго христіанина. Затѣмъ Готы перешли въ Пелопоннезъ, разграбили знатѣйшіе города полуострова и овладѣли всѣмъ имъ. Константинопольское правительство слишкомъ занято было придворными интригами, чтобы обращать вниманіе на опустошеніе своихъ областей. Вандалъ Стиликонъ еще разъ пытался спасти честь Рима. Съ войскомъ Западной имперіи онъ высадился въ Пелопоннезъ, едва не уничтожилъ все войско Готовъ въ Аркадіи и принудилъ ихъ удалиться въ Эпиръ. Но, и тутъ то же правительство Константинополя положило конецъ его успѣхамъ. Для внука Евтропія, управлявшаго Аркадіемъ, Стиликонъ былъ страшнѣе Готовъ. Восточный императоръ объявилъ въ сенатѣ врагомъ государства Стиликона, спасавшаго Восточную имперію, и знаменитый полководецъ еще разъ возвратился въ Италію, не окончивъ своего, съ такимъ успѣхомъ начатаго, подвига. Съ Аларихомъ константинопольское правительство заключило миръ, по которому готскій вождь сдѣлался римскимъ правителемъ Восточной имперіи, къ области которой принадлежала и Греція.

Въ Иллиріи, на рубежѣ двухъ имперій, Аларихъ былъ одинаково страшенъ имъ обѣимъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ

спокойнаго пребыванія въ Иллиріи, онъ рѣшился искать счастья въ Западной имперіи: мы видимъ его осаждающимъ безъ успѣха Аквилею. Въ 401 году онъ снова вторгнулся въ Верхнюю Италію. Его отряды опустошили Лигурію. Жители толпами оставляли Италію и переселялись на острова Сицилію, Сардинію и Корсику. Самъ императоръ думалъ покинуть Италію и удалиться въ Галлію. Геній Стиликона спасъ Италію. Въ ожесточенныхъ битвахъ при Полленціи и Веронѣ были почти уничтожены силы Алариха, и онъ, съ небольшими остатками своего ополченія, оставилъ Италію. Но ужасъ, наведенный опустошительными вторженіями Готовъ, такъ былъ великъ, что императорскій дворъ не рѣшался болѣе оставаться въ Миланѣ, со временъ Максиміана обычной резиденціи западныхъ императоровъ, а укрылся въ Равеннѣ, защищенной самою природою. Пока живъ былъ Стиликонъ, Италіи нечего было, впрочемъ, опасаться варварскихъ вторженій. Съ Аларихомъ, увидѣвшимъ на опытѣ громадное различіе между двумя имперіями, одною, управляемою евнухами и царедворцами, другою, гдѣ во главѣ управленія стоялъ знаменитый полководецъ и администраторъ своего времени, былъ заключенъ союзъ, по которому ему обѣщали имперію въ полномъ ея составѣ, какъ Западную, такъ и Восточную. Знаменитый Стиликонъ не долго пережилъ свои побѣды; придворныя интриги погубили его, и память благороднаго варвара была покрыта клеветой и проклятіями. Православное духовенство обвиняло его въ излишней терпимости относительно сектъ, въ тайной наклонности къ язычеству. Язычники призывали на его голову самыя страшныя муки ада: Стиликонъ сжегъ сивильскія книги, а его супруга дерзнула возложить на себя драгоценное ожерелье Весты.

Казнь Стиликона была сигналомъ новыхъ бѣдствій для имперіи. Варварскіе союзники требовали мщенія за смерть своего любимаго вождя, за вѣроломное убійство своихъ женъ и

дѣтей, оставшихся заложниками по городамъ Италіи. Они громко призывали Алариха. Неблагоразумное исключеніе изъ службы всѣхъ тѣхъ, кто расходился съ правительствомъ въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, лишило Гонорія послѣднихъ защитниковъ. Визиготы не замедлили своимъ появленіемъ. 30,000 варваровъ, бывшихъ въ римской службѣ, присоединились къ нимъ при первомъ вступленіи ихъ въ римскія владѣнія, и Аларихъ, останавливаясь на пути только затѣмъ, чтобы дать время своимъ войскамъ разграбить города, попадавшіеся на дорогѣ и сдававшіеся безъ сопротивленія, двинулся прямо къ Риму. Болѣе шести вѣковъ городъ Сципіоновъ и Цезарей не видалъ враговъ передъ своими стѣнами. Глубокою скорбію и негодованіемъ были поражены тѣ, у кого еще билось въ груди римское сердце, кто еще съ гордостью вспоминалъ о славныхъ временахъ Рима, когда повсюду разнеслась вѣсть, что Вѣчный городъ не оружіемъ, а золотомъ, серебромъ, шелковыми одеждами и драгоценными пряностями избавился отъ грозившей опасности. Для почитателей римскаго величія это было, впрочемъ, не послѣднѣе и не самое горькое униженіе. Послѣ нѣсколькихъ опустошительныхъ переходовъ взадъ и впередъ по Фламиніевой дорогѣ, отъ Рима къ Равеннѣ и обратно, послѣ провозглашенія въ стѣнахъ самого Рима новаго императора, по волѣ и выбору Алариха, послѣ скорого сверженія Аттала *) тою же рукою, которая возвела его на тронъ цезарей, король Готовъ рѣшился на крайнюю мѣру. Въ знаменитую ночь на 24 августа 410 г. рабы отворили Готамъ

*) *Атталъ*, признанный римскимъ сенатомъ въ санъ императора, по повелѣнію Алариха, въ 409 году, и сверженный съ престола своимъ покровителемъ въ 410-мъ, появился потомъ въ Галліи. У него нашелся покровитель и здѣсь. Вестготъ Атаульфъ вновь провозгласилъ его императоромъ Рима. Но Гонорію удалось, при одномъ мятежѣ въ Галліи, побѣдить его. Затѣмъ послѣдовало отсѣченіе руки у Аттала и ссылка его на о. Липари. А. Т.

Саларійскія ворота и 6 дней варвары безпрепятственно грабили столицу римскаго міра. Ударъ былъ жестокий. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда стихло первое впечатлѣніе и мысль успѣла уже привыкнуть къ страшному событію, знаменитый отшельникъ Виолеема, блаженный Иеронимъ, писалъ въ своемъ предисловіи къ толкованію на пророка Іезекіиля: «Когда погасъ самый блестящій свѣтъ, когда отсѣчена была глава Римской имперіи и, скажу вѣрнѣе, цѣлый міръ погибъ въ одномъ городѣ, онѣмѣлъ языкъ мой и былъ я глубоко униженъ». Повсюду, отъ Африки до Палестины, бѣглецы изъ лучшихъ фамилій разнесли вѣсть о взятіи Рима, испрашивая подаянія. Сирійскіе барышники покупали у правителя Африки римскихъ красавицъ, дочерей сенаторовъ и патриціевъ, брошенныхъ судьбой въ нечистыя руки спекулянтовъ. Міръ варваровъ былъ потрясенъ не менѣе римскаго страшною катастрофой. Аларихъ спѣшилъ удалиться изъ Рима, какъ бы устрешенный собственнымъ дѣломъ. Между германскими племенами долго жило убѣжденіе, что смерть готскаго вождя, вскорѣ послѣдовавшая за взятіемъ Рима, была наказаніемъ за его святотатственный поступокъ. Даже дикіе Гунны, и тѣ не ушли отъ общаго впечатлѣнія. Сорокъ лѣтъ послѣ этого событія, гунскіе совѣтники отговорили Аттіду отъ его намѣренія идти къ Риму: они боялись, чтобы ихъ предводителя не постигла судьба Алариха.

Каково бы ни было впечатлѣніе, произведенное на варваровъ грабежемъ Рима, Италію было отъ того не легче. По Аппіевой дорогѣ, съ огнемъ и мечемъ, прошли Готы до крайней оконечности Италіи. Тѣмъ же путемъ Атаульфъ, преемникъ Алариха, провелъ свои войска въ Верхнюю Италію. «Какъ саранча, говоритъ готскій историкъ, вглядъ уничтожили Готы Атаульфа все, что уцѣлѣло-было сначала». Счастливая Кампанія, Луканія и Бруцїумъ были покрыты развалинами. Очередь была за плодородными равнинами нынѣшней

Ломбардіи и Тосканы: четыре или пять лѣтъ послѣ пребыванія тамъ Готовъ, страна была почти недоступна для путешественниковъ. «Съ тѣхъ поръ, говоритъ современный путешественникъ (Галлъ Рутилій Нуманціанъ), какъ Тоскану и дорогу Аврелія опустошила огнемъ и желѣзомъ рука Готовъ, съ тѣхъ поръ, какъ жилища не останавливаютъ распространенія лѣсовъ и мосты не сдерживаютъ рѣкъ, безопаснѣе ввѣриться невѣрному морю». Визиготы на нѣкоторое время остановились въ Тосканѣ, ведя переговоры съ Гоноріемъ и, какъ кажется, заключили съ нимъ перемиріе. Вскорѣ они всею массою двинулись въ Галлію, опустошивъ окончательно занимаемая ими области.

Трудно представить себѣ безотрадное положеніе Галліи. Удаленіе Свевовъ, Вандаловъ и Алановъ въ Испанію мало облегчило судьбу несчастной провинціи. Если одни варвары удалились за Пиренеи, то толпы другихъ и цѣлыя племена вторгнулись въ нее изъ-за Рейна. Въ Гельвеціи и между Рейномъ и Вогезами утвердились Бургунды, въ I Германіи Аллеманы. Франки, давно уже бывшіе почти полными господами II Германіи и I Бельгіи, т. е. пространства между нижними частями Рейна и Мааса, въ 413 году во второй разъ взяли и выжгли Триръ, заняли Кельнъ и другіе города. Съ СЗ. Саксы овладѣли нѣсколькими городами II Лионской провинціи, грабили берега Луары и устраивали разбойничьи притоны на островахъ около Анжера. Два узурпатора вели между собою ожесточенную борьбу за обладаніе раззоренною провинціей. Съ одной стороны, извѣстный уже намъ Константинъ, съ другой—возмущившійся противъ него его полководецъ Геронцій, облечшій императорскимъ пурпуромъ Максима, одного изъ своихъ второстепенныхъ чиновниковъ. Когда Гонорій, пользуясь перемиріемъ съ Готами, послалъ въ Галлію войско противъ узурпаторовъ, въ Майнцѣ облечся пурпуромъ Ювинъ, объявившій

цезаремъ брата своего, Себастіана. Каждый изъ претендентовъ велъ за собою ополченіе варваровъ. Фрапкскія дружины Едовига и Небіогаста да Аллеманы помогали Константину; Геронцій опирался на варваровъ, опустошавшихъ Галлію съ 406 года и перешедшихъ потомъ въ Испанію, на варварскихъ Гоноріанцевъ и т. п. За Ювина, кромѣ отрядовъ Франковъ и Аллемановъ, стояла вся масса Бургундовъ Гундикара и Алановъ Гоара. Кромѣ того, ища себѣ болѣе надежной помощи, онъ пригласилъ Атаульфа перейти съ своими Визиготами въ Галлію, обѣщая мѣста для поселенія. Двое гальскихъ узурпаторовъ сошли со сцены, когда Атаульфъ явился въ Галлію. Констанцій, полководецъ Гонорія, принудилъ въ Арлѣ сдать Константина, которому, несмотря на условія сдачи, отрубили голову по приказу Гонорія. Геронцій удалился въ Испанію и тамъ погибъ во время солдатскаго возстанія, а его императоръ, Максимъ, бѣжалъ къ варварамъ, и мы не знаемъ ничего объ его дальнейшей участи. Оставался Ювицъ, къ которому шелъ изъ Италіи Атаульфъ. Мы не знаемъ численности Готовъ. Множество ихъ погибло въ безпрестанныхъ стычкахъ и отъ непривычнаго климата Италіи; но не надобно забывать, что при самомъ вступленіи ихъ въ Италію къ нимъ присоединилось 30,000 варваровъ, служившихъ въ войскахъ императора, и что послѣ взятія Рима въ ихъ же ряды поступило 40,000 рабовъ, также большею частию варварскаго происхожденія. Принимая въ расчетъ всѣ потери, понесенныя Готами во время ихъ пребыванія въ Италіи, мы не можемъ допустить, чтобы менѣе 60 или 80 тысячъ человекъ, способныхъ носить оружіе, перешло въ Галлію подъ знаменами Атаульфа: а это дастъ около 200,000 всей массы готскаго вторженія, считая женщинъ, стариковъ и дѣтей. Союзъ Атаульфа съ Ювиномъ былъ крайне непродолжителенъ: готскій король выдалъ римскому полководцу Ювина и его брата. Нѣтъ никакого

сомнѣнія, что главною причиною этого постояннаго тяготѣнія Атаульфа къ равенскому двору была прекрасная сестра Гонорія, Платидія, захваченная Аларихомъ при взятіи Рима. Атаульфъ чувствовалъ къ ней страсть, которую мы готовы назвать рыцарскою: такъ она чужда страстямъ древняго міра. По договору съ Гоноріемъ, Атаульфъ обязался выдать Платидію, и это условіе было, вѣроятно, главною причиною непродолжительности мира. Атаульфъ скоро нарушилъ его, пробовалъ овладѣть Марселемъ и послѣ неудачи перешелъ Рону и овладѣлъ вновь пространствомъ между Гаронною, Океаномъ и Пиренеями, т. е. провинціей Новемпопуляною и южными частями обѣихъ Аквитаній. Въ Нарбоннѣ онъ снова провозгласилъ императоромъ свою креатуру, Аттала, и тамъ же торжественно отпраздновалъ свою свадьбу съ Платидіей (412 г.). Правда, въ открывшейся войнѣ съ Гоноріемъ Атаульфъ потерпѣлъ неудачу и принужденъ былъ очистить Галлію, но римское правительство уступило ему Испанію, гдѣ, занявъ области еще оставшіяся вѣрными Риму, онъ взялъ на себя войну съ Свевами, Аланами и Вандалами. Атаульфъ погибъ, убитый измѣннически, въ 415 г.; но Готы уже прочно утвердились въ имперіи.

Атаульфъ представляетъ любопытный примѣръ полудикаго варвара, вторгнувшагося въ области имперіи съ самыми враждебными намѣреніями и противъ воли подчинившагося чарующему вліянію римской цивилизаціи. У Орозія мы находимъ въ высшей степени интересный рассказъ нарбонскаго Римлянина, близкаго къ Атаульфу, рассказъ, который проливаетъ яркій свѣтъ на отношенія къ Риму варварскихъ конунговъ. «Въ началѣ, говоритъ Орозій, ожесточенный врагъ имперіи и римскаго племени, Атаульфъ ничего не желалъ такъ страстно, какъ уничтоженія той и другаго и возвышенія на ихъ развалинахъ господства и славы Готовъ, такъ, что бы все, что

было нѣкогда римскимъ міромъ, стало теперь готскимъ. Но убѣдясь многочисленными опытами, что Готы еще слишкомъ варвары, чтобы повиноваться законамъ, и зная, что безъ законовъ нѣтъ государства, онъ ограничился меньшею славою, именно славою употребить силы Готовъ на возстановленіе могущества и славы Римлянъ; рѣшился сдѣлаться возстановителемъ *древней* имперіи, не имѣя возможности быть основателемъ *новой*. Поэтому онъ воздерживался отъ войны и упорно желалъ мира, поддерживаемый въ этомъ совѣтами и убѣжденіями своей жены, Плацидіи, женщины великаго ума и великой добродѣтели». При второмъ преемникѣ Атаульфа, Валліи, готское государство окончательно утвердилось въ областяхъ имперіи и признано было римскимъ правительствомъ, которое, сверхъ того, уступило Визиготамъ часть южной Галліи, именно Аквитанію и съ сосѣдними городами. Еще прежде, во время войны съ Атаульфомъ, признано было Римлянами право Бургундовъ владѣть захваченными ими областями.

Вскорѣ Римъ долженъ былъ признать еще одно варварское государство, основавшееся въ его областяхъ. Мы видѣли, что главная масса Вандаловъ утвердилась на югѣ Испаніи, въ Андалузій. Другая часть ихъ, вмѣстѣ съ Севрами, поселилась на СЗ. Имя Вандаловъ оставило по себѣ постыдную память въ исторіи. Современные лѣтописцы называютъ это племя самымъ малодушнымъ изъ всѣхъ германскихъ племенъ. Упреки въ постыдной трусости также надаютъ на Вандаловъ, какъ и упреки въ безчеловѣчной жестокости и презрѣніи къ образованію. Не будемъ, впрочемъ, придавать особой силы этимъ упрекамъ. Вспомнимъ прежде всего, что они плутъ отъ готскихъ и христіанскихъ православныхъ писателей. Для тѣхъ и другихъ было ненавистно имя Вандаловъ. Готы были ожесточенными противниками Вандаловъ. Для православія Вандалы-аріане были неумолимыми врагами. Разсматривая внимательно

всѣ показанія о Вандалахъ въ провинціяхъ Римской имперіи, мы едва ли найдемъ большую разницу между дѣйствіями ихъ и другихъ германскихъ племенъ, и только, быть можетъ, преслѣдованіе православія составляетъ ихъ отличительную особенность; но и тутъ Готы и Севы немногимъ уступали имъ въ ожесточеніи. Притомъ преслѣдованіе православныхъ Вандалами въ Испаніи и особенно въ Африкѣ имѣло и политическую цѣль, хотя, разумѣется, нельзя отрицать въ немъ и религіознаго фанатизма. Свидѣтельство Сальвіана Марсельскаго, противопологающаго чистоту варваровъ разврату и безнравственности Римлянъ и ставящаго на одномъ изъ первыхъ мѣстъ въ этомъ отношеніи Вандаловъ, заставляетъ невольно заподозрить отзывы другихъ, враждебныхъ Вандаламъ, писателей въ преувеличеніи и пристрастіи. Въ маѣ 429 г. Вандалы переправились черезъ Гибралтарскій проливъ въ римскую Африку, по приглашенію правителя этой области, Бонифація. Мы не можемъ объяснить этого перехода однимъ страхомъ передъ Готами, какъ объясняетъ Юриандъ. Ударъ Готовъ палъ не на Вандаловъ, занимавшихъ южную Испанію, а на Сегоновъ и Алановъ, къ которымъ присоединялись только Вандалы-Силинги. Притомъ Готы при Валліи почти оставили Испанію, переселившись, по договору съ Римомъ, опять въ южную Галлію. Римское оружіе также не могло заставить Вандаловъ оставить Испанію. Правда, въ 422 г. равенскій дворъ отправилъ въ Испанію многочисленную армію противъ Вандаловъ, подъ начальствомъ Кастина; но это войско потерпѣло страшное пораженіе, въ которомъ пало до 20,000 римскихъ воиновъ. Причина, по которой Вандалы успѣли воспользоваться приглашеніемъ Бонифація, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что Африка, по своему отдѣльному положенію, представляла имъ много выгодъ для окончательнаго поселенія. Еще до перехода въ Африку Вандалы уже начали заниматься мореплаваніемъ,

дѣлая разбойничьи набѣги. Можетъ быть, не безъ вліянія было и положеніе новаго короля Вандаловъ, Гензериха. Онъ былъ побочнымъ сыномъ своего отца. Королевское достоинство принадлежало Гундерику, законному наслѣднику, и Гензериха не безъ основанія обвиняли въ убійствѣ Гундерика, послѣдовавшемъ передъ самымъ отправленіемъ въ Африку. Положительно достоверно, что жена и 10 дѣтей убитаго короля были умерщвлены по приказу Гензериха. Число Вандаловъ, переправившихся въ Африку, неизвѣстно съ точностью. *Викторъ изъ Виты* *), одинъ изъ главныхъ источниковъ для исторіи Вандаловъ, полагаетъ 80,000 мужицъ. Извѣстіе Прокопія заставляетъ значительно уменьшить это число. Къ Вандаламъ присоединились Аланы; сверхъ того, есть указаніе, что къ нимъ же перешли Готы, бывшіе въ римскихъ войскахъ, посланныхъ въ Испанію съ Кастиномъ.

Во время вторженія Готовъ въ Италію, тысячи богатыхъ семействъ переселились въ Африку, ища тамъ спокойствія и привольной, роскошной жизни. Сальвіанъ Марсельскій оставилъ намъ характеристику равнодушія и безпечности городского населенія, въ виду не только бѣдствій, поражающихъ другія области имперіи, но въ виду варваровъ, грабившихъ самыя окрестности. «Подъ стѣнами Цирты и Кароагеца, говоритъ онъ, звучитъ оружіе варваровъ; народъ безумствуетъ въ циркѣ, развратничаетъ въ театрахъ. Однихъ рѣжутъ на стѣнахъ,

*) *Victor Vitensis* былъ епископомъ въ Витѣ (въ Африкѣ). Преслѣдуемый въ 484 г. Вандалами, онъ, вмѣстѣ съ другими католическими іерархами, принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ изъ своего отечества. Онъ переселился въ Константинополь, гдѣ и умеръ. Его сочиненіе, *Historia persecutionis Vandalicae sub Genserico et Hunnerico*, впервые было издано въ Кельнѣ, въ 1537 г. Въ этомъ-то сочиненіи Одоакръ въ первый разъ былъ названъ италіанскимъ королемъ (*Italiae rex*), что послужило поводомъ къ спору между многими нѣмецкими и италіанскими учеными, къ сожалѣнію не лишенному современнаго политическаго отбѣнка. А. Т.

другіе распутствуютъ внутри города. Въ городѣ и за стѣнами сливаются въ одинъ гулъ крики битвы и рукошлесканія театра, стоны умирающихъ и крики бѣснующихся. Почти не различишь, слышенъ-ли то послѣдній вопль воиновъ, гибнущихъ въ злой сѣтѣ, или это реветъ толпа въ циркѣ». Африка была однимъ изъ послѣднихъ пріютовъ древней, языческой и полуязыческой образованности; но относительно христіанской литературы африканская церковь занимала едва ли не первое мѣсто между другими областями имперіи. Африканскіе учителя славились во всемъ христіанскомъ мірѣ: довольно вспомнить Тертуліана, св. Кипріяна, особенно бл. Августина, свидѣтеля нашествія Вандаловъ. На соборахъ въ Кароагенѣ собиралось до 400 однихъ епископовъ. Признавая верховное значеніе римскаго епископа, африканскіе епископы ревниво охраняли свою церковь отъ вмѣшательства римскихъ папъ во внутреннее управленіе ихъ паствой. «Никто, такъ опредѣлялъ соборъ Кароагенскій, не можетъ апеллировать за море». Но при этой блестящей виѣшности было много причинъ безсилія и неурядицы въ римской Африкѣ. Туземныя племена, пользуясь безспіемъ центральной власти, получили самостоятельность и, напр., Мавры сдѣлались самыми надежными союзниками Вандаловъ. Какимъ бы блескомъ ни окружена была христіанская церковь Африки въ глазахъ христіанскаго міра, ея положеніе было далеко не такъ обезпечено и спокойно внутри, какъ казалось съ перваго раза. Не смотря на императорскіе эдикты и ученіе знаменитѣйшихъ учителей африканской церкви, самое язычество не исчезло еще въ Африкѣ, и храмъ кароагенской Целесты, въ которой подъ римскимъ именемъ легко отличить финикійскую Астарту, едва ли не привлекалъ къ себѣ больше поклонниковъ, чѣмъ христіанскія церкви. Внутри самой христіанской церкви мы видимъ смуты и раздоры, которые въ Африкѣ велись едва ли не съ большимъ

ожесточеніемъ, чѣмъ въ другихъ областяхъ имперіи. Рядомъ съ православіемъ, господствующею религіею имперіи, мы видимъ многочисленныя секты донатистовъ, манихеевъ и арианъ, противъ которыхъ была почти безсильна православная церковь.

Гензерихъ мастерски умѣлъ воспользоваться этимъ положеніемъ провинціи. Римское правительство не могло вытѣснить варваровъ изъ Африки. Приглашенные Бонифаціемъ, Вандалы прочно утвердились въ трехъ Мавританіяхъ. Когда открыли обманъ, жертвою котораго былъ Бонифацій, онъ не могъ уже вытѣснить варваровъ и, отправляясь въ Италію противъ Аэція, долженъ былъ заключить съ ними мирное соглашеніе. Въ 435 г. заключенъ былъ миръ между Римомъ и Гензерихомъ: Римъ призналъ варварское государство въ Африкѣ и формально уступилъ варварамъ захваченныя ими области. Этотъ миръ ненадолго сдержалъ варваровъ, которые уже черезъ четыре года взяли самый Кароагенъ. Но онъ важенъ для насъ, какъ официальное признаніе государства Вандаловъ Римлянами, потому что прежде Римъ не признавалъ ихъ завоеваній, хотя они спокойно владѣли всею южною Испаніей. По римскимъ законамъ, незаконный похититель земельной собственности становился законнымъ ея владѣльцемъ, если въ теченіе 30 лѣтъ владѣлъ ею. Гонорій обнародовалъ эдиктъ, по которому одни Вандалы не могли пользоваться выгодами этого закона. Миръ 435 г., заключенный въ Гиппонѣ, отмѣнилъ это распоряженіе. Со взятія Кароагена начинается господство Вандаловъ надъ Средиземнымъ моремъ. Кароагенъ далъ Гензериху огромный флотъ, и вандалскіе пираты грабили все береговыя области, какъ Западной, такъ и Восточной имперіи. Съ этого же времени начинается и ожесточенное преслѣдованіе Вандалами римской аристократіи и православнаго духовенства, въ которыхъ Гензерихъ не безъ основанія видѣлъ самыхъ непримиримыхъ своихъ противниковъ. Африканскіе сенаторы и чиновники

были обращены въ рабовъ или принуждены были выселиться изъ Африки, оставивъ все свое имущество. Толпы знатныхъ, доведенныхъ до нищеты, скитались въ Италіи и Греціи. Еще страшнѣе было преслѣдованіе, воздвигнутое Гензерихомъ противъ православія. Православные епископы были ссылаемы въ Сардинію и Корсику. Болѣе мужественные гибли въ мученіяхъ. Архіепископская каедръ Кароагена, равно какъ и большая часть епископскихъ каедръ, оставались не замѣщенными. Арианское духовенство владѣло православными церквами и безпощадно преслѣдовало православныхъ. Гензерихъ отдалъ Вандаламъ земли въ проконсульской провинціи, обративъ въ рабовъ или изгнавъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ. Себѣ сохранилъ онъ владѣніе землями въ другихъ провинціяхъ римской Африки. Здѣсь необходимо указать на то вліяніе, которое имѣло на Вандаловъ переселеніе ихъ въ Африку, въ климатъ и среду, совершенно имъ чуждыя. У Аполлинарія Сидонія мы находимъ въ вышей степени любопытное описаніе наружности Вандаловъ, по которому трудно уже признать въ нихъ сыновъ Германіи. Этимъ частію объясняется и то, почему Вандалское государство, бывшее при Гензерихѣ грозою для Восточной и Западной имперіи, такъ быстро пало послѣ его смерти и сдѣлалось легкою добычею Юстиніана. Подъ знойнымъ небомъ Африки Вандалы утратили свою прежнюю энергію. Ихъ лица отъ невоздержности и пресыщенія потеряли мужественную свѣжесть; болѣзненная полнота овладѣла ими, и сила, которою прежде славились Вандалы, растрачена была среди оргій; большая часть войска состояла изъ всякаго сброда. «Тучный Вандалъ, говоритъ Сидоній въ панегирикѣ Майоріану, сидитъ на скамѣ галеры, ожидая, чтобы невольники собрали добычу и плѣнныхъ».

Возвращаемся къ Гуннамъ. Остановленные Дунаемъ, они широко раскинулись къ С. и З. отъ этой границы Восточной

империи. Послѣ смерти Баламира, они не повиновались болѣе одному вождю, каждое племя жило особенною жизнью, то грабя Римскую имперію, то защищая ее, заключивъ съ нею союзы. Царская орда находилась у самаго Дуная; другія вели войны между собою или съ сосѣдними народами. Не смотря на это разсѣяніе силъ Гунновъ, они все болѣе и болѣе распространялись на В. Европы. Скоро ихъ палатки явились уже на среднемъ теченіи Дуная. Германскія и славянскія племена, одно за другимъ, подчинялись имъ. Одинъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ ихъ столкновенія съ сосѣдними племенами представляетъ война одного изъ ихъ вождей, Октара, съ Бургундами, т. е. съ тою частію этого народа, которая оставалась на прежнемъ мѣстѣ своего поселенія, около Герцинскаго лѣса и на берегахъ Майна, не перешла въ Гельвецію, какъ главная масса племени. Бургунды, сколько можно судить по отрывочнымъ извѣстіямъ о ихъ древнѣйшемъ устройствѣ, подчинялись теократическому управленію. Во главѣ племени стоялъ верховный жрецъ, называемый, по свидѣтельству Амміана Марцелліана, *Siniste*. По волѣ его и народнаго собранія избирались и свергались короли. Въ случаѣ какого-нибудь общественнаго несчастія, Бургунды свергали короля, заслужившаго и не могшаго отвратить гнѣвъ боговъ. Гунны Октара, въ своемъ движеніи къ З., столкнулись съ Бургундами. Бургунды были разбиты; ихъ деревни и пашни выжжены; жены и дѣти уведены въ плѣнъ. Это былъ первый набѣгъ Гунновъ на ихъ поселенія. Опустошивъ страну, они удалились съ тѣмъ, чтобы вскорѣ появиться опять. Мы знаемъ, какой суевѣрный ужасъ внушали Гунны Германцамъ. На Бургундовъ Гунны произвели еще болѣе сильное впечатлѣніе. Не только король ихъ былъ свергнутъ, но и *Siniste* не избѣжалъ той же участи. Въ убѣжденіи, что ихъ боги безсильны противъ волшебныхъ чаръ азіатскихъ варваровъ, Бургунды рѣшились обратиться къ помощи христіанскаго

Бога и просили защиты у одного христіанскаго епископа (по всей вѣроятности, у св. Севера гріпскаго). Тотъ приказалъ имъ 7 дней поститься, далъ имъ первыя наставленія христіанской религіи и крестилъ ихъ. По всей вѣроятности, крещены были только вожди и часть знатнѣйшихъ Бургундовъ. Какъ бы то ни было, увѣренные въ помощи христіанскаго Бога, Бургунды стали смѣлѣе, и, когда Октаръ появился снова, 3000 Бургундовъ отважились напасть на 10,000 Гунновъ и нанесли имъ рѣшительное пораженіе. Съ 434 или 435 г. начинается снова соединеніе Гунновъ подъ одною властью. Въ одинъ изъ этихъ годовъ умеръ Ругила, вождь главнаго изъ гунскихъ племенъ, и власть надъ этимъ племенемъ перешла къ его племянникамъ, сыновьямъ его брата Мундука, Атилѣ и Блехѣ.

Едва ли кто-нибудь изъ завоевателей древнихъ и новыхъ народовъ, не исключая и Александра Македонскаго, оставилъ по себѣ такую память въ исторіи и преданіяхъ народовъ, какъ Атилла. Безчисленное множество легендъ, сказаній и поэмъ группируется около его имени, и въ нихъ Атилла является не однимъ и тѣмъ же лицомъ, не съ однимъ и тѣмъ же характеромъ и значеніемъ. Его обликъ измѣняется сообразно тому народу и тому направленію, къ которымъ принадлежитъ сказаніе. Можно принять, что въ этихъ сказаніяхъ образъ Атиллы совершенно оторванъ отъ исторической почвы, которой онъ принадлежитъ, становится мифомъ, а не лицомъ, достовѣрно принадлежащимъ исторіи. Соединить въ одно цѣлое эти легендарныя сказанія, составить одинъ характеръ изъ этихъ безчисленныхъ и разнообразныхъ чертъ, совершенно невозможно, и, однако, эти легендарныя и мифическія сказанія объ Атилѣ имѣютъ высокое историческое значеніе. Если по нимъ не возможно возсоздать образъ Атиллы историческаго, то они представляютъ намъ множество отдѣльных, чисто историческихъ

подробностей, указаний на событія, пройденныя молчаніемъ современными анналистами, и, сверхъ того, передаютъ впечатлѣніе, которое произвелъ Атила на то или другое племя, обозначаютъ его историческое значеніе для той или другой народности. Вотъ почему одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ гунскаго завоевателя, *Амеде Тьерри*, издавшій въ 1856 году исторію Аттилы и его преемниковъ, весь второй томъ своего труда посвятилъ изложенію и разбору этихъ легендъ.

Всѣ преданія и легенды объ Аттилѣ распадаются на три главные отдѣла. Къ первому принадлежатъ сказанія латинскихъ племенъ, большею частію собранныя и изложенныя духовенствомъ. Въ этихъ христіанскихъ легендахъ Атила прежде всего является *бичемъ Божиимъ*, орудіемъ Провидѣнія, ниспосланнымъ на римскій міръ въ наказаніе за грѣхи егo. При такомъ мистическомъ воззрѣніи, историческій Атила, разумѣется, долженъ отойти на второй планъ, уступая мѣсто легендарному герою. Религіозный интересъ господствуетъ во всѣхъ сказаніяхъ, и борьба съ азіатскими кочевниками пріобрѣтаетъ характеръ борьбы религіозной. Эти сказанія, отмѣченныя такимъ характеромъ, мало даютъ матеріала для историческаго уразумѣнія собственно Аттилы; но они знакомятъ изслѣдователя со множествомъ лицъ, позабытыхъ современными историками, слишкомъ занятыми политическою, государственною, такъ-сказать, виѣшнею стороною борьбы, а между тѣмъ игравшихъ огромную роль въ событіяхъ. Св. Женеьевеа парижская, Аніанъ орлеанскій, св. Левъ, папа римскій, и др. являются въ полномъ свѣтѣ, которымъ мы обязаны именно этимъ легендарнымъ сказаніямъ. Второе мѣсто занимаютъ сказанія германско-скандинавскія. Этцель (такъ измѣнилось имя Аттилы на германскомъ сѣверѣ) занимаетъ важное мѣсто въ поэмахъ не только Германіи, не только Скандинавіи, но и далекой Исландіи и Феррейскихъ острововъ. Аттила германскихъ сказаній до нѣкоторой

степени напоминаетъ Карла Великаго въ рыцарскихъ романахъ. Кровожадный Монголъ является мирнымъ владыкой, простодушнымъ и добрымъ, гостепріимнымъ владѣльцемъ, веселымъ собесѣдникомъ. Какъ Карлъ великій рыцарскихъ романовъ, онъ далеко не стоитъ на первомъ планѣ въ военныхъ дѣйствіяхъ. Оружіемъ дѣйствуютъ попреимуществу его вассалы германскаго происхожденія, далеко превосходящіе его въ славу военныхъ подвиговъ. Только въ скандинавскихъ сказаніяхъ Атила является съ болѣе жесткимъ, кровавымъ характеромъ; но и это зависитъ болѣе отъ народныхъ свойствъ скандинавскаго племени, чѣмъ отъ индивидуальнаго характера героя сказаній. Еще своеобразіе и, быть можетъ, еще интереснѣе преданія венгерскія. У потомковъ Гунновъ Атила является въ полномъ смыслѣ народнымъ вождемъ, любимымъ героемъ сказаній. Ужасъ враговъ Венгріи, пока Венгерцы остаются язычниками, онъ становится въ ихъ сказаніяхъ какимъ-то патріархомъ, предшественникомъ христіанства, когда они становятся христіанами. Онъ является родоначальникомъ св. Стефана.

Аттилѣ было отъ 35 до 40 лѣтъ, когда онъ сдѣлался вождемъ Гунновъ. Правда, онъ былъ младшимъ братомъ Бледы; но старшій братъ съ самаго начала покорился вліянію младшаго и стоялъ на второмъ планѣ, пока Атила убійствомъ не отдѣлался отъ него. Чтобы вѣрно нарисовать его портретъ, необходимо помнить, подъ какими углами зрѣнія смотрѣли на него составители лѣтописей и преданій. Даже относительно наружности только въ венгерскихъ преданіяхъ мы находимъ дѣйствительный типъ гунскаго завоевателя. Въ латинскихъ и германскихъ преданіяхъ она принимаетъ всевозможныя формы. Въ христіанскихъ легендахъ, гдѣ Атила является иногда то орудіемъ нечистаго духа, то самимъ дьяволомъ, его лицо отмѣчено безобразіемъ. Христіанское преданіе даетъ ему иногда лысую голову съ ушами собаки, иногда даже голову осла или

борова. Въ другихъ преданіяхъ Аттила награжденъ красотою. По счастью, мы не имѣемъ нужды искать въ легендахъ историческаго портрета Аттилы. Византіецъ Прискъ, сопровождавшій въ 449 г. посольство Макемиды въ стоянку Аттилы, оставилъ намъ подробное описаніе наружности гунскаго вождя. Драгоцѣннымъ дополненіемъ къ показаніямъ очевидца служатъ показанія Іорнанда, пользовавшагося готскими источниками. Малорослый, съ широкою грудью и большою головою, съ маленькими и ввалившимися глазами, плоскимъ носомъ и рѣдкою бородой, Аттила могъ служить представителемъ калмыцкаго типа. Его откинутая назадъ голова и блуждающій взглядъ, полный безпокойства и любопытства, давали ему гордый и повелительный видъ. Это былъ человѣкъ, отмѣченный судьбою, говоритъ Іорнандъ, рожденный для ужаса народовъ и всѣхъ странъ. При раздраженіи его лицо искажалось и глаза бросали пламя, такъ что самые смѣлые не рѣшались испытать порывовъ его гнѣва. Его рѣчь была всегда эффектна; его угрозы ужасны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ крогкокъ съ приближенными, великодушенъ и щедръ къ слугамъ. Это былъ справедливый судья своихъ подданныхъ, которыхъ ежедневно выходилъ судить на крыльцо своего степнаго дворца. Вмѣстѣ съ чисто варварскими привычками и пьянствомъ, со страстью къ женщинамъ, изъ которыхъ онъ набиралъ себѣ несмѣтное число женъ, такъ что дѣти его, по словамъ Іорнанда, составляли почти цѣлое племя, Аттила поражалъ чистотою и опрятностью своей одежды, своею воздержностью въ столѣ. Онъ ѣлъ и пилъ изъ деревянныхъ сосудовъ, тогда какъ гостямъ его все подавали не иначе, какъ на серебрянъ и золотѣ. Въ битвахъ онъ рѣдко рисковалъ собою, предпочиталъ имъ хитрость переговоровъ. Это былъ полный представитель ловкаго, разчетливаго и пронырливаго Азіатца. Его посольства и переговоры съ обѣими имперіями служатъ лучшимъ тому доказательствомъ.

Тотчасъ послѣ смерти дяди, Аттила сѣшилъ покончить договоромъ около Маргуса, римскаго города при устьѣ Моравы, столкновенія съ Восточною имперіей, начавшіяся еще при Ругилѣ. Восточная имперія должна была согласиться на всѣ условія Аттилы; разорвать союзъ съ гунскими племенами, кочевавшими при Дунаѣ; выдать бѣжавшихъ римскихъ плѣнниковъ или заплатить за каждаго по 8 золотыхъ; обязаться не помогать ни одному народу, ведущему войну съ Гуннами; выдать всѣхъ Гунновъ, служившихъ или искавшихъ убѣжища въ имперіи; наконецъ, удвоить трибутъ, платимый ежегодно имперіей Гуннамъ: вмѣсто 350 фунтовъ золота, Аттила сталъ получать по 700. Послѣ этого договора, онъ на время оставилъ въ покоѣ Восточную имперію. Прежде всего ему нужно было упрочить свою власть надъ гунскими племенами, жившими разьединенно до его времени, и надъ племенами, покоренными Гуннами при ихъ первомъ вторженіи въ Европу. Его цѣлью было сплотить варварскія племена СВ. Европы въ одно громадное цѣлое, и на это онъ употребилъ первые 6 или 7 лѣтъ своего владычества. Западные племена легко подчинились его власти. Его дядя первый подалъ примѣръ покорности. Труднѣе было успѣть на востокъ, между ордами Бѣлыхъ и Черныхъ Гунновъ, изъ которыхъ нѣкоторые не участвовали и въ первомъ движеніи Гунновъ, при Баламирѣ. Первый ударъ палъ на племя Акатцировъ, болѣе извѣстныхъ въ послѣдствіи подъ именемъ Хозаръ; отсюда его власть распространилась и на гунскія орды Азіи. На рубежѣ Европы и Азіи онъ образовалъ могущественное царство для старшаго своего сына, Еллака. Обратясь потомъ къ западу, онъ захватилъ разсѣянныя племена славянскія и финскія до самаго Балтійскаго моря. Одна Скандинавія осталась непокоренною. Восточныя германскія племена также должны были признать его власть, и мы видимъ королей Остготовъ и

Гепидовъ, вождей Геруловъ, Руговъ и др. племень послушными вассалами и подручниками Аттилы. Только сомкнувъ въ одно цѣлое всѣ разноплеменные силы сѣверовосточнаго варварства, Аттила обратилъ вниманіе на Римскую имперію, съ которой до сихъ поръ онъ получалъ ежегодную дань и подарки. Не будемъ останавливаться ни на его отношеніяхъ къ Восточной имперіи, гдѣ царствовалъ ничтожный и безсильный Θεодосій II, управляемый женщинами и евнухами, гордившійся развѣ только славою перваго каллиграфа своего времени, ни на его связяхъ съ Зап. имперіей, съ которою на первое время сношенія Гунновъ ограничивались переговорами да денежными окладами. Есть основаніе думать, что въ молодости Аттила былъ нѣсколько времени въ римской службѣ, именно въ то время, когда Аэцій, стоявшій теперь во главѣ Зап. имперіи, былъ заложникомъ между Гуннами со стороны римскаго правительства. Въ службѣ Риму Аттила хорошо познакомился съ слабыми сторонами Римской имперіи; но римская цивилизація не имѣла на него того чарующаго вліянія, котораго почти никогда не избѣгали варвары, знакомящіеся съ нею. Аттила остался варваромъ въ полномъ смыслѣ этого слова, сохранилъ полное презрѣніе къ римской образованности и римской жизни, и если часто пользовался римскими перебѣжчиками и выходцами, если приближалъ ихъ къ себѣ и довѣрялъ имъ, то только съ тѣмъ, чтобы ловчѣе и успѣшнѣе бороться съ Римомъ, чтобы на развалинахъ цивилизованнаго Рима основать свою варварскую имперію. Въ 450 г., когда Аттила могъ располагать свободно всѣми силами СВ. Европы, его послы одновременно явились передъ обоими римскими императорами, передъ Θεодосіемъ восточнымъ и Валентиніаномъ западнымъ, и обратились къ нимъ съ слѣдующею рѣчью: «Аттила, мой и твой поведитель, приказываетъ тебѣ приготовить дворецъ къ его прибытію».

Рѣшившись покончить съ имперіей, Аттила нѣкоторое время не рѣшался, куда обратить свое оружіе, на В. или на З. Въ той и другой имперіи въ 450 г. произошли важныя перемѣны. На В. умеръ ничтожный Θεодосій II и его мѣсто занялъ старый иллирійскій солдатъ, Маркіанъ. На З. сошла въ могилу Плацидія, управлявшая до тѣхъ поръ за своего 30-лѣтняго сына, Валентиніана III. Къ тому и другому императору Аттила отправилъ пословъ. Гордый отвѣтъ Маркіана, который на требованіе трибута отвѣчалъ, что имѣетъ золото для друзей и желѣзо для враговъ, заставилъ Аттилу обратиться на З. Его послы предъявили Валентиніану III страшное требованіе. 15 или 16 лѣтъ тому назадъ, сестра Валентиніана, Гонорія, которую держали въ одиночествѣ «изъ боязни», выдавъ ее замужъ, создать соперника императору, рѣшилась на романтическую выходку и тайно послала свое кольцо Аттилѣ, предлагая ему свою руку и сердце. Аттила, едвали не ежедневно набиравшій себѣ новыхъ женъ, не имѣлъ ни малѣйшей охоты хлопотать о приобрѣтеніи римской красавицы и не отвѣчалъ на посланіе Гоноріи, которая скоро нашла лучшій способъ оживить свое одиночество: она вступила въ связь съ однимъ изъ придворныхъ чиновниковъ. Ее заключили въ Константинополь, потомъ въ Равеннѣ и, наконецъ, выдали замужъ. На требованіе Аттилы выдать ему Гонорію и ея приданое, г. е. половину Зап. имперіи, Валентиніанъ отвѣчалъ отказомъ. Аттила предъявилъ новое требованіе. Но тутъ союзъ императора съ Вандаломъ Гензерихомъ окончательно утвердилъ его въ мысли обратить оружіе на Зап. имперію. Аттила объявилъ, что хочетъ смирить и наказать Визиготовъ, бѣглыхъ рабовъ Гунновъ, теперь жившихъ въ южной Галліи и въ сѣверной Испаніи, въ союзѣ съ имперіей. Аттила собралъ всѣ силы своего государства. Никогда, со временъ Ксеркса, не было подобнаго ополченія. Сѣверная Азія выслала толпы

своихъ кочующихъ сыновъ. Черные Гунны, Акатциры, Аланы, Невры, Белловаки, наконецъ, Гелоны, раскрашенные и тауированные, вооруженные косами, соединились съ Бастарнами и др. племенами сарматскими и славянскими; Германія также доставила многочисленныя войска ополченію Аттилы. На первомъ планѣ стояли Остготы, преводительствуемые тремя своими королями изъ рода Амаловъ. За ними слѣдовали Гепиды, вождь которыхъ, Ардарикъ, былъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ вассаловъ Аттилы. Ругилы съ береговъ Одера и Вислы, Сциры и Турцилинги съ Нѣмана и Двины, Герулы, страшные самимъ Германцамъ, и другія болѣе мелкія племена и дружины германскія сомкнулись подъ знаменами Аттилы. Тяжелая пѣхота Германцевъ соединялась въ одномъ ополченіи съ легкою конницею азіатскихъ кочевниковъ. Въ движеніи къ берегамъ Рейна Аттила увлекъ за собою и племена, встрѣчавшіяся на пути. Такъ къ нему присоединилась та часть Бургундовъ, которая еще оставалась за Рейномъ, около Герцинскаго лѣса. Зарейнскіе Франки, жившіе на берегахъ Неккара, прогнали своего короля, навязаннаго имъ римскимъ правительствомъ, и также примкнули къ Гуннамъ. То же сдѣлали племена Турингіи.

Западная римская имперія не была приготовлена къ такому нападенію. Послѣдніе остатки римскихъ легіоновъ находились въ Италіи. Галлія почти только по имени принадлежала имперіи. Въ СЗ. части ея Бритты Арморикіи давно уже объявили себя независимыми. СВ. часть была занята Франками. На югѣ между Гаронной и Пиренеями, было государство Визиготовъ, уже признанное имперіею. На востокѣ, между Рейномъ и Вогезами, было другое германское государство, также уже признанное римскимъ правительствомъ. Въ центрѣ Галліи толпы багодовъ опустошали провинціи, и есть основаніе думать, что они были въ сношеніяхъ съ Аттилою и приглашали

его къ вторженію въ Галлію. Одинъ изъ главъ багодовъ, меликъ Евдоксій, человекъ великаго знанія, но коварный, бѣжалъ въ 448 г. къ Гуннамъ. Только малая часть Галліи, между Альпами, Роной и Средиземнымъ моремъ, могла считаться собственно римскою провинціей, но и та была безъ средствъ къ защитѣ. Если вѣрить легендамъ, разныя знаменія предсказывали нашествіе азіатскихъ варваровъ. Епископъ Тонгра, Серваций, говоритъ легенда, устрешенный знаменіемъ, отправился въ Римъ, чтобы тамъ, на гробницахъ ап. Петра и Павла, допытаться, какимъ бѣдствіемъ Небо грозитъ отечеству. Ему возвѣщено было, что Галлія будетъ предана Гуннамъ, но что Богъ, въ награду за его праведную вѣру, избавитъ его отъ зрѣлища этихъ бѣдствій, которыя постигнутъ Галлію только послѣ его смерти. Азій, стоявшій во главѣ римскаго правительства, не зналъ куда, на Италію или Галлію, направлень будетъ ударъ гунскаго ополченія, шедшаго обѣими берегами Дуная. Всѣ наличныя военныя силы имперіи были сосредоточены въ Италіи, и даже тогда, когда ясно было, что Гунны идутъ въ Галлію, императоръ не позволилъ Азцію двинуть всѣ эти войска на защиту провинціи: большая часть ихъ осталась за Альпами.

Для защиты Галліи равенскій дворъ могъ только рассчитывать на помощь варваровъ, занимавшихъ большую часть ея, и на вооруженіе самаго населенія. Азій употребилъ всѣ усилія для соединенія варваровъ подъ знаменами имперіи. При первомъ движеніи Гунновъ равенскій дворъ писалъ къ Теодориху вестготскому: «Сильные оружіемъ! обратите вниманіе на ваши собствениныя опасности; соединимся вмѣстѣ; помогите имперіи, которой часть вы составляете». Когда не было сомнѣнія въ намѣреніяхъ Аттилы, самъ Азій, съ горстью римскаго войска, прибылъ въ Галлію. Визиготы, долго колебавшіеся подать дѣятельную помощь римскому вождю, были

увлечены Авитомъ, овернскимъ сенаторомъ, и рѣшительно примкнули къ римскимъ легионамъ; сюда же отступали разсѣянные по городамъ слабые римскіе гарнизоны и прирейнскія племена Германцевъ. Бургунды думали было противиться гунскому отряду, шедшему черезъ ихъ земли, и напали на него, подъ предводительствомъ короля своего, Гондикара; но были разбиты и отступили въ римскую провинцію. Другія германскія племена, бывшія стражами Рейна, послѣдовали ихъ примѣру, не пытаясь отразить Гунновъ. Первыми были Франки рипуарскіе; за ними слѣдовали Франки салійскіе, видѣвшіе невозможность остановить страшныя массы Гунновъ. Всѣ эти германскія ополченія стягивались къ Азцію. Вождь Алаповъ, остававшихся въ Галліи, Сангибанъ, вступилъ было въ тайные переговоры съ Атилой; но его измѣна была заподозрена, и Азцій спѣшилъ призвать алапскій отрядъ къ себѣ, прежде чѣмъ Сангибанъ имѣлъ возможность привести въ исполненіе свои замыслы. Присутствіе Азціи въ Галліи и страхъ гунскаго нашествія заставили смолкнуть раздоры съ имперіей и собрали подъ ея знаменемъ всѣ наличныя силы страны. Независимые отъ имперіи Бритты Арморики выслали свои отряды въ лагерь Азціи, подъ своимъ національнымъ знаменемъ и подъ предводительствомъ своего короля. Даже небольшой народецъ Швейпаріи, Бреоны или Бренны, явились въ Галлію и примкнули въ войскамъ Азціи. Разсѣянные по Галліи отряды варварскихъ Летовъ собрались въ его лагерь. Гальскіе аристократы вооружили своихъ кліентовъ; поселяне вооружались на защиту своихъ земель. Одушевление, возбужденное Азціемъ, было такъ велико, что ни одна попытка багодовъ, звавшихъ Атилу, не обнаружилась во все это время. Только медленность Визиготовъ, еще не прибывшихъ въ лагерь Азціи, задерживала его дѣйствія.

Между тѣмъ, эта вынужденная неподвижность римскаго

военачальника дорого стоила Галліи, открытой для Гунновъ. Переправившись черезъ Рейнъ, оставленный безъ защиты Бургундами и Франками, гунскія ополченія раскинулись опустошительнымъ набѣгомъ по всей СВ. Галліи. Была минута, когда гунскіе отряды рыскали по всему пространству отъ Юры до океана. Страсбургъ, Шпейеръ, Майнцъ, Вормсъ, были взяты и разрушены лѣвымъ крыломъ гунскаго войска; направо Тоуръ и Аррасъ постигла та же участь. Не желая оставить за собою сильную крѣпость Меца, Атила осадилъ его; но, лишенный осадныхъ машинъ, онъ оставилъ было его и отступилъ, когда, отойдя нѣсколько переходовъ, онъ получилъ извѣстіе, что обрушилась часть стѣны. Быстрые отряды Гунновъ тотчасъ повернули назадъ, и пакаунгъ Насхи ворвались въ городъ. Всѣ жители были перерѣзаны; только епископъ получилъ пощаду. Весь городъ былъ обращенъ въ пепелъ. Та же участь постигла Лаонъ и Августу (нынѣ Сенъ-Кентинъ). Жители другихъ городовъ Галліи покидали свои дома и разбѣгались по лѣсамъ. Римскіе чиновники давно уже оставили города, и потому въ эту страшную минуту на первомъ планѣ стоятъ епископы и духовенство, одно только не покинувшее своего мѣста. Населеніе Лютеции (Парижа) было остановлено и спасено св. Геновефою или Кеневьевою, и рассказъ объ этомъ подвигѣ святой дѣвушки составляетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ современной исторіи. Позднѣйшія легенды овладѣли этимъ богатымъ предметомъ, сдѣлали Кеневьеву пастушкой, чѣмъ она никогда не была, и раскрасили баснословными прибавками событіе въ высшей степени драматическое по своей первобытной простотѣ и достовѣрности. Цѣлью Атилы былъ югъ Галліи, а также и сокрушеніе Визиготовъ, которыхъ онъ думалъ уничтожить прежде ихъ соединенія съ Римлянами. Изъ Меца двѣ дороги ведутъ на югъ Галліи. Одна, главный путь съ береговъ

Рейна въ Нарбонскую Галлію, шла на Лангръ, Шалонъ-на-Сенъ и Лионъ, откуда входила въ долину Роны. Другая вела черезъ Реймсъ, Труа и Орлеанъ. Аттила вынужденъ былъ избрать второй путь, потому что первый проходилъ горами, неудобными для дѣйствія конницы, составлявшей главную силу Гунновъ. Реймсъ первый испыталъ напоръ Гунновъ. Епископъ Никазіи погибъ на порогѣ своей церкви. Шалонъ-на-Маритъ, Труа и Сенсъ были взяты Гуннами, не избѣгли участи другихъ городовъ. Аттила, собравъ все свое войско, торопился къ Орлеану, гдѣ ожидалъ измѣны Аламановъ и Салгубана, защищавшихъ этотъ городъ. Въ первыхъ числахъ мая 451 г. онъ явился подъ стѣнами Орлеана.

Построенной на вершинѣ той дуги, которою Луара отдѣляетъ сѣверную Галлію отъ южной, Орлеанъ, древній Генабумъ, былъ однимъ изъ важнѣйшихъ военныхъ пунктовъ Галліи во все эпохи ея исторіи. Когда разнеслась вѣсть о вторженіи Гунновъ, жители, оставленные императорскими чиновниками и руководимые епископомъ Аніаномъ, сѣхнули укрѣпить древнія стѣны города. Когда Аламанъ Салгубана явился, чтобы составить гарнизонъ крѣпости, жители затворили передъ ними ворота, потому что подозрѣніе въ ихъ измѣнѣ уже распространилось въ городѣ. Епископъ Аніанъ, укрѣпивъ городъ, поспѣшилъ на югъ, чтобы видѣться съ Азціемъ и условиться съ нимъ. Найдя его въ Арль, онъ обѣщалъ ему, что Орлеанъ продержится пять недѣль, но что если 14 іюня Азцій не будетъ въ стѣнахъ города, его паства будетъ жертвой варваровъ. Почти тотчасъ по возвращеніи Аніана, Гунны явились подъ стѣнами. Началась упорная осада. Не умѣя владѣть машинами, Гунны не могли овладѣть скоро крѣпостью; но осада истомила жителей. Объ Азціи не было слуховъ, и они настойчиво требовали сдачи. Аніанъ, проводившій дни въ жаркой молитвѣ, отправилъ гонца къ Азціи съ требованіемъ немедленной помощи. Гонецъ

не возвратился. По счастью, страшная буря, свирѣпствовавшая три дня, замедлила сдачу. Но буря кончилась, ворота города были отворены. Гунскіе вожди явились въ стѣнахъ Орлеана и распорядились систематически грабежомъ, который уже начался, когда Азцій, во главѣ римской кавалеріи, подскочилъ къ городу. Орлеанъ былъ спасенъ. Гунны вышли изъ города и отступили. Это было 14 іюня, въ день, назначенный Аніаномъ. Мы видѣли, что задерживало Азцію на югѣ Галліи. Только соединившись съ главными силами Визиготовъ, онъ могъ начать наступательное движеніе, а Готы долго медлили. Теперь только, соединивъ все силы, которыми могла располагать имперія, Азцій рѣшился на открытую борьбу съ Аттилой.

Гунскій вождь отвелъ свое ополченіе на широкія равнины, лежащія къ югу отъ Арденскихъ горъ и извѣстныя подъ именемъ Кампаніи — имя, легко узнаваемое въ нынѣшней Шампани. Здѣсь, не далеко отъ Шалона-на-Маритъ, на поляхъ Каталунскихъ, удобныхъ для дѣйствія конницы, онъ рѣшился помѣриться силами въ Римлянами, которые не замедлили явиться передъ нимъ. Говорятъ, что наканунѣ битвы воины привели къ нему христіанскаго отшельника, найденнаго въ лѣсу. На вопросъ Аттилы, чѣмъ кончится битва? онъ отвѣчалъ: «Ты бичъ Божій, ты молотъ, которымъ небесное Провидѣніе наказуетъ міръ; но Богъ, когда Ему угодно, разбиваетъ орудіе своего мщенія и по волѣ передаетъ мечъ изъ рукъ въ руки. Итакъ знай, что ты будешь побѣжденъ въ битвѣ съ Римлянами и убѣдишься, что твоя сила не отъ земли». Аттила собралъ шамановъ и гадателей, языческихъ жрецовъ различныхъ племенъ, и поручилъ имъ узнать будущее. Отвѣтъ былъ, что битва будетъ проиграна, но непріятельскій вождь падетъ въ ней. Это нѣсколько успокоило Аттилу. Подъ непріятельскимъ вождемъ онъ разумѣлъ Азцію. На другой день, довольно

поздно, началась страшная битва. «Тогда началась, говорить Юрнандъ, жестокая, разнообразная, страшная, ожесточенная сѣча: о подобной сѣчѣ еще ни разу не повѣствовала древность, и тотъ, кто не былъ свидѣтелемъ этого чудеснаго зрѣлища, не увидить его болѣе въ теченіе своей жизни». Въ страшной рѣзнѣ, продолжавшейся до ночи, сломлены были силы Гунновъ. Король Визиготовъ, Теодорихъ, погибъ въ сѣчѣ; но Атила только съ опасностью жизни успѣлъ спастись и заперся въ лагерь, огороженномъ повозками, который остановилъ натискъ враговъ. Всю ночь продолжалось смятеніе; непріятельскіе отряды сталкивались между собой въ темнотѣ. Сынъ Теодориха вестготскаго, Торизмондъ, блуждалъ ночью съ своимъ отрядомъ, наткнулся на повозки Гунновъ и, раненый стрѣлой, едва не погибъ. Азцій, отыскивая Визиготовъ, нѣсколько времени блуждалъ среди непріятелей, къ счастью неузнанный.

Битва на поляхъ Каталаунскихъ оставила громадное впечатлѣніе. Подобной рѣзни, дѣйствительно, не было еще на памяти исторіи. Въ Греціи (въ Далмаціи, при Юстиніанѣ) родилась легенда объ этой битвѣ, предполагаемой, впрочемъ, подъ стѣнами Рима. Это ожесточеніе было такъ велико, что «души убитыхъ три дня и три ночи сражались между собой съ неутомимымъ бѣшенствомъ». Знаменитый германскій живописецъ, Каульбахъ, въ превосходной фрескѣ новаго берлинскаго музея воспользовался этимъ преданіемъ, изображая битву Гунновъ. Картина изображаетъ поле битвы, покрытое мертвыми и умирающими; а наверху, въ облакахъ, кипитъ ожесточенный бой между душами. Азцій не могъ воспользоваться побѣдой на другой день, когда солнце освѣтило поле битвы. Вестготскій король, Теодорихъ, погибъ въ сѣчѣ и сынъ его, Торизмондъ, спѣшилъ возвратиться въ Тулузу, боясь братьевъ, тамъ оставшихся. Атила могъ отступить за

Рейнъ, преслѣдуемый, но не тревожимый Азіемъ. Бѣгство и неудача въ битвѣ не составляли позора въ глазахъ азіатскаго варвара. Онъ могъ тотчасъ же снова показаться на завоевательномъ поприщѣ.

И дѣйствительно, побѣда Азія не спасла Римской имперіи отъ новыхъ покушеній Атилы. Возвратившись изъ Галліи съ богатою добычей, Гунны не считали себя побѣжденными. Новымъ походомъ спѣшилъ Атила возобновить ужасъ своего имени. При римскомъ дворѣ интрига всѣми силами старалась подорвать значеніе Азія, умевшиги его славу спасенія Галліи. То всю честь побѣды приписывали Вестготамъ, то самого Азія обвиняли въ измѣнѣ, въ стачкѣ съ Атилой, которому онъ позволилъ безпрепятственно удалиться изъ Галліи. Когда весной 452 г. Атила Юлійскими Альпами приблизился къ границамъ Италіи, страна была совершенно не приготовлена къ защитѣ. Азію предложилъ императору на время оставить Италію. Общій голосъ придворныхъ заставилъ его отказаться отъ этого плана. Оставалось выжидать помощи со стороны Восточной имперіи и ограничиться одними оборонительными мѣрами. Ничего не было сдѣлано для защиты горныхъ проходовъ, ведущихъ въ Италію. Гунны безпрепятственно вошли въ область Венетіи и страшно опустошили ее. Только сильная крѣпость Аквилея, прикрытая со всѣхъ сторонъ моремъ и рѣкой Нотисой, на время задержала Гунновъ; но и она была взята и разорена. Остальные города провинціи не оказали сопротивленія. Падуга и другія мѣстности были оставлены жителями. На острова низменнаго Адриатическаго приморья стремились толпы бѣглецовъ, основавшихъ на островахъ этихъ лагуны Венецію. Съ такою же легкостью прошли Гунны и всю Лигурию. Миланъ и Павія были разграблены. Вѣроятно, та же участь постигла Мантую, Верону, Кремону, Брешию и др. города этой области. Съ ничтожными остатками

военныхъ силъ имперіи, Азій удержался по ту сторону По, не имѣя возможности защитить плодородныя области и цвѣтущіе города верхней Италіи. Императорскій дворъ, при первомъ движеніи Гунновъ, оставилъ Равенну и искалъ убѣжища въ Римѣ. Атила имѣлъ въ виду взятіе Рима; но Гунны требовали возврата. Ихъ силы были ослаблены, если не битвами, которыхъ не было, то разрушительнымъ вліяніемъ итальянскаго климата, для нихъ непривычнаго. Чѣмъ богаче была добыча, награбленная ими въ верхней Италіи, тѣмъ сильнѣе было желаніе возвратиться въ кочевье. Слава имѣла мало значенія для степныхъ варваровъ. Отъ похода къ Риму сдерживалъ ихъ и суевѣрный страхъ передъ этимъ городомъ. Советники Атилы указывали ему на примѣръ Алариха, недолго пережившаго взятіе Рима. Наконецъ, войска Восточной имперіи готовы были начать свои дѣйствія въ тылу Гунновъ. Тѣмъ не менѣе Атила сдѣлалъ распоряженіе о соединеніи всѣхъ силъ гунскаго ополченія около Мантуи, показывая видъ, что хочетъ идти къ Риму по большой дорогѣ, ведущей черезъ Аппенины. При извѣстіи объ этомъ движеніи ужасъ овладѣлъ римскимъ дворомъ. О сопротивленіи никто не думалъ. Не совѣтуясь съ Азціемъ, рѣшено было вымолить миръ у Атилы на какихъ угодно условіяхъ, и торжественное посольство, во главѣ котораго стоялъ св. Левъ, римскій епископъ, отправлено было навстрѣчу Атилѣ. Это было какъ нельзя болѣе кетати для Атилы, колебавшагося между отступленіемъ и движеніемъ впередъ и увлекаемаго назадъ общимъ желаніемъ его совѣта и войска. Легенды, говорившія о чудесномъ успѣхѣ посольства св. Льва, только небесному вліянію приписываютъ отступленіе Атилы. Дѣло было, кажется, нѣсколько проще. Мирный договоръ былъ заключенъ безъ особенныхъ затрудненій 6 іюля. Атила ограничился ежегоднымъ трибутомъ и съ несмѣтною добычей оставилъ Италію, избравъ

для своего возвращенія не тотъ путь, которымъ онъ вошелъ въ нее: онъ двинулся черезъ Норійскія Альпы. Заключенный миръ съ императоромъ не помѣшалъ Гуннамъ по дорогѣ разграбить Аугсбургъ (Augusta). Это было послѣднее вторженіе Атилы въ область Зап. римской имперіи. Въ 453 г., въ день свадьбы съ красавицей Пльдицо, по однимъ преданіямъ дочерью короля зарейскихъ Франковъ или Бургундовъ, по другимъ—дочерью князя Бактріи, Атила, послѣ громаднаго пира, сопровождавшаго свадьбу, умеръ скоропостижно. Гунны перестали быть грозой имперіи. Разнородныя силы, сплоченныя въ одно цѣлое гениемъ Атилы, распались послѣ его смерти. Начались войны между различными племенами, послушно слѣдовавшими за знаменами гунскаго завоевателя, и государство, имъ основанное, разрушилось такъ же быстро, какъ и возникло.

Вторженіе Гунновъ въ Галлію и Италію какъ бы положило конецъ Зап. римской имперіи. Побѣда Азція на поляхъ Каталаунскихъ, отступленіе Атилы изъ верхней Италіи передъ св. Львомъ—это были, такъ сказать, мнимыя торжества Рима. Азція скоро постигла судьба Стиликона, судьба всѣхъ варваровъ, напругавшихъ свои силы на поддержаніе и защиту Рима. Малодушный, ничтожный Валентиніанъ III, «получеловѣкъ», какъ называется его Сидоцій, игрушка въ рукахъ придворныхъ партій, убилъ Азція. Самъ онъ былъ также скоро убитъ (454 г.). Петроній Максимъ, главный виновникъ сверженія и убійства Валентіана III, былъ провозглашенъ императоромъ; а черезъ три мѣсяца онъ уже погибъ среди Вандаловъ, овладѣвшихъ Римомъ 14 іюня 455 г. Вестготы, утвердившіеся на югѣ Галліи, объявили императоромъ Авита, которому Максимъ вручилъ начальство надъ войсками Галліи. Царствованіе его было также весьма непродолжительно. Черезъ полтора года (окт. 456 г.), Рицимеръ, начальникъ варварскихъ

союзниковъ, составлявшихъ единственную военную силу Италіи, посвятилъ его въ епископы Пяченцы; а вельждъ затѣмъ онъ, во время бѣгства въ Галлію, умеръ или былъ убитъ врагами. Въ апр. 457 г. Рицимеръ объявилъ императоромъ замѣчательнаго Майоріана, котораго посѣщили погубить уже въ авг. 461 г., чтобы облечь пурпуромъ ничтожнаго Севера *). Послѣ смерти Севера (осенью 465 г.), Рицимеръ одинъ управлялъ имперіей до 467 г., когда его принудили согласиться на возведеніе новаго императора. Этому требовали какъ римскій народъ и сенатъ, такъ и Вост. имперія. Новымъ императоромъ былъ Антемій, одинъ изъ важныхъ вельможъ Византіи, даровитый и не лишенный воинскихъ способностей, зять императора Маріана. Онъ казался опаснымъ византійскому императору Льву, который, доставивъ ему престолъ Западной имперіи, сбывалъ съ рукъ опаснаго соперника. Избравіе Антемія оживило надежды тѣхъ Римлянъ, въ которыхъ еще не умерли вѣра въ Римъ и надежды на лучшее будущее. Казалось, для Зап. имперіи занималась заря новаго будущаго, или, по крайней мѣрѣ, наступала минута отдыха и возстановленія своихъ силъ.

Но это было минутное увлеченіе. Западная римская имперія была поражена внутреннимъ разложеніемъ и, какъ бы ни были благоприятны вѣншія обстоятельства, не могла подняться. Положеніе Италіи было самое печальное. Сицилія и Сардинія, по смерти Валентиніана III, были въ рукахъ Вандаловъ. Африка, житница Рима и Италіи, была во власти

*) Здѣсь опускается очеркъ состоянія зап. провинцій Рим. имперіи, а также событій отъ избранія Севера до воцаренія Антемія. Относящіяся сюда свѣдѣнія, вѣсть съ прекрасною характеристикой Майоріана, читатель найдетъ въ гораздо болѣе полномъ и отчетливомъ разсказѣ, составляющемъ II главу сочиненія г. Ешевскаго. *Аполлинарій Сидоній*. А. Т.

Гензериха, который давно уже свергнулъ съ себя и номинальную зависимость отъ имперіи, признающую первыми его договорами съ Римомъ, и былъ открытымъ, ожесточеннымъ врагомъ обѣихъ имперій, всюду возбуждая ихъ непріятелей, грабя и опустошая приморскія области. 12 лѣтъ (400—413) Готы Алариха и Атаульфа взадъ и впередъ проходили Италію, отъ Калабріи до Альпъ, останавливаясь на долговременныя стоянки въ плодороднѣйшихъ областяхъ ея, грабя знатнѣйшіе города, не исключая и самаго Рима. Послѣ ихъ удаленія въ Галлію, Тоскана совершенно была опустошена: мосты разрушены, деревни выжжены. Въ самомъ Римѣ дворцы аристократовъ стояли пустыми и заброшенными послѣ грабежей Алариха и Гензериха. Окрестности Рима были наполнены разбойниками, противъ которыхъ безсильно было римское правительство. Уже съ послѣднихъ временъ республики земледѣліе постоянно упадало въ Италіи. Пашни постепенно обращались въ пастбища. Владѣнія мелкихъ земледѣльцевъ скупались богатыми аристократами. Египетъ и потомъ Африка доставляли Риму зерновой хлѣбъ, котораго уже не могла доставить Италія. Императоры должны были прокармливать на свой счетъ городское населеніе. Это положеніе не измѣнилось и теперь, хотя Египетъ и Африка были закрыты для Рима. Плодородныя области верхней Италіи, долина По, Венетія и Лигурія, представлялись пустынями со времени губительныхъ нашествій Радагайса и особенно Аттілы. Самая природа страны измѣнилась къ худшему. Заброшенные земли покрывались болотами и стоячими водами, потому что каналы давно были засорены и никогда не исправлялись; ядовитые міазмы подымались надъ этими болотами, производя заразные болѣзни и убійственныя лихорадки, отъ которыхъ до сихъ поръ не могутъ еще избавиться нѣкоторыя области Аппенинскаго полуострова. Сельское населеніе должно было

оставить нѣкоторыя мѣстности, гдѣ жизнь становилась невозможною въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Населеніе Италіи постоянно уменьшалось; огромное число жителей оставило навсегда Италію во время нашествій Алариха и Аттилы, но и оставшееся населеніе не увеличивалось естественнымъ народоженіемъ, а постоянно уменьшалось. Давно уже Италія не давала рекрутъ римскимъ войскамъ, набравшимся исключительно изъ варваровъ.

Не многимъ лучше было и положеніе Галліи, куда со всѣхъ сторонъ вошли варварскія племена, которыя, прежде чѣмъ окончательно утвердиться въ той или другой ея провинціи, по цѣлымъ годамъ переходили съ мѣстнаго мѣсто, и эти-то переходы особенно тяжело отзывались на страсть и ея населеніи. Города Галліи, прежде богатые и многочисленныя, славившіеся въ имперіи своими школами и церквами, подвергаясь теперь грабежу варваровъ, часто совершенно пустѣли *). Послѣ разгрома Аттилы положеніе ихъ стало еще безотраднѣе. Довольно указать на испытаній наиболѣе печальную участь знаменитый Аргенторатумъ, сильнѣйшій оплотъ восточной Галліи противъ Германцевъ, городъ, гдѣ сходились римскія дороги. Его разрушеніе Гуннами въ 451 г. было полное. Онъ долго не возникалъ изъ развалинъ. Въ VI и VII столѣтіяхъ на его мѣстѣ была совершенная пустыня, заросшая дикими растеніями, обитаемая только хищными звѣрями. Въ VIII в. герцоги Эльзаса присвоивали его себѣ, какъ мѣсто совершенно пустое. Только потомъ, по сторонамъ остатковъ римскаго шоссе, ведущаго къ Рейну, образовалось поселеніе, получившее отъ римскихъ дорогъ имя *Strataburgum* (Страсбургъ). Но и послѣ

*) Для описанія тогдашнихъ отношеній городовъ Галліи въ высшей степени интересны свѣдѣнія, заключающіяся у Сальвиана марсельскаго и особенно въ *Евхаристиконъ* Павла, высшего чиновника императора Аттала въ Бордо.

Аттилы варвары напоминали о немъ своими опустошеніями. Что касается до тѣхъ провинцій Галліи, которыя еще оставались за Римомъ, то ихъ положеніе, можно сказать, было несравненно хуже, чѣмъ положеніе областей, уступленныхъ варварамъ. Этимъ-то и объясняется та легкость, съ которою римскія области и города Галліи переходили подъ власть варваровъ, иногда сами призывая ихъ. Для городского и сельскаго населенія Галліи было выгоднѣе перейти подъ власть варваровъ, чѣмъ оставаться въ зависимости отъ Рима. Варвары страшны были своими нашествіями, вторженіями; но какъ скоро они селились окончательно въ извѣстной мѣстности, положеніе галлоримскаго населенія, имъ подчиненнаго, значительно облегчалось.

Города были подавлены въ Римской имперіи тяжестью налоговъ. Какъ извѣстно, они пользовались въ большей или меньшей степени самоуправленіемъ. Положеніе ихъ было сначала очень различно, относительно внутренняго устройства и правъ. Такъ, въ Галліи Нарбонна пользовалась правомъ римскаго гражданства; другіе города, какъ, напр., Тулуза и Нимъ, были на правахъ латинства; третьи, какъ Вьенна и Лионъ, управлялись италійскимъ правомъ. Въ послѣднее время имперіи эти мѣстные различія постепенно сглаживаются, уничтожаются. Съ IV вѣка нѣтъ уже различія въ правахъ галльскихъ городовъ, и муниципальное устройство, за нѣкоторыми мелкими различіями, повсюду одинаково. Со временъ Діоклетіана каждый городъ для своего внутренняго управленія имѣлъ свою муниципальную коллегію, число членовъ которой измѣнялось по городамъ, но обыкновенно было 100. Эта коллегія носила различныя имена. Въ нѣкоторыхъ городахъ она горделиво называлась сенатомъ, въ другихъ *ordo decurionum*, или просто *ordo*; но общее имя было *civitas*. Члены коллегіи назывались сенаторами, декуріонами, или куріалами. Въ каждомъ

городъ курія служила посредницей между массой свободного городского населенія и императорскими чиновниками. На ней лежало избраніе городскихъ властей, внутреннее управленіе и полиція, судъ въ извѣстныхъ инстанціяхъ и, наконецъ, распре- дѣленіе и взиманіе податей всякаго рода, деньгами или нату- рой. Последнее, т. е. сборъ податей, и составляло главную и почти единственную обязанность курій относительно цен- тральной власти. До собственно городского управленія цен- тральной власти мало было дѣла и она не вмѣшивалась въ него. Это-то отношеніе къ государству и погубило куріи. Въ началѣ званіе члена куріи было почетно. Чиновники куріи гордились тѣмъ, что отправленіе ихъ должности носило имя *honores*. Сверхъ обыкновенныхъ декуріоновъ, курія имѣла еще почет- ныхъ, которые были скорѣе патронами куріи, чѣмъ ея чле- нами. Званіе *дуумвира* или *кваторвира*, стоявшихъ во главѣ куріи, были званіями, приобрѣтеніе которыхъ соста- вляло гордость гражданина. Избраніе этихъ властей, а также эдиловъ, обыкновенно праздновалось въ городахъ играми въ циркѣ, амфитеатрѣ, или великолѣпными пирами на счетъ из- бранныго. Но это положеніе скоро измѣнилось. Препіи имена городскихъ властей исчезаютъ, вмѣсто II-vir, IV-vir, мы встрѣчаемъ общее имя *принципаловъ*. Званія и должности въ куріи, бывшія прежде почестью, которой добивались, сдѣ- лались теперь ничтожною обязанностью, отъ которой всѣми силами старались избавиться. Причиною этого было отноше- ніе куріи къ государству, къ центральной власти. На куріи лежалъ сборъ податей и налоговъ, а также и вся ответствен- ность за него. По мѣрѣ склоненія Римской имперіи къ упадку, ослабѣвали и изсякали производительныя силы го- сударства и въ то же время возрастали налоги. Подъ тяжестью этихъ налоговъ куріи постепенно подавлялись. Вскорѣ пра- вительство должно было заботливо охранять всѣ выходы изъ

куріи, создавать одинъ за другимъ безчисленное множество эдиктовъ, препятствовавшихъ переходу куріаловъ въ другія званія, избавлявшихъ ихъ отъ обязанностей быть членами куріи. Если императорскіе чиновники, военныя силы, священники и монахи не могли быть членами куріи, то каждый декуріонъ добивался попасть въ это исключительное положеніе, и въ царствованіе Константина мы видимъ множество эдиктовъ, за- прещающихъ переходъ въ эти должности. Лучшій изъ импе- раторовъ послѣдняго времени Западной имперіи, Майоріанъ, не задумывается такъ опредѣлить значеніе куріаловъ: «Всякій знаетъ, что куріалы—рабы республики». Но удержать всю массу куріаловъ, стремившихся спасти себя и свои имуще- ства отъ невыносимо тяжелаго гнета ответственности за сборъ податей, не было возможности. Такимъ образомъ, число от- вѣтственныхъ лицъ постоянно уменьшалось, а сумма взыски- ваемыхъ съ нихъ налоговъ оставалась одна и та же, или даже увеличивалась. Но куріалы, если не находили себѣ выхода въ занятіи государственныхъ должностей, въ рядахъ войска или духовенства, предпочитали оставлять свои имущества, бѣжали, укрывались въ лѣсахъ. Въ 388 г. куріалы 4 горо- довъ Мизии и нѣсколькихъ мѣстечекъ разбѣжались всѣ разомъ. Есть извѣстія, что въ Галліи куріалы составляли шайки, жив- шія грабежами въ лѣсахъ. Правительство должно было при- нять мѣры для наполненія городскихъ курій, и изъ ряда эдик- товъ по этому предмету мы видимъ, какъ глубоко пало значе- ніе курій. Быть куріаломъ въ послѣднее время имперіи было уже наказаніемъ, а не почестью. Императорскіе эдикты пред- писывали записывать въ куріалы: 1) лицъ, рожденных отъ союза свободной гражданки съ рабомъ; 2) клериковъ, которыхъ епископы признали недостойными отпращенія церковныхъ обязанностей; 3) несовершеннолѣтнихъ; 4) наконецъ, лицъ, приговоренныхъ судомъ къ безчестію. Въ Галліи положеніе

курій въ самое послѣднее время Римской имперіи было нѣсколько лучше, чѣмъ въ другихъ провинціяхъ; но это потому, что Галлія не такъ крѣпко была привязана къ центральному управленію и не разъ разрывала съ нимъ всѣ связи, или провозглашая своего императора, который, по необходимости, долженъ былъ щадить города Галліи, если хотѣлъ имѣть въ нихъ поддержку своихъ притязаній, или же обходясь и безъ особаго императора, какъ, напр., при Эгидіи. Тѣмъ не менѣе, положеніе городовъ и областей Галліи, еще признававшихъ верховную власть Рима, было такъ тяжело, что достаться варварамъ было и для нихъ не бѣдствіемъ, а счастьемъ. Этимъ и объясняется легкость распространенія варварскаго владычества въ Галліи, скорая сдача имъ населенныхъ и укрѣпленныхъ городовъ, существованіе во всѣхъ городахъ значительной партіи приверженцевъ варварскаго владычества, къ числу которыхъ принадлежали иногда вліятельнѣйшіе члены мѣстной аристократіи и даже важнѣйшіе государственные сановники *).

Судьба сельскаго населенія областей имперіи была не менѣе печальна, притомъ она ухудшалась постоянно, и единственнымъ выходомъ изъ нея былъ опять переходъ подъ власть варваровъ. Какъ ни страннымъ съ перваго раза кажется этотъ фактъ, но надо признать, что крѣпостное право за вѣщано намъ послѣдними временами Римской имперіи, принадлежитъ ей, а не варварамъ. Въ областяхъ Западной имперіи классъ мелкихъ свободныхъ землевладѣльцевъ давно уже исчезъ. Въмѣсто ихъ мы видимъ земледѣльцевъ, не владѣющихъ своею собственною землею, а приписанныхъ къ землѣ другого (*glebae adscripti*). Ихъ общее имя было *колонь*.

*) Примеръ, въ родѣ весьма любопытнаго процесса (469 г.) Арванда, главнаго представителя императорской власти въ Галліи, собраны во II главѣ *Аполлинарій Сидонія*. А. Т.

Когда и какъ образовался этотъ многочисленный классъ крѣпостныхъ, сказать съ точностію трудно, хотя въ собраніи императорскихъ эдиктовъ послѣднихъ столѣтій имперіи имя *колоновъ* встрѣчается безпрестанно, а ихъ положеніе выясняется многочисленными постановленіями. Первою причиной перехода мелкихъ свободныхъ собственниковъ въ классъ крѣпостныхъ, приписанныхъ къ землѣ, нужно считать тяжесть налоговъ, падавшихъ на земельную собственность. Чтобы избѣжать отъ тягостныхъ требованій фиска, свободный землевладѣлецъ передавалъ свою землю богатому и сильному сосѣду и получалъ отъ него ее обратно уже не въ собственность, а во владѣніе, становясь къ нему въ зависимыя, подчиненныя отношенія. Колонъ не былъ рабомъ; законъ признавалъ за нимъ свободу; но въ сущности его положеніе было не лучше рабскаго. Подобно рабу, онъ принадлежалъ своему господину вмѣстѣ съ землею, къ которой былъ прикѣпленъ. Онъ не могъ перейти въ духовное званіе, занять какую-нибудь общественную должность. Если онъ бѣжалъ съ своего поля, его ловили, какъ бѣглаго раба, и законныя постановленія относительно бѣглыхъ *колоновъ* отличаются неумолимою жестокостію. Даже тридцатилѣтняя давность не спасала колона отъ возвращенія его къ прежнему владѣльцу земли, къ которой онъ приписанъ. У Сальвіана Марсельскаго, Лактанція и др. большею частью христіанскихъ писателей мы найдемъ страшныя картины положенія этого сельскаго полусвободнаго населенія; но намъ нѣтъ нужды обращаться къ этимъ писателямъ, чтобы составить себѣ понятіе о положеніи *колоновъ*. Императорскіе законы Феодосіева кодекса могутъ раскрыть это положеніе во всѣхъ его печальныхъ подробностяхъ. Колонъ принадлежалъ землѣ, а не земля, имъ обрабатываемая, принадлежала ему. Императорское законодательство почти не отличаетъ его отъ рабочаго скота и плодовыхъ деревьевъ,

подобно ему, также подлежащих подати. Колоны также считались головами, как и рабочий скотъ, и императорское законодательство не задумывается хладнокровно опредѣлить, что это положеніе должно быть «вѣчно» (*aeternitatis jus*). Если положеніе колона, котораго законъ, какъ бы въ насмѣшку, строго отличаетъ отъ раба, во всей наготѣ раскрывается въ императорскихъ эдиктахъ, съ убійственнымъ хладнокровіемъ и точностію опредѣляющихъ его *законную* постановку, то только у христіанскихъ писателей мы найдемъ ужасъ и негодованіе при видѣ этого бѣдственнаго положенія, этого законнаго беззаконія и неправды. Въ Галліи только въ немногія области, гдѣ еще сохранялись старокельтскія отношенія, напр. въ гористую Овернь, не проникли юридическія опредѣленія императорскихъ эдиктовъ, и сельское населеніе стояло въ другихъ отношеніяхъ къ своимъ владѣльцамъ. Зато только въ одной Оверни мы и видимъ дружный отпоръ варварамъ. Въ другихъ областяхъ сельское населеніе шло навстрѣчу варварамъ, призывало ихъ. Нельзя удержаться, чтобы не привести здѣсь слѣдующаго мѣста изъ Сальвіана Марсельскаго о колонахъ. «Гдѣ и у какихъ народовъ, кромѣ Римлянъ, найдемъ мы подобное зло? Даже Франки не знаютъ, что это за преступленіе? Гунны чужды подобныхъ злодѣйствъ. Ничего подобнаго нѣтъ у Вандаловъ, нѣтъ и у Готовъ. Не только варвары не терпятъ подобныхъ мученій у Готовъ, но и самые Римляне, живущіе между ними, отъ нихъ пзъаты. Оттого у нихъ только одно желаніе—никогда не воротиться подъ римское владычество. Да, вся эта римская *plebs* проситъ у Неба только одной милости—возможности провести жизнь между варварами. И мы удивляемся, что Готы не побуждены нашими войсками, когда Римляне предпочитаютъ стоять на ихъ сторонѣ, а не на нашей! Вотъ почему не только наши братья не думаютъ оставить варваровъ, чтобы перебѣжать къ намъ, но

бѣгутъ пзъ нашихъ провинцій, чтобы искать у нихъ убѣжища. Я бы, наконецъ, удивился, почему всѣ наши бѣдные и разоренные трибутариі не дѣлаютъ этого, еслибы не знали единственнаго затрудненія, ихъ останавливающаго, именно невозможности унести съ собою ихъ скудное наслѣдство, ихъ жалкую хижину и ихъ бѣдное семейство».

Понятны успѣхи Бургундовъ, Вестготовъ, Франковъ въ областяхъ Галліи. Но пока варвары еще не утвердились окончательно на почвѣ Галліи, разоренное сельское населеніе протестовало противъ своего нестерпимаго положенія не бѣгствомъ къ варварамъ, не призывомъ ихъ, а другимъ образомъ. Въ послѣднія два столѣтія Западной имперіи мы видимъ въ Галліи и Испаніи возстанія *багодовъ*, напоминающія жакеріи среднихъ вѣковъ. Слово «багоды» происходитъ, вѣроятно, отъ кельтскаго «*bagalt*—сборище». Въ шайки багодовъ бѣгутъ всѣ отверженники общества, разоренные куріалы, колонны. Они ведутъ ожесточенную войну съ обществомъ, доведшимъ ихъ до отчаянія, они разрываютъ всякую связь съ нимъ, отвергаютъ всѣ его законы. Въ «*Querolus*», римской комедіи, приписываемой Плавту, но принадлежащей, по всей вѣроятности, IV столѣтію, одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ слѣдующее: «Ступай скорѣй къ берегамъ Луары; тамъ живутъ люди *jure gentium*; тамъ нѣтъ предрасудковъ. Смертные приговоры проносятся подъ стѣною дуба и пишутся на костяхъ; тамъ вѣдѣствуютъ мужики, и частные люди чинятъ судъ и расправу; тамъ все позволено. Если ты богатъ, тебя будутъ называть *patus*, какъ говорятъ въ нашей Греціи. О лѣса, о пустыни! Кто назоветъ васъ свободными?» Нельзя не узнать въ этомъ описаніи багодовъ, особенно свирѣпствовавшихъ на берегахъ Луары.

Возстанія багодовъ въ Галліи и Испаніи продолжаются во все IV и первую половину V столѣтія, и правительство часто

было безсильно подавить ихъ. Одно изъ самыхъ сильныхъ возстаній было около 416 г., подъ начальствомъ какого-то Тибата или Тивата. Багоды были въ сношеніяхъ съ Бургундами, которые перешли Вогезы, и Аэціи долженъ былъ, отразивъ Бургундовъ, вести войска противъ разбойничьихъ шаякъ. Послѣ побѣды Аэція, Тибать, со множествомъ товарищей, былъ захваченъ и казнень. Мы уже видѣли, какъ багоды призывали Аттилу въ Галлію. Только съ того времени, когда германскія племена утвердились въ Галліи, прекращаются возстанія багодовъ, и именно потому, что куріаламъ и колонамъ открывалась возможность перехода въ земли, занятія варварами. Вотъ интересное мѣсто изъ Сальвіана Марсельскаго, относящееся къ багодамъ. «Я говорю о багодахъ, которые, ограбленные, утѣсненные, убиваемые жестокими и несправедливыми администраторами, потерявъ права Римлянъ, потеряли, наконецъ, и имя Римлянъ. И мы называемъ бунтовщиками, погибшими людьми тѣхъ, кого сами толкнули въ преступленіе! Ибо чтѣ произвело багодовъ, какъ не наши несправедливости, какъ не дурные поступки нашихъ администраторовъ, какъ не преслѣдованія и грабежи со стороны тѣхъ, кто обратилъ общественные доходы въ добычу для себя, подобно дикимъ звѣрямъ, не управляя, а пожирая тѣхъ, кто имъ ввѣренъ? И вотъ, люди, сдавленные за горло, умерщвляемые хищными правителями, сдѣлались варварами, потому что имъ не позволено больше быть Римлянами. Они полеволѣ сдѣлались тѣмъ, чѣмъ прежде не были, потому что имъ нельзя оставаться тѣмъ, чѣмъ они были. Доведенные до отчаянія, потерявъ уже свободу, они захотѣли защитить по крайней мѣрѣ жизнь».

Таково было положеніе городского и сельскаго населенія Галліи. То и другое было совершенно подавлено, не давало признаковъ жизни, кромѣ судорожныхъ конвульсій отчаянной

борьбы противъ правительства и общества. Вся жизнь, все движеніе еще сохранялись только въ высшемъ обществѣ, въ аристократіи, совершенно оторванной отъ низшихъ и среднихъ классовъ и доживавшей послѣднее время. Разложеніе имперіи послужило до нѣкоторой степени въ пользу аристократіи. Чѣмъ ниже падали города и сословіе мелкихъ землевладѣльцевъ, тѣмъ болѣе подымалось значеніе аристократіи, имѣвшей въ своихъ рукахъ громадныя помѣстья, образовавшіяся изъ земель разоренныхъ мелкихъ собственниковъ. Аристократія занимала высшія мѣста въ имперіи, наживалась правдой и неправдой. Но на этой аристократіи всего яснѣе видны характеристическія черты эпохи разложенія. За нѣкоторыми исключеніями, объясняемыми чисто мѣстными условіями, напр. положеніемъ Оверни, въ галлоримской аристократіи нѣтъ не только римскаго, но и мѣстнаго патріотизма. Германскихъ королей окружаютъ потомки знаменитѣйшихъ фамилій Галліи, они не задумываются продавать варварамъ независимость своей родины. Одна часть гальской аристократіи доживаетъ свой вѣкъ въ роскошныхъ вилахъ, занимаясь мелочною литературой, стараясь забыть положеніе своей родины; другая ищетъ всѣми путями, въ Римѣ и при дворахъ варварскихъ конунговъ, значенія и поживы, не разбирая средствъ, служа только своимъ эгоистическимъ интересамъ. Замѣтимъ одну особенность этой эпохи, ускользавшую отъ вниманія изслѣдователей. Въ это время, еще до паденія Западной имперіи, до окончательнаго утвержденія германскаго владычества, въ жизни высшаго сословія Галліи уже замѣчаются черты, которыя, развившись полнѣе, составили характеристическую особенность позднѣйшей, такъ-называемой феодальной, эпохи. Среди вторженія варварскихъ дружинъ, среди возстанія багодовъ, роскошныя виллы гальскихъ аристократовъ начинали обноситься стѣнами. Мало того. На крутыхъ скалахъ строить себѣ галлоримскіе

аристократы замки, гдѣ хранятъ свои сокровища, гдѣ, въ случаѣ опасности, могутъ найти надежное уѣжище. До насъ дошли, правда, очень въ маломъ числѣ и въ состояніи полного разрушенія, остатки этихъ горныхъ укрѣпленій гальской аристократіи. Указанія на ихъ существованіе мы находимъ у современныхъ писателей.

Говоря о положеніи Римской имперіи и о варварахъ, нельзя не остановиться на историческомъ значеніи христіанства въ эту эпоху: иначе мы не могли бы понять совершавшагося перелома и смысла всей средневѣковой исторіи.

Мы уже знаемъ, что въ началѣ христіане, ученіе которыхъ было отрицаніемъ античнаго міра, чуждались всего окружающаго ихъ. Даже уже въ то время, когда сами императоры сдѣлались христіанами, церковь не всегда отрѣшалась, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, отъ непріязненнаго, враждебнаго взгляда на ихъ власть. Вотъ одно въ высшей степени интересное мѣсто изъ твореній бл. Августина: «Отъ страши въ понятіе о правдѣ, что такое будутъ царства, если не разбойничьи шайки въ огромныхъ размѣрахъ, ибо что иное разбойничья шайка, какъ не царство въ маломъ видѣ? И тамъ собраніе людей, повинующихся единой власти, и тамъ въ основѣ лежитъ договоръ, и тамъ по извѣстнымъ законамъ дѣлится добыча. Если на бѣду эта шайка, вслѣдствіе присоединенія къ ней погибшихъ людей, разрастется въ большіе размѣры, такъ что займетъ извѣстную область, получить осѣлость, овладѣть городами и подчинить народы, то она открыто присвоитъ себѣ имя царства, имя, которое, очевидно, достается ей не вслѣдствіе отреченія отъ любостыжания, а вслѣдствіе пріобрѣтенія безнаказанности. Остроумно и вѣрно отвѣтилъ Александру Македонскому одинъ взятый въ плѣнъ морской разбойникъ. По какому праву, спросилъ его царь, смѣешь ты грабить на морѣ? По тому же, смѣло отвѣтилъ

разбойникъ, по какому ты опустошаешь земли. Меня зовутъ разбойникомъ, потому что у меня ничтожный корабль; тебя зовутъ завоевателемъ, ибо ты имѣешь огромный флотъ». Въ началѣ христіане не только отчуждались отъ государственной жизни, не только не являлись въ судахъ римскихъ, предпочитая предоставлять распри между своими суду своихъ же: они разрывали всѣ связи съ обществомъ. Не только школы, поэзія, литература, искусство, проникнутыя язычествомъ, были для нихъ закрыты: самыя простыя отношенія становились невозможными между ними и язычниками. Они не могли участвовать въ пирахъ и бесѣдахъ, ни быть на свадьбахъ и похоронахъ язычниковъ и т. д. Любопытный примѣръ подобнаго отчужденія представляютъ вопросы, предложенные однимъ христіаниномъ Кароагена бл. Августину. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ. «Можетъ ли христіанинъ, умирая съ голоду, взять что-нибудь изъ приношеній идоламъ, когда его никто не видитъ? Можетъ ли христіанинъ, обѣдая у друга, ѣсть мясо животнаго, принесеннаго въ жертву и, если по невѣдѣнію съѣсть его, какой его грѣхъ? Можетъ ли христіанинъ покупать и ѣсть овощи изъ садовъ и огородовъ, принадлежащихъ храму или жрецамъ? Позволительно ли пить воду изъ фонтановъ и колодезевъ, находящихся въ оградѣ языческаго храма, хотя бы они и не были осквернены?» При такомъ полномъ отчужденіи христіанъ отъ окружающей среды, понятно, что ихъ довольно долго не замѣчало и общество, среди котораго они жили; понятны и тѣ ужасныя, баснословныя вѣсти объ ихъ общинѣ, о ея вѣрованіяхъ и обрядахъ, которыя ходили между язычниками, когда существованіе этой общины открылось, наконецъ, ихъ глазамъ.

Но съ IV вѣка положеніе уже совершенно измѣняется. Со времени Константина Великаго христіанство не только не преслѣдуется, но, въ свою очередь, готово сдѣлаться господствующею

религіей. Владыка римскаго міра былъ уже христіаниномъ и, хотя еще некрещеный, предсѣдательствовалъ на первомъ вселенскомъ соборѣ, куда сошлись представители христіанскихъ общинъ всего римскаго міра. Измѣнилось положеніе христіанской церкви, хотя, должно сознаться, во многомъ уже измѣнилась и самая церковь. Христіанскія общины уже не скрывали своихъ собраний во мракѣ подземелій и подъ кровомъ ночи; они покрывали собою всю Римскую имперію, какъ западную, такъ и восточную ея половицу. Мало того. Христіанство далеко распространилось за ея предѣлами. Правда, союзъ съ императорскою властью не даромъ пришелся церкви. Императоры старались присвоить себѣ относительно христіанской церкви то же положеніе, какое занимали они относительно языческой государственной религіи: созывали соборы, предсѣдательствовали на нихъ и направляли ихъ рѣшенія, принимали участіе въ богословскихъ спорахъ и собственнымъ авторитетомъ рѣшали ихъ, то преслѣдуя еретиковъ, то самихъ православныхъ. Въ союзѣ съ императорскою властью, христіанская церковь до нѣкоторой степени потеряла свою самостоятельность, стала въ зависящее отъ свѣтской власти положеніе не только относительно внѣшней своей организаціи, но и относительно самыхъ догматовъ вѣры. Но зато послѣднія препятствія ея распространенію рушились съ тѣхъ поръ, какъ христіанство сдѣлалось религіей властителя римскаго міра. Въ самой церкви произошли важныя перемѣны. Изъ общей массы вѣрующихъ, жившихъ между собой въ братскомъ союзѣ, постепенно выдѣлялось духовенство, приобретаая все болѣе и болѣе значенія. Епископы, патріархи придавали демократическому устройству церкви болѣе и болѣе аристократическій характеръ въ ожиданіи того времени, когда римскій епископъ предъявитъ свои права на верховное главенство во всемъ христіанскомъ мірѣ. Прежнее изолированное положеніе, отчужденіе отъ всего

нехристіанскаго, которыми отличались первые вѣка христіанства, теперь давно уже прекратились. Задолго до Константина В., христіанство получило уже огромное вліяніе на общество, еще остававшееся языческимъ. Подъ вліяніемъ христіанскихъ идей, смягчились и измѣнились общественныя отношенія, суровыя постановленія римскаго права^{*)}. Христіане не избѣгали судовъ имперіи; напротивъ, епископы получили огромное вліяніе на самую администрацію. Въ городахъ Римской имперіи епископы заняли одно изъ первыхъ мѣстъ, стали вліятельнымъ лицомъ въ городскомъ управленіи, и во время варварскихъ нашествій очень часто мы не видимъ вовсе римскихъ властей, тогда какъ постоянно во главѣ городского населенія, лицомъ къ лицу съ опасностію, мы встрѣчаемъ христіанскаго епископа. Недаромъ между Гунами ходили насмѣшки надъ Аттилою; говорили, что онъ, не страшась никакихъ ополченій Римскаго государства, останавливался и робѣлъ передъ животными, разумѣя св. Луца трузаскаго и св. Льва римскаго. отношенія къ нимъ Аттилы, дѣйствительно, отличаются какимъ-то почтительнымъ характеромъ, какою-то сдержанностію и невольнымъ уваженіемъ. Чѣмъ болѣе понижалось значеніе императорской власти, тѣмъ болѣе вырастало значеніе представителей христіанскихъ общинъ. Каковы бы ни были притязанія императоровъ, ихъ власть не разъ принуждена была невольно склонять голову передъ служителемъ алтара. Лучшіе примѣры мы встрѣчаемъ во время царствованія Оеодосія. Извѣстны отношенія св. Амвросія медіоланскаго къ императору, по поводу наказанія жителей Оессалоники. Но здѣсь вліяніе христіанства не остановило порывовъ гнѣва раздраженнаго императора:

^{*)} Вліяніе христіанства на самое гражданское право Римлянъ отчетливо изображено въ прекрасномъ (нынѣ довольно рѣдкомъ) сочиненіи страсбургскаго профессора богословія. Шмидта: *Essai hist. sur la société civile et sur sa transformation par le christianisme*. 1853.

оно заставило его только принести раскаяние уже послѣ совершенія страшнаго наказанія. Вотъ менѣе извѣстный примѣръ изъ исторіи того же Θεодосія, когда слово епископа остановило занесенную уже руку императора и отразило страшный ударъ. Тяжесть налоговъ довела жителей Антиохіи, втораго по значенію города Восточной имперіи, до отчаянія и бунта. Народъ разбилъ изображеніе императора, разрушилъ статуи его и супруги. Гнѣвъ императора былъ ужасенъ. Говорили, что страшное наказаніе ждетъ Антиохію, что имущество жителей будетъ конфисковано, дома сожжены и городъ сравненъ съ землею. Θεодосій отправилъ туда чиновника съ полномочіемъ разобрать дѣло и наказать виновныхъ. Страхъ овладѣлъ жителями. Языческіе философы, бывшіе въ Антиохіи, спѣшили укрыться изъ города съ своими послѣдователями. Христіане окружили свое духовенство. Когда императорскій уполномоченный подъѣзжалъ къ городу, монахъ Македоній остановилъ его передъ воротами и приказалъ сойти съ лошадей. Видъ человѣка, покрытаго лохмотьями, дерзнувшаго остановить посланныхъ императора, разгнѣвалъ ихъ; но когда имъ сказали имя смѣлаго, они сошли съ лошадей и пали передъ нимъ. «Ступайте, скажите императору, сказалъ Македоній, что онъ человѣкъ и что его подданные также люди, созданные по образу Божію. Онъ раздраженъ за бронзовыя подобія; но живой и разумный образъ менѣе ли драгоцененъ? Легко возобновить статуи; но когда императоръ умертвитъ человѣка, чѣмъ вознаградить онъ вину свою? Воскресить-ли онъ его?» Исполненіе приговора было приостановлено, и Флавіанъ, архіепископъ Антиохіи, отправился въ Константинополь просить императора о прощеніи виновнаго города. До насъ дошла рѣчь его къ императору, написанная, вѣроятно, знаменитымъ Златоустомъ, бывшимъ тогда въ рядахъ духовенства Антиохіи. Эта рѣчь представляетъ великолѣпный образецъ

христіанскаго краснорѣчія, и Флавіанъ къ Пасхѣ возвратился въ Антиохію возвѣстить народу прощеніе и милость императора.

Еще раньше Константина рушилось и отчужденіе христіанской церкви отъ языческой науки. Въ первые вѣка христіанства посѣщеніе языческихъ школъ считалось величайшимъ грѣхомъ для христіанина; въ послѣдующіе вѣка христіанство овладѣло языческою наукой, чтобы тѣмъ легче бороться съ своимъ врагомъ. Въ аѳинскихъ школахъ, въ этихъ главныхъ оплотахъ язычества въ IV вѣкѣ, на ученическихъ скамьяхъ встрѣтились величайшіе представители христіанской церкви того времени, Василій Великій и Григорій Назіанзинъ, съ знаменитѣйшими и ревностнѣйшими поборниками угасающаго язычества, цезаремъ Юліаномъ, будущимъ возстановителемъ язычества, какъ господствующей религіи, и ораторомъ Либаніемъ. Василій В., сдѣлавшись епископомъ Каппадокіи, посылалъ христіанскихъ отроковъ въ школу Либанія и не прекратилъ съ нимъ дружескихъ связей, завязавшихся еще въ Аѳинахъ, во время ихъ школьнаго образованія. Отношеніе христіанскаго общества къ язычеству, съ этой стороны, такъ измѣнилось, что нельзя представить себѣ болѣе рѣзкой противоположности, чѣмъ состояніе христіанской и языческой литературъ послѣдняго времени имперіи. Всѣ лучшія силы ума и воображенія того времени принадлежали уже христіанской церкви, и въ то время, когда языческая литература поражала своимъ бесплодіемъ и безцвѣтностію, своею мелочностію и ничтожествомъ, литература христіанская отличалась и богатствомъ содержанія, и красотою внѣшняго изложенія. Христіане усердно посѣщали языческія школы; еще усерднѣе знакомились съ лучшими писателями языческой, греко-римской литературы и науки; но они не становились къ ней въ подчиненное, зависимое положеніе, не покорялись ей, а овладѣвали

ею *). Ту же самую противоположность мы видимъ и въ общественной сферѣ. Всѣ лучшія, живыя силы общества принадлежатъ христіанству. Представители христіанской общины епископы, играютъ огромную роль. Они пользуются обширными правами и преимуществами всякаго рода, а также и богатыми матеріальными средствами.

Для насъ въ высшей степени интересно взглянуть на отношенія христіанской церкви въ послѣднее время имперіи, какъ къ самой имперіи, такъ и къ варварамъ, грозившимъ этой имперіи разрушеніемъ. Съ перваго взгляда можно подумать, что, со временъ Константина В., христіанская церковь неразрывно связала судьбу свою съ судьбами имперіи; что церковь употребить всѣ свои силы для защиты имперіи; что она съ ужасомъ будетъ смотрѣть на варваровъ. Римскій императоръ сдѣлался христіаниномъ; онъ имѣлъ притязаніе быть главою церкви, рѣшителемъ споровъ, возникшихъ относительно нѣкоторыхъ пунктовъ христіанскаго ученія. Враги имперіи, казалось, должны были быть врагами и христіанства, и церкви, тѣмъ болѣе, что они были или язычники, или аріане. Но на дѣлѣ было не такъ. Христіанской мысли не была чужда идея о гибели имперіи, не влекущей однакоже за собой гибели христіанства. Когда между христіанами было въ силѣ ученіе о тысячелѣтнемъ царствованіи Іисуса Христа, такъ-называемые *милленаріи* предсказывали близкую гибель имперіи. Затѣмъ вотъ обращикъ взглядовъ на будущее Лактанція, одного изъ христіанскихъ апологетовъ. «Вся земля будетъ потрясена, повсюду будетъ свирѣдствовать война. Мечъ будетъ ходить по міру, пожиная все и низвергая все, какъ

*) Болѣе подробную характеристику умственнаго развитія христіанъ описываемой эпохи читатель найдетъ въ началѣ III главы *Аполлониіа Сидонія* А. Т.

жатву. Причиною этого опустошенія и этого кровопролитія будетъ то, что имя Рима, который теперь править вселенною, исчезнетъ съ лица земли. Я говорю съ ужасомъ, но все-таки говорю, потому что такъ будетъ. Имперія возвратится на Востоку, Азія снова будетъ царствовать, и Западъ будетъ покоренъ. Тогда придетъ ужасное, проклятое время. Жизнь никому не будетъ сладка. Города будутъ разрушены до ихъ основаній огнемъ и желѣзомъ, постоянными землетрясеніями и наводненіями. Земля не будетъ давать плодовъ человѣку; животныя погибнуть» и т. д. Лактанцій жилъ въ концѣ III и въ началѣ IV вѣка, еще подъ властію языческихъ императоровъ, въ виду ожесточенныхъ гоненій: его предсказанія о гибели имперіи понятны. Но и подъ властію христіанскихъ правителей, среди страшныхъ бѣдствій, постигавшихъ уже христіанскую Римскую имперію, гдѣ уже были закрыты и разрушены языческіе храмы и запрещены языческія жертвоприношенія, христіане безтрепетно созерцали страшную картину разрушенія имперіи и не приходили въ отчаяніе. «Рушится римскій міръ, и однакоже голова наша не склопится долу», писалъ знаменитый отшельникъ Виолеема, блж. Іеронимъ. Прислушаемся къ голосамъ христіанскаго духовенства въ самыя страшныя минуты варварскихъ нашествій. Мы услышимъ плачъ о судьбѣ частныхъ лицъ; но не найдемъ ни отчаянія при видѣ рушащейся Римской имперіи, ни ненависти къ варварамъ. Для однихъ, какъ, напр., для св. Павлина нолинскаго, опустошеніе южной Италіи, гдѣ жилъ онъ, самое взятіе Рима Готами прошли какъ бы незамѣченными, не возмущая яснаго спокойствія души его. Другіе какъ бы торопятъ варваровъ покончить скорѣе съ Римскою имперіей и римскимъ міромъ. Епископъ Гиппоны, въ знаменитомъ сочиненіи *О Градѣ Господнемъ*, сдѣлался апологистомъ совершившихся событій. Готы и другіе варвары, въ его глазахъ, совершители воли

Провидѣнія; ихъ невѣжество, ихъ варварство все-таки лучше современнаго растлѣнія римскихъ нравовъ; анархія лучше организованнаго беззаконія. Въ лицѣ Августина церковь какъ бы отреклась отъ Рима и подала руку его опустошителямъ, потому что предвидѣла ихъ высокое назначеніе въ будущемъ, и не останавливалась передъ временными, преходящими бѣдствіями. Святитель Гиппона не видалъ еще вблизи варваровъ въ то время, когда писалъ свою апологію. Африка тогда еще не была занята Вандалами: они явились уже предъ самой кончиной Августина. Онъ зналъ только по слухамъ о сынахъ Германіи; быть можетъ, болѣе близкое знакомство съ ними умѣрило бы его восторгъ передъ благочестіемъ Готовъ и чистотою ихъ нравовъ. Но Орозій, близкій свидѣтель варварскихъ нашествій, въ своей исторіи, написанной по мысли и просьбѣ бл. Августина, вполне раздѣлялъ взглядъ своего великаго учителя. Его исторія есть защита христіанства противъ обвиненій, которыя возводили на него язычники за бѣдствія имперіи; доказательство, что и въ языческое время этихъ бѣдствій было не меньше. Сальвиана Марсельскаго, конечно, нельзя обвинить въ равнодушіи къ страданіямъ его родины. Вторженіе 406 г. со всѣми его ужасами совершилось на его глазахъ, и притомъ въ самую впечатлительную пору его жизни. Сердце его обливается кровью при видѣ того, что тогда происходило въ Галліи: «dolor erumpit», какъ выражается самъ онъ. Что же говорить онъ? Онъ ставитъ выше Римлянъ не только еретиковъ Готовъ, даже язычниковъ Саксовъ, Алановъ и Гунновъ. Здѣсь тоже воззрѣніе бл. Августина положено въ основаніе, только Сальвианъ, собственными глазами видѣвшій ужасы разрушенія Трира, еще, быть можетъ, съ большею ненавистью говоритъ о злоупотребленіяхъ римской власти, объ общей безнравственности, нежели африканскій епископъ.

Возвращаемся къ разсказу о политическихъ событіяхъ при концѣ Западной римской имперіи.

При возведеніи на престолъ Антемія, кажется, приняты были всѣ мѣры, чтобы обезпечить новому императору спокойное царствованіе, и однакоже почти все время правленія Антемія прошло въ волненіяхъ, и черезъ 4 года онъ погибъ въ неравной борьбѣ съ Рицимеромъ. Экспедиція противъ Вандаловъ, предпринятая общими силами обѣихъ имперій тотчасъ послѣ вступленія на престолъ Антемія, кончилась неудачей и не безъ измѣны. Начальникъ экспедиціи, знаменитый Марцеллианъ, до Антемія независимый правитель Далмаціи, погибъ, по всей вѣроятности, не безъ участія Рицимера. Греческій военачальникъ былъ подкупленъ вандальскимъ королемъ. Около половины флота и войска погубило вслѣдствіе этой продажности. Неудача экспедиціи слишкомъ соответствовала расчетамъ Рицимера, чтобы не заподозрить его, если не въ прямомъ участіи, то, по крайней мѣрѣ, въ сочувствіи этому. И вотъ, уже въ 470 г. Рицимеръ оставилъ Римъ и началъ въ Миланѣ собирать войско. Открытая война была неизбежна; только посредничество знаменитаго Епифанія св., епископа Павіи, на этотъ разъ отклонило ее *).

*) Жизнь этого Епифанія служитъ лучшимъ доказательствомъ тому, что въ послѣднее время имперіи христіанское духовенство постепенно выдвигалось на первый планъ, даже въ политической сферѣ. Вотъ почему я описаніе, принадлежащее Еяноду, составляетъ одинъ изъ самыхъ драгоценныхъ источниковъ государственной исторіи этой эпохи. Безъ него главнѣйшія событія этой исторіи или остались бы намъ вовсе неизвѣстными, или представлялись бы въ крайне смутномъ видѣ. Этимъ объясняется, почему исторія среднихъ вѣковъ, по крайней мѣрѣ первые ея періоды были бы невозможны, еслибы мы не были подъ руками огромнаго множества житій, въ большей части случаевъ составляющихъ самый надежный и единственный историческій источникъ. Понятна поэтому необыкновенная важность колоссальнаго труда, предпринятаго въ 1635 г. иезуитомъ Болланомъ, именно собраніе и изданіе житій святыхъ. Это изданіе,

примирился съ Антеміемъ, но ненадолго. Онъ понялъ, что въ Антеміи онъ не найдетъ безмолвнаго и послушнаго исполнителя своей воли, и велъ противъ него интригу, вступая въ союзы въ варварами, утвердившимися въ римскихъ областяхъ, увеличивая число своихъ приверженцевъ въ самой Италіи. Событія въ Константинополѣ ускорили развязку дѣла. Въ Восточной имперіи положеніе дѣлъ въ это время было очень похоже на положеніе дѣлъ на Западѣ. Ту же роль, какую игралъ Свевъ Рицимеръ на Западѣ, возводя и низводя по своей волѣ императоровъ и почти полновластно управляя судьбами имперіи, на Востокѣ игралъ Алаихъ Аспаръ. Онъ доставилъ престолъ императору Леву съ условіемъ, что императоръ назначитъ его сына цезаремъ и отдастъ за него дочь свою. Сынъ Аспара былъ объявленъ цезаремъ, дочь Лева была обручена съ нимъ; но Левъ тяготился своею зависимою отъ варвара, и Аспаръ былъ въ распlohъ зарѣзанъ императорскими евреями. Извѣщая императора Антемія о гибели Аспара и его сыновей, императоръ Левъ писалъ: «Я отдѣлался отъ этихъ людей съ тѣмъ, чтобы никто здѣсь не смѣлъ возвышать свою власть наравнѣ съ моею». Урокъ былъ ясенъ, примѣръ соблазнительнъ, и Рицимеръ поналъ, что ему нужно дѣйствовать рѣшительно,

Acta Sanctorum, по имени перваго издателя называющагося *Собраниемъ Боландистовъ*, было нѣсколько разъ прерываемо обстоятельствами. Въ 1794 г. оно состояло уже 54 огромныхъ томовъ in fol. Въ послѣднее время оно начало продолжаться; но, вѣроятно, пройдетъ еще много времени, пока оно будетъ полною окончено. Важное пособіе для пользованія житіями святыхъ и другими средневѣковыми источниками, которого необходимость чувствовалась уже давно, явилось въ 1862 году. Это трудъ Поттгаста: «*Bibliotheca historica medii aevi*», полезнѣйшій указатель всѣхъ историческихъ источниковъ съ 375 по 1500 г. Только нѣмецкое трудолюбіе могло не остановиться передъ такою работою! (Въ 1868 г. вышелъ дополнительный томъ къ этому труду Поттгаста съ хронологическимъ перечнемъ всѣхъ папъ и нѣмецкихъ императоровъ, королей и епископовъ. Изданіе житій свв. нынѣ доведено до сентября мѣсяца. А. Т.).

чтобы избѣжать участи Аспара. Снова онъ открыто вооружился противъ Антемія, и на этотъ разъ выставилъ другаго императора. Онъ избралъ для этой роли Олибрія, который жилъ въ Константинополѣ и былъ женатъ на дочери Валентиніана, Платидіи, сестра которой, захваченная во время грабежа Рима Вандалами, была замужемъ за сыномъ Гензериха. Олибрій явился въ Италію, и Антеміи погибъ. Вѣчный городъ въ третій разъ былъ разграбленъ варварами. Впрочемъ, на этотъ разъ и торжество Рицимера было непродолжительно. Онъ умеръ отъ болѣзни черезъ 40 дней послѣ смерти Антемія. Вскорѣ за нимъ умеръ и его креатура, императоръ Олибрій, 28 окт. 472 г.

Дальнѣйшая исторія Западной имперіи не представляетъ уже почти никакого интереса; западные римскіе императоры, какъ увидимъ, ограничивались одною Италіей. Послѣдніе два императора, Гликерій и Юлій Непотъ, смѣнявшіе другъ друга въ теченіе 4 лѣтъ, были такъ безсильны и ничтожны, что, теряя престолъ, сохраняли жизнь. По смерти Рицимера сначала судьбою Рима управлялъ другой варваръ, его племянникъ, бургундскій король Гундобальдъ, а потомъ Римлянинъ, не менѣе интересный по своимъ приключеніямъ. Это былъ Орестъ, родомъ изъ Иллиріи, римской провинціи. Орестъ былъ женатъ на дочери графа Ромулуса, одного изъ важныхъ сановниковъ имперіи. Онъ былъ въ числѣ ближайшихъ совѣтниковъ и преданнѣйшихъ слугъ Атилы, — положеніе, которое онъ занималъ до самой смерти гунскаго завоевателя. Онъ велъ со стороны Атилы переговоры съ римскимъ дворомъ, и Атила не имѣлъ болѣе вѣрнаго исполнителя своихъ замысловъ. По смерти бича Божія, Орестъ возвратился въ Зап. имперію и изъ варвара сдѣлался Римляниномъ. Онъ жилъ сначала частнымъ человекомъ, но Антеміи приблизилъ его къ себѣ, и совѣтникъ гунскаго царя сдѣлался однимъ изъ первыхъ

сановниковъ Римской имперіи. Орестъ сумѣлъ удержаться при всѣхъ переворотахъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ Итали со времени Антемія, и при Непотѣ занималъ первое мѣсто въ имперіи. Намѣреніе Юлія Непота отбѣлаться отъ его власти и удалить его съ войсками въ Галлію было причиною возстанія Ореста и сверженія императора. Непотъ удался въ Далмацію, гдѣ въ Солонѣ, недалеко отъ его дворца, жилъ Гликерій, сверженный имъ его предшественникъ. Орестъ овладѣлъ Равенною 21 марта 475 г. и нѣсколько времени управлялъ Италіей, не провозглашая императора. Въ октябрѣ того же года, войска провозгласили императоромъ его молодого сына, носившаго имена двухъ основателей римскаго государства, Ромула-Августа, болѣе извѣстнаго подъ уменьшительнымъ именемъ *Августула*. Случай хотѣлъ, чтобы послѣдній императоръ Рима, заключившій собою 12-ти-вѣковую его исторію, соединилъ въ себѣ эти великія имена. Ромуль-Августъ былъ еще ребенокъ; имперіей управлялъ отецъ его, носившій титулъ патриція, сдѣлавшійся въ послѣднее время высшимъ государственнымъ званіемъ. Управление его было очень недолговременно. Варвары, утвердившіеся въ областяхъ Зап. имперіи, взяли себѣ римскія земли. Нѣкоторые, какъ, напр., Вандалы, захватили всѣ земли въ извѣстныхъ провинціяхъ; другіе, какъ Бургунды и Визиготы, присвоили себѣ двѣ трети земель въ уступленныхъ имъ областяхъ. Варвары, служившіе въ войскахъ имперіи, не получили земельного надѣла и въ этомъ отношеніи стояли далеко ниже другихъ Германцевъ, оружіемъ захватившихъ области имперіи. Можетъ быть, въ надеждѣ на этотъ земельный надѣлъ они и помогли Оресту свергнуть Юлія Непота. Какъ бы то ни было, почти тотчасъ послѣ провозглашенія Ромула-Августа императоромъ, они предъявили свои требованія на раздѣлъ между ними части земель Итали. Бывшій министръ гунскаго царя оказался

на этотъ разъ болѣе Римляниномъ, чѣмъ большая часть чисто римскихъ сановниковъ. Орестъ отказалъ варварамъ въ требованіи. Слѣдствіемъ отказа было возстаніе варваровъ, служившихъ въ войскахъ имперіи. Вождемъ этого возстанія сдѣлался Ругъ Одоакръ, еще при Антеміи принятый Орестомъ въ конейщики императорской стражи. Когда Одоакръ съ своими товарищами шелъ въ Италию, чтобы поступить тамъ на службу, апостолъ Норикки, св. Северинъ, къ которому онъ зашелъ по дорогѣ за благословеніемъ, предсказалъ ему будущее возвышеніе. Теперь это предсказаніе исполнилось. Между Орестомъ и Одоакромъ началась война. Оставивъ сына въ укрѣпленной Равеннѣ, подъ охраною своего брата, Орестъ собралъ отряды, остававшіеся ему вѣрными и началъ борьбу съ возставшими варварами. Онъ былъ осажденъ въ Павіи и выданъ Одоакру возмущившимися солдатами. Одоакръ велѣлъ его казнить: казнь Ореста пришлось въ самый день годовщины его торжественнаго вступленія въ Равенну послѣ бѣгства Юлія Непота. Ромуль-Августуль не могъ держаться послѣ смерти отца. Одоакръ овладѣлъ Равенной и не только пощадилъ жизнь молодого императора, но далъ ему богатое помѣстье Луккуланумъ, на берегу Байскаго залива въ южной Итали, съ ежегодною пенсіей въ 6000 червонцевъ. Конецъ имперіи пришелъ какъ разъ ко времени, задолго еще предсказанному языческими гадателями. 12 коршуновъ явилось Ромулу при основаніи Рима, 12 столѣтій протекло со времени основанія Вѣчнаго города.

Паденіе Зап. имперіи совершилось, не произведя ни малѣйшаго впечатлѣнія на современниковъ, ни малѣйшей перемѣны въ положеніи Итали. Еще до взятія Равенны и низведенія съ престола Ромула-Августула, Одоакръ былъ провозглашенъ королемъ варварскими войсками. Этотъ титулъ сохранилъ онъ и послѣ уничтоженія императорскаго достоинства; но онъ не

назывался и его не называли королемъ Италіи. Такъ какъ войска имперіи состояли изъ варваровъ всѣхъ племенъ, то и относительно королевскаго достоинства Одоакра мы встрѣчаемъ разпорѣчія въ современныхъ свидѣтельствахъ. Его называютъ то королемъ Геруловъ, то королемъ Руговъ, Сцировъ и Турцилинговъ; но самое обыкновенное и самое приличное названіе Одоакру было «король племенъ». Одоакръ отдалъ своимъ солдатамъ треть земель имперіи, но и это сдѣлалъ онъ, какъ кажется, соблюдая законныя формы, истребовавъ утвержденіе сената. Эти земли недолго оставались въ рукахъ варваровъ. Варвары шли въ Италію не цѣлыми племенами, какъ въ Галлію и Испанію, не съ женами и дѣтьми, а поодиночкѣ. Имъ не было ни выгоды, ни охоты селиться на уступленныхъ имъ земляхъ, которыя вскорѣ и были проданы ими или прежнимъ владѣльцамъ, или вообще лицамъ римскаго происхожденія. Одоакръ отослалъ къ византійскому императору, Зенону, всѣ знаки императорскаго достоинства и заставилъ римскій сенатъ, при посредствѣ бывшаго императора Ромула-Августула, отправить посольство въ Константинополь съ извѣщеніями своего мнѣнія, что одного императора достаточно для управленія и защиты обѣихъ имперій, и что для Зап. имперіи сенатъ не находитъ лучшаго правителя, чѣмъ Одоакръ. Императору Зенону хотѣлось содѣйствовать возвращенію престола Юлію Непоту; Непотъ, тотчасъ по низведеніи Августула, вступилъ-было въ сношенія съ Одоакромъ и послалъ ему патентъ на званіе патриція; но Одоакръ вовсе не думалъ возводить кого-либо на императорскій престолъ. Зап. императоръ казался ему вовсе не нужнымъ, а желаніе восточнаго не имѣло никакой силы, если не могло быть подкрѣплено оружіемъ. Притомъ же скоро не стало и Юлія Непота. Мы видѣли, что при возстаніи Ореста онъ бѣжалъ изъ Равенны въ свою Далмацію и тамъ встрѣтился съ низверженнымъ имъ

императоромъ Гликеріемъ, теперь епископомъ города. Гликерій сохранилъ всю ненависть къ Непоту; благодаря его интригамъ, состоялся заговоръ, слѣдствіемъ котораго было убійство Непота. Вѣроятно, въ этомъ убійствѣ не безучастенъ былъ и Одоакръ, вслѣдъ затѣмъ лично явившійся съ войсками въ Далмацію и вновь присоединившій ее къ Италіи. За исключеніемъ раздачи земель варварамъ и отмены императорскаго достоинства, ни малѣйшей перемѣны не произошло въ Италіи. Подъ властію короля Одоакра точно также, какъ и при послѣднихъ номинальных императорахъ, всѣ формы управленія остались попрежнему. Одоакръ, король для варваровъ, для Римлянъ былъ патриціемъ. Сенатъ римскій не только сохранилъ вполне свое прежнее значеніе, но еще возвысилъ его подъ властію Одоакра. Для варварскаго короля были неизвѣстны подробности римской администраціи, и онъ передалъ управленіе Римлянами сенату. Все оставалось по прежнему. При Одоакрѣ былъ и префектъ преторіи, и начальникъ милиціи, и *comes largitionum*, и квесторы, совершенно какъ при прежнихъ императорахъ. Консулы продолжали избираться ежегодно и назначались то по согласію съ вост. императоромъ, то по волѣ одного Одоакра: въ спискахъ консуловъ этого времени мы находимъ членовъ знаменитѣйшихъ римскихъ фамилій. Областное и городское управленіе шло совершенно по прежнему. Для Италіи управленіе Одоакра не только не перемѣнило ничего относительно внутренняго устройства; но ея положеніе нѣсколько улучшилось подъ властію варварскаго короля. Правда, солдаты Одоакра, тотчасъ по сведеніи Ромула-Августула, странно опустошили ее, но таково было слѣдствіе и прежнихъ переворотовъ. Раздѣлъ земель между варварами разорилъ многихъ владѣльцевъ; но эти земли скоро перешли опять въ руки итальянскаго населенія. Правленіе Одоакра имѣло для Италіи ту выгоду, что прекратилось безпрестанное

возведение и низведение императоровъ, сопровождаемое обыкновенно смутами и насиліями всякаго рода, и подъ властію Руга Италия отдохнула на время отъ своихъ бѣдствій.

Что касается до положенія провинцій Зап. имперіи, то, замѣтивъ, что уже послѣ сверженія Антемія, власть послѣднихъ римскихъ императоровъ ограничивалась на дѣлѣ одною Италіей, остановимся съ особеннымъ вниманіемъ на состояніи Галліи послѣ Антемія, такъ какъ здѣсь происходили важныя событія, имѣвшія большое значеніе для послѣдующаго развитія Европы.

Въ Галліи несравненно болѣе, чѣмъ въ самой Италиі, было римскаго патриотизма. Здѣсь болѣе, чѣмъ въ Италиі, встрѣчали сопротивленія варвары, стремившіеся основать свои королевства въ областяхъ Римской имперіи. Галлія болѣе, чѣмъ Италия, стояла за единство имперіи. Но она была предоставлена самой себѣ. Для римскихъ императоровъ она стояла на второмъ планѣ, а варварскіе временщики, управлявшіе Зап. имперіей именемъ послѣднихъ безсильныхъ императоровъ, пользовались ею только какъ средствомъ для своихъ эгоистическихъ стремленій и не задумывались отдавать ея оласти въ руки варваровъ, съ тѣмъ, чтобы обезнечить свою власть въ Италиі. Любопытный обращекъ отношеній Рима къ Галліи находимъ въ правленіе императора Гликерія. По смерти Атилы, Остготы, подъ начальствомъ трехъ своихъ королей-братьевъ, поселены были въ Панноніи. По смерти одного изъ своихъ королей, послѣ побѣды надъ соседними варварскими племенами и истощенія римскаго населенія провинцій, имъ уступленной, Остготы требовали отъ своихъ королей, Теодеміра и Видеміра, мѣстъ для новыхъ поселеній и новой добычи. На совѣтѣ королей рѣшено было раздѣлить силы Остготовъ и въ одно время ударить на обѣ имперіи. Теодеміръ съ своимъ сыномъ, столь знаменитымъ въ

послѣдствіи Теодерихомъ, рѣшился двинуться на Вост. имперію, Видеміръ на Западную. Вотъ судьба послѣдняго. Походъ его былъ крайне несчастливъ. По дорогѣ къ Альпамъ, Остготы должны были безпрестанно выдерживать нападенія со стороны различныхъ германскихъ племенъ, ожесточенныхъ своихъ непріятелей. Когда они, борясь со всевозможными затрудненіями, перешли, наконецъ, Альпы и спустились въ верхнюю Италію, ихъ ждали новыя бѣдствія. Итальянскій климатъ, переходъ отъ ужасныхъ лишеній, которымъ они подвергались во время похода по опустошенной, почти безплодной странѣ, къ изобилію, встрѣтившему ихъ въ Италиі, развилъ въ нихъ болѣзнь и смертность: одною изъ первыхъ жертвъ былъ самъ Видеміръ. Остготы провозгласили королемъ его молодого сына; но ихъ положеніе было ужасно. Возвратъ въ Паннонію былъ невозможенъ. Тамъ ихъ мѣсто заняли Сарматы, Руги, Турцилинги. Надобно было снова мечемъ завоевать свои прежнія земли. Съ другой стороны, движеніе впередъ, борьба съ Запад. имперіей были также невозможны для обезсиленныхъ Остготовъ, лишившихся вдобавокъ своего стараго, опытнаго вождя. Для императора Гликерія не стоило большаго труда истребить въ конецъ эти слабые остатки остготскаго племени, вторгнувшіеся въ Италію. Но для этого все-таки нужно было сражаться. Гликерій выбралъ болѣе легкій путь. Послы его смиренно явились передъ молодымъ королемъ Остготовъ и держали такую рѣчь, указывая за Альпы: «Видишь-ли ты эти горы? Онѣ отдѣляютъ тебя отъ народа одного съ тобою племени. Страна за ними—Галлія, часть которой принадлежитъ вашимъ братьямъ, Вестготамъ. Они тамъ могущественны и оспариваютъ остальное у другихъ варваровъ, ихъ соперниковъ. Ступай на соединеніе съ ними; тамъ ждетъ тебя страна удивительнаго плодородія, которая и будетъ удѣломъ твоего народа». Это предложеніе подкрѣплено

было золотомъ; заключенъ былъ договоръ, которымъ уступалась огромная часть Галліи, еще признававшая власть Рима, и римскіе чиновники проводили въ Галлію это сильное подкрѣпленіе для Эйриха вестготскаго, замышлявшаго покорить послѣдніе остатки римскихъ владѣній въ Галліи. Въ этомъ же родѣ были почти всѣ отношенія Рима къ преданной ему Галліи.

Главнымъ оплотомъ римскаго владычества въ Галліи была центральная ея область, I Аквитанія, окруженная съ ЮЗ. и В. владѣніями Бургундовъ и Вестготовъ. Впрочемъ Бургунды на время не были опасны. Раздѣленные между тремя королями, они съ опасеніемъ смотрѣли на усиленіе Вестготовъ и скорѣе готовы были помочь гальскимъ областямъ имперіи, чѣмъ вредить имъ. Притомъ, послѣ сверженія Гликерія, четвертый король бургундскій, преемникъ Ринцимера, Гундобальдъ, явился въ Галлію и потребовалъ своей части отцовскаго наслѣдства. Между братьями завязалась жестокая борьба, окончившаяся торжествомъ Гундобальда, который, уступивъ брату своему, Годегизелю, Женеу, самъ занялъ западныя области Бургундіи, центромъ которыхъ былъ Лионъ. Главная опасность тѣмъ областямъ Галліи, гдѣ еще признавалось верховное владычество Рима, грозила съ юга, со стороны Визиготовъ. Готы, также какъ и Бургунды, изъ всѣхъ варварскихъ племенъ, утвердившихся въ Галліи, отличались мягкостію, уступчивостію римскому вліянію. Въ «Евхаристикоѣ» Павлина бордоскаго мы находимъ замѣчательное доказательство этому. Одинъ изъ высшихъ чиновниковъ императора Аттала, слѣдовавшаго въ обозѣ Атаульфа, Павлинъ въ Бордо былъ совершенно ограбленъ Готами, удалявшимися тогда въ Испанію для исполненія мирнаго договора Атаульфа съ императоромъ Гоноріемъ. Послѣ того Павлинъ останавливался на время въ Базасѣ, гдѣ судьба заставила его такъ

неожиданно быть посредникомъ между королемъ Алаповъ, Гоаромъ, и жителями осажденнаго варварами города; наконецъ, онъ удалился въ Марсель, совершенно разоренный. Каково же было его удивленіе, когда, нѣсколько лѣтъ спустя, онъ совершенно неожиданно получилъ небольшую сумму денегъ, нѣсколько обезпечившую его положеніе. Эти деньги высланы были ему однимъ Готомъ, которому пришлось по нраву небольшой участокъ земли, принадлежавшей Павлину около Бордо. Готъ разыскалъ, гдѣ живетъ бывшій владѣлецъ, давно уже и забывшій объ этой своей собственности, и выслалъ ему ту цѣну, которой, по его мнѣнію, стоила земля. Ничего подобнаго мы не найдемъ въ исторіи другихъ варварскихъ народовъ. Утвердившись окончательно на югѣ Галліи и въ Испаніи, Готы нѣкоторое время оставались при своихъ старыхъ обычаяхъ и образѣ жизни *). Особенно упорно сохраняли они свои свободныя отношенія къ королямъ. Почти вся ихъ исторія представляетъ борьбу аристократіи съ королями. Только въ VII столѣтіи король Свинтила (642—649) страшнымъ ударомъ сокрушилъ силы готской аристократіи. Число однихъ убитыхъ имъ простиралось до 700, изъ которыхъ 200 принадлежало къ высшей аристократіи; число заключенныхъ и изгнанныхъ доходило до тысячъ. Послѣ Свинтилы мы уже не видимъ заговоровъ и возстаній вестготской аристократіи; но послѣ него же скорѣе наступило и паденіе вестготскаго государства въ Испаніи, разрушеннаго Арабами. Но, за исключеніемъ твердости этихъ политическихъ преданій, Вестготы во всемъ остальномъ несравненно легче подчинялись римскому вліянію. Жители покоренныхъ или уступленныхъ

*) Въ *Аполинаріи Сидоніи* (II гл.) указано нѣсколько чертъ, прекрасно характеризующихъ этотъ патріархальный бытъ Готовъ въ Галліи. Особенно интересна тамъ народная сходка въ Тулузѣ, на которой готскій король предложилъ Авиту императорское достоинство. А. Т.

ямъ областей сохраняли свое римское управленіе. Готскаго короля окружали галло-римскіе совѣтники, въ числѣ которыхъ мы находимъ не только знатнѣйшихъ аристократовъ, но и лучшихъ литераторовъ Галліи. Сами готскіе короли не ушли отъ сильнаго вліянія римской цивилизаціи. Всѣ ихъ акты писаны латынью. Они даютъ своимъ сыновьямъ классическое образованіе: мы имѣемъ указанія на римское образованіе, полученное, напр., въ юности Теодерихомъ II, сыномъ Теодериха I, погибшаго въ битвѣ на Каталаунскомъ полѣ.

Было однакоже важное препятствіе къ полному сліянію Вестготовъ съ подчиненными имъ Галло-римлянами. Вестготы явились въ Галлію аріанами. Населеніе Галліи было все православное. Отъ Готовъ аріанизмъ перешелъ и къ Бургундамъ, которые, кажется, явились въ Галлію православными. По крайней мѣрѣ, христіанство у Бургундовъ извѣстно было подъ именемъ *готской вѣры*. Въ первое время эта противоположность между Готами и Галло-римлянами не высказывалась особенно рѣзко. Аріанское духовенство Готовъ было грубо и необразовано. Если оно и вело пропаганду, то не у образованныхъ Галло-римлянъ, а среди Германцевъ. Бургунды перешли къ аріанству, тогда какъ нѣтъ слѣдовъ проповѣди готскихъ священниковъ между православнымъ населеніемъ областей, занятыхъ Бургундами. Первые короли Вестготовъ были довольно равнодушны къ распространенію аріанства. Они даже искали себѣ совѣтниковъ не между аріанскимъ, а православнымъ духовенствомъ подчиненныхъ имъ областей Галліи. Мало того. Отсутствіе религіознаго фанатизма у Вестготовъ подавало надежду на довольно легкое ихъ обращеніе въ православіе. Вотъ что, напр., мы читаемъ у Сальвіана Марсельскаго относительно Готовъ: «Они еретики, но лишь по невѣдѣнію. Они заблуждаются, но искренно, не по ненависти, а по любви къ Богу. Они думаютъ этимъ лучше

угодить Господу. Справедливый приговоръ провидѣнія Божія призываетъ ихъ и насъ наказуетъ. Наказаніе обуздастъ прегрѣшенія православныхъ, и долготерпѣніе Божіе приведетъ еретиковъ къ полному сознанию истинъ нашей вѣры». Этими надеждами, жившими въ первое время среди православнаго населенія Галліи, объясняется легкій успѣхъ Готовъ въ распространеніи здѣсь ихъ владычества.

Но съ вступленіемъ на готскій престолъ Эйриха обстоятельства совершенно измѣнились. Эйрихъ, получившій королевское достоинство въ 466 или 467 г., послѣ убійства своего брата, Теодериха II, былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ государей Готовъ. Онъ явился горячимъ распространителемъ аріанства и ожесточеннымъ гонителемъ православія. Въ этомъ случаѣ имъ руководили соображенія чисто политическія. Еще прежде Эйриха ревностнымъ распространителемъ аріанства и еще болѣе жестокимъ преслѣдователемъ православія сдѣлался Гензерихъ вандалскій, въ которомъ также не замѣтно ни малѣйшаго слѣда богословскихъ тенденцій. Послѣ Эйриха главнымъ представителемъ аріанства сталъ знаменитый Теодорихъ остготскій. Аріанство, постоянно слабѣвшее между собственно римскимъ или романизованнымъ населеніемъ имперіи, почти совершенно уничтожившееся тамъ, сдѣлалось какъ бы національнымъ вѣрованіемъ Германцевъ. Мы видимъ, что къ нему переходятъ племена, первоначально исповѣдывавшія православіе, Бургунды въ Галліи, Сवेвы въ Испаніи. Въ аріанство же обращаются и языческія племена Германіи, недавніе чтители Одина, Герулы, Гепиды, Сциры, Руги, Турцилинги, отдѣльныя мелкія колѣна Готовъ, оставшіяся въ Германіи. Между міромъ римскимъ и варварскимъ въ сферѣ религіозной обнаруживается рѣзкое противорѣчіе. Міръ римскій почти весь православный; міръ германскій или еще языческій, или аріанскій. Становясь защитникомъ аріанства,

Эйрихъ становился въ то же время хранителемъ и распространителемъ германскаго элемента. Аріанство ближе подходило къ грубой, неразвитой еще натурѣ Германца, чѣмъ православіе. Понятіе о Христѣ-человѣкѣ было доступнѣе Германцамъ, чѣмъ понятіе о Богочеловѣкѣ. Была еще другая, быть можетъ, болѣе важная, по крайней мѣрѣ болѣе практическая причина, почему германскіе короли становились горячими защитниками заблужденія Арія. Аріанское духовенство, принадлежавшее къ тому же племени, изъ котораго происходилъ и самъ король, было одинаково послушнымъ, почти слѣпымъ орудіемъ королевской власти. Въ исторіи германскихъ племенъ мы не находимъ слѣдовъ столкновенія между духовною и свѣтскою властью. Аріанское духовенство не имѣетъ ни малѣйшаго государственнаго значенія, никакой независимости. До какой степени было равнодушно оно даже къ собственнымъ интересамъ, видно изъ того, что въ состязаніи съ православнымъ духовенствомъ оно почти не вступаетъ иначе, какъ по приказу, по настоянію короля. Не таково было православное духовенство. По мѣрѣ ослабленія центральной власти, оно все болѣе и болѣе выступало на первый планъ, пріобрѣтало все болѣе и болѣе независимости для себя и вліянія на общество и государство *). Вотъ почему Эйрихъ встрѣтилъ упорное сопротивление со стороны не только духовенства, но и всей массы православнаго населенія, когда вздумалъ энергически распространять аріанство вмѣстѣ съ расширеніемъ границъ Вестготскаго государства. Успѣхомъ въ своихъ замыслахъ онъ былъ обязанъ лишь малодушію римскаго правительства, которое признало полную независимость Готовъ отъ имперіи.

*) Подробный очеркъ характера и положенія православнаго духовенства описываемой эпохи, а также и борьбы Эйриха съ Галлоримлянами находится въ началѣ III главы *Аполличарія Сидонія*. А. Т.

Вестготское государство распространилось теперь между Ронной и Луарой, океаномъ и Пиренеями. Южная Галлія была подѣлена между Галлами и Бургундами.

Обращаемся къ сѣверной Галліи; гдѣ совершались тогда событія, имѣвшія рѣшительное вліяніе на судьбу всей страны *).

Франки, раздѣленные на двѣ отрасли, салійскую и рипуарскую, въ V вѣкѣ прочно утвердился въ Сѣв. углу римской Галліи. Въ болотахъ нижняго Рейна и Мааса было, кажется, древнѣйшее мѣстожительство салійскихъ Франковъ. По крайней мѣрѣ, въ нынѣшней провинціи Over Issel есть мѣстности, напоминающія ихъ своими именами. Тамъ мы находимъ землю Salland или Zalland (гдѣ нынѣ города Zwoil, Kampen, Deventer), городъ Oldenzaal, (Sala vetus). Въ началѣ V вѣка, салійскіе Франки, по словамъ Григорія Турскаго, были уже въ Тюрингіи; а эту Тюрингію большая часть изслѣдователей принимаетъ за область г. Тонгра. Одинъ изъ изслѣдователей Салическаго Закона указываетъ въ области нынѣшняго Лимбурга на обширную равнину, называвшуюся въ его время Vranctryck, что онъ переводитъ словами regnum Francorum, и на этой равнинѣ мѣстность, называемую Kopincryck, гдѣ онъ предполагаетъ резиденцію перваго короля салійскихъ Франковъ. Въ области же нынѣшней Бельгіи была составлена и первая редакція законовъ этого племени: здѣсь отыскиваются мѣстности, упоминаемыя въ прологѣ къ этимъ законамъ. Наконецъ, мѣстность, гдѣ, по словамъ Григорія

*) Изложенію событій эпохи Меровинговъ предшествуетъ въ запискахъ профессора перечень сочиненій, которыми онъ пользовался въ этомъ случаѣ. Здѣсь, кромѣ *Гизо*, *Ог. Тьерри*, *Фортеля* и *Лебелля*, встрѣчаемъ: *Potigny* (Etudes sur l'époque Méroving.), *Lehuéron* (Hist. des instit. Méroving. et Caroling.), *Alfr. Jacobs* (Georg. de Greg. de Tours etc.), *Huschberg* (Gesch. der Allem. und Franken), *Waitz* (D. Verfassungsgesch.) и *Roth* (Gesch. des Beneficialwesens). А. Т.

Турскаго, жилъ первый король салійскихъ Франковъ, Клодіонъ, Dispargum, также находится въ Бельгій *)). Другое племя Франковъ жило по обоимъ берегамъ Рейна до самаго Майнца и отъ слова гира (берегъ) называлось Франками рипуарскими. И тѣ и другіе Франки управлялись королями еще до ихъ вторженія въ келтическую Галлію. Относительно Рипуарскихъ Франковъ это фактъ несомнѣнный: Сунамонъ и Маркомеръ, ихъ короли въ послѣдней четверти IV вѣка, суть лица историческія. О первыхъ короляхъ салическихъ Франковъ, Клодіонъ и Меровигъ, мы имѣемъ только полумифическія сказанія. Есть народныя саги даже о Хильдерихъ, о которомъ, впрочемъ, въ то же время встрѣчаются и положительныя историческія свѣдѣнія. Извѣстна его борьба съ Егидіемъ послѣ побѣды надъ Аллеманами, въ 471; до самой его смерти въ 481 г. исторія молчитъ о немъ; но извѣстія, относящіяся ко времени послѣ его смерти, именно письма къ его сыну Теодериха остготскаго, указываютъ, что это время было мирнымъ временемъ для Франковъ. Хильдерихъ получилъ отъ Рипимера званіе начальника императорскихъ войскъ на сѣверѣ Галліи и сдерживалъ Вестготовъ, распространившихъ свои владѣнія до самой Луары. Его постояннымъ мѣстопребываніемъ былъ г. Турне, гдѣ въ 1653 г. была открыта его могила, изъ которой украшенія до сихъ поръ сохраняются въ Луврѣ. Съ сына его, Хлодвигъ, начинается великое историческое значеніе Франковъ не только для Галліи, но и для всей Европы.

Въ 480 г. Франки утвердившіеся на лѣвомъ, римскомъ берегу Рейна, не составляли одной сплошной массы, одного государства. Прежде всего они дѣлились, какъ уже было

*) Напрасно нѣкоторые ученые хотятъ править Dispargum въ нынѣшнему Duisbourg, между Дюссельдорфомъ и Везеромъ: онъ долженъ быть на лѣвомъ берегу Рейна, и естественно искать его въ брабантскомъ Duisbourg, или, еще скорѣе, въ городѣ Diest на Демерѣ.

сказано, на два племени, совершенно независимыя другъ отъ друга. Рипуарскіе Франки занимали нижнюю Германію и городъ Триръ, т. е. область нынѣшней Рейнской Пруссіи. Городъ Тонгръ отдѣлялъ ихъ владѣнія отъ владѣній салійскихъ Франковъ. Послѣдніе въ это время не составляли даже одного политическаго цѣлаго. Они дѣлились на 3 племени или трибы, управлявшіеся каждое особымъ королемъ. Одна изъ этихъ трибъ, съ королемъ Карарикомъ, занимала древнюю гальскую область Мориновъ (въ нынѣшнемъ департаментѣ Pas de-Calais); другая, съ королемъ Рагнахаромъ, жила въ южной части области Нервиевъ и владѣла городомъ Камбре (департ. du Nord); наконецъ, третья занимала сѣверную часть древней области Нервиевъ, которой Римляне дали имя Токсандрии, и городъ Турне. Эта триба, гдѣ королемъ былъ Хильдерихъ, а по смерти его сынъ его, Хлодвигъ, занимала, такимъ образомъ, все нынѣшнее королевство Бельгію, за исключеніемъ провинціи Льежа, представляющей область города Тонгра, отдѣлившей рипуарскихъ Франковъ отъ салійскихъ, но не подвластной еще ни тѣмъ, ни другимъ. 13-лѣтній Хлодвигъ наследовалъ, по смерти отца своего, не только королевское достоинство въ своемъ племени, но—что особенно важно—и званіе начальника императорскихъ войскъ въ Галліи, какъ мы видимъ изъ письма къ нему Ремигія или Реми, епископа города Реймса, стоявшаго тогда на первомъ планѣ въ областяхъ сѣверной Галліи. Титулъ начальника императорскихъ войскъ въ Галліи давалъ Хлодвигу огромное преимущество не только передъ другими королями Франковъ салійскихъ, но и надъ королемъ рипуарскихъ. Правда, крайняя молодость новаго короля сильно ослабила на первое время его значеніе и власть. Не только короли рипуарскихъ и салійскихъ Франковъ не признавали его первенства надъ собою; но и въ городахъ римской Галліи (т. е. Галліи на с. отъ Луары) значеніе начальника римскихъ

войскъ сильно понизилось, вѣдствие безсилія и гибели самой Зап. имперіи. Если на СВ. Галліи города были сдержаны Ремигіемъ, то на СЗ. они отказали въ повиновеніи Хлодвигу, какъ скоро явился надежный вождь. Этимъ вождемъ былъ Сіагріи, сынъ Егидія. Въ 484 г. онъ явился въ Суассонѣ, и поселенія области между Соммой и Луарой признали его своимъ вождемъ. Впрочемъ борьба не была продолжительна. Хотя короли Франковъ рипуарскихъ и одной трибы савійскихъ отказали въ содѣйствіи Хлодвигу; но зато и Сіагріи не владѣлъ большими силами. Ремигій удержалъ Реймсъ и сосѣдніе города. Другіе города, хотя враждебные Франкамъ, не оказали дѣятельной помощи Сіагрію. Хлодвигъ вмѣстѣ съ войсками короля турнейскихъ Франковъ, Рагнахара, разбилъ Сіагрія въ битвѣ подъ Суассономъ. Сіагріи бѣжалъ къ вестготскому королю, Алариху, преемнику Ейриха; но былъ выданъ имъ Хлодвигу и убитъ. Въ Галліи не было соперника Хлодвигу; но изъ отрывочныхъ, смутныхъ извѣстій анналистовъ видно, что города къ С. отъ Луары, оставившіе Сіагрія, не думали однакоже сдаваться Хлодвигу безъ сопротивленія. Сколько можно судить, цѣлые годы продолжалась упорная, ожесточенная борьба между ними и Франками Хлодвига. Изъ житія св. Женевиѣвы можно заключить, что Парижъ выдержалъ долгую осаду и томился отъ голода. Только черезъ 5 лѣтъ заключено было перемиріе между враждующими сторонами.

Къ этому времени относится бракъ Хлодвига съ бургундскою принцессой Клотильдой, который не остался безъ огромнаго вліянія на событія. Клотильда была дочь бургундскаго короля Хильпериха, погибшаго съ своими сыновьями по приказу Гундобальда, во время ожесточенной борьбы между бургундскими тетрархами, слѣдовавшей за возвращеніемъ Гундобальда въ Бургундію изъ Галліи, послѣ сверженія съ римскаго престола его креатуры, Гинкериа. И мать Клотильды, и сама

Клотильда, уцѣлѣвшія отъ гибели своей семьи, были православныя. Бракъ язычника Хлодвига съ православною Клотильдой казался однимъ изъ лучшихъ средствъ къ его обращенію, и мы видимъ, что главными посредниками этого брака были Галло-римляне. Гундобальдъ долженъ былъ согласиться отдать свою племянницу за Хлодвига. У Григорія Турскаго, ближайшаго по времени писателя, хорошо знавшаго событія, мы находимъ простое и короткое извѣстіе о бракѣ Хлодвига; но у его продолжателей есть длинный политическій рассказъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ этому браку и слѣдовавшихъ за нимъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ двухъ обстоятельствахъ: 1) что этотъ бракъ не могъ быть пріятенъ бургундскому королю, Гундобальду, убійцѣ отца, матери и братьевъ Клотильды; 2) что этотъ бракъ входилъ въ расчеты, какъ православнаго духовенства Бургундіи, управляемой аrianномъ Гундобальдомъ, такъ особенно и въ расчеты православнаго духовенства и населенія с. Галліи. По подробному разсказу о бракѣ Хлодвига, Клотильда въ первую же ночь взяла съ него два обѣщанія: принять христіанство и отмстить Гундобальду. Слѣдствія брака съ православною принцессой обнаружались немедленно. Города с. Галліи не имѣли причины долѣе сопротивляться и признали власть Хлодвига. Города между нижнею Соммой и нижнею Сеной, Амьенъ, Бове, Руанъ, сдались тотчасъ Франкамъ; военные отряды, еще находившіеся въ различныхъ мѣстахъ Галліи, перешли въ службу франкскаго короля. Одна Арморика сохранила отчасти свою самостоятельность, признавъ, однако, зависимость отъ Хлодвига. Измѣнился и самъ Хлодвигъ. Правда, не смотря на убѣжденія Клотильды стать христіаниномъ, онъ упорно отказывался. «Очевидно, говорилъ онъ, что вашъ Богъ не можетъ ничего сдѣлать; Онъ даже и не Богъ, потому что не происходитъ изъ божескаго рода», разумѣя подъ этимъ родомъ, конечно, Азовъ, родъ

Одина. Хлодвиг останавливала также и мысль, что принятие христианства отдалило от него Франковъ. Но онъ не противился крещенію своего сына, и когда ребенокъ умеръ еще въ пеленкахъ, Хлодвигъ, хотя и обвинилъ въ этомъ крещеніе, однако допустилъ крестить и второго сына, который остался въ живыхъ. А въ 496 г. кончились его колебанія.

Въ этомъ году Свевы и Аллеманы двинулись въ Галлію искать поселенія на земляхъ бывшей имперіи. Ударъ ихъ палъ на Рипуаровъ. Хлодвигъ, съ другими королями салійскихъ Франковъ, поспѣшилъ на помощь къ Рипуарамъ, и въ кровопролитной битвѣ при Толбіакѣ, въ 4 миляхъ отъ Кельна, Аллеманы были разбиты на голову. Франки, преслѣдуя ихъ, перешли Рейнъ, Майнъ, Неккаръ, и покорили всю эту страну; даже Бавары, жившіе по обоимъ берегамъ Дуная, признали свою зависимость отъ Франковъ. Побѣда надъ Аллеманами, по рассказамъ хронистовъ, приписана была Хлодвигомъ Богу Клотильды, и онъ рѣшился принять христианство. Послѣ возвращенія изъ продолжительнаго и тяжелаго похода, Хлодвигъ, уже отъ самаго Тула сопровождаемый монахомъ Ведастомъ, убѣждавшимъ его креститься, рѣшился на послѣдній шагъ. Въ Суассонѣ собрана была франкская сходка (*mallberg*), и Хлодвигъ предложилъ принятие христианства. Сцена была приготовлена заранее, и шумные крики возвѣстили готовность признать Бога, проповѣдуемаго Ремигіемъ. Въ Реймсъ, въ праздникъ Рождества 496 г., «новый Константинъ», какъ называли хрістіане Хлодвигъ, погрузился въ священные воды. «Сложи голову, кроткій Сигамбръ, сказалъ Ремигій, крестя Хлодвигъ: боготвори то, что ты жегъ, и сожги то, что ты боготворилъ». Около 3000 Франковъ крестилось вмѣстѣ съ королемъ; упорные язычники удалились къ Рагнахару, королю камбрейскихъ Франковъ. Впечатлѣніе, произведенное крещеніемъ Хлодвигъ, было громадно. Если оно на первое время ослабило его популярность между язычниками-Франками, то

отозвалось на всѣхъ концахъ хрістіанскаго міра. Изъ всѣхъ государей, подѣлившихъ между собою области нѣкогда единой Римской имперіи, только византійскій императоръ былъ православнымъ; всѣ остальные были или еретики, или язычники, и первые были еще страшнѣе для православныхъ, чѣмъ послѣдніе. Въ вандальской Африкѣ страшное гоненіе на православныхъ было воздвигнуто. Гуперикомъ, сыномъ Гензериха, и продолжалось нѣсколько лѣтъ (484—90): 4976 православныхъ священниковъ было сослано въ кочевья Мавровъ, въ пустыни по ту сторону Атласа; изъ 466 православныхъ епископовъ 90 погибло, 348 были изгнаны въ Корсику и Сардинію, и только 28 успѣли спастись. Ужасъ былъ во всемъ православномъ мірѣ, и въ это-то время могущественный вождь Франковъ принимаетъ православіе. Прямымъ слѣдствіемъ крещенія Хлодвигъ было быстрое и мирное распространеніе его владѣній за Сену вплоть до самой Луары, за которою начинались уже области Визиготовъ. Къ Хлодвигу обращены были симпатіи и надежды православнаго населенія всѣхъ областей бывшей Зап. имперіи. Вотъ что писалъ къ Хлодвигу Авитъ, епископъ Вьенны, первое по значенію и вліянію лицо въ православномъ населеніи Бургундскаго государства: «Ваша вѣра—наша побѣда. Выбирая для себя, вы рѣшили за всѣхъ насъ. Провидѣніе избрало васъ рѣшителемъ нашего времени. Греція можетъ еще хвалиться, что она имѣетъ православнаго властителя; но она не одна владѣетъ теперь этимъ драгоценнымъ даромъ, и остальному міру данъ теперь свѣтъ». Римскій пана, Анастасій, также слѣшилъ привѣтствовать новую опору православія. «Наша мать, церковь, писалъ онъ, радуется рожденію въ Богъ такого короля. Продолжай, славный и знаменитый сынъ, радовать мать твою; будь желѣзною колонной для ея поддержанія, и она дастъ тебѣ, въ свою очередь, побѣду надъ твоими врагами».

Такая постановка Хлодвига относительно православнаго населенія имѣла огромное значеніе для Галліи. Жители областей, подчиненныхъ аріанскимъ королямъ Бургундовъ и Готтовъ, ждали своего избавленія только отъ Хлодвига. Въ обоихъ государствахъ за франкскаго короля были не только симпатіи населенія, но и сильная партія. Первый ударъ палъ на Бургундовъ. Исполнивъ первое обѣщаніе, данное Клотильдѣ, ставъ христіаниномъ, Хлодвигъ исполнилъ скоро и второе. Православное духовенство Бургундіи хотѣло испытать послѣднее средство, прежде чѣмъ открыто стать на сторону Хлодвига. Въ сент. 499 г. православные епископы южной Галліи собрались въ Лионъ и обратились къ Гундобальду съ убѣжденіемъ перейти въ православіе. Гундобальдъ понималъ грозившую ему опасность. «Если ваша вѣра истинная, говорилъ онъ убѣждавшимъ его епископамъ, отчего ваши епископы не препятствуютъ королю Франковъ соединиться съ моими врагами для моей гибели? Ибо итъ въры тамъ, гдѣ желаніе овладѣть имуществомъ другаго и жажда крови народа». «Мы не знаемъ, возразилъ епископъ Авитъ, зачѣмъ король Франковъ дѣлаетъ то, что вы говорите; но Писаніе учигъ насъ, что Господь воздвигаетъ со всѣхъ сторонъ враговъ на тѣхъ, кто противъ Него. Возвратитесь съ вашимъ народомъ къ вѣрѣ Божіей, и Онъ дастъ вамъ миръ съ врагами вашими». Слова Авита были довольно ясны; но Гундобальдъ остался упоренъ въ аріанскихъ заблужденіяхъ, и его пораженіе было полное. Хлодвигъ заключилъ союзъ противъ Гундобальда съ Теодорихомъ остготскимъ, владѣвшимъ тогда Италіей, и вступилъ въ тайную сдѣлку съ братомъ Гундобальда, Годагизелемъ, королемъ восточной части Бургундіи, жившимъ въ Женеvѣ. Въ началѣ 500 г. онъ съ войскомъ уже явился въ Бургундію. Годагизель, призванный Гундобальдомъ, измѣнилъ ему въ рѣшительную минуту, соединивъ свои войска съ франкскими. Мгновенно

Гундобальдъ потерялъ все свое королевство и искалъ спасенія въ стѣнахъ Авиньона. Города отворили свои ворота Франкамъ. Остготы, поздно явившіеся изъ Италіи, также безъ сопротивленія заняли Марсель, Фрежюсъ и др. города на югѣ. Хлодвигъ, страшно опустошившій страну, осадилъ Авиньонъ; его союзникъ, Годагизель, занялъ Вьенну. Измѣнившіеся обстоятельства спасли Гундобальда. Крѣпкій Авиньонъ остановилъ подъ своими стѣнами Хлодвига. Православное населеніе Бургундіи и особенно духовенство увидѣло, что оно ничево не выиграло, а, напротивъ, проиграло, промѣнявъ Гундобальда на Годагизеля. Гундобальдъ былъ аріанинъ, но безъ фашизма, вѣротерпимый. Его сынъ, Сигизмундъ, былъ уже православнымъ. Годагизель же былъ полный представитель варварскаго элемента бургундскаго племени, еретикъ и фашистикъ. Гундобальдъ вступилъ въ переговоры съ Хлодвигомъ, призналъ свою отъ него зависимость, обѣзался платить дань, и, когда франкскій король заключилъ съ нимъ миръ, съ богатою добычей возвратился въ свое государство. Гундобальдъ, съ помощію галло-римскаго населенія и оставшагося ему вѣрной частью Бургундовъ началъ немедленно войну съ Годагизелемъ, загналъ его въ Вьенну, осадилъ и хитростію проникъ въ городъ. Годагизель, искавшій въ церкви спасенія съ аріанскимъ епископомъ, былъ убитъ тамъ, и Гундобальдъ сдѣлался королемъ всей Бургундіи. Онъ жестоко наказалъ приверженцевъ Годагизеля; но, умудренный опытомъ, сталъ иначе относиться къ православному духовенству. Можетъ быть, для своего спасенія онъ далъ обѣщаніе перейти въ православіе; но крайней мѣрѣ до самой смерти онъ велъ объ этомъ переговоры съ православнымъ духовенствомъ, выслушивалъ его наставленія и увѣщанія. Правда, онъ умеръ еретикомъ, но до самой его кончины православное духовенство было убѣждено въ его неизбѣжномъ и скоромъ обращеніи. Вскорѣ послѣ

своего возстановленія, онъ издалъ письменное законодательство для Бургундовъ, такъ-называемый *Законъ Гундобальда* (*Loi Gombette*), гдѣ римское вліяніе сказалося во всей своей силѣ. Объ этомъ законодательствѣ мы поговоримъ въ послѣдствіи.

Могущественнѣйшимъ государствомъ въ Галліи до сихъ поръ было Визиготское. Теперь оно могло казаться могущественнѣе, чѣмъ когда-нибудь, потому что Италія была занята родственнымъ племенемъ Остготовъ, король которыхъ, Теодерихъ Великій, пользовался громаднымъ вліяніемъ во всемъ варварскомъ мірѣ. Но если въ Бургундію Хлодвигъ призывала симпатія православнаго духовенства и населенія, то призывъ этой симпатіи слышался еще сильнѣе изъ римскихъ областей, занятыхъ Визиготами. Бургунды и ихъ короли не были особенно фанатическими распространителями аrianства; а у Вестготовъ, со времени Ейриха, проснулся этотъ религіозный фанатизмъ, грозившій гибелью православію южныхъ областей Галліи. Теперь, по смерти Ейриха, королемъ Визиготовъ былъ молодой Аларихъ. Онъ далеко не походилъ на своего знаменитаго отца. Слабый и лѣнливый, онъ не принималъ участія въ военныхъ экспедиціяхъ; первымъ его желаніемъ было сохранить миръ въ своемъ государствѣ. Въ первое время своего царствованія онъ продолжалъ преслѣдованія, начатыя Ейрихомъ; но когда границы королевства Хлодвигъ раздвинулись до Луары и, по словамъ Григорія турскаго, ужасъ имени Франковъ сталъ распространяться въ этихъ странахъ, и всѣ чрезвычайно желали, чтобы они господствовали въ областяхъ Вестготскаго королевства, Аларихъ перемѣнилъ свое поведеніе. Преслѣдованіе прекратилось, епископскія каюедры были замѣщены; разрушенныя церкви начали возстановляться; строились новыя. Но это не уменьшило ненависти православнаго населенія къ Вестготамъ.

Память о преслѣдованіи Ейриха была слишкомъ свѣжа; ничто не гарантировало отъ возобновленія гоненій; а примѣръ Вандааловъ былъ у всѣхъ передъ глазами. Къ тому же Аларихъ, не смотря на свою слабость, долженъ былъ принимать строгія мѣры противъ епископовъ, слишкомъ горячо высказывавшихъ свои симпатіи къ «новому Констанциу» Франковъ. Два епископа Тура, Волузіенъ и Веръ, одинъ за другимъ были сосланы и не возвратились изъ изгнанія. Квиштинантъ, одинъ изъ епископовъ вандальской Африки, спасшійся въ Галліи отъ гоненія и избранный епископомъ Родеза, былъ сильно заподозрѣнъ Вестготами въ просякахъ въ пользу Франковъ. Еще ненадежнѣе былъ въ ихъ глазахъ епископъ Клермона, Ауринкулъ, бывший епископъ бургундскаго города Лангра, изгнанный оттуда бургундскимъ королемъ за излишнюю преданность Хлодвигу и избранный въ Клермонѣ на мѣсто умершаго Аполлинарія Сидонія. Даже въ южныхъ областяхъ Галліи, никогда не выдавшихъ Франковъ, обнаруживалось въ духовенствѣ движеніе въ ихъ пользу. Аларихъ долженъ былъ отправить въ ссылку епископа города Тарбеса, Фауста, гдѣ тотъ и умеръ. Мѣры, принимаемыя Аларихомъ для привлеченія къ себѣ православнаго галлоримскаго населенія своего королевства, не достигали своей цѣли. Напрасно въ 505 г. онъ издалъ для нихъ собраніе римскихъ законовъ (*Breviarium Aniani*), составленное и одобренное православными епископами и блгородными Аквитанами; напрасно въ томъ же году онъ дозволялъ православнымъ епископамъ своего государства съѣхаться на соборъ въ Агдѣ. Православное населеніе хорошо понимало, что эти уступки вынуждены не терпимостію и расположеніемъ къ нему, а только страхомъ передъ Франками. Оно видѣло въ этихъ уступкахъ доказательство только безсилія и малодушія и тѣмъ сильнѣе симпатизировало могущественному и единственному православному королю во всемъ варварскомъ мірѣ.

Хлодвигъ долгое время находился въ мирныхъ отношеніяхъ къ Вестготскому государству. Съ одной стороны, оно казалось слишкомъ сильнымъ, и славное царствование Ейриха было еще у всѣхъ въ памяти; съ другой, Вестготское королевство, кромѣ своихъ собственныхъ средствъ, находило еще сильную поддержку въ могущественномъ королѣ Остготовъ. Аларихъ былъ женатъ на дочери Теодериха Великаго. Сначала Хлодвигъ не только не предпринималъ ничего враждебнаго противъ Вестготовъ, но находился даже съ ними въ союзѣ. Война съ Бургундами показала Готамъ его силы, и обстоятельства измѣнились. Отношенія галло-римскаго населенія къ Вестготамъ были такъ враждебны, что въ Готскомъ государствѣ, сверхъ огромной партіи, желавшей владычества Франковъ, образовалась еще партія, расположенная къ Бургундамъ. Мы видѣли, что сынъ Гундобальда бургундскаго, Сигизмундъ, былъ уже православнымъ. Немудрено, что въ готскихъ областяхъ, сошедшихъ съ Бургундами, было много людей, горячо желавшихъ перейти подъ власть послѣднихъ. Въ 503 г. Аларихъ сослалъ св. Цезарія, епископа Арля, обвиненнаго въ замыслѣ передать этотъ городъ Бургундамъ. Это положеніе заставляло малодушнаго Алариха всѣми силами искать союза съ Хлодвигомъ. По его настоянію, между обоими королями было дружеское свиданіе на островѣ Луары, служившей границею между Франкскимъ и Визиготскимъ государствами: результатомъ, кажется, и были тѣ уступки Алариха православному населенію, слѣдствіемъ которыхъ были сборникъ римскихъ законовъ и соборъ православныхъ епископовъ въ Агдѣ. Эти переговоры и уступки со стороны Алариха, вмѣсто того, чтобы скрѣпить его союзъ съ Франками, только полнѣе обнаружили Хлодвигу всю слабость Вестготскаго государства. Онъ понялъ, что пришла пора дѣйствовать рѣшительно. Весною 507 г. въ народномъ собраніи

Франковъ онъ неожиданно объявилъ войну Вестготамъ, придавъ ей религіозный характеръ. «Я не могу терпѣть, объявилъ онъ Франкамъ, чтобы эти аріане владѣли частію Галліи. Пойдемте съ Божіей помощью и, побѣдивъ ихъ, обратимъ ихъ землю въ наше владѣніе». Съ Гундобальдомъ бургундскимъ у него былъ заключенъ союзъ, и Аларихъ былъ захваченъ въ расплохъ. Франки перешли Луару и, воздерживаясь, по строгому приказу короля, отъ грабежей и опустошеній, особенно относительно церквей и ихъ имуществъ, двинулись къ Пуатье, гдѣ былъ Аларихъ съ своимъ войскомъ. Тестъ вестготскаго короля, Теодерихъ, думалъ переговорами помочь зятю; но быстрое движеніе Хлодвига разстроило всѣ его планы. Алариху нужно было выжидать, избѣгать рѣшительныхъ столкновеній и битвъ; но Готы, со временъ Ейриха не видавшіе войны, требовали битвы, и эта битва произошла при Вуйлле или Вугле, въ 3 миляхъ къ ю. отъ Пуатье. Она была рѣшительная. Аларихъ погибъ въ ней; Вестготы были разбиты на голову. Собравшись въ Нарбоннѣ, они провозгласили королемъ Гезалика, незаконнаго сына Алариха, помимо его законнаго сына, малолѣтняго Амалариха. Не останавливаясь на осадѣ городовъ, Хлодвигъ быстро шелъ къ югу. Его манилъ Каркассонъ, гдѣ заперся Гезаликъ, вмѣстѣ съ сокровищами Вестготскаго королевства, и онъ осадилъ его. Вѣрные союзу, Бургунды также вступили въ готскія владѣнія. Въ соединеніи съ франкскимъ отрядомъ, отправленнымъ къ нимъ Хлодвигомъ, они осадили Арль. Такимъ образомъ, два главные пункта, еще находившіеся въ рукахъ Вестготовъ, Каркассонъ и Арль, были осаждены врагами. Осада была, впрочемъ, снята съ обоихъ городовъ. Теодерихъ отправилъ войско на помощь своему зятю, и остготскія войска, освободивъ Арль, заняли области на лѣвомъ берегу Роны между моремъ и теченіемъ Дюрансы. Узнавъ о появленіи Остготовъ въ Галліи, Хлодвигъ также снялъ осаду съ Каркассона

и отступилъ въ Бордо. Теодерихъ не думалъ, впрочемъ, пользоваться своимъ блестящимъ успѣхомъ. Устраненіе его внука Вестготами отъ королевской короны сильно оскорбило его. Онъ не думалъ переходить Рону, а занялся устройствомъ завоеванной провинціи, облегчивъ налоги и стараясь всѣми силами пріобрѣсти себѣ расположеніе новыхъ подданныхъ. Бургунды и Франки могли начать свободно дѣйствовать на правомъ берегу Роны, и военныя дѣйствія возобновились. Гезаликъ началъ было наступательныя дѣйствія въ 509 г., но неудачно. Нарбонна была взята Бургуидами. Гезаликъ былъ разбитъ и бѣжалъ за Пиренеи. Тамъ Визиготы лишили его королевскаго достоинства, и онъ бѣжалъ въ Африку къ Вандаламъ. Королемъ Визиготовъ былъ провозглашенъ Амаларихъ, внукъ Теодериха V. Это вывело остготскаго короля изъ бездѣйствія. Войско его перешло Рону и разбило Франковъ. Тотчасъ за этою битвой послѣдовалъ миръ. Хлодвигу досталась Новемпопулія (Нарбоннская провинція) и обѣ Аквитаніи, т. е. вся южная Галлія до Роны, за исключеніемъ небольшой области самыхъ Пиренеевъ. Теодерихъ удержалъ за собою область на лѣвомъ берегу Роны до Дюрансы. Бургуидамъ оставлены были земли на лѣвомъ берегу Роны, къ с. отъ Дюрансы, за исключеніемъ Авиньона. Вестготы сохранили за собой только Испанію и небольшую область южной Галліи.

При возвращеніи Хлодвигъ въ с. Галлію, послѣ продолжительнаго похода противъ Вестготовъ, на дорогѣ его ждало пріятное для него торжество. Византійскій императоръ, Анастасій, назначилъ его консуломъ на 510 годъ. Торжественное принятіе консульскаго достоинства совершилось въ Турѣ, городѣ, дорогомъ для всѣхъ православныхъ Галло-римлянъ гробницею св. Мартина. Одѣтый въ консульскую одежду и украшенія, присланныя императоромъ, бросая въ народъ деньги, совершилъ Хлодвигъ свой торжественный въѣздъ въ городъ

къ базиликѣ св. Мартина. Онъ сдѣлалъ богатыя пожертвованія по этому случаю многимъ церквямъ; но особенно много получила отъ него эта базилика. Хронисты рассказываютъ при этомъ, что утомленный требованіями духовенства, просьбами о пожалованіи земель и вкладовъ, Хлодвигъ сказалъ, наконецъ, однажды: «*Beatus Martinus bonus est in auxilio, sed carus in negotio* *».

Побѣды надъ Вестготами соединили подъ властію Хлодвигъ около двухъ третей нѣкогда бывшей римской Галліи. По возвращеніи съ юга Галліи, онъ выбралъ своею постоянною резиденціей Парижъ и поселился во дворцѣ, построенномъ римскими императорами. Въ глазахъ своихъ галло-римскихъ подданныхъ, онъ пріобрѣлъ еще больше значенія признаемъ за нимъ достоинства патриція и консула. Но относительно Франковъ онъ былъ королемъ въ прежнемъ, старо-германскомъ смыслѣ. Мало того. Онъ не былъ даже единственнымъ королемъ салійскихъ Франковъ, не говоря уже о рипуарскихъ. И вотъ, Хлодвигъ задумалъ теперь соединить всѣ трибы Франковъ подъ своею властью. Достаточно прочитавъ у Григорія турецкаго разсказъ о томъ, какими средствами достигъ онъ этой цѣли, чтобы понять, какъ мало крещеніе измѣнило натуру «новаго Константина». Этотъ разсказъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ надлежащее понятіе и о характерѣ королевской власти у Франковъ, не позволять намъ переносить на германскаго короля V и VI вѣковъ понятіе о короляхъ позднѣйшихъ эпохъ. Прежде всего Хлодвигъ обратилъ свое вниманіе на рипуарскихъ Франковъ. Тамъ королемъ былъ Сигибертъ.

«Когда, повѣствуетъ Григорій турецкій, король Хлодвигъ пребывалъ въ Парижѣ, онъ тайно послалъ вѣстника къ сыну Сигиберта, говоря: «Вотъ отецъ твой старѣетъ и хромаетъ

*) «Хорошій помощникъ св. Мартанъ, да дорого беретъ»

на большую ногу. Еслибы онъ умеръ, то его королевство справедливо перешло бы къ тебѣ, вмѣстѣ съ нашею дружбой». Оболенный жаждою, тотъ задумалъ убить отца, когда король, выйдя изъ Кельна, переправился за Рейнъ, располагая прогуляться въ лѣсу Буконіи. Въ полдень, когда онъ отдыхалъ въ своей палаткѣ, сынъ посылаетъ къ нему убійцу, чтобы, послѣ его убійства, получить его королевство. Но, по суду Божию, онъ самъ попалъ въ яму, которую вражески вырылъ отцу. И такъ, посылаетъ вѣстниковъ къ королю Хлодвигу, извѣщая о гибели отца и говоря: «Отецъ мой умеръ, и я владѣю сокровищами его и царствомъ. Пришли ко мнѣ твоихъ, и я охотно передамъ имъ то изъ сокровищъ, что тебѣ понравится». Хлодвигъ отвѣчалъ: «Благодарю за твое расположение и прошу, покажи моимъ посланнымъ все, чѣмъ ты самъ будешь владѣть». Когда пришли послы, онъ показалъ имъ отцовскія сокровища. Когда они разсматривали различные вещи, онъ сказалъ имъ: «Въ этотъ ящикъ отецъ мой обыкновенно клалъ золотыя монеты». «Запусти, сказали они, твою руку до самого дна, чтобы посмотреть, сколько ихъ?» Когда онъ дѣлалъ это и сильно наклонился, одинъ, поднявъ руку, разсѣкъ ему черепъ двуострой сѣкирой. И такъ, недостойный сынъ получилъ то, что сдѣлалъ отцу своему. Услышавъ это, т. е. что убиты Сигибертъ и сынъ его, Хлодвигъ, прийдя въ это мѣсто, созвалъ весь народъ тотъ, говоря: «Послушайте, что случилось. Когда я плылъ по Шельдѣ, Хлодрикъ, сынъ моего родственника, безпокоилъ своего отца, говоря, что я хочу убить его. Когда тотъ убѣжалъ въ лѣсъ Буконію, тотъ послалъ на него разбойниковъ и предалъ смерти. Самъ-же, когда открывалъ его сокровища, также погибъ, не знаю кѣмъ пораженный. Но въ этомъ я отнюдь не виновенъ, потому что не могу проливать крови моихъ родственниковъ: это преступленіе. Но когда такъ все

случилось, дамъ вамъ совѣтъ, который, если хотите, примите. Обратитесь ко мнѣ и будьте подъ моею защитой». И они это слыша, одобряя стукомъ щитовъ и голосами, провозгласили его падъ собою царемъ, поднявъ на щитѣ. Принявъ королевство и достоинства Сигиберта, этихъ подчинилъ своей власти. Ибо ежедневно Господь простиралъ врага его подъ рукою его и увеличивалъ царство его, потому что онъ ходилъ передъ Нимъ правымъ сердцемъ и дѣлалъ то, что пріятно было въ очахъ Господнихъ».

Таковъ простодушный рассказъ Григорія турецкаго объ убійствѣ рипуарскихъ королей. Въ немъ есть, какъ кажется, неточности и недомолвки; Хлодвигъ, сколько можно думать по нѣкоторымъ указаніямъ, не такъ быстро и не такъ легко былъ признавъ королямъ рипуарскими Франками. Есть намеки на сопротивленіе. Тѣмъ не менѣе, это сопротивленіе было скоро сломлено.

Продолжаемъ рассказъ Григорія турецкаго. «Послѣ этого Хлодвигъ обратился къ королю Харарикъ. Когда онъ сражался съ Сиагриемъ, этотъ Харарикъ, призываемый Хлодвигомъ на помощь, держался въ сторонѣ, оставаясь нейтральнымъ, ожидая исхода дѣла, чтобы вступить въ дружбу съ тѣмъ, кому достанется побѣда. За это раздраженный Хлодвигъ напалъ на него; хитростію окруживъ, взялъ въ плѣнъ съ сыномъ и связанныхъ остригъ и велѣлъ посвятить Харарика въ священники, а сына его въ діаконы. Когда Харарикъ скорбѣлъ о своемъ униженіи и плакалъ, говорятъ, сынъ его сказалъ: «Съ зеленого дерева срѣзаны эти вѣтви и не высохли совершенно, но скоро пустятъ ростки и вырастутъ. О, если бы также скоро погибъ тотъ, кто это сдѣлалъ!» Эти слова показались Хлодвигу угрозою отпустить себѣ волосы и умертвить его, и онъ велѣлъ обоимъ отрубить головы. Но смерти же ихъ, онъ пріобрѣлъ себѣ ихъ королевство съ сокровищами

и народомъ. — Былъ тогда король Рагнахаръ въ Камбре, до того необузданно сластолюбивый, что едва спасались отъ него близкіе родственники... У Хлодвигъ были золотые браслеты и пояса, собственно мѣльные, но позолоченные такъ, что походили на золото. Эти украшенія онъ роздалъ людямъ и приглашалъ возстать на него. Потомъ двинулъ противъ него войско... Придя, Хлодвигъ началъ противъ него войну, и тотъ, видя свое войско разбитымъ, приготовился бѣжать, но былъ схваченъ своими и съ связанными на спинѣ руками, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Рихаріемъ, приведенъ передъ Хлодвигъ. Хлодвигъ сказалъ ему: «Зачѣмъ унижаешь родъ нашъ, позволяя себя вязать? Лучше тебѣ умереть», и, поднявъ сѣкиру, разрубилъ ему голову. Обращаясь къ брату его, сказалъ: «Если бы ты помогалъ брату, конечно, онъ не былъ бы связанъ», и также убилъ его ударомъ сѣкиры. Послѣ ихъ смерти, предатели ихъ узнали, что они получили отъ короля поддѣльное золото. Когда они сказали о томъ королю, онъ, говорятъ, отвѣчалъ: «Такое золото по всей справедливости получилъ тотъ, кто своею волею предалъ на смерть своего господина; они должны быть довольны, что остались въ живыхъ и не заплатили мученіями за выдачу своихъ властителей». Слыша то, они искали его милости и увѣряли, что довольны тѣмъ, что имъ сохранена жизнь. Всѣ названные короли были родственники Хлодвигъ; братъ ихъ, Ригномеръ, былъ убитъ, по приказу Хлодвигъ, въ городѣ Моисѣ. Послѣ ихъ смерти, Хлодвигъ овладѣлъ ихъ королевствомъ и сокровищами. Убивши и другихъ многихъ королей и близкихъ родственниковъ изъ боязни, чтобы они не отняли у него королевства, онъ распространялъ свое королевство по всей Галліи. Однакоже, собравши однажды своихъ, онъ говорилъ о родственникахъ, которыхъ самъ погубилъ: «Горе мнѣ! я остался, какъ странникъ между чужими; нѣтъ у меня родственниковъ, которые бы

помогли мнѣ, если наступитъ несчастье». Но это онъ говорилъ, не плача о смерти ихъ, а изъ хитрости, чтобы погубить, еслибы кто случайно отыскался изъ родственниковъ».

Такъ дѣйствовалъ «новый Константинъ» Франковъ. Благодаря его кровожадной хитрости, онъ остался одинъ между всеми франкскими королями, и весь родъ, изъ котораго избирались короли, погибъ, исключая его и его прямого потомства. Во всей послѣдующей исторіи мы не находимъ никого, кто бы велъ свое происхожденіе отъ побочныхъ линій его дома. Совершивъ подчиненіе своей власти всѣхъ франкскихъ племенъ, Хлодвигъ спѣшилъ въ Орлеанъ, гдѣ, впервые послѣ долгаго времени, съѣхались на соборъ почти всѣ епископы Галліи. Постановленія этого собора, окончившагося 8 іюля 511 г., и письмо, при которомъ епископы прецедовали на утвержденіе короля свои рѣшенія, очень важны. Въ письмѣ высказано какое-то благоговѣнное уваженіе къ франкскому королю; постановленія собора замѣчательны тѣмъ, что касаются не однихъ догматовъ или церковной дисциплины, а также нѣкоторыхъ пунктовъ администраціи. Имѣнія духовенства освобождены отъ податей; признано право убѣжища въ церквахъ; духовенство свободно отъ свѣтскаго суда и подлежитъ только своему суду. Зато церковь сдѣлала много уступокъ королю: важнѣйшею изъ нихъ было то, что ея постановленія имѣли законную силу только послѣ его утвержденія. Послѣ закрытія собора въ Орлеанѣ, Хлодвигъ возвратился въ Парижъ и занялся распространеніемъ христіанства въ земляхъ покоренныхъ имъ Франковъ. Ведастъ, тотъ самый монахъ, который сопровождалъ Хлодвигъ изъ его счастливаго похода противъ Аллемановъ и первый началъ знакомить его съ истинами христіанской религіи, былъ посвященъ въ епископы областей, составлявшихъ королевство Рагнахара. Аутимундусъ, ученикъ св. Ремигія, былъ назначенъ епископомъ въ бывшее

королевство Харарика. Хлодвигъ умеръ въ Парижѣ, въ ноябрѣ 511 г., на 43 году своей жизни. Его тѣло было положено въ построенной имъ церкви святыхъ апостоловъ. Тамъ же положено было тѣло св. Кеневьевы, и Парижане, забывая о Хлодвигѣ, привыкли называть эту церковь именемъ своей святой дѣвственницы.

II.

Прерываемъ изложеніе исторіи Франскаго государства, чтобы разсмотрѣть отношенія германскихъ завоевателей къ галло-римскому населенію и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ бытъ и общественное устройство.

Лучшимъ источникомъ для изученія этихъ отношеній могутъ быть законы германскихъ племенъ, *Leges barbarorum*, принесенные ими въ Галлію еще съ ихъ прежней родины, но только на гальской почвѣ собраные и записанные. Разумѣется, въ этой окончательной редакціи законы Германцевъ утратили многое изъ своего первоначальнаго характера, измѣнились частію подъ вліяніемъ особенныхъ обстоятельствъ и новыхъ отношеній, частію подъ вліяніемъ христіанства. Законы различныхъ германскихъ племенъ представляютъ различныя ступени въ этомъ отношеніи. Въ однихъ изъ нихъ германскій характеръ еще сохранился во всей своей чистотѣ, въ другихъ основныя положенія древне-германскаго обычнаго права уже сгладились и уступили чуждому вліянію. Мы ограничимся разсмотрѣніемъ законовъ только тѣхъ племенъ, которыя утвердились на гальской почвѣ; законы остальныхъ германскихъ племенъ будутъ служить намъ только для сличенія и объясненія.

Предварительно необходимо сдѣлать слѣдующее важное замѣчаніе. Варварскіе законы не мѣстные, а личные. Они принадлежатъ не тому или другому государству, безразлично для всѣхъ живущихъ въ его предѣлахъ, а тому или другому племени, гдѣ бы ни было лицо, къ нему принадлежащее: хотя бы это лицо было внѣ предѣловъ своей области, оно судилось все-таки по своему закону. Этимъ объясняется то съ перваго раза странное явленіе, засвидѣтельствованное однимъ древнимъ писателемъ, что можно было видѣть бесѣдующими 4 или 5 человекъ, изъ которыхъ каждый жилъ подъ своимъ закономъ и судился только на его основаніи. Этотъ личный характеръ законовъ не мѣшалъ, разумѣется, до нѣкоторой степени и выработкѣ въ нихъ мѣстнаго характера. На ЮЗ. Галліи на первомъ планѣ стоялъ законъ Визиготовъ, на ЮВ. законъ Бургундовъ, уже потому, что главная масса жившихъ тамъ Германцевъ принадлежала къ этимъ племенамъ. То же можно сказать и о сѣверѣ Галліи. На крайнемъ СВ. ея мы видимъ законъ Франковъ рипуарскихъ; на сѣверѣ — салійскихъ. Но характеристическою особенностью законодательства того времени тѣмъ не менѣе оставалось ихъ личное значеніе. Законы этой первой эпохи средневѣковой исторіи были уже не разъ издаваемы и въ общихъ сборникахъ, и отдѣльно. Изъ общихъ собраній укажемъ на изданія, принадлежащія гг. Lindebrog. Bouquet и др. Первое мѣсто между ними занимаетъ, разумѣется, изданіе Перца *).

Начнемъ съ Бургундовъ. Съ средины III вѣка мы уже видимъ ихъ около римскихъ предѣловъ. Съ начала V вѣка (413 г.) они основали въ Галліи свое государство, признанное

*) Цѣлый отдѣлъ извѣстнаго обширнаго изданія Перца *Monumenta Germaniae historica* посвященъ Законамъ (*Leges*), обработка которыхъ подвигается, впрочемъ, медленно, вслѣдствіе сопряженныхъ съ нею затрудненій. Въ настоящее время вышло только 5 томовъ Законовъ. А. Т.

Римомъ. Но собраніе и изданіе ихъ законовъ относится къ послѣднему времени самостоятельнаго существованія Бургундскаго королевства, но крайней мѣрѣ въ окончательной редакціи, до насъ дошедшей. По нѣкоторымъ указаніямъ (Vita s. Iurii) можно думать, что первый опытъ собранія и изданія бургундскихъ законовъ принадлежитъ Хильдерику (466—491), жившему въ Женеvѣ. Но уже самое имя, подъ которымъ извѣстна дошедшая до насъ редакція бургундскихъ законовъ, *Lex Gumbata*, *Lex Gundobada*, *Loi Gombette*, указываетъ на время, къ которому оно относится. Правда, большинство нѣмецкихъ романистовъ, слѣдуя извѣстному знатоку римскаго права въ средніе вѣка *), относятъ, основываясь на нѣкоторыхъ соображеніяхъ, обнародованіе этого закона къ царствованію короля Сигизмунда, сына Гундобада, т. е. между 517 (или 518 г.) и 524 годами. Но это предположеніе не выдерживаетъ критики. Редакція Бургундскаго Закона принадлежитъ Гундобаду и относится къ 501 или 502 г., хотя нѣкоторые отдѣльные постановленія и могли принадлежать познѣйшему времени. Два *additamenta*, сопровождающія законъ, относятся одно положительно къ царствованію Сигизмунда, другое, быть можетъ, къ царствованію Годомара, послѣдняго короля Бургундовъ (523—534). Закономъ предшествуютъ два пролога. Законъ Бургундовъ былъ составленъ собраніемъ оптиматовъ. 32 графа, въ числѣ которыхъ встрѣчаемъ двухъ или трехъ съ римскими именами, подписали первый прологъ или введеніе. Законъ Бургундовъ надолго пережилъ Бургундское

*) Здѣсь иѣется въ виду *Савиньи*, взглядъ котораго на исторію Бургундскаго Закона высказанъ въ началѣ II тома его *Gesch. des Rom. Rechts im Mittelalter*. Точка зрѣнія, которой держится въ этомъ случаѣ проф. сорб., принадлежитъ *Gaupp* (Die germ. Ansiedl. u. Landtheil. Breslau. 1844. S. 293 322.). А. Т.

государство, завоеванное Франками въ 534 г. Мы видимъ его существованіе до IX вѣка, до царствованія Людовика Благочестиваго, т. е. вообще въ теченіе 350 лѣтъ *).

Какъ всѣ германскія законодательства, Законъ Бургундовъ относится только къ лицамъ того племени, для котораго онъ былъ собранъ и изданъ. Галло-римскіе подданные Бургундскаго королевства жили подъ римскими законами. Источниками римскаго права для Галліи этого времени были: кодексъ Оеодосіевъ, изданный византийскимъ императоромъ Оеодосіемъ II въ 458 году и введенный въ области Западной имперіи Вазентиніаномъ III, умершимъ въ 455 г.; новеллы, сочиненія юрисконсультовъ, кодексы грегорианскій и гермогеніанскій. Положеніе дѣлъ, впрочемъ, такъ сильно измѣнилось въ римскихъ областяхъ, занятыхъ варварами, что это чисто римское законодательство не удовлетворяло уже въ своемъ первоначальномъ видѣ, не давало рѣшенія на многіе случаи. Оттого мы видимъ въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ, основанныхъ на римской почвѣ, именно у Бургундовъ и Визиготовъ, стремленіе дать галло-римскимъ подданнымъ болѣе удобный сборникъ римскихъ законовъ. Общаніе подобнаго сборника высказано въ

*) Желавшимъ легко ознакомиться съ бургундскимъ законодательствомъ профессоръ указываетъ здѣсь на отдѣльное изданіе ихъ г-мъ *Peyre* (*Lois des Bourguignons*. Lyon. 1855), гдѣ латинскій текстъ переданъ по франц. переводу. Прибавимъ къ этому, что ученое изданіе этихъ законовъ принадлежитъ г-ну *Bluhme* (въ III. томѣ *Leges*, въ изданіи Перца, вышедшемъ въ 1863 г.). Но эта работа представляетъ такія важныя затрудненія и въ ученыхъ отношеніяхъ, и по внѣшнимъ обстоятельствамъ (издатель едва могъ добыть лишь одну изъ 8 рукописей текстовъ, хранящихся въ Парижѣ), что трудъ г. Блюме оказался не вполне удовлетворительнымъ. Поправить дѣло теперь берется г. *Binding*, профессоръ госуд. права въ базельскомъ университетѣ. Въ вышедшемъ въ 1868 году I томѣ своей «Исторіи Бург. королевства» онъ заявилъ намѣреніе приложить ко II тому новое изданіе Бург. Закона, по всѣмъ парижскимъ рукописямъ. А. Т.

прологъ Бургундскаго Закона. Дѣйствительно, у Галло-римлянъ Бургундскаго королевства мы находимъ подобный сборникъ, извѣстный подъ именемъ Папіанава. Это сжатый, сухой перечень, сокращеніе римскихъ законовъ въ 47 титулахъ, очень притомъ короткихъ. Это сокращеніе не заслуживало бы и упоминанія, еслибы въ немъ не замѣтна была одна очень любопытная черта. Между тѣмъ какъ въ Законѣ Бургундовъ германскіе элементы какъ бы сгладились, измѣнились подъ римскимъ вліяніемъ, въ сборникѣ Папіана, напротивъ, мы находимъ римскія понятія уже не въ первоначальномъ, чистомъ видѣ, а частью измѣненными, искаженными германскимъ вліяніемъ. Сборникъ Папіана былъ издавъ послѣ Закона Гундобальда, но никакъ не послѣ 534 г., времени паденія самостоятельности Бургундскаго королевства, которое онъ не долго и пережилъ, будучи скоро замѣненъ другимъ болѣе пространнымъ и лучше составленнымъ сборникомъ.

У Вестготовъ мы находимъ также свои законы, *Codex Legis Wisigothorum*. Составленіе ихъ относится уже къ позднѣйшему времени, когда Вестготское королевство въ Галліи было покорено Хлодвигомъ, за исключеніемъ небольшой области и Пиренеевъ. Законъ Вестготовъ былъ составленъ и обнародованъ въ половинѣ VII столѣтія, при короляхъ Хиндасвинтѣ и Рецесвинтѣ. Поэтому не велико его значеніе для Галліи, тогда какъ въ Испаніи онъ пользовался большимъ вліяніемъ. Короли Вестготовъ въ Испаніи старались совсѣмъ вывести изъ употребленія римскіе законы въ своихъ владѣніяхъ. Такъ мы имѣемъ постановленіе короля Хиндасвинта, запрещающее примѣненіе въ его владѣніяхъ Римскаго Закона (*Lex Romana*), хотя послѣдній и былъ издавъ вестготскимъ же королемъ, Аларихомъ II. Это принудительное распространеніе Вестготскаго Закона, стараніе дать ему уже не личный, а мѣстный характеръ, имѣло слѣдствіемъ то обстоятельство,

что въ Испаніи его вліяніе не только сильно отразилось на позднѣйшемъ законодательствѣ, но идетъ почти вплоть до нашего времени. Такъ *Fuero Juzgo* Кастиліи есть почти иное, какъ испанскій переводъ (XII и XIII-го стол.) вестготскаго кодекса. Хотя составленіе и изданіе Вестготскаго Закона относится къ VII вѣку, тѣмъ не менѣе въ него вошли многія германскія постановленія прежнихъ королей. Такъ мы находимъ тутъ законы Ейриха и его ближайшихъ преемникѣвъ. Весь кодексъ распадается на двѣ части. Одна, почти совершенно римская, заимствована большею частью прямо изъ сборника римскихъ законовъ, издавнаго при Аларихѣ II. Въ другой мы находимъ постановленія собственно германскія. Относительно этой части кодекса мы должны замѣтить одно. Какъ первая часть отличается довольно яснымъ и точнымъ изложеніемъ, такъ во второй встрѣчаются на каждомъ шагу сбивчивость, спутанность, перифразы и т. п. Причину этого нужно искать въ слѣдующемъ. Обычное право Германцевъ было, разумѣется, на ихъ родномъ языкѣ. Когда пришлось излагать на языкѣ латинскомъ, притомъ, конечно, при посредствѣ Галло-римлянъ, всегда окружавшихъ вестготскихъ королей, встрѣтилось много затрудненій. Въ латинскомъ языкѣ недоставало многихъ терминовъ для передачи соответственныхъ терминовъ германскаго права. Законъ Вестготовъ былъ издавъ въ новое время нѣсколько разъ. Лучшее изданіе сдѣлано въ Мадридѣ, въ 1815 г., in fol. Въ немъ находятся драгоценныя замѣчанія о короляхъ, издателяхъ того или другаго постановленія.

Если законъ для Визиготовъ явился такъ поздно въ своей окончательной редакціи и имѣлъ поэтому мало вліянія въ Галліи, то не такова была судьба сборника римскихъ законовъ, имѣвшаго огромное значеніе и внѣ предѣловъ Вестготскаго государства. Этотъ сборникъ былъ составленъ при Аларихѣ II въ 506 г., за годъ до битвы при Вугле, положившей конецъ

владычеству Вестготовъ въ Галліи. Въ это время Аларихъ, понимая опасность, грозившую со стороны Франковъ, заискивалъ расположеніе своихъ галло-римскихъ подданныхъ. Его собраніе римскихъ законовъ извѣстно подъ именами: *Lex Romana Wisigothorum*, *Liber legum* и др., и подъ болѣе новыми именами *Кодекса Алариха* или, еще чаще, *Breviarium Alaricianum*. Изъ *Companionium*а, находящагося во многихъ рукописяхъ въ началѣ кодекса, мы узнаемъ любопытныя подробности о способѣ его составленія и обнародованія. Составленіе кодекса было поручено собранію православныхъ епископовъ и благородныхъ (*nobiles viri*), подъ предѣлательствомъ графа Гоіарака. Благородные, какъ видно изъ другаго мѣста *Коммониториума*, были избраны провинціями. Этотъ кодексъ былъ обязателенъ для римскихъ подданныхъ Вестготскаго королевства. Каждый экземпляръ его долженъ былъ быть подписанъ референдаріемъ Аніаномъ, откуда произошло еще одно его названіе, *Breviarium Aniani*. Онъ состоитъ изъ извлеченій самаго текста законовъ, изъ его толкованія и изъ исправленій и измѣненій противъ существующихъ законовъ. Такъ какъ кодексъ Алариха II былъ составленъ представителями галло-римскаго населенія, во главѣ которыхъ стояли епископы, то онъ занялъ важнѣйшее мѣсто между всѣми памятниками римскаго законодательства. Самый кодексъ Оеодосіевъ, до сихъ поръ бывший главнымъ источникомъ римскаго права, уступилъ ему мѣсто и началъ выходить изъ употребленія. Кодексъ Алариха II былъ принятъ не только въ Вестготскомъ государствѣ, но распространился далеко за его предѣлами. Въ бургундскомъ сборникѣ римскихъ законовъ мы замѣчаемъ его сильное вліяніе. Онъ имѣлъ значеніе и въ римскихъ областяхъ, занятыхъ Франками.

Перехожу къ самому важному изъ германскихъ законодательствъ, имѣвшихъ полную силу на почвѣ Галліи,

къ законодательству Франковъ. Здѣсь нужно остановиться на трехъ главнѣйшихъ его памятникахъ, на Салическомъ и Ринуарскомъ Законахъ, и на такъ-называемыхъ формулахъ, изъ которыхъ важнѣйшія — формулы Маркульфа.

Что касается до Салическаго Закона, то замѣтимъ прежде всего, что его первое изданіе относится къ половинѣ XVI вѣка. Оно составляетъ величайшую библиографическую рѣдкость и не имѣетъ обозначенія ни года, ни мѣста печатанія. Затѣмъ, съ 1537 года до нашего времени, слѣдуетъ рядъ изданій, который завершается изданіемъ Перца въ его *Monumenta Germaniae*. Послѣ громаднаго труда французскаго ученаго *Пардессю*, всѣ предшествовашія изданія становятся болѣе или менѣе бесполезными. Пардессю издалъ въ 1843 г. огромный томъ (III—4), гдѣ помѣстилъ тщательный сводъ всѣхъ текстовъ Салійскаго Закона по сохранившимся до насъ рукописямъ, подвергнувъ каждый изъ нихъ тщательному разбору, обогативъ изданіе множествомъ примѣчаній и присоединивъ къ нему 14 диссертаций о важнѣйшихъ вопросахъ этого права. Болѣе тщательнаго и добросовѣстнаго изданія, чѣмъ это, нѣтъ ни по одному отдѣлу историко-юридической науки. Изъ писателей, подвергавшихъ Салическій Законъ ученой разработкѣ, на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить того же Пардессю, хотя не надобно забывать знаменитыхъ германскихъ ученыхъ (напр. *Вайца*), посвящавшихъ свои труды и время тому же предмету.

Салическій Законъ поднимаетъ очень много вопросовъ всякаго рода. Первый изъ нихъ: на какомъ языкѣ была составлена первоначальная редакція, на нѣмецкомъ или латинскомъ? Въ дошедшія до насъ рукописи писаны на языкѣ латинскомъ, болѣе или менѣе неправильномъ или испорченномъ. Но, во первыхъ, латинскіе тексты многочисленныхъ списковъ, сходные по содержанію и по самымъ рѣшеніямъ, разнятся между

собою фразеологіей и словами, употребляемыми для выражения одной и той же мысли. Можно подуматъ, что это ничто иное, какъ различные переводы одного и того же первоначальнаго текста, писаннаго на чужомъ языкѣ, очевидно, на германскомъ. Во вторыхъ, что особенно важно, во многихъ спискахъ въ латинскомъ текстѣ и на поляхъ находятся слова не латинскія, а, по мнѣнію большинства ученыхъ, древнегерманскія. Эти слова именно находятся въ 7 рукописяхъ Салическаго Закова. Въ позднѣйшей его редакціи, сдѣланной при Карлѣ Великомъ, ихъ уже нѣтъ. Этими вставкамъ иногда предшествуютъ буквы «malb.», отчего ихъ и называли *Мальберговыми глоссами* *). Въ этихъ нѣмецкихъ словахъ, сохранившихся въ нѣкоторыхъ и притомъ древнѣйшихъ манускриптахъ, видѣли остатки первоначальнаго франкскаго текста, занесенные случайно въ латинскіе переводы. Мнѣнія о первоначальномъ текстѣ раздвоились. Одни изъ ученыхъ (Davoud-Oghlou, Holzmänn, Hildebrand, и во главѣ ихъ Гизо и Пардессю) думаютъ, что первоначальная редакція была на языкѣ франкскомъ; другіе (Heineccius, Zoepfl, Walter, Waitz, Merkel, Stobbe, Герардъ и Перцъ) стоятъ за языкъ латинскій. Замѣтимъ, что дѣло идетъ не объ языкѣ, на которомъ были сложены первоначально законы; нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что это былъ языкъ франкскій, а объ языкѣ древнѣйшей письменной редакціи, и въ этомъ отношеніи, какъ ни великъ авторитетъ Пардессю, едва ли не должно рѣшить споръ въ пользу латинскаго языка.

Обратимъ вниманіе на то, какъ сохранялись у Германцевъ законы. Въ древности вообще законы долго передавались изустно, хранились въ народной памяти, прежде чѣмъ записывались.

*) Слово *мальбергъ* означаетъ народное собраніе Германцевъ. Оно составлено изъ *mal*—собраніе и *berg*—гора.

Точно также передавались и народныя преданія безъ значительнаго измѣненія. Для удобнѣйшаго храненія въ памяти они излагались въ стихахъ. Объ этомъ способѣ передачи древнѣйшихъ преданій у Германцевъ говоритъ еще Тацитъ. Любопытнѣйшій примѣръ того, какъ долго законы могли передаваться изустно, представляетъ намъ закоподательство Исландіи, именно *Grágás*. Исландія, какъ извѣстно, въ IX столѣтіи была открыта Норвежцами. Съ 874 по 930 г. слѣдовали одно за другимъ многочисленныя переселенія сюда изъ Скандинавіи, гдѣ король Гаральдъ хотѣлъ образовать изъ Норвегіи, Швеціи и Даніи одно государство. Усиленію числа бѣглецовъ въ Исландію много содѣйствовало также распространеніе христіанства въ Скандинавіи. Въ Исландію стремились всѣ тѣ, которымъ дорога была независимость и древнія вѣрованія единства. Исландія заселилась выходцами изъ различныхъ частей Скандинавскаго полуострова, принесящими съ собою разныя обычаи и законы, различныя притязанія. Возникали непрерывныя раздоры и войны. Для прекращенія ихъ рѣшено было ввести общіе законы для всего острова. Althing или народное собраніе рѣшило отправить въ Скандинавію одного изъ старѣйшихъ, Ульфюта, для ознакомленія съ старыми племенными постановленіями и для составленія общихъ законовъ. Три года пробылъ Ульфютъ въ Скандинавіи и, возвратясь оттуда, представилъ собранію сборъ законовъ, который и былъ принятъ. Двѣсти лѣтъ спустя, эти законы хранились въ народной памяти, не будучи записаны. Предсѣдатель народнаго собранія, такъ называемый провозгласитель, или мужъ закона*), былъ обязанъ ежегодно провозгласить ихъ предъ началомъ народнаго собранія, гдѣ производились судъ и расправа. Только въ 1117 году, уже послѣ введенія христіанства въ Исландію, эти

*) *Lögsögumadr*, въ Швеціи — *lagmænner*, въ латинскомъ переводѣ — *notophylaces*, хранители законовъ.

древнѣйшіе законы были записаны, прочитаны въ собраніи и приняты имъ. Вѣроятно, точно такимъ же образомъ передавались и сохранялись и у Франковъ ихъ законы. Одно мѣсто въ прологѣ Салическаго Закона указываетъ на устную передачу. Замѣтимъ еще одно важное обстоятельство. Для письменной редакціи прежде всего нуженъ алфавитъ, буквенные знаки. Съ перваго взгляда кажется, что въ этомъ отношеніи не было особеннаго затрудненія. Когда Готы жили еще при Дунаѣ, епископъ Ульфилъ изобрѣлъ для нихъ алфавитъ и перевелъ на готскій языкъ все св. писаніе. Примѣнить буквы готскаго алфавита къ франкскому праву не представляло особенныхъ трудностей; но дѣло въ томъ, что у насъ нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на то, чтобы Франки и вообще сѣверныя племена Германцевъ когда-нибудь употребляли алфавитъ Ульфилы. У самихъ Вестготовъ онъ не долго держался, и нѣтъ указаній, чтобы онъ примѣнялся къ записыванію законовъ. Можно привести еще одно обстоятельство, которое, повидимому, могло способствовать письменной редакціи Салическаго Закона на языкъ Франковъ. Скандинавы и сѣверные Германцы, еще раньше изобрѣтенія Ульфиллою готскаго алфавита, имѣли свои письменные знаки, такъ называемыя *руны*. Любопытныя изслѣдованія послѣдняго времени доказали, что у Франковъ уже послѣ Хлодвига, въ меровингскій періодъ, были въ употребленіи руны. Можно бы было предположить, что ими была начертана древнѣйшая, франкская редакція Салическаго Закона. Но и на употребленіе руны для записыванія законовъ нѣтъ ни малѣйшихъ указаній. Перцъ прямо утверждаетъ, что начало лѣтописей и вообще почти всякаго рода письма у Германцевъ не можетъ быть отнесено раньше пріятія ими христіанства, и, чтобы ни говорили о древности руны, мы не можемъ привести ни одного извѣстнаго случая, когда бы онѣ примѣнялись къ общей пользѣ и особенно къ написанію

исторіи. Вотъ еще чрезвычайно важное обстоятельство. До формулы отреченія отъ діавола, относимой Перцомъ къ VIII столѣтію, и до знаменитой клятвы Карла Лыскаго на нѣмецкомъ языкѣ въ IX вѣкѣ, мы не имѣемъ ни одного письменнаго памятника на этомъ языкѣ. Въ самой Германіи всѣ акты, законы, обычаи писались по латыни до самаго XII столѣтія. Древнѣйшіе нѣмецкіе законодательные памятники на родномъ языкѣ, *Саксонское* и *Швабское Зерцала*, относятся уже къ XIII столѣтію. Итакъ, надобно признать наиболѣе вѣроятнымъ мнѣніе, что первая письменная редакція Салическаго Закона была на языкѣ латинскомъ. Разность латинскаго перевода въ рукописяхъ объясняется тѣмъ, что онъ все-таки былъ сдѣланъ съ чужаго языка, все равно, съ письменнаго ли текста или съ устной передачи. Малбергскія глоссы объясняются не остатками древнѣйшаго текста на языкѣ нѣмецкомъ, а необходимостью однимъ словомъ напомнить Франкамъ, еще мало знакомымъ съ латинскимъ языкомъ, сущность или содержаніе того или другаго отдѣльнаго постановленія.

Слѣдующіе затѣмъ вопросы, касающіеся Салическаго Закона, относятся ко времени и мѣсту его составленія и редакціи. Тутъ чрезвычайно важны прологи, предшествующіе Закону, и эпилогъ. Прологовъ, собственно говоря, два, слитыхъ вмѣстѣ. Для насъ особенно важенъ первый. Вотъ его переводъ, на основаніи текста, издавнаго г-мъ Пардессю. «Знаменитое племя Франковъ, созданное Богомъ, сильное въ войнѣ, твердое въ мирѣ, мудрое въ совѣтѣ, благородное тѣломъ, чистое и красивое, смѣлое, быстрое и отважное (?), недавно обращенное въ православіе и непричастное ереси, когда еще было варварскимъ, ища знанія по внушенію Бога, желая правды и храня благочестіе по своимъ правамъ, произнесло (продиктовало) Салическій Законъ посредствомъ четырехъ своихъ знатныхъ, избранныхъ съ этою цѣлю на это время

изъ числа многихъ: имена ихъ Визогасть, Бодогасть, Салегастъ и Видогасть. Они, сходясь на три собранія въ мѣстахъ, называемыхъ Салахемъ, Бодохемъ и Видохемъ, прилежно обсудили начало всѣхъ дѣлъ и, разсуждая о каждомъ въ особенности, постановили слѣдующее. — Но когда, по милости Божіей, великій и славный король Франковъ, Хлодвигъ, первый принялъ крещеніе православія, тогда, что оказалось неудобнымъ въ договорѣ, было ясно исправлено королями Хлодвигомъ и Хильдебертомъ и Клотаремъ. — Да живетъ Христосъ, любящій Франковъ, да хранить ихъ государство, да исполняетъ свѣтомъ своей благодати ихъ правителей, да покровительствуетъ ихъ войску, да поддерживаетъ ихъ вѣру и да дастъ ихъ благочестію Господь Іисусъ Христосъ миръ, радость, счастье и продолжительность ихъ владычества. — Ибо это есть племя, которое, малое числомъ, но крѣпкое силою и храброе въ битвахъ, свергло съ себя тяжкое иго Римлянъ; и по принятіи крещенія Франки украсили золотомъ и драгоценными камнями тѣла святыхъ мучениковъ, которыхъ Римляне или сожгли огнемъ, или убили желѣзомъ, или бросили на растерзаніе дикимъ звѣрямъ». Второй прологъ есть какъ бы сокращеніе перваго. Вотъ эпилогъ, посящій заглавіе: «Утвержденіе Закона королями». «Первый король Франковъ постановилъ и послѣ вмѣстѣ съ Франками пересмотрѣлъ (?) и нѣчто подробнѣе прибавилъ къ титуламъ, и такъ довелъ отъ перваго до 78. Потомъ Хильдебертъ, спустя много времени рѣшился съ своими Франками прибавить отъ титула 78 до 84, чтобы включить то, что ему казалось достойнымъ. Потомъ, когда Клотарь получилъ отъ старшаго брата Законъ, послѣдовательно умноженный, и самъ съ мудрыми своего королевства прибавилъ отъ 84 до конца», и т. д.

Въ прологѣ и эпилогѣ находятся, такимъ образомъ, единственные до насъ дошедшія свѣдѣнія о времени и мѣстѣ

редакціи Салическаго Закона. Поэтому толкованіе этихъ важныхъ документовъ заняло много ученыхъ, посвящавшихъ свои труды разработкѣ исторіи и права новѣйшихъ европейскихъ народовъ. Намъ не должны удивлять многочисленность и разнообразіе толкованій. Дѣло было крайне не легкое. Салическій Законъ дошелъ до насъ въ огромномъ числѣ списковъ (въ 65-ти), которые значительно разнятся между собою не только вишею формой, различнымъ изложеніемъ одного и того же предмета, но и самымъ содержаніемъ. Мало того, что они принадлежатъ къ двумъ различнымъ важнѣйшимъ эпохамъ, что одни представляютъ текстъ древнѣйшаго законодательства, другіе же представляютъ Салическій Законъ въ редакціи, данной ему уже Карломъ Великимъ (*Lex emendata*). Но и списки, относящіеся къ одной и той же эпохѣ, разнятся между собою, какъ по числу находящихся въ нихъ титуловъ, такъ частію и по порядку, въ какомъ титулы слѣдуютъ одинъ за другимъ. Ученый издатель Салическаго Закона, Пардессю, раздѣлилъ 65 списковъ, которыми онъ пользовался, на 7 группъ или семействъ, которыя различаются между собою числомъ и порядкомъ титуловъ, а также и самою редакціей. Для него оказалось совершенно невозможнымъ принять за основу какой-нибудь одинъ текстъ и отнести къ вариантамъ разнорѣчія, представляемые другими. Вмѣсто одного текста, онъ вынужденъ былъ принять 7, хотя и имѣющихъ большое сходство одинъ съ другимъ. Этимъ множествомъ разнорѣчивыхъ списковъ и объясняется трудность изслѣдованія, трудность воспользоваться указаніями пролога и эпилога, необходимость, прежде чѣмъ придти къ какому-нибудь твердому, положительному результату, подвергнуть тщательному сличенію и строгой критикѣ всѣ списки Салическаго Закона, разсѣянные въ бібліотекахъ Франціи, Голландіи и Германіи.

Для насъ не столько важно время перваго составленія законовъ, потому что его опредѣлить невозможно, и оно относится еще къ первымъ временамъ исторіи Франковъ, т. е. къ эпохѣ, о которой мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній, сколько опредѣлить съ точностію, когда была первая редакція этихъ законовъ, когда Хлодвигъ сдѣлалъ дополненія и въ чемъ именно состояли эти дополненія, что принадлежитъ редакціямъ Хильдеберта и Клотаря. Но и рѣшеніе этихъ вопросовъ представляетъ огромныя трудности. Первая редакція принадлежитъ Хлодвигу, но изъ эпизода видно, что Хлодвигъ не въ одно время собралъ и издалъ постановленія Салическаго Закона и что въ его редакціи нужно, собственно говоря, различать двѣ редакціи, одну древнѣйшую, другую позднѣйшую. Ихъ необходимо различать, потому что одна изъ нихъ относится ко времени, предшествовавшему принятію Хлодвигомъ христіанства, другая ко времени послѣдующему. Къ первой Пардессю относятъ первые 65 *capitula principalia*; ко второй принадлежатъ 12 титуловъ, предшествующихъ титуламъ, прибавленнымъ Хильдебертомъ. Въ этомъ мнѣніи съ Пардессю сошелся другой даровитый издатель древнѣйшихъ юридическихъ памятниковъ, Перцъ. Пардессю принадлежитъ честь твердаго установленія древнѣйшаго текста Салическаго Закона редакціи, предшествовавшей принятію Хлодвигомъ христіанства и, слѣдовательно, относящейся къ періоду времени отъ 481 по 496 г. Текстъ этой древнѣйшей редакціи долженъ соответствовать, по числу титуловъ, указанію эпизода и, главное, не содержать въ себѣ ни малѣйшихъ намековъ на вліяніе христіанства, не говоря уже про слѣды этого вліянія. Эти характеристическіе признаки древнѣйшей редакціи Пардессю отыскалъ въ одномъ манускриптѣ Парижской императ. библіотеки (№ 4404) Тамъ же находятся и 12 титуловъ, прибавленныхъ Хлодвигомъ послѣ крещенія, что вмѣстѣ и даетъ

77 титуловъ, упоминаемыхъ въ эпизодѣ. Относительно титуловъ, приписываемыхъ Хильдеберту и Клотарю, мнѣніи Пардессю и Перца различны; но вопросъ о точномъ опредѣленіи ихъ далеко не представляетъ такой важности, какъ вопросъ о древнѣйшей редакціи Хлодвиги.

Переходимъ къ вопросу о мѣстѣ составленія и изданія Салическаго Закона. Онъ значительно упрощается послѣ установленія времени, къ которому относится древнѣйшая редакція. Это мѣсто нужно, конечно, искать въ предѣлахъ, которые занимали тогда салическіе Франки; а эти предѣлы намъ извѣстны. Франки уже вступили въ области римской Галліи; но до крещенія Хлодвиги изъ вѣроятности по югу не во всѣхъ пунктахъ доходило до Луары и не простиралось за эту рѣку. Къ 3. владѣнія Хлодвиги граничили съ областями Армориканской Британіи. Къ В. Карбомерей мѣстѣ отѣлалъ Франковъ салическихъ отъ ринуарскихъ, жившихъ подъ своимъ особымъ закономъ. Сѣверную границу представляло море. Съ этими предѣлами какъ нельзя болѣе согласуются сроки, установленныя въ Законѣ для явки къ суду и т. п., именно 40 почей въ предѣлахъ франкской территоріи и 80 почей за рѣкой или за сѣкомъ. Но у насъ есть, кромѣ того, болѣе прямые указанія; въ прологѣ названы мѣстности, гдѣ установленъ были законы: *Bodochem*, *Salachem* и *Widochem*. Некоторые немецкіе писатели изъ ложнаго патріотизма искали эти мѣстности на правомъ берегу Рейна; но ещѣ съ этимъ можно согласиться. Белгіецъ *Wendehove* первый указалъ на эти мѣстности въ Белгіи. Но его мнѣнію, принятому теперь почти всеми учеными, занимавшимися Салическими Законами, всѣ эти мѣстности лежали въ предѣлахъ древней Тександріи, занятой прежде всего салическими Франками: именно *Salachem* пролога соответствуетъ деревнѣ *Salchem* (нынѣ *Zelheim*), *Bodochem* *Bodehove* (нынѣ *Baenhoven*) а *Widochem*—деревнѣ *Win-*

dehove (нынѣ Wintershoven). Такимъ образомъ, первоначальная редакція Салическаго Закона была сдѣлана въ областяхъ Фландріи и Брабанта. Есть еще одно важное обстоятельство, подтверждающее это мнѣніе, независимо отъ названія мѣстностей, именно сходство, замѣчаемое между нѣкоторыми постановленіями Салическаго Закона и «кутюмами», мѣстными средневѣковыми правами, въ Мехельнѣ и др. мѣстахъ сѣверной Белгіи. Сроки, напр., считаются почтами, а не днями, въ обычномъ правѣ Мехельна. Въ Салическомъ Законѣ за небольшіе проступки платятъ лошадьми и скотомъ, болѣе важные наказываются потерей члена: тоже и въ Мехельнѣ. Одни и тѣже обычаи находятся, какъ въ Салическомъ Законѣ, такъ и въ обычномъ правѣ Мехельна и Антверпена, въ случаѣ убійства, относительно родовой мести и соглашенія.

Обращаемся къ законамъ рипуарскихъ Франковъ. Ихъ редакція относится къ позднѣйшему времени. Они вмѣстѣ съ законами Аллемановъ и Баварцевъ, какъ видно изъ пролога къ Закоу послѣднихъ, впервые были записаны австрійскимъ королемъ, Теодерихомъ, сыномъ Хлодвигъ. Затѣмъ Хильдебертъ и Клотарь уничтожили въ этихъ законахъ остатки язычества; а окончательная редакція была совершена при Дагобертѣ I, который одинъ владѣлъ всѣмъ Франкскимъ государствомъ съ 628 по 638 г., при помощи четырехъ знаменитыхъ мужей, имена которыхъ и записаны въ прологѣ. Эта послѣдняя редакція и дошла до насъ. Законы рипуарскихъ Франковъ не представляютъ такой трудности при ихъ разработкѣ, какъ Законъ Салическій. Кромѣ того, что ихъ редакція принадлежитъ извѣстному времени, всѣ ихъ списки относятся къ одной редакціи. Къ тому же они далеко не такъ многочисленны (ихъ 23), какъ списки Закона Салическаго, и совсѣмъ почти не разнятся между собой: единственное, да и то чисто вѣнское, различіе состоитъ въ томъ, что въ

однихъ спискахъ 91 титулъ, въ другихъ 89. Оттого они и не вызвали многочисленныхъ изслѣдованій и споровъ. Не смотря на племенное родство съ Франками салическими, рипуарскіе держались за свои особые законы, и однимъ изъ условій, подъ которыми они въ 507 г., послѣ убійства своихъ племенныхъ королей, избрали королемъ Хлодвигъ, было сохраненіе ихъ законовъ и обычаевъ. Преемники Хлодвигъ одинъ за другимъ составляютъ редакціи Рипуарскаго Закона, и онъ теряетъ свое значеніе лишь въ позднѣйшую эпоху, именно послѣ Карла V. Законъ Рипуарскій замѣчательнѣе, какъ по сходству съ Закономъ Салическимъ, такъ и по разпорѣчіямъ съ нимъ. Значительное число постановленій (19 титуловъ) совершенно одинаково въ обоихъ Законахъ, такъ что было мнѣніе о заимствованіи Рипуарскаго отъ Салическаго, мнѣніе совершенно неосновательное, потому что сходство тутъ вовсе не нуждается въ подобномъ объясненіи. То же сходство мы видимъ и въ оцѣнкѣ «композиціи» или платы за преступленія. Но замѣчательно, что нѣкоторыя постановленія Салическаго Закона (20, относящихся къ уголовному праву и 4, особенно важныя, къ гражданскому) совершенно не встрѣчаются въ Рипуарскомъ. Ихъ отсутствіе ничѣмъ нельзя объяснить, кромѣ вліянія христіанства. Редакція, даже древнѣйшая, Закона Рипуарскаго относится къ христіанскому періоду, тогда какъ первая редакція Салическаго, сохранившаяся неизмѣнно даже послѣ пересмотра его Карломъ V., принадлежитъ періоду языческому. Въ Рипуарскомъ ясно сильное вліяніе, какъ христіанства, такъ и римскаго права. Впрочемъ, это не значитъ, чтобы въ немъ сохранилось мало германскаго элемента. Напротивъ, рипуарскіе Франки, жившіе ближе къ Рейну, въ непосредственномъ столкновеніи съ міромъ германскимъ, должны были крѣпче хранить свои національные обычаи, чѣмъ Франки салискіе, современіи завоеванія Хлодвигъ окруженные

галло-римскимъ населеніемъ. Дѣйствительно, въ Законѣ Рипуарскомъ мы находимъ германскіе обычаи, о которыхъ нѣтъ ни слова въ Салическомъ. Довольно указать на судебныя поединки, принимаемыя первымъ, о которыхъ совершенно молчитъ второй.

Говоря о законахъ Франковъ, нельзя не упомянуть еще объ одномъ юридическомъ памятникѣ, открытомъ въ послѣднее время. *Балюзій*, издатель капитулярій, напечаталъ, между прочимъ, капитулярію, по его мнѣнію, составленную въ Ахенѣ въ 813 г., въ 46 главахъ. Изданіе Балюзія перепечатывалось безъ измѣненій позднѣйшими издателями до послѣдняго времени, когда Перцъ отыскалъ и издалъ, въ III т. своихъ *Monumenta Germaniae*, настоящую ахенскую капитулярію 813 г., а нѣмую, изданную Балюзіемъ, призналъ за законъ одного племени Франковъ, жившаго въ области, центромъ которой былъ городъ Ксентенъ. Онъ издалъ ее поэтому подъ именемъ *Jus pagi Xantensis*. Въ 1846 г. онъ прочиталъ объ этомъ законѣ разсужденіе въ засѣданіи Берлинской академіи наукъ, и съ этихъ поръ за этимъ закономъ было признано его новое имя. Профессоръ бреславскаго университета, *Гауппъ*, подвергъ тщательному изслѣдованію вопросъ объ этомъ законѣ и пришелъ къ заключенію, прямо противоположному соображеніямъ Перца и др. ученыхъ. Онъ издалъ свое изслѣдованіе на нѣмецкомъ языкѣ, а профессоръ *Лабуле* тотчасъ перевелъ первую часть его на французскій (Paris, 1855.). Гауппъ признаетъ эту капитулярію закономъ франкскаго племени Хамавовъ, жившаго въ Хамаландѣ, области на правомъ берегу нижняго Рейна. Сѣверную границу этой области составлялъ Девентеръ, западную Рейнъ съ каналомъ Друза (нынѣ Оберъ-Иссель и часть Вестфалии). Племя Хамавовъ часто встрѣчается въ римскихъ извѣстіяхъ, особенно IV вѣка; но потомъ это имя совершенно исчезаетъ, замѣнившись

общимъ именемъ Франковъ. Время, къ которому относится письменная редакція закона Хамавовъ, можетъ быть отнесено не ранѣе царствованія Карла В., который, какъ извѣстно, приказалъ записать законы тѣхъ племенъ, которыя еще довольствовались устной ихъ передачей. По мнѣнію Перца, самымъ позднимъ временемъ для письменной редакціи можно положить время Людовика Благочестиваго; но Гауппъ думаетъ, что вѣрнѣе принять 802 г., время народнаго собранія, созваннаго Карломъ В. въ Ахенѣ, когда произведено было особенно много законодательныхъ работъ. Законъ Хамавовъ замѣчательнъ потому, что онъ представляетъ какъ бы звено между Салическимъ и Рипуарскимъ Законами съ одной стороны и законами Фризовъ и Саксовъ съ другой. Хамавы принадлежали къ одному племени съ другими Франками, и есть любопытные документы, доказывающіе, что письменные законы салийскихъ и особенно рипуарскихъ Франковъ имѣли свое дѣйствіе въ Хамаландѣ.

Оканчивая вышній обзоръ памятниковъ германскаго законодательства на почвѣ Галліи, остановимся еще на одномъ важномъ источникѣ этого законодательства, на *формулахъ*. Формулы суть обычные образцы формы дѣловыхъ бумагъ; это — законодательство въ его дѣйстви. Онѣ чрезвычайно разнообразны, потому что не имѣли обязательной силы, а предназначались только въ помощь для составленія бумагъ. Сборники этихъ формулъ чрезвычайно важны, потому что многое объясняютъ, что не совсѣмъ ясно въ самихъ законахъ. Они показываютъ приложеніе закона къ жизни. Этихъ сборниковъ дошло до насъ довольно много. Древнѣйшіе изъ нихъ формулы Оверни (всего 8), составленные, какъ кажется, еще въ V вѣкѣ и важныя для объясненія приложенія римскаго права въ странѣ, гдѣ еще жило много кельтскихъ обычаевъ и постановленій, и формулы Анжуйскія (59), относящіяся къ

VI вѣку. Для насъ особенно важны формулы Маркульфа (числомъ 98), потому что онѣ объясняютъ приложеніе германскихъ законовъ, именно франкскихъ. Маркульфъ былъ Франкъ по происхожденію, монахъ въ парижской епархіи. Онъ хорошо зналъ древніе обычаи и, по просьбѣ Ландерика, епископа парижскаго, составилъ, уже будучи 70 лѣтъ, въ 660 году сборникъ формъ для разныхъ бумагъ. Онъ раздѣлилъ его на двѣ части, смотря по тому, гдѣ производится дѣло, въ королевскомъ ли дворцѣ, передъ королемъ, или передъ графомъ и его ассессорами. Первый отдѣлъ занимаютъ *chartae regales*, второй *chartae pagenses*. Формулы Маркульфа имѣютъ мѣстное значеніе. Въ предисловіи онъ прямо говоритъ, что составилъ ихъ сообразно обычаю мѣстности, гдѣ жилъ онъ и епископъ Ландерикъ, слѣдовательно, области Парижа. Онъ не ограничился сборомъ уже существовавшихъ образцовъ; но, гдѣ ихъ недоставало, составилъ свои образцы, извиняясь своею простотой и деревенщиной. Лучшаго объясненія къ дѣйствовавшимъ тогда законамъ нечего искать. Эти формулы были изданы еще въ XVI столѣтіи *Биньономъ*. Въ послѣднее время найдено было въ библіотекахъ Мадрида, С. Галля и др. городовъ еще много формулъ, относящихся къ этому же времени и также объясняющихъ германское законодательство. Они изданы *Евениемъ де-Розьеромъ*, профессоромъ парижской *Ecole des chartes*.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію варварскихъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Галліи. Мы особенно остановимся на законахъ Франковъ, какъ сохранившихъ въ себѣ болѣе германскаго элемента, менѣе другихъ подвергшихся римскому и христіанскому вліяніямъ. Но предварительно должно сказать нѣсколько словъ о законахъ Вестготовъ и Бургундовъ.

Всего болѣе римское вліяніе отразилось на законахъ Визиготовъ. Имѣя силу въ началѣ только для людей этого

племени, потому что попытки распространить дѣйствіе ихъ на всѣхъ подданныхъ Вестготскаго государства относятся къ позднѣйшему времени, законы Вестготовъ въ большей части случаевъ представляютъ простое сокращеніе римскихъ законовъ, какъ бы простую переписку ихъ. Въ нихъ нѣтъ слѣда денежныхъ пеней за преступленія, встрѣчающихся у всѣхъ германскихъ народовъ. Такимъ образомъ, не только всѣ постановленія гражданскаго права (все, что относится къ отпущенію на волю, дарственнымъ записямъ, завѣщаніямъ, опекамъ, наслѣдству и т. д.) представляютъ рабскій списокъ съ римскихъ законовъ, но и въ уголовномъ правѣ, гдѣ всего долѣе хранился германскій элементъ у другихъ народовъ, мы видимъ преобладаніе римскаго вліянія. Это не значитъ, впрочемъ, чтобы въ законахъ Вестготовъ совершенно уже исчезъ всякій слѣдъ германскаго элемента; напротивъ, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ этотъ элементъ еще очень замѣтенъ. Таковы, напр., законы о похищеніи и изнасилованіи женщинъ и вообще о прелюбодѣіи. Они отличаются древнею германскою строгостію, и намъ памятенъ лестный отзывъ Сальвіана марсельскаго о нравственной чистотѣ Готовъ. Въ случаѣ похищенія женщины, похититель, если онъ еще не воспользовался похищеннымъ, платитъ похищенной половину своего состоянія. Въ противномъ же случаѣ, получивъ 200 ударовъ кнутомъ, онъ обращается въ рабство: онъ и все его достояніе становятся собственностію похищенной. Если похищенная женщина когда-либо согласится выйти замужъ за своего похитителя, оба они наказываются смертію. Похитителя можно было убить безнаказанно. Если братъ содѣйствовалъ похищенію своей сестры, онъ подвергался такому же наказанію, какъ самъ похититель. Также строги были законы противъ насилія, но еще строже противъ разврата. Женихъ или мужъ обольщенной женщины могли безнаказанно убить соблазнителя; отецъ,

дядя, братъ, поймавъ соблазнителя, имѣли право обратить его въ своего раба. Слѣды древнихъ германскихъ обычаевъ и воззрѣній сохранились также у Вестготовъ въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ о земельной собственности. Еще любопытнѣе эти слѣды въ тѣхъ постановленіяхъ, которыя касаются вассальныхъ отношеній, выступившихъ на первый планъ въ позднѣйшую эпоху во всѣхъ новыхъ европейскихъ государствахъ. О нихъ скажемъ въ послѣдствіи.

Въ законахъ Бургундовъ римское вліяніе также сильно. Оно отразилось прежде всего въ одномъ очень важномъ обстоятельстве. Законы Бургундовъ, какъ и другихъ германскихъ племенъ, принимаютъ систему композицій (*wergeld*), денежныхъ пеней въ уголовныхъ преступленіяхъ; но въ нихъ нѣтъ различія въ этомъ отношеніи между Германцемъ и Римляниномъ. За убійство Галло-римлянина платится столько же, сколько и за убійство Бургунда одного съ нимъ класса; тогда какъ въ другихъ германскихъ законахъ цѣна Римлянина несравненно ниже цѣны Германца. Мало того. Здѣсь замѣтна нѣсколько высшая степень развитія Бургундовъ, сравнительно съ ихъ сѣверными и восточными сосѣдями-соплеменниками. Люди одного и того же класса оцѣниваются у нихъ различно, по значенію услугъ, оказываемыхъ ими обществу. Такъ цѣна рабовъ не одинакова. За смерть раба-земледѣльца или пастуха платилось владѣльцу 30 зол. солидовъ, а за убійство раба золотыхъ дѣлъ мастера 150 солидовъ. Вообще законы Бургундовъ представляютъ смѣсь римскаго права съ обычнымъ правомъ Германцевъ, еще мало смягченнымъ римскимъ и христіанскимъ вліяніемъ. Нѣкоторыя постановленія отмѣчены жестокою суровостію древнѣйшаго быта Германцевъ. Жена, измѣнившая своему мужу, топится въ грязи. Этотъ родъ наказанія мы встрѣчаемъ, по свидѣтельству Тацита, у древнихъ Германцевъ за постыдныя преступленія. Рядомъ съ этимъ

страшнымъ наказаніемъ жены, мы находимъ снисходительное постановленіе о невѣрности мужа. Мужъ, бросившій свою жену, но возвратившійся къ ней, отдѣлывается только тѣмъ, что вторично платитъ ей *Morgengabe* (утренній подарокъ). Тутъ же, впрочемъ, мы находимъ законъ относительно разводовъ, на которомъ уже отразилось смягчающее вліяніе христіанства. Онъ позволяетъ мужу отослать отъ себя жену только въ трехъ случаяхъ: за измѣну, колдовство и поруганіе могилы. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, если онъ и можетъ расторгнуть бракъ, то долженъ при этомъ уйти изъ своего дома, оставляя его и все имущество своей женѣ. Германскій элементъ выразился также и въ законахъ относительно земельной собственности. Особенно интересны указанія, относящіяся къ раздѣлу земель между Бургундами и Галло-римлянами. Многіе участки (*sortes*) были въ совмѣстномъ владѣніи, какъ прежняго хозяина, т. е. Галло-римлянина, такъ и новаго владѣльца, получившаго въ немъ часть (*hospes*). Каждый изъ совладѣльцевъ могъ потребовать раздѣла. Надѣлъ Бургундовъ землею совершился не вдругъ, не однимъ разомъ, а производился постоянно, по мѣрѣ прибытія новыхъ поселенцевъ. Если законъ даетъ преимущество Галло-римлянамъ въ покупкѣ земель, отнятыхъ у нихъ для раздачи Бургундамъ и продаваемыхъ новыми хозяевами, то съ другой стороны, онъ старается, такъ сказать, прикрѣпить Бургундовъ къ доставшимся имъ участкамъ, внушить имъ привычку къ осѣдлой земледѣльческой жизни: онъ позволяетъ продавать доставшіяся земли только тѣмъ Бургундамъ, на долю которыхъ пришелся не одинъ, а нѣсколько земельныхъ участковъ. Наконецъ, германскій элементъ высказался вполнѣ въ законѣ объ обязательномъ гостепріимствѣ; отказавшій въ немъ нуждающемуся платилъ штрафъ въ 3 солида. Рядомъ съ этими законами, еще сохранившими во всей силѣ свой старинный національный характеръ, мы

находимъ множество другихъ, на которыхъ уже ясно замѣтно римское вліяніе. Сюда относятся почти все законы по гражданскому праву, по администраціи и т. д.

Переходя теперь къ характеристикѣ содержанія франкскихъ законовъ, остановимся прежде всего на томъ, что говорится въ нихъ о семьѣ. Въ Салическомъ Законѣ нѣтъ указаній на то, когда молодой человѣкъ признавался совершеннолѣтнимъ. Тацитъ, говоря о Германцахъ, рассказываетъ, что, достигая совершеннолѣтія, молодой человѣкъ получалъ въ народномъ собраніи щитъ и стремеца и съ тѣхъ поръ признавался способнымъ ко всемъ дѣламъ свободнаго человѣка. Въ законахъ Бургундовъ и рипуарскихъ Франковъ совершеннолѣтіе считалось съ 15 лѣтъ. Изъ разсказовъ Григорія турскаго видно, что въ это же время объявлялись совершеннолѣтними потомки Хлодвигъ, которымъ назначались въ удѣлъ королевства Бургундія и Австразія (земля рипуарскихъ Франковъ). По нѣкоторымъ указаніямъ можно заключить, что у Франковъ салическихъ совершеннолѣтіе начиналось нѣсколько раньше, именно съ 12 лѣтъ. Этотъ же обычай существовалъ въ Германіи, именно въ Турингіи, до XIII вѣка. Но если совершеннолѣтіе считалось съ 12 или 15 лѣтъ, то законнымъ возрастомъ для вступленія въ бракъ считалось 20 лѣтъ. Тацитъ говоритъ, что не хорошо смотрѣли на молодого человѣка, женившагося равнѣ этого срока. Понятіе о бракѣ значительно, впрочемъ, измѣнилось у Германцевъ со временъ Тацита. Знаменитый римскій историкъ высоко ставитъ святость брака у Германцевъ. Древніе Германцы довольствовались одною женой, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вождей, которые изъ политическихъ разсчетовъ иногда имѣли нѣсколькихъ женъ. Въ нѣкоторыхъ трибахъ во времена Тацита въ бракъ вступали только непорочныя дѣвы. Жена могла, по словамъ историка, имѣть только одного мужа точно также, какъ она имѣла только одно тѣло

и одну жизнь. Разводъ и супружеская невѣрность были почти неизвѣстны. Положеніе измѣнилось со времени ближайшаго знакомства Германцевъ съ римскимъ міромъ. Законы Аллемановъ и Баваровъ допускаютъ разводъ безъ всякой законной причины. Законъ Бургундовъ, какъ мы видѣли, признавалъ нѣкоторые поводы къ разводу. Въ Законахъ Салическомъ и Рипуарскомъ нѣтъ ни слова о разводѣ. Но что онъ дозволялся, это видно изъ формулъ Маркульфа, гдѣ говорится о разводѣ съ взаимнаго согласія. Здѣсь мы должны признать чисто германскій характеръ, потому что церковное право не признаетъ подобнаго развода точно также, какъ и римское право, дѣйствовавшее тогда между галло-римскимъ населеніемъ. Когда Франки обратились въ христіанство, мы не видимъ, чтобы отъ этого много выиграли чистота и твердость брачныхъ отношеній. Въ исторіи Григорія турскаго мы находимъ почти невѣроятные разсказы о томъ, до чего дошли въ этомъ отношеніи потомки Хлодвигъ. Короли не только безпрестанно женились и разводились, не только имѣли по нѣскольку женъ, но и женились на родныхъ сестрахъ и т. д. Тоже мы видимъ и у знатнѣйшихъ Франковъ.

Самую характеристическую особенность семейной жизни Германцевъ представляетъ *mundium*, слово почти не переводимое на новые языки, потому что уже исчезло понятіе, имъ выражаемое. Этимъ словомъ обозначалась защита слабыхъ. Мундіумъ былъ правомъ и обязанностію короля относительно беззащитныхъ и *антрупстіоновъ*, т. е. людей, находившихся *in truste regis*, подъ его спеціальною защитой и покровительствомъ. Онъ принадлежалъ также вождю дружины относительно его дружинниковъ, отцу семейства относительно его дѣтей, въ случаѣ смерти котораго переходилъ къ его ближайшимъ родственникамъ. Наконецъ, мундіумъ былъ необходимымъ условіемъ въ отношеніяхъ между мужемъ и женой.

Въ германскихъ законахъ мы находимъ любопытныя указанія на способы заключенія браковъ и, следовательно, на значеніе и смыслъ брачныхъ союзовъ. Бракъ, какъ извѣстно, не всегда и не у всѣхъ народовъ имѣетъ одинъ и тотъ же характеръ. У новыхъ европейскихъ народовъ онъ измѣнялъ этотъ характеръ въ разные времена. Тутъ большое значеніе имѣетъ исторія и бытъ народовъ славянскихъ. Въ нихъ мы можемъ ближе познакомиться со всѣми степенями развитія этого института. Такъ, напр., въ русскихъ лѣтописяхъ мы находимъ указанія на двѣ древнѣйшія формы брака, существовавшія у Славянъ восточныхъ, именно на *умычку*, т. е. похищеніе невѣсты, и на покупку невѣсты. Чрезвычайно интересно то, что воспоминанія объ этихъ до-христіанскихъ формахъ брака сохранились въ быту крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи даже до послѣднихъ дней. Приданое является уже въ позднѣйшее время, и притомъ сначала оно приносится не женою, а мужемъ. У Германцевъ мы находимъ ясныя указанія на покупку жены. Въ законахъ Саксовъ, которыхъ редація относится къ временамъ Карла В. (ок. 804 г.), прямо обозначается цѣна, платимая за жену, именно 300 солидовъ. Въ законахъ Бургундовъ цѣна жены выражается особымъ словомъ (*wilemon*) точно также, какъ и въ законахъ Лангобардовъ (*meta*). Должно замѣтить, впрочемъ, что изъ всѣхъ германскихъ народовъ этого времени только у Саксовъ была дѣйствительная покупка. У другихъ она сохранилась уже только какъ обрядъ, воспоминаніе о когда-то существовавшемъ фактѣ. Такъ у Франковъ женихъ покупалъ у отца или опекуна невѣсты мундіумъ надъ нею за золотой солидъ и денарій. Цѣна вдовы, которая, по древнимъ законамъ и обычаямъ германскимъ, не могла вновь выходить замужъ, была дороже. Вдова, по смерти перваго мужа, переходила подъ мундіумъ ближайшихъ родственниковъ, который и покупался новымъ мужемъ

за 3 солида и 1 денарій. Это совершалось въ народномъ собраніи, въ присутствіи чиновника и 3 свидѣтелей. Мундіумъ, который у Германцевъ покупался мужемъ относительно жены, не должно смѣшивать съ тою безусловною властью мужа надъ женою, которую мы находимъ въ древнемъ римскомъ бракѣ, гдѣ жена поступала «въ руки мужа» и становилась, такъ сказать, его полною собственностью. Повторяемъ, у Германцевъ онъ прежде всего означалъ защиту, покровительство. Въ законахъ Германцевъ мы находимъ указанія на приданое, которое приносилось не женою мужу, а мужемъ женѣ. Въ законахъ нѣкоторыхъ племенъ опредѣлена была даже его величина. У Вестготовъ оно не должно было превышать $\frac{1}{10}$ имущества мужа. Въ Законѣ Ринуарскомъ жена получала 50 солидовъ по смерти мужа, если онъ не опредѣлилъ приданого письменно. Въ Салийскомъ нѣтъ упоминаній о приданомъ; но что оно существовало, видно изъ формулъ Маркульфа. Величина приданого опредѣлялась передъ бракомъ.

Другою особенностію брака у Германцевъ былъ *Morgengabe*, утренній подарокъ. Въ Законѣ Салическомъ онъ не упоминается, но его существованіе здѣсь не подвержено сомнѣнію. Когда вѣнчукъ Хлодвигъ, Хильперикъ, задумалъ жениться на дочери вестготскаго короля, то утренній подарокъ, который онъ долженъ былъ вручить ей, былъ заранее опредѣленъ особымъ договоромъ (598 г.). Онъ обязался выдать ей нѣсколько городовъ на югѣ Галліи, въ томъ числѣ Бордо, Кагоръ, Лиможъ. Въ случаѣ смерти Гайлсвинты, ея подарокъ переходилъ къ ея сестрѣ, знаменитой Брунегильдѣ, и ея потомству. Врученіе подарка совершалось въ первое утро брака, съ извѣстными символическими обрядами. Это была плата за дѣвственность, приносимую женою, и германскіе законы должны были сдерживать порывы удовлетворенной чувственности, ограничивать величину подарка. Изъ этого древне-

германскаго обычая, существовавшего также и у Славянъ, образовался средневѣковой *dou ire* или вдовья часть. Это прямо выражено въ старинномъ кутюмѣ Нормандіи, съ обычною прямою и откровенностью среднихъ вѣковъ. Много было споровъ о томъ, существовало ли въ германскихъ законахъ нераздѣльное, общее владѣніе между мужемъ и женой. Въ древней Германіи, по свидѣтельству Тацита, существовало. Но вопросъ состоитъ не въ томъ, владѣли ли мужъ и жена при жизни сообща своимъ имѣніемъ, — въ этомъ не можетъ быть и спора, — а въ томъ, признавалось ли за женой это право на имущество при жизни мужа? Могло ли это право, въ случаѣ ея смерти, переходить къ ея наслѣдникамъ? Тутъ вопросъ долженъ быть, кажется, рѣшенъ отрицательно. Несомѣнно, что, въ случаѣ смерти мужа, извѣстная часть (именно третья) переходила къ женѣ, его пережившей. Но когда жена умираетъ раньше мужа, ея право на имущество какъ бы умираетъ вмѣстѣ съ нею: ея наслѣдники не могли имѣть на имущество никакихъ притязаній.

Жизнь древнихъ Грековъ и Римлянъ была преимущественно государственная: въ ней какъ-бы поглощался человѣкъ. Совершенно противное явленіе мы видимъ у Германцевъ. Государства у нихъ не существуетъ. На первомъ планѣ лицо, или семейство, родъ. Кромѣ этого естественнаго, другаго, высшаго соединенія людей Германцевъ не могъ себѣ представить. Если различные роды, семьи соединялись въ одно политическое цѣлое, въ одинъ общій союзъ, то это не значило, чтобы они отказывались отъ своей самостоятельности. Въ общемъ союзѣ они продолжали существовать, какъ иѣчто цѣлое, живущее своею особою жизнью, своими особыми интересами. Весь родъ чувствовалъ обиду, нанесенную одному изъ его членовъ; на всемъ же родѣ лежала и обязанность отмстить за нее, преслѣдовать обидчика. Въ этомъ существенное

различіе отъ древнихъ и новѣйшихъ понятій и вообще отъ понятій государственныхъ. Въ государствѣ, кто бы ни стоялъ во главѣ его, въ чемъ бы ни сосредоточивалась государственная власть, въ лицѣ ли монарха, въ аристократическомъ ли меньшинствѣ или въ народномъ собраніи, преступленіе противъ лица есть въ то же время преступленіе противъ всего общества, которое гарантируетъ своимъ членамъ свободу и безопасность, и наказаніе за преступленіе принадлежитъ прежде всего государству. Пострадавшее лицо не имѣетъ права само платить за нанесенное ему оскорбленіе или страданіе: это составляетъ обязанность государства. Пострадавшее лицо можетъ и не искать само удовлетворенія; но государство не можетъ оставить преступленіе безъ наказанія. У Германцевъ же обиженное лицо должно было само защищаться или мстить. Такъ какъ высшая общественная связь въ глазахъ Германца была въ семьѣ и родѣ, то обида, нанесенная отдѣльному лицу, падала на весь родъ, къ которому онъ принадлежалъ, и родовая месть обращалась не только къ лицу обидѣвшему, но также и ко всему его роду. Между всѣми членами рода была крѣпкая солидарность. Не только нисходящее потомство, но и боковыя линіи, родственники со стороны отца и матери, принимали прямое участіе во всемъ, что касалось каждаго изъ членовъ рода. Слѣдствіемъ преступленія была *faida*, война родовъ, которая прекращалась лишь тогда, когда оскорбленный родъ получалъ удовлетвореніе и между враждующими родами заключался миръ, *fredum*.

Само собою разумѣется, что эти частныя войны между родами могли затянуться безконечно и повели бы къ истребленію или къ ослабленію племени. Поэтому въ племенныхъ союзахъ принимались мѣры къ скорѣйшему заключенію мира между враждующими. Тацитъ говоритъ о Германцахъ, что вражда у нихъ не непримирима; что самое убійство искупается

известнымъ количествомъ хлѣба, скота, и это вознагражденіе получается всѣмъ родомъ; что, наконецъ, такъ какъ этотъ обычай установленъ въ видахъ общаго интереса, то тамъ, гдѣ болѣе свободы, вражда болѣе опасна. Такимъ образомъ, уже Тацитъ нашелъ у Германцевъ систему вознагражденій за преступленія, и почти въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала у Германцевъ V и слѣд. столѣтій и занесена въ ихъ законы. Вознагражденіе за преступленіе называется *wergeld*, въ латинскомъ переводѣ — *compositio*. Но не должно смѣшивать вергельдъ съ денежнымъ штрафомъ: послѣдній есть наказаніе, налагаемое государствомъ; первый же ничто иное, какъ сдѣлка между обидчикомъ и родомъ обиженнаго, въ которой государство не участвуетъ, старается только объ ея ускореніи. Не должно также думать, что эта система составляетъ исключительную особенность Германцевъ. Мы находимъ ее и у Славянъ, и изученіе Русской Правды много выигрываетъ отъ сличенія съ древними германскими законами. Она встрѣчается и у племенъ Кавказа, гдѣ сохранялась въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до послѣдняго времени. Вергельдъ дѣлился обыкновенно на двѣ неровныя части, носящія характеристическія имена. Большая часть шла обиженному и называлась *faida*; меньшая, обыкновенно треть, называлась *fredum* и принадлежала фиску, правительству, содѣйствовавшему миру и гарантировавшему его. Обиженный могъ предпочесть личную мечь вергельду всегда, за исключеніемъ только случаевъ нарушенія собственности. Но относительно оскорбителя этой свободы выбора не было: иначе преступленія сильныхъ оставались бы безнаказанными. Въ законахъ мы находимъ одно чрезвычайно важное въ этомъ отношеніи постановленіе. Обиженный или его семья могли требовать обидчика на судъ народнаго собранія (*mal*). Если послѣдній не являлся, онъ подвергался изгнанію. Такимъ образомъ, обидчикъ былъ

вынужденъ платить вергельдъ. А чтобы заставить обиженнаго предпочесть денежное вознагражденіе личной мести, въ германскихъ законахъ установлены довольно высокія суммы вознагражденія: Франки же, подобно другимъ германскимъ племенамъ, были особенно жадны до золота и вообще имущества. Конечно, это далеко не искореняло личной мести, такъ какъ тутъ же мы встрѣчаемъ въ Салическомъ Законѣ, напр., наказаніе за похищеніе головы, которую убившій выставилъ на колу: здѣсь разумѣется голова убитаго по личной мести. Но были еще другія ограниченія частной войны. Правомъ личной мести пользовался только свободный (*ingenuus*) Германецъ; лить же былъ лишенъ его, и если его господинъ могъ мстить за него, то онъ, конечно, всегда предпочиталъ тутъ деньги войнѣ. Точно также кажется, что право личной мести не принадлежало и Галло-римлянамъ. Они должны были довольствоваться денежнымъ вознагражденіемъ, установленнымъ закономъ. Какъ весь родъ получалъ вергельдъ, точно также весь родъ долженъ былъ и отвѣчать своимъ имуществомъ за уплату его однимъ изъ его членовъ. Поэтому стѣснено было свободное распоряженіе имуществомъ. Отецъ семейства не могъ распоряжаться своею землею, отчуждать ее безъ согласія своихъ дѣтей и боковыхъ родственниковъ. *Линдеброгъ* издалъ любопытную формулу, по которой одинъ Франкъ женится «по Закону Салическому» и отдаетъ своей будущей женѣ нѣкоторыя земли, «съ согласія своихъ родныхъ». Этотъ обычай сохранялся во Франціи и Германіи довольно долго послѣ того, какъ система денежныхъ вознагражденій за преступленія вышла изъ употребленія. Такъ крѣпка была связь между всѣми членами одного рода. Спѣшимъ прибавить, что это вовсе не значитъ, чтобы семья и родъ Германцевъ представляли что-либо замкнутое павѣки. Личное чувство было сильно развито у нихъ; желающій выйти изъ рода, отказаться

отъ него, могъ всегда это сдѣлать. Мы даже знаемъ изъ Салическаго Закона, какъ это происходило. Стоило только ему явиться въ народное собраніе передъ тунгина или сотника и тамъ торжественно сломать надъ своею головою четыре прута, бросить ихъ части и объявить, что онъ отказывается отъ всѣхъ правъ и обязательствъ, соединявшихъ его съ родомъ, отъ родового наслѣдства и т. д. Но пока Германецъ не разрывалъ связей съ родомъ, онъ крѣпко принадлежалъ ему. Кромѣ вергельда, это отлично доказывается обычаемъ, записаннымъ въ 61 титулѣ Сал. Закона и именуемымъ *Chrenecruda*. Онъ состоялъ въ томъ, что если убійца не имѣлъ чѣмъ заплатить вергельдъ, то представлялъ 12 присяжныхъ, которые подтверждали, что онъ не имѣетъ ничего ни на землѣ, ни подъ землею, чтобы прибавить къ тому, что онъ уже далъ. Послѣ того онъ входилъ въ свой домъ, бралъ земли съ 4 угловъ и, стоя на порогѣ, лицомъ къ дому, лѣвой рукой бросалъ черезъ плечо землю на ближайшаго родственника. Послѣ чего виновный, въ одной рубашкѣ, безъ пояса и обуви, съ посохомъ въ рукѣ, перескакивалъ черезъ заборъ своего жилища. Если его отецъ, мать или братья уже внесли свою часть, три родственника со стороны матери должны были доплатить остальное. Когда ближайшій родственникъ слишкомъ бѣденъ, чтобы платить, онъ исполнялъ, въ свою очередь, обрядъ, и такъ дѣло шло дальше. Если родственники не могли заплатить, то убійца представляется на 4 судебныхъ собранія, и если на нихъ никто его не выкупалъ, онъ платился жизнью за свое преступленіе.

Вергельдъ могъ бы дать матеріалъ для сравнительной оцѣнки различныхъ классовъ общества и различныхъ преступленій. Но надобно замѣтить прежде всего, что не у всѣхъ германскихъ племенъ цѣна за одно и то же преступленіе была одинакова. Первое препятствіе къ этому заключалось въ различномъ

значеніи денегъ у разныхъ племенъ. Въ то время, какъ у однихъ племенъ металлическіе знаки были въ изобиліи, у другихъ они были рѣдкостію и оцѣнка производилась не на деньги, а на скотъ; цѣна же скота относительно денегъ была далеко не одинакова у всѣхъ племенъ. Притомъ при оцѣнкѣ преступленія не одно только опредѣленіе класса, къ которому принадлежалъ обиженный, играло роль, а и много другихъ соображеній. Поэтому ограничимся лишь немногими указаніями, имѣя въ виду исключительно Законъ Салискій. Цѣна преступленія зависѣла: 1) отъ племени, къ которому принадлежалъ обиженный; 2) отъ его положенія въ обществѣ; 3) отъ времени и отчасти мѣста, гдѣ совершено преступленіе, и 4) отъ вреда, наносимаго обществу преступленіемъ, куда относятся, напр., полъ и возрастъ обиженнаго. Касательно перваго пункта общимъ правиломъ было, что Римлянинъ цѣнился вдвое менѣе, чѣмъ Франкъ, и это проходило черезъ всѣ преступленія. Германецъ, не принадлежавшій къ племени салискіихъ Франковъ, цѣнился на $\frac{1}{4}$ менѣе, чѣмъ салискій Франкъ, но на $\frac{1}{4}$ болѣе, чѣмъ Римлянинъ. Относительно втораго пункта былъ такой порядокъ. Убіиство свободного Франка или варвара, живущаго подъ Салическимъ Закономъ, оцѣнивалось въ 200 солидовъ, и это, можно сказать, нормальная цѣна, къ которой сводятся остальные; убійство свободного Галло-римлянина—въ 400 солидовъ. Самая высшая цѣна была за убійство антрустіона, притомъ если онъ принадлежалъ къ франкскому племени, то платилось 600 солидовъ, если же къ римскому—только 300. За литавзыскивалось 400 солидовъ. Цѣны за убійство рабовъ колебались, смотря по ремеслу или занятію убитаго, отъ 75 до 30 солидовъ. Точно также распределялись, по степени ихъ значенія, раны, увѣчья, удары и т. п. оскорбленія. На оцѣнку преступленій дѣйствовали также время и обстоятельства, среди которыхъ они были совершены.

Такъ въ военное время жизнь свободнаго человѣка цѣнилась втрое дороже, чѣмъ въ мирное. Особенно любопытны вознагражденія, опредѣляемыя за убійство или оскорбленіе по возрасту и полу. Цѣна, какъ дѣвочки до 12 лѣтъ, такъ и женщины, перешедшей за возрастъ, когда можно имѣть дѣтей, одна и та же, 200 солидовъ. Но она поднималась до 600 солидовъ, если убитая была способна къ дѣтороженію, т. е. имѣла отъ 12 до 60 лѣтъ. За убійство беременной женщины платилась самая высокая пеня, 700 солидовъ, если и младенецъ умеръ. Такимъ образомъ, законъ смотрѣлъ на женщину преимущественно съ точки зрѣнія доставленія ею членовъ общества. Насиліе или похищеніе женщины, столь часто встрѣчавшееся у варваровъ, наказывалось одинаково съ убійствомъ, вергельдомъ въ 200 солидовъ. Любопытны также цѣны за оскорбленіе или увѣче женщины. За нанесеніе женщины удура, вѣдѣствіе котораго она выкинула мертвора ребенка, платилось 600 солидовъ. За оскорбленіе женщины постыдными словами, безъ доказательствъ, что она заслуживаетъ ихъ, положена довольно высокая плата, которая притомъ отчасти равна платѣ за оскорбленіе дѣломъ, отчасти даже значительно выше ея. Такъ за пожатіе пальца или кисти руки свободной женщины положено 15 солидовъ, за пожатіе руки до локтя—30, выше локтя—35, груди—45, тогда какъ за обидное прозваніе взымалось отъ 45 до 187½. Эти довольно высокія цѣны показываютъ, какъ необходимо было защитить женщину отъ оскорбленій варваровъ, потерявшихъ во время войнъ и сношеній съ Римомъ чувство того уваженія къ женщинѣ, которыми они отличались прежде.

Останавливаясь въ разсмотрѣніи личныхъ отношеній по варварскимъ законамъ и переходимъ къ землѣ, вопросу чрезвычайно сложному, вызвавшему безконечные споры и толкованія. На первомъ планѣ стоитъ *салическая земля* (Тегга

Salica), которая переходила только къ наслѣдникамъ мужескаго пола. Уже въ XIV вѣкѣ эта особенность въ наслѣдованіи землею обратила на себя вниманіе государственныхъ людей Франціи. И вотъ салическій законъ призываютъ въ защиту правъ Филиппа Валуа на французскій престолъ. На основаніи его издаетъ парижскій парламентъ свое знаменитое постановленіе 28 іюня 1393 года. Сюда же относится и постановленіе 10 окт. 1789 г. о престолонаслѣдіи, по единодушному требованію депутатовъ собранія госуд. чиновъ. Въ настоящее время, конечно, эта сторона вопроса уже не имѣетъ никакого значенія, но самый вопросъ до послѣднихъ дней возбуждалъ горячіе споры. Укажемъ на самыя существенныя его черты.

Во времена Цезаря и Тацита Германцы уже воздѣлывали землю, но земельной собственности еще не существовало. По свидѣтельству Тацита, земля дѣлилась ежегодно. Германцы не любили сами заниматься земледѣліемъ. Въ ихъ глазахъ, говоритъ Тацитъ, казалось лѣнью и трусостью пріобрѣтать потомъ то, что можно добыть кровью. Положеніе измѣнилось въ IV и V столѣтіяхъ. Въ Салическомъ и Рипуарскомъ Законахъ уже есть постановленія о наслѣдствѣ земли, и притомъ различныя относительно салической земли, другихъ земель и другихъ предметовъ. Что же это за салическая земля? *Еккардъ* и *Монтеस्कье* видѣли у Тацита первый намекъ на ея происхожденіе, именно въ томъ, что по свидѣтельству историка, Германцы окружали свои жилища пустыми пространствами. Въ новѣйшее время *Герардъ*, ученый издатель «Полиптики св. Ирминона», склоняется къ подобному же объясненію: онъ производитъ названіе салической земли отъ *sala*, упоминаемой въ законѣ Аллемановъ, слова, означающаго домъ и прилежащій къ нему дворъ. Салическая земля, по его мнѣнію, была земля, принадлежавшая къ дому или главному замку, которая называется во французскихъ старыхъ кутюмахъ *le*

vol du charon. Это мнѣніе не можетъ быть принято уже потому, что противорѣчитъ дальѣйшимъ документамъ. Мы имѣемъ полиптику (liber possessionum) Вейсsemбургскаго монастыря, основаннаго въ нижнемъ Эльзасѣ въ VII столѣтіи, при королѣ Дагобертѣ I. Она была составлена въ XIII столѣтіи, на основаніи древнихъ документовъ; слѣд., она древнѣе французскихъ кутумовъ. Въ этомъ описаніи монастырскаго имущества мы находимъ массу салическихъ земель (болѣе 111), часто довольно обширныхъ, вовсе не соответствующихъ двору, окружающему жилище. Для опредѣленія салической земли необходимо сдѣлать отступленіе.

У древнихъ Германцевъ наслѣдство дѣлилось послѣ отца между дѣтьми обоего пола. Но, когда франкскія племена, Сигамбры и др., перешли Рейнъ, они получили отъ Римской имперіи земли на правахъ летовъ и союзниковъ, т. е. съ обязанностью военной службы, защиты границъ имперіи. Такимъ образомъ, въ III и IV вѣкахъ у нихъ явилась земельная собственность съ извѣстнымъ обязательствомъ. Наслѣдство получило двойной характеръ. Съ одной стороны, все движимое имущество, по старому германскому обычаю, дѣлилось одинаково между сыновьями и дочерьми. Съ другой, земля, полученная отъ имперіи подъ условіемъ военной службы, наследовалась только сыновьями или другими наслѣдниками мужескаго пола, способными къ военной службѣ. Когда потомъ Франки овладѣли Токсандріей и Бельгіей, а при Хлодвигѣ сѣверною Галліей, земли раздѣлены были ими по праву завоеванія; но самое это право налагало на владѣльцевъ обязанность защищать эти земли. Важно слѣдующее обстоятельство. Въ двухъ первыхъ, древнѣйшихъ редакціяхъ Салическаго Закона находимъ слѣдующее постановленіе о наслѣдствѣ. Послѣ параграфовъ вообще о наслѣдствѣ, дѣлимомъ поровну между всѣми дѣтьми, переходящемъ, при ихъ отсутствіи, къ матери

покойнаго, къ его братьямъ и сестрамъ и т. д., сказано, что относительно земли никакого наслѣдства нѣтъ женщинѣ, но *вся* земля переходитъ къ мужескому полу, къ братьямъ. Слѣд., въ древнѣйшихъ редакціяхъ нѣтъ еще и поминъ о *салической* землѣ. Это названіе встрѣчается только въ третьей редакціи, составленной уже послѣ 595 года, ибо въ ней есть заимствованія изъ постановленій Хильдеберта II этого года. Въ древнѣйшихъ редакціяхъ, составленныхъ тотчасъ послѣ завоеванія, выраженіе «*вся земля*» могло означать или участки древнихъ, *agri limitanei*, или участки, розданные послѣ завоеванія, тѣ и другіе съ обязанностию защиты, военной службы. Послѣ 595 г. къ этой первоначальной земельной собственности могла присоединиться уже и другая, пріобрѣтенная покупкой и другими способами, которая не требовала уже владѣльцевъ исключительно мужескаго пола. Третья редакція, повторенная всѣми слѣдующими, отличаетъ поэтому древнѣйшую земельную собственность, съ которою соединена военная служба, отъ позднѣйшей названіемъ *Terra Salica*, причемъ слово *Salica* происходитъ не отъ *sala*, а отъ салийскихъ Франковъ *). Въ Рипуарскомъ Законѣ эта земля называется *terra aviatica*. Отсюда понятенъ смыслъ этого закона, примѣненный къ престолонаслѣдію. Французское королевство было результатомъ завоеванія, салическою землею для рода Меровинговъ, потомковъ Хлодвига. Монтескье справедливо замѣтилъ, что тутъ гражданское право дѣйствовало на государственное.

Переходимъ къ дальнѣйшей характеристикѣ землевладѣнія у Франковъ, утвердившихся въ Галліи. Какъ салическія земли, такъ и тѣ, которыя принадлежали матери и переходили

*) Не забудемъ, что еще въ X вѣкѣ, по свидѣтельству Оттона Фрейзингенскаго, благороднѣйшіе изъ Франковъ называли себя *Salici*.

къ наслѣдникамъ обоого пола, составляли лишь одинъ видъ земель, именно родовую собственность или *аллодіальную*. Кроме того, мы встрѣчаемъ здѣсь еще два вида землевладѣнія, такъ называемыя бенефиціи и частную собственность.

Касательно *бенефицій* ограничимся въ настоящемъ случаѣ слѣдующимъ. Уже Тацитъ говоритъ о существованіи дружины у Германцевъ. Она собиралась изъ охотниковъ около смѣлаго и предприимчиваго вождя. Связи между ею и ея вождемъ были чисто личныя. Дружинникъ получалъ отъ вождя оружіе, лошадей, участвовалъ на пиряхъ его. Позорно было дружиннику пережить своего вождя, павшаго въ битвѣ. Дружину почти съ такимъ же характеромъ мы находимъ и въ началѣ русской исторіи. Съ утвержденіемъ Германцевъ на римской почвѣ измѣнился характеръ дружинныхъ отношеній. Короли и вожди дружинъ получили огромное количество земель, особенно первые. Вотъ какъ короли пріобрѣтали земли. 1) На ихъ долю досталась огромная часть при первомъ раздѣлѣ земельной собственности, бывшемъ слѣдствіемъ ихъ утвержденія въ областяхъ имперіи. 2) То же происходило при дальнѣйшихъ завоеваніяхъ: Хлодвигъ присвоилъ себѣ земли убитыхъ имъ королей Франковъ; при покореніи Турингцевъ въ 530 г., Аллемановъ въ 745, Баваровъ въ 788 земли ихъ вождей перешли къ королямъ Франковъ. 3) Къ королямъ во многихъ случаяхъ переходили земли виновныхъ. 4) Имъ доставались земли въ случаѣ отсутствія наслѣдниковъ. Наконецъ, 5) они часто правдою и неправдою захватывали земли частныхъ собственниковъ. Въ первое время послѣ поселенія на земляхъ Римской имперіи Германцы сохраняли привычки своего прежняго быта. Мы знаемъ, что Бургундамъ запрещалось продавать участки доставшихся имъ земель, кромѣ того случая, когда ихъ будетъ нѣсколько въ однихъ рукахъ. Мы знаемъ также, что почти всѣ земли, розданныя дружинамъ

Одоакра, скоро перешли опять въ руки римскихъ владѣльцевъ. Въ началѣ Германецъ мало дорожилъ землею; но это продолжалось недолго. Чтобы привлечь къ себѣ смѣлыхъ и преданныхъ бойцовъ, короли Франковъ и другіе вожди, вмѣсто оружія и прочихъ подарковъ, стали раздавать земли, и эти-то земли, дававшіяся подлѣ условіемъ извѣстной службы, извѣстныхъ отношеній, и назывались бенефиціями. Разумѣется, между землями и простыми подарками была огромная разница. Раздача земель, вмѣсто того, чтобы тѣснѣе сближать дружинниковъ съ вождемъ, должна была содѣйствовать ихъ разединенію. Получивъ землю, дружинникъ невольно привязывался къ ней, не могъ постоянно жить при дворѣ короля. Характеръ отношеній самъ собою долженъ былъ измѣниться; но измѣненіе совершилось не вдругъ, и его слѣдствія вскрылись вполне уже въ позднѣйшую эпоху.

Бенефиціи меровингскаго періода были различныхъ родовъ. Они могли или отбѣраться произвольно давшимъ ихъ, или даваться на извѣстный срокъ, на всю жизнь, наконецъ, наслѣдственно. Въ источникахъ исторіи меровингскаго періода мы безпрестанно видимъ произвольное отнятіе розданныхъ бенефицій; но нельзя не признать, что фактъ еще не всегда доказываетъ существованіе права. Напротивъ, мы замѣчаемъ въ договорахъ, въ постановленіяхъ того времени, что единственною законною причиною къ отнятію бенефицій была невѣрность со стороны получившаго, неисполненіе принятыхъ имъ на себя обязательствъ. «Если какая-нибудь земля, говорить договоръ, заключенный въ 587 г. между королями Гонтрамомъ и Хильдебертомъ, будетъ отнята у кого-нибудь *безъ вины съ его стороны*, она возвращается ему». Раздача бенефицій на извѣстный срокъ, сходная съ римскимъ *прекаріумъ*, встрѣчается только относительно земель, принадлежавшихъ церквамъ и монастырямъ. Извѣстно, что вожди Франковъ не

разъ захватывали церковныя земли и раздавали ихъ своимъ дружинникамъ. Всего болѣе отличался этимъ Карлъ Мартель, и въ легендахъ объ его смерти и страшномъ наказаніи, постигшемъ его за гробомъ, видѣтъ гнѣвъ духовенства за нарушение его собственности. По всей вѣроятности, огромное число этихъ бенефицій, которое церковь вынуждена была отдать на срокъ (*in precario*) франкскимъ дружинникамъ, никогда къ ней не возвращалось. Самый употребительный родъ бенефицій составляли земли, раздававшіяся пожизненно. Разумѣется, владѣльцы этихъ бенефицій всѣми силами старались обратить ихъ въ свои наслѣдственныя владѣнія, и мы видимъ усилія Карла В. воспрепятствовать этому. Его преемники были слишкомъ слабы, чтобы противиться естественному ходу дѣла, и пожизненныя бенефиціи обратились въ наслѣдственное владѣніе. Что касается до бенефицій, даруемыхъ въ наслѣдственное владѣніе, то, само собою разумѣется, онѣ могли переходить только къ мужчинамъ, вообще въ силу обязательствъ, принимаемыхъ на себя владѣльцами бенефицій относительно лицъ, отъ которыхъ они ихъ получили. Эти обязательства, обозначаемыя общимъ именемъ вѣрности, *fidelitas*, распадалась на двѣ главныя части, на военную и личную домашнюю службу.

Относительно третьяго вида земель, составлявшихъ частную собственность, замѣтимъ, что онѣ естественно переходили и къ сыновьямъ, и къ дочерямъ, какъ къ законнымъ наслѣдникамъ. Древніе Германцы, по свидѣтельству Тацита, не знали завѣщаній; въ законахъ салическихъ и рипуарскихъ Франковъ мы также не находимъ ничего о завѣщаніяхъ. Но въ Салическомъ Законѣ встрѣчаемъ одинъ любопытный титулъ, гдѣ изображается символическая передача владѣнія съ древними обрядами. Она не могла совершиться, если владѣлецъ имѣлъ дѣтей; но онъ могъ посредствомъ ея лишить

наслѣдства боковыхъ родственниковъ. Вообще въ германскомъ правѣ замѣчается равенство въ наслѣдствѣ между братьями и сестрами, а также и личная свобода, за неизмѣнимъ дѣтей, распорядиться своею собственностью.

Оставляя въ сторонѣ обязательства по германскому праву, которыя обыкновенно обезпечивались словомъ (*fide facta*), личностью обязавшагося, перейдемъ къ судопроизводству.

Основаніемъ всего судопроизводства, какъ уголовного, такъ и гражданского, было, какъ мы знаемъ, денежное вознагражденіе, *wergeld*. Изъ 412 артикуловъ Салическаго Закона 356 посвящены его установленію. Чтобы понять его значеніе, необходимо знать относительную цѣну употреблявшихся монетъ. По изслѣдованіямъ Герарда, цѣна денарія варіировалась съ V до VIII вѣка между 2 фр. 49 сент. и 3 фр. 89 сент. нынѣшняго курса. Относительная цѣна солида была 90 фр. при Меровингахъ. При Карлѣ В. золотой солидъ замѣненъ былъ серебрянымъ. Судъ могъ производиться въ трехъ мѣстахъ: въ *mallum*, передъ сагибаронами и передъ королемъ. *Mallum* было судилище графа, назначаемого королемъ, и *рахимбурговъ*, свободныхъ людей, избираемыхъ народнымъ собраниемъ, или, въ случаѣ недостатка избранія, назначаемыхъ графомъ. Графъ произносилъ приговоръ и исполнялъ его; но судили *рахимбурги*, которыхъ было 7. Если графъ отказывался производить судъ, онъ долженъ былъ заплатить *wergeld*, равный цѣнѣ жизни. *Mallum* собирался въ извѣстные сроки въ разныхъ мѣстахъ графства. Сагибароновъ было 3; они судили подъ предсѣдательствомъ *тунгина*, начальника сотни или десятка. Сагибароны судили или дѣла, не терпящія отлагательства, или второстепенныя. Они собирались въ промежуткахъ между однимъ и другимъ *mallum*. Личность сагибарона была обезпечена *вергельдомъ*, равнымъ цѣнѣ графа, если сагибаронъ былъ свободный, или половинѣ, если онъ

былъ королевскій отпущенникъ. Высшее судилище было передъ королемъ. Сюда призывались тѣ, которые отказывались явиться на судъ рахимбурговъ. Обыкновенно такія лица подвергались изгнанію и имѣніе ихъ конфисковалось. Королевское судилище называлось иногда *placitum palatii*; а иногда народное собраніе, предсѣдательствуемое королемъ, произносило приговоры.

Доказательства представлялись главнымъ образомъ свидѣтелями, которыхъ должно строго отличать отъ *соприсяжниковъ*, *conjuratores*. Свидѣтели показывали то, что они знаютъ; соприсяжники подтверждали, что лицо, съ которымъ вмѣстѣ они присягали, заслуживаетъ довѣрія. Соприсяжничество было обязанностію родныхъ и потому не всегда заслуживало вѣры. Зато истецъ имѣлъ право избрать самъ половину соприсяжниковъ между родными отвѣтника, или же отвергнуть выставленныхъ послѣднимъ. Чтобы ограничить злоупотребленія соприсяжничества, было постановлено, что никто не можетъ быть соприсяжникомъ болѣе, чѣмъ въ трехъ дѣлахъ. Исключенія дѣлались только въ дѣлахъ о приданомъ, о вещахъ, взятыхъ у непріятеля и т. д. Противъ ложнаго свидѣтельства, а также противъ соприсяжничества въ ложномъ показаніи положена была пеня въ 15 солидовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вмѣсто свидѣтельства, допускались *ордалии*, именно испытаніе кияткомъ. Отвѣтникъ могъ откупиться отъ испытанія $\frac{1}{3}$ цѣны всего иска. Въ декретѣ Клотаря II положено испытаніе жеребьемъ въ случаѣ обвиненія въ воровствѣ. Важную роль въ судопроизводствѣ Германцевъ играли судебные поединки, *судъ Божій*, какъ называли его Лангобарды. Судъ Божій является во всѣхъ скандинавскихъ и германскихъ законахъ, за исключеніемъ Салическаго. Но и этотъ послѣдній молчитъ о судебныхъ поединкахъ только въ древнѣйшей своей редакціи. Что поединки были у салическихъ

Франковъ, это мы знаемъ изъ разсказовъ Григорія турецкаго. Въ 584 г. въ народномъ собраніи, созванномъ въ Парижѣ королемъ Гонтрамомъ, одинъ изъ вельможъ, обвиненныхъ королемъ, потребовалъ суда Божія. Да и было бы въ высшей степени странно, еслибы салискіе Франки одни изъ всѣхъ германскихъ племенъ не признавали суда Божія, учрежденія по преимуществу германскаго. Извѣстно, что даже Вестготы, болѣе другихъ племенъ подчинившіеся римскому вліянію и не внесшіе въ свои законы, составленные уже въ Испаніи, постановленій о судебныхъ поединкахъ, крѣпко держались за нихъ; тѣ изъ нихъ, которые остались въ Галліи, послѣ завоеванія ихъ Хлодвигомъ, черезъ 5 столѣтій еще требовали судебного поединка, какъ своей привилегіи. У Лангобардовъ король Люттирандъ, желая ограничить употребленіе поединковъ, вынужденъ былъ однакоже объявить слѣдующее: «Мы колеблемся относительно суда Божія, но такъ какъ онъ въ обычаѣ нашего народа, Лангобардовъ, то мы не можемъ уничтожить самого закона». Судебные поединки были закономъ уничтожены во Франціи Людовикомъ Св., но мы находимъ ясныя слѣды ихъ существованія до самаго XVI вѣка.

Обратимся теперь къ государственнымъ отношеніямъ у Франковъ. Со времени завоеванія Галліи, королевская власть получаетъ у нихъ двойное значеніе. Относительно Франковъ король остается въ прежнемъ, древнемъ значеніи германскаго конунга; а для Галло-римлянъ онъ патрицій и консулъ, онъ замѣняетъ римскаго императора. Съ тѣхъ поръ, какъ были истреблены другіе короли Франковъ и ихъ потомство, право на королевское достоинство принадлежало исключительно роду Хлодвигу или Меровингамъ. Его никто не оспаривалъ. Если и встрѣчались иногда самозванцы, то мы не видимъ ни одного претендента на корону, который бы не принадлежалъ или не выдавалъ себя принадлежащимъ къ роду Меровинговъ.

Такимъ образомъ, на почвѣ Галліи королевское достоинство у Франковъ сдѣлалось исключительною собственностію одного рода. Само собой разумѣется, что, овладѣвъ Галліей, вступивъ относительно Галло-римлянъ въ новыя, до толѣ неизвѣстныя имъ отношенія, франкскіе короли должны были по необходимости во многомъ измѣнить свои національныя воззрѣнія на королевскую власть. Она не разъ пыталась приложить и къ Франкамъ то значеніе этой власти, которое имѣла она для Галло-римлянъ. Но эти попытки разбивались о сопротивление Франковъ, остававшихся вѣрными своимъ древнимъ народнымъ воззрѣніямъ; да и сами короли смутно понимали новое значеніе государственной власти, которое старались внушить имъ ихъ галло-римскіе подданные, особенно духовенство. Для Франковъ, завоевавшихъ Галлію при Хлодвигѣ и отцѣ его, Хильдерикѣ, съ помощію дружины, король прежде всего былъ вождь дружины и отношенія къ нему были чисто личныя. По смерти Хлодвига, сыновья его раздѣляли между собою по жеребью области и города Галліи, мало обращая вниманія на единство и смежность доставшихся имъ территорій, на границы своихъ государствъ: владѣнія ихъ перемѣшались между собою. По жеребью же досталось имъ, вмѣстѣ съ областями, и галло-римское населеніе. Случай рѣшалъ принадлежность тому или другому королю. Также раздѣлена была и германская, франкская дружина между паслѣдниками Хлодвига; но тутъ основаніе дѣленія было уже совсѣмъ иное. Не случай, а личный выборъ рѣшалъ, кто изъ Франковъ шелъ за тѣмъ или за другимъ королемъ. Это личное, свободное отношеніе къ королевской власти крѣпко хранилось Франками. Мы видѣли, что когда Хлодвигъ рѣшился принять христіанство и 3000 его дружинниковъ послѣдовали его примѣру, большинство, вѣрное древнимъ религіознымъ убѣжденіямъ, перешло къ другимъ королямъ, и Хлодвигъ не могъ остановить его. Со временъ

Хлодвига всѣ франкскіе короли уже христіане; но это не значить, чтобы и Франки обязаны были принять христіанство. Еще въ VII вѣкѣ встрѣчается значительное число Франковъ язычниковъ. Блестящій примѣръ чисто личныхъ отношеній короля къ Франкамъ представляетъ извѣстный рассказъ о суассонской вазѣ. Франки Хлодвига, проходя черезъ Реймсъ, похитили, между прочимъ, церковный сосудъ. Епископъ просилъ Хлодвигъ возвратить похищенное; король обѣщалъ. Дѣйствительно, на собраніи въ Суассонѣ, гдѣ происходилъ раздѣлъ добычи, онъ просилъ Франковъ уступить ему этотъ сосудъ не въ счетъ причитающейся ему части. Всѣ были согласны; но вышелъ одинъ воинъ и, ударивъ копьемъ по сосуду, сказалъ: «Ты получишь только то, что достанется тебѣ по жеребью!» Хлодвигъ долженъ былъ на время стерпеть обиду.

Вообще король, котораго постоянно окружали знатнѣйшіе Франки (*proceres, optimates, principes, seniores*), котораго во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ стѣняла гора совѣта (*malberg*), народное собраніе, часто оказывался совершенно безсильнымъ передъ волею своихъ подданныхъ. У Григорія турскаго мы находимъ многочисленные примѣры этого. Вотъ важнѣйшіе. Когда, по смерти Теодобальда, Клотарь I сдѣлался королемъ Австразіи, онъ получилъ извѣстіе, что Саксы отказываются платить дань. Клотарь тотчасъ отправился противъ нихъ съ войскомъ. Когда онъ подошелъ къ ихъ границамъ, Саксы прислали сказать ему, что они готовы платить дань. Клотарь хотѣлъ—было идти назадъ, но дружина объявила, что Саксамъ не слѣдуетъ вѣрить и заставила его продолжать походъ. Саксы прислали во второй разъ пословъ, требуя мира и предлагая половину своего имущества. Клотарь обратился къ своимъ съ убѣжденіями: «Откажитесь, прошу васъ, отъ войны изъ страха, чтобы мы не навлекли на себя гнѣвъ Божій». Дружина опять не согласилась. Послы Саксовъ

явились въ третій разъ, предлагая одежды, стада и половину земель замиръ. Клотарь еще разъ обратился къ войску: «Откажитесь, прошу васъ, откажитесь отъ вашего памѣренія; право не на нашей сторонѣ. Не упорствуйте въ желаніи сражаться, ибо вы будете побѣждены. Если же вы непремѣнно хотите идти, я не пойду съ вами». Тогда Франки бросились на короля, изорвали его палатку и хотѣли убить его, если онъ не пойдетъ съ ними. Клотарь пошелъ противъ воли. Подобный же случай рассказываетъ Григорій турскій о войнѣ Сигиберта и Хильпериха противъ ихъ брата Гонтрама. Когда заключенъ былъ миръ съ Гонтрамомъ, австрازیенскіе Франки заставили Сигиберта обратиться противъ Хильпериха, чтобы не возвращаться домой съ пустыми руками. Но лучшій примѣръ отношеній франкского короля къ его соотчичамъ представляетъ тотъ же Григорій турскій, говоря о Гонтрамѣ, королѣ Бургундіи, одномъ изъ 4 сыновей Клотаря I-го. Передаемъ его характеристическій рассказъ вполнѣ. «Въ воскресенье, когда діаконъ, передъ началомъ обѣдни, наложилъ молчаніе на народъ, король обратился къ народу и сказалъ: «Заклинаю васъ, мужчины и женщины, здѣсь находящіеся, удостойте «сохранить ко мнѣ ненарушимую вѣрность и не убивайте меня, какъ вы убили моихъ братьевъ. Пусть мнѣ можно будетъ, «по крайней мѣрѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, воспитать моихъ «племянниковъ, которыхъ я усыновилъ. Смотрите, чтобы (да «отвратитъ это несчастіе вѣчное Божество!) послѣ моей смерти вы не погибли сами, вмѣстѣ съ этими малолѣтними, когда изъ нашего рода не останется ни одного взрослого, который бы могъ васъ защитить». А вотъ еще любопытная подробность, передаваемая тѣмъ же писателемъ. У Гонтрама вышелъ споръ съ племянникомъ, Хильдебертомъ, относительно нѣкоторыхъ городовъ; Хильдебертъ отправилъ къ нему посланца. Когда Гонтрамъ отказался возвратить города, послы

на прощаньи сказали ему: «Ты не хочешь возвратить племяннику города, которые ему принадлежать; но мы знаемъ, что цѣля еще сѣкира, которая разсѣкла черепа твоихъ братьевъ; скоро она разобьетъ и твой черепъ». Король Гонтрамъ ограничился только тѣмъ, что приказалъ выбросить на голову посланца разныя нечистоты.

Въ лѣтописяхъ меровингскаго періода мы находимъ частое упоминаніе о *лейдахъ*. Вопросъ о значеніи этого слова вызвалъ много споровъ. Подъ лейдами разумѣли тѣхъ Франковъ, которые служили королю за бенефиціи и давали ему присягу въ вѣрности. Таково между прочимъ мнѣніе *Герарда*, издателя *Полиптики* аббата Ирминона. Но едвали не справедливѣе другое мнѣніе, которое не выдѣляетъ лейдовъ, какъ особое сословіе, изъ общей массы свободныхъ Франковъ и полагаетъ, что слово «лейды» нѣмецкое и вполнѣ соответствуетъ латинскому «*fideles*». Этими словами безразлично обозначались всѣ свободные Франки, жившіе въ томъ или другомъ франкскомъ королевствѣ. Таково между прочимъ и мнѣніе *Варикенна*, автора извѣстной исторіи Каролинговъ. Но былъ у Франковъ разрядъ лицъ, который рѣзко выдѣлялся изъ массы. Это—антрустіоны, лица, бывшія подъ специальнымъ покровительствомъ короля (въ его *mundeburde vel defensione*), принесшія ему клятву въ вѣрности въ его рукахъ, отдавшіяся ему (*commendati*). У Маркульфа есть формула признанія антрустіоновъ. Вотъ она. «Справедливо, чтобы тѣ, кто обѣщали намъ ненарушимую вѣрность, пользовались нашимъ покровительствомъ. Такъ какъ *такой-то* нашъ вѣрный, съ Божіей помощью, прийдя во дворецъ нашъ съ своимъ оружіемъ, принесъ клятву въ рукахъ нашихъ въ службѣ и вѣрности, то мы постановляемъ и повелѣваемъ: такой-то да считается въ числѣ нашихъ антрустіоновъ. Кто рѣшится убить его, тотъ пусть знаетъ, что будетъ присужденъ къ

платѣ вергельда въ 600 солидовъ». Антрустїонами могли быть не только Германцы, но и Галло-римляне, за убійство которыхъ платилась также тройная цѣна противъ убійства свободного Римлянина, т. е. 300 солидовъ. Кромѣ того, королевскими антрустїонами могли быть и всѣ другіе люди. Есть указаніе даже на антрустїоновъ, происходившихъ изъ не-свободнаго состоянія.

Относительно галло-римскихъ подданныхъ франкскій король замѣнилъ римскаго императора. Овладевъ римскими провинціями, германскіе варвары мало вмѣшивались въ дѣла внутренняго управленія, не вносили съ собой желанія ввести какую-нибудь свою административную систему. Они оставляли еще уцѣлѣвшія формы римскаго управленія, предоставляли имъ самимъ мало по малу измѣняться подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Уже въ послѣднія времена существованія Римской имперіи ея учрежденія во многомъ значительно видоизмѣнили свои основныя древнія формы. Съ завоеваніемъ Галліи и вообще римскихъ провинцій варварами эти измѣненія пошли еще быстрѣе. Наступило время полнаго безпорядка, въ которомъ трудно найти какую-нибудь общую, твердую идею, какой-нибудь опредѣленный планъ. Оттого такъ трудно составить себѣ ясное понятіе объ администраціи этой эпохи, трудно ориентироваться среди множества противорѣчащихъ другъ другу и сбивчивыхъ извѣстій. Слова и выражаемые ими понятія потеряли свой прежній смыслъ, получили новое значеніе. Отсюда множество противоположныхъ мнѣній относительно характера администраціи и управленія. Главная трудность состояла въ томъ, что искали ту или другую систему тамъ, гдѣ было отсутствіе всякой системы, гдѣ царствовали анархія и произволъ. Уже одно административное дѣленіе Галліи вызывало множество упорныхъ трудовъ для разъясненія вопроса, трудовъ, не всегда вознаграждаемыхъ положительнымъ

результатомъ. Много сдѣлано ученымъ *Герардомъ*, сначала въ его опытѣ системы территориальныхъ раздѣленій Галліи, изданномъ въ 1832 г., потомъ въ его Полиптикѣ Ирминона. Прекрасное изслѣдованіе принадлежитъ Альфреду *Якобу* въ его «Географіи Григорія турскаго, Фредегерія и ихъ продолжателей», которая въ два-три года имѣла нѣсколько изданій. Якобъ подвергъ самому тщательному и добросовѣстному разбору всѣ указанія главнѣйшихъ историковъ меровингскаго періода и старался точно опредѣлить смыслъ каждаго географическаго указанія. Къ этому спеціальному изслѣдованію намъ придется безпрестанно возвращаться, если мы захотимъ составить ясное понятіе объ административныхъ дѣленіяхъ и о характерѣ управленія этой эпохи.

Органами администраціи были: *duces*, *patricii*, *comites*, *rectores*, *vicarii*, *judices loci*, *tribuni*, *centenarii*. Но напрасно мы будемъ искать строгой опредѣленности и точности этихъ терминовъ. *Duces*, герцоги, явились въ Римской имперіи со временъ Діоклетіана въ смыслѣ не только военныхъ начальниковъ, но и постоянныхъ чиновниковъ. Въ *Notitia Dignitatum* мы находимъ ихъ 12 въ Зап. римской имперіи, въ томъ числѣ 5 въ одной Галліи. Сколько можно судить по этому важному памятнику, они находились преимущественно на границахъ имперіи, угрожаемыхъ со стороны варваровъ. Варвары заимствовали у Римлянъ этотъ титулъ. Когда Хильдебертъ отправилъ въ Италію войско противъ Лангобардовъ, онъ поручилъ начальство 20-ти герцогамъ; *ducatus* сдѣлался первымъ изъ административныхъ дѣленій Меровинговъ. Но термины *dux* и *ducatus* значительно измѣнили свое значеніе, потеряли прежнюю точность. Франкскіе короли назначали герцоговъ преимущественно изъ людей близкихъ, постоянно жившихъ при ихъ дворѣ. Герцоги не всегда избирались изъ Франковъ. Есть указанія на герцоговъ,

происходившихъ изъ сенаторскихъ фамилій, слѣд. Галлоримлянъ. Разумѣется, это были тѣ Галлоримляне, которые сдѣлались уже почти варварами, жили почти одною жизнью съ Франками. Герцогъ былъ военный вождь, охранитель границъ, какъ и въ послѣднее время Римской имперіи (ему соответствовало потомъ *marchio*, маркизь); но онъ былъ въ то же время и высшимъ администраторомъ, которому было подчинено нѣсколько графовъ. Титулъ оставался за нимъ и тогда, когда онъ оставлялъ свою должность и занималъ другую. Область, ввѣренная его управленію, называлась *ducatus*, что впрочемъ вовсе не означало какой-нибудь определенной постоянной провинціи. Иногда *ducatus* обнималъ обширную область, иногда ограничивался нѣсколькими городами. Вообще число городовъ, вручаемыхъ управленію того или другаго герцога, зависѣло отъ произвола короля, и слово *ducatus* чаще примѣняется къ самой должности, чѣмъ къ территоріи, ей подчиненной. Изъ всѣхъ областей Галліи мы находимъ только одну, имя которой встрѣчается постоянно съ титуломъ *ducatus*. Это — герцогство Шампань. Между *dux* и *partricius* не было, кажется, особенной разницы. Патриціи встрѣчаются всего болѣе въ областяхъ Бургундіи. Формула утвержденія въ званіи герцога, патриція и графа одна и та же, какъ мы видимъ изъ сборника Маркульфа.

Comites, графы представляютъ, не смотря на свое римское имя, учрежденіе чисто германское. *Comites* были и въ Римской имперіи, но, по характеру своихъ должностей, они не имѣютъ ничего общаго съ тѣми, о которыхъ мы говоримъ. У Германцевъ слову *comes* соответствовало названіе *graphio* или *graf*, т. е. судья, которое и передавалось иногда латинскимъ словомъ *iudex*. Графъ былъ въ каждомъ городѣ. Когда при наслѣдникахъ Хлодвигу нѣкоторые города были подѣлены на части между нѣсколькими королями (напр. Парижъ),

каждая часть имѣла своего графа. Графъ назначался обыкновенно королемъ съ согласія епископа города и гражданъ. Таковъ былъ обычай, на практикѣ, разумѣется, часто допускавшій исключенія. Главною обязанностью графа былъ судъ. Графъ держалъ судъ или въ самомъ городѣ вмѣстѣ съ знатнѣйшими гражданами и духовными лицами, или же объѣзжалъ свою область. Вмѣстѣ съ нимъ, какъ извѣстно, въ судѣ участвовали 7 рахимбурговъ. Отказъ графа дать судъ наказывался вергельдомъ, равнымъ цѣнѣ жизни. Разумѣется, впрочемъ, что и здѣсь, какъ во всѣхъ сферахъ общественной жизни этого времени, царствовалъ большой произволъ, не смотря на строгій законъ. Но графъ не былъ единственнымъ судьей въ городѣ. Рядомъ съ нимъ былъ судъ епископа; между двумя судами существовали постоянныя столкновенія. Недовольные судомъ епископа часто обращались къ суду графа, какъ къ высшей инстанціи, и графъ епѣшилъ пользоваться этимъ. Въ дѣлахъ уголовныхъ, сколько можно судить по отрывочнымъ извѣстіямъ, судъ принадлежалъ исключительно графу. На соборѣ въ Орлеанѣ (511 г.), не задолго до смерти Хлодвигу, духовенство, признательное королю за побѣду, доставленную православію надъ аrianствомъ, дало графу право вмѣшательства и въ дѣла собственно церковныя. Безъ его позволенія никто не могъ быть принятъ въ ряды духовенства. Но такое положеніе продолжалось не долго. Духовенство имѣло слишкомъ много вліянія, чтобы оставаться въ такой зависимости. Постановленіе Клотаря I около 560 г. даетъ уже право епископамъ контролировать судебныя рѣшенія графовъ: «Если судья произнесетъ рѣшеніе противъ законовъ, то въ наше отсутствіе онъ будетъ обличенъ епископами и принужденъ исправить свое рѣшеніе». Въ 581 г. соборъ въ Макоинѣ отрицаетъ право графовъ судить лица духовнаго званія. Это право предоставляется имъ только въ случаѣ убійства,

воровства и чародѣйства. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ духовенству запрещено являться на судъ графа, и оно должно было судиться передъ епископомъ, священникомъ и архидиакономъ. Кромѣ судебной, на графѣ лежала еще другая важная обязанность, сборъ податей. Титулъ *exactor fisci* постоянно дается ему въ дипломахъ. Онъ былъ обязанъ ежегодно привозить самъ сборъ въ королевское казначейство, и вся отвѣтственность падала на него лично. Это была трудная и вмѣстѣ съ тѣмъ прибыльная обязанность. Мы часто видимъ возстанія противъ графовъ населенія, подавленного взимаемыми ими налогами, изъ которыхъ часть обращалась въ ихъ пользу. Чтобы избѣжать этихъ столкновений, многіе графы отдавали сборъ податей на откупъ Евреямъ, которые уже и въ то время играли видную роль во всемъ, что касалось денежныхъ выгодъ. Епископы не разъ протестовали противъ этой системы сбора податей. Иногда графъ самъ собиралъ подати, но, чтобы внести ихъ къ опредѣленному сроку, занималъ деньги у Евреевъ за большіе проценты. Въ этомъ случаѣ онъ не хотѣлъ потерять всѣхъ выгодъ, доставляемыхъ сборомъ податей.

Кромѣ графовъ, мы видимъ при Меровингахъ еще *rectores*, которые особенно удержались въ южной Галліи, именно въ Провансѣ. Единственное различіе ихъ отъ графовъ состояло, кажется, въ томъ, что каждый городъ имѣлъ своего графа, тогда какъ ректору подчинено было нѣсколько городовъ, напр. Арль и Марсель. Графамъ подчинены были *vicarii* и *judices loci*, которые распоряжались въ области города, тогда какъ графъ жилъ въ самомъ городѣ. Викаріи именовались также *vice-comites*, откуда произошло и слово «виконтъ». Название *judex loci* иногда придавалось и самому графу. Встрѣчается еще титулъ *tribunus*, значеніе котораго весьма трудно опредѣлить. Принимая за вѣроятное, что вообще одно и то же названіе обозначало нѣсколько различныхъ должностей,

можно думать, что трибуны были: военныя власти, стражи темницъ и замковъ, монастырскіе чиновники, подчиненные аббату или игумену, викаріи, или помощники графа, сборщики податей, городскіе синдики, и т. д. Наконецъ, въ документахъ меровингской эпохи встрѣчается еще одно должностное лицо, которое также подало поводъ ко многимъ объясненіямъ, именно *centenarius*, сотникъ. Это имя является въ декретахъ Хильдеберта II и Клотаря II въ 595 г. Въ Салическомъ Законѣ мы также встрѣчаемъ сотника вмѣстѣ съ тунгиномъ, имя котораго не находится ни въ какихъ другихъ письменныхъ памятникахъ. Нѣмецкіе изслѣдователи (*Waitz*) объяснили значеніе *Gau*, *Hundertschaft* въ нѣмецкомъ правѣ; но едва ли можно придать то же значеніе и сотиѣ (*centena*) въ Галліи, по крайней мѣрѣ въ началѣ меровингскаго періода. Сотня, въ смыслѣ извѣстной мѣстности, является только въ концѣ этого періода и при Каролингахъ; прежде, вѣроятно, она имѣла численное, а не мѣстное значеніе. По эдиктамъ сотня отвѣчала за преступленія, въ ней совершенныя; если она не могла представить къ суду виновнаго, то его разыскивали въ сосѣднихъ сотняхъ. Кто отказывался помочь сотнику въ поимкѣ преступника, тотъ платилъ 60 солидовъ штрафу.

Таковы были органы администраціи въ меровингской Франціи. Часть ихъ назначалась изъ лицъ, окружавшихъ короля, изъ *domestici*, имя которыхъ исчезло, впрочемъ, въ концѣ этой эпохи. Дворъ короля составлялъ смѣшеніе должностей, заимствованныхъ изъ римскаго управленія, съ должностями чисто германскаго происхожденія. На первомъ планѣ при дворѣ стояли четыре главные *ministeriales*: сенешаль, начальникъ придворныхъ служителей; маршалъ, начальникъ конюшенъ; *penarius*, королевскій экономъ; *pinsegna*, виночерпій. Подъ ихъ начальствомъ было множество придворныхъ

чиновниковъ и служителей. Лица, занимавшія эти высшія домашнія должности при королѣ, иногда заведывали и дѣлами государственными. Для послѣднихъ былъ, впрочемъ, особый рядъ должностныхъ лицъ. Такъ, референдарій, обыкновенно изъ лицъ духовнаго званія, былъ хранителемъ государственной печати и приготавливалъ все акты, исходившіе отъ короля. Подъ его начальствомъ былъ канцлеръ, говорившій съ просителями черезъ рѣшетку *), и множество мелкихъ чиновниковъ: *potarii, scriptores, commentarienses*, и т. д. *Comes palatii* помогалъ королю въ администраціи и судѣ. Между придворными чинами этой эпохи мы находимъ и *майордома*, игравшаго такую важную роль въ последнее время меровингской династии. Но въ началѣ онъ не имѣлъ особеннаго значенія. Гораздо важнѣе для насъ остановиться на духовенствѣ, которое имѣло весьма сильное вліяніе въ администраціи меровингскаго государства. Прежде всего обратимъ вниманіе на бѣлое духовенство.

Завоеваніе Галліи варварами мало измѣнило вначалѣ церковное управленіе. Во главѣ духовенства стояли по прежнему епископы. Важное значеніе, которое получили они въ послѣднее время Римской имперіи, не только не уменьшилось, но даже возвысилось подъ господствомъ Франковъ. Короли Франковъ, бывшіе доселѣ вождями дружины, исполнителями постановленій народнаго собранія, приняли теперь относительно галлоримскаго населенія положеніе римскаго императора и стали у сложной государственной машины, которую вовсе не умѣли управлять. Ихъ естественными руководителями, ближайшими совѣтниками оказались люди, которымъ во всехъ подробностяхъ было извѣстно устройство этой машины, которые стояли во главѣ галлоримскаго населенія.

*) *Cancelli*—рѣшетка, заторока.

Франкскіе короли постоянно обращаются за совѣтами и указаніями къ епископамъ да къ соборамъ духовенства по дѣламъ вовсе не церковнаго свойства, дѣлаютъ ихъ судьями и свидѣтелями своихъ поступковъ, разбирателями и рѣшителями своихъ споровъ и недоразумѣній. И вотъ, епископы стоятъ въ рядахъ королевскихъ главныхъ сановниковъ, *proceres*. Вмѣстѣ съ авторитетомъ у нихъ возрастаютъ матеріальныя средства. Владѣя огромными поземельными участками, полученными и прежде и послѣ завоеванія, они обращаются въ важнѣйшихъ помѣщиковъ. Ихъ избраніе совершается по прежнему, посредствомъ народа и духовенства *).

Но это завидное положеніе высшаго духовенства было также и причиною соблазна для другихъ, а слѣдовательно вредило ему самому, способствуя измѣненію старыхъ, благопріятныхъ для него порядковъ. Очень естественно было стремленіе франкскихъ королей замѣщать епископскія кathedры своими приверженцами или извлекать изъ этого замѣщенія возможные выгоды. Изъ разсказовъ Григорія турскаго видно, какъ часто обходились постановленія соборовъ относительно избранія епископовъ. Уже св. Ремигій реймскій долженъ былъ

*) Извѣстный французскій ученый *Raynouard* въ своей «*Histoire du droit municipal en France*» собралъ все извѣстія объ участіи духовенства и народа въ избраніи епископовъ, начиная со времени Хлодвигъ до 1215 года, когда Латеранскимъ соборомъ былъ измѣненъ этотъ способъ избранія. Онъ привелъ также все относящіяся сюда постановленія соборовъ Франціи, указанія формулъ, капитулярій и т. под. актовъ. Цѣлью Реуара было доказать живучесть муниципальных учреждений Франціи, и онъ съ необыкновеннымъ тщаніемъ собралъ все извѣстія, могущія служить этой цѣли. Но относительно избранія епископовъ онъ забылъ съ такою же тщательностію собрать все указанія на исключенія изъ общаго правила, которое во многихъ случаяхъ служило только простою формальностію. А въ виду этихъ исключеній говорить о ненарушимости соборныхъ постановленій значить давать предпочтеніе жертвой бунтѣ закона передъ живыми фактами дѣйствительности.

оправдываться въ томъ, что по просьбѣ Хлодвигъ посвятилъ въ духовное званіе недостойнаго. Послѣ Хлодвигъ число Германцевъ, сдѣлавшихся епископами ради богатства и значенія, постоянно увеличивалось. Свѣтскіе люди искали епископскихъ кафедръ: изъ Исторіи Григорія турскаго видно, что 5 референдаріевъ промѣняли свои должности на епископское званіе. У него же мы находимъ извѣстіе объ одномъ герцогѣ, который принялъ посвященіе въ священники съ цѣлью получить потомъ мѣсто епископа. Уже есть слѣды симоніи, продажи епископскихъ кафедръ. Случай же произвольнаго назначенія королями епископовъ, помимо выбора духовенства и народа, встрѣчаются часто. Брунегильда сдѣлала епископомъ Родеза графа Иннокентія, не задолго передъ тѣмъ убившаго одного игумена монастыря. Другой графъ, Марахаръ, сталъ епископомъ Ангулема; его убійца получилъ потомъ его мѣсто. Повитны слѣдствія этого вмѣшательства королевской власти въ назначеніе епископовъ. При общемъ и безъ того пониженіи уровня образованности, епископы изъ воиновъ или царедворцевъ не всегда могли похвалиться и простою грамотностію. Мы встрѣчаемъ епископовъ, едва умѣвшихъ читать. Еще хуже были слѣдствія въ нравственномъ отношеніи. У того же Григорія турскаго мы находимъ примѣры поразительно недостойныхъ епископовъ, получившихъ кафедру происками и подкупамъ. Епископы отличались то звѣрскою жестокостію, то пьянствомъ и распутствомъ. Одинъ, напр., заключаетъ живымъ въ гробъ одного священника, не уступавшаго ему земельного участка, пожертвованнаго Клотильдою; другой падаетъ у алтаря, во время обѣдни, мертвецки пьяный; третьему, дикому воину, епископская мантия не мѣшаетъ участвовать въ битвахъ и предаваться разгулу и насиліямъ. И люди, искавшие на епископской кафедрѣ удовлетворенія своимъ страстямъ, все не маскировались. Они не боялись осужденія; они находили

даже себѣ сочувствіе и оправданіе въ грубомъ обществѣ, среди котораго совершали свои подвиги. Бодегизель, епископъ Монса, говорилъ откровенно: «Неужели я долженъ отказываться отъ мести за обиды только потому, что я священникъ?»

Точно также и въ другихъ церковныхъ отношеніяхъ, рядомъ съ стойкостью старыхъ формъ, мы видимъ новое содержаніе, явившееся подъ вліяніемъ событій. Во время Римской имперіи весьма важное значеніе имѣли митрополиты, созывавшіе два раза въ годъ на мѣстные соборы епископовъ своей провинціи, руководившіе выборами епископовъ, составлявшіе высшую инстанцію надъ судомъ и дѣйствіями послѣднихъ. Въ Галліи, какъ и въ другихъ областяхъ Востока и Запада, мы видимъ стремленіе митрополитовъ получить рѣшительное первенство въ своей странѣ, подчинить ее своей духовной власти, словомъ — стать патріархами. Но уже при первой франкской династіи значеніе митрополитовъ сильно понизилось; они потеряли авторитетъ надъ епископами своихъ провинцій. То же можно сказать и о соборахъ. Эти доселѣ столь частые съѣзды епископовъ въ Галліи съ VI вѣка встрѣчаются все рѣже и рѣже. Въ VI вѣкѣ въ Галліи было 54 извѣстныхъ намъ собора, въ VII 20, а въ первой половинѣ VIII вѣка только 7, изъ которыхъ 5 соборы были собственно внѣ предѣловъ Галліи. Относительно соборовъ меровингской эпохи сдѣлаемъ одно замѣчаніе. Слѣдствія постановленія перваго собора епископовъ всей Галліи (въ Орлеанѣ, 511 г.) о томъ, что рѣшенія собора нуждаются въ утвержденіи короля, были очень важны. Такъ какъ короли же давали разрѣшеніе на созваніе соборовъ, или сами созывали ихъ, то они пользовались ими для своихъ политическихъ или личныхъ цѣлей. Вопросы церковные отходили часто далеко на задній планъ, уступая мѣсто вопросамъ практическимъ. Такъ Готтрамъ, король франкской Бургундіи, заставилъ соборъ заняться рѣшеніемъ его споровъ съ

братомъ, Сигибергомъ, королемъ Австразіи. Тотъ же Гонтрамъ созвалъ въ 589 г. соборъ, передъ которымъ Брунегильда должна была принести свое оправданіе. Онъ же, за годъ передъ этимъ, убѣждалъ своего племянника, Хильдеберга, созвать на соборъ всѣхъ епископовъ своего королевства для рѣшенія также чисто практическихъ вопросовъ. Когда посоль Хильдеберга, Григорій турскій возразилъ ему, что въ соборѣ нѣтъ ни малѣйшей надобности, ибо вѣрѣ не грозитъ ни малѣйшая опасность, не представляется ни одного церковнаго вопроса, ни одной ереси, Гонтрамъ отвѣчалъ, что есть много другихъ важныхъ дѣлъ, и выставилъ предлогомъ убійство епископа Претекстата. Соборы теряли, такимъ образомъ, свое настоящее значеніе, становились орудіемъ въ рукахъ королей для ихъ личныхъ цѣлей, и этимъ объясняется частію упадокъ ихъ авторитета.

Въ то же время, какъ всѣ высшія инстанціи, стоявшія до селѣ надъ епископами, теряли свое значеніе, все болѣе силы приобрѣтали личныя отношенія послѣднихъ къ королямъ. Это обстоятельство дѣлало епископовъ свободнѣе, независимѣе во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ, и крѣпила ихъ власть относительно подчиненныхъ имъ инстанцій. Теперь искателямъ епископскихъ каеодръ представлялись различные пути достигнуть желаемого, помимо законнаго избранія. Этимъ значительно измѣнялись отношенія епископа къ народу и особенно къ духовенству его епархіи, что обнаружилось тотчасъ же. Прежде священники избирались прихожанами или основателями церквей и только утверждались и посвящались епископами. Теперь они стали избираться и утверждаться епископами. Въ ряды низшаго духовенства стремились лица несвободнаго состоянія. Эти священники, очевидно, не могли имѣть той твердости, той настойчивости и смѣлости въ огражденіи своихъ правъ, какими отличались лица самостоятельныя, избранныя самою

религіозною общиною, на нее опирающіяся. Епископы тотчасъ усмотрѣли тутъ свою выгоду и начали содѣйствовать распространенію новаго обычая. Мало по малу они стали прямыми, независимыми начальниками, часто деспотами остальнаго духовенства. Современные документы и памятники полны указаній на подобнаго рода отношенія. Изъ нихъ видно, что высшее духовенство не задумалось приложить къ низшему начала римскаго колоната. Постановленія нѣкоторыхъ соборовъ прямо высказываютъ это, прикрѣпляютъ священниковъ и діаконовъ навѣки къ полученному ими мѣсту. Еще желательнѣе было для высшаго духовенства право захватить въ свои руки матеріальныя средства церквей. Уже въ описываемую эпоху духовенству очень хотѣлось установить правильный, опредѣленный сборъ въ свою пользу. Мы имѣемъ соборныя опредѣленія о десятинахъ (соборы въ Турѣ 567 г. и въ Макопѣ 585 г.). Впрочемъ, эти опредѣленія выражали скорѣе желаніе, чѣмъ положительное требованіе, и десятина окончательно установлена при Каролингахъ. Епископы старались воспользоваться земельною собственностью и доходами церквей, и чѣмъ независимѣе становилось ихъ положеніе, тѣмъ чаще и полнѣе появлялись ихъ захваты. Соборъ въ Орлеанѣ далъ имъ право надзора за употребленіемъ церковныхъ доходовъ. Другіе соборы должны были формально установить, какая часть изъ этихъ доходовъ идетъ въ собственность епископа. Обыкновенно доходы каждой церкви дѣлились на 3 части. Одна треть шла духовенству этой церкви, другая на нужды богослуженія и на поправки, третья поступала въ распоряженіе епископа. Но епископы рѣдко довольствовались одною третью и пользовались каждымъ случаемъ, чтобы захватить возможно большую часть церковныхъ доходовъ. Приходскіе священники всѣми силами старались отстоять свои права и свое имущество. Они образовывали *conjurationes*, союзы

противъ своихъ епископовъ, подобно тѣмъ союзамъ, которые въ феодальную эпоху составлялись промышленными и торговыми классами противъ насилія и произвола феодальныхъ владѣльцевъ. Они прибѣгали къ защитѣ свѣтскихъ владѣльцевъ противъ требованій и произвола епископовъ, что видно изъ постановленія противъ этого, принятаго на клермонтскомъ соборѣ въ 535 г. Сами соборы старались остановить несправедливые захваты со стороны епископовъ, но сила обстоятельствъ была могущественнѣе ихъ. Авторитетъ епископа возрасталъ все болѣе и болѣе, и близилось время, когда епископъ сдѣлается такимъ же феодальнымъ владѣльцемъ, какъ и свѣтскіе герцоги и бароны.

Упомянемъ о другихъ правахъ церкви и ея представителей при Меровингахъ, въ доказательство того, что они не только не потеряли, но много выиграли съ надѣнемъ Западной римской имперіи. Огромное число церковныхъ имуществъ было освобождено отъ взноса податей, если не общимъ закономъ, то множествомъ особыхъ постановленій. Оттого въ церквахъ скопились такія значительныя богатства, что уже въ меровингскихъ короляхъ часто возбуждалось желаніе воспользоваться ими. Клотарь I хотѣлъ брать въ казну $\frac{1}{3}$ всѣхъ церковныхъ доходовъ, и епископы, созванные для этого на соборъ, принуждены были подписать подобное опредѣленіе, когда Инюріозусъ, епископъ Тура, смѣлымъ протестомъ заставилъ короля отказаться отъ своего намѣренія. Кромѣ церковныхъ имуществъ, иногда цѣлые города освобождались отъ податей изъ уваженія къ памяти святаго, тамъ чтимаго. Туръ не платилъ податей, потому что тамъ лежали мощи св. Мартина; короли Теудебертъ и позднѣе Хильдебертъ не брали податей съ Овернской церкви. Чѣмъ сильнѣе становилось значеніе церкви, тѣмъ болѣе правами пользовалась она и въ судебномъ отношеніи. По эдикту Клотаря II ни одно духовное

лицо не смѣло искать себѣ другаго защитника, патрона, кромѣ своего епископа. Во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ духовенство судилось только предъ судомъ епископа. Въ дѣлахъ уголовныхъ графъ могъ остановить виновнаго, но не могъ осудить его безъ участія епископа. Въ дѣлахъ между лицами свѣтскими и духовными судъ производился графомъ и епископомъ совместно. Церковь прикрывала своею защитою и лицъ, не принадлежавшихъ къ ней, но отъ нея завистлившихъ. При церквахъ и монастыряхъ были особые свѣтскія лица (*causidici, tutores, vicedomini*), во Франціи преимущественно называвшіяся *адвокатами*, которыя защищали интересы церкви и ея владѣній передъ свѣтскимъ судомъ.

Церковь пользовалась еще однимъ важнымъ преимуществомъ, правомъ убѣжища (*asylum*). Это право принадлежитъ еще языческой древности. Во время Римской имперіи оно подвергалось многимъ ограниченіямъ и не было безусловно. Когда Германцы подѣлили между собою области Западной римской имперіи и обратились въ христіанство, право убѣжища въ церквахъ снова было расширено, и церковь не отказывала въ своей защитѣ никому, искавшему въ ней спасенія. Это право было чрезвычайно благотельно. Церковь спасала не столько лицъ, преслѣдуемыхъ закономъ, сколько лицъ, искавшихъ спасенія отъ насилія и произвола. Читая церковную исторію Франковъ Григорія турскаго, мы на каждомъ шагу убѣждаемся въ томъ. Только церковь и могла дать какую-нибудь защиту преслѣдуемому сильнымъ врагомъ. Оттого въ ней ищутъ убѣжища всѣ гонимые, начиная отъ раба, бѣжавшаго отъ страшныхъ послѣдствій гнѣва господина, до королевскаго сына, искавшаго въ ней спасенія отъ преслѣдованій. Конечно, при грубости тогдашнихъ нравовъ, церковь терпѣла часто столько же отъ гонителей, сколько и отъ гонимыхъ, приносившихъ въ нее привычки своей разгульной жизни. Одинъ изъ любопытнѣйшихъ

примѣровъ такого рода представляетъ разсказъ Григорія турецкаго объ Еберульфѣ. Обвиненный въ убійствѣ нейстрійскаго короля Хильпериха, онъ искалъ спасенія въ базиликѣ св. Мартина въ Турѣ. Григорій, бывший въ это время епископомъ города, разсказываетъ, какъ жилъ Еберульфъ въ священномъ убѣжищѣ. Прислуга и женщины сопровождали его. Онъ предавался пьянству и разврату и безпрестанно оскорблялъ святыню. Священники, желавшіе охрानить гробницу святаго, подвергались не только ругательствамъ и оскорбленіямъ всякаго рода, но и страшнымъ побоямъ. Одного, избитаго до полусмерти Еберульфомъ, едва спасли медики. Самъ епископъ не спасался отъ ругательствъ пьянаго варвара. Однажды епископъ Григорій видѣлъ сонъ, который онъ счелъ за нужное разсказать Еберульфу. Онъ видѣлъ во снѣ, будто король Гонтрамъ, преслѣдовавшій Еберульфа, вошелъ въ базилику и приказалъ воинамъ схватить преступника. Епископъ обратился къ Еберульфу и сказалъ ему: «возьми рукою покровы на св. дарахъ на алтарѣ, чтобы тебя отсюда не выбросили», и въ то же время убѣждалъ короля не искать своей собственной гибели, оскорбляя святаго, покоившагося въ церкви. Но король хотѣлъ непремѣнно настоять на своемъ, а покровы съ алтаря ускользали изъ рукъ Еберульфа. Въ ужасѣ Григорій проснулся. Не менѣе онъ ужаснулся, когда Еберульфъ сказалъ, что этотъ сонъ сходитъ съ его собственными мыслями. Епископъ просилъ объясненія и получилъ въ отвѣтъ слѣдующее: «Я много думалъ объ этомъ и рѣшился, если король захочетъ силой извлечь меня изъ убѣжища, одною рукою схватиться за покровы алтаря, другою убить сначала тебя, потомъ всѣхъ духовныхъ, какіе попадутся мнѣ подъ руку. Я не буду заботиться о смерти, если прежде отомщу духовенству св. Мартина». Можно себѣ представить положеніе епископа! Король Гонтрамъ употребляетъ всѣ силы, чтобы извлечь

Еберульфа. Вооруженные отряды изъ Орлеана и Блуа смѣняли другъ друга черезъ каждыя двѣ недѣли, сторожа Еберульфа и въ то же время грабя монастырскія имѣнія. Не падѣясь выманить врага изъ убѣжища, Гонтрамъ отправилъ въ Туръ какого-то Клавдія съ тѣмъ, чтобы тотъ убилъ его. Вкравшись въ довѣренность къ Еберульфу, давъ ему клятву на гробѣ св. Мартина, Клавдій вызвалъ Еберульфа въ церковный притворъ: тамъ его соумышленники убили его, послѣ отчаяннаго сопротивленія. Не посчастливилось и убійцѣ. Раненый Еберульфомъ, окруженный разъяреннымъ народомъ, Клавдій, въ свою очередь, искалъ убѣжища въ жилищѣ аббата. Толпа нищихъ и бѣсоватыхъ, жившихъ при церкви, ворвалась туда съ камнями и палками и перебила убійцъ Еберульфа.

Подобныхъ разсказовъ можно найти у Григорія турецкаго много. Чтобы извлечь преслѣдуемаго изъ церковнаго убѣжища, преслѣдователи употребляли всякаго рода мѣры, грабили и опустошали имущества церкви, давшей убѣжище, сторожили выходъ изъ церкви, наконецъ, вымаривали голодомъ спасшихся. Примѣръ послѣдняго находимъ мы также у Григорія турецкаго. Герцогъ Аустраній искалъ убѣжища въ церкви города Тура. Его преслѣдователи окружили всѣ выходы и прервали всякое съ нимъ сообщеніе. Когда герцогъ уже изнемогалъ отъ жажды, кто-то изъ жителей подалъ ему сосудъ воды. Судья, находившійся при этомъ, выхватилъ сосудъ изъ рукъ герцога и вылилъ воду на землю. Въ ту же ночь судья умеръ, и это спасло герцога. Жители Тура увидѣли во внезапной смерти судьи явное доказательство гнѣва Божія и доставляли наперерывъ гонимому всякаго рода припасы. Не разъ бывали примѣры, что право убѣжища было нарушаемо открытымъ насиліемъ. Преслѣдуемыхъ силой извлекали изъ церкви и убивали. Епископы не разъ обращались къ свѣтской власти съ требованіями защищать святость убѣжища, и мы видимъ

нѣкоторыя постановленія, изданныя съ этою цѣлью. Таково постановленіе Клотаря II, запрещающее извлекать изъ церквей разбойниковъ и другихъ преступниковъ. Но сами короли позволяли себѣ всякаго рода насилія, когда ихъ врагъ скрывался въ церкви. Хильперихъ, напр., самъ предводительствуя войскомъ, страшно опустошилъ и выжегъ всю окрестность Тура въ отмщеніе за то, что епископъ Григорій отказался выдать ему его сына, Меровига, говоря, что подобнаго не было и во времена владычества еретиковъ. Часто прибѣгали къ ложнымъ клятвамъ, чтобы выманить изъ церквей скрывшихся. Не смотря на всѣ эти нарушенія, право убѣжища въ церквахъ было однимъ изъ дорогихъ правъ церкви въ это время насилій и произвола, и церковь крѣпко за него держалась, отстаивая его и противъ королей, и противъ частныхъ лицъ.

Обращаемся къ другой половинѣ духовнаго общества, къ монахамъ. Аскетизмъ былъ всегда въ нравахъ Востока. Мы находимъ его тамъ и до Иисуса Христа, и послѣ, въ странахъ нехристіанскихъ. На Востокѣ же родилось и монашество. Оно развилось прежде всего въ Египтѣ, во второй половинѣ III-го вѣка. Въ 251 году св. Павелъ удалился въ пустыню Оиваиды, и въ 270 г. въ Египтѣ было уже много христіанскихъ пустынниковъ. Около этого времени св. Антоній египетскій, раздавъ имѣніе нищимъ, удалился въ пустыню и, пробывъ тамъ 15 лѣтъ, основалъ около Чермнаго моря общество монашествующихъ, которымъ онъ управлялъ болѣе 20 лѣтъ. Его сестра основала первый, намъ извѣстный, женскій монастырь. Съ тѣхъ поръ Египетъ славился подвижниками. Ученики Антонія, свв. Иларій, Макарій, Пахомій, кладутъ прочное основаніе монастырской жизни. Пахомій основалъ первые монастыри въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т. е. соединилъ отшельниковъ, жившихъ дотолѣ отдѣльно, далъ имъ управленіе и уставъ. Первый монастырь былъ основанъ имъ

въ Верхнемъ Египтѣ, и мы имѣемъ правила этого монастыря въ латинскомъ переводѣ бл. Иеронима. Затѣмъ основано имъ еще 8 монастырей. Изъ Египта монашеская жизнь перешла въ Сирію и Палестину, а оттуда въ другія области Азіи, въ Месопотамію, Персію, Арменію и Пафлагонію. Св. Василій устроилъ монастыри въ Понтѣ и Каппадокіи и далъ имъ, въ формѣ отвѣтовъ на вопросы, правила, сдѣлавшіяся скоро общими для всего Востока. Не всѣ отшельники впрочемъ подчинялись этимъ правиламъ. Монашеская жизнь сдѣлалась главною, но не исключительною формою отшельничества. Многіе отшельники жили въ отдѣльныхъ кельяхъ, хотя и расположенныхъ недалеко одна отъ другой, и составляли, такимъ образомъ, лавру. Одни жили совершенно уединенно; другіе искали спасенія на столбахъ, какъ, напр., знаменитый Симеонъ Столпникъ, жившій въ 446 г., и Даниилъ, спасавшійся въ окрестностяхъ Константинополя. Были еще монахи, носившіе имя Сарабантовъ, которые жили вмѣстѣ по два и по три, не признавали никакого начальника надъ собою и приобрѣли очень дурную репутацію своими спорами, гордостью и несовѣтъ христіанскою жизнию.

На Западѣ монашество началось съ тѣхъ поръ, какъ св. Аонасій александрійскій, искавшій въ Италіи убѣжища отъ преслѣдованія еретическихъ императоровъ, возбудилъ тамъ интересъ своими разсказами о подвигахъ св. Антонія, когда съ нимъ прибыли въ Италію многіе монахи изъ Египта. Бл. Иеронимъ уже говоритъ о многихъ монастыряхъ въ Италіи и около самаго Рима. Св. Амвросій миланскій покровительствовалъ устройству монастырей около Милана. Въ *Дорожникъ* язычника Рутілія Пумаціана, путешествовавшаго изъ Рима въ Галлію, мы находимъ жалобы на «эту язву», посѣтившую Италію. Въ то же время монастыри распространились въ Африкѣ, въ Карфагенѣ, Гиппонѣ, Тагастѣ. Сдѣлавшись епископомъ

Гипповы, бл. Августинъ обращалъ въ монастырь свое епископское жилище. Первый монастырь въ Галліи былъ основанъ св. Мартиномъ, епископомъ Тура, и уже 2000 монаховъ собралось на его похороны. Не касаясь пока развитія монастырской жизни въ Галліи, сдѣлаемъ одно важное замѣчаніе. Мы привыкли называть теперь монаховъ чернымъ духовенствомъ. Это названіе не имѣло смысла въ первые вѣка монастырской исторіи. Монахи не были сначала духовенствомъ и не имѣли съ нимъ ничего общаго, кромѣ христіанской жизни. Долгое время монахи ничѣмъ не отличались отъ массы вѣрующихъ. Если на Востокѣ ученики св. Пахомія носили особое платье, то на Западѣ монахи одѣвались, какъ всѣ другіе, только платье ихъ было изъ болѣе грубой матеріи. Что монахи въ первые вѣка были людьми свѣтскими и нисколько не принадлежали къ духовенству, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія: это ясно доказывается постановленіями первыхъ соборовъ. Особенно нужно имѣть это въ виду относительно европейскаго монашества. Въ характерѣ западныхъ народовъ не было столько мистицизма, столько восторженности и склонности къ аскетизму, какъ на Востокѣ; въ немъ было гораздо болѣе практичности, преобладанія здраваго смысла, чѣмъ на Востокѣ. На Западѣ первые опыты монашеской жизни были встрѣчены безъ особеннаго сочувствія, даже съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ. Мы видѣли отзывъ Рутілія Нумаціана. Правда, онъ былъ язычникъ, его ненависть къ монашеству вполне понятна. Но и въ христіанскомъ обществѣ иногда встрѣчается такое же враждебное настроеніе къ монашеству въ первое время. Когда въ Римѣ въ 384 г. умерла Базилла, молодая монахиня, изнурившая себя неумѣреннымъ постомъ, народъ кричалъ: «Когда же выгонять изъ города эту проклятую породу монаховъ? Зачѣмъ ихъ не побьютъ камнями, не бросать въ рѣку?» Этотъ фактъ разсказанъ бл. Иеронимомъ,

проведшимъ столько лѣтъ въ пустынночскихъ подвигахъ въ Палестинѣ. Сальвіанъ марсельскій разсказываетъ о преслѣдованіяхъ, которымъ подвергались со стороны народа монахи при первомъ появленіи ихъ въ Кароагенѣ. У многихъ отцовъ зап. церкви мы находимъ жесткіе отзывы объ излишествахъ и лицемѣріи монашеской жизни; а этихъ лицъ нельзя заподозрить въ преднамѣренно враждебномъ настроеніи относительно монашества. Такіе отзывы находимъ у бл. Иеронима и у бл. Августина, распространителя монашеской жизни въ римской Африкѣ. Поэтому-то западные монастыри должны были, при всемъ своемъ сходствѣ съ восточными, во многомъ отличаться отъ нихъ.

Въ Галліи, какъ мы уже замѣтили, первый монастырь былъ основанъ въ концѣ IV вѣка св. Мартиномъ, епископомъ Турскимъ, который былъ родомъ Далматъ. Это былъ знаменитый *Majus monasterium*, *Marmoutier*. Потомъ также лицами, долго жившими на Востокѣ, были основаны игравшіе важную роль въ церковной и литературной исторіи Галліи монастыри св. Виктора и Леринскій, оба на южномъ берегу Галліи, у Средиземнаго моря. Одинъ изъ основателей монастырей марсельскихъ, извѣстный св. Кассіанъ, начавшій свою монастырскую жизнь въ Виолеемѣ, странствовавшій потомъ долго по монастырямъ Египта, могущественно содѣйствовалъ развитію монашества въ Галліи. Его два сочиненія о монашеской жизни служили какъ бы руководствомъ для устройства монастырей въ Галліи. Одно изъ нихъ, *Institutiones*, было изложеніемъ правилъ и обрядовъ, соблюдавшихся въ монастыряхъ Востока. Другое, носившее имя *Конференцій*, заключаетъ его разсказы о бесѣдахъ съ знаменитѣйшими отшельниками Палестины и Египта, о созерцательной жизни, о постоянной молитвѣ, и т. д. Эти три древнѣйшіе монастыря, Мармутъ, св. Виктора и Леринскій, были въ Галліи образцами

для позднѣйшихъ, которые возникали одинъ за другимъ въ Вьеннѣ, по обѣимъ склонамъ Юры, около Арля, по берегамъ Роны, на Луарѣ, на Сенѣ, въ Парижѣ, Суассонѣ, Дижонѣ. Только сѣверная часть Галліи, ранѣе другихъ заселенная германскими варварами, почти не имѣла монастырей. Вообще до VI вѣка монастыри были главнымъ образомъ по Средиземному морю, между Луарой и Пиренеями, и въ долинахъ рѣкъ Роны и Сены. Дальше къ сѣверу мы находимъ только монастыри въ Оксеррѣ и Трирѣ.

До VI вѣка въ монастыряхъ Галліи не было общаго правила. Каждый устроивался посвоему, слѣдовалъ тѣмъ правиламъ, которыя находилъ для себя болѣе удобными. Единство въ монастырской жизни дано было уставомъ св. Бенедикта. Бенедиктъ родился въ 480 г. въ Италіи, въ Нурсіи, въ герцогствѣ Сполето. Съ 14 лѣтъ онъ посвятилъ себя монашеской жизни. Въ 510 г. монахи, собравшіеся въ Виковаро, избрали его своимъ настоятелемъ, но онъ не могъ долго ладить съ ними и снова возвратился въ свое уединеніе, въ Субіако, недалеко отъ Рима. Черезъ 10 лѣтъ онъ основалъ 12 монастырей около Рима, но не ужился и тамъ, и въ 528 г. съ нѣсколькими учениками удалился къ Абруццамъ, гдѣ основалъ знаменитый монастырь Монте-Кассино. Здѣсь онъ написалъ свой уставъ монастырской жизни, сдѣлавшійся потомъ общимъ для монастырей всей Европы. Этотъ уставъ въ 73 главахъ полагаетъ главными обязанностями каждаго монаха отреченіе отъ самого себя, безусловное, пассивное повиновеніе и трудъ. Занятія распределены по часамъ въ каждое время года. Бенедиктъ первый установилъ вѣчный обѣтъ монашества, до тѣхъ поръ не принятый обязательно въ монастыряхъ. Онъ же первый установилъ послушничество, пробные годы, во время которыхъ желающій принять обѣтъ монашества знакомился съ правилами монастырской жизни. Уставъ Бенедикта написанъ

въ 582 г., а черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ онъ былъ уже распространенъ по всей Европѣ. Во Францію онъ былъ принесенъ св. Мавромъ, любимымъ ученикомъ Бенедикта, вызваннымъ изъ Монте-Кассино епископомъ Мопса. Какъ быстро распространился онъ во Франціи, видно изъ того, что въ концѣ VIII вѣка Карлъ В. спрашивалъ во всѣхъ концахъ своей имперіи, есть ли гдѣ-нибудь монастыри, слѣдующіе другимъ уставамъ?

Вмѣстѣ съ распространеніемъ Бенедиктовыхъ правилъ, расширялось и число монастырей не только во Франціи, но, въ VII и VIII вѣкахъ, и къ сѣверу и востоку отъ нея. Но распространеніе христіанства и монашества въ областяхъ Германіи принадлежатъ уже не гальскому духовенству, а миссіонерамъ Ирландіи и Англіи. Первые попытки обратить Ирландію къ христіанству относятся къ концу IV вѣка. Первыми миссіонерами были Ирландцы, случайно привлеченные въ Римъ и тамъ обращенные въ христіанство. Въ 431 году папа Целестинъ отправилъ туда діакона Палладія съ 12 товарищами; но эта попытка не удалась. Палладій былъ изгнанъ изъ Ирландіи и умеръ на возвратномъ пути въ Римъ. Апостоломъ Ирландіи былъ св. Патрикъ, родомъ изъ Арморіки, захваченный еще въ юности бриттскими пиратами и долго томившійся въ рабствѣ въ Ирландіи. Патрикъ былъ сынъ христіанскихъ родителей. Продолжительное рабство среди язычниковъ укрѣпило въ немъ отцовскую вѣру; убѣжавъ изъ Ирландіи въ Галлію, онъ жилъ сначала въ монастырѣ Мармутъе, потомъ въ Леринскомъ и въ Оксеррскомъ, въ послѣднемъ подъ руководствомъ знаменитѣйшаго изъ епископовъ Галліи, св. Германа. Узнавъ о смерти Палладія, онъ рѣшился начать проповѣдь въ Ирландіи, отправился въ Римъ, получилъ тамъ санъ архіепископа и вновь явился уже очень пожилой на островъ, гдѣ провелъ въ тяжеломъ рабствѣ свою молодость. Ему

удалось обратить почти всю Ирландію. Онъ умеръ въ глубокой старости, основавъ нѣсколько монастырей, которые размножились при его преемникахъ. Въ основанномъ около 559 года монастырѣ Бангора или Бангора считалось отъ 2 до 3 тысячъ монаховъ. Монастырь Колм-Килль, основанный на одномъ изъ Гебридскихъ острововъ, связалъ Ирландію съ Шотландіей, куда христіанство принесено было впервые св. Ниніаномъ. Ирландія получила имя Острова Святыхъ, такъ много было въ ней обителей, изъ которыхъ шли для проповѣдованія Евангелія многочисленные миссіонеры.

Въ Британіи христіанство начало распространяться еще подъ римскимъ владычествомъ. Но когда римскіе легіоны оставили ее послѣ 510 года, насталъ застой. Римскія учрежденія уступили національнымъ учрежденіямъ Бриттовъ. Войны между мелкими вождями британскихъ трибъ, подѣлявшихъ островъ, борьба этихъ вождей съ главнымъ, который былъ установленъ послѣ удаленія Римлянъ, борьба между двумя господствующими племенами Британіи, Камбрійцами и Лограми, наконецъ безпрестанныя вторженія Пиктовъ и Скоттовъ, населявшихъ сѣверную часть острова (нынѣшнюю Шотландію), все это ослабляло и волновало Британію. Въ 449 году одинъ изъ логрійскихъ вождей пригласилъ въ свою службу двухъ вождей изъ племени Ютовъ, принадлежавшаго къ союзу племенъ саксонскихъ. Генгистъ и Горза, случайно приставшіе съ тремя кораблями къ берегамъ Кента, обязались набрать ему охотниковъ съ условіемъ, чтобы имъ былъ уступленъ островъ Танетъ, около береговъ Кента. 18 кораблей привезли на слѣдующій годъ саксонскую колонію. Съ этихъ поръ начинается завоеваніе Британіи германскими племенами. Вслѣдъ за Саксонцами, съ береговъ Эльбы и лежащихъ къ ея устью острововъ явились Англы, жившіе къ в. отъ Саксоніи на берегахъ Балтійскаго моря. Результатомъ этой ожесточенной

борьбы, память о которой сохранилась въ пѣсняхъ древнѣйшихъ британскихъ бардовъ, было основаніе въ Британіи 8 англо-саксонскихъ королевствъ. Бритты сохранили свою независимость только въ западной части острова, въ Валлисѣ и Кориваллисѣ, и по берегамъ моря. Сѣверная часть острова также не была покорена Англами и Саксами. Христіанство совершенно было истреблено въ областяхъ, занятыхъ германскими завоевателями.

Британію необходимо было вновь обратить въ христіанство, и это дѣло начато было папою Григоріемъ I. Онъ отправилъ въ Британію, или, какъ теперь принято было называть ее, въ Англію, христіанскую миссію изъ 40 человекъ, начальникомъ которой былъ Августинъ, заранѣе посвященный въ епископа (596 г.). Прибывъ въ Галлію, миссіонеры колебались рѣшиться на свое опасное предпріятіе и только настойчивость папы заставила ихъ продолжать путь. Взявъ съ собою переводчиковъ и письма отъ франкскихъ королей, они высадились въ королевствѣ Кентъ, король котораго былъ женатъ на дочери меровингскаго короля Хариберта, слѣдовательно на христіанкѣ. Обращеніе Англосаксовъ совершалось очень медленно, съ большими затрудненіями. Довольно долго христіанство ограничивалось предѣлами королевствъ Кента и Восточныхъ Саксовъ. Папа Григорій разрѣшилъ Августину весьма многія уступки въ пользу языческихъ привычекъ и обычаевъ новообращенныхъ, и однако обращеніе Англосаксовъ продолжалось около столѣтія. Изъ Кента христіанство проникло въ могущественное королевство сѣверной части Британіи, въ Нортумбрію, и за тѣмъ въ другія англосаксонскія королевства. Последнее обратилось королевство Западныхъ Саксовъ (Вессексъ). Итакъ, обращеніе Англіи въ христіанство совершилось. Слѣдуетъ только замѣтить, что оно не совсѣмъ походило на обращеніе Ирландіи. Англія была обращена

миссіонерами Рима. Она зависѣла во всемъ отъ папы, принимала всѣ учрежденія и обычаи римской церкви. У племенъ же кельтскихъ нынѣшней Великобританіи, т. е. въ Ирландіи, Шотландіи и западной части Англіи, христіанская церковь была совершенно независима отъ папы. Мало того, она во многомъ расходилась съ римскою церковью (обряды крещенія, постриженія, празднованія Пасхи и т. д.) и несравненно ближе стояла къ ученію восточнаго православія. Оттого между Римомъ съ церквями, признававшими его авторитетъ, и церквями ирландскихъ и британскихъ Кельтовъ мы видимъ постоянныя столкновенія, вражду и споры.

Теперь обращаемъ вниманіе на участіе Ирландіи и Англіи въ распространеніи христіанства и монашеской жизни въ областяхъ Франкскаго государства. Прежде всего выступили ирландскіе миссіонеры. Первымъ и главнѣйшимъ изъ нихъ былъ св. Колумбанъ, родившійся въ 540 г. въ Лейнстерѣ и проживавшій въ Бангорѣ монахъ. Въ 583 году съ 12 монахами этого монастыря онъ явился въ Галлію съ проповѣдническою цѣлю. Когда онъ пришелъ въ Бургундію, франкскій король, Гонтрамъ, убѣдилъ его остаться здѣсь. Колумбанъ основалъ въ Вогезскихъ горахъ знаменитый монастырь Luxeuil (Luxeuil). Къ нему стекались новообращенные и ревностные христіане изъ Франковъ, Бургундовъ и Галлоримлянъ. Его ирландская колонія увеличилась новыми выходцами съ этого острова. Жизнь Колумбана и его спутниковъ далеко не отличалась спокойствіемъ. Ревностный и суровый обличитель отступленій отъ правилъ христіанской жизни, онъ скоро (въ 609 г.) вошелъ въ непріятныя столкновенія съ новымъ королемъ Бургундіи, Теодерихомъ II, и его бабкой, знаменитою Брунегильдой. Онъ обличалъ распутную жизнь молодого короля, хотѣлъ сохранить полную независимость монастырской жизни отъ всякаго вмѣшательства свѣтской власти. Въ

борьбѣ съ королемъ Колумбанъ не нашелъ поддержки въ галльскихъ епископахъ, съ которыми его раздѣляли несогласія относительно многихъ пунктовъ церковной дисциплины. Дошло до того, что Теодерихъ II велѣлъ схватить его и выслать изъ Франціи въ Ирландію. Мы не знаемъ, что задержало Колумбана въ Нантѣ, откуда онъ долженъ былъ переправиться въ Ирландію, но онъ вскорѣ появляется въ предѣлахъ королевства брата Теодериха II, Теодеберта, именно въ Швейцаріи. Онъ поселяется съ своими спутниками сначала на берегу Цюрихскаго озера, потомъ Констанскаго, наконецъ Женевскаго, всюду основывая монастыри и обращая язычниковъ. Новыя смуты заставили его покинуть и Швейцарію. Онъ ушелъ въ Италію и основалъ тамъ въ 612 г. монастырь Боббіо, гдѣ и умеръ въ 615 г. Тревожная дѣятельность Колумбана имѣла огромныя слѣдствія, какъ для Галліи, такъ и для сопредѣльныхъ съ нею, икогда римскихъ провинцій, гдѣ напоръ варваровъ почти совершенно уничтожилъ христіанство, распространенное тамъ прежде. Ученики Колумбана разсыпались по всей Галліи, основывая монастыри. Толпы монаховъ и монахинь, говоритъ одинъ современный писатель, распространились по Галліи не только въ деревняхъ, виллахъ и замкахъ, но и въ обширныхъ пустыняхъ. Сѣверная часть Вогезскаго лѣса точно также, какъ и сѣверозападная часть Галліи, долины нижней Сены, Соммы, Арденнскій лѣсъ, въ нынѣшней Белгіи, берега океана наполнились монастырями. Въ вѣковыхъ лѣсахъ прорубались просѣки, заводилось земледѣліе. Для обращенія самой сѣверной оконечности древней Галліи явились новые миссіонеры изъ Ирландіи. Знаменитѣйшимъ изъ нихъ былъ Виллибрордъ, изъ монастыря Колм-Килля. Папа далъ ему имя Климента. Онъ распространялъ, начиная съ 690 г., въ теченіе 40 лѣтъ христіанство на лѣвомъ берегу Рейна, въ Фрисландіи, основалъ архіепископство въ

Утрехтъ, монастыри около Трира, на Маасѣ, въ Юлихѣ, въ Вердюнѣ и въ другихъ мѣстахъ. Другой Ирландецъ, Килианъ, съ тремя спутниками проникъ даже въ зарейнскую Германію. Съ другой стороны, въ Швейцаріи и по истокамъ Рейна и Дуная, гдѣ христіанство было совершенно уничтожено варварами, ученики Колумбана сдѣлали еще болѣе. Одинъ изъ нихъ, св. Галлъ, основалъ знаменитый монастырь, въ послѣдствіи названный его именемъ; другой, Рупрехтъ, и его братъ Викардъ устроили монастыри, на мѣстѣ которыхъ возникли города Цюрихъ и Люцернъ.

Вслѣдъ за ирландскими миссіонерами, въ Германіи явились миссіонеры изъ областей Британіи, завоеванныхъ Англосаксами. Знаменитѣйшій изъ нихъ, апостолъ Германіи, былъ Винфридъ, болѣе извѣстный подъ римскимъ именемъ Бонифація. Винфридъ родился около 648 или 650 года въ королевствѣ Западныхъ Саксовъ и съ молодости поступилъ въ монастырь. Главнымъ его мѣстопребываніемъ сталъ монастырь Нотчель (mon. Notscellense, около Соутгемптона). Англійская церковь славилась тогда своимъ образованіемъ. Этимъ она была обязана монаху Оеодору, уроженцу Тарса въ Киликіи, присланному въ 668 году папой Виталиеномъ на кафедру первой митрополіи Англіи, Кентербюри. Оеодоръ былъ глубокій знатокъ греческой и латинской литературы, богословія и свѣтскихъ искусствъ. Онъ окончательно организовалъ англійскую церковь, точнѣе установилъ епархіи, главы которыхъ два раза въ годъ начали собираться на соборы, устраивалъ школы. Винфридъ горячо принялся за науку и сдѣлался знаменитѣйшимъ учителемъ Англіи. Къ нему собирались ученики изъ всѣхъ монастырей Англіи. 30 лѣтъ онъ былъ священникомъ и имѣлъ большое вліяніе на дѣла церкви въ Англіи. Его манила жизнь проповѣдника Евангелія, и въ 714 году онъ оставилъ свои ученныя и учебныя занятія, чтобы съ согласія аббата монастыря

отправиться на проповѣдь въ помощь ирландскому миссіонеру, Виллиброрду, обращавшему Фризовъ. Скоро однакожь война, начавшаяся между Фризами и Франками, заставила его возвратиться въ Англію. По смерти аббата, въ монастырѣ Нотчелѣ на его мѣсто хотѣли избрать Винфрида, но онъ отказался и въ 718 г. отправился въ Римъ, чтобы получить отъ папы благословеніе на проповѣдь. Получивъ разрѣшеніе и инструкціи отъ Григорія II, Винфридъ отправился на проповѣдь въ Тюрингію. Германскіе народы за Рейномъ болѣею частію признавали свою зависимость отъ Франковъ. Такъ, между Лехомъ и верхнимъ Рейномъ отъ Франковъ зависѣли Аллеманы; между Лехомъ, Енсомъ и Дунаемъ Бавары или Баварцы; на берегахъ Лана, Еллера и Фульды Хатты или Гессенцы; между Фульдой и Саалой Тюринги; на берегахъ Сѣвернаго моря, между нижнимъ Рейномъ и нижнимъ Везеромъ, Фризы; наконецъ, между Рейномъ и Эльбою Саксы, платившіе Франкамъ ежегодную дань. Въ Тюрингіи проповѣдывалъ прежде Ирландецъ Килианъ, но безъ успѣха. Проповѣдь Винфрида имѣла лучшіе результаты, но на время должна была прерваться. Когда кончилась борьба Фризовъ съ Франками, первый руководитель Винфрида въ дѣлѣ обращенія язычниковъ, старшій Виллибрордъ, снова началъ свою проповѣдь; Винфридъ поспѣшилъ къ нему и оставался при немъ 3 года, до самой его смерти. Виллибрордъ хотѣлъ сдѣлать его своимъ преемникомъ по епископству, но Винфридъ отказался, и по смерти учителя возвратился въ Тюрингію, гдѣ его проповѣдь пошла такъ успѣшно, что онъ могъ распространить ее и на земли Гессенцевъ. Успѣхъ былъ, но и труды были также велики.

Винфридъ поддерживалъ себя перепиской, въ особенности съ Даниломъ, епископомъ той епархіи, къ которой принадлежалъ его любимый монастырь въ Англіи. Эта переписка въ высшей

степени интересна. Англійскій епископъ, привыкшій, если не обращать варваровъ, то управляться съ новообращенными, даетъ Винфриду практическіе совѣты въ этомъ дѣлѣ. Вотъ въ сокращеніи одинъ изъ обращиковъ наставленій Даніила въ миссіонерскихъ правилахъ. «Не представляй язычникамъ доказательствъ противъ генеалогіи ихъ ложныхъ божествъ. Не разрушай ихъ убѣжденія въ томъ, что боги произвели одинъ другаго въ объятіяхъ мужа и жены. Ты докажешь, что боги и богини, рожденные подобно людямъ, скорѣе люди, а не боги, и что, не существуя прежде, они имѣли слѣдовательно начало. Разъ заставивъ ихъ признать, что ихъ боги имѣли начало, спроси ихъ, какъ они думаютъ, міръ имѣлъ ли начало или же нѣтъ? Если онъ имѣлъ начало, кто его сотворилъ? Въ какихъ мѣстахъ до начала міра существовали и жили боги, которые родятся? А если они скажутъ, что міръ не имѣетъ начала, спроси у нихъ кто же управлялъ міромъ до рожденія боговъ; какимъ образомъ боги получили господство надъ міромъ, существовавшимъ отъ вѣка прежде ихъ? Или, кѣмъ и какъ рожденъ первый богъ и первая богиня? Вѣрятъ ли они, что ихъ боги продолжаютъ рождать другихъ боговъ? Если нѣтъ, то почему же? Если же они еще продолжаютъ рождать, то число боговъ безгранично и смертные не знаютъ, кто изъ нихъ главный». О дѣятельности Винфрида, которая уже относится къ эпохѣ Каролинговъ, замѣтимъ теперь только слѣдующее. Въ 723 онъ былъ вызванъ въ Римъ и папа Григорій II посвятилъ его въ епископы съ именемъ Бонифація, причемъ онъ далъ на гробъ св. Петра клятву въ повиновеніи и вѣрности римскому престолу, скрѣплennую его подписью; а въ 731 г. Григорій III прислалъ ему митрополитчій палліумъ. Утвердивъ христіанство между Тюрингцами, Гессенцами и Аллеманами, устроивъ епархіи, основавъ мужскіе и женскіе монастыри въ этихъ земляхъ, Бонифацій, еще разъ бывшій въ Римѣ въ 738 году, занялся возстановленіемъ

христіанства въ областяхъ верхняго и средняго Дуная, гдѣ оно было почти уничтожено варварами. Въ этихъ областяхъ, занятыхъ теперь Баварами, онъ устроилъ 4 епископства, въ Пассау, Регенсбургѣ, Фрейзингенѣ и Зальцбургѣ, и составилъ соборъ баварскаго духовенства.

Переходимъ вообще къ состоянію монастырей въ Галліи. Монахи долго сохраняли свой первоначальный свѣтскій характеръ. Еще въ VIII вѣкѣ мы находимъ указанія на это. Монаховъ называютъ мірянами и почитаютъ такими. Монастыри устроивались сами собою; монахи были прежде монастырей, и епископы имѣли для монаховъ такое же значеніе, какое и для остальныхъ вѣрующихъ. Въ монастыряхъ вначалѣ не было церквей, и монахи ходили въ ближайшій храмъ, наравнѣ съ другими прихожанами. Мало того. Даже быть духовнымъ лицомъ было почти непозволительно для монаха. У Кассіана мы читаемъ слѣдующее. «По древнему мнѣнію отцовъ, которое сохраняется всегда, монахъ долженъ во чтобы то ни стало убѣгать епископовъ и женщинъ, ибо ни тѣ, ни другія не позволяютъ монаху, съ ними сблизившемуся, ни почитать мирно въ своей кельѣ, ни устремить взоры къ чистому и небесному ученію, созерцая священные предметы». Но это положеніе стало измѣняться; церковь увидѣла, какихъ могучихъ союзниковъ можетъ найти она въ монахахъ, и мы встрѣчаемъ иногда примѣры не только привлеченія, но насильственнаго постриженія монаховъ въ священническія должности. Уже въ началѣ VII вѣка, папа Бонифацій IV провозглашаетъ, что монахи наиболѣе способны къ занятію всѣхъ церковныхъ должностей. Но еще и задолго прежде знаменитѣйшими учителями христіанской церкви были люди, вышедшіе изъ монастырей. Не бѣжать отъ епископа, а, если можно, быть епископомъ стало скоро стремленіемъ монашества. Выдѣляясь изъ общей массы вѣрующихъ, монахи все болѣе входили въ близкія отношенія къ бѣлому духовенству,

подчинялись его главамъ. Съ другой стороны, значеніе, которое пріобрѣтали монастыри, невольно заставляло епископовъ искать надъ ними права надзора. Монастыри могли быть или драгоценными союзниками духовенства, или же опасными его соперниками. И вотъ, уже въ половинѣ V вѣка на вселенскомъ соборѣ въ Халкедонѣ заявлено требованіе, чтобы монастыри не учреждались безъ вѣдома епископовъ той епархіи, гдѣ они возникали, чтобы монахи не вмѣшивались ни въ церковныя, ни въ свѣтскія дѣла и не оставляли монастырей, безъ разрѣшенія епископовъ. Въ Галліи, уже на соборѣ въ Агдѣ (506 г.) въ южной Галліи, принадлежавшей еще тогда Вестготамъ, было постановлено, чтобы монастыри не учреждались безъ вѣдома епископовъ. То же было высказано, и притомъ прибавлено право епископовъ дѣлать выговоры настоятелямъ за нарушеніе правилъ и собирать разъ въ годъ настоятелей монастырей, на первомъ соборѣ, гдѣ собрались почти всѣ православные епископы Галліи послѣ утвержденія въ ней варваровъ, на соборѣ, созванномъ Хлодвигомъ въ Орлеанѣ, въ 511 г. Тамъ же положено, что даже отдѣльныя кельи не должны строиться безъ позволенія епископа или настоятеля монастыря. Подобныя постановленія были сдѣланы и на соборѣ въ Орлеанѣ 533 г., и на соборѣ слѣдующаго года. Конечно, всѣ эти постановленія очень неопредѣленны, все это скорѣе желанія, чѣмъ требованія; но изъ нихъ видно, что монастыри уже начинали терять свою независимость отъ епископовъ.

Монастыри сами дали поводъ къ усиленію вліянія и власти епископовъ. Они стали строить у себя церкви, а церкви освящались епископами, которые называли и священниковъ ихъ. Правда, монастыри старались поставлать священниковъ изъ своихъ же монаховъ, такъ-называемыхъ іеромонаховъ; но и іеромонахи, какъ всѣ священники, находились подъ властію епископа. Конечно, епископы старались

получить всѣ матеріальныя выгоды отъ своего вліянія; монастыри же усиливались отстоять по крайней мѣрѣ свою собственность, свои земли, право выбора игуменовъ и другихъ монастырскихъ чиновниковъ. Должна была возникнуть борьба, которая была довольно упорна и продолжительна. Монастыри употребляли всякія средства, открыто сопротивлялись притязаніямъ и насиліямъ епископовъ, жаловались соборамъ, которые иногда пытались защитить ихъ и занесли въ свои протоколы запрещеніе епископамъ пользоваться имуществами монастырей, вымогать у нихъ разные доходы. Монастыри прибѣгали также къ защитѣ королей, часто ихъ основателей; наконецъ, заключали сдѣлки съ епископами и формально опредѣляли свои отношенія къ нимъ, покупая цѣною извѣстной уступки безопасность отъ дальнѣйшихъ покушеній. Примѣръ и образчикъ подобныхъ сдѣлокъ мы находимъ въ формулахъ Маркульфа. Эти неопредѣленныя отношенія, эта борьба продолжалась до VIII вѣка, до эпохи Каролинговъ. Монастыри, конечно, должны были проиграть дѣло, ибо они сами давали оружіе противъ себя, такъ какъ монахи безпрестанно поступали въ ряды духовенства. Часто случалось, напр., что епископъ изъ монаховъ соединялъ свое новое званіе съ званіемъ аббата, настоятеля извѣстнаго монастыря, и такимъ образомъ пріобрѣталъ уже право прямого, непосредственнаго участія во всемъ, относящемся къ монастырской жизни.

Монастыри теряли въ описываемую эпоху не одну независимость, но и почти всѣ свои достоинства. Миссіонерство, къ сожалѣнію, было *единственною* свѣтлою стороною ихъ жизни. Вглядимся, напр., что происходило въ нихъ въ нравственномъ отношеніи. Ограничимся однимъ характеристическимъ примѣромъ, именно исторіей женскаго монастыря св. Радегунды въ Пуатье. Въ 529 году король Нейстріи, Клотарь, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Теодерихомъ, королемъ Австразіи, былъ

въ походѣ противъ Тюринговъ. Въ числѣ добычи имъ достались сынъ и дочь предпоследняго короля Тюрингii. Клотарь былъ пораженъ красотою 8-лѣтней Радегонды и рѣшился приготовить ее себѣ въ жены. Она была отправлена на воспитаніе въ одно изъ королевскихъ помѣстій. Воспитателями были Галлоримляне. Радегонда получила образованіе христіанское и римское. Она увлекалась св. Писаніемъ и житіями святыхъ, желала посвятить себя Богу и съ ужасомъ думала о предстоящемъ бракѣ. Когда пришла пора замужества, она рѣшилась бѣжать; но была схвачена, привезена въ Суассонъ, и Клотарь женился на ней. Для франкского короля вопросъ о чувствѣ къ нему жены былъ совершенно лишнимъ. Кромѣ Радегонды, онъ имѣлъ не только значительное число паломницъ, но и не одну жену. Отвращеніе къ мужу, стремленіе къ религіозной жизни дѣлали ея пребываніе во дворцѣ невыносимымъ. Она изнуряла себя постомъ и лишеніями всякаго рода и, наконецъ, не вытерпѣла. Черезъ 6 лѣтъ послѣ брака, она отпросилась у мужа на богомолье въ Нойонъ и принудила мѣстнаго епископа, св. Медарда, принять ее въ число діакониссъ. Послѣ этого смѣлаго шага, она искала убѣжища въ церкви св. Мартина въ Турѣ, въ ожиданіи рѣшенія Клотаря. Клотарь сначала былъ рѣшительно противъ развода, и Радегонда въ страхѣ удалилась изъ Тура въ Пуатье, въ убѣжище мошей св. Иларія. Клотарь наконецъ уступилъ, согласился на разводъ и на то, чтобы Радегонда основала женскій монастырь въ Пуатье, употребивъ на это приданое и свой утренній подарокъ. Освобожденная Радегонда съ восторгомъ принялась за устройство монастыря, и черезъ нѣсколько лѣтъ у воротъ Пуатье воздвиглось огромное зданіе, имѣвшее внутри характеръ римской виллы, но обнесенной крѣпостною стѣной. Радегонда перешла въ него, окруженная толпою дѣвицъ и женщинъ, желавшихъ поступить съ нею въ монастырь. Съ 550 года началась для Радегонды

давно желанная жизнь въ молитвѣ и уединеніи о которой сохранились любопытныя подробности. Въ Пуатье пріѣхалъ Итальянецъ, Венанцій Фортунатъ, одинъ изъ извѣстѣйшихъ литераторовъ своего времени, давно уже странствовавшій по Галліи, знакомясь съ епископами и образованными людьми, посѣщая дворы королей, декламируя и сочиняя стихотворенія и панегирики. Знакомство съ Радегондой задержало его въ Пуатье. Онъ облизился съ нею, откладывалъ со дня на день свой отъѣздъ и, наконецъ, остался навсегда въ Пуатье, поступилъ въ священники соборной церкви и принялъ на себя завѣдываніе вѣшними и экономическими дѣлами монастыря Радегонды. Онъ сталъ своимъ человекомъ въ монастырѣ, и, благодаря его перепискѣ, мы знаемъ, какъ проходила жизнь въ стѣнахъ обители. Монахи заняты были женскими работами, но далеко не исключительно. Два часа въ день посвящено было литературнымъ занятіямъ; происходило чтеніе; искусныя монахини занимались перепиской книгъ. Остальное время отдавалось молитвѣ, чтенію священныхъ книгъ, которыя одна изъ сестеръ читала вслухъ другимъ, занятымъ женскими работами. Въ монастырѣ запрещено было мясо и вино для монахинь; но это не значило, чтобы тамъ господствовалъ аскетизмъ. Мы находимъ здѣсь частое употребленіе бань, различныя удовольствія, даже игру въ кости и сценическія представленія, въ которыхъ дѣйствующими лицами были послушницы. Въ монастырѣ собиралось избранное общество изъ лицъ не только духовныхъ, но и свѣтскихъ. Если для самихъ монахинь предписано было воздержаніе въ пищѣ, то для посѣтителей, не связанныхъ обѣтами, устраивались отличныя обѣды. Любимцу монастыря, Фортунату, отличавшемуся страстью поѣсть и попить, не только при каждомъ его посѣщеніи готовился вкусный обѣдъ или ужинъ, но къ нему въ городъ безпрестано посылались лакомыя блюда, приготовленные для него монахинями. Радегонда не

была сама игуменьей основанного ею монастыря. Она избрала въ это званіе одну изъ своихъ подругъ, Галлоримлянку Агнесу, но сама оставалась душой монастыря, представлявшего собой образецъ тихой, трудолюбивой, но въ то же время спокойной и счастливой жизни.

Прошло немного времени по смерти основательницы, и все перемѣнилось. Тотъ же монастырь сталъ мѣстомъ самыхъ дикихъ сценъ, самаго полнаго безчинія и насилія. Въ 589 году одна изъ монахинь, Хродильда, называвшая себя дочерью короля Хариберта, задумала свергнуть игуменью Левдоверу и стать на ея мѣсто. Съ 40 монахинями, въ числѣ которыхъ была Базина, дочь короля Хильпериха, она оставила монастырь и отправилась ко двору съ жалобами на игуменью. На пути, въ Турѣ, она просила епископа Григорія оставить у себя спутницъ и позаботиться о нихъ. Епископъ указалъ ей на правила, запрещавшія монахинямъ выходить изъ монастыря; но онѣ все-таки остались въ Турѣ. Пока Хродильда ѣздила ко двору, многія изъ нихъ вышли замужъ, другія вели самую безпорядочную жизнь. Для рѣшенія дѣла въ Пуатье собрались епископы этой митрополіи и предали возмущившихся монахинь отлученію отъ церкви. Тогда монахини произвели бунтъ. Онѣ набрали шайку негодяевъ всякаго рода, которые ворвались въ церковь, гдѣ собиравлись епископы, и избили ихъ и духовенство такъ, что прѣхавшіе поспѣшили бѣжать изъ города, куда кто могъ. Съ этою шайкой Хродильда грабила монастырскія имѣнія. Монахини, оставшіяся въ монастырѣ, большею частію разошлись по неимѣнію средствъ къ существованію. Шайка Хродильды ворвалась въ монастырь, захватила игуменью, разграбила имущество и произвела всякаго рода безчинства. Служители монастыря и игуменья старались защититься. Въ городѣ и окрестностяхъ началась междоусобная война. «Ни одинъ день не проходилъ безъ убійства, ни одинъ часъ безъ

насилія, ни одна минута безъ слезъ», говоритъ Григорій. Чтобы положить конецъ такому безурядію, короли Хильдебертъ и Гонтрамъ приказали съѣхаться епископамъ обоихъ королевствъ и окончательно разобрать дѣло. Григорій, епископъ турскій, заявилъ, что соборъ невозможенъ, пока возстаніе не будетъ подавлено. Въслѣдствіе этого графъ Макко, послѣ упорнаго сопротивленія, овладѣлъ монастыремъ, гдѣ распоряжалась Хродильда. Тогда соборъ рассмотрѣлъ жалобы на игуменью, выслушалъ обѣ стороны и рѣшилъ возстановить игуменью въ ея званіи и въ управленіи монастыремъ; бунтовавшія же монахини осуждены были на изгнаніе. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. На соборѣ слѣдующаго года въ Мецѣ Базина испросила прошеніе и позволеніе возвратиться въ монастырь; Хродильда же упорствовала и, хотя возвратилась въ Пуату, но жила въ своемъ имѣніи. У Григорія турскаго мы находимъ подробный разсказъ объ этомъ происшествіи, со всеми документами. Если такія сцены совершались въ женскихъ монастыряхъ, то въ мужскихъ онѣ вовсе не удивительны. Насъ несколько не поразитъ аббатъ Гидонъ, котораго характеристику находимъ въ «Дѣяніяхъ» монастыря св. Вандрилла. Гидонъ былъ начальникомъ двухъ богатыхъ монастырей, не ходилъ иначе, какъ съ короткимъ мечемъ на боку, носилъ военный плащъ вмѣсто рясы, и вовсе не думалъ о церковныхъ правилахъ. Онъ выѣзжалъ изъ монастыря всегда со сворами собакъ, потому что ежедневно занимался охотой, и превосходно стрѣлялъ птицъ изъ лука.

Умственное паденіе монастырей можно видѣть вообще изъ состоянія образованности меровингскаго періода, къ очерку котораго и переходимъ теперь, чтобы закончить обзоръ внутренней жизни этой эпохи.

Если сравнивать состояніе образованности въ западной Европѣ въ V и VI столѣтіяхъ, можно подумать, что между

этими временами протекъ не одинъ вѣкъ: такую рѣзкую, глубокую противоположность находимъ мы между ними. Въ V столѣтіи Галлія, напр., была покрыта многочисленными школами, привлекавшими къ себѣ огромное количество слушателей. Знаменитѣйшіе профессора этихъ школъ не только гремѣли славою во всей странѣ, но занимали важныя мѣста въ государственномъ управленіи. Высшіе классы общества, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго, горячо занимались литературой и ставили на одно изъ первыхъ мѣстъ въ своей жизни интересы науки *). Когда величественное зданіе Римской имперіи погребло въ развалинахъ, немногимъ приходило въ голову, что вмѣстѣ съ нимъ падетъ и литература, и вообще образованіе. Напротивъ, въ самыя блестящія эпохи развитія умственной дѣятельности трудно найти столько увѣренности въ будущемъ, столько довольства настоящимъ. Совсѣмъ не то представляетъ намъ VI вѣкъ.

Въ концѣ его въ Галліи мы уже не находимъ вовсе свѣтскихъ школъ, по крайней мѣрѣ ни объ одной изъ нихъ не упоминается нигдѣ. Свѣтскія школы въ Галліи содержались или на счетъ императорской казны, или на счетъ городовъ, платившихъ профессорамъ извѣстное жалованье. Со времени завоеванія Галліи оба эти способа содержанія школъ исчезли: имперія пала, а города были разорены варварами. Сохранились только свѣтскіе учителя безъ школъ; по достаточно сравнить ихъ участь въ концѣ VI вѣка съ положеніемъ въ IV и V вѣкахъ, чтобы понять, какъ велико было паденіе. Въ IV и V вѣкахъ преподаваніе въ школахъ часто вело къ высшимъ почестямъ. Мы видимъ нѣкоторыхъ преподавателей въ числѣ римскихъ консуловъ или вліятельныхъ министровъ при дворахъ

*) Оцѣнку и характеристику науки и литературы Галліи въ V вѣкѣ читатель найдетъ въ *Аполлиаріи Сидоніи* (гл. I). А. Т.

варварскихъ конунговъ. Въ VI вѣкѣ свѣтскій учитель, *граеситъ*, велъ тяжелую странническую жизнь, получая взаменъ своихъ уроковъ жилище и содержаніе. Мы знаемъ, что епископъ Етерій подарилъ одному такому учителю виноградникъ, чтобы тотъ могъ посвятить все свое время обученію, не переходя съ мѣста на мѣсто, не живя паразитомъ у родственниковъ обучаемыхъ имъ дѣтей. Единственныя школы, которыя мы находимъ въ Галліи, начиная съ VI вѣка, были епископскія, основанныя при соборныхъ церквахъ, и монастырскія. Есть еще указанія на школы въ деревенскихъ приходахъ; соборъ въ Везонѣ (529 г.) предписываетъ сельскимъ священникамъ брать къ себѣ молодыхъ людей, обучать ихъ чтенію и письму, готовить ихъ къ занятію должностей церковныхъ причетниковъ.

Изъ епископскихъ школъ съ VI до половины VIII вѣка замѣчательнѣйшія были въ Парижѣ, Пуатье, Монсѣ, Буржѣ, Вьеннѣ, Клермонтѣ, и др. Относительно клермонтской школы извѣстно, что въ ней преподавался кодексъ *Оеодосіевъ*; по это единственное за все это время указаніе на преподаваніе права въ церковныхъ школахъ. Монастырскія школы возникли еще ранѣе епископскихъ. Уже въ IV и V вѣкахъ монастыри были своего рода высшими школами для свѣтскаго и духовнаго образованія. Правила монастырской жизни предписывали обученіе и занятія. Отъ этого не освобождались уже и женскіе монастыри. Мы знаемъ, что въ женскомъ монастырѣ, основанномъ св. Цезаріемъ въ Арлѣ, предписывалось извѣстные часы посвящать ученію и чтенію. Въ началѣ VI вѣка въ этомъ монастырѣ было 200 монахинь, и большая часть ихъ занята была перепиской книгъ. Изъ монастырскихъ школъ, извѣстныхъ въ Галліи съ VI вѣка, особенно замѣчательны школы въ монастыряхъ Леринскомъ, С.-Медардскомъ, Люксейльскомъ, С.-Вандрильскомъ, гдѣ было до 300 учащихся,

и въ монастырѣ Ситью въ Нормандіи. Правда, вначалѣ эти школы не имѣли еще чисто церковнаго характера; но преподаваніе въ нихъ свѣтскихъ наукъ и искусствъ постоянно падало. Явилось предубѣжденіе противъ свѣтскихъ наукъ, даже такихъ, напр., какъ грамматика, сомнѣніе въ ихъ законности, въ ихъ умѣстности въ церковныхъ школахъ. Въ концѣ VI вѣка епископъ Вьенны, Дезидерій, преподавалъ грамматику въ своей соборной школѣ. Папа Григорій I написалъ къ нему горячее посланіе. «Не должно, писалъ онъ, чтобы уста, посвященныя хвалѣ Господу, открывались для похвалы Юпитеру». Самъ Григорій I хвалится варваризмами въ своемъ латинскомъ языкѣ, находя «недостойнымъ заставлять языкъ Божій гнутья по правиламъ Доната». Занятіе свѣтскими науками уже казалось грѣховнымъ дѣломъ, непозволительнымъ лицу духовному. Вскорѣ оно показалось прямо дьявольскимъ цѣлѣугодіемъ. Любопытный примѣръ такого воззрѣнія мы находимъ въ хроникѣ Радульфа Глабера. Онъ относится, правда, къ позднѣйшему времени, но вполне подходитъ къ мнѣнію великаго римскаго первосвященника, высказанному уже въ концѣ VI вѣка. Грамматикъ Вильгардъ училъ въ школѣ въ Равеннѣ. Онъ преподавалъ свою науку съ свойственнымъ Итальянцу пристрастіемъ къ ней. Такъ какъ онъ, въ гордости своего знанія, доходилъ до безумія, то случилось, что однажды ночью демоны приняли образъ поэтовъ Virgilіа, Горация и Ювенала, и, явившись къ нему, благодарили его за изученіе ихъ сочиненій и за распространеніе ихъ авторитета. Въ награду за его старанія они обѣщали сдѣлать его причастнымъ ихъ славы. Соблазненный этою хитростію ада, грамматикъ началъ учить многимъ пунктамъ противнымъ вѣрѣ и утверждалъ, что во всемъ должно вѣрить словамъ поэтовъ. Подъ конецъ онъ былъ уличенъ въ ересь и осужденъ архіепископомъ Петромъ. Въ Италіи отыскивали тогда многихъ, зараженныхъ подобными же

мнѣніями.... Мудрено ли поэтому, что образованіе понижалось все болѣе, и что мы находимъ епископовъ и аббатовъ, не только непрічастныхъ грѣховному занятію свѣтскими науками, но едва умѣвшихъ читать или разбирать буквы?

Паденіе образованія было очень быстрое, число просвѣщенныхъ людей становилось все меньше и меньше. Оттого, кто имѣлъ случай получить какое-нибудь образованіе, тотъ не зналъ мѣры своей гордости. Григорій турецкій приводитъ любопытный примѣръ такого горделиваго ослѣпленія. Одинъ рабъ, Андохарій, ходилъ въ школу вмѣстѣ съ молодымъ сыномъ своего господина, знатнаго Галло-римлянина. Пользуясь этимъ случаемъ, онъ выучился счисленію, зналъ Virgilіа и кодексъ Теодосія. И вотъ, онъ не задумался явиться женихомъ къ дочери одного богатаго Овернца. Получивъ отказъ, онъ сплodu ворвался въ домъ, избилъ слугъ, и былъ сожженъ живымъ въ этомъ домѣ. Франкскіе короли иногда окружали себя образованными Галлоримлянами; но каковы были эти образованные нахлѣбники, можно видѣть изъ разсказа того же еп. Григорія о двухъ риторакъ, жившихъ при дворѣ короля Теодоберта. Иногда и сами короли не прочь были похвастать своими знаніями, но это было хвастовство нагаго дикаря, надѣвшаго на себя что-нибудь изъ европейской одежды. Особеннымъ тщеславіемъ въ этомъ отношеніи отличался король Хильперихъ. Онъ изобрѣлъ 4 новыя буквы, которыя приказалъ употреблять въ своемъ государствѣ, намѣреваясь даже истребить всѣ кнѣги, гдѣ не было этихъ буквъ. Онъ писалъ латинскіе стихи, въ которыхъ, по словамъ Григорія турецкаго, короткіе слоги были на мѣстѣ долгихъ и хромалъ каждый стихъ. Наконецъ Хильперихъ написалъ и богословскій трактатъ, гдѣ доказывалъ, что слово «лица» не должно быть примѣняемо къ Троицѣ, имѣющей только одно лицо. Были подобные любители литературы и между знатыми. Но такъ какъ

отличительную особенность периода съ VI по VIII вѣкъ составляетъ отсутствіе свѣтской литературы, то остановимся только на нѣсколькихъ авторахъ духовнаго званія, хотя число всѣхъ ихъ очень незначительно.

Первое мѣсто между всѣми писателями меровингской эпохи принадлежитъ св. Григорію, епископу Тура. Онъ родился въ Оверни въ 539 г., въ сенаторской фамиліи, члены которой особенно извѣстны въ исторіи гальской церкви, ибо очень многіе изъ нихъ занимали одинъ за другимъ епископскія кафедры. Онъ воспитывался въ Оверни, гдѣ дядя его былъ епископомъ. Еще молодымъ прибывъ въ Туръ, куда привлекала его гробница св. Мартина, онъ обратилъ на себя вниманіе жителей города. Когда сдѣлалась вакантною епископская кафедра въ городѣ, онъ былъ избранъ (573 г.) епископомъ Тура, гдѣ и оставался до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 595 году. Слабый и щедедушный, Григорій обнаруживалъ замѣчательную твердость во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Это онъ вполне доказалъ своими смѣлыми дѣйствіями относительно Хильпериха и особенно жены его, знаменитой Фредегонды, сначала по дѣлу сына Хильпериха, Меровига, спасагося отъ гнѣва отца въ базиликѣ св. Мартина, потомъ по дѣлу епископа Претекстата, обвинявшаго Меровига съ ненавистною Фредегондѣ Брунегильдой. Конецъ своей жизни Григорій провелъ въ посольствахъ и переговорахъ и, можно сказать, участвовалъ почти во всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ своего времени. Какъ писатель, онъ извѣстенъ значительнымъ числомъ сочиненій. Ему принадлежатъ сочиненія: О славіи мучениковъ (107 главъ), О славіи исповѣдниковъ (112 гл.), Жизнеописанія отцовъ (20 гл.), Чудеса св. Юліана, еп. бриудскаго (50 гл.), Чудеса св. Мартина турскаго (4 кн.), Чудеса св. Андрея, и, наконецъ, самое важное для насъ, Церковная исторія Франковъ (10 кн.). Григорій получилъ нѣкоторое образованіе. Онъ

нѣсколько разъ цитуетъ Virgilіа, упоминаетъ о Саллюстіи, Плиніи и Авлѣ Гелліи. Но это крайне недостаточное образованіе, и Григорій вполне самъ сознаетъ это. Замѣчательно предисловіе къ Церковной исторіи Франковъ. Онъ говоритъ, что образованіе гаснетъ и погибаетъ въ городахъ Галліи; что нельзя найти ни одного грамматика, который могъ бы сдѣлать описаніе въ прозѣ или стихахъ. Если онъ и рѣшился предпринять свой трудъ, то лишь вслѣдствіе всеобщаго убѣжденія въ томъ, что, «если весьма немногіе поймутъ философствующаго ритора, то многіе поймутъ человѣка, говорящаго простымъ (деревенскимъ) языкомъ». Въ предисловіи къ сочиненію «О славіи исповѣдниковъ» онъ откровенно говоритъ о своемъ невѣжествѣ. Онъ признаетъ, что ему могутъ сказать: «Ты ничего не понимаешь въ словесности, ты смѣшиваешь роды мужескій, женскій и средній; ты не ставишь на своихъ мѣстахъ предлоги, правила которыхъ освящены знаменитѣйшими писателями; ты соединяешь съ ними винительные падежи вмѣсто творительныхъ и наоборотъ; ты думаешь, что тяжелый быкъ можетъ танцовать въ палестрѣ». Что Григорій говоритъ такъ не изъ скромности, это доказывается лучше всего его сочиненіями. Трудно найти что-нибудь менѣе обработанное не только въ литературномъ, но и въ грамматическомъ отношеніи. Прежніе издатели сочиненій Григорія турскаго исправляли важнѣйшія ошибки въ нихъ. *Бетманъ* приготовилъ для собранія Перца изданіе безъ исправленій, прямо по рукописямъ. Но это изданіе не много прибавляетъ къ нашему знакомству съ правильностью языка Григорія: и исправленные изданія также кишатъ ошибками всякаго рода.

Григорій турскій начинаеть свою исторію съ сотворенія міра и излагаетъ чрезвычайно кратко событія до смерти св. Мартина (кон. IV в.). Съ этого времени онъ излагаетъ и церковную и политическую исторію Галліи. Планъ своего труда онъ излагаетъ

въ слѣдующихъ словахъ: «Я буду рассказывать вѣстѣ и смѣшанно, какъ добродѣтели святыхъ, такъ и рѣзню народовъ». IV и V вѣка пройдены чрезвычайно быстро. Въ концѣ 2 книги онъ уже говоритъ о Хлодвигѣ, въ концѣ 4-ой доходитъ до внуковъ Хлодвига, т. е. до своего времени. Съ этихъ поръ исторія получаетъ характеръ почти мемуаровъ. Безыскусственно, просто, часто не очень придерживаясь хронологіи, Григорій рассказываетъ все, что онъ видѣлъ и слышалъ, и доводитъ свое повѣствованіе до 591 г. Эта часть его труда имѣетъ для насъ драгоцѣнное значеніе. Только благодаря ей, мы можемъ составить себѣ ясное понятіе о событіяхъ и нравахъ этой эпохи; только благодаря ей возможны, напр., высокохудожественные рассказы *Авг. Тьерри*. Передъ нами встаютъ, какъ образъ рассказчика, такъ и портреты главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Читателей, знающихъ благородный, христіанскій характеръ рассказчика, его безпристрастіе, твердость и смѣлость, его теплое чувство любви къ ближнему, которое иногда ярко высказывается въ самыхъ рассказахъ, поражаетъ только какая-то безучастность, какое-то хладнокровіе и равнодушіе въ его повѣствованіяхъ о самыхъ ужасныхъ событіяхъ, совершавшихся передъ его глазами. Онъ очень рѣдко произноситъ свое сужденіе о событіяхъ, большею частію ограничивается простымъ рассказомъ. Григорій турецкій какъ бы поставилъ себѣ задачею сдерживать свое личное чувство и свое личное мнѣніе, и если иногда у него прорывается негодованіе или осужденіе, то какъ бы противъ его воли и въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ.

Если Григорій турецкій относительно образованія и вѣншней стороны изложенія представляетъ образецъ паденія сравнительно съ писателями предшествовавшихъ столѣтій, то еще болѣе можно отнести это замѣчаніе къ его продолжателю, Фредегарію. О немъ мы знаемъ только, что это былъ

Бургундъ, жившій въ половинѣ VII вѣка, и, кажется, монахъ. Онъ оставилъ намъ хронику (въ V кн.), образецъ тѣхъ сухихъ, безжизненныхъ монастырскихъ хроникъ, которыя одиѣ только и существовали въ послѣдствіи. Хроника Фредегарія доведена до 641 г. Для насъ интересна только V книга, гдѣ онъ является продолжателемъ Григорія. Этотъ интересъ, не смотря на поразительную краткость и сухость извѣстій, объясняется лишь тѣмъ, что, кромѣ хроники Фредегарія, мы ничего не имѣемъ для этого времени. Литературнаго достоинства хроника Фредегарія не имѣетъ ровно никакого. Замѣчательны два или три мѣста, гдѣ записаны германскія преданія, и только.

Переходя къ другимъ писателямъ, укажемъ прежде всего на св. Авита, еп. Вьенны, хотя онъ принадлежитъ по своему образованію еще V вѣку. Онъ былъ родомъ, подобно Григорію, изъ сенаторской фамиліи Оверни, сталъ епископомъ Вьенны въ 490 году и занималъ эту каедрѣ до 525 года, времени своей смерти. Отъ него осталось до сотни писемъ, нѣсколько проповѣдей, нѣсколько отрывковъ изъ богословскихъ трактатовъ и, наконецъ, 6 поэмъ, содержаніе которыхъ заимствовано изъ св. исторіи, именно: О сотвореніи міра (325 стиховъ), О первородномъ грѣхѣ (423 ст.), О судѣ Божіемъ или изгнаніи изъ рая (433 ст.), О потопѣ (638 ст.), О переходѣ черезъ Черное море (719 ст.), Похвала дѣвству (666 ст.) *).

Полнымъ представителемъ литературы меровингскаго періода является Фортунатъ, еп. Пуатье. Это былъ Итальянецъ, родившійся въ 530 г. въ Тревизанѣ. Въ 565 г. онъ явился въ Галлію и долго странствовалъ по ней, переходя изъ города

* Желających познакомиться ближе съ характеромъ этихъ поэмъ отсылаемъ въ 18 лекціи *Гизо* въ его Исторіи цивилизаціи во Франціи, гдѣ онъ дѣлаетъ любопытное сравненіе поэмъ Авита съ Потерянными раемъ Мильтона.

въ городъ. Въ Пуатье онъ сблизился съ св. Радегондою и, какъ извѣстно, рѣшился тамъ остаться въ качествѣ священника соборной церкви. Черезъ 6 или 7 лѣтъ по смерти Радегонды, онъ былъ сдѣланъ епископомъ Пуатье, гдѣ и жилъ до своей смерти, въ началѣ VII вѣка. Отъ него осталось нѣсколько писемъ, 7 Житій святыхъ, 4 книги гекзаметровъ о жизни св. Мартина, переложеніе въ стихи жизни этого святого, написанной въ прозѣ Сульпиціемъ Северомъ въ прошломъ столѣтіи, наконецъ, что особенно важно для насъ, 249 стихотвореній, представляющихъ дорогой историческій матеріалъ. Напрасно искали бы мы въ стихотвореніяхъ Фортуната поэтического достоинства. У Фортуната тѣ же заботы о часто цѣлѣныхъ требованіяхъ вишней формы, которыя увлекали всѣхъ стихотворцевъ позднѣйшаго времени Римской имперіи. Онъ изображаетъ, напр., своими стихотвореніями то фигуру креста, то четырехугольникъ, и т. д. Онъ хлопочетъ, чтобы написать поэму, которая состояла бы ровно изъ 33 стиховъ, и притомъ такъ, чтобы въ каждомъ стихѣ было ровно по 33 буквы. Есть стихотворенія, въ которыхъ почти всѣ слова отдѣльнаго стиха начинаются съ одной и той же буквы или же производятся отъ одного и того же корня. Для насъ важны тѣ стихотворенія Фортуната, которыя представляютъ историческій матеріалъ, а такихъ довольно много. Таковы, напр., эпиграмма на свадьбу австразійскаго короля Сигиберта съ Брунегильдой, стихотвореніе въ честь Гайлесвинты, сестры Брунегильды, вышедшей замужъ за брата Сигиберта, нейстрійскаго короля, Хильпериха, и такъ рано погибшей несчастною смертью.

Вотъ всѣ замѣчательные писатели меровингской эпохи. Но мы очень ошиблись бы, еслибы подумали, что ими ограничивается вся литература того времени. Мы должны указать еще на одну чрезвычайно обширную и необыкновенно важную отрасль этой литературы, на Житія святыхъ. Трудно представить

себѣ огромное количество Житій. Гизо имѣлъ терпѣніе пересчитать Житія, помѣщенные въ 3 томахъ собранія Болландистовъ, обнимающихъ одинъ апрѣль мѣсяцъ, и оказалось ихъ 1472! Прибавимъ къ этому, что у Болландистовъ на нѣкоторые мѣсяцы приходится гораздо болѣе томовъ, чѣмъ на апрѣль, такъ что, по приблизительному расчету Гизо, число всѣхъ Житій, помѣщенныхъ въ 53 томахъ этого собранія, доходитъ до 25000. Житія святыхъ начали составлять уже давно; но до V вѣка они были самою незначительною частью христіанской литературы и отличались простотою, хотя и не лишенною литературной обработки. Съ VI вѣка число Житій возрастаетъ все болѣе и болѣе, въ VII и VIII вѣкахъ они составляютъ уже почти всю письменность, хотя въ нихъ всего менѣе можно искать литературнаго достоинства. Житія святыхъ удовлетворяли главной потребности общества того времени. Не говоря уже о томъ, что своими чудесными разсказами они соотвѣтствовали господствующему вкусу, они одни только въ эту тяжелую пору удовлетворяли нѣкоторымъ неспособнымъ потребностямъ души человѣческой, потребности справедливости, нравственности, права. Только въ Житіяхъ святыхъ находилъ человѣкъ то, чего не могъ онъ найти въ окружающей его дѣйствительности. Оттого-то чтеніе и переписываніе ихъ сдѣлалось любимымъ занятіемъ этого времени. Нравственное чувство, безпощадно отталкиваемое и оскорбляемое возмутительною дѣйствительностью, находило себѣ утѣху только въ разсказахъ о подвигахъ святыхъ подвижниковъ, которымъ составители и читатели Житій вполне вѣрили. Замѣчая теперь тѣ несообразности, которыя встрѣчаются на каждомъ шагѣ въ Житіяхъ, мы ошибемся, если предположимъ въ ихъ составителяхъ умышленный обманъ, расчетъ на легковѣріе. Они сами вѣрили въ то, что передавали читателямъ. Въ большей части Житій авторъ или

удостоверяя, что записываетъ вѣдѣнное и слышанное имъ самимъ, или указываетъ на лица, которыя видѣли и слышали рассказываемое. Часто составители Житій обращались къ епископамъ, какъ потомъ къ папамъ, съ требованіями засвидѣтельствовать достоверность ихъ повѣствованій. Въ Житіяхъ святыхъ громадное легковѣріе, страсть принимать за правду все чудесное и сверхъестественное; но умышленнаго обмана въ нихъ нѣтъ. Житія святыхъ заключаютъ въ себѣ обыкновенно двѣ стороны. Одна представляетъ извѣстное число фактовъ, повторяющихся однообразно почти во всѣхъ нихъ *); другая, такъ сказать, индивидуальная сторона отличается особеннымъ, мѣстнымъ колоритомъ, и она-то представляетъ глубокий, собственно историческій интересъ, одинъ изъ драгоценнѣйшихъ историческихъ источниковъ. Только благодаря этой сторонѣ Житій, намъ извѣстны нѣкоторыя событія; только благодаря ей, мы можемъ иногда составить себѣ ясное понятіе о стремленіяхъ того или другого времени, о господствовавшемъ направленіи, такъ сказать, о духѣ эпохи. Житіе, напр., св. Епифанія павійскаго, написанное Епнодіемъ, Житіе св. Северина, апостола Норика, важнѣе многихъ собственно историческихъ матеріаловъ, и безъ нихъ исторія того времени становится невозможною.

III.

Разсмотрѣвъ внутреннюю жизнь и учрежденія меровингскаго періода, сдѣлаемъ краткій очеркъ вѣншей исторіи этого

*) Замѣчательное сочиненіе по этому предмету принадлежитъ французскому ученому, *Альфреду Мори* (*Essai sur les légendes pieuses du moyen-âge*. Paris. 1843), къ сожалѣнію, напечатанному въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Съ изумительнымъ терпѣніемъ собралъ авторъ во всѣхъ Житіяхъ эти безчисленные повторенія, сгруппировалъ ихъ по отдѣламъ и отыскалъ первоначальный источникъ каждаго.

времени, чтобы потомъ остановиться подробнѣе на эпохѣ Каролинговъ и особенно на правленіи Карла Великаго.

Въ 511 году умеръ Хлодвигъ. Мы видѣли, до какой степени Франки были еще чужды понятіямъ государственнаго права. Послѣ Хлодвига осталось 4 сына; но вопросъ о томъ, кому изъ нихъ достанется власть надъ землями, соединенными Хлодвигомъ, не былъ даже и поднятъ. Для Германцевъ, по крайней мѣрѣ для Франковъ, государства въ его настоящемъ значеніи какъ бы вовсе не существовало. Для нихъ было просто наследство послѣ умершаго, которое и должно было раздѣляться между сыновьями на основаніи стараго, обычнаго права. И дѣйствительно, мы видимъ, что 4 сына Хлодвига полюбовно раздѣлили между собой сокровища, земли и имѣніе, коловъ, рабовъ и т. д. покойнаго. Галлоримское свободное населеніе, города и области Галліи были какъ бы придачей, естественнымъ дополненіемъ къ королевскимъ имѣніямъ. Что же касается до Франковъ и другихъ свободныхъ варваревъ, рѣчи объ ихъ дѣлѣжѣ, разумѣется, и быть не могло. Они сами выбирали себѣ короля и, конечно, большею частью того, на земляхъ котораго находились ихъ собственные помѣстья. Области къ С. отъ Луары были раздѣлены слѣдующимъ образомъ. Старшій сынъ Хлодвига, Теодорихъ, рожденный еще до брака Хлодвига съ Клотильдой, сдѣлался королемъ рипуарскихъ и зарейнскихъ Франковъ и покоренныхъ ими Баваровъ и Аллемановъ; къ нему же отошла и часть салийскихъ Франковъ, именно области къ З. отъ Мозеля съ городами Реймсомъ, Шалонемъ и Труа. Три сына Клотильды подѣлили между собой по жребію остальные области. Хлодоміръ получилъ области по рр. Ноннѣ, средней Луарѣ и Сартѣ, т. е. Сансъ, Оксерръ, Шартръ, Орлеанъ, Анжу и Менъ. Второму сыну, Хильдеберту, достались области Парижа, Мо, Арморики. Наконецъ, младшему, Клотарю, имѣвшему тогда 14 или 15 лѣтъ, досталась старая область салийскихъ Франковъ и первая

завоеванія Хлодвига: Суассонъ, Турне, Камбре, земли по Шельдѣ и Самбрѣ. Мѣстопробываніемъ королей были: для Теодориха Мецъ или Реймсъ, для Хильдеберта Парижъ, для Хлодмира Орлеанъ, и для Клотаря Суассонъ, но не самые эти города, а помѣстья, находившіяся въ ихъ окрестностяхъ.

Если въ дѣлежѣ областей къ С. отъ Луары, гдѣ Франки представляли сплошную массу, мы видимъ такую неравномѣрность, то въ дѣлежѣ областей къ Ю. отъ Луары господствовалъ уже полнѣйшій и самый страшный произволъ. Видно, что въ дѣлежѣ не участвовало ни одно политическое соображеніе. Здѣсь земля также была подѣлена между 4 сыновьями Хлодвига, но ихъ части не составляли одного цѣлаго; онѣ были такъ перемѣшаны другъ съ другомъ, что королю, желавшему обѣихъ своихъ владѣній, приходилось проѣзжать по землямъ своихъ братьевъ. Это объясняется тѣмъ, что и сѣверныя, и южныя области Луары были очень важны для королей. Въ сѣверныхъ жила масса германскаго племени; здѣсь короли могли набирать свои дружины. Каждый король не только получалъ свою часть въ этихъ областяхъ, но эта часть была сравнительно цѣльная: раздробленіе на мелкіе куски было бы препятствіемъ къ скорому сбору и соединенію дружины, которая всегда должна была находиться подъ рукою у короля. Области же южной Галліи, населенныя Галло-римлянами, преданными большею частью мирнымъ занятіямъ, не могли имѣть военного значенія: здѣсь чрезполосность владѣній ничего не значила въ глазахъ франкскихъ королей. Но если сѣверныя области удовлетворяли одной страсти франкскихъ вождей, страсти къ войнѣ, южныя удовлетворяли другой, не менѣе сильной, страсти къ золоту, къ матеріальнымъ наслажденіямъ. Югъ Галліи принадлежалъ населенію земледѣльческому, промышленному и частью торговому. Тамъ, и только тамъ, еще сохранились остатки стараго римскаго быта. Отказаться отъ областей

южной Галліи значило отказаться отъ большей части доходовъ. Не забудемъ, что Франки не платили королямъ никакихъ податей и только въ важныхъ случаяхъ подносили имъ добровольные дары. По этому-то каждый франкскій король крѣпко держался за города и области южной Галліи, откуда онъ получалъ почти все свои доходы, гдѣ онъ находилъ произведенія роскоши, гдѣ онъ могъ имѣть ремесленниковъ и торговцевъ. При такомъ взглядѣ было все равно, составляютъ ли эти владѣнія цѣльную область, или же они перемѣшаны между собою.

Почти все правленіе сыновей Хлодвига прошло въ безпрестанныхъ войнахъ. Бургунды еще занимали лучшія области юго-восточной Галліи и составляли самостоятельное государство; Остготы и Вестготы владѣли южнымъ побережьемъ Галліи отъ морскихъ Альпъ до восточныхъ Пиренеевъ и не оставляли мысли возвратитъ свои владѣнія, завоеванныя Хлодвигомъ. На СЗ. Галліи Бритты не только управлялись собственными вождями, но не разъ нападали на сосѣднія области, уже прочтѣе покоренныя Франками. Если въ самой Галліи Франкамъ было такъ много дѣла для окончательнаго утвержденія своего владычества, то ихъ отношенія къ зарейскимъ племенамъ Германіи требовали еще болѣе усилій. Аллеманы, Тюринги, Саксы и другія племена принуждены были признать свою зависимость отъ Хлодвига; но послѣ его смерти они думали, что пришло время возвратитъ свою свободу, и сыновьямъ франкскаго завоевателя приходилось снова покорять ихъ. А между тѣмъ раздѣленіе франкскихъ силъ между четырьмя королями, соперничество и вражда между ними, ослабляли ихъ. Двумя походами въ Тюрингію (515 и 528 г.) Теодорихъ австразіискій покорилъ эту область, почти уничтоживъ главныя силы этого племени, которое довольно долго потомъ не подастъ почти признаковъ жизни. Онъ же отразилъ нападеніе

датскихъ пиратовъ на берега Галліи. Относительно Бургундовъ дѣло затянулось. Мать королей, Клотильда, не переставала возбуждать своихъ сыновей къ мести за убійство своихъ родителей и братьевъ бургундскимъ королемъ Гундобальдомъ, хотя послѣдняго давно уже не было въ живыхъ и Бургундами владѣли два его сына, Сигизмундъ и Годомаръ, ни въ чемъ не виноватые. При первомъ походѣ (523) франкскихъ королей въ Бургундію Сигизмундъ былъ разбитъ и съ женою и дѣтьми попался въ руки Франковъ. Имъ сначала оставили жизнь; но черезъ годъ, готовясь къ новому походу въ Бургундію, король Хлодоміръ приказалъ бросить ихъ въ колодезь въ окрестностяхъ Орлеана. Покорить Бургундію было, впрочемъ, не легко. Братъ погибшаго Сигизмунда, Годомаръ, защищался храбро; во второмъ походѣ король Хлодоміръ былъ убитъ и Франки потерпѣли пораженіе. Только послѣ 4 или 5 похода Бургундія, по крайней мѣрѣ большая часть ея, была завоевана Франками, и Бургундское королевство перестало существовать. Самые частыя войны были на югѣ Галліи. Тамъ приходилось бороться не съ одними Остготами и Визиготами. Между самыми франкскими королями, жадно смотрѣвшими на богатые области южной Галліи, были безпрестанныя столкновения, ссоры и войны. Южная Галлія потерпѣла теперь несравненно болѣе, чѣмъ во время перваго ея завоеванія Франками. Достаточно указать страшное нашествіе Теодориха на Овернь, которая вздумала было перейти подъ власть одного изъ его братьевъ. Едвали даже во время своего геройскаго сопротивленія Ейриху вестготскому Овернь и прилежащая область не испытывали подобныхъ опустошеній.

Изъ 4 сыновей Хлодвигъ скоро осталось только двое: Хлодоміръ погибъ во время втораго похода въ Бургундію. Въ 534 году умеръ Теодорихъ. Для характеристики отношеній между сыновьями Хлодвигъ и ихъ постановки относительно

франкскихъ дружинниковъ обратимся къ свидѣтельству Григорія турскаго. Вотъ одинъ изъ его драгоцѣнныхъ разсказовъ. Теодорихъ и Клотарь были вмѣстѣ въ походѣ противъ Тюринговъ. Теодориху пришла мысль убить своего брата, чтобы захватить его владѣнія. Онъ спряталъ вооруженныхъ воиновъ за занавѣскою въ своемъ жилищѣ и дружески пригласилъ Клотаря къ себѣ для совѣта о дѣйствіяхъ противъ непріятеля. На бѣду занавѣска была слишкомъ коротка и, отворивъ дверь въ комнату, Клотарь замѣтилъ ноги стоявшихъ за нею воиновъ. Онъ пригласилъ свою свиту войти вмѣстѣ съ нимъ. Теодорихъ былъ сильно сконфуженъ; не зналъ о чемъ говорить, ибо видѣлъ, что его намѣреніе открыто; увѣрялъ Клотаря въ своей привязанности къ нему и, наконецъ, подарилъ ему огромное серебряное блюдо. Клотарь поблагодарилъ за подарокъ, поговорилъ съ нимъ и ушелъ домой, унося съ собою полученное блюдо. Послѣ его ухода, Теодорихъ былъ въ отчаяніи. Онъ оплакивалъ и неудавшееся намѣреніе, и потерю драгоцѣнной вещи. Наконецъ, ему пришла счастливая мысль. Онъ позвалъ своего сына, Теодоберта, и сказалъ ему: «Ступай къ твоему дядѣ и выпроси у него для себя тотъ подарокъ, который я ему сдѣлалъ». Теодобертъ отправился къ Клотарю и, дѣйствительно, уговорилъ его подарить ему блюдо. Изъ другаго разсказа Григорія турскаго оказывается, что по смерти Хлодоміра троихъ его малолѣтнихъ сыновей взяла на свое нѣжное попеченіе бабка ихъ Клотильда, оживавшая, что современемъ они будутъ наследовать королевство своего отца. Дядя ихъ, Хильдебертъ, очень не желалъ этого, стремясь самъ захватить ихъ земли. Онъ написалъ къ своему брату, королю Клотарю, слѣдующее. «Мать наша взяла къ себѣ сыновей нашего брата и хочетъ имъ передать королевство ихъ отца. Пріѣзжай поскорѣ въ Парижъ посоветоваться, что намъ дѣлать. Нужно ли, остригши волосы у этихъ дѣтей,

смѣшать ихъ съ народомъ, или же лучше убить ихъ и раздѣлить между нами поровну королевство нашего брата?» Клотарь съ радостію поспѣшилъ прибыть къ Хильдеберту, который между тѣмъ распустилъ слухъ, что дѣтямъ Хлодоміра будетъ отдано королевство ихъ отца и что съ этою цѣлью онъ ждетъ только пріѣзда брата. Затѣмъ братья послали къ Клотильдѣ просьбу привести старшихъ внучатъ, изъ которыхъ одному было 10, другому 7 лѣтъ, для возведенія ихъ въ королевское достоинство. Клотильда съ радостію отправила сыновей Хлодоміра; но едва попали они въ руки дядей, какъ къ ней явился новый посланецъ отъ сыновей, который, показывая ей ножницы и мечъ, спросилъ, что она выбираетъ для внучатъ. Растерявшаяся королева, не помня себя, вскричала, что желаетъ видѣть ихъ лучше мертвыми, чѣмъ лишенными наслѣдства. Посланецъ возвратился и объявилъ королямъ, что Клотильда выбрала мечъ. Тогда въ королевскомъ дворцѣ произошла ужасная сцена. Хильдебертъ велѣлъ привести въ свою комнату племянниковъ, и Клотарь, схвативъ старшаго за руку, бросилъ его на землю и вонзилъ ему ножъ въ сердце. Младшій ребенокъ бросился къ Хильдеберту и умолялъ спасти его. Хильдебертъ былъ тронутъ и просилъ Клотаря пощадить его. Клотарь былъ взбѣшенъ. «Толкни ко мнѣ этого мальчишку, вскричалъ онъ, или я убью тебя вмѣсто него! Ты же все придумалъ и устроилъ, и теперь такъ скоро отступаешь отъ своего слова». Хильдебертъ оттолкнулъ племянника, и онъ былъ зарѣзанъ, какъ и первый. Дяди раздѣлили между собой королевство отца ихъ. Третій племянникъ былъ по счастію спасенъ. Его скрыли въ одномъ монастырѣ: возросши, онъ сдѣлался священникомъ. Таковы были первые короли Франціи, которыхъ французскіе историки прошлыхъ вѣковъ ставили на одну доску съ позднѣйшими королями этой страны. Мы видимъ, что ни христіанство, ни римское вліяніе

еще не подѣйствовали на нихъ. Они оставались такими же варварами, какими были ихъ предки-язычники въ дремучихъ лѣсахъ и болотахъ Германіи; съ тою только разницею, что знакомство съ римскимъ міромъ подѣйствовало на нихъ преимущественно своею дурною стороною, развративъ простую, но честную натуру Германца, внушивъ ненасытную страсть къ пріобрѣтенію богатствъ, пріучивъ къ хитрости и коварству.

Касательно отношеній королей къ франкской дружинѣ замѣтимъ, что, вслѣдствіе раздѣленія по смерти Хлодвига его власти и владѣній между его сыновьями, Франки вновь получили возможность свободного выбора между королями. Конечно, это не могло остаться безъ огромнаго вліянія на измѣненіе ихъ отношеній къ королю. При Хлодвигѣ свободный Франкъ, если не желалъ служить и повиноваться ему, долженъ былъ уходить за предѣлы Франкскаго королевства. Теперь же, не правилось ему служить у одного сына Хлодвига, онъ легко находилъ себѣ занятіе у другаго. Мы видимъ, что независимость Франковъ не только не уменьшалась съ теченіемъ времени по смерти Хлодвига, но постоянно увеличивалась. Къ этому времени относится одинъ въ высшей степени любопытный случай, никогда не встрѣчавшійся ни прежде, ни послѣ и ясно характеризующій эти отношенія. Когда старшій сынъ Хлодвига, Теодерихъ, занятъ былъ походомъ въ Оверни, одинъ изъ его главныхъ лейдовъ и, кажется, его родственникъ, герцогъ Мундерихъ, задумалъ самъ сдѣлаться королемъ, т. е. не изложить Теодериха или другихъ сыновей Хлодвига, а стать рядомъ съ ними. Онъ говорилъ: «Какія обязанности могутъ быть у меня относительно короля Теодериха? Я могу быть королемъ также точно, какъ и онъ. Я соберу народъ и получу отъ него клятву въ вѣрности. Пусть Теодерихъ знаетъ, что я такой же король, какъ и онъ». Вздумано, сдѣлано. Онъ началъ объѣздъ, собиралъ народъ и говорилъ ему: «Я

король, слѣдуйте за мною, и вамъ будетъ хорошо». Нашлось множество охотниковъ. Когда дошла объ этомъ вѣсть до Теодериха, онъ послалъ сказать Мундерику: «Если ты имѣешь право на часть моего королевства, приходи и получишь это право». Можетъ быть, Теодерихъ хотѣлъ заманить къ себѣ Мундерику и убить его. Мундерику отослалъ посланныхъ со словами: «Ступайте, скажите вашему королю, что я такой же король, какъ и онъ». Тогда Теодерихъ собралъ своихъ лейдовъ и отправилъ ихъ съ войскомъ противъ Мундерику. Послѣдній, не имѣя возможности держаться въ открытомъ полѣ, удалился съ своими приверженцами и сокровищами въ крѣпость Викториакъ, рѣшившись защищаться до послѣдней крайности. Теодерихъ осадилъ крѣпость, но взять ее тотчасъ не могъ и принужденъ былъ начать осаду. На 8-й день между его лейдами начали обнаруживаться нерѣшимость и колебаніе. Тогда Теодерихъ призвалъ къ себѣ одного изъ своихъ приближенныхъ, Арегизеля, и поручилъ ему перейти къ Мундерику, убѣдить его въ невозможности успешнаго сопротивленія, обѣщать ему полное прощеніе со стороны Теодериха и поклясться на Евангеліи во всемъ, чего онъ захочетъ, словомъ, какъ-нибудь выманить его изъ крѣпости и убить. Это удалось Арегизелю. Мундерику попалъ въ засаду, но имѣлъ время убить Арегизеля, послѣ чего погибъ и самъ. Все его имущество было конфисковано Теодерихомъ.

Въ 534 г. умеръ Теодерихъ и королемъ Австразіи сдѣлался сынъ его, Теодобертъ, не смотря на желаніе дядей воспользоваться наслѣдствомъ отца его. Теодобертъ принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ личностей въ ряду меровингскихъ королей. Онъ окружалъ себя Римлянами, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занималъ Партеній, внушившій ему мысль обложить Франковъ податями наравнѣ съ Галло-римлянами, мысль, приведенную въ исполненіе, не смотря на

сопротивленіе и негодованіе Франковъ, но стоившую жизни Партенію, какъ только умеръ его покровитель. Мы имѣемъ письмо къ Теодоберту отъ Авреліана, еп. Арля, въ которомъ онъ названъ «возстановителемъ древности, изобрѣтателемъ нововведеній». Изъ всѣхъ франкскихъ королей этого времени только въ Теодобертѣ мы находимъ черты великодушія и доброты. Но если Теодобертъ относительно Галліи могъ казаться представителемъ цивилизаціи, то относительно Германіи оказывался прежде всего варваромъ. Изъ виѣшней его дѣятельности на первомъ планѣ стоитъ его вмѣшательство въ дѣла Италіи, гдѣ шла борьба между византійскимъ императоромъ и Остготами, кончившаяся, какъ извѣстно, разрушеніемъ Остготскаго королевства. Теодобертъ предпринималъ много походовъ въ Италію, съ 539 по 547 г. Въ этихъ предпріятіяхъ онъ дѣйствовалъ съ коварствомъ, достойнымъ варвара, продавая свою помощь то императору, то Остготамъ, иногда дѣйствуя разомъ противъ того и другихъ. Самымъ важнымъ результатомъ этихъ дѣйствій была уступка Остготами Франкамъ принадлежавшихъ имъ областей Галліи между Альпами и Роной. Теодобертъ умеръ въ 547 г.; а его сынъ, Теодобальдъ, умеръ бездѣтнымъ въ 553 г. Изъ потомства Хлодвиги оставались только двое сыновей, изъ которыхъ одинъ, Хильдебертъ, не имѣлъ дѣтей. Поэтому послѣ его смерти вся Галлія соединилась подъ властью Клотаря I, владѣвшаго ею до 561 года и передававшего ее своимъ сыновьямъ для новыхъ раздѣловъ. Его послѣднимъ дѣломъ была борьба съ собственнымъ сыномъ, Грамномъ, который искалъ помощи у арморикскихъ Бриттовъ, но былъ разбитъ и сожженъ по приказу отца въ хижинѣ, вмѣстѣ съ своею женой и двумя дочерьми.

У Клотаря I было 7 или 8 сыновей отъ различныхъ женъ, которыхъ онъ часто мѣнялъ. Послѣ его смерти осталось

четверо, Харибертъ, Гонтрамъ, Сигибертъ и Хильперихъ. Едва Клотарь скончался въ Суассонѣ, какъ Хильперихъ бросился въ помѣстье отца, Бреннакъ, гдѣ находились его сокровища. Овладевъ ими, онъ приобрѣлъ себѣ раздачей денегъ и подарковъ много приверженцевъ и занялъ Парижъ, гдѣ важенъ былъ для него римскій дворецъ, построенный императоромъ Юліаномъ. Онъ надѣялся, благодаря этому, захватить себѣ большую часть отцовскихъ владѣній. Это впрочемъ не удалось ему. Трое братьевъ соединились, осадили его въ Парижъ и заставили согласиться на любовный раздѣлъ наслѣдства, во многомъ сходный съ раздѣломъ между сыновьями Хлодвига. Всѣ короли, за исключеніемъ Сигиберта, владѣвшего прирейнскою Галліей и Германіей, вели самую безпорядочную жизнь. Харибертъ имѣлъ претензію на знаніе римскихъ законовъ, съ несказаннымъ удовольствіемъ любилъ разбирать запутанныя дѣла и подражалъ спокойной, княжеской походкѣ и движеніямъ галло-римскихъ юрисконсультовъ. Ничто не могло польстить ему такъ, какъ похвала его искусству судьи, его умѣнью красно говорить на латинскомъ языкѣ. Но этотъ ученый законовѣдъ въ домашней жизни велъ себя совершеннымъ и притомъ развращеннымъ варваромъ. Сверхъ жены, онъ имѣлъ своими любовницами двухъ сестеръ и, прогнавъ жену, женился сначала на одной изъ нихъ, потомъ, послѣ ея смерти, на другой, не смотря на то, что она была монахиня. Св. Германъ, епископъ парижскій, предалъ-было его за это отлученію отъ церкви, но для франкского короля это равно ничего не значило. Король Гонтрамъ соединялъ съ характеромъ спокойнымъ и добрымъ вспышки звѣрскаго раздраженія, иногда доходившаго до бѣшенства. За потерянный имъ охотничій рогъ онъ подвергъ однажды страшнымъ пыткамъ нѣсколько свободныхъ людей; другой разъ велѣлъ убить благороднаго Франка, заподозрѣннаго въ томъ, что онъ застрѣлилъ звѣря въ

королевскихъ лѣсахъ. Третій братъ, Хильперихъ, соединялъ съ варварскими инстинктами причуды и претензіи полуобразованности. Онъ былъ и поэтъ, и ученый, и богословъ, и отъ всей души ненавидѣлъ духовенство, особенно епископовъ, не всегда одобрявшихъ его фантазіи. «Наша казна обѣдѣла, говорилъ онъ, наши имущества перешли къ церквамъ, царствуемъ не мы, а епископы». Едвали кто изъ его братьевъ могъ сравниться съ нимъ во множествѣ женъ и любовницъ. Служанка одной изъ нихъ, Фредегонда, сумѣла заставить его развестись съ женой и признать ее законною супругой. Только младшій изъ сыновей Клотаря I, Сигибертъ, выдавался изъ среды своихъ братьевъ воздержною жизнью. Онъ не хотѣлъ слѣдовать ихъ примѣру, вѣнчаясь солидомъ и денаріемъ и разводясь съ женою, когда вздумается, а рѣшился вступить въ законный бракъ съ красавицей, дочерью вестготскаго короля Атанагильда, знаменитою Брунегильдой. Бракъ былъ совершенъ съ необыкновенною пышностью. Брунегильда отреклась отъ аrianства и приняла православіе. Примѣръ младшаго брата подѣйствовалъ на тщеславнаго Хильпериха, и онъ посватался за старшую дочь Атанагильда, Гайлесвинту. Онъ обязался развестись съ Фредегондой, отпустить любовницъ и дать Гайлесвинтѣ богатый утренній подарокъ, именно 5 городовъ въ южной Галліи, въ сосѣдствѣ съ областями Вестготовъ.

Прежде, чѣмъ обнаружили слѣдствія этого брака, во Франціи случилось важное событіе, имѣвшее большое вліяніе на судьбу ея. Умеръ старшій сынъ Клотаря I, Харибертъ (567 г.), и его смерть повела къ новому дѣлежу Франціи. Жена скоростижно умершаго короля, дочь пастуха, захватила его сокровища и предложила себя Гонтраму въ супруги. Гонтрамъ согласился; но когда она прибыла къ нему съ повозками, нагруженными золотомъ и драгоценностями, онъ

сказалъ окружающимъ: «Не лучше ли этимъ сокровищамъ принадлежать мнѣ, чѣмъ этой женщинѣ, которая вовсе не заслуживала чести, которую сдѣлалъ ей мой братъ, принявъ ее на свое ложе?» И затѣмъ приказалъ отнести сокровища въ свое казначейство, а вдову брата отправилъ съ конвоемъ въ одну изъ женскихъ монастырей, давъ ей бездѣлицу на содержаніе. Оставшіеся въ живыхъ братья раздѣлили между собой королевство покойнаго брата. Образовались три королевства, которыя остались, измѣняясь, разумѣется, отчасти въ своихъ границахъ, во все продолженіе меровингскаго періода. Королевство Сигиберта, носившее имя Австразіи или восточнаго королевства, занимало СВ. часть Галліи и германскія племена, признававшія власть Франковъ. Оно шло по берегамъ Рейна, отъ южной границы Эльзаса до моря. Это были области, гдѣ вначалѣ утвердились Франки, и провинціи, бывшія ихъ первыми завоеваніями въ Галліи. Оттого въ большей части источниковъ австразійскіе Франки называются просто Франками, безъ обозначенія королевства. Хильпериху досталась та часть сѣверной Галліи, которая шла отъ западныхъ границъ Австразіи до полунезависимой Бретани и береговъ Атлантическаго океана. Она получила имя Нейстріи, т. е. не Австразіи. Здѣсь Франки составляли меньшинство населенія, разбросанное между Галло-римлянами. Римское вліяніе чувствовалось здѣсь несравненно сильнѣе, чѣмъ въ Австразіи, гдѣ Галло-римляне встрѣчались развѣ по городамъ, бывшимъ въ незначительномъ числѣ. Наконецъ, третье королевство, доставшееся Гонтраму, носило имя Бургундіи и представляло также свои особенности. Бургунды не были изгнаны и не выселялись сами послѣ разрушенія самостоятельности ихъ королевства. Они долго хранили свои національные законы. Между сѣвальною и южною частями Бургундіи было, разумѣется, нѣкоторое различіе; въ сѣверныхъ областяхъ,

сосѣднихъ съ германскою Австразіей, крѣпко держался элементъ германскій, тогда какъ южныя области были болѣе съ римскимъ характеромъ и желали освободиться отъ власти сѣверныхъ варваровъ. Парижъ принадлежалъ собственно къ Нейстріи; но относительно его братья при раздѣлѣ постановили слѣдующее довольно страшное условіе. Парижъ раздѣленъ былъ на три части, и каждый братъ владелъ одною изъ нихъ; но ни одинъ изъ сыновей Клотаря I не смѣлъ вѣзжать въ Парижъ безъ согласія двухъ другихъ братьевъ. Нарушившій это условіе терялъ свою часть Парижа. Въ дѣлѣ областей южной Галліи мы видимъ еще болѣе произвола и странности. Области по Средиземному морю, между Альпами и Роной, позднѣйшій Провансъ, были раздѣлены поровну между Сигибертомъ и Гонтрамомъ. Марсель по важности своего приморскаго и торговаго значенія была также раздѣлена на двѣ части, австразійскую и бургундскую. Области между Роной, Луарой, Гаронной и океаномъ, такъ-называемая Аквитанія, были раздѣлены между всѣми тремя братьями, причемъ части Австразіи и Нейстріи лежали довольно сплошною массою, тогда какъ Бургундія досталась двѣ полосы земли, отдѣленные одна отъ другой чужими владѣніями. Новемпопуланія, область между Гаронной и Пиренеями, была раздѣлена только между Сигибертомъ и Хильперихомъ, но подробности этого дѣла сбивчивы и неясны. Главный результатъ всѣхъ этихъ раздѣловъ состоялъ въ образованіи трехъ королевствъ, Австразіи, Нейстріи и Бургундіи, часто мѣнявшихъ свои границы, но сохранявшихъ свои особенности и не сливавшихся въ одно цѣлое во все время меровингскаго періода.

Жена Хильпериха, Гайлесвинта, жила не долго. Фредегонда, разжалованная передъ бракомъ Гайлесвинты изъ королевъ въ служанки, осталась при дворѣ и снова получила свое вліяніе надъ Хильперихомъ, женившимся на дочери вестготскаго

короля изъ одного тщеславія. Гайлесвинта скоро появилась свое положеніе и просила отпустить ее къ отцу, предлагая оставить все привезенныя ею драгоценности. Но Хильперихъ былъ слишкомъ жаденъ, чтобы согласиться на такое невѣрное предложеніе, и въ одно утро Гайлесвинта была найдена мертвою на постелѣ, а черезъ нѣсколько дней Хильперихъ снова объявилъ Фредегону свою женой. Поэтическое преданіе рассказываетъ, что хрустальная лампада, висѣвшая передъ гробомъ Гайлесвинты въ день ея похоронъ, упала на мраморный помостъ, и, не разбившись, не потухнувъ, до половины ушла въ мраморъ, какъ бы смягчившійся. Убіиство Гайлесвинты не прошло даромъ Хильпериху. Брунегильда, пріобрѣтшая огромное вліяніе на Сигиберта, требовала мщенія. Братья Хильпериха объявили ему войну, изгнали его изъ королевства и принудили явиться на судъ въ торжественный малбергъ. Хильпериху пришлось заплатить за убійство передачею Брунегильдѣ 5 городовъ въ южной Галліи, уступленныхъ ея погибшей сестрѣ. Судъ производился по салическому закону, и только согласившись заплатить вергельдъ, Хильперихъ получилъ обратно свое королевство. Примиреніе было, впрочемъ, не надолго. Съ этихъ поръ начинается ожесточенная борьба Брунегильды и Фредегонды, стоившая столько крови и преступленій. На первомъ планѣ стоятъ не короли, не герцоги и другіе вожди, а эти двѣ женщины, столь различныя по характеру и воспитанію, но одинаково страстныя, какъ бы демоническія натуры, не отступавшія ни передъ чѣмъ для выполненія своихъ замысловъ. Дочь вестготскаго короля, Брунегильда, принесла въ Австразію и римское образованіе, и римскія понятія о значеніи верховной власти. Не забудемъ, что у Вестготовъ также была въ свое время борьба дружинниковъ съ королями, въ которой одинъ за другимъ погибло вначалѣ много королей и которая кончилась страшною рѣзней строптивыхъ

дружинниковъ. Самостоятельность, почти независимость австразіискихъ лейдовъ нашла въ Брунегильдѣ ожесточеннаго, немолимаго противника, и этимъ объясняется глубокая ненависть, которую питали къ этой иностранкѣ ея новые подданные. Съ другой стороны, въ значительно романизованной Нейстрин Фредегонда была полною представительницей женщины варварской, не смягченной вліяніемъ цивилизаціи. Также прекрасная, быть можетъ еще болѣе пылкая, чѣмъ Брунегильда, Фредегонда не носила въ душѣ никакого идеала, никакихъ нравственныхъ стремленій. Она знала только двѣ страсти, неутолимую мстительность и горячую любовь къ своимъ дѣтямъ, и не останавливалась ни передъ чѣмъ для ихъ удовлетворенія. Въ глазахъ современниковъ она являлась какой-то франкскою волшебницей, коварною и ужасною въ порывахъ своей страсти, употреблявшею для своихъ цѣлей не только кинжалъ или ядъ, но даже заговоры и чародѣйство. Она умѣла обращать людей въ слѣпое орудіе своихъ цѣлей, умѣла овладѣвать ими и посылать ихъ на вѣрную смерть. Впечатленіе, производимое обѣими женщинами, было глубокое, но очень различное. Фредегонда владела воображеніемъ современниковъ, видѣвшихъ чудные, непонятные для нихъ подвиги этой героини. Брунегильда оставила глубокую память въ самомъ отдаленномъ потомствѣ. Ей приписывали тѣ гигантскія сооруженія, которыя народъ не считалъ дѣломъ рукъ человѣческихъ, ей придавали нечеловѣческія силы и знанія. И чѣмъ болѣе уходило время, тѣмъ болѣе Брунегильду исторіи обращали въ памяти народной въ Брунегильду эпохи и чудесныхъ сказаній; тогда какъ Фредегонда, такъ поражавшая своихъ современниковъ, постепенно забывается даже ближайшимъ потомствомъ. Увлечательный разсказъ о событіяхъ страшной борьбы этихъ двухъ женщинъ читатель найдетъ въ извѣстномъ сочиненіи о Меровингахъ Авг. Тьерри, къ сожалѣнію не оконченомъ. Мы

будемъ указывать здѣсь только на тѣявленія, которыя свидѣтельствуя объ историческомъ значеніи и о слѣдствіяхъ этой борьбы.

Уступка Брунегильды городовъ въ ю. Галліи не давала покоя жадному Хильпериху нейстрійскому. Почти тотчасъ послѣ заключенія мира съ братьями, онъ сталъ нападать на ихъ области, что продолжалось до 575 г., когда Сигибертъ рѣшился покончить съ нимъ и двинулъ Франковъ и зарейнскихъ Германцевъ въ Нейстрію. Погибель Хильпериха была неизбежна. Онъ не могъ сопротивляться; всѣ его владѣнія были завоеваны. Онъ искалъ спасенія въ Турне съ Фредегондой и дѣтьми. Изъ всѣхъ его лейдовъ только одинъ остался при немъ. Всѣ остальные предложили Сигиберту признать его королемъ Нейстрии. Только злобный геній Фредегонды спасъ Хильпериха. Она подговорила двоихъ преданныхъ ей молодыхъ людей убить Сигиберта. Они подошли къ Сигиберту въ то время, когда нейстрійскіе лейды, провозгласивъ его королемъ, носили его на щитѣ по войску. Они сдѣлали видъ, что хотятъ нести Сигиберта и съ двухъ сторонъ вонзили въ него ножъ. Произошло смятеніе. Австразійскіе Франки и зарейнскіе Германцы, пораженные ужасомъ, потянулись отдѣльными отрядами домой. Хильперихъ собралъ нейстрійскихъ лейдовъ, спѣшившихъ къ нему съ покорностью, и захватилъ Парижъ вмѣстѣ съ Брунегильдой и ея дочерьми, которыхъ сослалъ въ Руанъ. По счастью, одинъ изъ австразійскихъ лейдовъ успѣлъ похитить у стерегшихъ Брунегильду приверженцевъ Хильпериха единственнаго ея сына, 5-лѣтняго Хильдеберта, и убѣжать съ нимъ въ Австразію. Спасеніе Хильдеберта измѣнило положеніе дѣлъ. Австразійцы, вопреки старо-германскому обычаю, по которому король былъ вождемъ дружины, немедленно провозгласили королемъ дѣтя. Въ этомъ, конечно, нельзя видѣть вѣрности къ убитому королю. Австразійцы болѣе Нейстрійцевъ и Бургундовъ

тяготились властію королей, начинавшею принимать римскій характеръ. Имъ выгодно было имѣть королемъ ребенка, при которомъ имъ была полная воля. Не забудемъ, что со времени завоеванія Галліи Франками, если понижалось значеніе простыхъ свободныхъ Франковъ, разбѣянныхъ по своимъ участкамъ, зато росло значеніе и сила вождей и богатыхъ землевладѣльцевъ, аристократіи. Австразійскіе лейды для воспитанія короля и для управленія во время его малолѣтства избрали изъ среды своей майордома. Значеніе этой должности видно изъ слѣдующаго отказа перваго избраннаго въ нее: «Всѣ знатные и ихъ дѣти—мои родственники. Я не могу ни казнить тѣхъ, которые нарушаютъ порядокъ, ни терпѣть ихъ своеволія. Выберите другаго». Охотникъ нашелся, и австразійская аристократія могла дѣйствовать свободно.

Вскоръ возвратилась и Брунегильда въ Австразію, по требованію сына и партіи, на нее рассчитывавшей. Въ то же время Гонтрамъ бургундскій, потерявъ своихъ сыновей (577 г.), объявилъ своимъ наследникомъ и сыномъ того же Хильдеберта. Этотъ поступокъ, обѣщавшій въ будущемъ соединеніе Австразіи и Бургундіи подъ властью одного короля, разумѣется, не могъ быть пріятенъ ни австразійскимъ, ни бургундскимъ лейдамъ, прежде всего хлопотавшимъ объ ослабленіи власти королевской и объ усиленіи своей собственной. Оттого-то они постоянно дѣйствуютъ, какъ противъ Хильдеберта, такъ и противъ Гонтрама, составляя заговоры, въ соглашеніи съ Хильперихомъ. Изъ этихъ заговоровъ важѣйшимъ былъ тотъ, цѣлію котораго было выставить новаго претендента на дѣлежъ владѣній, Гундобальда, истиннаго или подложнаго сына Клотаря, отвергнутаго отцомъ, не признававшимъ его никогда своимъ сыномъ, заключеннаго въ монастырь и бѣжавшаго оттуда въ Италію, а потомъ въ Константинополь. Онъ былъ составленъ сильною партіей свѣтскихъ и духовныхъ вельможъ.

Гундобальдъ прибылъ въ Марсель (582 г.) съ огромными сокровищами, данными ему византийскимъ императоромъ, и былъ провозглашенъ королемъ. Но заговоръ обнаружился раньше, чѣмъ собраны были всѣ силы для приведенія его въ исполненіе, и Гундобальдъ погибъ, не смотря на то, что за него дѣйствовалъ знаменитый патрицій Гонтрама, Галло-римлянинъ Эоній Муммокъ, искусѣйшій полководецъ того времени, спасшій Бургундію отъ вторженій Лангобардовъ и Саксовъ изъ Италіи.

Брунегильда старалась образовать и усилить партію, готовую поддерживать значеніе королевской власти и противодѣйствовать своеволю аристократовъ. Главными вождями этой партіи были, разумѣется, прежде всего люди не германскаго происхожденія; первое мѣсто между ними занималъ Галло-римлянинъ Лупъ, герцогъ Шампани. Ожесточенными врагами этой партіи были свѣтскіе и духовные аристократы, преимущественно германскаго происхожденія. Они дѣятельно поддерживали и Хильпериха нейстрійскаго, конечно не въ его, а въ своихъ собственныхъ интересахъ, для уничтоженія значенія королевской власти. Главою этой партіи, нарушившей на время союзъ Хильдеберта съ Гонтрамомъ, былъ еп. Егидій. Такъ какъ для среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, для простаго народа было выгодно усиленіе королевской власти, защищавшей ихъ отъ своеволия и произвола сильныхъ владѣльцевъ, то происходили иногда такіа явленія. Когда австразійская армія шла на помощь Хильпериху противъ Гонтрама, однажды ночью, простые солдаты возстали противъ Егидія съ его лейдами, находившимися въ лагерѣ. Утромъ епископъ едва успѣлъ усесться верхомъ, преслѣдуемый криками и проклятіями разъяренной толпы.

Когда Хильперихъ былъ убитъ, по общему голосу, своею же Фредегондою, наслѣдникомъ Нейстріи остался его 4 мѣсячный сынъ, Клотарь. Гонтрамъ, по просьбѣ Фредегонды,

поспѣшилъ изъ Бургундіи съ войскомъ къ Парижу и признанъ былъ опекуномъ малютки. Въ то же время прибылъ туда и Хильдебертъ, но Нейстріицы прогнали его. Такъ обнаруживалась вражда Нейстріи къ Австрази, принявшая въ послѣдствіи почти національный характеръ. Усилившееся вліяніе Гонтрама, соединеніе подъ его управленіемъ большей части Галліи дѣлало власть короля опаснѣе для лейдовъ, чѣмъ прежде, особливо съ 587 года, когда появился знаменитый договоръ въ Андело, по которому Гонтрамъ призналъ 15-лѣтняго Хильдеберта совершеннотѣлымъ и наслѣдникомъ королевства Бургундіи и всѣхъ областей, отъ нея завлѣвшихъ. Это подняло Брунегильду и ея партію, освободивъ ихъ отъ опеки лейдовъ. Они начали теперь свои дѣйствія главнымъ образомъ противъ непокорныхъ вельможъ. Хильдебертъ, подчинившійся ихъ вліянію, дѣятельно помогалъ ей. Отъ лейдовъ отдѣлывались убійствомъ и открытою силой. Обращенъ убійства представляетъ смерть лейда Магновальда. Хильдебертъ смотрѣлъ изъ окна на травлю, производившуюся на дворѣ, и пригласилъ Магновальда полюбоваться. Когда сильный вельможа, ничего не подозревая, смѣялся надъ зрѣлищемъ вмѣстѣ съ королемъ, подкрадвшійся слуга разсѣкъ ему черепъ сѣкирой, и трупъ Магновальда тутъ же выброшенъ былъ въ окошко собакамъ, травившимъ звѣря. Не только было перебито множество лейдовъ, но палъ и еп. Егидій, глава австразійской аристократіи: онъ былъ осужденъ на соборѣ духовенства (590 г.), лишенъ сана и сосланъ въ Стразбургъ. Въ 596 г. умеръ Хильдебертъ, вслѣдъ за Гонтрамомъ, оставивъ двухъ малолѣтнихъ сыновей, Теодоберта II, 10 лѣтъ, отъ наложницы, и Теодериха II, 9 лѣтъ, отъ законной супруги. Первый былъ провозглашенъ королемъ Австрази, второй—Бургундіи. Вскорѣ умерла и Фредегонда, оставивъ 3-лѣтняго сына Клотаря II подъ опекой своего давняго любовника, палатнаго мера Ландерика. Брунегильда

осталась въ Австрازیи, у старшаго внука; но ненависть лейдовъ къ ней была такъ велика, что вскорѣ она должна была бѣжать въ Бургундію, къ младшему. Фредегарій и другіе хронисты рассказываютъ, что Брунегильда была въ отчаянномъ положеніи во время этого бѣгства. Оставленная всѣми, безъ проводниковъ, не зная дороги, она погибла бы на границахъ, еслибы одинъ богатый Нейстріецъ, узнавъ ее, не проводилъ ее въ Бургундію. Лейды снова овладѣли опекой надъ малолѣтними королями, и въ первое время Австрія и Бургундія дѣйствуютъ въ союзѣ между собой. Слѣдствіемъ этого союза была война противъ Клотаря II, который потерялъ большую часть своихъ владѣній и сохранилъ за собой только 12 графствъ между Сеной, Уазой и моремъ. Брунегильда вскорѣ однакожь получила вліяніе въ Бургундіи, гдѣ, благодаря другому характеру населенія, для королевской власти борьба съ непокорными лейдами была несравненно легче, чѣмъ въ Австріи. Вокругъ Брунегильды образовалась сильная партія, къ которой принадлежалъ, между прочимъ, Аридіи, епископъ Ліона, одинъ изъ сильнѣйшихъ лицъ въ королевствѣ, и много знатныхъ Галло-римлянъ, изъ которыхъ она избирала своихъ палатныхъ меровъ. Въ ожесточенныхъ битвахъ при Тулѣ и Толбіакѣ Австрازیи были разбиты ею наголову. Одинъ изъ ея внуковъ (другаго она умертвила), Теодерихъ II, сдѣлался королемъ почти всего Франкскаго государства.

Это была побѣда королевской власти надъ лейдами, но крайне непродолжительная; Теодерихъ скоро умеръ, оставивъ послѣ себя четырехъ малолѣтнихъ сыновей, изъ которыхъ старшему было всего 11 лѣтъ. Лейдамъ опять была дана возможность оправиться отъ пораженія и возобновить борьбу съ Брунегильдой. Въ этой борьбѣ впервые являются на сцену родоначальники Каролинговъ, Арнульфъ и Пипинъ Старый. Они завязали сношенія съ Клотаремъ II и приготовили измѣну,

которая повела къ гибели Брунегильды: Клотарь вошелъ съ войскомъ въ Австрію. Войска Брунегильды, предводительствуемая тайными измѣнниками, соединились съ нимъ, и Брунегильда съ 4 своими правнуками была выдана ему. Онъ приказалъ убить дѣтей Теодериха II, за исключеніемъ одного, своего крестника. Страшная участь ждала Брунегильду. Три дня ее пытали, но по счастію современные хронисты умалчиваютъ о подробностяхъ этихъ мученій. На четвертый день ее возили на верблюдѣ по всему войску, потомъ привязали за косу, руку и ногу къ хвосту дикой бѣшеной лошади и пустили по полю. Клотарь II сдѣлался единственнымъ королемъ Франціи. Казалось, это была, наконецъ, прочная побѣда королевской власти, которой такъ страстно добивалась Брунегильда; но въ дѣйствительности эта побѣда скорѣ походила на пораженіе. Три франкскія государства, Австрія, Нейстрія и Бургундія, не слились въ одно цѣлое; собственно говоря, Клотарь II былъ королемъ одной Нейстріи. Относительно Бургундіи онъ обязался оставить палатнаго мера Варнахарія въ этой должности до самой смерти; а потомъ, на съѣздѣ въ Бонейлѣ въ 616 году, далъ новыя права и привилегіи бургундскимъ лейдамъ. Онъ не могъ даже назначить герцоговъ въ бургундскія герцогства; по крайней мѣрѣ лица, имъ назначаемыя, гибли при первой попыткѣ заявить свою власть. Послѣ смерти Варнахара бургундскіе лейды не позволили Клотарю назначать новаго майордома и объявили, что они лично будутъ сносить съ королемъ. Клотарь долженъ былъ согласиться на это новое усиленіе ихъ независимости. Относительно Австріи было еще хуже. Не только Клотарь долженъ былъ дать ей особаго короля въ лицѣ своего старшаго сына, Дагоберга, въ 622 г., но его попытка оставить въ своемъ непосредственномъ управленіи хотя нѣкоторыя области Австріи кончилась полною неудачей. Австрازیицы требовали, чтобъ ихъ королевство

сохраняло свои прежніе предѣлы, которые и опредѣлила коммиссія изъ 12 могущественныхъ вельможъ. Клотарю удалось удержать за собой только Провансъ и области къ Ю. отъ Луары. Онъ умеръ въ 628 г., оставивъ 2 сыновей. Старшій изъ нихъ, Дагобертъ I, былъ немедленно признанъ королемъ Австразіи и Бургундіи. Нейстрія также признала его, но младшему, слабоумному брату, Хариберту, отданы были нѣкоторыя области къ Ю. отъ Луары.

Правленіе Дагоберта I было временемъ послѣдняго обнаруженія меровингскими королями какой-нибудь энергіи и силы. Сдѣлавъ королевскій судный объѣздъ по Бургундіи и Австразіи, отдѣлавшись при этомъ отъ нѣкоторыхъ особенно враждебныхъ лейдовъ, Дагобертъ окончательно поселился въ Нейстріи, гдѣ населеніе было несравненно склоннѣе къ подчиненію королевской власти, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Австразійцы однакожь не смирились, и Дагобертъ принужденъ былъ дать имъ въ королѣ старшаго сына, Сигиберта, подъ опекой палатнаго мера Австразіи, Пипина Стараго или Ланденскаго. Замѣчательнѣйшимъ событіемъ внутренняго управленія Дагоберта было отобраніе у духовенства значительной части имѣній, пожертвованныхъ прежними королями церквамъ и монастырямъ. Это вызвало сильную ненависть духовенства къ Дагоберту, отразившуюся и въ сужденіяхъ о немъ современныхъ анналистовъ, принадлежавшихъ исключительно духовному званію. Это имѣло и большое вліяніе на судьбу дальнѣйшихъ Меровинговъ. До сихъ поръ приверженцы королевской власти чаще всего встрѣчались между духовенствомъ. Теперь епископы и аббаты соединились съ свѣтскими лейдами противъ королевской власти, погибель которой была неизбежна. Дагобертъ хотѣлъ утвердить власть свою и надъ тѣми областями, которыя сдѣлались почти совершенно независимыми отъ франкскихъ королей. Арморикская Бретань составляла совершенно

независимое государство съ 594 года, когда Бриттамъ удалось овладѣть городами Ванномъ и Реинномъ, гдѣ до тѣхъ поръ управляли королевскіе чиновники. Дагобертъ предпринялъ было противъ нихъ походъ въ 636 г.; но ихъ вождь, Жюдикаель, принесъ ему заявленіе покорности, которымъ и долженъ былъ удовольствоваться Дагобертъ, хотя подчиненіе Бретани ограничилось этимъ пустымъ заявленіемъ и Бретань осталась по прежнему независимою. Южныя области древней Галліи, Новемпопулянія, большею частью занятые Басками, спустившимися съ Пиренеевъ, также стремились къ отдѣленію. Отъ Басковъ области при СЗ. склонѣ Пиренеевъ получили названіе Васконіи, въ послѣдствіи Гаскони. Братъ Дагоберта, Харибертъ, былъ женатъ на Газели, дочери Аманды, герцога Васконіи. По смерти Хариберта, Амандъ сдѣлался единственнымъ опекуномъ и защитникомъ двухъ малолѣтнихъ сыновей его, оставшихся послѣ смерти старшаго, погибшаго не безъ участія Дагоберта. Амандъ не довольствовался независимостью Васконіи; онъ хотѣлъ распространить свою власть и въ областяхъ къ С. отъ Гаронны, въ Аквитаніи, давно тяготившейся зависимостью отъ сѣверныхъ варваровъ. Съ его появленіемъ въ Аквитаніи, тамъ вспыхнуло сильное возстаніе; но Дагобертъ собралъ огромное войско и не только подавилъ возмущеніе, но преслѣдовалъ Басковъ Аманды до самыхъ ущелій Пиренеевъ и заставилъ ихъ заявить покорность. Это было впрочемъ торжество столь же мнимое, какъ и покорность Бретани. На дѣлѣ и Бретань и Васконія остались независимыми. Дагобертъ I умеръ въ 638 году, оставивъ наследниками двухъ своихъ сыновей. Съ этого времени начинается періодъ полнаго ничтожества меровингскихъ королей, періодъ господства такъ-называемыхъ *палатныхъ меровъ* или *майордомовъ*. Намъ нужно поэтому обратиться къ разъясненію значенія и исторіи этой должности.

Исторія майордомовъ принадлежитъ къ числу самыхъ сложныхъ и спорныхъ научныхъ вопросовъ. Перцъ, Люденъ, Лео, Вайцъ, Цинкейзенъ, Цёпфль и др. пытались объяснить его. Новѣйшее и основательнѣйшее сочиненіе, заключающее въ себѣ самую мелочную, тщательную критику всѣхъ предшествовавшихъ трудовъ, принадлежитъ *Шёне* (*Die Amtsgewalt der fränkischen maiores domus. Braunschweig. 1856*). Главная трудность состоитъ въ опредѣленіи ихъ первоначальной должности, потому что майордомы являются при самомъ началѣ меровингской династіи, хотя на первый планъ выдвигаются только со временъ Клотаря II и только послѣ Дагоберта получаютъ господствующее значеніе. До Перца (1849 г.) полагали, что въ началѣ должность майордома была очень неважная; его сравнивали съ начальникомъ рабовъ, съ *villicus major* на земляхъ большихъ землевладѣльцевъ. *Перцъ* въ главномъ принялъ это мнѣніе и старался подкрѣпить его историческими свидѣтельствами, тщательно собранными. *Люденъ* не рѣшился признать этого слишкомъ низкаго происхожденія этой должности. По его мнѣнію, палатный меръ съ самаго начала былъ однимъ изъ важнѣйшихъ придворныхъ чиновниковъ. Онъ завѣдывалъ королевскими имѣніями и въ его рукахъ была раздача бенефицій. *Люденъ* не могъ однакоже представить достаточно доказательствъ своей теоріи. Ученикъ его, *Цинкейзенъ*, отвергнувъ его предположенія, далъ новое объясненіе. Майордомъ, по его мнѣнію, замѣнялъ короля во время его отсутствія, случавшагося часто во время безпрестанныхъ войнъ и походовъ. Палатнаго мера называютъ иногда *subregulus*. Онъ былъ начальникомъ королевскаго двора и главнымъ управителемъ казначейства. Такая высокая должность, разумѣется, привлекала къ себѣ многочисленныхъ искателей изъ числа могущественнѣйшихъ лейдовъ; но въ то же время она должна была внушать опасеніе всей франкской

аристократіи. Слѣдствіемъ было то, что лейды сами стали назначать майордомовъ. Мнѣніе Цинкейзена встрѣтило мало приверженцевъ. *Вайцъ* старался поддержать старую теорію; но встрѣтилъ сильныя возраженія со стороны *Рота* и *Шёне*. Болѣе вѣроятія имѣтъ мнѣніе *Лео*, поддерживаемое *Шёне* и въ самое послѣднее время *Цёпфлемъ*. По этому мнѣнію, майордомъ былъ ничто иное, какъ сенешаль; самыя первыя о немъ извѣстія говорятъ о немъ, какъ объ исполнителѣ обязанностей, обыкновенно лежащихъ на сенешалѣ. Въ то время, когда майордомы выдвигаются на первый планъ, о сенешалѣ нѣтъ уже упоминаній. Сенешаль, какъ извѣстно, завѣдывалъ всѣми чиновниками, лично служащими королю, и экономическимъ хозяйствомъ. Его должность соответствовала должности нынѣшняго министра двора. Ему были подчинены всѣ *domestici*, т. е. чиновники безъ опредѣленной должности. Онъ называется иногда *majordomus regiae*. Эта должность должна была ставить его въ близкія сношенія, какъ съ королемъ, такъ особенно съ королевой, на которой лежало хозяйственное управленіе дворомъ. Этимъ объясняется значеніе, которое долженъ былъ пріобрѣсти майордомъ особенно во время малолѣтства королей, при управленіи ихъ матерей, которыя обыкновенно избирали майордомовъ изъ людей, особенно къ нимъ приверженныхъ, или же изъ своихъ любовниковъ. Должно, впрочемъ, замѣтить, что громадное могущество, которое пріобрѣли въ послѣднее время майордомы, условливалось не столько ихъ должностью, сколько ихъ личными достоинствами и положеніемъ. Они только воспользовались своею должностью, чтобы стать дѣйствительными главами управленія, отстранивъ королей. Много было споровъ о самомъ характерѣ и объемѣ должности майордомовъ въ послѣднее время. Майордомовъ представляютъ обыкновенно предсѣдателями королевскаго суда во время отсутствія королей, главными

управителями фиска и коронных имѣній, раздавателями бенефицій, установителями налоговъ, наконецъ, вождями войска. Шёне доказалъ, что, собственно говоря, майордомы не имѣли всѣхъ этихъ обязанностей, какъ необходимыхъ атрибутовъ ихъ должности, хотя они могли часто брать ихъ на себя. Такъ, напр., мы видимъ, что только Пипинъ Геристальскій и Карлъ Мартелъ изъ всѣхъ майордомовъ были вождями военныхъ силъ королевства. Съ Дагоберта начинается преобладаніе майордомовъ. Они стали во главѣ партіи лейдовъ и получили огромное значеніе. Король вынужденъ былъ назначать майордомомъ того, кого назначали ему вельможи. Тогда майордомъ сдѣлался естественнымъ посредникомъ между королемъ и лейдами. Палатный меръ Бургундіи, Варнахаръ, еще при Клотарѣ II выговорилъ себѣ у короля право занимать эту должность пожизненно; но до Клотаря II и Дагоберта палатные меры пользовались значеніемъ болѣе какъ фактомъ, чѣмъ какъ правомъ.

Изъ всѣхъ палатныхъ меровъ Австразіи, Нейстріи и Бургундіи одна фамилія сдѣлала это достоинство наслѣдственнымъ въ своемъ домѣ и приобрѣла въ послѣдствіи верховную власть надъ всею Франціей. Это была фамилія австразійскихъ палатныхъ меровъ, изъ которыхъ первымъ былъ Пипинъ Ланденскій или Старый. Изъ предковъ Пипина мы знаемъ только отца его, Карломана, которому біографы даютъ титулъ *принсера* и который былъ однимъ изъ богатѣйшихъ земельныхъ собственниковъ Бельгіи. Хронисты говорятъ, что онъ управлялъ всѣмъ населеніемъ отъ Карбоньерскаго лѣса и Мааса до земель Фризовъ. Карломанъ имѣлъ двоихъ дѣтей, Пипина и Амельбергу. Эта фамилія пользовалась огромнымъ вліяніемъ въ Бельгіи, и замѣчательно то обстоятельство, что изъ 6 дѣтей Пипина и его сестры 5 признаны святыми. Это указываетъ на дѣятельное участіе этой фамиліи въ распространеніи

христіанства въ этихъ областяхъ, въ устройствѣ епархій и приходовъ, въ основаніи монастырей. Христіанскіе миссіонеры находили у Пипина горячую поддержку. Пипинъ нашелъ себѣ могущественнаго союзника въ Арнульфѣ, также одномъ изъ богатѣйшихъ собственниковъ Австразіи, бывшемъ подъ старость епископомъ Меца и признаннымъ святымъ по смерти. О происхожденіи Арнульфа шли также горячіе споры. Уже при императорѣ Карлѣ Лысомъ, внукъ Карла V., составлена была генеалогія Каролинговъ, въ которой доказывалось, что Арнульфъ происходилъ отъ знаменитой сенаторской галлоримской фамиліи, именно отъ Тонанція Ферреоли, и что дѣдъ Арнульфа женился на дочери или Клотаря I, или Клотаря II. Эта генеалогія сфабрикована, очевидно, съ тѣмъ, чтобы доказать, что Каролинги получили королевское достоинство не по праву сильного, а по наслѣдству. Она не подкрѣпляется никакими доказательствами, и попытка профессора Лео оправдать ее не удалась. Есть прямыя указанія на франкское происхожденіе Арнульфа. Его современникъ и другъ, анонимный его біографъ, прямо называетъ его Франкомъ. То же самое находимъ мы и у Павла Діакона. Сынъ Арнульфа, Ангизель, женился на Беггѣ, дочери Пипина Ланденскаго, и отъ этого брака произошелъ знаменитый родъ Каролинговъ. Исторія палатныхъ меровъ изъ рода Пипина начинается съ 543 г., когда Клотарь II нейстрійскій сдѣлался единственнымъ королемъ всей Франціи. Пипинъ Ланденскій и Арнульфъ, ставшій въ 614 году епископомъ Меца, управляли Австразіей во все время царствованія Клотаря II. Пипинъ былъ объявленъ майордомомъ Австразіи. По настоянію его и Арнульфа, Клотарь II долженъ былъ отправить въ Австразію въ 622 г. своего малолѣтняго сына, Дагоберта, воспитаннаго подъ руководствомъ Арнульфа. Когда Дагобертъ, по смерти Клотаря II, сдѣлался королемъ всей Франціи и окончательно поселился въ Нейстріи,

онъ удержалъ при себѣ Пипина, и управленіе Австразіей было поручено Куниберту, архіепископу кельнскому, и Ансгизелю, сыну Ариульфа. Только по смерти Дагоберта, въ 638 г., Пипинъ возвратился въ Австрازیю и всю свою жизнь управлялъ ею въ званіи палатнаго мера.

По смерти Пипина (639 г.) одна партія хотѣла доставить званіе палатнаго мера своему избраннику, Оттону; но сынъ Пипина, Гримоальдъ, силой овладѣлъ майордоматомъ Австразіи и сохранилъ его за собой до самой смерти. Нейстрія и Бургундія управлялись особыми палатными мерами. Гримоальдъ завѣдывалъ Австразіей именемъ короля Сигиберта III, по смерти котораго (656 г.) задумалъ объявить королемъ своего собственнаго сына. Захвативъ сына умершаго короля, онъ постригъ его и тайно отправилъ въ одинъ изъ монастырей Ирландіи. Попытка Гримоальда была преждевременна. Фамилія Пипина не успѣла еще утвердить прочно свое вліяніе. Австразійскіе лейды выдали Гримоальда и его сына, объявленнаго королемъ, нейстрійскому королю, который погубилъ ихъ обоихъ въ темницѣ. Тогда Франція на время снова соединилась подъ властью одного короля, управляемаго нейстрійскимъ палатнымъ меромъ. Вскорѣ палатнымъ меромъ сдѣлался Еброинъ (ок. 657 г.), Франкъ изъ области Суассона, Нейстріецъ, проникнутый римскими повятіями, ожесточенный врагъ своей воли и самоуправства лейдовъ. Избранный аристократіей, онъ всю жизнь однакоже употребилъ на борьбу съ нею, и этимъ объясняются, какъ ненависть къ нему вельможъ, такъ и тѣ озлобленныя сужденія, которыя занесены объ немъ въ современныя хроникѣ. Обѣ партіи не разбирали средствъ для борьбы. Епископы Парижа и Ліона, принадлежавшіе къ аристократической партіи, погибли отъ убійцъ, по всей вѣроятности, подосланныхъ Еброиномъ. Но самымъ сильнымъ его врагомъ былъ Леодегеръ, епископъ Отена, признаваемый святымъ

французскою церковью (S. Léger). Его Житіе служить однимъ изъ дорогихъ историческихъ источниковъ этой эпохи. Когда умеръ Клотарь III, именемъ котораго управлялъ Еброинъ, онъ, не дожидаясь съѣзда лейдовъ и обычнаго торжественнаго избранія, самъ провозгласилъ новаго короля и послалъ собиравшимся лейдамъ приказъ разѣхаться. Слѣдствіемъ этого было сильное возстаніе, едва было не кончившееся гибелью Еброина. Онъ едва нашелъ спасеніе въ церкви, былъ постриженъ и отосланъ въ Люксийскій монастырь. Та же участь постигла и провозглашеннаго имъ короля.

Это была полная побѣда лейдовъ. Теперь въ Нейстріи и Бургундіи управлялъ Леодегеръ именемъ короля Хильдерика. Онъ однакоже не долго наслаждался властью. Онъ былъ свергнутъ и заключенъ въ тотъ же монастырь, гдѣ содержался Еброинъ. Старые враги, соединенные судьбой въ изгнаніи, примирились, общали забытъ прошедшее и вмѣстѣ начали заботиться о своемъ освобожденіи. Вскорѣ король Нейстріи и Бургундіи былъ убитъ оскорбленнымъ имъ лейдомъ. Началось сильное волненіе во Франціи, и Еброину съ Леодегеромъ удалось уйти изъ монастыря (674 г.) и снова явиться на государственную сцену. Согласіе между давними соперниками продолжалось не долго. Еброинъ оставилъ Леодегера, когда тотъ отдалъ майордоматъ не ему, а одному изъ своихъ приверженцевъ. Еброинъ собралъ свои силы, поразилъ врага, убилъ майордома, и, скрывъ короля, взятаго въ плѣнъ въ одномъ изъ помѣстій, провозгласилъ королемъ одного юношу, котораго выдавалъ за сына Клотаря III. Леодегеръ упорно защищался въ Отенѣ, осажденномъ Еброиномъ; но долженъ былъ, наконецъ, сдаться. Лишивъ зрѣнія, его посадили въ темницу. Черезъ 4 года, послѣ новыхъ мученій, ему была отрублена голова. Еброинъ сдѣлался, подъ именемъ палатнаго мера, повластнымъ господиномъ Нейстріи и Бургундіи, скрывъ

мнимаго сына Клотаря и снова провозгласивъ королемъ сверженнаго имъ Теодериха. Онъ велъ ожесточенную борьбу съ вельможами, отнялъ у нихъ захваченныя ими должности, бенефиціи и коронныя земли, раздавъ ихъ людямъ новымъ, образовавъ классъ болѣе мелкихъ земельныхъ собственниковъ. Лейды бѣжали къ Баскамъ и особенно въ Австразію. Въ Австразіи въ это время царствовалъ тотъ самый Дагобертъ, котораго Гримоальдъ нѣкогда постригъ въ монахи и тайно отослалъ въ Ирландію; но на дѣлѣ всемъ заправляла аристократія, во главѣ которой стояли два внука Арнульфа. Мужское потомство Пипина Ланденскаго прекратилось съ гибелью Гримоальда и его сына; но женское имѣло достойнаго представителя въ лицѣ Пипина Геристальскаго, сына Бегги и Ангизеля. Вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ, Мартиномъ, Пипинъ Геристальскій, прозванный такъ отъ своего помѣстья Геристаль (близъ Люттиха), стоялъ во главѣ австразійскихъ герцоговъ и графовъ, свергнувшихъ и убившихъ несчастнаго Меровинга, вызваннаго ими изъ Ирландіи и обнаружившаго попытку получить дѣйствительную власть въ свои руки. Къ Пипину и Мартину сбѣгались лейды Нейстріи и Бургундіи съ просьбой защитить ихъ отъ тираніи Еброина. Первая попытка Австразійцевъ помочь имъ была однакоже неудачна. Австразійцы были разбиты Еброиномъ при Латофао (680 г.), между Лаономъ и Суассономъ, и Мартинъ, спасшійся въ Лаонъ, погибъ, выманенный двумя епископами, сторонниками Еброина, которые не задумались дать ему клятву въ безопасности надъ ковчегомъ, откуда они предварительно вынули мощи. Этотъ подвигъ двухъ епископовъ не помѣшалъ имъ быть призванными святыми послѣ ихъ смерти. Это была послѣдняя побѣда Еброина. Вскорѣ онъ былъ измѣнически убитъ къ общему восторгу всехъ лейдовъ. Легенды рассказываютъ, что одинъ слѣпой, слыша сильный шумъ веселья на рѣкѣ, спросилъ, кого

это везутъ, и получилъ въ отвѣтъ, что везутъ душу Еброина въ адъ. Не всѣ, впрочемъ, легенды сложились подъ вліяніемъ этой ненависти къ Еброину. Въ житіяхъ современныхъ святыхъ мы находимъ и такіе о немъ отзывы: «Онъ подавлялъ всѣ несправедливости и произволъ, совершавшіеся на землѣ, и наказывалъ преступленія гордыхъ и беззаконныхъ людей; онъ заставлялъ миръ царствовать на всей землѣ; онъ былъ человѣкъ великой души, хотя и былъ слишкомъ жестокъ съ епископами».

Смерть Еброина на первое время мало измѣнила положеніе дѣлъ. Въ Нейстріи и Бургундіи въ 7 лѣтъ его правленія образовалась сильная партія, вошедшая въ его планы. Австразія была ослаблена пораженіемъ при Латофао и не могла дѣйствовать. Поэтому двое палатныхъ меровъ спокойно смѣняють одинъ другаго въ Нейстріи и Бургундіи, не безпокоимые со стороны Австразіи. Только въ 687 году Пипинъ Геристальскій, съ согласія лейдовъ Австразіи, рѣшился дѣйствовать противъ Нейстрійцевъ. Въ битвѣ при Тестри онъ разбилъ ихъ. Ихъ майордомъ былъ убитъ своими во время бѣгства. Король Теодерихъ сдался Пипину, и за нимъ сохраненъ былъ титулъ короля; но вся власть въ Нейстріи и Бургундіи перешла въ руки Пипина и его союзниковъ. Пипинъ не взялъ на себя даже и званія палатнаго мера. Предоставивъ его въ Нейстріи одному изъ своихъ *вѣрныхъ*, Нордберту, онъ принялъ титулъ «dux et princeps Francorum», который иногда и прежде давался отцу его. Роль короля сдѣлалась съ этихъ поръ совершенно ничтожною. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго участія въ управленіи, жилъ въ своемъ помѣстьи подъ надзоромъ вѣрнаго сторонника Пипина, получая отъ него содержаніе. Во время мальберга Франковъ его привозили туда на колесницѣ, запряженной быками, и онъ въ коронѣ и въ королевской одеждѣ председательствовалъ здѣсь, принималъ пословъ, подарки и

т. д., дѣйствуя по приказамъ Пипина. Все, что было сдѣлано Еброиномъ для умирения своевольныхъ лейдовъ и увеличенія королевской власти, было, разумѣется, отмѣнено, и были восстановлены старогерманскіе законы и обычаи. Ежегодно, въ календы марта, собирався мальбергъ, восстановленный впрочемъ только въ своей формѣ, а не въ содержаніи. Средній и низшій классы свободныхъ Франковъ не имѣли уже участія въ общественныхъ дѣлахъ. На мальбергахъ были только могущественные лейды съ своими вассалами. Масса галлоримскаго населенія имѣла своими представителями только епископовъ, которыхъ въ это время можно уже назвать лейдами духовнаго званія: такъ измѣнился ихъ первоначальный характеръ, такъ близко они примкнули, не только по своей власти и притязаніямъ, но и по своимъ правамъ и понятіямъ, къ свѣтской аристократіи.

Подчинивъ своей власти Нейстрію и Бургундію, Пипинъ остался однакоже самъ въ Австразіи, проживая то въ Геристалѣ, то въ Ланденѣ, главнѣйшихъ помѣстьяхъ своего рода. Ему предстояло много дѣла, чтобы остановить начинавшееся распаденіе Франкскаго государства. Пользуясь смутами и борьбой въ этомъ государствѣ, покоренныя племена спѣшили возвратитъ свою прежнюю независимость. Бритты отвергли и ту номинальную зависимость отъ Франціи, которую заставилъ было ихъ признать Дагобертъ I. Саксы со временъ того же Дагоберта не платили дани франкскимъ королямъ. При его наследникахъ отложились Тюрингцы, Бавары, Аллеманы или Швабы, Фризы, съ большею частью германскихъ племенъ. Наконецъ, южная Галлія стала почти независимой. Герцоги Васконіи распространили даже свою власть между Гаронной и Луарой, гдѣ галлоримское населеніе ненавидѣло сѣверныхъ варваровъ и старалось отъ нихъ освободиться. Герцогъ Ейдъ, принявшій и самый титулъ короля, спокойно управлялъ всѣми областями

отъ Пиренеевъ до Луары, а также и Арлемъ съ его областью. Провансъ также на дѣлѣ былъ независимъ отъ франкскихъ королей и управлялся своими патриціями, герцогами и графами. Наконецъ, самый Лионъ и сѣверныя области Бургундіи только по имени принадлежали Франціи. Здѣсь властвовали совершенно независимо духовные и свѣтскіе аристократы. Пипину пришлось почти всю жизнь бороться съ вассалами. Оставляя въ покоѣ Галлію, онъ все свое вниманіе обратилъ на отпавшія германскія племена. Одна борьба съ королемъ Фризовъ, Радбодомъ, стоила ему 10 походовъ. Подчиняя оружіемъ язычниковъ Фризовъ, онъ понималъ, какую могущественную помощь можетъ оказать ему христіанство, и дѣятельно поддерживалъ усилія гальскихъ и ирландскихъ миссіонеровъ, старавшихся обратить Фризовъ. При немъ основано было епископство въ Утрехтѣ. Въ то же время, какъ мы знаемъ, христіанскіе миссіонеры энергично работали между Баварами, Аллеманами и другими германскими племенами. Пипинъ почти послѣ каждаго мальберга предпринималъ походы противъ Германцевъ, и однакоже ему не удалось привести ихъ въ прежнюю зависимость, хотя Аллеманы и приуждены были признать себя данниками Франковъ. Пипинъ умеръ въ 714 году, «управляя, по выраженію одного лѣтописца, 27 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ всѣмъ франкскимъ народомъ съ покорными ему королями Теодерихомъ, Хлодвигомъ, Хильдебертомъ и Дагобертомъ».

Смерть Пипина Геристальскаго была сигналомъ къ новымъ смутамъ и войнамъ, изъ которыхъ впрочемъ домъ Каролинговъ вышелъ съ новою славой и могуществомъ. Пипинъ, ревностный покровитель христіанства, въ своей домашней жизни держался германскихъ обычаевъ. Отъ первой своей жены, Плектруды, онъ имѣлъ двухъ сыновей, Дрогона и Гримоальда; но потомъ, оставивъ Плектруду, онъ женился на молодой и

прекрасной Алфейдѣ или Алпайдѣ, которая родила ему сына Карла. Смертельная ненависть была между обѣими королевами. Духовенство смотрѣло только на первую, какъ на законную, и признавало Алфейду наложницей. Особенно вооружался противъ второго брака св. Ландебертъ (Ламбертъ), еп. Мастрихта. Онъ отказался на королевскомъ обѣдѣ благословить чашу наложницы Пипина. Сверхъ того, у него были прямые столкновѣнія съ Додономъ, братомъ Алфейды. Слѣдствіемъ этого было убійство его Додономъ. Пипинъ былъ уже старъ; слыша общій голосъ, обвинявшій Алфейду, мучимый совѣстью, онъ желалъ сближенія, если не съ первою женой, то съ дѣтьми отъ перваго брака. Но старшій изъ нихъ умеръ, оставивъ двухъ малолѣтнихъ сыновей. Когда Пипинъ въ 714 г. очень заболѣлъ, то вызвалъ къ себѣ Гримоальда, желая объявить его наследникомъ. Гримоальдъ явился, но на молитвѣ въ церкви былъ убитъ язычникомъ Франкомъ. Пипинъ нашелъ силы подняться съ постели, страшно отменилъ за смерть сына, сближился съ Плектрудой, отдалилъ отъ себя Алфейду и ея сына, и назначилъ наследникомъ малолѣтняго сына Гримоальда, Теодіальда. Велѣлъ затѣмъ старикъ потерять силы и умеръ.

Первымъ дѣломъ Плектруды было заключить сына ненавистной Алфейды, Карла. Смерть Пипина имѣла слѣдствіемъ отпаденіе и возстаніе почти всѣхъ подчиненныхъ Австразіи германскихъ племенъ; Нейстрія также спѣшила воспользоваться обстоятельствами. Когда Плектруда съ австразійскими дружинами отправилась въ Нейстрію, чтобы провозгласить палатнымъ меромъ своего малолѣтняго внука, Австразійцы были разбиты на голову въ лѣсу Suisse (Компъень). Плектруда едва успѣла спастись съ своимъ внукомъ, который и умеръ вскорѣ. Нейстрійцы провозгласили особаго палатнаго мера, Рагенфрида, который тотчасъ заключилъ союзъ съ герцогомъ

Фризозъ, Радбодомъ, и вторгнулся въ Австразію. Плектруда съ сокровищами своего мужа заперлась въ Кельнѣ. Фризы и Нейстрійцы опустошали Австразію. Въ это время молодому Карлу удалось бѣжать изъ темницы, гдѣ держала его Плектруда. Онъ собралъ отдѣльные отряды Австразійцевъ и успѣлъ заставить Фризозъ очистить Австразію. Побѣда надъ Нейстрійцами при Амблавѣ (Amblef) принудила послѣднихъ къ тому же. Карлъ былъ провозглашенъ вождемъ Австразіи и тотчасъ потребовалъ отъ Нейстрійцевъ признанія своего принципата. Рагенфридъ отвѣчалъ вызовомъ на судъ Божій, т. е. на битву. Въ упорной битвѣ при Вииси судъ Божій рѣшилъ въ пользу Карла (717 г.). Нейстрійцы, большую часть ополченія которыхъ составляли Галлоримляне, не могли выдержать боя съ воинственными Франками Австразіи, и битва кончилась полнымъ ихъ пораженіемъ. Но одна битва еще не рѣшила дѣла. Рагенфридъ заключилъ союзъ съ могущественнымъ Ейдомъ, провозгласившимъ себя королемъ Галліи, и въ 719 г. рѣшился начать даже наступательныя дѣйствія. Это было послѣднее усиліе Нейстріи отстоять свою независимость. Въ битвѣ близъ Суассона ополченія Нейстріи и Аквитаніи были разбиты Карломъ. Съ тѣхъ поръ были только частныя возстанія въ Нейстріи противъ владычества Австразійцевъ. Король Ейдъ и даже Рагенфридъ заключили миръ съ Карломъ, который и сдѣлался господиномъ Австразіи и Нейстріи, оставивъ имя и званіе короля тому ничтожному Меровингу, именемъ котораго управлялъ Рагенфридъ. Съ тѣхъ поръ Карлъ обратилъ свое оружіе противъ германскихъ племенъ, послѣ смерти отца объявившихъ себя независимыми отъ Франковъ. Каждый годъ онъ предпринималъ походы къ С. и В. отъ Австразіи. Но лѣса, обитаемые Германцами, не представляли богатой добычи. Австразійскіе лейды и дружины требовали вознагражденій за походы, а большая часть бенефицій и

королевскихъ имѣній въ Нейстріи были уже розданы Пипиномъ Геристальскимъ. Чтобы имѣть подъ рукою постоянное войско, надобно было награждать, дарить, а дарить было чѣмъ, и это было главною причиною той мѣры, къ которой прибѣгнулъ Карлъ и которая вызвала противъ него страшное озлобленіе со стороны духовенства Франціи. Онъ началъ раздавать своимъ антрустіонамъ и воинамъ въ бенефиціи не только монастырскія и епископскія помѣстья, но и самыя епископскія каѳедры. Архіепископства Реймса и Трира оба отданы были одному изъ самыхъ храбрыхъ товарищей Карла, Милону, который только по постриженію принадлежалъ къ духовному званію. Нѣсколько епископствъ и аббатствъ отданы были оставшемуся въ живыхъ племяннику Карла, Гугону. Только что окрещенные германскіе вожди, съ своими женами, воинами и сворами собакъ, занимали епископскіе дворцы и, не умѣя читать, надѣвали сверхъ латъ епископскую одежду. «Христіанская религія была почти совершенно уничтожена въ областяхъ Галліи и Германіи», говоритъ еп. Гликмаръ реймскій, писавшій въ слѣдующемъ столѣтіи. Эти мѣры Карла вызваны были необходимостью, а не ненавистью къ церкви. Напротивъ, Карлъ всѣми силами помогалъ проповѣди Евангелія между язычниками Германіи. Карлъ спасъ Европу отъ вторженія, ига мусульманъ.

Въ 640 году, черезъ 7 лѣтъ по смерти Магомета, пало могущественное царство Персидское, покоренное мусульманами; были завоеваны Дамаскъ, Іерусалимъ, Антиохія, Александрія, словомъ, вся Сирія и Египетъ, принадлежавшіе вѣзантійскому императору, и крестъ былъ замѣненъ луной. Къ концу VII вѣка мусульмане, съ одной стороны, готовы были вторгнуться въ Европу черезъ Дарданельскій проливъ, съ другой, завоевавъ всю Африку, они раздвинули свои владѣнія до Гибралтара. Въ 711 году они перешли этотъ проливъ и

Вестготское государство было разрушено послѣ отчаянной битвы, гдѣ погибъ послѣдній его король, Родерикъ. Вся Испанія была завоевана Арабами, за исключеніемъ гористыхъ областей с.-з. части полуострова, Галисіи, Бискаіи, Астуріи и Гвипускоа, гдѣ христіанское населеніе сохранило свою независимость и вело упорную, ожесточенную борьбу съ послѣдователями Магомета. Арабы не ограничились одною Испаніей. Они стремились покорить весь свѣтъ ученію своего пророка и власти его намѣстника. Оттого, тотчасъ же послѣ завоеванія Испаніи, они вторгаются и во Францію черезъ Пиренеи, узкіе и почти недоступные горные проходы, оставленные безъ защиты Басками, пораженными ужасомъ. Южная Галлія признавала власть Ейды, бывшаго герцога Васконіи, теперь носившаго титулъ короля Аквитаніи. Ейдъ во время перваго вторженія Арабовъ былъ занятъ борьбой съ Карломъ и не могъ помѣшать Арабамъ овладѣть областями на склонахъ Пиренеевъ и даже Нарбонною. Затѣмъ онъ посѣпшилъ заключить миръ съ Карломъ и, когда въ 721 г. испанскій вали вторгнулся съ огромнымъ войскомъ въ Галлію и осадилъ Тулузу, кинулся на помощь осажденному городу и въ кровопролитной битвѣ разбилъ на голову Арабовъ, потерявшихъ и своего предводителя. Четыре года послѣ того Арабы не беспокоили Галліи; но въ 725 г. новый вали (арабскій намѣстникъ) сдѣлалъ новое вторженіе. Много сильныхъ городовъ сдалось ему добровольно, между прочимъ Каркасонъ, Нимъ; арабскій правитель былъ назначенъ въ Нарбонну, слѣвавшуюся центромъ арабскихъ завоеваній въ Галліи. Арабы изъ Аквитаніи дѣлали набѣги на Бургундію и Провансъ. Бургундія, раздѣленная между множествомъ свѣтскихъ и духовныхъ владѣльцевъ, не могла оказать сопротивленія, и Арабы ограбили Ліонъ, взяли и разрушили Отенъ, дошли до Вогезовъ, гдѣ одинъ отрядъ ихъ разграбилъ знаменитый Люксейльскій монастырь. Въ Провансѣ,

гдѣ владѣлъ храбрый герцогъ Мауронтъ, Арабы встрѣтили болѣе упорное сопротивленіе, даже ихъ вали погибъ въ одной изъ битвъ (726 г.). Опасность стала еще грознѣе для Галліи, когда испанскимъ вали сталъ Абдеррахманъ; принимавшій участіе во всѣхъ прежнихъ вторженіяхъ въ Галлію. Король Ейдъ, поставленный между двумя опасностями, между нашествіемъ Арабовъ и враждой Карла, былъ въ самомъ тяжеломъ положеніи. Онъ однакожъ не хотѣлъ признать зависимость отъ Австрасіи и рѣшился бороться съ Арабами собственными средствами. Онъ искалъ себѣ союзниковъ даже между арабскими вождями, соперничавшими другъ съ другомъ, и не задумался выдать свою дочь за одного мусульманина, управлявшаго восточными Пиренеями. Но союзникъ Ейда погибъ въ борьбѣ съ Абдеррахманомъ, и дочь короля Аквитаніи была отослана въ подарокъ къ калифу. Въ 732 г. Абдеррахманъ кончилъ свои приготовления и съ огромными силами вторгнулся въ ю. Францію. Онъ осадилъ Бордо. Ейдъ рѣшился на битву, потерялъ ее, видѣлъ взятіе Арабами Бордо и пожаръ христіанскихъ церквей и въ отчаяніи бросился къ Карлу въ Австрасію, рѣшаясь признать зависимость отъ него, но умоляя спасти ю. Францію. Между тѣмъ Арабы распространялись по всей Аквитаніи до гористой Оверни. Мало того. Ихъ легкіе отряды въ бродѣ переправлялись черезъ Луару и рыскали въ областяхъ Нейстріи. Городъ Сансъ былъ спасенъ только мужествомъ епископа, сдѣлавшаго смѣлую вылазку. Арабовъ привлекалъ особенно Туръ, славный богатою базиликой и мощами св. Мартина. По дорогѣ къ нему они явились передъ Пуатье, не могли взять города, но разграбили и сожгли предмѣстье и знаменитый соборъ св. Иларія.

Карлъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ опасности, которая грозилъ уже его собственнымъ владѣніямъ. Когда Ейдъ явился предъ нимъ, умоляя о помощи, онъ не колебался

болѣе. Сбравъ всѣ силы Франковъ, Германцевъ и Галло-римлянъ, онъ въ окт. 732 г. перешелъ Луару и встрѣтилъ Арабовъ около Пуатье. Минута была самая рѣшительная. Франки представляли все, что Европа могла противопоставить арабскому нашествію. Ни въ Лангобардскомъ государствѣ Италіи, ни въ Византійской имперіи Арабы не нашли бы твердаго отпора, если бы имъ удалось сломить Франковъ: на равнинахъ Пуатье рѣшалась судьба Европы. Дней 6 оба войска стояли неподвижно другъ противъ друга, не рѣшаясь вступитъ въ битву. Бой былъ ужасный. До четвертаго часа пополудни массы арабской конницы напрасно старались сломить ряды Франковъ, неподвижно стоявшихъ на мѣстѣ. Въ 2 часа Ейдъ, обошедшій мусульманъ съ остатками своего войска, ударилъ сзади на ихъ лагерь. Между мусульманами произошло замѣшательство; Франки, наконецъ, двинулись впередъ, и побѣда была рѣшена. Карлъ получилъ въ этотъ день прозвище «Мартела» (молота). Ночью Арабы бѣжали, оставивъ побѣдителямъ весь свой лагерь; Абдеррахманъ палъ въ битвѣ. Европа была спасена; но Карлъ Мартелъ не могъ преслѣдовать Арабовъ: его дружины спѣшили воротиться домой съ богатою добычей. Слѣдствія битвы при Пуатье были огромны. Побѣда Карла Мартела разсѣяла суевѣрный страхъ, который внушали Арабы европейскимъ народамъ. Побѣда высоко подняла и значеніе Карла Мартела. Ейдъ призналъ его власть и, кажется, отказался отъ титула короля. На слѣдующій же годъ Карлъ Мартелъ подчинилъ себѣ Бургундію, по крайней мѣрѣ большую часть ея, потому что съ Мауронтомъ, герцогомъ Прованса, онъ долженъ былъ заключить особый договоръ.

Борьба съ Арабами не кончилась однакоже побѣдой при Пуатье. Черезъ три года они сдѣлали новое вторженіе и, хотя были разбиты въ Пиренеяхъ Ейдомъ, но по смерти этого герцога вновь явились въ ю. Франціи и легко овладѣли Арлемъ,

отворившимъ имъ ворота, и Авиньономъ, захваченнымъ врасплохъ. Замѣчательное явленіе обнаружилось тогда здѣсь. Противоположность между населеніемъ этихъ областей, состоявшихъ почти исключительно изъ Галлоримлянъ и Басковъ, проникнутыхъ римскимъ вліяніемъ, и населеніемъ с. Франціи, гдѣ господствовалъ элементъ германскій, была такъ велика и сопровождалась такою ненавистью, что ю. Галлія предпочитала иногда владычество мусульманъ Арабовъ владычеству христіанъ Франковъ. Этимъ объясняется, какъ легкость завоеванія Арабами ю. Галліи, такъ и то, повидимому странное обстоятельство, что Провансъ теперь добровольно призналъ ихъ верховную власть, сталъ ихъ надежнымъ союзникомъ. Въ 737 г. Карлъ снова долженъ былъ явиться въ ю. Францію, одержалъ нѣсколько побѣдъ, взялъ и разрушилъ Авиньонъ, опустошилъ Нимъ, Агдъ и др. города; но не могъ овладѣть Нарбонной, отъ которой послѣ долгой осады долженъ былъ удалиться. Въ 739 — 741 гг. онъ опять на югъ Франціи, и на этотъ разъ дѣйствуетъ еще съ большимъ успѣхомъ, овладѣваетъ Провансомъ.

Южная Галлія не одна занимала вниманіе Карла Мартела. Не менѣе ожесточенная борьба шла на с. и в. съ язычествомъ. Фризы и Саксы были главными непримиримыми врагами христіанъ Франковъ. Карлу удалось покончить по крайней мѣрѣ съ Фризами. Въ 734 году онъ вторгнулся во Фрисландію съ моря и сухимъ путемъ, разбилъ и убилъ герцога Фризовъ, истребилъ значительную часть населенія и страшно опустошилъ всю страну, вырубилъ священныя рощи, сжегъ языческіе храмы и идоловъ. Почти всю жизнь провелъ Карлъ Мартель въ безпрестанныхъ походахъ, и лѣтописцы, какъ рѣдкость, записываютъ въ свои хроники тѣ немногіе годы, когда не было войнъ. Но, благодаря этимъ трудамъ и усиліямъ, Карлъ Мартель занялъ первое мѣсто между всѣми государями Европы,

хотя и не носилъ царскаго титула. Къ нему обращались взоры всего христіанскаго міра и самого папы, находившагося тогда въ открытой борьбѣ съ непоборческими императорами Византіи, отъ которыхъ зависѣли области Италіи, не покоренныя Лангобардами. Григорій III отправилъ въ 741 г. одно за другимъ два посольства къ Карлу Мартелу съ безчисленными дарами, какъ говорятъ хронисты, и съ предложеніемъ, отвергнувъ власть восточнаго императора, признать его римскимъ консуломъ, т. е. главой западно-римскаго міра. Впрочемъ, эти посольства не имѣли слѣдствія, потому что Григорій III умеръ, а Карлъ уже чувствовалъ въ себѣ начало болѣзни, которая должна была свести его въ могилу. Покореніе Прованса было послѣднимъ его завоеваніемъ. Чувствуя близость смерти, онъ собралъ вельможъ и сдѣлалъ послѣднія распоряженія. Старшему сыну, Карломану, онъ отдалъ Австразію, Швабію, или Аллеманію, зарейнскую Францію и Тюрингію; младшему, Пипину, Нейстрію, Бургундію, Провансъ и притязаніе на Аквитанію; третьему, Грифону, сыну второй его жены или наложницы, Баварки Сонягильды, нѣкоторыя владѣнія въ Нейстріи, Австразіи и Бургундіи. Карлъ Мартель умеръ въ Кіерси 22 окт. 741 г. 51 году отъ роду.

Относительно управленія Карла Мартела существуетъ важное разнорѣчіе между изслѣдователями, вызвавшее много споровъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что феодальная система, развившаяся вполне въ послѣдствіи, получила свое начало при немъ. Другіе думаютъ, что начало ея относится ко времени его внука, Карла Великаго. Пока мы ограничимся лишь слѣдующими замѣчаніями. Феодальная система основана на соединеніи клятвы въ вѣрности сеньору съ пользованіемъ извѣстною бенефиціей, землей. До Карла Мартела мы видимъ то одну клятву, то одно пользованіе бенефиціей. Если иногда въ одномъ и томъ же лицѣ соединялись оба условія, то все-таки

между ними не было неразрывной связи, которая именно и составляла сущность феодализма. Притомъ въ это время обязанности не имѣли исключительно военного характера. Бенефиціи встрѣчаются очень рано, уже при первыхъ Меровингахъ, но онѣ не означали феодаловъ. Ротъ, Вайцъ, Цѣпфль, Даниельсъ и др. ученые полагаютъ, что собственно феодальная система началась не ранѣе Карла В. Раздача бенефицій въ вознагражденіе за оказанную службу и услугъ, произведенная въ такихъ широкихъ размѣрахъ Карломъ Мартеломъ, могла послужить какъ бы необходимымъ подготовленіемъ къ развитію феодализма; но феодальная система въ ея настоящемъ значеніи явилась только со временъ Карла В.

По смерти Карла Мартела, сыновья его, Карломанъ и Пипинъ, прозванный Малымъ или Короткимъ, раздѣлили между собой владѣнія, согласно съ завѣщаніемъ отца. Въ одномъ только они отступили отъ его воли. Завѣщанныя Грифону земли онѣ подѣлили между собой, а ему дали нѣсколько участковъ, разсѣянныхъ въ ихъ государствахъ. Слѣдствіемъ была продолжительная и упорная борьба съ Грифономъ, не хотѣвшимъ отказаться отъ правъ на владѣніе. Мать Грифона завязала сношенія съ Гунольдомъ, преемникомъ Ейда въ Аквитаніи, и съ Одиллономъ, герцогомъ Баваріи, которые только по имени находились подъ верховною властью палатныхъ меровъ Франціи. На первый разъ Карломанъ и Пипинъ скоро совладѣли съ Грифономъ, прежде чѣмъ его союзники могли помочь ему. Онъ былъ осажденъ и взятъ въ Лаонъ и заключенъ въ монастырь, равно какъ и мать его. Но положеніе старшихъ сыновей Карла Мартела все-таки было довольно тяжелое. Смерть ихъ отца, сдерживавшаго желѣзною рукою въ повиновеніи разнородныя части Франческаго государства и могущественныхъ его вассаловъ, раздѣленіе власти между ними самими, все давало возможность вскрыться различнымъ притязаніямъ, не смѣвшимъ заявить себя прежде.

Въ Нейстріи тотчасъ же обнаружилось довольно замѣчательное явленіе влѣдствіе того, что въ послѣдніе годы, по смерти меровингскаго короля Теодериха IV (737 г.), Карлъ Мартелъ не провозгласилъ кого-нибудь королемъ изъ фамиліи Меровинговъ и управлялъ Франціей одинъ. Теперь Нейстрійцы извлекли изъ монастыря одного забытаго вѣтмъ потомка Меровинговъ и провозгласили его королемъ. Фактъ очень странный, особенно потому, что онъ совершился помимо воли сыновей Карла Мартела. Одинъ фрагментъ изъ потеряннаго текста VIII или IX вѣка, недавно изданный въ Белгіи, объясняетъ отчасти это явленіе. Тамъ говорится, что въ Нейстріи своеволие лейдовъ достигло высшей степени, и Франки, чтобы ограничить его, нашли и провозгласили короля. Припомнивъ все сказанное нами выше объ отношеніяхъ между Нейстріей и Австрасіей, мы можемъ смотрѣть на этотъ фактъ, какъ на попытку Нейстріи, именуемой иногда Романіей, воспользоваться благопріятными обстоятельствами для отдѣленія отъ германской Австрасіи. Гунольдъ, вождь Аквитаніи, еще болѣе вѣрной римскимъ преданіямъ и враждебной Австрасіи, былъ во главѣ движенія, вскрывшагося въ Нейстріи. Попытка впрочемъ не удалась. Карломанъ и Пипинъ, дѣйствовавшіе всегда дружно, явились въ Нейстрію и заставили ее признать ихъ власть, сохранивъ впрочемъ провозглашеннаго короля и управляя отъ его имени. Но, покончивъ съ врагами внутренними, они должны были выдержать еще болѣе тяжелую борьбу. Гунольдъ аквитанскій и Одилонъ баварскій начали дѣйствовать въ союзѣ другъ съ другомъ. Герцогъ баварскій вооружилъ противъ Франковъ не только Саксовъ и Швабовъ, но даже Славянъ. Успѣхъ и здѣсь сопровождалъ сыновей Карла Мартела. Гунольдъ, разбитый въ нѣсколькихъ походахъ, смирился и удался въ монастырь, оставивъ Аквитанію сыну своему, Вайфру. Бавары и Саксы были также поражаемы. Швабы

потеряли и своего герцога, и большую часть вождей вследствие вѣроломной хитрости, употребленной Карломаномъ. Это было послѣднее дѣло старшаго сына Карла Мартела. Въ 747 г. онъ рѣшился отказаться отъ свѣта. Съ согласія своего сына, Дрогона, онъ передалъ власть въ руки брата своего, Пипина Короткаго, удалился въ Италію и сдѣлался монахомъ, сначала въ монастырѣ Соракто около Рима, потомъ въ знаменитомъ Монте-Кассино. Пипинъ Короткій сдѣлался единственнымъ властителемъ всей Франціи.

Время совмѣстнаго управленія Карломана и Пипина особенно замѣчательно попытками реорганизовать церковь и духовенство, совершенно изказившееся въ послѣднее время, преимущественно при Карлѣ Мартелѣ. Особенное рвеніе выказывалъ при этомъ Карломанъ, всегда отличавшійся религіознымъ настроеніемъ. Церковная реформа началась съ первыхъ же лѣтъ управленія братьевъ и именно въ Австрасіи, управляемой Карломаномъ. Въ апр. 742 г., по просьбѣ Карломана, Бонифацій, энергическій его помощникъ въ этомъ дѣлѣ, собралъ небольшое число епископовъ, посвященныхъ на основаніи церковныхъ постановленій. Французскіе епископы болѣею частію не участвовали на соборѣ или потому, что они получили неправильно епископскія каѳедры, или потому, что мало интересовались реформой. Соборы духовенства въ Австрасіи не собирались уже въ продолженіе цѣлыхъ 80 лѣтъ. Соборъ созванъ былъ Бонифаціемъ съ разрѣшенія римскаго папы, пововведеніе, объясняющееся особыми отношеніями Бонифація къ папѣ, клятвою въ вѣрности и подчиненіи, которую далъ въ Римѣ Бонифацій при посвященіи своемъ въ епископы. Этотъ соборъ постановилъ: соборамъ собираться ежегодно; всѣмъ монастырямъ управляться только на основаніи правилъ св. Бенедикта нурсійскаго; церквамъ возвратитъ отобранныя у нихъ имѣнія; духовенству не охотиться и не принимать

личнаго участія въ войнахъ и походахъ. Тутъ же были осуждены разныя суевѣрія и остатки язычества, еще крѣпко хранившіеся въ населеніи, носившемъ имя христіанъ. Еще важнѣе былъ соборъ, созванный въ слѣдующемъ году въ Лептпнахъ. Здѣсь духовенство потребовало было возвращенія церквамъ и монастырямъ всѣхъ земель, розданныхъ Карломъ Мартеломъ въ бенефиціи своимъ дружинникамъ. Но Карломанъ и Пипинъ доказали невозможность исполненія этого требованія, и обѣ стороны пришли къ сдѣлкѣ. Бонифацій и на этомъ соборѣ дѣйствовалъ, какъ представитель римскаго первосвященника. Рѣшено было избрать законныхъ епископовъ на каѳедры, оставшіяся вакантными или занятыя неправильно. Но и это не легко было исполнить. Милонъ, епископъ-солдатъ, назначенный Карломъ Мартеломъ разомъ на двѣ епископіи, отказался повиноваться собору, защищался вооруженною силой и еще 10 лѣтъ владѣлъ своею епархіей, до тѣхъ поръ, пока на охотѣ дикій кабанъ не убилъ его. На соборѣ 745 г. изложенъ былъ такой же епископъ-воинъ, Гевлалльбъ майнцскій, на открытомъ поединкѣ сразившійся съ убійцей отца своего и убившій его. Епископомъ Майнца сдѣлался самъ Бонифацій, до тѣхъ поръ не имѣвшій опредѣленной епархіи, хотя и давно уже бывшій епископомъ.

Когда Пипинъ сдѣлался однимъ правителемъ всей Франціи, онъ освободилъ изъ монастыря брата своего, Грифона, и далъ ему во владѣніе нѣсколько графствъ. Но ожесточенный прошедшимъ, Грифонъ воспользовался свободой, чтобы бѣжать къ Саксамъ и возмутить ихъ. Пипинъ долженъ былъ предпринимать большой походъ противъ Саксовъ, причемъ ему помогали съ с.-з. Фризы, съ с.-в. Венды. Саксонія была страшно опустошена; Саксы смирились и согласились платить дань, которой не платили со временъ Дагоберта I. Но Грифонъ ушелъ въ Баварію, гдѣ, по смерти Одилона, свергнувъ его

Малолѣтняго сына, Тассилона, сдѣлался, при помощи Аллемановъ, герцогомъ. Пипинъ долженъ былъ предпринять новый походъ, кончившійся полнымъ успѣхомъ въ 749 г. Герцогъ Аллемановъ былъ свергнутъ; Тассилонъ возстановленъ. Съ Грифономъ, доставшимся въ его руки, онъ поступилъ великодушно, далъ ему герцогство Монсъ и 12 графствъ въ Нейстрии. Грифонъ не смирился однакоже и скоро бѣжалъ въ Аквитанію, къ герцогу Вайфру. Два года управлялъ Пипинъ мирно, и въ 751 г. совершился, наконецъ, давно ожидаемый переворотъ въ управленіи. Пипинъ отправилъ къ папѣ торжественное посольство съ знаменитымъ вопросомъ: «Кому долженъ принадлежать королевскій престолъ по праву, тому ли, кто носитъ титулъ короля, но не имѣетъ ни власти, ни трудовъ управленія, или тому, кто, не нося имени короля, управляетъ всею страной?» Отвѣтъ не могъ быть сомнительнымъ, ибо уже папа Григорій III дѣлалъ предложеніе Карлу Мартелу признать его власть. Когда послы Пипина возвратились изъ Рима съ отвѣтомъ папы Захарія, собранъ былъ мальбергъ въ Суассонѣ, и тамъ духовенство и лейды провозгласили королемъ Пипина Малаго. Последний Мервингъ былъ заключенъ въ монастырь, и Бонифацій короновалъ Пипина, помазавъ его мѣромъ. Это было также нововведеніе. Съ этихъ поръ король становился не простымъ вождемъ дружины, а помазаникомъ Божиимъ. Королевская власть пріобрѣтала новое значеніе и новыя права, которыхъ она прежде никогда не имѣла.

IV.

Съ 751 г. исчезаютъ Мервинги, начинается новая династія Каролинговъ. Этотъ династическій переворотъ никого не удивилъ. Уже со временъ битвы при Тестри королевская власть Мервинговъ была чистою фикціей. Никакой дѣйствительной

власти потомки Хлодвигъ давно уже не имѣли; она вся перешла въ руки палатныхъ меровъ, которые часто по смерти одного короля долго управляли государствомъ, не провозглашая другого; и отсутствіе короля было вовсе незамѣтно, нисколько не останавливало обычнаго хода администраціи. Въ хроникахъ и въ нѣкоторыхъ официальныхъ актахъ того времени мы находимъ иногда слѣдующую формулу: «*Regnante rege, gubernante N. N. majore domus.*» Можно удивляться только тому, что переворотъ не совершился гораздо раньше. Но мы не должны забывать двухъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, Пипинъ рѣшился на этотъ шагъ не прежде, какъ подавивъ своихъ враговъ и вѣнскихъ, и внутреннихъ; во-вторыхъ, въ прошедшемъ былъ рѣзкій примѣръ опасности подобныхъ предпріятій въ лицѣ Гримоальда и его сына. Пипинъ Малый пользовался и до своего провозглашенія королемъ всею полнотою власти; торопиться, рисковать было не изъ чего. Есть еще одно обстоятельство въ этомъ переворотѣ, на которое должно обратить вниманіе. Пипинъ былъ помазанъ въ короли, что давало королевской власти новое основаніе и новый характеръ. Кроме того, онъ былъ избранъ королемъ по мѣтѣ и совѣту римскаго первосвященника. Нѣкоторыя хроники говорятъ даже прямо, что Захарій II «повелѣлъ (*jussit*)» Франкамъ провозгласить королемъ Пипина. Последнее едва ли справедливо. Мы знаемъ, что въ послѣдствіи папскій престолъ имѣлъ притязанія на право располагать по своему усмотрѣнію престолами западной Европы, и папы позднѣйшаго времени часто ссылаются для подтвержденія своихъ притязаній на примѣръ Захарія II. Но въ это время подобныя притязанія вовсе не имѣли смысла: папскій авторитетъ далеко не имѣлъ еще той силы, какую получилъ онъ со временъ Григорія VII. Извѣстія о повелѣніи папы избрать Пипина являются только у позднѣйшихъ хронистовъ. Для Пипина было, конечно, очень важно подкрѣпить

свое избраніе согласіемъ и благословеніемъ папы и духовенства; но папа въ то время не могъ рѣшиться располагать по своему произволу раздачей престоловъ.

По мѣтѣ Гизо, усиленіе дома Каролинговъ, кончившееся этимъ династическимъ переворотомъ, доставившимъ ему и самый престолъ, было какъ бы новымъ завоеваніемъ Галліи сѣверными варварами. Дѣйствительно, мы уже знаемъ, что Австразія была представительницей германскаго элемента въ Галліи. Въ побѣдѣ австразійскихъ палатныхъ меровъ противоположность германскаго и романскаго элемента во франкскихъ государствахъ, конечно, не осталась безъ вліянія. Но едва ли можно выдвигать ее рѣшительно на первый планъ, заслоняя и какъ бы забывая другія причины. Возвышеніе фамиліи Каролинговъ прежде всего объясняется тѣмъ, что они, по своему матеріальному положенію, по количеству своихъ имѣній, занимали первое мѣсто между франкскими оптиматами и лейдами. Званіе палатныхъ меровъ, которое одно не могло бы доставить имъ такого торжества, въ соединеніи съ другими условіями становилось въ ихъ рукахъ могущественнымъ орудіемъ усиленія. Наконецъ, разгадки возвышенія австразійскихъ майордомовъ главнымъ образомъ должно искать въ ихъ личномъ характерѣ, въ ихъ личныхъ достоинствахъ. Начиная съ Пипина ланденскаго, рядъ его потомковъ представляетъ людей въ высшей степени замѣчательныхъ, богатыхъ и политическимъ тактомъ, и тонкимъ смысломъ, и ловкостью, отчасти даже талантами полководцевъ и смѣлыхъ вождей. Только соединеніемъ всѣхъ этихъ разнородныхъ условій объясняется торжество дома Каролинговъ.

Сдѣлавшись королемъ Франціи, Пипинъ продолжалъ свою тяжелую, боевую жизнь. Первое мѣсто по значенію и исторической важности занимаютъ, разумѣется, его походы въ Италію. Желая ближе познакомиться съ этимъ предметомъ,

укажемъ на «Судьбы Италіи» *П. Н. Кудрявцева* и ограничимся самымъ существеннымъ въ этомъ великомъ событіи. Исключительное положеніе, которое занималъ первосвященникъ Рима на Западѣ Европы, много содѣйствовало усиленію его значенія въ томъ смыслѣ, котораго не могли имѣть стремленія восточныхъ патріарховъ, іерусалимскаго, антїохійскаго, александрійскаго и константинопольскаго. Уже то обстоятельство давало ему особую силу, что на Западѣ онъ былъ однимъ изъ прямыхъ преемниковъ апостоловъ. Начала свѣтскаго, правительственнаго значенія римскихъ епископовъ были положены еще при римскихъ и византійскихъ императорахъ. Особенно важно было то, что послѣ паденія Зап. римской имперіи, когда представителемъ императорскаго достоинства остался одинъ византійскій императоръ, жившій на Востокѣ, римскій епископъ остался на Западѣ какъ бы первымъ представителемъ авторитета императорской власти. Византійскіе императоры усилили его значеніе. При владычествѣ въ Италіи арианъ Остготовъ, онъ былъ первымъ хранителемъ православія. Послѣ разрушенія Вестготскаго царства, императоръ Юстиніанъ своею *Sanctio pragmatica pro petitione Vigili antiquioris Romae episcopi* еще болѣе поднялъ значеніе римскаго первосвященника: въ этой конституціи Юстиніана можно видѣть уже начало свѣтскаго могущества папъ. Въмѣстѣ съ византійскимъ цамѣстникомъ, патриціемъ, впослѣдствіи носившимъ названіе экзарха, папа явился представителемъ имперіи въ борьбѣ съ варварами. Его авторитетъ усилился еще болѣе, когда императорскій намѣстникъ пересталъ жить въ Римѣ и перенесъ свою резиденцію въ Равенну. Въ Римѣ папа остался высшимъ авторитетомъ, освободясь отъ зависимости и соперничества со стороны намѣстника. Обращеніе Лагобардовъ къ православію и уклоненіе византійскихъ императоровъ въ ересь иконоборства, не измѣнили положенія дѣлъ, не заставили папъ примириться съ

выми и искать въ нихъ опоры въ борьбѣ съ послѣдними за православіе. Дѣло въ томъ, что сближеніе съ Лангобардами подорвало бы въ самомъ началѣ зараждающееся могущество римскихъ первосвященниковъ, римскій папа долженъ бы былъ обратиться въ простаго епископа. Въ эту эпоху даже его церковный авторитетъ далеко еще не былъ упроченъ. Только въ новообращенныхъ Англіи и Германіи, гдѣ христіанство распространено было его миссіонерами, его церковный авторитетъ опирался на прочное основаніе. Не говоря уже объ Ирландіи, во Франціи, Испаніи, въ самой Италіи онъ еще не имѣлъ большой силы и встрѣчалъ сильное сопротивленіе въ стремленіяхъ высшаго духовенства сохранить свою независимость. Поэтому-то борьба папъ съ Лангобардами продолжалась съ прежнимъ ожесточеніемъ и послѣ обращенія ихъ въ православіе.

Папы, конечно, искали себѣ защитниковъ и покровителей, но такихъ, которые не стояли бы слишкомъ близко къ нимъ, не стѣсняли бы своею властью свободы ихъ дѣйствій, не подавляли бы ихъ зараждающейся свѣтской власти въ римской области. И вотъ Григорій III заискиваетъ расположенія Мартела; Захарій—Пипина Малаго. Когда король Лангобардовъ, Айстульфъ, преемникъ Лиутпранда, овладѣлъ Равенскимъ экзархатомъ (752 г.) и грозилъ самому Риму, папа Стефанъ II, обратясь сначала за помощью въ Константинополь и не получивъ ее, явился самъ во Францію, прося защиты у Пипина. Напрасно Айстульфъ хотѣлъ отвратить этотъ грозный для него союзъ, напрасно онъ отправилъ во Францію брата Пипина, монаха Карломана. Карломанъ не былъ допущенъ къ Пипину; его заключили въ монастырь во Франціи, гдѣ онъ и умеръ; его дѣти были также пострижены въ монахи. Была обѣщана помощь папѣ, который остался зимовать во Франціи, чтобы возвратиться въ Италію вмѣстѣ съ франкскимъ ополченіемъ. 28 іюля 754 г. онъ торжественно повторилъ вѣнчаніе Пипина на царство;

помазалъ вмрѣ его и двоихъ его сыновей, Карла (12 л.) и Карломана (3 л.); благословилъ вождей Франковъ съ угрозой предать ихъ церковному проклятію, если когда-нибудь они изберутъ короля не изъ рода Пипина; наконецъ, провозгласилъ Пипина *римскимъ патриціемъ*, т. е. перенесъ на него верховное право надъ Римомъ, принадлежавшее восточному императору. Осенью Пипинъ съ Франками двинулся въ Италію. Айстульфъ былъ разбитъ и согласился на всѣ условія мира. Онъ заплатилъ королю Франковъ 30 т. солидовъ, обязался ежегодно платить по 5 т. и передать папѣ города экзархата. Пипинъ поручилъ своимъ посламъ проводить Стефана II въ Римъ и съ торжествомъ возвратился во Францію. Айстульфъ однако не исполнилъ условій договора относительно папы. Онъ не только не отдалъ ему городовъ экзархата, но напалъ съ ожесточеніемъ на самую Римскую область, опустошая ее огнемъ и мечемъ и грозя истребить всѣхъ Римлянъ. Стефанъ II умолялъ о помощи. Чтобы еще болѣе побудить Пипина къ немедленному дѣйствію, онъ отправилъ къ нему письмо, написанное ни болѣе, ни менѣе, какъ самимъ ап. Петромъ. Апостолъ умолялъ Франковъ о помощи и общалъ имъ свое содѣйствіе такъ, какъ бы онъ былъ еще въ живыхъ. Впечатлѣніе было произведено, и франкское ополченіе устремилось въ Италію черезъ Мон-Сени. Съ другой стороны, племянникъ Пипина, молодой герцогъ Баваріи, Тассилонъ, двинулся въ Италію черезъ ретійскіе проходы. Айстульфъ не могъ противиться и считалъ себя счастливымъ, что могъ купить миръ немедленнымъ очищеніемъ экзархата и выдачей Пипину трети своихъ сокровищъ. Пипинъ передалъ экзархатъ папѣ, не смотря на протестъ пословъ византійскаго императора. Торжественнымъ актомъ передалъ Пипинъ ап. Петру и его преемникамъ 22 города экзархата, въ томъ числѣ Равенну, первый городъ Италіи послѣ Рима, резиденцію большей

части римских императоровъ послѣдняго времени Зап. римской имперіи. Этимъ знаменитымъ актомъ полагалось прочное основаніе свѣтской власти римскихъ первосвященниковъ. Они стали съ этихъ поръ свѣтскими государями. Верховная власть патриціевъ, т. е. французскихъ королей, не могла много стѣснять ихъ.

Пипинъ возвратился во Францію, устроивъ дѣла Италіи, въ которой уже не бывалъ болѣе. Его занимали другія вѣшнія и внутреннія дѣла. Не говоря о постоянной борьбѣ съ Саксами, которые давали обѣщанія покорности и дани и тотчасъ же нарушали ихъ, Пипину принадлежить окончательное покореніе послѣднихъ областей въ ю. Франціи, еще находившихся во власти Арабовъ; подчиненіе готской Септиманіи съ главнымъ ея центромъ Нарбонной и Аквитаніи, послѣ упорной борьбы съ Вайфромъ; отнятіе у арморикскихъ Бриттовъ захваченныхъ ими городовъ, и др. подвиги. Замѣчательны также дѣла, которыя распоряженія короля Пипина относительно внутренняго устройства и управленія. На первомъ планѣ стоятъ опять его мѣры относительно церкви и духовенства. Рядъ капитулярій доказываетъ его стремленіе улучшить права духовенства, такъ сильно павшіе въ предшествовавшую эпоху, возвратитъ церкви ея прежнее значеніе. Вѣнчаніе короля съ согласія папы, помазаніе его св. мѣромъ, измѣненіе его значенія, все это не могло не отразиться въ его отношеніяхъ къ духовенству. Король могъ теперь принимать болѣе дѣятельное, болѣе авторитетное участіе въ церковныхъ дѣлахъ. Съ другой стороны, тѣсная, близкая связь между алтаремъ и трономъ не осталась безъ вліянія на измѣненіе государственной постановки духовенства. Духовенство въ системѣ государственнаго управленія заняло мѣсто рядомъ съ германскимъ элементомъ. Представители галлоримскаго населенія, особенно городовъ, епископы, стали рядомъ съ герцогами, графами, большими земельными

собственниками. Постановленіе церковныхъ каноновъ относительно браковъ, разводовъ и т. под. приобрѣли силу государственныхъ законовъ. Германскій бракъ долженъ былъ, наконецъ, уступить мѣсто браку христіанскому, церковному. Со времени Пипина Малаго начинается и сильное развитіе системы бенефицій и клятвъ въ вѣрности, т. е. собственно вассальныхъ отношеній. Полученіе бенефицій чаще и чаще стало соединяться съ вассальною присягой. Такимъ образомъ, полагалось начало феодальной системы.

Пипинъ Малый умеръ въ С.-Дени 24 сент. 768 г. Передъ смертію онъ раздѣлилъ королевство между двумя своими сыновьями, Карломъ и Карломаномъ, вмѣстѣ съ нимъ вѣнчанными папою. Но раздѣленіе, произведенное Пипиномъ, не имѣло ничего общаго съ раздѣленіями меровингскаго періода. Онъ раздѣлилъ свое государство не на Австразію и Нейстрію, а совершенно иначе. Карломанъ получилъ Бургундію, Провансъ, Готію (Септиманію), Эльзасъ и землю Аллемановъ; Карлъ большую часть Австразіи и Нейстріи; Аквитанія была раздѣлена между обоими братьями. По смерти Пипина, оба короля поспѣшили въ свои владѣнія. Старшій, Карлъ, лѣтъ 26, былъ посвященъ епископами и лейдами въ Нойонѣ; Карломанъ лѣтъ 18-ти принялъ королевскій вѣнецъ въ Суассонѣ.

Первымъ дѣломъ Карла, которому исторія дала имя Великаго, котораго Французы никогда не называютъ иначе, какъ Charlemagne, было созваніе собора, по всей вѣроятности въ Руанѣ (въ мартѣ 769 г.), гдѣ были возобновлены постановленія перваго германскаго собора, бывшаго въ 712 году подъ предѣлательствомъ Бонифація, противъ безпорядочной жизни духовенства. Затѣмъ слѣдовалъ мальбергъ, на который Карлъ пригласилъ Карломана для принятія общаго рѣшенія противъ новыхъ волненій, обнаружившихся въ Аквитаніи. Тамъ, послѣ гибели Вайффа, старый Гунольдъ, 24 года бывшій

уже въ монастырѣ, покинулъ монашество и явился мстителемъ за свой родъ. Рѣшено было дѣйствовать общими силами, и оба брата двинулись въ Аквитанію. Карломашъ, впрочемъ, скоро разсорился съ Карломъ и воротился во Францію. Карлъ долженъ былъ вести войну одинъ. Борьба была впрочемъ непродолжительна. Гунольдъ не могъ сопротивляться и бѣжалъ въ Васконію. Карлъ потребовалъ выдачи его у герцога Васконіи, Лупа. Лупъ выдалъ Гунольда и призналъ себя вассаломъ Карла. Аквитанія была теперь прочно закрѣплена за каролингской династіей. Но ссора между братьями грозила обратиться въ междоусобную войну; только вмѣшательство и посредничество ихъ матери, Бертрады, помирило ихъ. Бертрада думала примирить также и вражду папъ и Франковъ съ Лангобардами. Она отправилась сама въ Италію и заключила двойной родственныи союзъ съ Дезидеріемъ, лангобардскимъ королемъ. Карлъ долженъ былъ жениться на Дезидератѣ, дочери Дезидерія. Этотъ союзъ сильно встревожилъ папу. Стефанъ III написалъ страстное посланіе къ Карлу, въ которомъ заклиналъ его не вступать въ родство «съ коварнымъ, ужаснымъ и вонючимъ племенемъ Лангобардовъ, которое не можетъ даже считаться народомъ, которое проклято Богомъ и внесло въ міръ проказу». Страхъ за свои свѣтскія владѣнія заставлялъ папу забывать, что Лангобарды были давно уже не только христіанами, но и православными. Папа напоминалъ Карлу, что отецъ его далъ обѣтъ считать враговъ св. Петра своими собственными врагами. Посланіе папы не произвело на этотъ разъ дѣйствія; Карлъ В., по совѣту матери, развелся съ своею супругой и женился на Дезидератѣ. Союзъ продолжался впрочемъ не долго. Дезидерата не имѣла дѣтей и скоро опротивѣла Карлу. Онъ развелся и съ нею, отправивъ ее къ отцу, и женился на Гильдегардѣ, дочери швабскаго вождя. Между тѣмъ въ 751 г. умеръ Карломанъ, оставивъ двухъ

малолѣтнихъ дѣтей. Вдова его, Герберга, вмѣстѣ съ дѣтьми и съ нѣкоторыми лейдами, вѣроятно, бывшими подстрекателями ссоры Карломана съ Карломъ, бѣжали въ Италію къ Дезидерію, жестоко оскорбленному отсылкой къ нему дочери.

Карлъ Великій слѣдовалъ государемъ всей Франціи, и съ этого времени начинается его многообразная, неутомимая дѣятельность, уже ничѣмъ и никѣмъ не стѣсняемая. Здѣсь всего умѣстнѣе познакомиться съ его личностью и характеромъ. Въ сужденіяхъ о немъ повѣйшихъ историковъ мы встрѣчаемъ разнорѣчіе, и здѣсь всего лучше привести то, что сказалъ Гизо вообще о великихъ людяхъ, говоря объ историческомъ значеніи Карла В. «Въ дѣятельности каждаго великаго человѣка есть двѣ стороны. Онъ понимаетъ лучше, чѣмъ кто-либо, дѣйствительныя, настоящія потребности своего времени. Онъ умѣетъ лучше, чѣмъ кто-нибудь, овладѣть всѣми общественными силами и направить ихъ къ главной цѣли. Отсюда его могущество и слава; отсюда происходятъ то, что едва онъ появляется, его понимаютъ, его принимаютъ, за нимъ слѣдуютъ; все покоряется и содѣйствуетъ дѣлу, которое онъ дѣлаетъ на пользу всѣхъ. Но на этомъ онъ не останавливается. Удовлетворивъ дѣйствительнымъ и общимъ потребностямъ своего времени, мысль и воля великаго человѣка идутъ далѣе. Онъ бросается изъ міра дѣйствительныхъ фактовъ, отдается своимъ личнымъ видамъ, болѣе или менѣе обширнымъ и опредѣленнымъ замысламъ, которые уже не основываются на положительномъ состояніи, на общихъ инстинктахъ общества. Его замыслы отдаленны и произвольны. Онъ хочетъ безгранично расширить свою дѣятельность, хочетъ владѣть будущимъ точно также, какъ владѣетъ настоящимъ. Здѣсь начинаются эгоизмъ и мечтаніе. Въ продолженіе нѣкотораго времени, по вѣрѣ въ то, что онъ уже совершилъ, слѣдуютъ за великимъ человекомъ въ его новой дѣятельности, подчиняются, такъ

сказать, его фантазіямъ, которыя лъстецы и увлеченные превозносятъ, какъ самыя возвышенныя соображенія. Между тѣмъ общество, которое не можетъ долго оставаться въ правды, скоро замѣчаетъ, что его увлекаютъ туда, куда оно не можетъ идти, что имъ злоупотребляютъ. Одно время великій человѣкъ отдалъ свой высокій разумъ, свою великую волю на служеніе общей вѣсѣ мысли, общаго желанія; теперь онъ хочетъ употребить общественныя силы на служеніе своей личной мысли, своему личному желанію. И вотъ, свачала тревожатся, потомъ утомляются. За нимъ слѣдуютъ нѣсколько времени вяло, противъ желанія, потомъ возстаютъ, жалуются, наконецъ, разлучаются, и великій человѣкъ остается одинъ и падаетъ. И все, что онъ замыслилъ и захотѣлъ одинъ, вся личная и произвольная сторона его дѣла, падаетъ вмѣстѣ съ нимъ.»

Въ этихъ словахъ прекрасно характеризована дѣятельность великихъ людей. Дѣйствительно, самая видная, блестящая сторона дѣятельности Карла В., его громадная имперія, то единство, которое онъ далъ западно-христіанскому міру, разрушились вмѣстѣ съ нимъ и уступили мѣсто явленіямъ прямо противоположнымъ его личнымъ замысламъ. Но осталась другая, менѣе бросающаяся въ глаза, но, быть можетъ, болѣе важная сторона его дѣятельности, и Карлъ В. не даромъ живетъ въ памяти народа, окруженный многочисленнымъ облакомъ. Въ томъ мірѣ, который образовался изъ развалинъ его монархій, какъ противоположность его идеаламъ, личность Карла В. возвышается надъ вѣсми мѣстными, національными воспоминаніями, которыя, казалось бы, должны быть ближе къ сердцу населенія. Въ преданіяхъ, въ литературѣ, въ народныхъ разсказахъ среднихъ вѣковъ вы встрѣчаетесь на каждомъ шагѣ съ Карломъ В., хотя, быть можетъ, этотъ Карлъ В. и не совсѣмъ сходенъ съ Карломъ В. исторіи.

Мы имѣемъ, по счастію, такъ сказать, портретъ историческаго Карла В., написанный человѣкомъ, очень хорошо его знавшимъ и близко къ нему стоявшимъ, именно *Егингардомъ* или *Ейингардомъ*, оставившимъ намъ «Жизнь императора Карла В.» «Карлъ былъ полонъ и плотенъ тѣломъ, пишетъ Егингардъ, высокъ станомъ, хотя его ростъ и не превышалъ настоящей пропорціи, потому что онъ имѣлъ не болѣе 7 футовъ. У него была круглая голова, большіе и живые глаза, немного длинный носъ, хорошіе блондинскіе волосы и смѣющееся, пріятное лицо. Во всей его фигурѣ, стоялъ ли онъ, или сидѣлъ, было величіе и достоинство; и, хотя у него были толстая и короткая шея и выдающійся животъ, онъ былъ такъ пропорціонально сложенъ, что эти недостатки не были замѣтны. Его походка была тверда и вся его наружность была мужественна; но его звонкій голосъ нисколько не соотвѣтствовалъ росту.» Хроника монастыря св. Діонисія прибавляетъ къ этой характеристикѣ разсказы объ огромной силѣ Карла; о страшныхъ ударахъ его меча, имѣвшего особое имя; о блескѣ его глазъ, особенно во время гнѣва, и т. д. Егингардъ разсказываетъ далѣе о простотѣ костюма Карла, только нѣсколько разъ въ жизни согласившагося, и то въ Римѣ, надѣть одежду римскихъ императоровъ; объ его воздержности въ пищѣ и питьѣ; о любви къ чтенію. За объѣдомъ ему обыкновенно что-нибудь читали. Особенно любилъ онъ слушать знаменитое твореніе бл. Августина «О градѣ Господнемъ». Впрочемъ, замѣтимъ здѣсь, что Карлъ не былъ исключительнымъ поклонникомъ римско-христіанскаго образованія. Напротивъ, онъ очень любилъ древнія германскія пѣсни и сказанія, и первый сдѣлалъ попытку собрать ихъ. Егингардъ много говоритъ также объ обычномъ ходѣ занятій Карла; объ его благотворительности и семейной жизни, которая, замѣтимъ мимоходомъ, представляла самую темную сторону въ его жизни, хотя впрочемъ

далеко не напоминала той беспорядочности и безнравственности, которые мы видели в жизни Меровинговъ.

Продолжительное правленіе Карла В. особенно богато войнами. Рѣдкій годъ проходилъ, чтобы онъ самъ не водилъ войскъ или не отправлялъ ихъ подъ начальствомъ кого-нибудь изъ своихъ сыновей. На иные года приходится по нѣскольку войнъ. Съ 769 по 814 г., т. е. въ 45 лѣтъ, Карлъ имѣлъ 53 войны или значительныя военныя экспедиціи. Первый ударъ его, съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался одинъ королемъ Франціи, палъ на Саксовъ. Мы видели, что во все продолженіе меровингскаго періода Саксы находились почти въ безпрестанныхъ войнахъ съ Франками. Они то принуждены были платить незначительную дань, то на долгое время освобождались отъ нея; но въ обоихъ случаяхъ постоянно затѣвали вторженія и нападенія въ области франкскія. Вражда Саксовъ къ Франкамъ получила новый характеръ, когда изъ племенной обратилась въ религіозную. Изъ всѣхъ германскихъ племенъ Саксы были ближе всѣхъ къ Скандинавамъ. Та же религія, что въ Скандинавіи, была и у нихъ, и они гордились тѣмъ, что получили ее отъ самого Одина. Христіанство не могло проникнуть въ глубь Саксоніи и останавливалось на границахъ, не смотря на всѣ усилія миссіонеровъ. Кромѣ того, рѣзкое различіе было въ устройствѣ и образѣ жизни Саксовъ сравнительно съ Франками. У Саксовъ не было королей, не было ни королевской, ни другихъ дружинъ. Они дѣлились на три народа и 12 трибъ. У нихъ не было раздѣла земель. Горь и лугъ синонимы въ сѣверныхъ германскихъ нарѣчіяхъ. Тринарода, на которые дѣлились Саксы, были: на з. Вестфалы по лѣвому берегу Везера, на с. Ангрия или Нордлинды (сѣверный народъ) по обоимъ берегамъ нижней Эльбы, на в. Остфалы между верхнимъ Везеромъ и верхнею Эльбой. Пользуясь слабостью франкскаго государства, раздѣленіемъ и

усобицами, происходившими при Меровингахъ, Вестфалы раздвинули свои владѣнія на з. до самаго нижняго Рейна. Они жили на Исселѣ, Липпѣ, Рорѣ, Зигѣ, отсюда къ с. по Рейну. При впадѣніи Зига въ Рейнъ они выстроили крѣпкій замокъ Зигбергъ (Sighebourg) и отсюда грозили Австразіи и Кельну. Христіанство было совершенно уничтожено въ областяхъ, захваченныхъ ими. Саксы дѣлились еще на три сословія, которыхъ не смѣшивались одно съ другимъ, не заключали браковъ между собой. Эти сословія были: благородные (edhelings или athelings), свободные (freylings или frilingi) и литы или лассы, родъ холоповъ, которые однакоже участвовали въ совѣтахъ и составляли часть націи, пользовавшуюся политическими правами. Каждое племя дѣлилось на трибы или кантоны (gau, gaw), управлявшіеся особыми, избранными вождями. На случай войны избирался общій вождь, герцогъ (herehoghe). Королей никогда не существовало. Саксы особенно беспокоили Австразію въ періодъ времени отъ 760 до 772 г., когда Франки были заняты войной въ Аквитаніи. Австразійцы требовали войны, и Карлъ В., собравъ въ 772 году мальбергъ въ Вормсѣ, двинулся противъ Саксовъ. Онъ шелъ по верхней Липпе, прямо къ главной крѣпости и главному святилищу Саксовъ, Ересбургу или Гересбургу. На высокой горѣ, гдѣ построенъ былъ замокъ, въ вѣковой дубравѣ, стоялъ храмъ, гдѣ находился знаменитый таинственный столбъ или идолъ, Ирменсуль, столбъ Германа или Арминія, какъ толкуютъ нѣкоторые писатели. Дѣйствительно, поле битвы, гдѣ Арминій уничтожилъ легіоны Вара, было недалеко отсюда, и окрестныя мѣстности носятъ названіе, напоминающее это великое событіе исторической жизни Германцевъ. Франки овладѣли Ересбургомъ и три дня употребили на сожженіе храма, идола и священнаго лѣса. Они нашли въ крѣпости много сокровищъ, хранившихся въ храмѣ. Карлъ двинулся потомъ

къ Везеру. Ужась, наведенный на Вестфаловъ паденіемъ Ересбурга и разрушеніемъ Ирменсуля, былъ такъ великъ, что они просили мира, который и былъ данъ имъ на весьма умѣренныхъ условіяхъ. Это было впрочемъ только начало той ожесточенной борьбы, которую Карлъ велъ съ Саксами почти всю свою жизнь. Достаточно сказать, что онъ предпринималъ или лично, или черезъ сыновей своихъ 18 походовъ въ Саксонію.

Чрезвычайно важны были отношенія Карла Великаго къ Италіи. Тамъ шла, иногда скрытая, но не прекращавшаяся, борьба римскихъ епископовъ съ королями Лангобардовъ. Въ это время папы ревностно заботились о сохраненіи и увеличеніи недавно пріобрѣтенной ими свѣтской власти. А лангобардскій престолъ занималъ Дезидерій, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ государей этого народа. Дезидерій сдѣлался королемъ Лангобардовъ, благодаря помощи папы, выговорившаго себѣ за это уступку еще нѣсколькихъ городовъ, не входившихъ въ составъ экзархата, и захватившаго нѣкоторые изъ нихъ еще прежде, чѣмъ Дезидерій успѣлъ прочно утвердиться на престолѣ. Папа настаивалъ на окончательномъ исполненіи договора; Дезидерій, не имѣя возможности возвратить города, уже захваченные папою, удерживалъ въ своихъ рукахъ хотя остальные. Завязалась борьба, продолжавшаяся въ правленіе нѣсколькихъ папъ. Римскій патрицій, франкскій король Пипинъ Короткій, былъ слишкомъ занятъ войной въ Аквитаніи, чтобы принять дѣятельное участіе въ дѣлахъ Италіи. Соперники должны были бороться собственными средствами и мірской власти папъ грозила серьезная опасность, тѣмъ болѣе, что въ самомъ Римѣ уже начинала образовываться лангобардская партія, высказавшаяся въ борьбахъ, происходившихъ при избраніи папъ. Смерть Пипина и раздѣленіе Франціи между двумя его сыновьями усиливали опасность для папы;

а родственный союзъ между франкскими королями и Дезидеріемъ дѣлалъ эту опасность еще болѣе грозною. Но мы видѣли, что, къ счастью для папы, Карлъ вскорѣ поссорился съ своимъ тестемъ. Дезидерій теперь сильно заботился о томъ, чтобы доставить сыновьямъ Карломана отцовское наслѣдство и королевское достоинство. Этими измѣнившимися обстоятельствами воспользовались папы для спасенія своего свѣтскаго владычества.

Адріанъ I, занимавшій тогда папскій престолъ, былъ полнымъ представителемъ римскихъ антилангобардскихъ стремленій. Онъ обратился за помощью къ Карлу, занятому тогда войной съ Саксами. Окончивъ свой походъ, Карлъ въ 773 г. двинулся на защиту папы. Дезидерій, оставивъ Римъ, собралъ свои силы и приготовился защищать альпійскіе проходы, ведущіе въ Италію. Но въ его войскѣ была измѣна, благодаря интригамъ папы; не дождавшись Франковъ, онъ долженъ былъ отступить и заперся въ Павіи. Сынъ его, Адалгизъ, со вдовой Карломана и съ ея дѣтьми, затворился въ Веронѣ, сильнѣйшей крѣпости верхней Италіи. Карлъ осаждалъ Павію цѣлую зиму. Верона, также осажденная Франками, сдалась, и дѣти Карломана попали въ руки Карла. Адалгизъ бѣжалъ въ Грецію. Оставивъ свое войско подъ стѣнами Павіи, Карлъ пришелъ въ Римъ, чтобы встрѣтить тамъ Пасху. Адріанъ I воспользовался впечатлѣніемъ, произведеннымъ на Карла Италіей и Римомъ, и спѣшилъ выговорить подтвержденіе дарственной записи Пипина, уступавшей св. Петру города экзархата. Павія сдалась весной. Дезидерій и его семейство увезены были куда-то на с. Франціи и кончили жизнь въ заключеніи. Почти вся Италія была подъ властью короля Франковъ. Покореніе Лангобардскаго королевства значительно измѣнило и судьбу Италіи, и отношенія римскаго патриція, короля Франковъ, къ папѣ. Окончательное покореніе лангобардской Италіи

совершилось невдругъ. Ожесточенныя войны съ Саксами, Баварами, Аварами и Славянами, да походы въ арабскую Испанію мѣшали Карлу заняться окончательнымъ утвержденіемъ своей власти въ Италіи. Нѣсколько разъ онъ самъ являлся за Альпами, но большею частію на короткое время, чтобы воротиться скорѣе во Францію для борьбы съ другими, болѣе близкими и опасными, врагами. Оттого въ лангобардской Италіи обнаруживались не разъ стремленія и попытки возврата къ національной независимости, поддерживаемыя сыномъ Деиздерія, жившимъ въ Константинополѣ и опиравшимся нѣкоторое время на лангобардское герцогство Беневентъ, еще сохранявшее свою независимость отъ Карла. Но эти попытки не повели ни къ чему. Карлу легко удалось уничтожить ихъ и окончательно утвердить свою власть надъ Италіей.

Отношенія франкскаго короля, какъ патриція, къ папѣ должны были измѣниться; Карлъ сдѣлался королемъ Лангобардовъ. Онъ стоялъ слишкомъ близко и къ Риму, и къ римскому епископу, чтобы между ними могли остаться прежнія отношенія. Правда, на первыхъ порахъ Карлъ подтвердилъ дарственную запись Пипина, но всѣ попытки Адріана I получить новыя области остались безуспѣшны. Напротивъ, власть Карла съ каждымъ годомъ чувствовалась сильнѣе не только вообще въ Италіи, но и въ областяхъ, принадлежавшихъ папѣ. Къ Карлу долженъ былъ обращаться папа въ своихъ спорахъ съ архіепископомъ равенскимъ, стремившимся къ полной независимости отъ римскаго престола въ духовномъ и свѣтскомъ отношеніи. Къ Карлу же долженъ былъ обращаться Адріанъ въ своихъ столкновеніяхъ, какъ съ римскимъ населеніемъ и римскими партіями, такъ и съ франкскими вассалами, старавшимися распространить королевскую власть во всей Италіи. Король Франковъ, бывшій въ то же время и королемъ Италіи, не могъ уже быть римскимъ патриціемъ въ прежнемъ смыслѣ,

т. е. представителемъ и намѣстникомъ восточнаго императора. Это измѣненіе прежнихъ отношеній ясно проявилось въ кровавыхъ сценахъ, вспыхнувшихъ въ Римѣ при преемникѣ Адріана I, Левѣ III. Папа Левъ III былъ захваченъ и изуродованъ противною партіей. Съ трудомъ онъ успѣлъ спастись изъ заключенія, въ которомъ его держали въ Римѣ, и бѣжалъ въ Германію, гдѣ находился тогда Карлъ, ища у него суда и защиты. Онъ возвратился въ Римъ съ уполномоченными Карла, который вскорѣ и самъ явился туда же. Назначенъ былъ судъ. Левъ III торжественною клятвой въ церкви св. Петра очистилъ себя отъ взводимыхъ на него обвиненій и былъ восстановленъ на папскомъ престолѣ. Вслѣдъ затѣмъ произошло и другое торжество въ Римѣ, бывшее какъ бы необходимымъ, естественнымъ слѣдствіемъ перваго. Въ праздникъ Рождества (800 г.) въ церкви св. Петра папа возложилъ на Карла императорскую корону при восторженныхъ кликахъ народа. Король Франковъ и Лангобардовъ сталъ *западнымъ римскимъ императоромъ*.

Возвращаясь къ вѣтшей дѣятельности Карла Великаго.

Едва Карлъ возвратился изъ перваго похода противъ Саксовъ, какъ долженъ былъ снова вести противъ нихъ франкское ополченіе. Послѣ одного изъ слѣдующихъ возстаній Саксы рѣшились принять крещеніе на мальбергѣ въ Падерборнѣ; въ 777 г. Карлъ велѣлъ крестить огромное количество Саксовъ и почти всѣхъ вождей. Только сильнѣйшій изъ нихъ, Видукиндъ, не явился и ушелъ въ Данію къ королю Сигфриду. Крещеніе Саксовъ было впрочемъ также обманчиво, какъ и ихъ покорность. Черезъ два года они сожгли построенныя церкви, избили священниковъ и въ своихъ набѣгахъ опустошили весь берегъ Рейна отъ Дейца до Кобленца. Карлъ вновь два года сряду воевалъ съ ними, опустошилъ ихъ кантоны, построилъ по всей странѣ множество

укрѣпленій и ввелъ на время франкскіе законы. Саксы смирились и даже принимали участіе въ военной экспедиціи, посланной Карломъ противъ Сербовъ. Но въ 782 г. новое возстаніе, руководимое Видукиндомъ; войско Карла, возвращавшееся изъ похода противъ Сербовъ, разбито на голову; церкви опять сожжены. На этотъ разъ мщеніе Карла было ужасно. Онъ быстро явился съ войскомъ въ Саксоніи, принудилъ Видукинда спасаться въ Данію, заставилъ Саксовъ выдать зачинщиковъ, и въ одинъ день приказалъ отрубить головы 4500 изъ нихъ, около Вердюза. Въ слѣдующемъ году новый походъ, новое опустошеніе, и все-таки дѣло этимъ не кончилось. Саксы рѣшились вступить въ открытый бой, два раза схватывались съ Франками, но были разбиты. Два года еще боролся Видукиндъ съ Карломъ. Наконецъ и онъ увидѣлъ невозможность дальнѣйшаго сопротивленія. Въ 785 г. онъ явился къ Карлу на мальбергъ въ Аттиньи и принялъ крещеніе. Всѣ Саксы подъ страхомъ смерти должны были принять крещеніе. Карлъ могъ теперь обратить оружіе и противъ славянскихъ племенъ, жившихъ за Эльбой. Вильцы, Оботриты и на ю. Сербы или покорились, или вступили въ союзъ съ нимъ. Они были нужны Карлу, какъ старые враги Саксовъ и слѣдовательно его естественные союзники. Онъ рѣшился организовать управленіе Саксоніей. Онъ раздѣлилъ ее на графства и основалъ епископства въ Гальберштатѣ, Падерборнѣ, Минденѣ, Верденѣ, Бременѣ, Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ. Самыя западныя области Саксоніи приписаны были къ архіепископствамъ кельнскому и майнцскому. Саксонія была, наконецъ, подавлена и покорена окончательно. Правда, тамъ не разъ были еще возстанія, но уже мѣстныя, и Карлъ могъ возвращать Саксамъ ихъ народное устройство, ихъ законы и обычаи.

На в. отъ Германіи оружіе Карла проникло также далеко. Смиривъ возстаніе баварскаго герцога, Тассилона, онъ

обратился противъ его союзниковъ, Аваровъ, потомковъ Гунновъ. Въ 741 г. онъ самъ водилъ войско противъ аварскаго хана, въ 796 посылалъ сына своего, Пипина. Государство Аваровъ было разрушено почти окончательно. Область средняго Дуная была вполне покорена и христіанство восстановлено. Епископъ Зальцбурга сталъ митрополитомъ этихъ областей. Славянское племя Каринтійцевъ, жившее на склонахъ восточныхъ Альповъ, также признало надъ собою власть Карла. Не менѣе значительны были успѣхи Карла на югѣ, не говоря уже объ Италіи. Власть Франковъ не только была крѣпко утверждена въ южныхъ областяхъ Франціи, гдѣ Карлъ назначилъ уже отъ колыбели своего сына Людвига королемъ Аквитаніи, но распространилась и на часть Испаніи. Въ мусульманскомъ мірѣ въ это время было также распаденіе. Въ халифатѣ была борьба различныхъ претендентовъ. Династія Оммайдовъ была свергнута, и ея послѣдній потомокъ, Абдеррахманъ, бѣжалъ въ Испанію, гдѣ основалъ независимое государство. Но въ самой арабской Испаніи дѣло не обошлось безъ борьбы и столкновений, и правитель Сарагоссы, Солиманъ эль-Араби, обратился къ Карлу съ просьбой принять его подъ свое покровительство. Карлъ посѣвшилъ воспользоваться случаемъ. Въ 778 г. онъ перешелъ Пиренеи и овладѣлъ всею с.-в. Испаніей до самаго Эбро. На возвратномъ пути черезъ Пиренеи, въ знаменитой долинѣ Ронсеваль (между Пампелуной и Saint Jean pied de port), Баски уничтожили его арріергардъ и захватили обозъ. Эта битва, гдѣ погибъ Роландъ, начальникъ бретонской маршіи, слѣлалась любимымъ предметомъ средневѣковыхъ эпосовъ и пѣсенъ. Въ современныхъ источникахъ мы находимъ объ ней единственное указаніе въ короткомъ извѣстіи Эггингарда. Карлъ послѣ сильно отомстилъ Баскамъ и принудилъ ихъ къ покорности. Такимъ образомъ, рядомъ непрерывныхъ войнъ и походовъ Карлъ основалъ громадную имперію, которой

предѣлами были: на с. устья Эльбы, Одера и Вислы; на в. Карпаты и Адриатическое море; на ю. нижняя Италия, Средиземное море, Эбро и Пиренеи; на з. Атлантическій океанъ. Это обширное государство, занимавшее почти все пространство Зап. римской имперіи, невольно вызывало мысль объ имперіи.

Въ 800 году, какъ мы видѣли, Карлъ былъ провозглашенъ западнымъ римскимъ императоромъ. Дѣло имѣло видъ неожиданности, случайности. Карлъ говорилъ, что онъ не пошелъ бы въ церковь, если бы зналъ, что готовить ему папа. Но едва ли этому можно повѣрить. Напротивъ, даже изъ краткихъ, чрезвычайно отрывочныхъ извѣстій современныхъ хронистовъ ясно, что провозглашеніе Карла императоромъ вовсе не было такимъ неожиданнымъ поступкомъ папы, какимъ представляется оно у многихъ историковъ. Припомнимъ все указанное нами, обратимъ вниманіе на обстоятельства, предшествовавшія этому событію, и мы увидимъ, что папа былъ всемъ обязанъ Карлу. Другъ Карла, Алкуинъ, по случаю провозглашенія Карла императоромъ, посылаетъ ему дорогой подарокъ, заранее приготовленный для этого случая. Провозглашеніе Карла было обдумано и рѣшено заранее, и есть вѣроятность въ предположеніи нѣкоторыхъ историковъ, что инициатива въ этомъ дѣлѣ шла не отъ папы, а отъ самого Карла, что дѣло было рѣшено или раньше, или одновременно съ рѣшеніемъ возстановить Льва на папскомъ престолѣ. Притомъ дѣло было такъ естественно, такъ необходимо, что было бы слишкомъ невѣроятно, еслибы мысль объ немъ не была давно уже у всѣхъ разсуждающихъ и практическихъ людей. Въ рукахъ Карла соединились все почти области Зап. римской имперіи и самый Римъ, котораго онъ былъ патриціемъ. Восточный императоръ потерялъ для Запада всякое значеніе, да въ то время его и не было, и управленіе Византійскою имперіей было въ рукахъ женщины, Ирины. Мысль объ имперіи,

никогда не умиралана Западъ; никто не хотѣлъ признать, что ея уже не существовало. Въмѣсто дѣйствительности были извѣстныя фикціи, и германскіе короли, распоряжаясь вполне захваченными ими областями, признавали фиктивную власть восточнаго императора, любили получать отъ него титулы римскихъ консуловъ и патриціевъ и гордились этимъ. Въ лицѣ императора воплощалась теперь идея политическаго единства западно-христіанскаго міра, никогда не умиравшая, искавшая себѣ полного выраженія. Была еще важная сторона въ этомъ возстановленіи императорской власти. Мы видѣли, что муропомазаніемъ Пипина при коронованіи, возложеніемъ на него короны руками патриарха Запада, королевской власти дано было новое, небывалое значеніе. Теперь тотъ же римскій первосвященникъ возлагаетъ корону на Карла; но уже корону императора, которому, по господствовавшему убѣжденію, принадлежитъ власть надъ всемъ міромъ, передъ которымъ должны склониться все короли и вожди, точно также какъ, по другому убѣжденію, которое теперь начинаетъ уже высказываться папами, вся духовная власть сосредоточивается въ лицѣ преемника св. Петра. Такъ начинала слагаться знаменитая средневѣковая теорія двухъ мечей, которымъ должна, по волѣ Господней, покориться вся земля, мірскаго и духовнаго. Самъ Карлъ В. смотрѣлъ на власть императора не совсемъ такъ, какъ смотрѣлъ онъ прежде на власть королевскую. Онъ считалъ себя представителемъ политическаго и духовнаго единства западнаго міра. Папская власть, такъ высоко поднявшаяся потомъ и вступившая въ ожесточенную борьбу съ императорами за господство надъ міромъ, теперь еще не смѣла поднимать голову. Папа, котораго авторитетъ еще не былъ вполне признанъ даже и западнымъ духовенствомъ, который встрѣчалъ часто себѣ сопротивленіе и въ митрополитахъ, и въ мѣстныхъ соборахъ, который въ самомъ

Римъ еще не могъ властвовать произвольно и не всегда бывалъ безопасенъ, папа, защищаемый могучею рукой Карла, не заявлялъ еще передъ нимъ своихъ притязаній, старался только о сохраненіи его расположенія къ себѣ, объ его покровительствѣ. Карлъ В. въ дѣлахъ церкви держалъ свой авторитетъ такъ же высоко, какъ и въ дѣлахъ свѣтскихъ.

Обращаясь къ внутреннему устройству имперіи Карла В., должно замѣтить прежде всего, что тутъ особенно играютъ роль его личные идеалы, личные планы. Не должно впрочемъ думать, чтобы все погибло вмѣстѣ съ нимъ. Напротивъ, осталось чрезвычайно много и именно все то, чѣмъ, преслѣдуя свои личныя цѣли, онъ удовлетворялъ однакоже существеннымъ потребностямъ общества.

Возстановляя римскую имперію, онъ не думалъ возстановить и все ея законодательство. Напротивъ, однимъ изъ первыхъ и важнѣйшихъ его дѣлъ было собраніе, очищеніе и окончательная редакція мѣстныхъ, племенныхъ германскихъ законовъ. Законы салическихъ Франковъ и Аллемановъ были пересмотрѣны и изданы вновь; законы Саксовъ, Фризовъ и Тюринговъ были впервые собраны и записаны. Если Карлъ старался ввести однообразіе, то только тамъ, гдѣ оно было необходимо и возможно. Онъ сдѣлалъ измѣненія и въ административномъ дѣленіи своего государства. Онъ раздѣлялъ слишкомъ обширные *pagi*, соединилъ слишкомъ мелкіе въ графства (*comitatus*, *ministeria*). Во главѣ cadaго графства стоялъ графъ (*comes*), который у Германцевъ соотвѣтствовалъ ихъ старому графу. Графъ имѣлъ подъ своею властью нѣсколькихъ подчиненныхъ ему чиновниковъ, которые на югѣ носили названіе *vicarii* или *viccomes*, а на сѣверѣ *centenarii*, сотники. У графовъ сосредоточивались власти военная, административная и экономическая. Кромѣ того, они имѣли и судебное значеніе. Они созывали, какъ прежде, народное

собраніе и судъ и приводили въ исполненіе ихъ рѣшенія. Сверхъ того, капитулярія 803 года прямо предписываетъ графамъ и ихъ помощникамъ знать законы такъ, чтобы въ ихъ присутствіи судья не могъ судить несправедливо или измѣнить законъ.

Важное измѣненіе въ судебномъ устройствѣ введено было Карломъ учрежденіемъ скабиновъ. Между учеными шли сѣльные споры о томъ, были ли скабины до Карла Великаго. Ихъ имя, встрѣчающееся до него въ нѣкоторыхъ актахъ, которые напрасно хотѣли считать подложными, доказываетъ, что они были прежде, хотя нѣтъ сомнѣнія, что окончательное ихъ установленіе принадлежитъ Карлу. Скабины замѣнили прежнихъ рахимбурговъ, участвовавшихъ въ судѣ вмѣстѣ съ графомъ. Причины установленія скабиновъ хорошо объясняются одною капитуляріей сына Карла, Людовика Благочестиваго (829 г.), гдѣ сказано, что графы, викарии и центенаріи народа часто созывали безъ нужды народныя собранія, чтобы брать въ свою пользу штрафы съ неявившихся: Карлъ Великій запретилъ созывать собранія безъ особой нужды; въ судѣ должны были присутствовать только 7 скабиновъ, и это было большимъ облегченіемъ для свободныхъ, потому что собранія составлялись иногда разъ въ недѣлю, или же разъ въ двѣ недѣли. Но Карлъ не уничтожилъ вовсе этихъ собраній. Въ началѣ своего царствованія онъ требовалъ, чтобы они собирались два раза въ годъ, весною и осенью. Въ 802 г. онъ постановилъ, что викарии и центенаріи не могутъ принуждать народъ сходиться въ народное собраніе больше трехъ разъ въ годъ. Эти собранія созывались не въ каждомъ округѣ особенно; а жители всѣхъ паговъ, принадлежавшихъ къ одному графству, сходились на нихъ, какъ это видно изъ одной капитуляріи внука Карла В., Карла Лысаго (857), предписывающей, чтобы епископы въ своихъ епархіяхъ и графы въ своихъ графствахъ составляли *placita*, на которыхъ непременно должны

были участвовать все чиновники, вассалы и вообще жители епархий или графства.

Карль Великий не ограничился предписанием, узаконением известных учреждений. Он сильно заботился и об исполнении своих постановлений. С этой целью установлены были *missi dominici*. Они посылались Карломъ въ объездъ по государству и до принятія имъ императорской короны; но послѣ этого они сдѣлались постояннымъ и чрезвычайно важнымъ учрежденіемъ. Вся имперія раздѣлена была на округа, носившіе названіе *missaticum*, и ежегодно одинъ или два графа и одинъ или два епископа объѣзжали каждый округъ и, возвратясь, доносили лично Карлу обо всемъ, на что они находили нужнымъ обратить его вниманіе. *Missi dominici* не были постоянными государственными чиновниками. На нихъ возлагалось только временное порученіе. Они были представителями самого императора. Объѣзжая свой округъ, они принимали жалобы на духовныхъ и свѣтскихъ правителей, на графовъ, епископовъ, аббатовъ, и судили ихъ. Они освѣдомлялись о поведеніи и справедливости чиновниковъ; смотрѣли, нѣтъ ли соперничества и вражды между духовными и свѣтскими властями, и точно ли графъ исполняетъ свои обязанности. Въ случаѣ противнаго, они поселялись у виновнаго графа и жили на его счетъ до тѣхъ поръ, пока онъ не удовлетворялъ законнымъ требованіямъ. Они могли выбирать сами скабиновъ и центенаріевъ. Они доносили императору о недостойныхъ графахъ. Если они находили, что тотъ или другой законъ не исполнялся въ известной мѣстности, или же не могъ исполняться, они замѣчали это и также доводили до свѣдѣнія императора. Въ случаѣ нужды они могли сами составлять народное собраніе въ порученной имъ объездѣ области, и эти собранія носили особое имя *placita missorum*. Все свѣтскія и духовныя власти этой области непремѣнно обязаны были

являться на эти собранія. *Missi dominici* были уже учрежденіемъ не областнымъ, мѣстнымъ; въ нихъ выражалось дѣйствіе центральной власти. Исходя отъ императора, совершая свои ежегодные объѣзды по его назначенію и волѣ, они возвращались къ нему же и ему сообщали результаты своего осмотра.

Центромъ всего управленія былъ императоръ, окруженный постояннымъ совѣтомъ и два раза въ годъ созывавшій народное собраніе (*placita generalia* или *generales conventus*). Совѣтъ раздѣлялся на два отдѣленія. Одно занималось дѣлами религиозными и состояло подъ предѣтельствомъ апокрисиарія или императорскаго капелана; другое, подъ предѣтельствомъ *comes palatii*, обсуживало все остальные государственные вопросы и дѣла гражданскія (*contentiones legales*). Народныя собранія бывали, одно осенью, куда являлись *missi dominici* послѣ своихъ объѣздовъ, другое, такъ-называемое майское, лѣтомъ, хотя не всегда въ маѣ, а часто въ іюнѣ, іюлѣ и даже августѣ. Собственно только второе имѣло значеніе народнаго собранія. На первомъ императоръ принималъ дары отъ своихъ подданныхъ, выслушивалъ своихъ *missi* и готовилъ вопросы и мѣры, которые должны были подвергнуться обсужденію на весеннемъ собраніи. Тутъ были только свѣтскія и духовныя лица, участвовавшія въ управленіи или же въ совѣтахъ которыхъ нуждался императоръ, и *missi dominici*. На весеннемъ собраніи, кромѣ родовой и служебной аристократіи, являлся народный элементъ, выражавшійся въ присутствіи лицъ, которымъ Гинкмаръ даетъ названіе «меньшихъ» (*minores*). Характеръ этихъ меньшихъ опредѣлить трудно. Есть мнѣніе, что это были скабины или же значительныя лица городского населенія. Оно основывается на капитуляріи Людовика Благодѣтельнаго 813 г., по которой 12 человекъ изъ cada-го графства должны были являться на собранія, сопровождая

графа. Цѣль призыва меньшихъ, по тому же мнѣнію, состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы черезъ нихъ получить всѣ нужныя свѣдѣнія о той или другой мѣстности и о ея нуждахъ, а также и въ томъ, чтобы они были какъ бы посредниками между собраніемъ и массой населенія, свидѣтелями признанной пользы и необходимости мѣръ, здѣсь принятыхъ. Общихъ народныхъ собраній въ царствованіе Карла В. было 35, и всѣ они собирались на Рейнѣ или въ Германіи. О порядкѣ и ходѣ ихъ мы имѣемъ очень любопытное извѣстіе, оставленное Адалгардомъ, аббатомъ Корвейскаго монастыря. *Адалмардъ* написалъ сочиненіе, подъ заглавіемъ *De ordine palatii*, цѣлью котораго было дать понятіе объ управленіи Карла и особенно о народныхъ собраніяхъ. Оно потеряно, но, къ счастью, Гизмаръ, архіепископъ реймскій, жившій въ концѣ Хвѣка, переписалъ его почти вполнѣ въ своемъ письмѣ или въ инструкціи, составленной имъ по просьбѣ нѣкоторыхъ вельможъ, нуждавшихся въ его совѣтахъ для управленія государствомъ при Карломаннѣ, одномъ изъ сыновей Людовика Косноязычнаго. Изъ описанія Адалгарда видно, что душой, главнымъ двигателемъ всего управленія и всѣхъ государственныхъ мѣръ и постановленій, исходившихъ изъ этихъ народныхъ собраній, былъ Карлъ Великій. Впрочемъ этимъ не отрицается значеніе этихъ собраній. Хотя большая часть предлагаемыхъ мѣръ обсуживалась и готовилась въ частномъ совѣтѣ императора, тѣмъ не менѣе, она получала законную силу только по рѣшенію общаго народнаго собранія въ маѣ.

Послѣ каждаго народнаго собранія издавались капитуляріи, названныя такъ отъ отдѣльныхъ главъ (*capitula*), изъ которыхъ онѣ состояли. Всѣхъ извѣстныхъ намъ капитулярій Карла В. 65. Онѣ были собраны прежде всего Анзегизомъ, аббатомъ Фонтенельскаго монастыря, однимъ изъ совѣтниковъ

Карла, умершимъ въ 833 г. Этотъ сборникъ состоитъ изъ 4 книгъ: въ 1-ой 162 капитуляріи Карла В. относящіяся къ дѣламъ церковнымъ; во 2-ой 48 кап. его сына, Людовика Благочестиваго, о томъ же предметѣ; въ 3-й 91 кап. Карла о дѣлахъ свѣтскихъ; въ 4-й 77 кап. Людовика Благочестиваго о томъ же предметѣ. Сборникъ Анзегиза приобрѣлъ какъ бы законную силу, и Карлъ Лысый въ своихъ капитуляріяхъ ссылается на него. Въ 842 г. майнцскій діаконъ, Бенедиктъ, прибавилъ, по просьбѣ архіепископа Отгара, еще 3 книги, такъ что число всѣхъ капитулярій въ VII книгахъ сборника доходитъ до 1697. Правда, не должно забывать, что Бенедиктъ, подъ именемъ капитулярій, внесъ въ свой сборникъ смѣсь самыхъ разнородныхъ и разновременныхъ постановленій, отрывки изъ римскаго права и *Breviarium*'а Визиготовъ, изъ кодексовъ Θεодосія и Юстиніана, а также массу всякихъ церковныхъ постановленій, между прочимъ и первые отрывки изъ тѣхъ такъ-называемыхъ ложныхъ декреталій, которыми папы оправдывали свои притязанія. Капитуляріи сборниковъ Анзегиза и Бенедикта были издаваемы нѣсколько разъ. Лучшее изданіе, вышедшее въ Парижѣ въ 1677 г. принадлежитъ *Балюзію*. Правда, оно вовсе не критическое, исполнено ошибокъ и промаховъ и представляетъ какъ бы матеріалъ для будущаго изданія; но критическая разработка этого большаго матеріала началась лишь недавно и представляетъ еще большія трудности. Теперь капитуляріи изданы извѣстнымъ *Перцомъ*.

Содержаніе капитулярій самое разнообразное; тутъ перемѣшаны акты всякаго рода, часто совершенно не имѣющіе и не могущіе имѣть силы закона. Въ 21 чтеніи объ исторіи цивилизаціи во Франціи *Гизо* попытался распределить этотъ богатый, но перепутанный матеріалъ по отдѣламъ. Приводимъ его раздѣленіе. 1) Древніе германскіе законы, получившіе новую редакцію (между прочимъ новая редакція Салическаго

Закона). 2) Отрывки из древних германских законов, салического, ломбардского, баварского, издавшие с какою-нибудь особенною цѣлью. 3) Дополненія къ старымъ племеннымъ законамъ, которыя дѣлались, какъ кажется, въ особой формѣ и съ особенною торжественностью. 4) Извлеченія изъ соборныхъ дѣяній и вообще изъ церковнаго законодательства. 5) Новые законы, изъ которыхъ одни составлены въ народныхъ собраніяхъ, другіе исходятъ прямо отъ императора. 6) Инструкции, которыя Карлъ давалъ своимъ *missi* передъ ихъ отправленіемъ въ объѣздъ. 7) Его отвѣты на различные вопросы, которые предлагали ему графы, епископы и *missi*. 8) Вопросы, которые Карлъ предполагалъ сдѣлать графамъ и епископамъ, когда они съѣдутся на народное собраніе. 9) Различные замѣтки для памяти (*memoranda*). 10) Различные судебные приговоры и рѣшенія, занесенные въ сборникъ, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы они могли послужить матеріаломъ или образцомъ для будущихъ рѣшеній. 11) Акты по финансовому управленію, домашнія распоряженія, акты по управленію императорскими помѣстьями. Наконецъ, 12) акты случайные, назначенія, рекомендаціи, рѣшенія различныхъ столкновеній и т. д. Изъ этого видно, какъ ошибочно считать капитуляріи Карла В. за какой-то кодексъ законовъ. Если мы рассмотримъ даже каждую капитулярію порознь, мы увидимъ и въ ней то же разнообразіе, ту же смѣсь, то же механическое сопоставленіе совершенно разнородныхъ правилъ, распоряженій и постановленій. Большое число капитулярій относится къ законодательству политическому. Сюда принадлежатъ все мѣры къ исполненію воли и постановленій императора; назначеніе герцоговъ, графовъ, викаріевъ и т. д.; постановленія касательно суда, администраціи, мѣстныхъ народныхъ собраній, военной службы, и т. д.; распоряженія полицейскія и т. п. Законовъ относительно уголовного

и гражданскаго права очень немного. Больше всего постановленій, относящихся къ церкви, къ ея устройству и управленію.

Карлъ В. обратилъ особенное вниманіе на то, чтобы остановить постоянное паденіе церкви, возвратитъ ее къ прежнему положенію, прекратить своеволие и развратъ духовныхъ лицъ. Одной изъ его первыхъ мѣръ было возстановленіе значенія митрополитовъ, почти уничтожившагося въ меровингскій періодъ. Онъ требовалъ подчиненія имъ епископовъ ихъ провинцій; основалъ митрополіи тамъ, гдѣ ихъ не было; далъ правильное, болѣе стройное церковное раздѣленіе (на 24 митрополіи) областямъ своей обширной имперіи; окончательно подчинилъ епископамъ монастыри и низшее духовенство. Каждый епископъ обязанъ былъ разъ въ годъ по крайней мѣрѣ объѣзжать свою епархію, наблюдая за жизнью чернаго и бѣлаго духовенства. Особенное вниманіе обратилъ Карлъ на улучшеніе нравовъ духовенства, что было очень нелегко. Капитуляріей 769 г. онъ запретилъ епископамъ и священникамъ ношеніе и употребленіе оружія. Впрочемъ эта мѣра, кажется, не имѣла успѣха; духовенство думало, что, отказавшись отъ войны, оно унизитъ свое значеніе, подвергнется притѣсненіямъ со стороны свѣтскаго высшаго общества. Въ народномъ собраніи въ Вормсѣ въ 803 г. само военное слово, вѣроятно по мысли Карла, обратилось къ нему съ слѣдующею просьбой: «Мы просимъ, чтобы епископы отнынѣ были освобождены отъ обязанности ходить на войну. Когда мы идемъ съ вами противъ непріятеля, пусть они остаются въ своихъ епархіяхъ, занимаясь своими святыми обязанностями. Они помогутъ намъ болѣе своими молитвами, чѣмъ мечемъ, воздѣвая руки къ небу, подобно Моисею. Мы не хотимъ позволять имъ идти съ нами и требуемъ того же относительно и другихъ священниковъ. Высказываемъ эту просьбу вовсе не съ намѣреніемъ воспользоваться церковными

имуществами. Заявляемъ, что и сами не хотимъ захватить ихъ, и не позволимъ, чтобы кто-нибудь другой захватилъ ихъ.» Слѣдствіемъ этой просьбы была капитулярія 803 г., которою запрещалось священникамъ быть въ войскѣ, за исключеніемъ тѣхъ только, которые необходимы для совершенія божественной службы и таинствъ. Свѣтское управленіе церковью, мірскія дѣла ея также централизовались посредствомъ *missi dominici*. Иѣкоторыя постановленія Карла особенно интересны потому, что составляютъ совершенную противоположность тѣмъ правиламъ, которыхъ держалась католическая церковь въ позднѣйшую эпоху. «Пусть никто не думаетъ, говоритъ Карлъ въ капитуляріи 794 г., что можно молиться Богу только на 3 языкахъ. Богу поклоняются на всѣхъ языкахъ, и человѣкъ будетъ слышать, если онъ молить о справедливомъ». «Проповѣдь, говоритъ капитулярія 613 г., должна быть всегда понятна простому народу».

Въ капитуляріяхъ мы не найдемъ правильной системы финансового управленія. Эти распоряженія отрывочны, болѣе относятся къ прекращенію злоупотребленій. Государственные доходы не были отдѣлены отъ личныхъ доходовъ императора. И тѣ и другіе сосредоточивались въ казначействѣ въ Ахенѣ. Кажется, не было и особаго главнаго правителя финансовъ, хотя мы и находимъ нѣсколько низшихъ чиновниковъ, состоявшихъ на жалованьи. Государственныхъ расходовъ было мало. Большая часть ихъ шла на содержаніе двора. Изъ общественныхъ повинностей первое мѣсто занимаетъ та, которая падала на епископства и монастыри. Тѣ и другіе должны были помѣщать и содержать императора и его свиту во время ихъ путешествій. Та же повинность падала и на графовъ; но графы собирали потомъ сдѣланныя ими издержки съ населенія въ видѣ особой подати (*de adventu regis*). Другая повинность была *fodrum*, доставка запаса для лошадей во время военныхъ

походовъ; также *parafridi*, доставка лошадей для первоза войскъ или свиты короля и для разѣздовъ *missi dominici* или иностранныхъ пословъ. Главнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ были дань, платимая вассальными владѣтелями и нѣкоторыми племенами, да ежегодные дары, подносимые свободными людьми. При Людовикѣ Благочестивомъ эти дары обратились въ правильную повинность, отъ которой не освобождались и церкви. Важнымъ источникомъ доходовъ были еще конфискаціи, доходы съ королевскихъ имѣній, а также и распоряженіе нѣкоторыми церковными имуществами, противъ чего постоянно протестовала церковь, но не всегда съ успѣхомъ.

Чрезвычайно важны заботы Карла относительно образованія. Мы видѣли, какъ постепенно падало оно, начиная съ V вѣка, пока въ концѣ VII и началѣ VIII почти совершенно не уничтожилось. Школы исчезли. Изъ всѣхъ многочисленныхъ родовъ письменности остались только житія святыхъ, написанныя безъ всякаго искусства и самымъ варварскимъ языкомъ. Карлъ остановилъ это паденіе, и съ его времени начинается возникновеніе образованія. Онъ началъ собирать бібліотеку, доставая отовсюду, изъ Рима, изъ Ирландіи, рукописи. Послѣ третьяго своего похода въ Италію въ 787 г. онъ вывезъ оттуда учителей грамматики и счисленія и дѣятельно принялся за устройство школъ. Въ высшей степени замѣчательно его письмо къ Бангульфѣ, игумену монастыря въ Фульдѣ. Въ немъ заключается между прочимъ слѣдующее: «Многіе монастыри въ послѣдніе годы присылали намъ письма, которыми извѣщали насъ, что братія молятся за насъ во время священной службы и благочестивыхъ молитвъ; мы замѣтили, что въ большей части этихъ писемъ чувства были хороши, но слова грубо необработаны, и если благочестіе хорошо одушевляло ихъ, то нескучный языкъ, которымъ вовсе

не занимались, не могъ безъ ошибокъ его выразить. Мы стали бояться, что, какъ мало здѣсь искусства писать, также мало и пониманія Св. писанія, можетъ быть гораздо меньше чѣмъ бы слѣдовало». Капитуляріей 789 г. предписывается заводить два рода школъ: первоначальныя, для обученія дѣтей грамотѣ и письму, и сравнительно высшія, гдѣ обучались арифметикѣ, грамматикѣ, потному пѣшю. Замѣчательно распоряженіе Теодульфа, епископа орлеанскаго. Онъ предписываетъ сельскимъ священникамъ обучать дѣтей грамотѣ и письму, не требуя за это ничего, хотя и не отказываясь отъ добровольныхъ вознагражденій. Смарагдъ, аббатъ одного монастыря въ епархіи Вердюна, завелъ нѣсколько школъ и самъ преподавалъ въ нихъ грамматику. Отъ него осталась передѣлка грамматики Доната, пользовавшаяся большою извѣстностью въ средніе вѣка. Чрезвычайно важно письмо Лейдрада, бібліотекаря Карла, въслѣдствіи митрополита люцкаго: «Я имѣю школы для пѣвчихъ, пишетъ онъ, и многіе изъ пѣвчихъ уже довольно обучены, чтобы учить другихъ. Кромѣ того, я имѣю школы для обученія чтенію». Многіе монастыри съ этого времени начинаютъ славиться своими школами.

Если Франція доставляла Карлу мало людей, способныхъ помочь ему въ этомъ трудномъ дѣлѣ возстановленія образованія, то онъ искалъ ихъ повсюду и собиралъ около себя ученичѣйшихъ людей всѣхъ земель и племенъ, или покорившихся его власти, или находившихся съ нимъ въ сношеніяхъ. Онъ призвалъ Алкуина изъ Англіи, Лейдрада изъ Норика, Агобарда изъ Испаніи, Гота Теодульфа изъ Италіи. Въ Италіи же нашелъ онъ знаменитаго грамматика Петра пизанскаго, который обучалъ его этому предмету. Самъ Карлъ находилъ время, среди своихъ разнообразныхъ и многочисленныхъ работъ, для ученыхъ занятій. Въ біографіи Егингарда мы находимъ любопытныя подробности въ этомъ отношеніи. Карлъ учился

риторикѣ, діалектикѣ и особенно астрономіи. Въ перепискѣ съ Алкуиномъ мы встрѣчаемъ много вопросовъ, которые предлагалъ онъ этому ученому относительно астрономіи. Егингардъ рассказываетъ, что Карлъ имѣлъ всегда на ночь подъ подушкой таблички и бумагу, чтобы во время безсонницы набить свою руку въ письмѣ. Егингардъ прибавляетъ, что это плохо удавалось ему, потому что онъ слишкомъ поздно началъ учиться письму. Изъ этихъ-то словъ заключили, что Карлъ вовсе не умѣлъ писать; вѣроятно же, что онъ никогда не могъ достигнуть ровности и красоты почерка, который мы видимъ въ манускриптахъ, сохранившихся намъ отъ того времени. Карлъ старался изучить и обработать нѣмецкій языкъ; самъ составилъ первую нѣмецкую грамматику, потомъ передѣланную Отфридомъ, бенедиктинцемъ изъ вейссембургскаго монастыря. Онъ же изобрѣлъ нѣмецкія названія мѣсяцевъ и вѣтровъ. Этого мало. Онъ основалъ при своемъ дворѣ родъ академіи, гдѣ собраны были знаменитѣйшіе ученые и гдѣ участвовалъ онъ самъ. Члены этой академіи носили особыя имена. Карлъ назывался Давидомъ, Алкуинъ Албиномъ, Адальгардъ, аббатъ монастыря Корвійскаго, Пиндаромъ, аббатъ Ангильбертъ Гомеромъ, и т. д. Кромѣ того, была устроена такъ-называемая дворцовая школа, учителемъ которой былъ Алкуинъ, а учениками самъ Карлъ, его сыновья, сестра и дочь. У Гизо помѣщенъ любопытный переводъ обращика преподаванія въ этой школѣ или, лучше сказать, бесѣды, потому что другое имя трудно дать этимъ занятіямъ.

Изъ писателей того времени два особенно заслуживаютъ вниманія, Алкуинъ и Егингардъ. Вызванный изъ Англіи Алкуинъ сдѣлался главнымъ наставникомъ Карла и человекомъ самымъ близкимъ къ нему. Онъ получилъ богатые монастыри, на земляхъ которыхъ жило до 20,000 крѣпостныхъ. Подъ старость онъ удалился отъ двора въ свой монастырь св.

Мартина въ Турѣ, но постоянно находился въ перепискѣ съ Карломъ. Дѣятельность Алкуина чрезвычайно многосторонна, разнообразна. Кромѣ сочиненій, мы имѣемъ отъ него 232 письма (изъ нихъ 30 къ Карлу), которыя представляютъ драгоценный матеріалъ для исторіи того времени. Алкуинъ собиралъ и исправлялъ какъ рукописи древней литературы, такъ и рукописи Св. писанія; основывалъ школы и самъ преподавалъ въ нихъ, къ чему особенно былъ приготовленъ своею преподавательскою дѣятельностью въ Англіи. Сочиненія Алкуина также очень многочисленны. Они состоятъ изъ трудовъ богословскихъ, комментаріевъ на Св. писаніе, догматическихъ трактатовъ и сочиненій относительно литургіи и другихъ церковныхъ службъ, изъ 6 сочиненій философскаго и литературнаго содержанія (между прочимъ о природѣ души), изъ сочиненій историческихъ, куда относятся написанныя имъ 4 житія различныхъ святыхъ, и, наконецъ, изъ 280 поэтическихъ сочиненій, между которыми любопытна только развѣ одна поэма объ епископахъ и святыхъ города Юрка. Алкуинъ для своего времени владѣлъ обширнымъ и глубокимъ образованіемъ и знакомъ былъ не только съ христіанскою литературою, но и съ писателями языческой древности.

Если Алкуинъ пришелъ во Францію изъ Англіи, то Еггингардъ, другой замѣчательный писатель времени Карла В., для насъ несравненно болѣе важный, чѣмъ Алкуинъ, получилъ свое образованіе не только во Франціи, но и при дворѣ самого Карла. Еггингардъ былъ Франкъ по происхожденію, можетъ быть, даже изъ зарейнской Франціи. Карлъ взялъ его къ себѣ еще мальчикомъ. Это былъ человѣкъ очень близкій къ Карлу, и Лауресгеймская лѣтопись представляетъ весьма романическій рассказъ объ его любви къ Эммѣ или Иммѣ, дочери Карла, и о его женитьбѣ на ней. Дѣйствительно, жена Еггингарда называлась Эммой и Еггингардъ страстно любилъ ее;

но на бѣду между дочерями Карла не было ни одной, которая бы носила это имя, хотя мы знаемъ всѣхъ ихъ. Къ тому же поведеніе дочерей Карла, къ сожалѣнію, вовсе не соответствовало поведенію Эммы, какъ представляетъ его Лауресгеймская лѣтопись. Еггингардъ былъ секретаремъ Карла, принималъ участіе во всѣхъ замѣчательныхъ событіяхъ, и умеръ въ монастырѣ. Кромѣ 63 писемъ, отъ него остались два сочиненія: Жизнь Карла Великаго и Лѣтописи. Необыкновенную важность имѣетъ для насъ первое, и одно оно уже служить полнымъ доказательствомъ замѣчательнаго образованія Еггингарда. Единственнымъ историческимъ родомъ предшествовавшаго времени были хроники, болѣе или менѣе сухія и безцвѣтныя. Самое блестящее исключеніе составляетъ сочиненіе Григорія турецкаго; но и оно не больше, какъ хроника, хотя и не похожая на другія. Сочиненіе Еггингарда, напротивъ, есть хорошо обдуманная и хорошо написанная политическая біографія Карла В. Она написана по систематическому плану, отъ котораго не отступаетъ авторъ. Какъ человѣкъ, всегда находившійся при Карлѣ, близко его знавшій, Еггингардъ пользовался всѣми матеріалами, зналъ все, и его біографія является драгоценнѣйшимъ историческимъ источникомъ. Лѣтописи Еггингарда не отличаются отъ другихъ современныхъ хроникъ. Мы не говоримъ здѣсь о другихъ писателяхъ времени Карла В., равно какъ и о тѣхъ замѣчательныхъ людяхъ, которые получили образованіе въ это время, въ особенности подъ руководствомъ Алкуина, но которыхъ дѣятельность относится къ позднѣйшему времени.

Въ заключеніе замѣтимъ, что сохранилось много фактовъ, свидѣтельствующихъ о величій замысловъ Карла В. Сюда относятся многія постройки, между прочимъ соборъ въ Ахенѣ, для украшенія котораго онъ перевезъ дорогія античныя колонны и мраморъ изъ Равенны и Рима; грандіозный планъ

соединенія Сѣвернаго моря съ Чернымъ посредствомъ канала между Рейномъ и Дунаемъ, работа, къ которой онъ уже приступилъ, но которая была слишкомъ громадна для средствъ того времени; заботы о покровительствѣ торговлѣ, ради которыхъ онъ далъ Евреямъ права иностранныхъ купцовъ; попеченія объ устройствѣ путей сообщенія, о монетѣ, о вѣсахъ, и. т. д.

Карлъ Великій умеръ 28 янв. 814 г. въ Ахенѣ, на 72 году жизни, на 46-мъ своего царствованія. Задолго до смерти онъ сдѣлалъ-было распоряженіе о раздѣленіи своего государства между сыновьями по германскому обычаю. Своему старшему сыну онъ назначилъ императорскую корону вмѣстѣ съ родою землей Каролинговъ, Австразіей; двумъ младшимъ королевства съ подчиненіемъ ихъ однакоже авторитету старшаго брата. Но смерть двухъ изъ нихъ, Карла и Пиппина, измѣнила положеніе дѣлъ. Младшему сыну, Людовику Благочестивому, досталась вся имперія. Только сынъ Пиппина, Беригардъ, сохранилъ за собою Италію, которою онъ управлялъ по смерти отца. Беригардъ въ томъ же году посѣтилъ явиться въ Францію, и въ Ахенѣ, въ народномъ собраніи, принесъ Людовику клятву въ вѣрности. Такимъ образомъ, раздѣленіе имперіи, задуманное еще Карломъ В., отстранилось стеченіемъ обстоятельствъ. Но оно было неизбежно и совершилось при Людовикѣ Благочестивомъ.

Энергія, блестящія достоинства, характеризовавшія въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній родъ Каролинговъ и нашедшія себѣ полнѣйшее выраженіе въ лицѣ Карла Великаго, какъ бы исчезли у его потомковъ. Людовикъ Благочестивый менѣе всего былъ похожъ на своего отца, хотя болѣе, чѣмъ когда-нибудь, положеніе дѣлъ требовало и яснаго ума, и твердой воли. Крѣпкій, сильный, какъ бы рожденный для войны, Людовикъ менѣе всего любилъ ее. Его характеръ скорѣе годился

къ жизни монаха, чѣмъ къ той трудной дѣятельности, для которой назначила его судьба. Онъ самъ иногда какъ бы признавалъ въ себѣ неспособность къ практической дѣятельности, склонность къ монашеству. Такъ, послѣ смерти первой жены своей, Ирменгарды, онъ задумывалъ сдѣлаться монахомъ. Онъ былъ строгихъ нравовъ, очень воздерженъ, серьезенъ до того, что улыбка почти никогда не появлялась на его лицѣ. Онъ имѣлъ большую наклонность къ созерцательной жизни, былъ ревностнымъ христіаниномъ и глубоко уважалъ духовенство. Всѣ эти качества сдѣлали бы честь частному человѣку; но на бѣду Людовикъ Благочестивый не имѣлъ ни одного изъ тѣхъ качествъ, которыя были для него необходимы въ его положеніи.

Первымъ дѣломъ Людовика было очищеніе императорскаго дворца въ Ахенѣ отъ множества женщинъ и отъ любовниковъ дочерей Карла Великаго, вѣвшихъ самую безпорядочную жизнь. Нѣкоторые изъ ближайшихъ совѣтниковъ Карла, которыхъ опасался Людовикъ, должны были также удалиться отъ двора и вообще отъ практической дѣятельности. Первое мѣсто между ними занималъ Ваза, внукъ Карла Мартела, пользовавшійся особенною любовью Карла, одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ лицъ, внушавшихъ особенныя опасенія Людовику. Ваза сдѣлался монахомъ монастыря Корвейскаго, гдѣ братъ его, Адалгардъ, былъ аббатомъ. Послѣдній хотѣлъ было остаться при дворѣ, но Людовикъ лишилъ его званія и имущества и отправилъ въ ссылку, также какъ и сестру его. Изъ событій вѣшной дѣятельности царствованія Людовика Благочестиваго не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго. Мы видимъ нѣсколько посольствъ изъ Константинополя во Францію и пересылку дипломатическихъ агентовъ. На востокѣ имперіи было нѣсколько войнъ съ славянскими племенами, жившими въ древней Панноніи, въ нынѣшней Сербіи

и Темешварѣ, которыя хотѣли освободиться отъ той зависимости, которую они должны были признавать при Карлѣ В. Относительно сѣверославянскихъ племенъ, именно Оботритовъ, также было нѣсколько столкновений. Важнѣе были отношенія къ Датчанамъ, которыя повели къ частымъ и опустошительнымъ наѣздамъ Нормановъ въ области самой Франціи. Въ Даніи были раздоры, которыми спѣшилъ воспользоваться Людовикъ Благочестивый. Онъ заключилъ союзъ съ королемъ Геріольдомъ и отправилъ въ Данію Еббона, архіепископа реймскаго. Самъ Геріольдъ, чтобы пріобрѣсти расположеніе Людовика, рѣшился принять христіанство съ своимъ семействомъ и въ 826 г. крестился около Майнца; но черезъ годъ онъ былъ изгнанъ изъ Даніи, и Людовикъ далъ ему земли въ восточной Фрисландіи. На западѣ Людовикъ имѣлъ нѣсколько войнъ съ Бриттами, отказавшими въ повиновеніи по смерти Карла В. и избравшими себѣ короля. Людовику удалось однакоже заставить ихъ снова признать свою зависимость. Въ Испаніи Арабы пытались возвратить области, отнятыя у нихъ Карломъ В. Они овладѣли также Балеарскими островами и Сардиніей, признававшими зависимость отъ Карла. Въ Испаніи впрочемъ не было ничего рѣшительнаго, вслѣдствіе раздоровъ, свирѣпствовавшихъ, какъ между Арабами, такъ и между Франками. Дѣятельность Людовика Благочестиваго относительно законодательства и администраціи также мало представляетъ замѣчательнаго, хотя число дошедшихъ до насъ актовъ общихъ государственныхъ собраний и число церковныхъ соборовъ, или сѣздовъ духовенства, значительно. Эта сторона дѣятельности Людовика представляется незамѣчательною потому, что не представляетъ почти ничего своеобразнаго: это только повтореніе или развитіе въ мелкихъ подробностяхъ мѣръ, уже установленныхъ Карломъ В. Самую значительную часть этой дѣятельности составляетъ собственно церковное

законодательство, что соответствовало религіозному настроенію короля.

Важнѣйшимъ событіемъ царствованія Людовика были раздѣлы имперіи и слѣдовавшія за тѣмъ смуты, ставившія его не разъ въ самое тяжелое и унижительное положеніе. Людовикъ отъ Ирменгарды имѣлъ трехъ сыновей, Лотаря, Пипина и Людовика, и Ирменгарда, имѣвшая на него вліяніе, желала обезпечить каждому изъ сыновей независимое положеніе. Но мысль о раздѣлѣ государства имѣла сильныхъ противниковъ, особенно въ членахъ высшего духовенства, для которыхъ единство имперіи казалось необходимымъ соответствіемъ единству церкви. Замыслы Ирменгарды поэтому встрѣтили сильное сопротивленіе. Случай въ Ахенѣ, когда Людовикъ, проходя со своимъ дворомъ по ветхой, деревянной галлерей, соединявшей дворецъ съ соборомъ, упалъ вмѣстѣ съ нею и едва не убитъ, далъ Ирменгардѣ поводъ настоятельно требовать обезпеченія участи сыновей на случай смерти отца. Въ 817 г. собралось государственное собраніе въ Ахенѣ и тамъ, послѣ трехдневнаго поста, рѣшено было раздѣленіе владѣній между сыновьями Людовика. Въ актѣ, которымъ устанавливалось это раздѣленіе, высказана прямо мысль, что этимъ нисколько не нарушается единство имперіи, скрѣпленное самимъ Богомъ, что самое намѣреніе раздѣлить имперію было бы величайшимъ соблазномъ для церкви и оскорбленіемъ для всемогущества Божія, которыми держатся царства. Этимъ актомъ младшимъ сыновьямъ Людовика, Пипину и Людовику, давались, первому Аквитанія, Васконія, маршія Тулузская и четыре графства въ Септиманіи и Бургундіи; второму Баварія, Каринтія, земли Аваровъ и Чеховъ. И Пипинъ и Людовикъ получили титулъ королей. Всѣ остальные владѣнія съ титуломъ императора доставались старшему сыну, Лотарю. Короли Пипинъ и Людовикъ стояли въ тѣсныхъ отношеніяхъ къ Лотарю. Они должны были ежегодно

являться къ нему съ дарами въ государственное собраніе; безъ его согласія не могли ни жениться, ни начать войны, ни заключить мира: Послѣ ихъ смерти, народы ихъ королевствъ должны были избрать королями ихъ сыновей, такъ что королевства не могли дѣлиться; незаконнорожденные дѣти не имѣли права на наслѣдіе. Если одинъ изъ королей умиреть бездѣтнымъ, его королевство переходитъ къ старшему брату, императору. Совершеннолѣтіе королей установлено по рипуарскому закону, т. е. 15 лѣтъ. Въ этомъ раздѣльномъ актѣ сохраненъ былъ принципъ единства имперіи. Собственно говоря, Пипину и Людовику отдѣлены были только тѣ ея части, которыя постоянно составляли отдѣльныя владѣнія, почти независимыя отъ власти франкскихъ королей, или состоявшія къ нимъ только въ вассальныхъ отношеніяхъ, именно Аквитанія и Баварія. Къ тому же эти земли были слишкомъ незначительны сравнительно съ тою долей, которая доставалась старшему брату, императору Лотарю. Этимъ объясняется, почему духовенство, оплоть единства имперіи, согласилось на раздѣлъ 817 года и такъ крѣпко держалось потомъ за него. Въ составленіи этого знаменитаго акта главное участіе принимали епископы и онъ былъ освященъ согласіемъ папы. Слѣдствіемъ раздѣла было возстаніе Беригарда, незаконнорожденного сына Пипина, брата Людовика Благочестиваго. Оно было тотчасъ же подавлено. Беригардъ долженъ былъ явиться съ повинною къ Людовику и былъ осужденъ; ему выкололи глаза; послѣ этой операціи онъ умеръ. Въ Италію былъ отправленъ въ 820 г. старшій сынъ Людовика, Лотарь, котораго потомъ и вѣнчали въ Римѣ императорскою короною папа Пасхалій. Римляне принесли ему присягу въ вѣрности. Лотаря въ Италію сопровождалъ Вала, горячій защитникъ единства и цѣлости имперіи.

Между тѣмъ умерла Ирменгарда и Людовикъ, хотѣвшій сначала отказаться отъ свѣта и поступить въ монахи, женился

на прекрасной Юдифи, дочери графа Баварскаго, Вельфа. Въ 823 г. Юдифь родила ему сына Карла, прозваннаго потомъ Лысымъ. Это значительно измѣнило положеніе дѣлъ. Юдифь страстно желала доставить своему сыну часть въ отцовскомъ наслѣдіи, обезпечить ему самостоятельное владѣніе. Это сдѣлалось цѣлью ея жизни, къ которой направила она всѣ успія своего тонкаго ума и своей энергіи. Сначала она рассчитывала на содѣйствіе со стороны старшаго сына Людовика Благочестиваго, Лотаря. Лотарь былъ крестнымъ отцомъ Карла; онъ же, подчинившись вліянію и просьбамъ отца и мачихи, далъ обѣщаніе защищать его противъ всѣхъ его непріятелей, какое бы королевство ни назначилъ ему отецъ. Но вскорѣ ближайшіе совѣтники Лотаря объяснили ему, какою опасностью для него самого грозятъ замыслы Юдифи, и онъ всѣми силами старался уклониться отъ исполненія своей клятвы. Юдифь повсюду искала себѣ союзниковъ и друзей. Тѣснѣ всего она сблизилась съ храбрымъ Бернардомъ, герцогомъ Септиманіи, прославившимся геройскою борьбой съ Арабами. Бернардъ былъ вызванъ ко двору; ему было поручено воспитаніе Карла; онъ занялъ первую изъ придворныхъ должностей и сдѣлался всемогущимъ при дворѣ. Враги его и завистники распускали слухи, что онъ былъ въ связи съ Юдифью. Но Юдифь знала только одну страсть, горячую любовь къ сыну, и ею-то объясняется ея близость къ Бернарду. Въ 829 г. на собраніи въ Вормсѣ измѣненъ былъ раздѣлъ имперіи, установленный въ 817 г. Шестилѣтнему Карлу отданы были области, взятыя у другихъ братьевъ, и составлено было особое владѣніе изъ Аллеманіи съ Эльзасомъ, земель Гризоновъ, части Швейцаріи и верхней Бургундіи. Конечно, это должно было вооружить противъ Карла всѣхъ приверженцевъ единства имперіи. Они старались поднять противъ Людовика его сыновей отъ перваго брака, обиженныхъ надѣленіемъ Карла на счетъ ихъ областей.

Въ 830 г. Людовикъ Благочестивый отправился съ войскомъ противъ возставшихъ Бриттовъ. Вала далъ знать тайно Пипину, королю Аквитаніи, что этотъ походъ направленъ собственно противъ него. Составленъ былъ обширный заговоръ. Пипинъ двинулся съ войскомъ къ сѣверу; возстаніе вспыхнуло въ самыхъ войскахъ Людовика Благочестиваго. Сынъ его, Людовикъ баварскій, котораго отецъ подъ стражей держалъ въ Ахенѣ, бѣжалъ оттуда и соединился съ Пипиномъ. Лотарь шелъ имъ на помощь изъ Италіи. Людовикъ Благочестивый былъ оставленъ почти всѣми. Сыновья требовали смерти Бернарда, удаленія Юдифи и возстановленія прежняго положенія дѣлъ. Бернардъ искалъ спасенія въ Барселонѣ, Юдифь удалилась въ монастырь, а Людовикъ Благочестивый отдался въ руки Лотаря, прибывшаго изъ Италіи. Побѣда сыновей на этотъ разъ была непродолжительна. На осеннемъ государственномъ собраніи въ Нимвегенѣ произошло сильное движеніе въ пользу отца и испуганный Лотарь возвратилъ ему власть. Его главные совѣтники были задержаны. Вала былъ отосланъ въ монастырь Корвейскій. На собраніи 831 г. Юдифь снова признана была императрицей. Сдѣланъ былъ новый раздѣлъ, который, ничего не говоря о Лотарѣ, удалившемся въ Италію, увеличилъ владѣнія Пипина и Людовика баварскаго. Къ Аквитаніи было прибавлено все пространство между Луарой и Сеной, часть Нейстріи и Бургундіи; къ Баваріи—Турингія, Саксонія, Фрисландія и значительная часть Австразіи. Увеличена была и часть Карла Лысаго. Сверхъ Аллеманіи, онъ получилъ Провансъ, Септиманію и графства въ Нейстріи, Австразіи и Бургундіи. Дѣлежъ совершился на счетъ Лотаря, сохранившаго за собой одну Италію. Въ этомъ актѣ раздѣла, вѣроятно по мысли Юдифи, была вставлена важная прибавка, которая дѣлала его далеко неокончательнымъ и позволяла измѣненія въ будущемъ. Было сказано, что если

кто-либо изъ поименованныхъ трехъ сыновей будетъ отличаться особенною преданностью и почтительностью къ отцу, то послѣдній можетъ взять изъ части менѣе почтительныхъ сыновей, сколько захочетъ, и отдать почтительному. Это явно клонилось къ будущему еще большому возвышенію Карла на счетъ его братьевъ. Поэтому вскорѣ мы видимъ новое возстаніе Пипина и Людовика баварскаго, быстро однако усмиренное. Людовикъ баварскій раскаялся и получилъ прощеніе. Пипинъ желалъ того же, но былъ схваченъ и заключенъ въ Трирѣ, а Аквитанію отдали Карлу.

Но вскорѣ началось новое возстаніе и на этотъ разъ уже всѣхъ сыновей отъ перваго брака. Пипинъ успѣлъ бѣжать изъ Трира въ Аквитанію, Людовикъ баварскій снова взялся за оружіе, а Лотарь двинулся изъ Италіи, на этотъ разъ сопровождаемый папой Григоріемъ, который хотѣлъ употребить свое посредничество для примиренія враждующихъ. Это было весной 833 г. Людовикъ Благочестивый собралъ ополченіе и выступилъ противъ возмущившихся сыновей. Въ іюнѣ войска сошлись на равнинѣ Ротенфельдъ, близъ Колмара, между Рейномъ и Вогезами. Папа явился въ станъ Людовика Благочестиваго и провелъ тамъ нѣсколько дней, убѣждая къ соглашенію и примиренію. Но пока шли переговоры, измѣна дѣлала свое дѣло: всѣ войска Людовика Благочестиваго перешли въ лагерь его сыновей, и съ этихъ поръ Ротенфельдъ стало называться «Люгенфельдъ», т. е. полею лжи. Людовикъ остался лишь съ Юдифью, Карломъ, нѣсколькими епископами и небольшимъ числомъ вѣрныхъ ему лицъ. Покинутый всѣми, онъ долженъ былъ отдаться въ руки Лотаря. Его тотчасъ разлучили съ Юдифью, которую отправили въ Тортозу, въ Италію, и съ Карломъ Лысымъ, котораго заключили въ монастырь Прюмъ въ Арденнахъ. На бурномъ собраніи Лотарь объявилъ, что Богъ отнялъ у отца его власть, которая отнынѣ

принадлежить ему, какъ императору. Людовикъ Благочестивый, казалось, потерялъ все окончательно. Его заключили въ сообществѣ нѣсколькимъ монаховъ, подъ ближайшимъ надзоромъ епископовъ, ему особенно враждебныхъ, во главѣ которыхъ стояли Еббоцъ реймскій и Агобардъ лѳонскій. Хотѣли воспользоваться церковными средствами, чтобы достигнуть той цѣли, которой цѣльз было достигнуть средствами политическими. Окруженный епископами и монахами, Людовикъ Благочестивый доведенъ былъ до того, что въ Компьенѣ, въ присутствіи епископовъ, вельможъ и народа, принесъ въ церкви покаяніе въ грѣхахъ своихъ по формулѣ, которая сочинена была его врагами, епископами. Онъ снялъ съ себя мечъ и, простертый предъ алтаремъ, надѣлъ грубую одежду кающагося, послѣ чего его снова увели въ темницу. Лотарь боялся, чтобы отецъ какъ-нибудь не освободился и перевелъ его изъ Компьена въ Ахенъ, свою резиденцію.

Униженіе Людовика и гордое своеволие Лотаря, который спѣшилъ пользоваться императорскою властью, вскорѣ однакоже вызвали сочувствіе къ униженному императору. Особенно громко высказывалось оно въ Германіи, и самъ Людовикъ баварскій долженъ былъ уступить ему. При томъ же его и Пипина оскорбляли горделивыя притязанія Лотаря. Слѣдствіемъ этого было то, что два брата соединили свои силы противъ третьяго. Та же измѣна, которая прежде погубила Людовика Благочестиваго, теперь заставила Лотаря поспѣшно бѣжать на берега Роны, оставивъ отца и Карла Лысаго въ аббатствѣ С. Дени. Людовикъ Благочестивый освободился. Епископы, собравшіеся въ С. Дени, сняли съ него церковное запрещеніе. Людовикъ баварскій и Пипинъ примирились съ нимъ. Къ нему же явилась и Юдифъ, успѣвшая уйдти изъ Италіи. Лотарь долженъ былъ удалиться за Альпы. Въ 835 г. собралось торжественное государственное собраніе въ Тюнвилѣ,

и здѣсь были осуждены и наказаны главные враги Людовика Благочестиваго. Два архіепископа, Еббоцъ и Агобардъ, и два епископа были лишены своего званія. Между тѣмъ, Людовикъ Благочестивый становился старъ и Юдифъ тѣмъ ревностиѣ заботилась обезпечить судьбу своего сына, Карла. Она рѣшилась сблизиться съ Лотаремъ, которому, какъ старшему и императору, должна была по праву достаться верховная власть по смерти отца. Сблизенію содѣйствовала и смерть Пипина аквитанскаго. Юдифъ хотѣла отнять у его дѣтей отцовское наслѣдство. Произошло новое раздѣленіе. Людовикъ баварскій принужденъ былъ довольствоваться Баваріей и соседними землями. Все остальное раздѣлено было между Лотаремъ и Карломъ Лысымъ. Этотъ дѣлежъ возбудилъ гнѣвъ Людовика баварскаго и особенно сыновей Пипина аквитанскаго. Послѣдніе вскорѣ были усмирены; но въ походѣ противъ Людовика баварскаго старшій императоръ зацѣмолъ, приказалъ перенести себя на одинъ островъ Рейна, близъ Ингельгейма, и тамъ умеръ 20 іюля 840 г. Съ нимъ псчезъ и призракъ единства имперіи Карла Великаго.

По смерти Людовика Благочестиваго, старшій сынъ его, Лотарь, поспѣшилъ извѣстить, что онъ принялъ императорское достоинство, и былъ признанъ повсюду; но смуты должны были начаться тотчасъ же. Лотарь не могъ, конечно, признать послѣднихъ раздѣловъ, совершившихся преимущественно на его счетъ. Чтобы не вести борьбы разомъ съ обоими братьями, онъ поспѣшилъ успокоить Карла Лысаго, увѣряя его въ своей дружбѣ и прося остановить враждебныя дѣйствія противъ сына Пипина аквитанскаго, Пипина II, котораго владѣнія по послѣднему раздѣлу переходили къ Карлу. Затѣмъ онъ обратилъ оружіе противъ Людовика баварскаго, приготовившагося къ отраженію нападенія. Дѣло впрочемъ на этотъ разъ обошлось безъ битвъ, и между братьями заключено

было перемирие. Тогда Лотарь обратился против Карла, въ союзѣ съ Пипиномъ II. Но и тутъ онъ нашелъ врага приготовленнаго и предложилъ новое раздѣленіе владѣній, которое должно было окончательно установиться на съѣздѣ слѣдующаго года въ Аттішъ. Двоедушіе и коварство Лотаря были слишкомъ извѣстны, и никто не надѣялся на возможность близкаго соглашенія. Дѣйствительно, онъ, вопреки только что заключенному перемирію, кинулся на Людовика, разбилъ его и заставилъ бѣжать въ Баварію. Карлъ Лысый напрасно ждалъ въ Аттішъ назначеннаго съѣзда. Въмѣсто того, чтобы явиться на него, Лотарь заключилъ новый союзъ съ Пипиномъ II, направленный противъ Карла. Последнему ничего не оставалось болѣе, какъ соединиться съ Людовикомъ. Война началась; войска непріятелей сошлись недалеко отъ Оксерра, при деревнѣ Фонтанетъ (нынѣ Fontenailles). Здѣсь 23 іюля 841 г. произошла страшная битва, длившаяся 14 часовъ, въ которой участвовало до 300 т. войска. Число убитыхъ со стороны Лотаря доходило до 40 т. Битва кончилась пораженіемъ его, и въ ней погибли лучшія силы имперіи. Лотарь удалился въ Ахенъ, принялъ Нормановъ въ свою службу и произвелъ возстаніе въ Саксоніи противъ Людовика. Это возстаніе, извѣстное подъ именемъ Stellinga, было возстаніе низшихъ классовъ, остававшихся язычниками, или же только формально, вѣншимъ образомъ принявшихъ христіанство, противъ высшихъ классовъ.

Упорство Лотаря заставило Людовика и Карла тѣснѣе сойтись между собой. Соединившись въ Страсбургѣ, они дали другъ другу торжественную клятву въ сохраненіи союза противъ Лотаря, повторенную и ихъ войсками. Эта клятва замѣчательна еще и въ томъ отношеніи, что Карлъ Лысый произнесъ ее передъ войсками Людовика баварскаго на языкѣ нѣмецкомъ, а Людовикъ баварскій передъ войсками Карла на

ромаанскомъ, т. е. на простонародномъ языкѣ, образовавшемся изъ смѣси латинскаго съ языкомъ древнѣйшаго населенія Галліи. Эти клятвы, записанныя современнымъ лѣтописцемъ, представляютъ одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ новыхъ европейскихъ языковъ. Братья двинулись противъ Лотаря и заставили его удалиться въ Мюнъ. Собранные епископы объявили Лотаря лишеннымъ отцовскаго наслѣдства, и всѣ земли имперіи, за исключеніемъ Италіи, были раздѣлены между Людовикомъ и Карломъ. Но это не было окончательнымъ раздѣломъ. Лотарь еще не былъ вполне обезсиленъ и уничтоженъ; поэтому, когда онъ съ своей стороны предложилъ миръ и раздѣлъ, братья согласились измѣнить прежнее рѣшеніе. Лотарь предлагалъ, чтобы Италія, Баварія и Аквитанія составляли неотъемлемую собственность Лотаря, Людовика и Карла, а всѣ остальные области были раздѣлены на три части между братьями. Переговоры тянулись долго; только въ 843 г. въ Вердунѣ былъ заключенъ окончательно мирный договоръ и раздѣлъ имперіи. Подлинный актъ этого договора не дошелъ до насъ, но мы знаемъ его сущность изъ продолжателя Бертинской лѣтописи. Имперія раздѣлилась на три самостоятельныя, совершенно независимыя другъ отъ друга государства, причемъ Лотарь не имѣлъ ни малѣйшаго преимущества передъ своими братьями. Людовикъ, сверхъ Баваріи, получилъ всю Германію до Рейна и на лѣвомъ берегу этой рѣки Майнцъ, Вормсъ и Шпейеръ. Одна современная хроника объясняетъ уступку этихъ городовъ желаніемъ нѣмецкаго короля имѣть въ своемъ владѣніи виноградники; но была болѣе важная причина къ этому отступленію отъ естественныхъ границъ, именно церковное раздѣленіе. Отъ архіепископа майнцаго зависѣла въ церковномъ отношеніи огромная часть Германіи, до самой Баваріи. Если бы Майнцъ не принадлежалъ къ королевству Людовика, то для германскихъ епископствъ пришлось

бы назначить особаго митрополита въ Германіи. Лотарю, сверхъ Италіи, досталась узкая полоса восточной Франціи, ограниченная съ одной стороны Рейномъ и Альпами, съ другой теченіемъ Соны, Роны и Мозеля. Эта полоса отдѣляла германское королевство Людовика отъ французскаго, доставшагося Карлу Лысому. На первый разъ это присоединеніе къ Италіи узкой полосы, тянувшейся далеко къ сѣверу, можетъ показаться страннымъ и неестественнымъ, тѣмъ болѣе, что если въ королевствѣ Людовика господствовала народность германская, а въ королевствѣ Карла романская, то часть Лотаря и относительно народности своего населенія представляла какую-то странную смѣсь. Объяснить это можно только однимъ соображеніемъ. Лотарь былъ императоромъ, но имперія до сихъ поръ имѣла, такъ сказать, двѣ столицы, Римъ и Ахенъ, любимое мѣстопребываніе Карла на сѣверѣ, главный центръ его владѣній по сю сторону Альпъ, кромѣ того, центръ, такъ сказать, фамильныхъ владѣній Каролинговъ. Лотарю, какъ императору, важно было имѣть въ своемъ владѣніи оба главные центра имперіи, и эти соображенія взяли верхъ надъ всѣми другими. Была опасность, что полоса земли между двумя сильными королевствами, сдѣлается ихъ легкою добычей; но она уменьшалась тѣмъ естественнымъ соперничествомъ, которое было между Германіей и Франціей. Только общая опасность, грозившая равно Людовику Нѣмецкому и Карлу Лысому со стороны Лотаря, могла заставить ихъ соединиться. Теперь, когда этой опасности уже не существовало, собственные интересы должны были заставить французскаго короля защищать часть Лотаря, если бы нѣмецкій король задумалъ овладѣть ею въ свою пользу, и наоборотъ. Притомъ, не смотря на всю невыгоду своего положенія, часть Лотаря во Франціи со всѣхъ сторонъ была прикрыта естественными границами, горами и теченіемъ рѣкъ.

Вердюнскій раздѣльный договоръ окончательно разбилъ громадную имперію Карла на три совершенно самостоятельныя части, разившіяся между собой и по интересамъ, и по народности, и по языку, что именно и было причиною распада имперіи Карла. *Авг. Тьерри* видитъ въ этомъ главнымъ образомъ борьбу различныхъ національностей, искусственнымъ, насильственнымъ образомъ соединенныхъ въ одно громадное цѣлое и стремившихся къ обособленію, къ независимости. *Гизо* объясняетъ это явленіе нѣсколько иначе, именно отсутствіемъ въ племенахъ, соединенныхъ подъ скипетромъ Карла В., стремленія къ объединенію. И то и другое объясненіе едва-ли могутъ выдержать строгую критику. Чтобы говорить о національных стремленіяхъ или объ ихъ отсутствіи у народовъ, нужно прежде всего предположить существованіе этихъ народовъ, какъ извѣстнаго крѣпкаго цѣлаго, и участіе ихъ въ политическихъ судьбахъ государства. Но такія предположенія будутъ произвольны относительно этой эпохи. Народности, которыя потомъ выступили на сцену съ такими характеристическими, рѣзко обозначенными особенностями, тогда еще не сложились. Для нихъ еще только наступало начало обособленія, отдѣленія; они только еще начинали слагаться, сложились окончательно гораздо въ позднѣйшее время. Мы находимъ въ современныхъ свидѣтельствахъ доказательства не постоянного стремленія народностей къ обособленію, а скорѣе противнаго. Галлоримляне, подданные Карла Лысого, приобѣгаютъ къ защитѣ и покровительству Людовика Нѣмецкаго. Самая мысль объ единствѣ имперіи умерла не вдругъ; къ ней возвращались не разъ. Мы должны внимательно замѣчать каждый шагъ къ обособленію народностей; но ставить стремленія къ обособленію главною причиною распада имперіи, это значило бы принимать слѣдствіе за причину. Да если бы въ народахъ имперіи Карла и не было стремленій къ объединенію, то не должно

забывать, что эти народы не принимали прямого участія въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ. На первомъ планѣ, или, лучше сказать, единственными дѣятелями были духовные и свѣтскіе аристократы, и на самыхъ *placita generalia*, на народныхъ собраніяхъ первыхъ Каролинговъ и самого Карла Великаго, народа не видно, дѣйствуютъ одни прелаты и лейды. Лица высшаго сословія этой эпохи не различались еще по народностямъ; они были большею частію одного происхожденія и имѣли одинакіе нравы, одинакія цѣли.

Болѣе основательное мнѣніе о причинахъ раздѣла имперіи Карла принадлежитъ *Вайцу*. Первою причиною онъ ставитъ германскій характеръ королевской власти, которая не могла основать и поддержать государственнаго единства; вторую систему бенефицій и вассальныхъ отношеній, которая ставила государей въ зависимость отъ личныхъ интересовъ и эгоизма вассаловъ. Правительству Карла В., по мнѣнію Вайца, не доставало централизующаго и административнаго принципа Римлянъ. Союзъ цркви государства также только ослаблялъ свѣтскую власть, вмѣсто того, чтобы усиливать, укрѣплять ее. Церковь стремилась поглотить государство и имѣла на это огромныя средства, владѣя значительною частію земель, хотя это и не мѣшало духовенству быть главнымъ хранителемъ и представителемъ римскихъ государственныхъ преданій. Далѣе Вайцъ указываетъ на слишкомъ большую власть государственныхъ чиновниковъ. Ихъ двойной характеръ, какъ земельныхъ собственниковъ и какъ представителей исполнительной власти, дѣлалъ ихъ полными господами въ областяхъ, ввѣренныхъ ихъ управленію. Населеніе зависѣло болѣе отъ нихъ, чѣмъ отъ верховнаго главы государства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно какъ бы и не знало другой власти, кромѣ ближайшей. Юрисдикція принадлежала большимъ земельнымъ собственникамъ, и простой народъ, низшіе классы

были какъ бы подданными ихъ, а не верховной главы государства. Учрежденіе *missid omni*, съ цѣлію ограничить произволъ и самоуправство высшихъ государственныхъ чиновниковъ и земледѣльцевъ, не принялось и не было достаточно. Общія народные собранія были дурно организованы, и ихъ отношенія къ королямъ и императорамъ были смутны, неопредѣленны. Могущественные герцоги и графы не разъ возставали противъ верховной власти и вели открытую борьбу съ нею даже въ томъ случаѣ, когда верховная власть находилась въ однихъ рукахъ, напр. при Людовикѣ Благочестивомъ. Высшія государственныя должности, герцогства, графства стали также наследственными, какъ и земельныя бенефиціи. Уже Карлъ Лысый былъ принужденъ признать, что графское достоинство и графство переходятъ по наследству отъ отца къ сыну. Съ 833 г. феодальная система окончательно утвердилась во Франціи и почти въ то же время въ Ломбардіи, или верхней Италіи, и съ тѣхъ поръ она постепенно развивалась и утверждалась во всѣхъ другихъ областяхъ имперіи Карла В. Наконецъ, Вайцъ не отвергаетъ вполне и антагонизма національностей, бывшаго естественнымъ слѣдствіемъ отдѣленія земель германскихъ отъ галлоримскихъ. Всѣ эти причины могущественно дѣйствовали на ослабленіе и распаденіе государственнаго единства, созданнаго Карломъ В., по бывшаго результатомъ его личной мысли и дѣятельности, а не общаго хода событій. Когда онъ сошелъ со сцены, его личное дѣло погребло вмѣстѣ съ нимъ. Съ Вердунскаго договора начинается отдѣльная исторія трехъ различныхъ государствъ, Франціи, Германіи и Италіи, хотя нѣкоторое время еще видна общая связь между ними, замѣчаются въ нихъ болѣе или менѣе одинаковыя явленія.

Прежде чѣмъ излагать исторію этихъ отдѣльныхъ государствъ, необходимо остановиться на одномъ очень важномъ

явленіи, которое могущественно дѣйствовало на ослабленіе королевской и императорской власти и на усиленіе феодальной системы. Всѣ государства, образовавшіяся изъ имперіи Карла В., подвергались частымъ нападеніямъ вѣдшихъ враговъ: Италія со стороны Сарацинъ, Германія—Славянь и Датчанъ, Франція — Нормановъ. Особенно важны набѣги послѣднихъ. Уже Карлъ В. въ 800 г. видѣлъ нападеніе Нормановъ на Фландрію и берега Франціи. Готфридъ, король Датчанъ, въ 808 г., послѣ неудавшагося нападенія на Саксонію, съ флотомъ напалъ на Фрисландію, далъ 3 сраженія Фризамъ и заставилъ ихъ заплатить 100 фунтовъ стерл. дани. Карлъ посѣтилъ во Фрисландію, но Годфридъ былъ убитъ своими, и флотъ Нормановъ удался. По смерти Готфрида въ Даніи настали междоусобія. Людовикъ Благочестивый вмѣшался въ нихъ и даровалъ крестившемуся королю, Геріольду, графство Рустригенъ въ восточной Фландріи, на лѣвомъ берегу Везера, а потомъ и другія владѣнія; его братьямъ онъ также уступилъ нѣкоторыя земли. Впрочемъ, и послѣ того борьба съ Датчанами продолжалась въ сѣверной Германіи; но главные набѣги Нормановъ были съ моря. Въ 830 г. они вторгаются въ Фрисландію и утверждаютъ на островѣ Noirmontier, около устья Луары; въ 841 входятъ въ Сену, въ 844 въ Гаронну. Первые нападенія Нормановъ были направлены главнымъ образомъ противъ областей Фрисландіи, отданныхъ императоромъ во владѣніе Геріольду и его братьямъ, заклятымъ врагамъ сыновей Годфрида. Норманы опустошаютъ Утрехтъ, Антверпенъ, входятъ въ Луару, берутъ приступомъ Нантъ, борятся съ герцогомъ Гаскони и распространяютъ свои набѣги до Тарбса и Тулузы, которые были взяты ими и разграблены. Та же участь постигла Перигоръ и Бордо. Но самыя важныя событія были на Сѣвѣ. Въ 841 г. Норманы взяли и разграбили Руанъ; въ 845 г. 120 норвежскихъ

кораблей, съ Рагнаромъ и Лодбромомъ во главѣ, поднялись по Сѣвѣ до Парижа и ограбили его. Даже Норманы Геріольда и Рорика, которымъ уступлена была часть Фрисландіи, пользовались смутами имперіи и грабили ее. Въ 851 г. они взяли монастырь С. Бавонъ; а по смерти Геріольда, братъ его, Рорикъ, вступилъ въ Луару, разграбилъ Наптъ, Анжеръ, и послалъ отрядъ къ Туру. Въ слѣдующемъ году новый набѣгъ Годфрида на Сену. Карлъ Лысый и Лотарь соединяютъ свои силы, но ничего не могутъ сдѣлать противъ Нормановъ, которые остаются здѣсь, опустошая Бретань, Анжу, Мэнъ, Пуату и Туренъ. Въ то же время Норманы скандинавскіе не оставляютъ въ покоѣ и областей, уступленныхъ ихъ соотечественникамъ. Они грабятъ Утрехтъ и провинціи Голландіи и оттуда снова переносятъ свои грабежи на берега Сены и Луары.

Вліяніе этихъ набѣдовъ Нормановъ было велико. Они сильно содѣйствовали развитію феодализма. Низшіе классы населенія, не имѣвшіе средствъ защищаться противъ морскихъ разбойниковъ, естественно должны были искать защиты у земельныхъ владѣльцевъ. Они строили имъ крѣпкіе замки, способные выдержать трудную и продолжительную осаду, жились своими жилищами къ крѣпкимъ стѣнамъ этихъ замковъ, вступали въ зависимыя, подчиненныя отношенія къ ихъ владѣльцамъ. Если вторженія Нормановъ страшно ложились на страну, подрывая въ концѣ благосостояніе сельскаго и городского населенія, зато тогда вырастали сила и могущество земельныхъ владѣльцевъ. Видя безпрестанныя и успѣшныя набѣды Нормановъ, читая безпрестанныя упоминанія въ хроникахъ объ ихъ опустошеніяхъ, можно, пожалуй, придти къ заключенію объ упадкѣ воинственнаго духа во Франціи. Но это было бы крайне ошибочно. Успѣхи Нормановъ въ ихъ набѣдахъ, беззащитное положеніе областей Франціи

прежде всего объясняются безси́лием центральной власти, невозможностью собрать силы для отраженія врага. Каждый земельный владѣлец, какъ бы онъ могущественъ и отваженъ ни былъ, думалъ только о самомъ себѣ. То, что дѣлалось за предѣлами его владѣній, очень мало его интересовало; а грабежи, производимые Норманами въ богатыхъ церквахъ и монастыряхъ, были даже ему пріятны, унижая и раззоряя духовныхъ владѣльцевъ, съ которыми свѣтская аристократія находилась въ постоянномъ соперничествѣ. Еще менѣ могли интересоваться свѣтскихъ владѣльцевъ грабежи, производившіеся Норманами въ городахъ и королевскихъ имѣніяхъ. Короли Франціи, не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточно военныхъ силъ для отраженія Нормановъ, принуждены были откупаться отъ нихъ золотомъ. Карлъ Лысый не разъ прибѣгалъ къ этому средству, и это дѣлалось преимущественно для спасенія церквей и монастырей, богатству которыхъ завидовали свѣтскіе владѣльцы.

Обратимся къ нѣкоторымъ особенно замѣчательнымъ явленіямъ внутренней жизни описываемыхъ государствъ. Послѣ Вердунскаго договора, положившаго начало ихъ независимому другъ отъ друга существованію, нѣкоторое время они находились между собою въ близкой связи. Образованіе отдѣльных, замкнутыхъ національностей еще не совершилось, ему лишь положено было начало. Карлъ Лысый велъ упорную борьбу въ Аквитаніи съ сыновьями Пипина, Пипиномъ II и Карломаномъ, успѣлъ плѣвить ихъ и заключить въ монастыри. Но въ 853 г. Аквитаны, въ которыхъ постоянно живо было враждебное чувство къ властителямъ изъ сѣверной Франціи, призвали къ себѣ сына Людовика Нѣмецкаго, котораго впрочемъ скоро оставили, когда ихъ прежнимъ вождямъ удалось бѣжать изъ заключенія. Карлу Лысому снова приходилось оружіемъ покорять Аквитанію.

Правда, Аквитаны въ 853 г. признали-было своимъ королемъ сына его, Карла, но скоро оставили его, обратившись за помощью опять къ Людовику Нѣмецкому. Только послѣ 7-лѣтней войны Карлу Лысому удалось окончательно раздѣлаться съ Пипиномъ II. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ 865 г. и вскорѣ умеръ въ заключеніи. Аквитанія признала власть Карла Лысаго, хотя управленіе короля Франціи было почти номинальнымъ. На югѣ отъ Луары царствовала анархія, и если кто пользовался въ ней сколько-нибудь дѣйствительнымъ авторитетомъ, такъ это графы Тулузы. Карлу Лысому приходилось имѣть частыя ссоры съ своими собственными сыновьями, переходившія въ открытыя возстанія. Изъ нихъ укажемъ въ особенности на дѣло съ Карломаномъ, его младшимъ сыномъ. Отношенія между сыновьями Людовика Благочестиваго то были враждебны, то отличались попытками придти къ соглашенію. Трое королей-братьевъ не разъ сѣзжались между собой. Первый ихъ сѣздъ, послѣ Вердунскаго раздѣла, былъ въ 844 г. около Тьонвиля; за нимъ послѣдовало еще два сѣзда въ Мерзенѣ въ 847 и въ 851 гг. и одинъ въ Кобленцѣ въ 860 г. Кромѣ того, Лотарь и Карлъ сѣзжались въ 848 г. въ Кобленцѣ, въ 849 въ Пероннѣ, въ 853 въ Льежѣ. Но эти сѣзды не мѣшали безпрестаннымъ столкновеніямъ. Мы сейчасъ видѣли, что два раза Аквитаны призывали къ себѣ Людовика Нѣмецкаго противъ Карла Лысаго. Въ 858 г. къ нему же обратились и Нейстріицы, сѣверные подданные Карла Лысаго, и онъ явился къ нимъ и нѣкоторое время управлялъ Нейстріей. Власть его была впрочемъ непродолжительна; въ янв. или февр. 859 г. онъ оставилъ владѣнія Карла Лысаго и удалился въ Германію. Епископы королевства Карла Лысаго позвали его на судъ церкви, на соборъ въ Мецѣ, и, когда онъ не явился, къ нему, по рѣшенію Карла и Лотаря, отправлена была депутація духовныхъ лицъ,

во главѣ которой стоялъ извѣстный Гинкмаръ, архіепископъ Реймса. Людовикъ Нѣмецкій принялъ эту депутацію въ Вормсѣ и долженъ былъ выслушать жесткіе упреки отъ имени французской церкви, высказанные ему Гинкмаромъ. На сѣздѣ всѣхъ троихъ братьевъ въ Кобленцѣ въ 860 г. улажено было это столкновение.

Источникомъ для изученія законодательства и администраціи времени сыновей Людовика Благочестиваго служатъ прежде всего капиулярии. Онѣ довольно многочисленны. Точное изданіе ихъ также принадлежитъ въ послѣднее время *Перцу*. Относительно капиулярій замѣчательно, во 1-хъ, то обстоятельство, что, начиная съ 843 г., почти всѣ онѣ принадлежатъ королевству Карла Лысаго, т. е. Франціи. Тщательные розыски нѣмецкихъ ученыхъ не привели къ открытію большаго числа капиулярій, относящихся къ Германіи или Италіи. Всѣхъ актовъ императора Лотаря не болѣе трехъ: два акта синодовъ въ Ахенѣ въ янв. и февр. 880 г., относящіеся къ процессу и осужденію Тейтберги, жены Лотаря II, сына императора, и актъ собора 865 г., относящійся къ оправданію этой принцессы. Еще меньше капиулярій Людовика Нѣмецкаго. Мы знаемъ всего одну въ 25 главахъ, изданную государственнымъ собраніемъ или, скорѣе, соборомъ духовенства въ Майнцѣ въ 851 г. Кромѣ того, есть нѣсколько актовъ, издавшихъ или всѣми троими братьями вмѣстѣ, или двумя изъ нихъ, именно постановленія сѣздовъ королей. Капиулярии Карла Лысаго довольно рѣзко отличаются отъ капиулярій Карла В. и Людовика Благочестиваго. Въ послѣднихъ на первомъ планѣ законодательство относительно нравовъ, уголовнаго и гражданскаго права, религіозное и католическое. Число актовъ собственно политическихъ или вызванныхъ случайными обстоятельствами сравнительно очень незначительно. Это очень важный признакъ. На первомъ планѣ стоятъ общія распоряженія,

общіе законы для всего государства, а не акты, касающіеся собственно правительства, такъ сказать, его личныхъ, временныхъ интересовъ. А если на главномъ мѣстѣ стоятъ интересы общества, государства, а не личности правителя, не мѣры для обезпеченія его безопасности и спокойствія, то, стало-быть, центральная власть сильна и сознаетъ свое общественное значеніе. Подтвержденіемъ этого мнѣнія служатъ новая исторія. Мы видимъ, что въ ней во время сильныхъ переворотовъ, подрывавшихъ правительственную власть, напримѣръ, во время французской и англійской революцій, на первомъ планѣ стоятъ не общія законодательныя мѣры, а частныя распоряженія болѣе или менѣе случайно вызванныя потребностью минуты. Этимъ же характеромъ отличаются и капиулярии Карла Лысаго. Весьма немногія изъ нихъ имѣютъ въ виду не тотъ или другой частный, мѣстный случай, а общій государственный интересъ. Большее число капиулярій относится къ дѣламъ церковнымъ, но и эти носятъ тотъ же характеръ.

Относительно церковныхъ дѣлъ мы должны остановиться на одномъ важномъ явленіи, имѣвшемъ громадное значеніе для всей послѣдующей средневѣковой исторіи. Въ это время появился такъ-называемый кодексъ Лжеисидоровыхъ декреталій. По правиламъ Сардійскаго собора 347 г. предоставлялось римскому первосвященнику рѣшеніе извѣстныхъ дѣлъ (*causae majores*). Это правило пришло въ забвеніе, не исполнялось, но не было отмѣнено. Были давно уже попытки собрать различныя каноническія постановленія въ одинъ кодексъ, который могъ бы служить надежнымъ руководствомъ для духовенства. Таковъ былъ сборникъ церковныхъ постановленій, составленный въ концѣ V вѣка Діонисіемъ Малымъ; таковъ былъ въ послѣдствіи знаменитый *Codex Hadrianus*, въ основу котораго легло собраніе Діонисія Малаго,

дополненное позднѣйшими соборными постановленіями. Последній былъ данъ въ 774 г. папою Адріаномъ Карлу Великому, который, кажется, принялъ его на собраніи въ Ахенѣ въ 789 г., какъ законодательный кодексъ по церковнымъ дѣламъ имперіи. Наконецъ, появился сборникъ, которому дано было названіе Лжеисидоровыхъ декреталій. На немъ основывались въ теченіе многихъ вѣковъ притязанія церкви и въ особенности римскаго первосвященника. Около трехъ послѣднихъ столѣтій посвящено было критической разработкѣ, объясненіямъ, спорамъ по поводу этого кодекса, а теперь уже нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что огромное число постановленій, въ него вошедшихъ, чисто подложно. Въ этомъ должны признаться и самые горячіе приверженцы римской церкви.

Сборникъ церковныхъ постановленій, дѣйствительно, былъ составленъ Исидоромъ, епископомъ севильскимъ, въ половинѣ VII вѣка и былъ дополняемъ впоследствии. Изъ Испаніи онъ проникъ и во Франкскую имперію въ IX в., но былъ впо слѣдствіи совершенно вытѣсненъ изъ употребленія ложнымъ кодексомъ, явившимся подъ его именемъ, такъ что до насъ дошло очень немного списковъ настоящаго Исидорова кодекса. Католическое духовенство до послѣдняго времени старалось истреблять его, защищая подложный кодексъ противъ настоящаго. Такъ, когда бельгійскій ученый, консерваторъ брюссельской бібліотеки, Савтандеръ, собралъ, въ теченіе всей своей жизни, списки подлиннаго Исидорова кодекса, они безслѣдно пропали послѣ его смерти, и есть основаніе думать, что духовенство убѣдило вдову ученаго отдать въ его руки рукописи. Испанское правительство наконецъ издало въ 1808 и 1821 г. подлинный кодексъ Исидора, и въ 1853 г. профессоръ богословія въ Вюрцбургѣ сдѣлалъ общедоступное изданіе этого важнаго памятника въ 130-мъ томѣ «*Cursus patrologicus*» аббата Миля. Въ Лжеисидоровомъ сборникѣ

мы находимъ 61 декреталію, приписываемыхъ римскимъ епископамъ, начиная съ Климента I, втораго преемника ап. Петра, до папы Мельхиседека, т. е. съ 77 до 314 г., и 35 ложныхъ постановленій позднѣйшаго времени. Кромѣ того, и акты подлинныхъ соборовъ въ этомъ кодексѣ содержатъ въ себѣ подѣльныя, ложныя мѣста. Къ I вѣку часто относятся такіе постановленія, которыя сдѣланы были только два или три столѣтія спустя.

Вопросъ о томъ, гдѣ и кѣмъ составленъ Лжеисидоровскій кодексъ, занималъ огромное число, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ изслѣдователей. Знаменитѣйшіе юристы (Эйхгорнъ, Филиппъ, Вальтеръ, Рихтеръ), историки (Люденъ, Гфрёреръ) и богословы (Мелеръ, Тейнеръ, Гёфеле) много трудились надъ разъясненіемъ его. Одно изъ послѣднихъ сочиненій о современномъ состояніи этого вопроса принадлежитъ Waitzsaecker'у, помѣстившему свой трудъ въ 1860 г. въ историческомъ журналѣ Зибеля. Достоверно извѣстно изъ всѣхъ изслѣдованій, что этотъ сборникъ былъ составленъ не въ Римѣ, гдѣ до 865 г. онъ не былъ даже извѣстенъ; что, вѣроятно, его первая редакція относится къ 840—850 гг., а окончательная къ 845—853 гг. Авторомъ его подозрѣвали діакона Бенедикта, того самаго, который составилъ продолженіе сборника капитулярій, начатаго Ансегизомъ; а мѣстомъ составленія считали Майнцъ. Къ этому мнѣнію склонялся Гизо, его держится и Анри Мартенъ. Такъ какъ Бенедиктъ въ предисловіи къ своему собранію капитулярій говоритъ, что онъ пользовался архивами, открытыми ему архіеп. майнцскимъ, Отгаромъ, то естественно предположеніе, что Отгаръ же, столь скомпрометированный въ 833 г., былъ и виновникомъ плана составленія сборника ложныхъ декреталій. Противъ этого мнѣнія возсталъ Филиппъ, который думаетъ, что мѣстомъ составленія фальшивыхъ декреталій былъ не Майнцъ,

а митрополія Реймса. Это мѣняе раздѣляетъ и Вайцзекеръ. Оба считаютъ авторомъ Ротада, еп. Суассона. *Гфрѣ-перг* къ Ротаду присоединяетъ Вепилона, архіеп. Санса. Можно думать, что ложныя декреталіи сочинены въ интересѣ епископовъ, осужденныхъ въ 835 г., особенно въ интересѣ Еббона, митрополита Реймса, лишенаго тогда каеодры, возстановленнаго на ней въ 840 г. и снова отказавшагося. Цѣль декреталій — доказать, что только папа можетъ низводить епископовъ, а не сами епископы по приказу короля. Сверхъ папской власти, ложныя декреталіи стараются увеличить значеніе митрополитовъ Реймса и Майнца. Еббонъ реймскій и Отгаръ майнцскій могли быть въ заговорѣ съ авторомъ ложныхъ декреталій. Въ первый разъ фальшивыя декреталіи заявлены были официально на государственномъ собраніи въ Керси въ 857 г. Папы впоследствии очень много пользовались ими для оправданія своихъ притязаній, и оттого нѣкоторые думаютъ, что онѣ были главнымъ средствомъ возвышенія папскаго авторитета. Другіе совершенно отвергають это значеніе декреталій. Дѣйствительно, притязанія папской власти начались нѣсколькими вѣками ранѣе, и Римъ нѣкоторое время и не подозрѣвалъ ихъ существованія. Ложныя декреталіи сфабрикованы были не въ Римѣ и не по его мысли. Но нельзя отрицать, что онѣ много содѣйствовали успѣху папскихъ притязаній и если не были причиной этого успѣха, то сильно ускорили окончательное торжество папства.

Важный памятникъ царствованія Карла Лысаго представляетъ также керсійская капитулярія, изданная въ іюлѣ 877 г. Карлъ Лысый въ это время готовился къ походу въ Италію. Отправляясь въ трудную экспедицію, онъ хотѣлъ обезпечить положеніе государства и назначилъ своимъ наслѣдникомъ сына своего, Людовика Коспозычнаго. Капитулярія, изданная на собраніи духовныхъ и свѣтскихъ владѣльцевъ

въ Керси, состоитъ изъ 33 артикуловъ и чрезвычайно замѣчательна во многихъ отношеніяхъ, между прочимъ въ томъ, что въ ней находятся слѣды совершенно первобытныхъ франкскихъ нравовъ и обычаевъ. Самый способъ ея редакціи довольно любопытенъ. 9 артикуловъ состоятъ изъ предложений, сдѣланныхъ королемъ духовнымъ и свѣтскимъ лейдамъ, и изъ отвѣтовъ послѣднихъ; 24 артикула идутъ прямо отъ короля. Остановимся только на одномъ, главномъ пунктѣ этой капитуляріи. Она утверждаетъ наслѣдственную передачу государственныхъ должностей (собственно графствъ), которая, если существовала на дѣлѣ прежде, то теперь впервые получила законное признаніе, юридическое освященіе. Это постановленіе, находящееся въ 9-мъ артикулѣ капитуляріи, выражено не довольно опредѣленно и подало поводъ къ разнымъ толкованіямъ и объясненіямъ. Нѣкоторые писатели не хотѣли даже видѣть здѣсь признанія наслѣдственности должностей. Керсійская капитулярія относится главнымъ образомъ къ будущему походу Карла Лысаго въ Италію и къ государственнымъ дѣламъ во время его отсутствія. 9-й артикулъ посвященъ вопросу, какъ поступать, если въ отсутствіе Карла Лысаго умретъ кто-нибудь изъ графовъ. Если тутъ и есть нѣкоторая неопредѣленность въ выраженіяхъ, то ея уже совсемъ нѣтъ въ другомъ документѣ, который въ сборникахъ обыкновенно слѣдуетъ за самою капитуляріей. Этотъ документъ есть какъ бы сокращеніе керсійской капитуляріи, изложеніе ея главнѣйшаго содержанія. 33 артикула капитуляріи изложены здѣсь всего въ 4. Вѣроятно, это извлеченіе сдѣлано было для самого Карла Лысаго. 9-й артикулъ капитуляріи вошелъ весь въ 3-й пунктъ сокращенія, и здѣсь уже дѣло изложено вполне ясно. Вотъ весь этотъ артикулъ: «Если умретъ (въ наше отсутствіе) графъ этого государства, котораго сынъ будетъ съ нами, тогда нашъ сынъ, вмѣстѣ съ

нашими вѣрными, избереть между друзьями и людьми, болѣе близкими къ графу, нѣсколько лицъ, которыя, вмѣстѣ съ чиповниками графства и съ епископомъ, въ епархіи котораго находится графство, управляютъ графствомъ до тѣхъ поръ, пока мы будемъ извѣщены объ этомъ, чтобы мы могли передать покойнаго графа сыну, находящемуся съ нами, званіе его отца *). Если умершій графъ имѣетъ сына еще малолѣтняго, пусть этотъ сынъ, вмѣстѣ съ чиповниками графства и съ епископомъ, въ епархіи котораго находится графство, управляетъ графствомъ до тѣхъ поръ, пока мы получимъ извѣстіе о смерти графа, и, по нашему разрѣшенію, почести покойнаго переданы будутъ его сыну». Послѣ этого опредѣленнаго изложенія нѣтъ уже возможности сомнѣваться въ значеніи керсійской капитуляріи. Ею было дано феодализму закононое основаніе, на которомъ онъ существовалъ 10 вѣковъ. Самоуправство, фактическая независимость владѣльцевъ и государственныхъ чиновниковъ встрѣчались на каждомъ шагѣ задолго до керсійской капитуляріи. Успѣхи норманскихъ вторженій только и могутъ объясниться самоуправствомъ вассаловъ и безсиліемъ центральной власти, не имѣвшей средствъ принудить ихъ къ повиновенію. Долголѣтняя борьба Карла Лысаго въ Аквитаніи съ Пипиномъ, призывы Людовика Нѣмецкаго и его сыновей владѣльцами Аквитаніи и Нейстрин, постоянная борьба съ вассалами Карла Лысаго, борьба далеко не всегда успѣшная, все это показываетъ, до какой степени фактической независимости и самостоятельности дошли уже вассалы. Но, повторяемъ, до 877 г. эта независимость была только фактомъ; съ этихъ же поръ она стала правомъ.

Разсмотримъ теперь отношенія между сыновьями Людовика Благочестиваго послѣ Вердунскаго договора, измѣнившего

*) *Ut filium illius, qui nobiscum erit, de honoribus illius honoremus. Baluzii, T. II. p. 270.*

прежній порядокъ вещей. Мы видѣли, что мысль о солидарности интересовъ между частями имперіи Карла В. еще не вполне умерла, что доказываютъ сѣзды братьевъ-королей. Должно однакоже сказать, что на первомъ планѣ для каждаго были личныя, эгоистическіе и корыстные расчеты; каждый старался увеличить свои владѣнія насчетъ другихъ, каждый пользовался всякимъ представлявшимся къ тому случаемъ. Подобно Людовику Нѣмецкому, помогавшему Аквитаніи и Нейстрин противъ Карла Лысаго, поступали и остальные братья, и болѣе всѣхъ Карлъ Лысый, не могшій утвердить и сохранить своей власти въ предѣлахъ собственнаго королевства, по жадно стремившійся къ расширенію своихъ владѣній. Императоръ Лотарь отказался отъ престола въ 855 г. и, раздѣливъ свои владѣнія между тремя своими сыновьями, поступилъ въ монастырь Прюмъ въ Арденнахъ и вскорѣ тамъ умеръ. Старшій сынъ его, Людовикъ II, бывшій уже давно соправителемъ отца, получилъ Италію и императорскую корону; второму, Лотарю, досталась Австразія, съ тѣхъ поръ получившая названіе «Королевства Лотаря» (*Lotharii regnum*, по нѣмецки *Lothar rike* или *Lotharingia*); младшій, Карлъ, получилъ Провансъ отъ моря до Изеры, герцогство Ліонъ, Цисюранскую Бургундію (*Franche-Comté*), Женеву и др. области. Изъ этихъ трехъ братьевъ послѣдній былъ безсильный, больной, влачившій до 863 г. свое жалкое существованіе подъ управленіемъ сильныхъ владѣльцевъ. Послѣ его смерти, его владѣнія были раздѣлены между двумя его братьями, императоромъ Людовикомъ II и Лотаремъ австразійскимъ. Послѣдній замѣчателенъ только своимъ скандальнымъ процессомъ съ женою, Тейтбергой, рѣшавшимся на нѣсколькихъ соборахъ и вызвавшимъ рѣзкое вмѣшательство римскаго папы. Онъ умеръ въ 869 г. Наслѣдство Лотаря II по всѣмъ правамъ принадлежало его старшему брату, императору Людовику II; но Карлъ

Лысый спѣшилъ воспользоваться обстоятельствами. Въ Лотарингіи никто не хотѣлъ присоединенія къ Италіи; тамъ образовались двѣ партіи, одна тянула къ Франціи, другая къ Германіи. Карлъ Лысый явился на помощь къ первой, и епископъ Меца возложилъ на него королевскую корону. Ему не удалось впрочемъ воспользоваться всею добычей. Онъ получилъ посланіе отъ императора, папы Адріана II и короля нѣмецкаго. Менѣе всего опасенъ былъ императоръ, не смотря на его неоспоримыя права на Лотарингію. Онъ весь поглощенъ былъ тяжелою борьбой съ Сарацинами, утвердившимися въ южной Италіи, именпо въ Беневентѣ и Апуліи. Ему невозможно было поддерживать права свои оружіемъ. Папа написалъ грозное посланіе къ епископамъ и свѣтскимъ владѣльцамъ, угрожая имъ церковнымъ проклятіемъ въ случаѣ измѣны ихъ законному государю, т. е. императору. Но и посланіе папы не было страшно для Карла Лысого. Гораздо опаснѣе было требованіе Людовика Нѣмецкаго немедленно очистить Лотарингію: этотъ король готовился оружіемъ подкрѣпить свое требованіе. Карлъ не могъ съ нимъ бороться и согласился на сдѣлку. Лотарингія была раздѣлена между братьями. Людовикъ получилъ все земли между Рейномъ и Маасомъ, Трансюранскую Бургундію и часть Цисюранской; Карлу достались земли между Маасомъ и Шельдой, Туль, Вердюнъ, Безансонъ, герцогства Ліонъ и Вьена. Это совершилось въ 870 г. Папа хотѣлъ было еще поддерживать права императора и писалъ къ Карлу Лысому и къ архіепископу Гвикмару, грозилъ даже самъ пріѣхать во Францію; но рѣзкій отвѣтъ, полученный имъ, заставилъ его успокоиться и оставить это дѣло.

Вскорѣ смерть императора Людовика II, умершаго бездѣтнымъ въ 875 г., дала случай Карлу Лысому къ новымъ захватамъ. Онъ поспѣшилъ въ Италію, куда Людовикъ Нѣмецкій послалъ двухъ сыновей своихъ, прогнавъ одного изъ

нихъ, обманувъ другаго, заставивъ его удалиться изъ Италіи, и получилъ отъ папы императорскую корону, а отъ духовныхъ и свѣтскихъ владѣльцевъ Италіи признаніе королемъ итальянскимъ. Людовикъ Нѣмецкій вторженіемъ во Францію хотѣлъ отмстить вѣроломному брату; но предпріятіе не удалось, и Людовикъ въ 878 г. долженъ былъ удалиться обратно за Рейпъ. Онъ умеръ въ томъ же году. Императорское достоинство и Италія остались за Карломъ, а смерть брата давала ему случай къ новымъ захватамъ. Послѣ Людовика Нѣмецкаго осталось три сына, между которыми онъ передъ смертію раздѣлилъ свои владѣнія. Старшій, Карломанъ, получилъ Баварію съ зависящими отъ нея странами и право на Италію; второй, Людовикъ, германскую Францію и всю с. Германію съ правомъ на Лотарингію; младшій, Карлъ, прозванный Толстымъ, Аллеманію или Швабію. Карлъ Лысый спѣшилъ двинуться съ войскомъ къ Рейну, чтобы захватить, что можно, изъ удѣла втораго сына Людовика Нѣмецкаго и раздвинуть границы своего государства до Рейна. Но на этотъ разъ его попытка кончилась полною неудачей. Людовикъ собралъ силы, бывшія у него подъ руками, вышелъ къ нему навстрѣчу и на голову разбилъ его въ битвѣ при Андернахѣ. Карлъ Лысый долженъ былъ отказаться отъ своихъ плановъ и обратиться къ своему государству, раззоряемому Норманами. Кромѣ того, папа настойчиво призывалъ его въ Италію, гдѣ происки Карломана, старшаго сына Людовика Нѣмецкаго, грозили ему сверженіемъ. Карлъ Лысый купилъ миръ у Нормановъ, провозгласилъ своимъ соправителемъ сына своего, Людовика Косноязычнаго, издалъ въ 877 г. извѣстную намъ капитулярію въ Керсе и отправился въ Италію, куда уже вошелъ Карломанъ съ многочисленнымъ войскомъ изъ Германцевъ и Славянъ. Папа оставилъ Римъ и выѣхалъ навстрѣчу къ Карлу. Послѣдній впрочемъ не рѣшился сразиться съ

Карломаномъ, который также отступилъ, узнавъ о прибытіи въ Италію императора. На возвратномъ пути черезъ Альпы, Карлъ Лысый занемогъ лихорадкой и умеръ на Мон-Сени въ окт. 877 года.

Карлъ Лысый принадлежитъ къ числу очень слабыхъ государей, неспособныхъ управлять государствомъ въ такія трудныя минуты, при такомъ запутанномъ и тяжеломъ положеніи, въ какомъ находилась тогда западная Европа. Единственные интересы, которымъ служилъ онъ постоянно, были интересы эгоистическіе, личные, а не государственныя. Неудержимая страсть къ увеличенію своихъ владѣній, къ захватамъ какими бы то ни было средствами соединялась съ полнымъ неумѣньемъ владѣть и тѣмъ, на что онъ имѣлъ неоспоримое право, съ безспіемъ и малодушіемъ. Но мы не можемъ оставить его, не сказавъ нѣсколько словъ объ одной свѣтлой сторонѣ его царствованія.

Мы видѣли, какія усилія употреблялъ Карлъ Великій, чтобы возродить науку и вообще образованіе въ своемъ государствѣ. При слабости его преемникѣ, Людовикѣ Благочестивомъ, ничего не было сдѣлано для усиленія и распространенія знаній въ западной Европѣ. Карлъ Лысый, при всѣхъ его недостаткахъ, горячо любилъ науку и въ этомъ отношеніи былъ послѣднимъ продолжателемъ стремленій своего великаго дѣда. При немъ мы опять видимъ дворцовую школу, во главѣ которой стоятъ знаменитѣйшіе ученые своего времени и о которой говорили современники, что это не школа во дворцѣ, а дворецъ въ школѣ. По смерти Карла Лысаго, мы не встрѣчаемъ уже болѣе ничего подобнаго, и невѣжество, господствовавшее въ западной Европѣ при послѣднихъ Меровингахъ, снова не на одно столѣтіе простирается надъ всѣмъ Западомъ, такъ что время отъ начала правленія Карла В. до смерти Карла Лысаго является какимъ-то свѣтлымъ, блестящимъ исключеніемъ,

отдѣляющимъ двѣ эпохи самаго темнаго варварства. Мы не можемъ останавливаться на разсмотрѣніи образованія, литературы этого времени; здѣсь не было ничего стройнаго и полнаго, здѣсь, такъ сказать, отрывочные труды, очень замѣчательные, но не связанныя другъ съ другомъ. Но нельзя обойти одного явленія, въ высшей степени замѣчательнаго и не имѣющаго ничего подобнаго ни въ ближайшемъ прошедшемъ, ни въ ближайшемъ будущемъ. Говоримъ о неожиданномъ появленіи богословскихъ трудовъ и споровъ, какихъ давно уже не видала западная Европа. Вопросъ о свободной волѣ челоѣка и о благодати, поднятый еще въ первые вѣка христіанства и съ тѣхъ поръ до нашего времени подъ разными формами волнующій мыслящихъ людей, былъ, повидимому, рѣшенъ знаменитымъ споромъ бл. Августина съ Кельтомъ Пелагіемъ. Дѣло, казалось, было выяснено окончательно и множествомъ полемическихъ сочиненій, и спорами въ Европѣ, Азій и Африкѣ, и постановленіями соборовъ. Дѣйствительно, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій вопросъ не подымался болѣе; но это объясняется не столько его разъясненіемъ, сколько упадкомъ знаній и интересовъ. Какъ скоро въ обществѣ начала снова возбуждаться умственная дѣятельность, какъ скоро челоѣкъ могъ хотя на время оторваться отъ матеріальныхъ заботъ и сколько-нибудь сосредоточить мысль свою на интересахъ духовныхъ, этотъ роковой вопросъ тотчасъ поднялся съ новой силой съ тѣмъ, чтобы при новомъ упадкѣ умственной дѣятельности опять заглухнуть на нѣсколько столѣтій.

Одинъ саксонскій монахъ, Готшалкъ, жилъ въ монастырѣ Фульда, гдѣ настоятелемъ былъ извѣстный Рабанъ, впослѣдствіи архіепископъ Майнцскій. Онъ оставилъ свой монастырь и перешелъ въ другой, въ суассонской епархіи, зависѣвшей отъ митрополіи реймской, управляемой Гинкмаромъ. Около

847 г. онъ отправился въ Римъ и на возвратномъ пути началъ распространять свое ученіе о предопредѣленіи, по которому и добрые и злые, и избранные и осужденные были предопредѣлены къ своей судьбѣ заранее. Въ 848 г. мы видимъ его въ Майнцѣ, гдѣ онъ осужденъ на соборѣ, созванномъ Рабаномъ. Рабанъ отправилъ Готшалка къ Гинкмару въ Реймсъ, потому что онъ былъ изъ монастыря, принадлежащаго къ той епархіи. Въ своемъ письмѣ къ Гинкмару Рабанъ изложилъ осужденное майнцскимъ соборомъ ученіе Готшалка. «Онъ говоритъ, пишетъ онъ, зачѣмъ мнѣ трудиться, служа Богу? Если я предопредѣленъ къ смерти, я ее никогда не избѣгну; если же я предопредѣленъ къ жизни, то, хотя бы я и поступалъ дурно, безъ всякаго сомнѣнія, я все-таки получу вѣчное спасеніе.» Это были крайнія слѣдствія ученія бл. Августина. Гинкмаръ тотчасъ же, въ 849 г. осудилъ Готшалка на соборѣ въ Керси, подвергнувъ его публично тѣлесному наказанію и требовалъ, чтобы онъ отрекся отъ своихъ мнѣній и сжегъ самъ свое сочиненіе. Готшалкъ отказался исполнить это и былъ заключенъ въ темницу въ одномъ монастырѣ, гдѣ его содержали съ крайнею строгостью. Осужденіе Готшалка возбуждало сильное волненіе въ духовенствѣ. Много епископовъ и монаховъ возстало на защиту ученія бл. Августина. Противъ соборовъ въ Майнцѣ и въ Керси возстали соборы духовенства южной Франціи, созванные въ Валенсіи и Лангрѣ. Самъ папа склонился на сторону Готшалка. Гинкмаръ не ожидалъ этого. Онъ не былъ ученымъ богословомъ, и ему трудно было защищать самому свое осужденіе Готшалка. Онъ сначала обратился къ одному священнику въ Мецѣ, который и написалъ потерянное теперь сочиненіе противъ Готшалка. Затѣмъ онъ обратился за помощью къ знаменитѣйшему ученому тогдашней Франціи, Іоанну Скотусу Еригенѣ, управлявшему дворцовой школой Карла Лысаго.

Этотъ ученый, какъ видно изъ его прозванія, былъ уроженецъ кельтской Ирландіи *), гдѣ сохранялось еще знакомство съ греческой литературой и языкомъ, почти совершенно исчезнувшее на западѣ Европы; да, кажется, Скотусъ Еригена и самъ путешествовалъ по Востоку. Во Франціи онъ явился между 840 и 847 г. и сдѣлался руководителемъ дворцовой школы Карла Лысаго. Скотусъ Еригена былъ знатокомъ и приверженцемъ неоплатонической философіи. Онъ приобрѣлъ себѣ громкую извѣстность въ западно-христіанскомъ мірѣ переводомъ съ греческаго языка на латинскій подложнаго сочиненія Діонисія Ареопагита, списокъ котораго присланъ былъ во Францію византійскимъ императоромъ. Діонисій Ареопагитъ, какъ извѣстно изъ Дѣяній Апостольскихъ, былъ обращенъ въ христіанство проповѣдью въ Аоніяхъ Павла. Около половины V в. появилось нѣсколько сочиненій подъ его именемъ, составленныхъ учениками неоплатонической школы, принявшими христіанство и старавшимися согласить свое ученіе съ христіанствомъ, или, лучше сказать, прикрыть христіанствомъ это ученіе. Для запада Европы Діонисій Ареопагитъ имѣлъ особенное значеніе. Святой Діонисій, въ половинѣ III в., былъ, по преданію, апостоломъ Галліи и первымъ епископомъ Парижа. Нѣкоторые монахи смѣшали этого Діонисія съ Ареопагитомъ, и въ 814 г. явилось сочиненіе Гиллуина, учителя Гинкмара, «Ареопагитика», въ которомъ доказывалось, что Діонисій Ареопагитъ просвѣтилъ Галлію христіанствомъ. Переводъ сочиненій Діонисія Ареопагита, въ истинности которыхъ тогда не сомнѣвались, доставилъ Скотусу Еригенѣ возможность распространять убѣжденія неоплатонизма, котораго онъ былъ горячимъ приверженцемъ. Отъ него осталось два сочиненія, о предопредѣленіи, написанное по просьбѣ Гинкмара,

*) *Скоты* — кельтское племя Шотландіи и Ирландіи; *Erin* — Ирландія.

и о раздѣленіи природы. Оба трактата проникнуты духомъ и ученіемъ александрійской школы неоплатониковъ. Въ нихъ повсюду видѣнъ античный пантеизмъ, къ которому, быть можетъ, примѣшиваются нѣкоторые остатки кельтскаго друидизма. Такъ, напримѣръ, онъ вездѣ ставитъ разумъ выше авторитета и преданія. Помяну, какую бурю вызвалъ противъ Гипкмара такой защитникъ. Духовенство Галліи нашло въ сочиненіи Скотуса Еригены тысячу ересей; явились опроверженія, и римскій епископъ, утвердивъ постановленія собора въ Валенсіи, сталъ такимъ образомъ противъ Гипкмара. Дѣло стало затихать только послѣ смерти Готшалка въ 868 или 869 году. Скотусъ Еригена также сошелъ со сцены. Есть извѣстіе, что онъ удался въ Англію, былъ тамъ учителемъ оксфордской школы, гдѣ и зарѣзалъ учениками; но оно принадлежитъ уже XIII в. и смѣшивается, кажется, двухъ ученыхъ. Вѣрнѣе, что Скотусъ Еригена оставался во Франціи и, насколько можно думать, умеръ раньше 877 года.

По смерти Карла Лысаго остался только одинъ изъ сыновей его, болѣзненный и слабый Людовикъ, прозванный средневѣковыми хронистами Косноязычнымъ или Лѣнтяемъ (le Fainéant). Можетъ быть, эти-то свойства и заставили могущественныхъ вассаловъ охотно признать его королемъ. Впрочемъ нѣсколько сильныхъ вассаловъ южной Франціи отвергли его. Партія короля должна была начать войну съ ними. Въ царствованіе Людовика Косноязычнаго папа Іоаннъ VIII явился во Францію (878 г.) за помощью противъ Сарацинъ, опустошавшихъ Италію, и одной мятежной партіи, изгнавшей его изъ Рима. Папа, разумѣется, не могъ найти существенной поддержки во Франціи, управляемой такимъ королемъ. Все дѣло ограничилось тѣмъ, что соборъ, созванный въ Труа подъ председательствомъ папы, проклялъ итальянскихъ мятежниковъ, а папа предалъ отлученію отъ церкви вассаловъ, не

признавшихъ короля Людовика. Людовикъ Косноязычный умеръ въ 879 г. 33 лѣтъ отъ роду. Онъ оставилъ двухъ сыновей, Людовика и Карломана. Между ними была раздѣлена Франція. Людовику досталась Нейстрія, Карломану Бургундія и Аквитанія. Тотчасъ обнаружилась ясные признаки безсилія королевской власти, симптомы разложенія. Король Германіи бросился въ предѣлы Франціи, наследники Людовика Косноязычнаго должны были уступить ему часть Лотарингіи, бывшую подъ властью короля Франціи. Герцогъ Бозонъ, сестра котораго была женой Карла Лысаго, а дочь женой его внука, Карломана, задумалъ сдѣлаться независимымъ королемъ. До сихъ поръ онъ былъ вѣрнымъ защитникомъ королевской власти во Франціи. Хронисты объясняютъ это желаніе тѣмъ, что Бозонъ былъ женатъ на Ирменгардѣ, дочери императора Людовика. Ирменгарда, гордая своимъ происхожденіемъ, бывшая невѣста восточнаго императора, тяготилась своимъ зависящимъ положеніемъ, говорила безпрестанно мужу, что она не хочетъ жить иначе, какъ супругой короля. Но и безъ настоянній властолюбивой Ирменгарды, слабость королевской власти, анархія, царствовавшая въ южной Франціи невольно внушали мысль каждому изъ сильныхъ вассаловъ о провозглашеніи своей полной независимости. Бозону легко было привести въ исполненіе свой замыселъ. Въ окт. 879 г. 6 архіепископовъ и 17 епископовъ ю. Франціи вмѣстѣ съ свѣтскими вассалами собрались въ Mantaille, между Вьеной и Валенсіей, и, объявивъ, что народъ не имѣетъ защитника послѣ смерти короля, избрали и посвятили королемъ Бозона. Короли Франціи и Германіи соединили-было свои силы противъ вассала, дерзнувшаго надѣтъ на себя королевскую корону, но встрѣтили упорное сопротивленіе въ населеніи южной Франціи. Притомъ союзъ между потомками Людовика Благочестиваго былъ очень некрѣпокъ. Не только король Аллеманіи,

Карль Толстый, скоро оставилъ войну противъ Бозона, но и Людовикъ, король Нейстріи, долженъ былъ тоже удалиться въ свое государство, опустошаемое Норманами.

Анархія постоянно увеличивалась въ областяхъ имперіи Карла Великаго; между тѣмъ его потомство какъ бы вымирало. Изъ дѣтей Людовика Нѣмецкаго вскорѣ остался одинъ только Карль Толстый. Старшій братъ его, Карломанъ, король Баваріи и потомъ Италіи, умеръ еще прежде; другой братъ, Людовикъ, король Германіи, умеръ въ 882 г. Области Германіи со всѣхъ сторонъ были опустошаемы сосѣдними племенами. Норманы разграбили всю Австразію, сожгли Мاستрихтъ, Тонгръ, Кельнъ, Боннъ, Юлихъ, овладѣли даже столицей Карла В., Ахеномъ, и поставили своихъ лошадей въ его соборѣ, въ часовнѣ Карла В. Не лучше шли дѣла и въ потомствѣ другого сына Людовика Благочестиваго, Карла Лысаго. Людовикъ нейстріи́скій умеръ въ 882 г., черезъ два года послѣдовалъ за нимъ и Карломанъ, соединявшій въ своихъ рукахъ номинальную власть надъ всею Франціей. Изъ всего потомства Карла Лысаго оставался только пятилѣтній ребенокъ, Карль Простой, родившійся отъ второй супруги Людовика Косноязычнаго, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его смерти. Если двое молодыхъ сыновей Людовика Косноязычнаго, умершіе такъ рано, могутъ вызывать симпатію историка, то всеѣмъ другое чувство вызываетъ единственный законный потомокъ Карла В., бывшій въ зрѣломъ возрастѣ, Карль Толстый, одинъ изъ самыхъ бездарныхъ и малодушныхъ государей. Эта ничтожная личность соединяла въ своихъ рукахъ всю имперію Карла В. Конечно, это соединеніе было чисто номинальное. Мы уже видѣли, что Бозонъ былъ провозглашенъ королемъ Прованса, къ которому примкнули графства Лионское, Вьенское, Макопское и Шалонское (впослѣдствіи Франшъ-Конте и Савойя) да два епископства на западномъ

берегу Роны. Въ то же время въ Аквитаніи, еще не успѣвшей образовать также независимаго королевства, власть законныхъ потомковъ Карла В. признавалась не больше, чѣмъ въ Провансѣ. Здѣсь сильнѣйшіе владѣльцы были совершенно самостоятельны, играли роль государей, а не вассаловъ. Изъ этихъ независимыхъ владѣній, укажемъ на слѣдующія. 1) Герцогство Васконія, между Гаронной, Пиренеями и моремъ. Здѣсь первымъ наслѣдственнымъ герцогомъ былъ Санхо Митарра, владѣвшій съ 870 г., его потомки одинъ за другимъ, безъ перерыва владѣли до 1070 г. 2) Испанская мархія, совершенно отдѣлившаяся отъ имперіи Каролинговъ со времени Гифреда Мохпатаго, бывшаго сеньоромъ Барцелоны до 888 г. 3) Септиманія или готская мархія, гдѣ владѣли независимые другъ отъ друга и отъ Каролинговъ графы и виконты Нарбонны, Каркассона, Нима и Безье. 4) Сеньорія Тулуза, гдѣ теперь графъ Ейдонъ владѣлъ, кромѣ Тулузы, Руергомъ и др. областями. 5) Графство Овернь, и нѣкоторыя другія, куда не проникала даже и номинальная власть Каролинговъ.

Когда, послѣ смерти молодыхъ сыновей Людовика Косноязычнаго, изъ всего законнаго потомства Карла В. осталось въ живыхъ только два Карла, Простой и Толстый, то Франція признала своимъ королемъ послѣдняго, потому что ждала отъ него защиты отъ опустошительныхъ вторженій Нормановъ, проникавшихъ все далѣе и далѣе въ глубь страны въ ежегодныхъ наѣздахъ. Въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ Норманы три раза безпрепятственно грабили самый Парижъ. Въ ноябрѣ 825 г. ихъ флотъ изъ 700 большихъ расписанныхъ морскихъ лодокъ снова явился передъ Парижемъ; но на этотъ разъ ихъ встрѣтило упорное и славное сопротивленіе Парижанъ, совершенно неожиданное для хищниковъ. Въ Парижѣ было трое главныхъ владѣльцевъ Нейстріи: Гугонъ Аббатъ,

маркизь анжуйскій; Гоцлинъ, недавно избранный парижемъ епископомъ; наконецъ, самый знаменитый изъ трехъ, Одопъ или Ейдъ, графъ парижскій. Одопъ былъ сынъ Роберта Сильнаго, котораго историкъ Рихеръ называетъ сыномъ Саксонца Витихина, а другіе источники потомкомъ Гильдебранда, брата Карла Мартела. Робертъ Сильный былъ назначенъ герцогомъ въ 861 г., а Одонъ наследовалъ ему въ 866-мъ. Норманы напали Парижъ укрѣпленнымъ. Въ то время этотъ городъ занималъ только островъ на Сенѣ (теперь île de la Cité), гдѣ былъ соборъ; на сѣверныхъ и южныхъ берегахъ Сены были предместья. Онъ соединялся съ обоими берегами Сены двумя мостами. Норманы требовали свободнаго пропуска вверхъ по Сенѣ, общая пощадить имѣнія городскихъ жителей, церквей и графа. Имъ было отказано. Тогда началась знаменитая осада, первый примѣръ мужественнаго отпора страшнымъ пиратамъ. Графъ и епископъ Парижа съ своимъ племянникомъ воодушевили жителей и отбили приступъ Нормановъ; самъ епископъ былъ раненъ во время битвы. Послѣдовало еще нѣсколько приступовъ, каждый разъ безъ успѣха. Осада тянулась чрезвычайно долго; а Карлъ Толстый не думалъ снѣшить на помощь къ столицѣ Франціи. Только Генрихъ, владѣлецъ Саксонской и Фризонской мархій, одинъ изъ храбрѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ вассаловъ Германіи, два раза ходилъ на выручку Парижа, но, по несчастію, во второй походъ погибъ тотчасъ послѣ прибытія къ стѣнамъ города, и его войско разсѣялось. Въ іюлѣ 886 г. Норманы сдѣлали послѣдній общій приступъ къ Парижу и все-таки были отбиты. Съ тѣхъ поръ они ограничились обложеніемъ города. Въ Парижѣ царствовали голодъ и смертность. Большое число его защитниковъ погибло въ безпрестанныхъ битвахъ, а императоръ Карлъ Толстый, занятый спорами съ владѣльцами Германіи и Италиі, все еще медлилъ. Правда, уже въ іюлѣ онъ былъ въ

Мецѣ съ огромнымъ войскомъ; но только въ октябрѣ, почти черезъ годъ послѣ начала осады, онъ явился, наконецъ, передъ Парижемъ. И тутъ онъ оказался робкимъ и малодушнымъ. Въмѣсто того, чтобы воспользоваться своимъ громаднымъ численнымъ превосходствомъ передъ Норманами, обезсиленными долгою и тяжелою осадой, онъ купилъ у нихъ миръ за 799 фунтовъ серебра съ позволеніемъ зимовать въ Бургундіи и опустошать эту страну, «потому что, говорятъ лѣтописцы, жители этой области повиновались не императору, а Бозону». Постыдный договоръ, заключенный Карломъ Толстымъ съ Норманами, возбудилъ общее негодованіе. Парижане объявили рѣшительно, что не пропустятъ Нормановъ вверхъ по Сенѣ, мимо города, и Норманы должны были переташить свои лодки сухимъ путемъ, чтобы спустить ихъ опять въ Сену выше Парижа. Карлъ Толстый, послѣ краткаго пребыванія во Франціи, возвратился больной и презираемый всѣми къ берегамъ Рейна. Онъ хотѣлъ-было провозгласить своего побочнаго сына, Бернара, совратителемъ; но владѣльцы Германіи почти единогласно избрали своимъ королемъ герцога каришійскаго, Арнульфа, побочнаго сына бывшаго баварскаго короля, Карломана, у котораго Карлъ Толстый долженъ былъ искать милости, оставленный всѣми. Арнульфъ далъ ему владѣнія въ Швабіи, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ, именно въ январѣ 888 г.

Изъ всѣхъ законныхъ преемниковъ Карла В. теперь остался только малолѣтній Карлъ Простой, воспитывавшійся въ совершенномъ удаленіи отъ всѣхъ, не обращая на себя пока никакого вниманія. А между тѣмъ, послѣ сверженія и смерти Карла Толстаго, совершилось окончательное распаденіе имперіи Карла В. на нѣсколько самостоятельныхъ государствъ, которыми владѣли лица, большею частію не принадлежавшія къ роду Каролинговъ. Вотъ эти государства. 1) Вся Германія и

часть Лотарингии подъ управленіемъ умнаго и дѣятельнаго Арпульфа (888—891 г.). 2) Герцогъ Фріульскій, Беренгаръ, сынъ одной изъ дочерей Людовика Благочестиваго (888—924), избранный королемъ Италіи на собраніи въ Павіи и коронованный архіеп. миланскимъ. 3) Родольфъ или Рауль, герцогъ Трансюранской Бургундіи, провозглашенный королемъ (888—812) и пытавшійся завладѣть Лотарингіей. Это не удалось ему. Онъ былъ оттѣсненъ Арпульфомъ въ Швейцарію и долженъ былъ признать свою зависимость отъ него. Королевство Родольфа заключало въ себѣ области между Юрой и Пешинскими Альпами, Швейцарію и др. мѣстности. 4) Провансъ, который по смерти Бозона въ 887 г., послѣ трехлѣтнихъ смутъ и безпорядковъ, послѣ страшныхъ опустошеній съ юга Сарацинами, съ с. Норманами, призналъ своимъ королемъ сына Бозона, Людовика, по совѣту папы, съ согласія и въ зависимости отъ Арпульфа германскаго. 5) Въ Аквитаніи Рамнульфъ, графъ Пуатье, провозгласилъ себя королемъ, но не былъ признанъ сосѣдними владѣльцами. 6) Накопедъ, Гвидо или Вело, герцогъ сполетскій, Франкъ по происхожденію и связанный родствомъ съ фамиліей Каролинговъ, былъ вызванъ во Францію, гдѣ у него были владѣнія, Фулькономъ, архіепископомъ реймскимъ, и коронованъ въ Лангрѣ небольшимъ числомъ епископовъ Шампани и Бургундіи. Ему, впрочемъ, не посчастливилось во Франціи, и онъ удалился въ Италію, чтобы завязать борьбу съ Беренгаромъ.

Между тѣмъ въ сѣверной Франціи выборы палъ на другаго короля. Осада Парижа Норманами громко прославила Олона, графа парижскаго, которому Карлъ Толстый передалъ во владѣніе всѣ земли между Сеной и Луарой. Олонъ былъ избранъ королемъ сѣверо-западной Франціи и коронованъ въ 887 г. Вальтеромъ, архіеп. Савса. Олонъ, послѣ провозглашенія его королемъ Франціи, приобрѣлъ себѣ новую славу пораженіемъ Нормановъ

въ іюні 888 г. Современные писатели говорятъ о 19 тысячахъ убитыхъ Нормановъ; но это очевидно преувеличено. Побѣда надъ Норманами имѣла важныя слѣдствія для Олона. Одинъ изъ сильнѣйшихъ владѣльцевъ Франціи, Балдуинъ II, графъ Фландріи, призналъ его королемъ и примкнулъ къ нему. Арпульфъ германскій, на конференціи въ Вермстѣ, также призналъ его королемъ тѣхъ земель, которыя по Вердунскому договору отданы были Карлу Лысому. Онъ удовольствовался присоединеніемъ къ Германіи Лотарингии и прислалъ потомъ золотую корону Олону. Такимъ образомъ, со стороны самихъ Каролинговъ признано было королевство Франціи, гдѣ царствовалъ государь, чуждый ихъ роду. Съ этого времени начинается обособленіе національностей западной Европы. «Тогда произошло, говоритъ Бертинская лѣтопись, раздѣленіе между Франками нѣмецкими и Франками латинскими». Тогда же появляется и имя Французовъ, Frances, Franceis на языкѣ романскомъ, хотя Франціей въ тѣсномъ смыслѣ называлось герцогство Олона, т. е. область между Сеной и Луарой, окружающая Парижъ. Власть Олона и огранчивалась, собственно говоря, этимъ клочкомъ земли; но онъ не могъ забыть, что за нимъ признано право на всѣ области, составлявшія нѣкогда удѣлъ Карла Лыскаго. И вотъ, тотчасъ послѣ своего объявленія королемъ, онъ переходитъ Луару и начинаетъ войну съ Рамнульфомъ, графомъ Пуатье, который, какъ мы видѣли, также объявилъ себя королемъ. Рамнульфъ не могъ противиться, потому что сильнѣйшіе владѣльцы южной Франціи, напр., Вильгельмъ Благочестивый, графъ Оверни и маркизъ Готія, оскорбленные притязаніями Рамнульфа, вооружились противъ него и признали номинальную власть Олона. Рамнульфъ принужденъ былъ смириться и дать клятву въ вѣрности Олону. Разумѣется, эта покорность и вѣрность были также номинальны, какъ и признаніе Олона другими

владѣльцамъ южной Франціи. Опустошенія, производимыя Норманами, заставили Одона возвратиться изъ-за Луары, ограничиваясь только этимъ мнимымъ успѣхомъ и растративъ для его пріобрѣтенія свои дѣйствительныя силы.

Возвратившись изъ Аквитаніи, Одонъ уже не могъ оружіемъ рѣшить дѣло съ Норманами, грабившими Нейстрію, и деньгами купилъ у нихъ очищеніе своего государства. Норманамъ впрочемъ сильно не посчастливилось въ это время. Заключивъ миръ съ Одономъ, они бросились на Бретань и начали опустошать ее. Въ это время она была раздѣлена между двумя вождями, спорившими о королевскомъ достоинствѣ. Общая опасность заставила ихъ забыть свои счеты и оба они обратились противъ Нормановъ, хотя и дѣйствовали порознь. Одинъ изъ нихъ, Юдикаель, нанесъ сильный ударъ скандинавскимъ пиратамъ, но самъ погибъ въ сѣчѣ. Другой, Алланъ, оставшись теперь одинъ властителемъ Бретани, соединилъ всѣ силы Арморикскаго полуострова и въ страшной битвѣ истребилъ Нормановъ. Современные хронисты говорятъ, что изъ 15 т. только 400 спаслись на корабляхъ. Но это пораженіе не остановило Нормановъ. Новыя толпы ихъ ворвались въ Сену, Сомму и Шельду и соединились потомъ въ нынѣшнемъ Брабантѣ. Они перешли Маасъ и истребили лотарингскій отрядъ недалеко отъ Ахена. Король Германіи, Арнульфъ, которому принадлежала Лотарингія, поспѣшилъ на защиту этой области. Норманы укрѣпились на берегу рѣки Диле, за болотами, недоступными для конницы. Франки этого времени сражались верхомъ, и позиція Нормановъ была такимъ образомъ почти неприступна. Но Арнульфъ убѣдилъ своихъ сразиться пѣшими, лично повелъ ихъ на приступъ, и все войско Нормановъ, вмѣстѣ съ двумя ихъ морскими королями, было изрублено или перетопнуто въ рѣкѣ. Съ этихъ поръ Норманы не смѣли беспокоить рѣкъ нынѣшней Бельгіи, и память о

битвѣ при Диле ежегодно праздновалась въ Лувенѣ 1 сентября въ теченіе многихъ столѣтій.

Если Одону миромъ и золотомъ удалось на время освободить свои владѣнія отъ Нормановъ, то его дѣла немного отъ этого выиграли. Вмѣсто того, чтобы ограничиться небольшою областью, которая признавала его власть, онъ думалъ о власти въ Аквитаніи. По смерти Рамнульфа, графа Пуатье, онъ отдалъ его графство своему брату, Роберту, отстранивъ малолѣтняго сына Рамнульфа. Это вооружило противъ него почти всѣхъ владѣльцевъ Аквитаніи, нѣкогда бывшихъ съ нимъ заодно противъ Рамнульфа, и многихъ его товарищей, нѣкогда дѣлившихъ съ нимъ главную защиту Парижа противъ Нормановъ. Одонъ не могъ поддержать своего брата, тѣмъ болѣе, что событія въ самой Нейстріи заставили его поспѣшно воротиться изъ похода за Луару. Мы знаемъ, что сынъ Людовика Косноязычнаго, родившійся уже послѣ его смерти, Карлъ, оставался теперь единственнымъ законнымъ потомкомъ Карла V. На него не обращали никакого вниманія. Между тѣмъ теперь онъ достигъ уже 14 лѣтъ, и усиленіе Одона заставило могущественныхъ вассаловъ вспомнить о забытомъ Каролингѣ. Фульконъ, архіепископъ Реймса, и старый графъ Вермандуа вызвали въ Реймсъ Карла и тамъ вѣнчали его королемъ 28 янв. 893 г. Карла же признали королемъ и многіе владѣльцы южной Франціи. Но ему трудно было бороться съ сильнымъ, умнымъ и мужественнымъ соперникомъ; онъ долженъ былъ бѣжать въ Лотарингію и обратиться за помощью къ Арнульфѣ германскому. Вытѣсненный изъ Лотарингіи, онъ перешелъ въ Бургундію. Между тѣмъ, на сеймѣ въ Вормсѣ, Одонъ поладилъ съ Арнульфомъ и присутствовалъ при коронаціи королемъ Лотарингіи его побочнаго сына, Святополка или Цвентибольда, какъ называли его Пѣмпы. Но, утвердившись на этомъ престолѣ, Цвентибольдъ неожиданно принялъ

сторону Карла и вошелъ съ войскомъ въ области Олона. Кажется, однако, цѣлю его было не доставленіе короны Карлу, а увеличеніе собственныхъ владѣній, пользуясь обстоятельствами и благовидными предложениями. По крайней мѣрѣ такъ поняли приверженцы Карла, которые, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ, обратились къ Одону, прося его дать какую-нибудь область Карлу. Дѣйствительно, Одонъ, наконецъ, уступилъ ему графство Лаонъ и область Реймса, какъ можно судить по нѣкоторымъ извѣстіямъ. Вѣрно то, что Одонъ сблизился съ нимъ.

3 янв. 898 г. умеръ Одонъ; Карлъ былъ признанъ королемъ всей Франціи и во второй разъ вѣнчанъ въ Реймсѣ. Не только большая часть владѣльцевъ даже и южной Франціи признала его королемъ, но и Робертъ, братъ покойнаго короля Олона, далъ ему клятву въ вѣрности подъ условіемъ сохраненія за нимъ прежнихъ владѣній. Для сильныхъ, почти совершенно независимыхъ владѣльцевъ было выгодно признать королемъ молодого, слабаго Каролинга, чѣмъ сильнаго и рѣшительнаго графа парижскаго. Карлъ извѣстенъ подъ именемъ Простаго или глупаго. Эпитеты *simplex*, *hebes*, *insipiens*, *stultus*, *sottus* и т. д. постоянно соединяются съ его именемъ. Впрочемъ, должно замѣтить, что у современныхъ или ближайшихъ по времени хронистовъ, даже враждебныхъ роду Каролинговъ, этого прозвища мы не встрѣчаемъ ни разу. Первый разъ появляется оно у Дитмара; но Дитмаръ умеръ въ 1018 г. и въ древѣйшемъ манускриптѣ его лѣтописи упоминаніе о прозваніи Карла глупымъ вычеркнуто, вѣроятно, кѣмъ-нибудь изъ приверженцевъ Каролинговъ. Прозваніе Простаго безпрестанно встрѣчается только у лѣтописцевъ XI вѣка, притомъ особенно у лѣтописцевъ южной и западной Франціи т. е. тѣхъ областей, въ которыхъ власть Каролингской династіи всего болѣе встрѣчала сопротивленія, гдѣ отъ нея всего ранѣе

старались освободиться. Въ глазахъ современниковъ Карлъ не былъ простымъ, и, дѣйствительно, это прозваніе не идетъ къ нему, хотя его далеко нельзя считать сколько-нибудь замѣчательнымъ государемъ.

Карлъ былъ признанъ государемъ всей Франціи, но его дѣйствительная власть ограничивалась городомъ Лаономъ и небольшою областью. Могущественные владѣльцы не только южной, но и средней Франціи были надѣлы гораздо сильнѣе его и только по имени признавали его власть. Если по смерти Олона братъ его призналъ королемъ Карла, то онъ былъ могущественнѣе его и надѣялся управлять его именемъ. Графы Фландріи, Вермандуа и др. могли съ успѣхомъ бороться съ королемъ. А между тѣмъ на сѣверѣ Франціи образовалось новое владѣніе, которое, находясь также лишь въ номинальной зависимости отъ Карла, скоро могло мѣряться силами не только съ нимъ, но и съ самою Франціей. Дѣло въ томъ, что именно теперь на Скандинавскомъ полуостровѣ произошли событія, которыя были причиною новаго увеличенія норманскихъ пиратовъ, выселенія множества Нормановъ не на время, а уже навсегда изъ Скандинавіи. Въ знаменитой битвѣ при Гафурсфюрдѣ сломлена была независимость мелкихъ норвежскихъ владѣльцевъ королемъ Гаральдомъ Гаарфагеромъ, и тысячи непокорныхъ вождей съ ихъ дружинниками оставили навсегда Норвегію, чтобы не покоряться торжествующему врагу. Толпы ярловъ и герсовъ скитались по морямъ сѣверозападной Европы, грабили Ирландію, Шотландію, Англію и, наконецъ, кинулись въ Нейстрію. Предводителемъ ихъ былъ знаменитый морской король Роллъ, непримиримый врагъ Гаральда Гаарфагера. Роллъ овладѣлъ Руаномъ, Еврѣ и окрестными землями, женился на дочери убитаго имъ графа Байе и утвердился прочно въ этой области, которая съ тѣхъ поръ получила имя Нормандіи. Норманы заставили сельское населеніе работать на себя, по

защищали его, и положеніе рабочаго класса въ Нормандіи стало лучше, чѣмъ въ другихъ областяхъ Франціи. Нѣсколько времени Норманы дѣлали опустошительныя набѣги на сосѣднія области. Они проникли въ глубь Бургундіи, Оверни и Берри. Въ 914 г. ихъ флоты разомъ явились на Селъ, Луарѣ и Гароннѣ. Парижъ еще разъ былъ осажденъ Норманами и еще разъ отбился отъ нихъ.

Карлъ Простой или его совѣтники рѣшили какъ-нибудь покончить съ Норманами. Король предложилъ Роллу руку своей дочери, Гизели, и уступку тѣхъ областей, гдѣ уже прочно утвердились Норманы (т. е. областей между океаномъ, рѣками Ептъ, Евръ и Оръ, и границами Мена и Бретани), съ условіемъ, что Роллъ приметъ христіанство и признаетъ себя вассаломъ короля. Подобныя сдѣлки не были новостью; къ нимъ не разъ прибѣгали и прежніе государи, несравненно сильнѣйшіе, чѣмъ Карлъ. Посредникомъ былъ архіепископъ Руана, и Роллъ согласился, далъ вассальную присягу королю при личномъ свиданіи въ концѣ 911 г., а въ январѣ слѣдующаго принялъ крещеніе съ именемъ Роберта и потомъ женился на дочери Карла. Новый герцогъ Нормандіи ввелъ строгій порядокъ въ своихъ владѣніяхъ, раздѣлилъ земли между своими дружинниками, возобновилъ раззоренныя церкви и монастыри, укрѣпилъ и обстроилъ города, привлекая въ опустошенную область много простаго народа изъ сосѣднихъ областей, защищая его отъ произвола и притѣсненій, чрезвычайно строго преслѣдовалъ воровство и грабежи, и Нормандія сдѣлалась скоро одною изъ самыхъ населенныхъ и богатыхъ областей Франціи. Уступка Нормандіи Норманамъ не только не была дѣломъ безумія или безсилія короля, но это было однимъ изъ замѣчательныхъ дѣлъ Карла Простаго. Только теперь начала смолкать въ церквахъ Франціи обычная молитва, раздававшаяся тамъ въ продолженіе почти трехъ столѣтій: «а

fugere Normannorum libera nos, Domine.» Роллъ или Робертъ лучше другихъ вассаловъ служилъ Карлу.

Въ томъ же году умеръ сынъ Арнульфа, Людовикъ Дитя, послѣдній представитель Каролинговъ въ Германіи, и Лотарингія признала своимъ королемъ Карла Простаго. Приобрѣтеніе Лотарингіи, конечно, было бы хорошимъ вознагражденіемъ Карлу за уступку Нормандіи, еслибы королевская власть имѣла какое-нибудь значеніе и силу. Оно давало ему нѣкую матеріальную поддержку; вотъ почему теперь поднялись противъ него вассалы Франціи, которыми овладѣлъ страхъ за ихъ самостоятельность. Укажемъ на главнѣйшія событія въ исторіи борьбы Карла Простаго съ могущественными феодалами. Во главѣ движенія стояли Робертъ парижскій, герцогъ Франціи, и Гизельбертъ мопскій, молучившій герцогство Лотарингію, когда ея королемъ сталъ Карлъ Простой. Они хотѣли захватить короля и только помощь архіепископа реймскаго спасла его. Въ открытомъ возстаніи даже Лаонъ, почти единственное его владѣніе, достался въ руки его враговъ. Робертъ парижскій рѣшился на послѣдній шагъ. Въ 922 г. онъ былъ признанъ королемъ Франціи и коронованъ въ Реймсѣ. Карлъ казался погибшимъ. По счастью подлѣ него былъ надежный руководитель, Гагапонъ, возбуждавшій къ себѣ непримиримую ненависть сильныхъ феодаловъ, но неумолимо боровшійся съ ними. Благодаря ему, Карлу удалось собрать войско и вступить въ рѣшительную битву съ Робертомъ. Эта битва произошла 15 іюня 923 г. на равнинахъ Сен-Медара. Карлъ припужденъ былъ отступить, но Робертъ погибъ въ сѣчѣ. Претендентомъ на корону могъ быть сынъ погибшаго Роберта, Гуго Великій; но рѣшено было провозгласить королемъ Родольфа или Рауля, герцога Бургундіи, женатаго на сестрѣ Гуго. Рауль и былъ коронованъ въ Суассонѣ 13 іюля. Карлъ Простой, потерявъ почти все, обратился къ королю Германіи

и отдалъ ему, по словамъ хроники, и себя, и свое королевство. Вскорѣ измѣническій поступокъ коварнаго графа Вермандуа лишилъ его и свободы: онъ былъ захваченъ и заключенъ въ темницу; жена его, Одвига, сестра Адельстана, короля Англосаксовъ, бѣжала съ своимъ сыномъ въ Англію.

Казалось, династія Каролинговъ окончательно погибла во Франціи; но и власть Рауля не многимъ была сильнѣе власти Карла Простаго. Южная Франція не хотѣла знать его. А тутъ пришлось еще выдержать послѣднее варварское вторженіе. Новое племя Унгуровъ или Венгровъ, одноплеменниковъ Гунновъ и Аваровъ, явилось передъ тѣмъ на востокъ Европы. Венгры еще не утвердились окончательно на одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ, а рыскали по всей Германіи, вторгались въ Италію, страшно опустошая ее, и изъ Ломбардіи черезъ Альпы въ 924 г. явились въ южной Франціи. Отраженные изъ верхняго Прованса, они бросились къ Ронѣ и берегамъ Средиземнаго моря, опустошили Нимъ, доходили до Тулузы, и только заразительныя болѣзни, распространившіяся между ними, да оружіе соединившихся, наконецъ, феодальныхъ владѣльцевъ южной Франціи освободили ее отъ этихъ варваровъ. Затѣмъ король Рауль провелъ все свое царствованіе то въ борьбѣ съ Норманами, у которыхъ, послѣ тщетныхъ усилій одолѣть ихъ оружіемъ, онъ принужденъ былъ купить миръ золотомъ, то въ борьбѣ съ могущественными феодалами, изъ которыхъ владѣльцы Аквитаніи не признавали его королемъ и на своихъ грамотахъ писали, напр., слѣдующее: «Утверждено въ XII число мартовскихъ календъ, въ третій годъ послѣ того, какъ король Карлъ былъ лишенъ своего достоинства (dehonestatus) невѣрными Французами». Рауль велъ также борьбу и съ вассалами Франціи, между прочимъ съ герцогомъ Нормандіи, съ графомъ Вермандуа. Борьба съ послѣднимъ облегчила участь несчастнаго Карла Простаго, томившагося въ заключеніи. Ему, наконецъ,

позволили жить въ одномъ помѣстьѣ; но онъ не долго пользовался свободой и умеръ въ окт. 929 года. Его смерть развязала руки Раулю, освободивъ его отъ страха передъ законнымъ королемъ, который могъ сдѣлаться опаснымъ орудіемъ въ рукахъ мятежныхъ вассаловъ. И дѣйствительно, въ послѣдніе годы своего царствованія Рауль поступаетъ и рѣшительнѣе, и успѣшнѣе. Подъ конецъ уже вся Франція признала его королемъ, хотя, разумѣется, номинально. Рауль не долго наслаждался успѣхомъ. 15 янв. 936 г. онъ умеръ въ Санѣ, и тѣ же причины, которыя, по смерти Одона, заставили феодаловъ Франціи признать королемъ неопаснаго Карла Простаго, заставили ихъ и теперь обратиться къ его сыну, жившему въ Англіи, и возстановить еще разъ династію Каролинговъ.

Въ это время въ Германіи и Италіи уже прекратился родъ Каролинговъ. Въ Германіи, по смерти Арнульфа въ 899 г. въ янв. 900 года провозглашенъ былъ королемъ 7-лѣтній сынъ его, Людовикъ, за которымъ въ исторіи осталось имя Ребенка или Дитяти. У Арнульфа былъ еще сынъ, совершеннолѣтній, Святополкъ или Цвентибольдъ, король Лотарингіи; по духовные и свѣтскіе владѣльцы отстранили его отъ отцовскаго наслѣдія, основываясь на томъ, что Цвентибольдъ былъ не отъ законной жены, но въ сущности съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать вполне самостоятельно подѣ фиктивной властью короля-ребенка. Цвентибольдъ тотчасъ по смерти отца былъ изгнанъ и изъ Лотарингіи своими вассалами и погибъ въ битвѣ, пытаясь завоевать свое королевство. Въ Германіи при королѣ-ребенкѣ была полная анархія, совершенное отсутствіе какой-нибудь центральной власти и государственнаго единства. Къ внутреннему безначалію присоединились страшныя опустошенія отъ враговъ внѣшнихъ. Побѣда Арнульфа лишь на время остановила вторженіе Нормановъ. Но у Германіи были и другіе враги, Датчане на сѣверѣ, славянскія племена

на сѣверо-востокѣ. Моравское государство Славянъ было опаснымъ сосѣдомъ Германіи. Но не отсюда шла главная опасность. Новый страшный народъ, какъ мы видѣли, явился на востокѣ Европы, Мадыяры или Венгры, финское племя, жившее первоначально на западныхъ склонахъ Урала. Они состояли изъ 7 племенъ, къ которымъ потомъ присоединилось осьмое племя Кабировъ, отрасли Хозаровъ, основавшихъ могущественное государство на берегахъ Дона. Каждое племя управлялось особымъ вождемъ и жило самостоятельно. Только когда для Мадыяръ началось движеніе къ юго-западу, всѣ племена избрали общаго вождя, Арпада, въ родѣ котораго и оставалась верховная власть. Мадыяры было кочевое племя, жившее только скотоводствомъ и охотой, не знавшее земледѣлія, передвигавшее съ мѣста на мѣсто свои шатры и кибитки. Тѣснимые другими сѣверо-восточными племенами, они постепенно придвигались къ юго-западу. Долго они вели войны съ славянскимъ царствомъ Болгаръ на нижнемъ Дунаѣ. Въ 892 г. они напали на царство Моравское. Союзъ Болгаръ съ кочевыми Печенѣгами и набѣгъ послѣднихъ на становища Мадыяръ заставили ихъ передвинуться далѣе на западъ по Дунаю. Между Карпатами и Дунаемъ остановились они, и отсюда начали свои опустошительные набѣги на сосѣдей. Въ 899 г. они прорвались въ Италію и страшно опустошили всю Ломбардію. Мы видѣли, что и Альпы не остановили ихъ. Смерть Арнульфа открыла имъ свободный путь въ Германію. Моравское царство не могло ихъ сдержать. Въ 900 г. они вторгнулись въ Баварію разомъ по обоимъ берегамъ Дуная, хотя одинъ изъ ихъ отрядовъ и былъ уничтоженъ. Опасность заставила Баваровъ забыть свою племенную вражду къ Моравамъ. Въ 901 г. былъ заключенъ союзъ противъ Мадыяръ. Но это не спасло ни Баваріи, ни Моравіи. Въ 906 г. было опустошено и занято Мадыярами Моравское царство; въ слѣдующемъ году

та же участь грозила Баваріи. Маркграфъ Ліутпольдъ собралъ для защиты всѣ силы страны, но въ страшной битвѣ погибли и онъ самъ, и почти все его войско; 2 архіепископа, 2 епископа, почти всѣ владѣльцы лежали въ сѣчѣ. Говорили, что почти все баварское племя было истреблено, а страна ихъ обращена въ пустыню. Въ 908 г. Мадыяры снова прошли Баварію и Швабію, вторгнулись въ Саксоцію и Тюрингію. Маркграфъ тюрингскій палъ въ битвѣ съ ними, вмѣстѣ со многими вождями и епископомъ вюрцбургскимъ. Въ 909 г. опустошена была снова Швабія. Германскіе владѣльцы соединили было, наконецъ, свои силы, но въ битвѣ при устьѣ Леха были разбиты на голову.

Положеніе Германіи было почти безнадежно, какъ видно изъ мрачной картины, оставленной намъ въ сочиненіи Соломона, епископа констанцскаго. Королемъ былъ ребенокъ въ то время, когда королевская власть была совершенно уничтожена и болѣе сильная рука и сильная воля не могли бы ничего сдѣлать. Политическое единство Германіи было почти совсѣмъ разрушено. Каждый сколько-нибудь сильный владѣлецъ, духовный или свѣтскій, стремился къ независимости. Каждое племя жило особо, подъ управленіемъ своего народнаго вождя. Такъ Баварія, Швабія, Саксонія, Тюрингія, Франконія, Фрисландія, наконецъ, Лотарингія, стали совершенно самостоятельными странами, не соединенными никакими общими государственными интересами. Въ каждой изъ нихъ власть пріобрѣлъ какой-нибудь одинъ родъ, сдѣлавшій герцогское достоинство наследственнымъ и мало заботившійся о королѣ. Когда въ 911 г. умеръ бездѣтный Людовикъ, послѣдній Каролингъ въ Германіи, его смерть прошла незамѣченною: ни одна лѣтопись не записала дня и мѣста его кончины. Большинство думало, что королевская власть совершенно излишня и не нужна.

Намъ остается для окончанія исторіи Каролинговъ рассказать ихъ гибель во Франціи.

Здѣсь въ 936 г. умеръ король Рауль. Феодалыя владѣльцы средней и сѣверной Франціи собрались подъ предѣтельствомъ Гуго, герцога Франціи, для избранія короля. Послѣ споровъ рѣшено было отдать королевскую корону сыну Карла Простаго, Людовику, бѣжавшему, какъ мы видѣли, вмѣстѣ съ матерью въ Англію послѣ несчастія съ его отцомъ, и оттого получившему прозваніе Заморскаго (d'Outre-mer). Избирателями руководила, разумѣется, не привязанность къ дому Каролинговъ, а только желаніе сдержать властолюбивые замыслы многихъ изъ среды ихъ самихъ и надежда жить по своей волѣ при ничтожномъ королѣ. Гуго разсчитывалъ, сверхъ того, управлять Франціей именемъ безсильнаго короля. Рѣшено было отправить депутацію къ Адельстану, королю Англіи, при дворѣ котораго жилъ Людовикъ Заморскій, и предложить послѣднему корону. Адельстанъ и мать Людовика, Одава, согласились, подъ условіемъ нѣкоторыхъ обезпеченій со стороны феодаловъ владѣльцевъ за безопасность Людовика. Въ Лаонѣ новый король былъ торжественно коронованъ архіепископомъ Артольдомъ съ 20 епископами. Оказалось, что послѣдніе Каролинги не были похожи на послѣднихъ Меровинговъ, особенно Людовикъ Заморскій, человекъ дѣятельный, способный и рѣшительный. Какъ скоро онъ замѣтилъ властолюбивые расчеты Гуго, постоянно его сопровождавшаго, тотчасъ поспѣшилъ удалиться отъ него въ Лаонъ, защиту котораго поручилъ матери своей, жещинѣ умной и рѣшительной. Загорѣлась борьба между нимъ и вельможами. Для Гуго, также какъ и для другихъ феодаловъ владѣльцевъ, невыносимо было стремленіе короля пріобрѣсти дѣйствительное значеніе и власть. Людовикъ хотѣлъ воспользоваться возстаніемъ Гизлеберта, герцога Лотарингіи, противъ

Оттона I, короля Германіи, чтобы, подобно отцу, получить корону Лотарингіи, но это не удалось ему. Оттонъ быстрымъ ударомъ разрушилъ замыслы Гизлеберта, который и погибъ послѣ одной битвы. Людовикъ сблизился тогда съ Оттономъ, отказавшись на время отъ замысловъ на Лотарингію, и женился на вдовѣ Гизлеберта, сестрѣ Оттона. Это сближеніе королевъ Франціи и Германіи грозило опасностію феодалнымъ владѣльцамъ Франціи, и мы видимъ ихъ безпрестанныя войны противъ Людовика.

Во главѣ феодаловъ владѣльцевъ, боровшихся съ Людовикомъ, стоитъ Гуго, герцогъ Франціи, сильнѣйшій изъ нихъ, женившійся на Гедвигѣ, сестрѣ короля Германіи, Оттона I. Такимъ образомъ, и король Франціи, и сильнѣйшій изъ его противниковъ стали родственниками могущественнаго короля Германіи, оба старались опереться на него. Во время этой борьбы соперниковъ Людовикъ обнаружилъ и рѣшительность, и умъ: даже счастье не разъ помогало ему. Оттонъ, кажется, хлопоталъ о мирѣ и сближеніи между Гуго и Людовикомъ. Его посредничествомъ, вѣроятно, объясняется сѣзды въ Аттиньи, гдѣ были попытки къ сближенію. Но убійство Вильгельма, герцога Нормандіи, сына Ролло или Роберта, и передача Нормандіи его малолѣтнему сыну, Ричарду I, прозванному потомъ безстрашнымъ, подало новый поводъ къ борьбамъ всякаго рода. Нормандія, управляемая ребенкомъ, представляла заманчивую добычу для сильныхъ сосѣдей. Въ тѣмъ Норманамъ, которые приняли христіанство и окончательно утвердились въ Нормандіи, прибывали толпы ихъ соотечественниковъ, язычниковъ, грабившихъ Францію. Королю приходилось бороться и съ ними. Такъ Людовикъ Заморскій только послѣ упорной битвы, гдѣ онъ самъ былъ тяжело раненъ, уничтожилъ войско короля Сетриха, который съ большимъ флотомъ явился на Сенѣ и дѣйствовалъ вмѣстѣ съ

другимъ норманскимъ вождемъ, Турмодомъ, уже утвердившимся въ Нормандіи, крещенымъ и теперь снова перешедшимъ въ язычество. Въ битвѣ погибли оба вождя Нормановъ, которыхъ, по словамъ Рихера, было истреблено около 9000. Не видя возможности открытою силой освободиться отъ мучительнаго короля, феодалыне владѣльцы, какъ мы уже не разъ видѣли, не останавливались передъ хитростью и измѣной. Въ 945 г. Людовикъ Заморскій былъ върочно захваченъ жителями Руана. Гуго, герцогъ Франціи, поспѣшилъ какъ бы на выручку своего короля. Рѣшена была сдѣлка: жители Руана согласились освободить короля подъ условіемъ, что его сыновья будутъ даны имъ въ заложники. Королева Герберга согласилась отдать только младшаго. Норманы Руана уступили, и Людовикъ былъ переданъ ими Гуго. Но Гуго, вмѣсто того, чтобы освободить его, заперъ его въ новую темницу, приставивъ къ нему своего върнаго вассала, графа турскаго. Герберга, узнавъ объ этой новой измѣнѣ, обратилась къ своему брату, Оттону, и къ королю Англіи. Гуго долженъ былъ уступить, но съ условіемъ, чтобы Людовикъ отдалъ ему Лаонъ, единственное его владѣніе. Людовикъ, долго томившійся въ темницѣ, принужденъ былъ согласиться на все, съ мыслию не исполнить вынужденнаго обѣщанія. Едва получивъ свободу, онъ началъ войну съ Гуго, въ союзѣ съ Оттономъ, перешедшимъ для этого Рейпъ. Въ Ахенѣ соединились союзники. Въ 948 г. былъ соборъ въ Ингельгеймѣ, подъ предѣлательствомъ папскаго легата, и здѣсь присутствовали оба короля. Людовикъ Заморскій выступилъ передъ соборомъ съ сохранившимся рассказомъ обо всемъ, что онъ вытерпѣлъ отъ Гуго и другихъ вассаловъ. Рѣшено было отправить требованіе отъ собора къ Гуго объ его покорности королю и предать его церковному проклятію. Но борьба продолжалась еще нѣсколько времени; со стороны Оттона Людовику

помогалъ Конрадъ, герцогъ Лотарингіи. Въ 949 г. Гуго, наконецъ, согласился на примиреніе, рѣшивъ сдѣлать уступку. На конференціи около Марны пришли къ соглашенію, и Гуго очистилъ Лаонъ. Съ этого времени до своей смерти, въ 954 году, Людовикъ Заморскій былъ спокоенъ. Если онъ и не имѣлъ всей полноты королевской власти, немислимой въ то время, то, по крайней мѣрѣ, онъ былъ безопасенъ отъ попытокъ свергнуть его.

По смерти Людовика Заморскаго осталось у него два сына. Старшему, Лотарю, было 12 лѣтъ. Онъ былъ объявленъ королемъ Франціи, а его опекуномъ сталъ его дядя, архіепископъ кельнскій, Брунонъ, братъ Оттона I. Лотарь короновался въ Реймѣ. Черезъ два года умеръ и Гуго, герцогъ Франціи, прозванный Великимъ. Онъ оставилъ послѣ себя троихъ малолѣтнихъ сыновей, изъ которыхъ Гуго Капету, положившему начало новой династіи, было всего 10 лѣтъ. Жена Гуго Великаго, Гедвига, также перешла съ своими дѣтьми подъ опеку своего брата, архіепископа Брунона. Такимъ образомъ, дѣти обоихъ враговъ были подъ опекой одного и того же лица. Брунонъ около 12 лѣтъ управлялъ королевствомъ Франціей, стараясь всѣми силами поддерживать миръ между своими племянниками. Онъ раздѣлил Лотарингію на два отдѣльные герцогства, на Верхнюю Лотарингію, и Нижнюю, занимавшую область нынѣшней Бельгіи. Герцогомъ Нижней Лотарингіи сдѣлался въ 976 г. младшій братъ Лотаря, Карлъ, въ зависимости отъ короля Германіи, Оттона II, сына Оттона I. Правленіе Лотаря прошло также не безъ борьбы съ вассалами и съ Гуго Капетомъ. Онъ умеръ въ 986 г., оставивъ корону сыну своему, Людовику V, признанному королемъ Франціи. Черезъ годъ умеръ и Людовикъ, какъ по дозрѣваютъ, отравленный. Ему было всего 20 лѣтъ, и онъ не оставилъ дѣтей. Изъ всѣхъ Каролинговъ былъ въ живыхъ

только дядя его, Карлъ лотарингскій. Но онъ былъ вассаломъ имъецкаго короля, и французскіе феодалы избрали своимъ королемъ Гуго Капета на собраніи въ Саллисъ. 1 июня 987 г. онъ былъ коронованъ въ Нойонъ. Карлъ лотарингскій предъявилъ свои права на французскій престолъ и началъ борьбу съ Гуго Капетомъ; но это было ему не по силамъ. Онъ былъ захваченъ и заключенъ въ темницу, гдѣ и умеръ. Годомъ его смерти полагають обыкновенно 994-й, но одна надпись, найденная въ Мاستрихтѣ, заставляетъ принять 1004-й. Такъ окончилась династія Каролинговъ во Франціи, прекратившаяся еще за долго прежде въ Германіи и Италиі.

Единство громадной имперіи, основанной Карломъ Великимъ, не долго пережило ея основателя. Эта имперія окончательно распалась на три главныя части: Францію, Германію и Италию; но дробленіе не остановилось на этомъ. Въ каждомъ изъ этихъ государствъ дѣйствовали три силы, три элемента: королевская власть, церковь и свѣтскіе владѣльцы, бароны, какъ ихъ называли впоследствии. Но, собственно говоря, духовенство и свѣтскіе владѣльцы преслѣдовали одну общую имъ цѣль, имѣли одни интересы, такъ что въ борьбѣ были собственно два принципа, монархическій и аристократическій. О народъ пока не могло быть и рѣчи. Среднее сословіе сходило со сцены, теряя всякое политическое значеніе, постепенно приравниваясь къ крѣпостнымъ; а низшее прямо обратилось въ крѣпостныхъ или рабовъ, и названіе *vilain*, обозначавшее прежде сельское населеніе, скоро обратилось въ слово, обозначающее все низкое и подлое. А стоявшіе надъ ними монархическій и аристократическій элементы вели между собою упорную и продолжительную борьбу, кончившуюся побѣдою феодальной аристократіи и униженіемъ центральной королевской власти. Король или императоръ считался владѣльцемъ всей земли; но это владѣніе называлось *domaine*

directe и было только фиктивное. *Dominium utile, domaine utile*, которое одно только давало существенныя права, принадлежало не ему, а феодальнымъ владѣльцамъ, которые постепенно становились все болѣе и болѣе самостоятельными. Почти единственными обязанностями феодальнаго владѣльца относительно короля было *Heerban*, военная служба, да ссдержаніе короля со свитой во время его путешествій. Но если главныя феодальныя владѣльцы сдѣлались почти независимыми отъ королей, то и они, въ свою очередь, не пользовались всею полнотою власти въ своихъ владѣніяхъ. Они также отдавали свои земли низшимъ вассаламъ (*arrière vassaux*), или наследственнымъ фермерамъ. Только небольшая часть земель управлялась непосредственно ими самими и обрабатывалась посредствомъ *ministeriales*. Впрочемъ феодальныя сеньоры были сильнѣе относительно своихъ вассаловъ, чѣмъ король относительно ихъ самихъ. Они стояли ближе къ нимъ и имѣли все-таки болѣе средствъ для удержанія ихъ въ зависимости, для борьбы съ ними. Въ то же время королевская власть утрачивала постепенно въ пользу феодальной аристократіи и другія свои права, извѣстныя впоследствии подъ именемъ *droits régaliens*. Такъ, напримѣръ, уступая епископамъ и монастырямъ право *immunitas*, она признавала епископовъ и игуменовъ независимыми верховными владѣльцами имуществъ и земель.

Когда начало заражаться, наконецъ, среднее сословіе, отношенія его къ королевской власти и къ аристократіи были различны во Франціи, Германіи и Италиі, и это имѣло огромное, рѣшительное вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу этихъ странъ. Во Франціи ничтожная власть вступила въ тѣсный союзъ съ заражающимся третьимъ сословіемъ, съ городскими общинами, и, благодаря этому, успила свое значеніе, возвратила свои права, возстановила государственное единство и

подавила аристократію. Въ Германіи императоры, которыхъ все вниманіе было устремлено на Италію да на папъ, пренебрегли союзомъ съ среднимъ сословіемъ, и, благодаря успѣху и развитію феодализма, Германская имперія обратилась въ агрегатъ множества мелкихъ государствъ, другъ отъ друга независимыхъ. Наконецъ, въ Италіи, феодальная аристократія, какъ свѣтская, такъ и духовная, вошла въ союзъ съ среднимъ сословіемъ противъ центральной власти, и слѣдствіемъ этого было образованіе тамъ республикъ.

О Ч Е Р К Ъ

ЦАРСТВОВАНІЯ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Не прошло еще полных 17 лѣтъ съ кончины Петра Великаго, а между тѣмъ, со вступленіемъ на престолъ его дочери уже въ шестой разъ измѣнилось правленіе. За исключеніемъ развѣ вступленія на престолъ Петра II, каждая перемѣна носила на себѣ характеръ случайности и произвола, предшествовалась или сопровождалась обстоятельствами, лучше всего доказывавшими, повидимому, что только желѣзная рука преобразователя могла вести Россію по назначенному имъ пути. Лучшія его начинанія оставались безъ исполненія; его планы подвергались измѣненіямъ иногда въ смыслъ совершенно противномъ. Произволъ и случайность были не только въ престолонаслѣдіи; еще съ большею ясностію они отражались въ политикѣ вѣдѣвшейся и вѣдѣлахъ внутреннихъ. Въ Полномъ Собраніи Законовъ мы находимъ 3,830 указовъ въ періодъ времени отъ смерти Петра до вступленія Елизаветы, 800-ми больше, нежели во все царствованіе великаго преобразователя, и напрасно, однако, мы будемъ искать въ этой огромной массѣ правительственныхъ распоряженій какого-нибудь общаго плана, какого-нибудь господствующаго направленія.

Не только съ перемѣною лица царствующаго мѣнялась и система управленія; она мѣнялась нѣсколько разъ въ одно и то же правленіе или, лучше сказать, ея вовсе не было. И

при Петрѣ Великомъ былъ широкой просторъ личности, но тогда надъ этими личными стремленіями царили желѣзная воля и свѣтлый умъ, направлявшіе ихъ къ одной высшей цѣли, сдерживавшіе ихъ въ извѣстныхъ предѣлахъ. Со смертію Петра спали эти узы, и частнымъ интересамъ, личной отвагѣ и замысламъ открылось полное раздолье. Знаменитое постановленіе Петра, уничтожавшее въ видахъ государственнаго блага обычный порядокъ престолонаслѣдія, уничтожило и послѣднія преграды для произвола. Съ тѣхъ поръ до самой Екатерины Великой русская исторія сводится къ исторіи частныхъ лицъ, отважныхъ или хитрыхъ временщиковъ, къ исторіи борьбы извѣстныхъ партій, придворныхъ интригъ и трагическихъ катастрофъ. Намъ не нужно, впрочемъ, обращаться къ византийской исторіи, чтобы искать тамъ аналогическихъ явленій. Западная Европа XVIII столѣтія переживала, подобно Россіи, тяжелый періодъ господства частныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ. Въ этомъ отношеніи Россія составляетъ исключеніе развѣ въ томъ только, что ей посчастливилось уйти отъ страшнаго переворота, который разразился надъ западною Европой въ концѣ XVIII вѣка и котораго отзвуки дошли, впрочемъ, и до нашего отечества. Только съ Екатериной Великой мы встрѣчаемъ опять одно господствующее направленіе, одну руководящую волю, которой не видно было съ самой копчили Петра Великаго. Зато Россія была сборнымъ мѣстомъ для талантливыхъ или просто ловкихъ иностранцевъ, которымъ на ихъ родинѣ не давали ходу общественныя условія, политическія обстоятельства, которые здѣсь, какъ англосаксонскіе поселенцы на дѣвственной почвѣ Америки, находили и кипучую дѣятельность, и почести, и богатство въ случаѣ удачи. Зато надъ уровнемъ, подъ которымъ лежала инертная масса русскаго народа, со времени Петровой реформы привыкшаго видѣть быстрыя превращенія и потому равнодушно и безучастно

на нихъ смотрѣвшаго, надъ этимъ уровнемъ разыгрывались самыя разнообразныя сцены. Невольно приходятъ на память слова Кирила Разумовскаго, когда Платонъ, въ послѣдствіи славный митрополитъ московскій, во время проповѣди сошелъ съ амвона и, подойдя къ гробницѣ Петра Великаго, вызывалъ его встать и взглянуть на его Россію:— «Чого винъ его кличе, сказала Разумовскій окружающимъ:—якъ встаете, такъ всѣмъ достанется». А между тѣмъ тогда праздновалась побѣда русскаго флота въ Архипелагѣ и Россіей правила Екатерина Великая. Ни одно столѣтіе не представляетъ такихъ быстрыхъ переходовъ, такихъ поразительныхъ контрастовъ, какъ XVIII вѣкъ, и это характеръ не одной первой его половины, по всего столѣтія. Реформы Петра вдвинули Россію въ кругъ европейскихъ державъ и настежь отворили дверь чужеземному вліянію. Новые обычаи, нравы, привычки, языкъ европейскихъ народовъ втѣснились въ высшее сословіе, проникли и глубже. Новыя потребности были возбуждены, а между тѣмъ старый бытъ съ своими условіями еще глубоко коренился въ обществѣ. Вся масса низшихъ слоевъ народонаселенія, покорившаяся, послѣ нѣсколькихъ попытокъ отстоять старину, волѣ преобразователя, тѣмъ не менѣе осталась при своемъ. Не принимая участія въ политической жизни, смотря равнодушно на перемѣны властителей, она представляла страдательное, но тѣмъ не менѣе упорное сопротивленіе новому духу, внесенному Петромъ. Формы древняго быта исключительно господствовали не только въ земледѣльческомъ населеніи, какъ онѣ господствуютъ и теперь даже: онѣ сохранили свою власть и надъ значительною, чтобы не сказать большею, частію городского сословія и низшаго и даже высшаго дворянства. Нравы и обычаи Домостроя сталкивались и не мѣшали европейской виѣшности. Разсказъ леди Рондо о поступкѣ русскіхъ знатныхъ дамъ съ французскимъ любезникомъ хорошо

характеризуетъ нравы высшаго общества ¹⁾). Борьба новаго начала съ до-петровскою стариною была упорна и продолжительна. Оттого при блестящемъ дворѣ императрицы Анны, поразившемъ французскихъ плѣнныхъ офицеровъ своимъ великолѣпьемъ, европейскими манерами и вѣжливостію, мы находимъ въ числѣ шутовъ князя Голицына, записаннаго въ эту должность за принятіе католицизма. Почти въ то же время, когда въ тайной канцеляріи истязали архіепископа Оеофилakta Лопатинскаго за сочиненіе книги въ защиту «Камня Вѣры» Яворскаго, въ Петербургѣ публично жгли на площади флотскаго капитанъ-лейтенанта Возницина за отступничество отъ христіанской вѣры (П. С. З. 7, 612). Вельможа Екатерины ²⁾ падалъ въ обморокъ, когда читалъ слѣдственное дѣло Волинскаго. Основана академія и вызваны знаменитые европейскіе ученые, а профессоръ считался поставщикомъ одъ на случаи, обязанъ былъ устраивать фейерверки и маскарады и

¹⁾ «Здѣсь есть молодой человѣкъ, модникъ, путешествовавшій во Францію, и проч. Возвратившись домой, онъ встрѣтилъ трехъ или четырехъ красавицъ въ домѣ своего знакомаго, гдѣ онъ танцевалъ, пѣлъ, смѣялся, былъ свободенъ съ дамами à la mode de Paris. Показавъ опыты своей ловкости, онъ началъ хвастать, что успѣлъ возбудить въ себѣ любовь въ каждой изъ красавицъ и это дошло до ушей de Mess. leurs maris (ибо онѣ были замужнія): мужа долго смотрѣли, не зная, на что рѣшиться: наконецъ, высказали прямо своимъ женамъ, что онѣ имъ очень недовольны. Дамы пожелали, чтобы имъ позволено было привести съ собою этого господина къ своимъ мужьямъ. Всѣ эти четы условились, чтобы одна изъ нихъ пригласила его на ужинъ къ себѣ въ домъ, не объявляя, что съ нимъ еще будетъ. Онъ полетѣлъ на крыльяхъ любви на свиданіе в его пріимали, какъ нельзя лучше: но въ минуту его высочайшихъ надеждъ-хозяйка начинаетъ его упрекать за рѣчи, которыя онъ говорилъ. Онъ запырзася: но къ нимъ входятъ другія дамы съ своими мужьями, свидѣтелями его вины, и обвиняютъ его совершенно. Мужья произнесли приговоръ, чтобы жены его высѣли. Одни говорятъ, что онѣ, въ самомъ дѣлѣ, это сдѣлали, другіе, что онѣ препоручили экзекуцію своимъ дѣвкамъ». *Письма леди Рондо*, (Пер. М. К. ст. 38—39).

²⁾ П. И. Панинъ.

подвергался всевозможнымъ оскорбленіямъ. Въ царствованіе Елизаветы, отмилившей смертную казнь и давшей объѣтъ не проливать крови подданныхъ, на площади, рукой палача, были биты кнутомъ двѣ знатнѣйшія придворныя дамы и вырѣзаны языки имъ, а третью высѣкли плетью тотчасъ, какъ она оправилась отъ беременности. Царственная рука пишетъ наказъ, гдѣ высказаны начала, достойныя общества на самой высшей степени гражданскаго развитія, идеи передовыхъ людей западной Европы, еще и тамъ не признанныхъ большинствомъ и правительствами, а въ то же время закрѣпляется Малороссія. Что сказать о быстрыхъ возвышеніяхъ изъ ничтожества на самую вершину почестей и значенія, и о столь же быстрыхъ паденіяхъ? Достаточно нѣсколькихъ формулярныхъ списковъ, сухихъ перечней производства, чтобы убѣдиться, что эта эпоха, съ своимъ характеромъ, не походящимъ на характеръ другихъ эпохъ, есть эпоха перехода, броженія, гдѣ на каждомъ шагѣ сталкиваются и перекрещиваются самыя противоположныя явленія, эпоха, въ которую, если одна большая часть народонаселенія осталась въ своемъ косномъ покоѣ, въ своей неподвижности, зато другіе, высшіе слои взволнованы, такъ-сказать, до самаго основанія, и событія то выносятъ на верхъ, то также быстро погружаютъ въ ничтожество людей, имѣвшихъ счастье или несчастье попасть въ водоворотъ ихъ. То было время вѣшняго блеска и славы Россіи, славы, купленной настоящею цѣною, время тяжелой, грустной борьбы съ внутренними злоупотребленіями, съ закоснѣлымъ невѣжествомъ, съ азіатскими нравами.

Люди этого времени носятъ на себѣ особый характеръ. Не смотря на безконечное разнообразіе характеровъ, нравственныхъ качествъ, направленій и образцованности, на всѣхъ нихъ лежитъ одинаковая печать. Событія воспитывали ихъ всѣхъ въ одной школѣ.

Старинныя формы быта, гдѣ каждому происхожденіемъ указывалось его мѣсто въ обществѣ, гдѣ извѣстные роды назначались къ боярству, а другіе къ околичеству и т. д. *), рухнули безъ возврата. Безродный казакъ становился на ступеняхъ трона (Разумовскій); сынъ пастора (Остерманъ), бѣглый студентъ, клалъ по своему произволу тяжесть Россіи въ ту или другую чашу европейскаго равновѣсія; презрѣнный разночинецъ (Биронъ), котораго курляндское дворянство отказалось занести въ свои списки, сдѣлался герцогомъ и почти самовластнымъ повелителемъ огромной имперіи. На добро или зло передъ каждымъ раскрывался безграничный просторъ, полный разгулъ страстямъ и надеждамъ. Но человѣкъ безъ крѣпкаго закала воли, безъ мужества и рѣшимости въ сердцѣ остановился бы на первыхъ шагахъ этого поприща. Слабымъ не было тутъ мѣста. Каждая сторона, добрая или злая, выказывалась со всею энергіей. Въ дѣйствіи были типическія силы. Такое явленіе, какъ Бецкій — явленіе исключительное и возможное только при Екатеринѣ. Истинныхъ, деликатныхъ организацій не найдете вы въ это время. Большая часть историческихъ лицъ отличаются какою-то удалю, жаждой наслажденій, незнаніемъ жизни ни въ добрѣ, ни въ злѣ. Въ самыхъ развитыхъ натурахъ, въ лучшихъ людяхъ этого времени замѣтна грубость. Какъ языкъ еще не выдѣлился, не освободился отъ своей церковно-славянской основы, съ трудомъ прилаживался къ чуждымъ для него формамъ европейской поэзіи и еще болѣе чуждому содержанію, какъ въ эротическихъ пѣсняхъ Анакреона, переведенныхъ Ломоносовымъ и даже Державинымъ, отражалась еще жесткость и грубость, точно также характеры дѣйствующихъ лицъ еще хранили на себѣ рѣзкіе слѣды стараго быта. Даже тѣ изъ дѣятелей, которые, повидимому, безъ раздѣла предались новому европейскому направленію, для которыхъ

*) Котошихинъ „О Россіи“ гл. II, стр. 1, 2, 3.

Петръ и его реформа были предметомъ восторженнаго поклоненія, и на тѣхъ борьба съ отжившимъ, отвергаемымъ, или былымъ положила неизгладимую печать. Взгляните на Ломоносова, лучшаго, благороднѣйшаго бойца новаго направленія, достойнаго продолжателя Петровыхъ начинаній. Какая могучая сила, но вмѣстѣ съ тѣмъ какая жесткость характера, мало еще смягченнаго образованіемъ. Странно звучитъ въ его устахъ иѣжная пѣснь греческаго лирика. Онъ въ своей сферѣ только за химическими опытами, за излѣдованіями законовъ природы и математическими выкладками; туда обращены все его симпатіи, гдѣ нуженъ одинъ умъ; поэтъ же онъ по обязанности, и только на имя Петра откликается онъ поэтическимъ восторгомъ, да негодованіе на поборниковъ бессмысленной обрядности вырываетъ у него нѣсколько ѣдкихъ стиховъ. Все знаютъ изъ разсказовъ Штелина его страшную физическую силу, его недостойную слабость къ вину, его грубость, иногда ципическія перебранки съ литературными врагами. Ломоносовъ — лучший представитель тѣхъ суровыхъ поколѣній, которыя воспитывались среди шумной работы Петрова преобразования, которыя выдвинуты были впередъ этимъ хаотическимъ броженіемъ, изъ котораго должна была возникнуть новая Россія. Другимъ представителемъ XVIII в. является Потемкинъ, натура гениальная, но загадочная, окруженная какимъ-то ореоломъ чудесности, какъ загадочно и исполнено чудесъ было и самое время, среди котораго жилъ и дѣйствовалъ любимецъ Екатерины. Личность Потемкина до сихъ поръ еще не ясно обозначилась предъ глазами историка; его многосторонняя дѣятельность до сихъ поръ еще вполне не приведена въ извѣстность, не оцѣнена надлежащимъ образомъ. Позднѣйшаго историка точно такъ же, какъ и современниковъ, прежде всего поражаетъ соединеніе самыхъ противоположныхъ свойствъ, такъ хорошо схваченныхъ и

изображенных Сегюромъ, амальгама азіатскаго съ европейскимъ, грубости нравовъ и изысканности версальскаго придворнаго, небывалаго великолѣпія съ крайнею простотою жизни, колоссальныхъ замысловъ, которые также скоро начинались приводиться въ исполненіе, какъ и бросались. Мѣтко замѣчаніе Сегюра, что только въ Россіи и въ это время возможно подобное явленіе. Но для насъ имѣетъ глубокой смыслъ та внезапно приходившая, повидимому, безотчетная и безпричинная тоска, которая иногда надолго овладѣвала Потемкинымъ, заставляла его по цѣлымъ недѣлямъ сидѣть молча, не выходя изъ комнаты, или равнодушно стоять подъ свистомъ ядеръ и мечтать о монастырской кельѣ среди самыхъ блестящихъ успѣховъ. Однимъ пресыщеніемъ, дешево достававшимися наслажденіями объяснить этого нельзя. Это была скорѣе та тоска, которую долженъ былъ чувствовать дѣятель, у котораго не было твердой почвы подъ ногами, для котораго разорваны были все связи съ прошедшимъ, который оставался одинъ, безъ историческихъ преданій, безъ вѣры въ будущее, потому что на его же глазахъ совершилось столько измѣненій, а, главное, безъ яснаго сознанія потребностей настоящаго, безъ прочныхъ, окончательно выработавшихся убѣжденій, на которыхъ онъ могъ бы основать свою дѣятельность, которая могла дать цѣль для всей жизни. Оттого-то эти быстрые переходы отъ лихорадочной дѣятельности, отъ колоссальныхъ замысловъ къ апатіи и безотрадному упадку нравственныхъ силъ. Онъ дѣйствовалъ, руководясь благородными инстинктами, угадывая иногда тонкимъ чутьемъ потребности времени и народа. Ему не доставало яснаго сознанія, безъ котораго остается безпомощнымъ и внутренне несостоятельнымъ историческій дѣятель; и тосковалъ и мучился Потемкинъ этою внутреннею несостоятельностью, этою пустотою, которую не могло наполнить его необыкновенное счастье.

У дѣятелей XVIII вѣка не было твердой почвы подъ ногами, не было историческихъ преданій. Права мѣнялись едва ли не съ каждымъ царствованіемъ. Вельможа Елизаветы уже отличался отъ придворнаго Анны Иоанновны. Поколѣнія, выросшія или возмужавшія при Екаторинѣ, не имѣли ничего общаго съ поколѣніями первой половины XVIII столѣтія. На что могли сознательно опереться государственные дѣятели? На реформу Петра Великаго. Но смыслъ этой реформы былъ унесенъ въ могилу ея виновникомъ. Къ какой конечной цѣли хотѣлъ онъ вести народъ свой, какую форму общественнаго строя хотѣлъ дать онъ ему, было непонятно даже для близкихъ исполнителей его воли. Оттого такое поразительное явленіе, какъ предложеніе ввести шведскій образъ правленія тотчасъ послѣ того, какъ закрылъ глаза государь до того самодержавный, что не задумался положить руку на самую почти основу самодержавія, на порядокъ престолонаслѣдія. Оттого такое броженіе ощущенья и на удачу въ дѣлахъ внутренняго устройства, не смотря на то, что власть находилась еще въ рукахъ людей, Петромъ воспитанныхъ и близко къ нему стоявшихъ. Одно было ясно въ реформѣ Петра, это — отношеніе Россіи къ другимъ державамъ, и потому-то въ дѣлахъ вѣшной политики, не смотря на частыя перемены правленія, на внутренніе перевороты, мы всего болѣе видимъ и единства, и вѣрности первоначальнымъ планамъ Петра Великаго. Что бы ни происходило внутри государства, а Россія все тѣснѣе связывала судьбу свою съ судьбою Европы, постоянно увеличивала свое участіе въ дѣлахъ ея и усиливала свое европейское значеніе. Смыслъ реформы начинаетъ снова открываться только при Екаторинѣ II, и можно смѣло сказать, что прямой законной наслѣдницей великаго преобразователя, наслѣдницей по духу, если не по плоти, была Екатерина Великая. Промежуточный періодъ

былъ какимъ-то междучарствіемъ. Но Екатерина пачала дѣло совѣмъ инымъ путемъ: вмѣсто практической, прямо приложимой пользы, вмѣсто непосредственно получаемыхъ, осязательныхъ результатовъ, она искала идеаловъ. Доказательствомъ этому можетъ служить знаменитый Наказъ. Можно ли было приложить его къ дѣйствительности? Прилагали ли его? Нѣтъ! Да иначе и не могло быть. Нѣкоторые положенія Наказа неприложимы даже къ настоящему нашему общественному устройству. Многія формы до сихъ поръ еще ждутъ своего содержанія *). Вотъ отчего для тѣхъ, кто искалъ не только удовлетворенія личнымъ своимъ интересамъ, или кто, подобно Потемкину, не могъ уже ничего желать для себя лично, кто, слѣдовательно, если хотѣлъ дѣйствовать, долженъ былъ дѣйствовать для общества, были естественны и неминуемы минуты нравственнаго ослабленія, минуты душевной тоски. Исторія XVIII столѣтія въ Россіи — славная и печальная исторія.

XVIII вѣкъ безполезно прошелъ для насъ. Дѣти XIX столѣтія, мы напрасно съ дѣтскимъ небреженіемъ, легкомысленно оставляемъ въ забвеніи труды нашихъ предшественниковъ. Исторія прошлаго вѣка еще ждетъ своихъ дѣателей. Другія эпохи уже разработаны съ большою добросовѣстностію, между тѣмъ, какъ ближайшая къ намъ по времени представляетъ еще массу сырыхъ матеріаловъ, не разработанныхъ критически, не сведенныхъ, не провѣренныхъ одинъ другимъ. Большая часть изъ нихъ еще не собраны и не изданы, и не издаваемые остаются забытыми. Современность слишкомъ увлекла насъ, заставила закрыть глаза на предшествующую эпоху. За незаслуженными, преувеличенными похвалами, которыми читались имена писателей прошлаго вѣка, послѣдовало не менѣе

*) Считаю нужнымъ напомнить читателю, что этотъ курсъ С. В. Ешевскаго относится къ 1856 году. А. Т.

незаслуженное презрѣніе, и дѣтское преклоненіе передъ авторитетами замѣнилось столь же дѣтскимъ смѣхомъ надъ ними. Съ одной стороны это понятно. Людямъ, возросшимъ на стилѣ Карамзина, Пушкина, Гоголя, тяжело перечитывать тяжелые стихи Сумарокова или труды еще менѣе даровитыхъ писателей, оцѣнить великую заслугу Татищева или признать нѣкоторое достоинство въ исторіи князя Щербатова. Съ другой стороны, послѣ царствованія Александра тяжело переноситься мыслью, наприимѣръ, въ царствованіе Аппы Іоанновны. Намъ какъ-то тяжело признать въ себѣ кровное родство съ людьми XVIII вѣка, сознаться, что нашею современностію мы одолжены имъ. Только очень недавно начали заниматься исторіей внутренняго развитія общества въ прошломъ столѣтіи, безъ предубѣжденій отдавать справедливость тогдашнимъ дѣателямъ; но до сихъ поръ большинство ихъ еще ждетъ своихъ біографовъ и, хотя строгой, но правдивой оцѣнки ихъ трудовъ. Приведемъ доказательства. По преданію, еще оставшемуся отъ XVIII столѣтія, мы съ благоговѣніемъ преклоняемся предъ Наказомъ императрицы Екатерины. И что же? Только въ самое послѣднее время начальство Имп. публичной бібліотеки привело въ извѣстность его изданія и переводы. Настоящаго ученаго изданія «Наказа» у насъ еще нѣтъ. Отношеніе его къ современному ему философскому и социальнымъ теоріямъ, преимущественно французской школы, не показано. Вліяніе его на послѣдующее законодательство, на внутреннее устройство еще не обозначено даже въ самыхъ главныхъ общихъ чертахъ. Всѣ мы знаемъ «Наказъ» по слуху: многіе ли читали его? *) Возьмемъ другой примѣръ. Что есть у насъ о

*) Подобные примѣры, къ сожалѣнію, не устарѣли и въ наше время. Съ весьма важными работами знаменитой «Комиссіи о начертаніи уложенія», для которой былъ написанъ «Наказъ», мы отчасти познакомились лишь въ 1869 году, благодаря IV тому «Сборника Русскаго Историческаго Общества». А. Т.

переводной литературы XVIII вѣка? А между тѣмъ эта литература огромная и имѣвшая сильное вліяніе, какого она, напротивъ, теперь уже не имѣетъ. На ней образовались и выросли цѣлыя поколѣнія, которыхъ дѣятельность принадлежитъ уже нашему столѣтію. Не было почти ни одного замѣчательнаго произведенія современной европейской литературы, въ какомъ бы родѣ оно ни было, которое бы тотчасъ не переводилось и не читалось съ жадностію. Почти всѣ древніе писатели были распространены въ нашей публикѣ въ русскихъ переводахъ, чѣмъ не можетъ похвалиться наше время, несмотря на то, что изученіе древнихъ языковъ было тогда, быть можетъ, болѣе распространено. Старой журналистикой стали заниматься только въ недавнее время, когда уже даже среди сокровищъ Имп. публ. библ. нельзя отыскать нѣкоторыхъ журналовъ. Когда хватятся за мистическое направленіе, занимавшее такое важное мѣсто въ литературѣ и жизни XVIII вѣка, большая часть памятниковъ этого направленія будетъ, можетъ быть, уже затеряна безъ возврата. Самое Полное Собраніе Законовъ похоже на хорошо устроенный архивъ, въ который заглядываютъ не очень многіе. Правда, есть причины, до нѣкоторой степени объясняющія отсутствіе научной разработки этого времени. Оно слишкомъ близко къ намъ и не всѣхъ явленій позволено касаться историку; но многія могли бы быть свободно объяснены, а между тѣмъ остаются въ полусвѣтѣ. Притомъ то, что въ настоящемъ положеніи не можетъ еще быть вполне раскрыто передъ свѣтомъ, могло бы быть собираемо какъ матеріалъ для будущихъ, болѣе насъ счастливыхъ историковъ.

Исторія XVIII столѣтія не заслуживаетъ такого умышленнаго или неумышленнаго пренебреженія. Не говоря уже о блестящей, вполне извѣстной сторонѣ этого столѣтія, объ европейскомъ значеніи Россіи, о блестящей, вполне заслуженной славѣ русскаго оружія, объ огромныхъ успѣхахъ, добытыхъ

честно мечемъ или взятыхъ хитрою политикой, темными сдѣлками съ сосѣдями, одна внутренняя сторона этой исторіи, исторія общественнаго развитія, заключаетъ въ себѣ много такого, что съ неодолимою силой приковываетъ къ себѣ вниманіе каждаго мыслящаго человѣка. Дѣйствія правительства, не смотря на частыя колебанія, на отсутствіе опредѣленнаго плана, слѣдствіе отсутствія сознанія настоящихъ потребностей общества и трудностей, представляемыхъ громадною и разноплеменною имперіею, не остались, однакоже, безъ благотворнаго вліянія. При Екатеринѣ Великой правительство заняло подобающее ему мѣсто въ челѣ народа, вошло въ свою законную роль быть вождемъ народа къ просвѣщенію, проводникомъ свѣта. Среди своекорыстныхъ политическихъ дѣятелей являются натуры благородныя въ полномъ смыслѣ этого слова, съ самоотверженіемъ трудившіяся на пользу своей родины. Достаточно указать на Ив. Ив. Шувалова въ царствованіе Елизаветы, на Бецкаго при Екатеринѣ. Память ихъ, чистая отъ всѣхъ нареканій, должна быть священна для каждаго Русскаго. Забудемъ ли труды частныхъ лицъ, иногда безвѣстно, дѣятельно помогавшихъ правительству въ дѣлѣ народнаго воспитанія, въ борьбѣ съ внутреннимъ безпорядкомъ и темнымъ невѣжествомъ, въ защитѣ реформы, карая съ одной стороны тупоумное, слѣпое пристрастіе къ старинѣ и невѣжественной патріархальности, съ другой безсмысленное, поверхностное подражаніе всему чужеземному? Съ Кантемира не умолкалъ на Руси этотъ голосъ честнаго негодованія противъ аномалій современности. Въ сатирическихъ журналахъ, въ комедіи и баснѣ, въ самой лирикѣ безпощадно выводилъ онъ наружу темныя стороны общественной жизни. Въ сатиру XVIII вѣка не слышно еще того задушевнаго, добродушнаго смѣха, съ которымъ выступилъ великій сатирикъ нашего времени. Сатира прошлаго вѣка груба и ядовита. Суровы

и порой цинически грязны ея даже легкія произведенія, но не забудемъ, что тогда шла ожесточенная борьба, рѣшался вопросъ: быть или не быть? и намъ понятно станеть это ожесточеніе. Другіе дѣятели шли другимъ путемъ; они облегчали болѣе основательное знакомство съ западною цивилизаціей. Переводами на языкъ, чтеніе котораго невольно вызываетъ теперь улыбку, передавали они все, что было лучшаго у другихъ народовъ, часто безъ выбора, безъ исканія извѣстности, дѣйствуя по внутреннему побужденію, для удовлетворенія внутренней потребности. Болотовъ, переводящій нѣмецкое сочиненіе въ лагерѣ наканунѣ битвы, безъ мысли объ изданіи — лучшій представитель этихъ благородныхъ тружениковъ, которыхъ имена остаются по большей части неизвѣстными, а труды, если и продаются, такъ на вѣсь. Совокупнымъ вліяніемъ правительства и частныхъ лицъ образовалась та новая порода отцовъ и матерей, необходимость которой доказывала Бецкій въ своемъ знаменитомъ докладѣ императрицѣ Екатерины, которая внесла въ общественную и частную дѣятельность новое направленіе. Среди грома русскаго оружія воспиталось гордое сознаніе своего народнаго достоинства, своего права на вступленіе въ семью европейскихъ народовъ лицомъ полноправнымъ и равнымъ; и если только въ XIX столѣтіи раздалась впервые лира народнаго русскаго поэта, не забудемъ, что для того и другаго почва была приготовлена въ XVIII вѣкѣ, и сохранимъ благодарную память о тѣхъ, кто тяжелымъ, иногда неблагодарнымъ трудомъ доставилъ намъ возможность, не отказываясь отъ почетнаго имени Европейца, съ гордостью пазывать себя Русскимъ.

Въ запискахъ кн. Як. П. Шаховскаго (I, 70) находимъ въ высшей степени любопытныя подробности о первыхъ дняхъ, слѣдовавшихъ за вступленіемъ на престолъ Елизаветы. Еще наканунѣ (24 ноября) пробылъ онъ весь день на именинахъ

супруги кабинетъ-министра гр. Мих. Гавр. Головкина, пользовавшагося особеннымъ довѣріемъ правительницы. Всѣ комнаты, заисключеніемъ только той, гдѣ лежалъ страдавшій полагрой хозяинъ, съ утра до ночи были наполнены знатыми посѣтителями и иностранными министрами. Только въ 1-мъ часу ночи разъѣхались гости, и Шаховской, домашній человѣкъ въ домѣ министра, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ понавѣсивъ по его милости въ сенатъ, воротился домой «во всякомъ удовольствіи и пріятномъ размышленіи о своихъ поведеніяхъ, что я уже господинъ сенаторъ, между стариками въ первѣйшихъ чинахъ находящимися обращаюсь, и будучи такого многомощнаго министра любимецъ, день отъ дня лучшія приемыши себѣ ожидать и притомъ ласкать себя могу надолго счастливымъ». Едва только заснулъ Шаховской, какъ стукъ въ ставни иголось сенатскаго экзекутора разбудили его. Ему кричали, чтобъ онъ ѣхалъ въ цесаревининъ дворецъ, потому что она изволила принять престолъ русскаго правленія. Улицы были полны народомъ, не смотря на темную и морозную ночь. Полки Гвардіи, рассказываетъ Шаховской, стояли подъ ружьемъ на ближайшихъ къ дворцу улицахъ. Разложены были огни; солдаты пили вино. Въ воздухѣ раздавались восклицанія: «Здравствуй наша матушка императрица Елизавета Петровна!» Карета Шаховскаго не могла проѣхать за тѣснотой. Итъкомъ дошелъ онъ до дворца и протѣснился въ комнаты. Встрѣтивъ сенатора кн. Алек. Дмит. Голицына, онъ хотѣлъ-было узнать, какъ это сдѣлалось, но тотъ зналъ не больше его. Только въ третьей комнатѣ, камергеръ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, одинъ изъ участниковъ, рассказалъ имъ наскоро главныя обстоятельства. Среди растерянныхъ, ошеломленныхъ нечаяннымъ переворотомъ придворныхъ и сановниковъ гордо и весело расхаживали его участники. Генералъ-аншефъ Вас. Фед. Салтыковъ, много послужившій дѣлу съ своей супругой

Марьей Алексѣвной, подошелъ къ Шаховскому и Голицыну, и, ухватя первого за руку, со смѣхомъ сказалъ: «Вотъ сенаторы стоятъ», и на отвѣтъ Шаховскаго: «Сенаторы, сударь», съ хохотомъ закричалъ: «Что теперь скажете, сенаторы?» Скоро вышла изъ внутреннихъ покоевъ Елизавета и пришла отъ собравшихся поздравленіе. Всѣмъ вѣдно было отправиться въ Зимній Дворецъ. Пришлось пробираться пѣшкомъ сквозь толпы солдатъ и народа. Новая императрица ѣхала въ открытой линейкѣ, окруженная гренадерами, возведшими ее на престолъ. Въ придворной церкви Зимняго Дворца началась присяга. Утромъ въ тотъ же день вышелъ первый манифестъ о вступленіи на престолъ и разослана изъ сената форма присяги. Въ манифестѣ (№ 8, 473 П. С. З.) сказано было: «Какъ то всѣмъ уже чрезъ выданный въ прошломъ 1740 году въ октябрѣмѣсяцѣ 5-го числа манифестъ извѣстно есть, что блаженныя памяти отъ великой государыни императрицы Анны Іоанновны, при кончинѣ ея, наследникомъ Всероссійскаго престола учиненъ внукъ ея величества, которому тогда еще отъ рожденія нѣсколько мѣсяцевъ только было, и для такого его младенчества правленіе государственное чрезъ разныхъ персоны и разными образы происходило, отъ чего уже, какъ виѣшніе такъ и внутри государства безпокойства и непорядки, и слѣдовательно, не малое же разорѣніе всему государству послѣдовало бѣ; *того ради, всѣ наши, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чина въпрны подданные*, а особливо лейбъ-гвардіи наши полки, всеподданнѣйше и *единогласно* насъ просили, дабы мы, яко по крови ближняя, отеческой нашъ престолъ всемилоствѣйше воспріять соизволили» и. т. д. Ни слова о незаконности назначенія Іоанна императоромъ, о старомъ правѣ Елизаветы на престолъ. Очевидно, составители манифеста еще не были увѣрены въ окончательномъ торжествѣ, не знали, какой оборотъ примутъ дѣла, и не смѣли высказаться

выполнѣ. Мы знаемъ, что воротившись изъ ночнаго предпріятія въ свой дворецъ, Елизавета показала войскамъ съ младенцемъ Іоанномъ на рукахъ, покрывая его поалуями; знаемъ также, что два дня возведеніе Елизавету на престолъ гренадеры безвыходно находились въ дворцовыхъ залахъ съ заряженными ружьями. Второй манифестъ, вышедшій 28-го ноября (№ 8, 476), написанъ уже въ другомъ духѣ. Здѣсь права Елизаветы на престолъ основываются на духовной императрицы Екатерины I, первымъ пунктомъ которой назначенъ былъ наследникомъ престола Петръ II, а въ 8-мъ пунктѣ было сказано: «Ежели великій князь безъ наследниковъ представится, то имѣть по немъ цесаревна Анна съ своими десцендентами, по ней цесаревна Елизавета и ея десценденты, и потомъ великая княжна и ея десценденты наследствовать; однакоже мужеска пола наследники предъ женскимъ предпочтены быть имѣютъ», и т. д. «И такъ, слѣдовательно—продолжаетъ манифестъ—по тому ея императорскаго величества матери нашей государыни тестаменту, какъ то выше изображено, мы еще тогда жъ, какъ скоро, по волѣ Всемогущаго Бога, императоръ Петръ II, сію временную на вѣчную жизнь премѣнилъ, уже законною наследницею нашего отеческаго Всероссійскаго престола безъ изыятія были». Составители, приводя 8-й пунктъ духовной Екатерины, въ доказательство правъ Елизаветы, забыли, что по ней все право принадлежитъ сыну цесаревны Анны и герцога Голштинскаго, именно впоследствии царствовавшему Петру III, родившемуся въ 1728 г., слѣдовательно, еще при жизни Петра II. Далѣе сказано въ манифестѣ, что, по кончинѣ Петра II, духовная Екатерины была скрыта гр. Остерманомъ, что его же просками избрана помимо Елизаветы Анна Іоанновна; что опъ же, Остерманъ, во время болѣзни императрицы, сочинилъ опредѣленіе о назначеніи наследникомъ малолѣтняго Іоанна («никакой уже ко

Всероссійскому престолу принадлежащей претензіи, лишии и права не имѣющаго»); что потомъ Остерманъ, Мишихъ и гр. Головкинъ взяли правительство имперіи въ свои руки подъ именемъ принцессы Анны, которая не устыдилась принять титулъ («ни мало ей подлежащій») великой княгини Всероссійской; что, далѣе, Остерманъ и Головкинъ, съ согласія принцессы и ея супруга, составили опредѣленіе о конечномъ отрѣшеніи Елизаветы отъ наслѣдія и о провозглашеніи принцессы Анны Леопольдовны императрицей; что, наконецъ, «по всеподданнѣйшемъ всѣхъ вѣрноподанныхъ, а наипаче и особливо лейбъ-гвардіи полковъ прошеніи, Елизавета воспріяты изволила престолъ.» Въ концѣ манифеста объявлено, что принцесса Анна съ супругомъ и семействомъ, «съ надлежащею имъ честью и съ достойнымъ удовольствіемъ, предавъ ихъ вышенъизъясненные разные предосудительные поступки крайнему забвенію», будутъ всемилоостивѣе отправлены въ ихъ отечество.

Награды участникамъ въ переворотъ и судъ надъ арестованными сановниками заняли первое время царствованія Елизаветы. Нѣсколько дней происходили совѣщанія, и слѣдствіемъ ихъ былъ именной указъ декабря 12-го, которымъ возстановлено было значеніе сената и уничтоженъ былъ кабинетъ министровъ. Число сенаторовъ было 14. Пять пожалованныхъ въ правленіе принцессы Анны сенаторовъ были исключены. Лестоку, знавшій по опыту, какъ непрочны были до сихъ поръ правительства въ Россіи, просилъ Елизавету наградить его деньгами и отпустить за границу. Онъ предчувствовалъ, что его возвышеніе надѣлаетъ ему много сильныхъ враговъ, но долженъ былъ уступить желанію императрицы и остался въ Россіи.

Онъ былъ назначенъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, первымъ медикомъ и директоромъ медицинской коллегии. Послѣднее мѣсто соединено было съ 7,000 р. жалованья

въ годъ и кромѣ того приносило большіе доходы отъ медицинскихъ свидѣтельствъ, безъ которыхъ никто не могъ лечитъ въ Россіи, и отъ содержателей аптекъ. Какъ директоръ медицинской коллегии, Лестокъ не былъ подчиненъ сенату. Кромѣ того Лестокъ получилъ денежные подарки и портретъ императрицы, осыпанный брилліантами. Графъ Воронцовъ, братья Шуваловы и Балкъ, служившіе камеръ-юнкерами при Елизаветѣ, произведены въ камергеры. Бестужевъ-Рюминъ, удаленный отъ службы и двора послѣ паденія Бирона, былъ призванъ вновь на службу, по просьбѣ Лестока, получилъ орденъ Андрея Первозваннаго (30-го ноября), назначенъ генералъ-почтъ-директоромъ, сенаторомъ, а 12-го декабря вице-канцлеромъ на мѣсто Головкина. Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, любимецъ Елизаветы, не имѣвшій никакого служебнаго мѣста, кромѣ личныхъ занятій при особѣ Елизаветы, былъ слѣланъ въ самый день вступленія на престолъ дѣйствительнымъ камергеромъ, а 5-го февраля 1742 г. получилъ орденъ св. Анны. Это было впрочемъ начало милостей. Долгорукіе, оставшіеся въ живыхъ, были возвращены изъ ссылки, и князь Вас. Владим. возвращенъ прежній чинъ генералъ-фельдмаршала. Герцогъ Биронъ переведенъ изъ Целыма въ Ярославль, а братья его получили свободу. Большія награды были гвардіи и полкамъ, находившимся въ Петербургѣ. Именнымъ указомъ 31-го декабря 1741 г. опредѣлено было выдать штабъ и оберъ-офицерамъ лейбъ-гвардіи полковъ и полковъ Ингермайдскаго и Астрахацкаго не въ зачетъ третьяго годового жалованья; солдатамъ этихъ 4-хъ полковъ роздано было 42,000 р. Денегъ приказано было выдать изъ соляной конторы. Гренадерская рота Преображенскаго полка, возведшая Елизавету на престолъ, названа лейбъ-компаніей. Капитаномъ въ ней была сама императрица. Принцъ Гессенъ-гомбургскій назначенъ былъ капитаномъ-поручикомъ лейбъ-

компаніи съ чиномъ полнаго генерала, Разумовскій и Воронцовъ поручиками съ чинами генераль-лейтенанта, Шуваловы подпоручиками съ чиномъ генераль-маіоровъ; Грюнштейнъ адъютантомъ съ чиномъ бригадира. Сержанты получили чинъ полковниковъ, капралы стали капитанами. Всѣ рядовые объявлены потомственными дворянами, а герольдіи приказано было вписать имена ихъ въ дворянскую книгу и сочинить гербы, а уже имѣющимъ оныя прибавить въ старые гербы новыя. Лейбъ-компанія должна была содержаться насчетъ соляной конторы. Сентября 13 го 1742 г. утвержденъ былъ гербъ для лейбъ-компаніи съ надписью: за *вѣрность* и *ревность*. Именнымъ указомъ сенату, даннымъ въ день годовщины восшествія на престолъ (23-го ноября 1741 г.), пожаловано Грюнштейну изъ имѣнія графа Головкина 927 душъ крестьянъ и 3,591 четвертей земли. Все имѣніе гр. Головкина, 5,138 душъ и 7,338 четвертей земли, за вычетомъ части Грюнштейна, было раздѣлено между прапорщикомъ и 7 сержантами. Отписныя земли князя Мещикова раздѣлили между капралами и рядовыми лейбъ-компаніи (6 вице-сержантамъ по 50 д., 1 подпрапорщику и 1 квартирмейстеру по 45 д., 12 капраламъ по 40 д., 12 вице-капраламъ по 35 д. и 238 рядовымъ по 29 десятинъ). Переворотъ 23-го ноября 1741 г. былъ дѣломъ солдатъ, даже безъ участія почти офицеровъ; этимъ онъ отличался отъ подобнаго же переворота, произведеннаго Милыхомъ при арестованіи Бирона. Солдаты чувствовали свою силу, понимали, что въ ихъ рукахъ корона Россійской имперіи. Упоенные успѣхомъ, они позволяли себѣ все. Гренадеры въ самомъ дворцѣ просили у государственнаго канцлера денегъ. Подошедшій офицеръ замѣтилъ имъ, что, вѣроятно, они не знаютъ, съ какимъ знатымъ лицомъ они говорятъ. Отвѣтомъ было: «Теперь нѣтъ лицъ знатнѣе насъ, а другіе знатны до тѣхъ поръ, пока мы этого хотимъ».

«Гвардейцы и въ особенности гренадеры — пишетъ секретарь посольства Пецольдъ къ саксонскому министру Брюлю, отъ 23-го декабря н. с. — доходятъ до крайностей. Подъ предлогомъ поздравленія со вступленіемъ на престолъ новой императрицы, они ходятъ по домамъ и никто не смѣетъ отказать имъ въ деньгахъ. Особенно отличались лейбъ-компанцы. Грюнштейнъ, по словамъ Машштейна (II, 179), привыкнувъ быть рядовымъ, не могъ снести толь великаго чина, дѣлалъ всякія безчинства, пренебрегъ должное почтеніе даже къ самой императрицѣ и кончилъ тѣмъ, что, по наказаніи кнутомъ, сосланъ былъ въ пожалованныя ему деревни. 23-го ноября 1746 г. пожалованъ былъ адъютантъ лейбъ-компаніи, Данило Журавлевъ (179,690), слѣдовательно ссылку Грюнштейна должно отнести къ этому времени. Пецольдъ, отъ 16-го марта 1744 г., доноситъ объ угрозахъ Грюнштейна, говорившаго Разумовскому, что готовъ пожертвовать жизнью, чтобы только избавить государыню и государство отъ такого вреднаго чловѣка, каковъ генераль-прокуроръ князь Трубецкой. «Рота сія, продолжаетъ Машштейнъ, въ первые мѣсяцы пребыванія двора въ Петербургѣ дѣлала всякіе безпорядки, а повопроизведенные чиновники таскались по нитейнымъ домамъ, каждый день напивались до пьяна и валялись въ грязи; входили въ дома самыхъ знатныхъ господъ, требовали денегъ съ угрозами, и брали самовольно все, что имъ казалось по праву и пріятнымъ. Не было средствъ къ умиренію такихъ людей, которые во всю свою жизнь укрощаемы будучи только палками, не могли скоро привыкнуть къ снисходительному съ собой обращенію». Такъ какъ возведеніе Елизаветы казалось торжествомъ Русскихъ надъ иноземцами, то въ первое время между солдатами ходили толки о томъ, чтобы перебить всѣхъ Нѣмцевъ. «Мы иностранцы, пишетъ Пецольдъ вскорѣ послѣ переворота (донесеніе отъ 9-го дек. н. с.), находимся здѣсь постоянно

между страхомъ и надеждой. Со стороны солдатъ, съ каждымъ днемъ становящихся своевольнѣе, слышны только угрозы, и мы обязаны одному Провидѣнію, что до сихъ поръ ихъ злыя намѣренія еще не приведены въ исполненіе». Тѣ же самыя опасенія повторяетъ онъ въ другомъ донесеніи, писанномъ черезъ три дня—опасенія, усиленные еще тѣмъ, что Долгорукій и другіе, возвращенные изъ ссылки, принадлежали къ партіи, давно враждебной иностранцамъ (дон. 12-го декабря). Нѣсколько разъ ненависть къ Нѣмцамъ и буйство солдатъ доходили до кровавыхъ сценъ, грозившихъ принять большіе размѣры. Двѣ изъ нихъ рассказываетъ Манштейнъ въ своихъ запискахъ. На Пасхѣ 1742 г. гвардеецъ подрался на улицѣ съ гренадеромъ изъ полевыхъ полковъ, стоявшихъ тогда въ Петербургѣ. Проходившій офицеръ, Нѣмецъ, оттолкнулъ гвардейца. Тотъ кликнулъ товарищей, и офицеръ едва могъ спастись отъ нихъ въ домъ, гдѣ находились иностранные офицеры. Гвардейцы выломали ворота и двери и вломились въ домъ. Не успѣвшие спастись черезъ крышу, были избиты до полусмерти. Въ числѣ ихъ находились Саутропъ, адъютантъ фельдмаршала Ласси, и капитанъ Бровиъ. Безъ спальныхъ мѣръ Ласси, поставившаго по всемъ улицамъ караулы изъ армейскихъ полковъ и разсылавшаго дозоры днемъ и ночью, дѣло могло бы кончиться возмущеніемъ. Жители Петербурга находились въ сильномъ страхѣ и боялись показываться на улицахъ. Ласси донесъ о безпорядкахъ двору, но виновные были наказаны очень легко (II, 199). Другой разъ своеволие гвардейцевъ обнаружилось еще наглѣе. Это было въ станѣ подъ Выборгомъ лѣтомъ того же 1742 г. Шведскій парламентъ съ барабанщиками прибылъ въ лагерь съ письмами къ фельдмаршалу Ласси. Фельдмаршалъ былъ тогда въ городѣ, и дежурный генералъ Ливенъ провелъ Шведовъ въ свою палатку, чтобы, взявъ отъ нихъ письма, отвезти въ Выборгъ.

Варугъ 300 или 400 гвардейцевъ Семеновскаго и Преображенскаго полковъ съ крикомъ, что надо перебить иностранныхъ начальниковъ, которые пзмѣняютъ, бросились къ ставкѣ Ливена, не найдя его тамъ, пошли къ канцеляріи, перебили караулъ и пзибили Шведовъ, генералъ-адъютанта и служителей Ливена. На увѣщанія чиновниковъ гвардейцы отвѣчали, что прежде всего надобно перебить иностранныхъ чиновниковъ, а тамъ они будутъ послушны своимъ, Русскимъ. Къ счастью, подошедъ генералъ Кейтъ, бросился въ средину толпы, схватилъ одного изъ бунтовщиковъ и приказалъ послать за священникомъ, чтобы его исповѣдывать. Эта смѣлость поразила бунтующихъ. Тотчасъ ударили сборъ, и полевые полки съ конною гвардіей, не принимавшіе участія въ возмущеніи, взяли за оружіе, чтобы усмирить гвардейцевъ. На этотъ разъ наряжена была коммиссія подъ предѣтельствомъ Алек. Ив. Румянцева, и главному зачинщику отрублена была правая рука, а остальные виновные были биты плутомъ и сосланы въ Сибирь (II, 206). Несмотря, однако, на всѣ безчистства, гвардія, и въ особенности лейбъ-компанія, сохранила до конца особенную благосклонность императрицы Елизаветы. Такъ, напримѣръ, 31-го октября 1748 г. графъ П. И. Шуваловъ объявилъ волю императрицы, что онъ не будетъ подписывать никакихъ дипломовъ и патентовъ, прежде нежели будутъ готовы грамоты лейбъ-компанцевъ (№ 9,653). Лейбъ-компанія была уничтожена Петромъ III (№ 11,450), и большая часть служившихъ въ ней были отставлены отъ военной и статской службы съ награжденіемъ, впрочемъ, слѣдующимъ чиномъ.

Рядомъ съ милостями шли наказанія. Для суда надъ арестованными назначена была особая коммиссія изъ генералъ-прокурора князя Никиты Юрьевича Трубецкаго, графа Ушакова, генерала Левашева, оберъ-штальмейстера князя Куракина и тайнаго совѣтника Нарышкина. Она должна была

придать наружную законность казни или ссылки этих преступников, из которых главные, т. е. Минихъ, Остерманъ и Головкинъ, были уже заранее осуждены, всенародно объявлены государственными преступниками въ манифестъ о возмездіи. Главные пункты обвиненія Миниха были: 1) не защищалъ духовной Екатерины I, подъ которой онъ подписавшись, присягалъ; 2) былъ главнымъ виновникомъ регентства Бирона; 3) при арестованіи Бирона, чтобы склонить солдатъ къ этому, говорилъ имъ, что это дѣлалось для Елизаветы Петровны. По этому пункту свидѣтелями поставлены были не Манштейнъ, адъютантъ Миниха, главный помощникъ его въ арестъ Бирона, не солдаты, участвовавшіе въ предпріятіи, а нѣсколько подговоренныхъ солдатъ, совершенно постороннихъ; 4) разныя озлобленія, чинимыя имъ Елизаветѣ Петровнѣ, надсмотръ за ней и т. п.; 5) начальствуя арміею, не берегъ людей, дѣйствовалъ безъ военнаго совѣта, «не тожко съ меньшими русскими офицерами и многожды безъ суда, не по достоинству офицерскому въ штрафахъ поступалъ, но и на штабъ-офицеровъ солдатскій штрафъ налагалъ; и въ первомъ перекопскомъ походѣ нѣкоторыхъ изъ старыхъ шляхетскихъ фамилій полковниковъ, ругаясь, подъ ружье ставилъ и такъ ихъ предъ всею арміею водилъ»; 6) адгерентовъ своихъ не по достоинству производилъ и выпросилъ себѣ и имъ изъ казны большія суммы денегъ. Кромѣ этихъ было и нѣсколько меньшихъ обвиненій. Минихъ, по словамъ нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей, отвѣчалъ на всѣ обвиненія сильною рѣчью, послѣ которой, по приказу императрицы, тайно присутствовавшей при этомъ, прекращенъ былъ допросъ. По словамъ Манштейна, Минихъ, оскорбленный беззаконностію слѣдствія, сказалъ генераль-прокурору, что онъ подпишетъ тѣ отвѣты, которые слѣдователи сами составятъ, и такъ было и сдѣлано. Генераль-адмиралу графу Остерману

предложено было 80 обвиненій. Въ крѣпости онъ занемогъ горячкою и былъ близокъ къ смерти, такъ что уже причастился. По приказу Елизаветы онъ былъ переведенъ изъ крѣпости въ домъ. Его обвиняли: 1) не защищалъ духовной Екатерины I, напротивъ содѣйствовалъ избранію Анны Иоанновны, самъ сочинялъ одинъ завѣщаніе Анны Иоанновны, по которому назначенъ былъ наслѣдникомъ Іоаннъ Антоновичъ; 2) старался объ отлученіи отъ наслѣдія Елизаветы Петровны и ея племянника и писалъ поэтому разные проекты, изъ которыхъ въ одномъ совѣтывалъ выдать Елизавету за какого-нибудь чужестраннаго убогаго принца; 3) паче всего составилъ проектъ, чтобы послѣ Іоанна Антоновича наслѣдовать и сестрамъ его; въ частныхъ разговорахъ съ Менгденомъ и Левенвольдомъ говорилъ о возможности быть императрицею самой Аннѣ Леопольдовнѣ; 4) во многихъ озлобленіяхъ Елизаветѣ Петровнѣ; 5) дѣйствуя самовольно въ важныхъ дѣлахъ, откровенныхъ совѣтовъ не держалъ, генеральныхъ совѣтовъ не собиралъ, не старался, чтобы сочтены были лица, тратившія казенныя деньги; 6) и къ нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ, которыя до цѣлости всего государства касались, *въ предосужденіе всего русскаго народа* употреблялъ чужихъ націй (и не довольно извѣстныхъ о ихъ состояніи) людей, а не русскіхъ природныхъ, и тѣхъ во первыхъ награждать старался, чрезъ что русскимъ интересамъ воспослѣдовалъ вредъ; 7) выдавалъ въ расходъ деньги безъ совѣта другихъ кабинетъ-министровъ, измѣняя свои мнѣнія въ угодность другимъ, а не въ видахъ государственной пользы, злоупотреблялъ по званію генералъ-адмирала и т. п.; 8) «и будучи въ своемъ министерствѣ, имѣя все государственное правленіе въ своихъ рукахъ, *многія славныя и древнія русскія фамиліи опровергать и искоренять*, у высочайшихъ монарховъ въ озлобленіе приводить и отъ двора многихъ отлучать, и жестока

и неслыханныя мученія и экзекуціи какъ надъ знатыми, такъ и надъ незнатыми, не щадя и духовныхъ персонъ, въ дѣйство производить и между русскими подданными несогласія всѣвать старался», и много другихъ обвиненій. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ склонить на свою сторону Лестока, Остерманъ подписалъ, не читая, обвинительныя статьи. Вице-канцлера графа Мих. Гавр. Головкина обвиняли преимущественно въ томъ, что онъ по дѣлу въ перемѣнѣ сукцессіи былъ главнымъ зачинщикомъ, что онъ составилъ проектъ, чтобы представить въ кабинетъ на разсужденіе, о бытіи рожденнымъ отъ принцессы Анны принцессамъ наследницами русскаго престола, и мнѣніе, чтобы въ случаѣ смерти Іоанна Антоновича принцессѣ самой быть императрицей. Не представлялъ о растратѣ казенныхъ денегъ.

Оберъ-гофмаршала Левенвольда обвиняли въ томъ же. Остерману во всемъ потакалъ и съ нимъ, Остерманомъ, въ разсужденіе вступалъ. Выпросилъ изъ соляныхъ суммъ немалыя деньги право не давать отчета въ ревизіонъ-коллегіи по соляной суммѣ.

Президентъ коммерцъ-коллегіи Менгденъ признанъ виновнымъ: 1) въ крайнемъ стараніи доставить регентство Бирону, при чемъ онъ внушалъ другимъ, «что ежели Биронъ регентомъ не будетъ, то-де они иноземцы всѣ пропадутъ»; 2) въ преступленіяхъ по управленію коммерцъ-коллегіею, а именно: мимо коллегіи съ согласія только Миниха и Остермана разрѣшалъ вывозъ за границу хлѣба изъ Архангельска, Петербурга и завоеванныхъ провинцій, вступалъ самъ въ торги, бралъ взятки. — Дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Темирязевъ внушалъ принцессѣ Аннѣ о назначеніи дочерей ея наследницами и приказалъ секретарю Познякову сочинить по ея приказу два манифеста: одинъ объ этомъ, другой о провозглашеніи самой принцессы императрицей *на весьма худомъ и противномъ основаніи*.

Кромѣ этихъ главнѣйшихъ преступниковъ были еще и другіе: 1) *сынъ Миниха*, оберъ-гофмейстеръ, хотя по излѣдованію самой комиссіи ни въ какія предосудительныя разсужденія ни съ кѣмъ не вступалъ и совѣта и наставленій никому не давалъ, однакоже будучи у Анны и супруга ея въ великой милости и видя отъ того частое зло, пристойнымъ образомъ отвращать у нихъ не старался. 2) Тайный совѣтникъ *Стрѣльневъ* былъ употребляемъ Остерманомъ на развѣдыванія при дворѣ. 3) Генераль-лейтенантъ *Хрущевъ*, находясь при красногорскомъ корпусѣ, тайно посылалъ Остерману рапорты, стараясь объ уничтоженіи прокуроровъ. 4) Дѣйствительный статскій совѣтникъ Андрей *Яковлевъ* подавалъ Остерману разные негодные проекты о рекрутахъ, лошадяхъ, и т. п., составлялъ по входящимъ въ кабинетъ дѣламъ указы *зло, темно и конфузно*. У Остермана компановалъ духовную императрицы Анны Іоанновны. 5) Директоръ канцеляріи принца Антона брауншвейскаго Петръ *Грамотинъ* бралъ взятки. 6) Секретарь *Семеновъ* обрѣтался всегда при графѣ Остерманѣ въ партикулярной его услугѣ. 8) Подпоручикъ *Нотковъ*, 9) Антаврщикъ *Груберъ*, 10) Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка секундъ-майоръ *Чичеринъ*, 11) Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка аудиторъ *Барановскій* и 12) сержантъ *Обручевъ* присматривали за дѣйствіями Елизаветы Петровны по приказу принца Антона. Слѣдствіе производилось съ возмутительною несправедливостью, такъ что, говорятъ, Бестужевъ, участвовавшій въ комиссіи, казался больнымъ, чтобы не подписывать приговора. Судъ приговорилъ: Остермана колесовать, Миниха четвертовать, Головкину, Менгдену, Левенвольду и Темирязеву отсѣчь головы, а имѣнія ихъ конфисковать. Оберъ-гофмейстера Миниха * сослать въ деревню,

* Въ П. С. Зак. есть два именныя указа отъ 20 апрѣля и 11 іюня 1743 г. на имя оберъ-гофмейстера барона Миниха.

лишивъ чина и снявъ кавалеріи; тайнаго совѣтника Стрѣшневъ, лиша чиновъ, бить плетми, и сослать въ деревню; генераль-лейтенанта Хрущева записать въ дальнюю команду генераль-майоромъ; дѣйствительнаго статскаго совѣтника Яковлева послать въ Астрахань писаремъ, и т. д. Можно смѣло сказать, что еслибъ въ сентенціи, вмѣсто именъ осужденныхъ, были вставлены имена судей ихъ, она не показалась бы менѣе справедливою. Манифестомъ отъ 22-го января 1742 г. объявлено было всенародно о такихъ богомерзкихъ, злодѣйскихъ поступкахъ и вредительныхъ государству намѣреніяхъ для того, какъ сказано въ концѣ этого акта, «чтобы всѣ вѣрные наши подданные, смотря на то, признавали, что Богъ клятвопреступниковъ не терпитъ, и что мудрымъ его промысломъ скрытыя въ сердцахъ ихъ умышленія, къ временному и вѣчному ихъ осужденію, всегда откровенны бывають». Въ манифестѣ же объявлено было, что императрица смягчила приговоръ осужденныхъ на смертную казнь и указала сослать ихъ въ заточеніе: Остермана въ Березовъ, Миниха въ Пелымъ, Головкина въ Гершангъ, Менгдена въ Колымскій острогъ, Левенвольда въ Соликамскій, Темирязева въ Сибирь, и позволяла женамъ слѣдовать за мужьями, если онѣ того захотятъ.

18-го января должна была происходить казнь преступниковъ. Императрица отправилась въ загородный дворецъ. На площади предъ военною коллегіей устроенъ былъ эшафотъ. Астраханскій полкъ поставленъ кругомъ. Въ 10 ч. утра началась печальная церемонія. Прежде всего везли Остермана на простыхъ саняхъ въ шлафрокъ и колпакъ. 4 гренадера возвели его на эшафотъ, гдѣ съ открытою головою онъ выслушалъ длинный обвинительный актъ и приговоръ. Потомъ раздѣли и положили голову на плаху и тогда только объявили замѣненіе казни ссылкой. Остерманъ обнаружилъ невозмутимое спокойствіе. Черты лица его не обнаружили ни малѣйшаго

волненія даже въ ту страшную минуту, когда прочтенъ былъ приговоръ о колесованіи. Съ тѣмъ же спокойствіемъ услывалъ онъ облегченіе своей участи. Съ геройскою твердостью прибылъ Минихъ, бодро взомель на эшафотъ, ласково привѣтствуя знакомыхъ солдатъ, и равнодушно выслушалъ приговоръ и помилованіе. Остермана, Миниха, Головкина, Левенвольда, Менгдена и Темирязева, по объявленіи имъ ссылки, отвели тѣмъ же порядкомъ въ крѣпость. Совѣтникъ саксонскаго посольства Пецольдъ, смотрѣвшій изъ окна на экзекуцію, говоритъ въ своемъ донесеніи, что въ жизнь свою онъ не видалъ ничего столь поразительнаго. И не одни иностранцы, лучшіе изъ Русскихъ не могли безъ затаеннаго негодованія смотрѣть на этотъ судъ и приговоръ надъ знаменитѣйшими изъ сподвижниковъ Петра Великаго, каковы были Минихъ и Остерманъ. Солдаты, провожавшіе Миниха, не могли скрыть своего сочувствія къ славному полководцу. Любимцу вице-канцлера Головкина, князю Я. П. Шаховскому, бывшему тогда обер-прокуроромъ синода, велѣно было распорядиться отправленіемъ осужденныхъ въ мѣста ихъ заключенія. Въ своихъ запискахъ оставилъ потомству этотъ очевидный свидѣтель любопытныя подробности (1, 103). Остерманъ встрѣтилъ Шаховскаго краснорѣчивымъ изъясненіемъ своего раскаянія и просьбою къ императрицѣ о великодушномъ покровительствѣ дѣтей его. Солдаты перенесли его бережно съ постелью въ сани; съ нимъ отправилась и жена его. Въ Березовѣ умеръ 25-го мая 1747 г. этотъ знаменитѣйшій государственный чловѣкъ Россіи, о которомъ Фридрихъ Великій, умѣвшій цѣнить и узнавать людей, оставилъ въ своихъ посмертныхъ сочиненіяхъ слѣдующій отзывъ: «Царствованіе Петра I образовало такого мужа, который по дарованіямъ своимъ одинъ могъ вести тяжесть государственныхъ дѣлъ и при его наслѣдникахъ: это былъ Остерманъ. Онъ зналъ Россію, какъ Персей чловѣческое тѣло».

Въ 1827 г. Бантишъ-Каменскій, проѣзжая черезъ Березовъ, напрасно разспрашивалъ старожиловъ о могилѣ знаменитаго дипломата. Никто не зналъ о ней! Минихъ встрѣтилъ ссылку также, какъ готовился встрѣтить четвертованіе. «Какъ только въ оную казарму, рассказываетъ Шаховской, двери передъ мною отворены были, то онъ, стоя тогда у другой стѣны возлѣ окна ко входу спиною, въ тотъ мигъ поворотись въ смѣломъ видѣ съ такими быстро растворенными глазами, съ какими я имѣлъ случай неоднократно въ опасныхъ съ непріятелемъ сраженіяхъ порохомъ окуриваемаго видѣть, шелъ ко мнѣ на встрѣчу и, приближаясь, смѣло смотря на меня, ожидалъ, что я начну... По окончаніи моихъ словъ, поднявъ руки и возведя взоръ свой къ небу, громко сказалъ: «Боже, благослови ея величество и государственное ея». Потомъ, потупя глаза и помолчавъ, говорилъ: «Когда уже теперь мнѣ ни желать, ни ожидать ничего иного не осталось, такъ я только принимаю смѣлость просить, дабы, для сохранения отъ вѣчной гибели души моей, отправленъ былъ со мною настоятель». Жена его провожала въ Сибирь, по словамъ Шаховскаго, какъ бы въ какой желаемый путь. Русскій принцъ Евгенийъ, какъ называлъ Миниха Фридрихъ Великій, былъ возвращенъ по смерти Елизаветы, и, получивъ прежнее значеніе, былъ свидѣтелемъ новаго переворота, которому въ смѣлости далеко уступалъ переворотъ, возведшій на престолъ Елизавету. Мы будемъ еще имѣть случай говорить о судьбѣ Миниха. Вице-канцлеръ Головкинъ, мучимый подагрой и не владея правою рукою, горько жаловался на судьбу, которая избавляла его богатствомъ и почестями и не дала ему силы для перенесенія несчастій. Супруга его, урожденная кн. Ромодановская, послѣдовала за нимъ въ заточеніе и по смерти мужа въ 1755 г. перевезла его тѣло въ Москву. Малодушье всѣхъ оказался красавецъ Левенвольдъ, любимецъ Екатерины I,

блестящій вельможа, мотъ и игрокъ, составившій свое счастье черезъ женщинъ. Онъ не могъ найти того утѣшенія, которое другіе находили въ религіи, потому что, по словамъ герцога Лирийскаго, «онъ едвали вѣрилъ и самому бытію Бога». «Лишь только вступилъ въ оную казарму, говоритъ Шаховской, какъ увидѣлъ человѣка обнимающаго мои колѣни весьма въ робкомъ видѣ, который притомъ въ смятенномъ духѣ такъ тихо говорилъ, что я и рѣчи его разслушать не могъ, паче же, что видѣ на головѣ его склокоченныхъ волосовъ и непорядочно обросшая сѣдая борода, блѣдное лицо, обвалившіяся щеки, худая и замаранная одежда, не мало не вообразили мнѣ того, для кого я туда шелъ, то подумалъ, что то былъ какой-нибудь по инымъ дѣламъ изъ мастеровыхъ арестантовъ. Итакъ, оборотясь говорилъ офицеру, чтобы его отъ меня отвели и показали бы въ которомъ углу въ той казармѣ бывшій гр. Левенвольдъ находится». По извѣстію Пецольда, участь Левенвольда, благодаря благородной фамиліи Строгановыхъ, была лучше, нежели судьба другихъ ссыльныхъ. Левенвольдъ умеръ въ Соликамскѣ въ 1758 году. Не такъ скоро была рѣшена участь несчастной Брауншвейгъ-Люнебургской фамиліи. Хотя манифестомъ 28-го ноября 1741 года и было всенародно объявлено, что принцесса Анна и ея семейство, «съ надлежащею имъ честію и достойнымъ удовольствіемъ», будутъ отправлены за границу, и уже сдѣланы были нѣкоторыя приготовления къ отправленію, однако полтора года все семейство содержалось въ Ригѣ подъ самымъ строгимъ карауломъ и терпя недостатокъ въ самомъ необходимомъ. Здѣсь Анна Леопольдовна опасно занемогла послѣ преждевременныхъ несчастныхъ родовъ. При дворѣ мнѣнія были различны. Въ совѣтѣ, собранномъ по этому случаю, Бестужевъ и большинство настаивали на исполненіи обѣщанія; но мнѣніе Лестока, Шетарди и самой императрицы было противное. Къ чести

Бестужева служить, что онъ отклонилъ по крайней мѣрѣ одну жестокую и безполезную мѣру, предложенную нѣкоторыми императрицѣ, чтобы перевезти въ Москву и попытать Юлію Менгденъ, любимую фрейлину правительницы, повѣренную всѣхъ ея тайнъ. Отказъ Анны Леопольдовны отречься отъ всѣхъ притязаній на русскій престолъ и открытіе, такъ называемаго, Лопухинскаго заговора дало окончательный перевѣсъ партіи, требовавшей строгихъ мѣръ относительно сверженнаго императора и его семейства.

Ихъ перевезли изъ Риги въ Динамундъ, оттуда въ Рашенбургъ. Новое правительство хотѣло истребить въ народѣ самую память о прежнемъ правленіи. Рядомъ указовъ, старалось оно достигнуть этой цѣли. Такъ, указами *31-го декабря 1741 г.*, *14-го декабря 1742* и *27-го февраля 1743* строго приказано было промѣнять на новую монету рубли съ портретомъ несчастнаго младенца. Указами *18-го октября 1742* и *17-го іюля 1744 года* приказано было публично сжечь всѣ присяжные листы на вѣрность подданства Іоанну Антоновичу. Въ Москвѣ съ барабаннымъ боемъ произведена была эта церемонія на Ивановской площади; въ Петербургѣ, на площади передъ коллегіями. Указомъ *27-го октября 1742 г.* приказано было въ теченіе полугода, подъ опасеніемъ штрафа, представить всѣ церковныя книги, печатанныя во время регентства Бирона и правленія Анны Леопольдовны, для переправленія въ нихъ императорскаго титула. Указомъ *ноября 1743 г.*, не только подтвержденъ предыдущій, но сверхъ того приказано было представить въ академію наукъ проповѣдь, говоренную Амвросіемъ, бывшимъ вологодскимъ епископомъ, а нынѣ новгородскимъ архіепископомъ, *3-го іюля 1739 г.*, при вѣнчаніи Анны Леопольдовны съ принцемъ Брауншвейгъ-Люнебургскимъ, а также и всѣ печатныя и писанныя проповѣди, говоренныя при регентствѣ и правительницѣ.

Декабря 7-го 1743 г. явился указъ о перемѣнѣ паспортовъ и абшидовъ при регентѣ и правительницѣ; указомъ *13-го февраля 1745 г.* приказано оставить безъ исполненія указы и резолюціи регента и правительницы (подтверждено указомъ *6-го сентября 1748 г.*). Сенат. указомъ *19-го августа 1748 г.* приказано было всѣ гражданскія книги, какого бы онѣ званія ни были, печатанныя въ Россіи на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, если въ нихъ упоминаются въ бывшія два правленія извѣстныя персоны, представить въ назначенныя мѣста, а указомъ *26-го августа 1750 г.* отобрать и запретить ввозъ иностранныхъ книгъ, печатанныхъ за границей, въ которыхъ упоминаются тѣ извѣстныя имена, и этотъ указъ публиковать во всемъ государствѣ и выставить во всѣхъ церквахъ и киркахъ, чтобы никто не могъ отговориться невѣдѣніемъ. Вслѣдствіе этого указа, въ Россіи сдѣлался строго-запрещенною книгой Гюбнеровъ лексиконъ. При такъ ихъ мѣрахъ брауншвейгской фамиліи, очевидно, нельзя было надѣяться на улучшение своей участи. Въ 1743 г. принцессу Анну и ея мужа разлучили съ ихъ сыномъ и перевезли въ Холмогоры. Тамъ, въ архіерейскомъ домѣ, подъ двойною стражей, не имѣя между собою сообщенія, въ печальномъ заточеніи, содержалось несчастное семейство. Герцогъ Антопъ-Ульрихъ оказался малодушнѣе своей супруги. Онъ упрекалъ ее въ своей участи и входилъ въ связи съ ея горничными. Принцесса Анна прибыла въ Холмогоры съ двумя дочерьми: Екатериной и Елизаветой. Тамъ она родила сыновей Петра и Алексѣя и умерла въ 1746 г. Ульрихъ. Антопъ пережилъ Елизавету, но умеръ также въ заточеніи. Мы скажемъ въ послѣдствіи объ участи его и его семейства. Іоаннъ Антоновичъ оставленъ былъ сначала въ Рашенбургѣ, но послѣ попытки, сдѣланной однимъ монахомъ увезти его, захваченный въ Смоленскѣ, онъ былъ перевезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Его помѣстили въ темной комнатѣ, гдѣ безъ

часовъ онъ потерялъ возможность различать день отъ ночи. Офицеры, его стерегшіе, получили строгое приказаніе умертвить его, въ случаѣ попытки къ его освобожденію: имъ запрещено было не только разговаривать съ заключеннымъ, но и отвѣчать на его вопросы. Въ этой душной, мрачной темницѣ провелъ, въ отчужденіи отъ всего міра, безъ чело-вѣческаго общества, безъ утѣшенія, доставляемаго книгами, потому что онъ не умѣлъ ни читать ни писать, признанный русскій императоръ, племянникъ Фридриха Великаго и датскаго короля, все царствованіе Елизаветы. Съ дѣтства взрос-шій въ заточеніи, онъ разстроилъ свои умственные способности и сохранилъ только ясное сознаніе, что онъ государь, и благодарную память о Корфѣ, который былъ приставленъ къ нему въ Раниенбургѣ и обходился съ нимъ чело-вѣколюбиво. Только разъ во все время своего заключенія въ Шлиссельбургѣ при Елизаветѣ онъ видѣлъ дневной свѣтъ. Импера-трица хотѣла его видѣть. Въ закрытой каретѣ привезли его въ Петербургъ въ домъ Воронцова, гдѣ видѣла его Елизавета, говорившая съ нимъ при второмъ свиданіи въ домѣ графа Петра Ивановича Шувалова. Трагическая кончина Юзана Антоновича, заколотого своими собственными стражами, относится къ царствованію Екатерины II.

Мы упомянули о такъ-называемомъ Лопухинскомъ заговорѣ. Здѣсь всего умѣстнѣе разсказать о немъ, чтобы не прерывать потомъ изложеніе событій царствованія Елизаветы Петровны возвращеніемъ къ лицамъ, свергнутымъ переворотомъ 25-го ноября. Дѣло Лопухина чрезвычайно тепло. Кромѣ высочайшаго манифеста, гдѣ просто обозначены вины преступниковъ и жестокое ихъ наказаніе, кромѣ нѣкоторыхъ донесеній иностранныхъ пословъ, мы не имѣемъ другихъ источниковъ. Слѣдственное дѣло не издано. Въ современныхъ русскихъ запискахъ нѣтъ подробностей. Трудно опредѣлить, какъ

велика была, дѣйствительно, вина обвиненныхъ и насколько дѣйствовала тутъ личная неаппетитъ другъ къ другу Лестока и Бестужева и борьба французскаго вліянія съ австрійскимъ. Ясно одно, что императрица была испугана грозившею ей мнимой и дѣйствительною опасностію. Въ продолженіе нѣкотораго времени Елизавета не спала по ночамъ и до 5-ти часовъ утра не распускала вечернихъ собраний. Обыкновенный ходъ дѣлъ перепутался и затруднился потому, что днемъ, утомленная и разстроенная императрица должна была вознаграждать себя за ночную бессоницу. Усиленные патрули ходили ночью по городу. Ясно также, что если и было нѣкоторое основаніе во всемъ этомъ дѣлѣ, то неразборчивая на средства ненависть партій воспользовалась этимъ, чтобы придать огромные размѣры и довести встревоженную императрицу до согласія на безчеловѣчный приговоръ, столь несогласный съ ея добротою. Дѣло было слѣдующимъ образомъ. Между Лестокомъ, приверженцемъ Версаля, и Бестужевымъ, купленнымъ Австріею, шла скрытая, но ожесточенная борьба. Противъ Лестока было большинство русской партіи: Разумовскій, Воронцовъ, также часть духовенства (архіепископъ новгородскій). Лестоку желалъ погубить Бестужева въ мнѣніи императрицы. Случай, повидимому, представился: кирасирскаго поручика Бергера, родомъ Курляндца, назначили въ Солликамскъ на мѣсто офицера, находившагося при графѣ Левенвольдѣ. Онъ искалъ случая избавиться отъ этого порученія и явился къ Лестоку съ извѣстіемъ, что штатсъ-дама Лопухина, чрезъ своего сына, просила его передать Левенвольду, чтобы тотъ не отчаивался и надѣялся на лучшія времена. Паталя Оедоровна Лопухина, урожденная Балкъ, жена генераль-поручика Ст. Вас. Лопухина, была знаменитою красавицей. При своей красотѣ, образованіи, любезности и веселомъ характерѣ, она слѣдалась царицею общества

и на придворных балах затмѣвала Елизавету Петровну, также славившуюся красотой. Между ними по-этому было постоянное соперничество. Лопухина любила Левенвольда и связь их не была тайною. Она была дружна съ графиней Анной Гавриловной Бестужевой-Рюминой, вдовой Ягужинскаго, урожденной Головкиной. Анна Гавриловна была замужемъ за братомъ вице-канцлера, по всѣ знали ея горячую привязанность къ ея брату, графу Головкину, сосланному тотчасъ послѣ воцаренія Елизаветы. И Лопухина, и Бестужева были кромѣ того хорошо знакомы съ австрійскимъ посланникомъ, маркизомъ де-Ботта, переведеннымъ въ началѣ 1742 г. изъ Петербурга въ Берлинъ. Лестоку открывалась возможность нанести тройной ударъ вице-канцлеру Бестужеву: 1) въ особѣ его брата; 2) въ разстройствѣ его плана отправленія за границу Брауншвейгской фамилии; 3) въ лицѣ австрійскаго посланника, еслибы удалось запутать его въ дѣло. Бергеру поручили добыть подробныя объясненія. Въѣхетъ съ креатурой Лестока, капитаномъ Фалькенбергомъ, завелъ онъ подполковника Лопухина въ трактиръ и тамъ послѣ пирушки вызвалъ его на выраженіе неудовольствія противъ правительства и на тостъ за здоровье Іоанна Антоновича. Этого было достаточно, чтобы представить императрицѣ докладъ о заговорѣ въ пользу Брауншвейгской фамилии. Въ ночь съ 4-го на 5-е августа схватили Лопухину и ея сына. На другой день подъ стражей привезли съ дачи Бестужеву. Мужъ ея, оберъ-гофмаршалъ, просидѣлъ 2 мѣсяца подъ карауломъ. Затѣмъ слѣдовали новые аресты. Взяты были фрейлины Лиліенфельдъ и кн. Гагарина, камергеръ Лиліенфельдъ и братъ его, вице-ротмистръ, флота обер-стеръ-кригс-коммиссаръ Зыбинъ, гвардіи поручикъ Мошковъ, отставной капитанъ кн. Путятицъ, подпоручикъ Акифьевъ, тантъ Колычевъ, дворянинъ Ржевскій. Исслѣдованіе

поручено было комиссіи изъ генераль-аншефа Ушакова, тайн. сов. Лестока, генераль-прокурора кн. Трубецкаго, дѣлившаго съ Лестокомъ ненависть къ Бестужеву. Для веденія протоколовъ назначенъ былъ кабинетный секретарь Демидовъ. Не трудно было получить признаніе обвиненныхъ въ дерзкихъ рѣчахъ, которыми они часто выражали свое неудовольствіе противъ насилія правительства и сожалѣніе объ участи сосланныхъ послѣ переворота 25-го ноября, также въ рѣзкомъ осужденіи частной жизни императрицы и характеровъ ея любимцевъ. Главные обвиненные были женщины, никогда не скрывавшія своихъ симпатій къ сосланнымъ и не любви къ Елизаветѣ Петровнѣ. Гораздо труднѣе было открыть существованіе политическаго заговора и запутать графовъ Бестужевыхъ. Было допрошено множество лицъ, тщательно пересмотрѣны всѣ бумаги оберъ-гофмаршала Бестужева, но самъ Лестокъ не могъ найти достаточныхъ поводовъ къ обвиненію. Хотѣли знать объ отношеніяхъ заговорщиковъ къ Боттѣ, австрійскому посланнику. Говорятъ, осужденнымъ внушили, что они могутъ облегчить свою участь, выставивъ главнымъ виновникомъ Ботту, уже не бывшаго въ это время въ Россіи. Французскій посланникъ д'Альонъ, по сношенію съ своимъ товарищемъ при берлинскомъ дворѣ, маркизомъ де-Балоръ, сообщилъ тайно, что Ботта отправился въ Берлинъ съ планомъ склонить Фридриха II къ участію въ возведеніи снова на русскій престолъ Брауншвейгскаго дома. Такимъ образомъ выведено было: что маркизъ де-Ботта хотѣлъ ниспровергнуть существующее правительство и доставить престолъ Іоанну Антоновичу, что онъ обѣщался помогать заговорщикамъ деньгами и хотѣлъ склонить на ихъ сторону короля прусскаго. Восемь человекъ, въ томъ числѣ три женщины, были признаны государственными преступниками. Въ засѣданіи совѣта, при донесеніи слѣдственной комиссіи, первый подавшій голосъ

сенаторъ предложилъ простую смертную казнь преступникамъ, основываясь на томъ, что они еще не привели въ исполненіе своего плана и виноваты только въ намѣреніи и что въ русскихъ законахъ нѣтъ точнаго опредѣленія относительно жепщицъ. Принцъ Гессенъ-Гомбургскій, нарочно въ первый разъ явившійся въ совѣтъ, сильно возставалъ противъ этого и требовалъ болѣе жестокаго наказанія; его мнѣніе поддерживали Лестоукъ и Трубецкой. Слѣдствіемъ этого былъ слѣдующій приговоръ: Степана Лопухина съ женою и сыномъ и Анну Бестужеву, вырѣзавъ языки, колесовать; Мошкова и князя Путятина четверговать; Зыбицу отсѣчь голову и тѣла ихъ на колеса положить; Софья Лиліенфельдъ отсѣчь голову. Долго спорили о томъ, должно ли въ манифестѣ назвать Ботту виновнымъ. Цѣлую недѣлю Елизавета не знала на что рѣшиться, наконецъ положено было поставить его обвиненіе въ манифестѣ. Манифестъ вышелъ 29 августа 1743 г. Въ немъ снова говорилось о правахъ на престолъ Елизаветы Петровны; вычислены вины преступниковъ, обвиненъ Ботта, высказана увѣренность въ неучаствованія короля прусскаго и смягчена казнь осужденныхъ. Ихъ велѣно было сослать съ слѣдующимъ наказаніемъ: Лопухина съ женою и сыномъ и графиню Бестужеву бить кнутомъ и вырѣзать языки; Мошкова и князя Путятина бить кнутомъ; Зыбица высѣчь плетью; то же слѣлать и съ Софьей Лиліенфельдъ, подождавъ пока она разрѣшится отъ бремени. Французскій путешественникъ, проѣзжавшій въ Сибирь (аббатъ Шаппъ), оставилъ намъ возмущающія душу подробности о наказаніи, произведенномъ надъ Лопухиной. Относительно Ботты рѣшено было требовать отъ Маріи-Терезіи сатисфакціи. Фридрихъ II, въ своихъ посмертныхъ сочиненіяхъ сказавшій, что кнутъ доказалъ русскому правительству, что Ботта былъ виновникомъ заговора, сдѣлалъ однако воспользоваться случаемъ, чтобы сблизиться съ Россіей и, если

можно, возстановить ее противъ Австріи. Черезъ посланника онъ объявилъ петербургскому кабинету, что онъ не хочетъ имѣть Ботту въ Берлипѣ и приказалъ ему выѣхать, совѣтовавъ также перевести Брауншвейгскую фамилію изъ Динабурга во внутренность Россіи. Марія-Терезія, чтобы не разсориться съ Россіей, союзъ которой былъ для нея необходимъ, вызвала Ботту для суда надъ нимъ и для вида сослала его въ крѣпость Грецъ, о чемъ и дано было знать въ Петербургъ черезъ гр. Розенберга. Бестужевъ (вице-канцлеръ) сумѣлъ сохранить довѣренность императрицы и убѣдиль ее предать дѣло забвенію и ходатайствовать передъ Маріей-Терезіей объ освобожденіи Ботты, который черезъ нѣсколько мѣсяцевъ заключенія получилъ полную свободу. Такими варварскими казнями надъ преступниками, которые, по словамъ самого манифеста, могли, не смотря на всѣ проски, только 8 чело-вѣкъ къ своему злему начинанію привести и были сверхъ того уличены только въ умыслъ, — жестокостію, совершенно противною личному кроткому характеру Елизаветы, старалось заглушить новое правительство всякое выраженіе сожалѣнія о сверженномъ императорѣ и объ участи его семьи и приверженцевъ. Эти казни, слѣдствіе личной вражды сильныхъ временщиковъ, были, впрочемъ, послѣднія въ царствованіе Елизаветы, давшей обѣтъ, въ самую критическую минуту ея жизни, быть милосердой и не проливать крови своихъ подданныхъ. Эти казни еще были отзывомъ прежняго времени. Царствованіе Елизаветы значительно смягчило нравы.

Дѣйствуя противъ прежняго правленія, новое правительство принимало мѣры къ своему упроченію. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Елизавета спѣшила вызвать въ Россію своего племянника, герцога Голштинскаго, чтобы объявить его своимъ наслѣдникомъ. Карлъ-Петръ Ульрихъ, сынъ Анны Петровны, прибылъ въ Петербургъ 5 февраля 1742 г., будучи

14 лѣтъ отъ роду. Профессору Штелину поручено было заняться его воспитаніемъ вмѣстѣ съ Веселовскимъ и Симономъ Тодорскимъ. Последнему, учившемуся некогда въ Галле и сдѣланному въ послѣдствіи епископомъ костромскимъ, поручено было наставить его въ догматахъ православной церкви. Между тѣмъ дѣламы были приготовленія къ коронаціи. 28 февраля императрица имѣла торжественный вѣздъ въ Москву и 28 апрѣля съ небывалою въ Россіи пышностію совершенно было коронованіе. Праздники, маскарады въ продолженіе 8 вечеровъ. Присутствіе персидскаго посла увеличило блескъ праздниковъ. Морицъ Саксонскій прибылъ искать Курляндскаго герцогства. Милости и награды осыпали приближенныхъ къ императрицѣ. Юня 25 дня дана была жалованная грамота Лифляндіи съ подтвержденіемъ правъ и привилегій этой области. Того же дня жалованная грамота Эстляндіи. Сентября 17 жалованныя грамоты Ригѣ и Ревелю, октября 27 городамъ: Дериту, Нарвѣ, Пернову, Выборгу и Эзельской провинціи; ноября 3 Нѣжинскому греческому обществу, и т. д. Спѣшили приготовленіемъ будущаго наследника, и 7 ноября совершилось его присоединеніе къ православію. Въ тотъ же день былъ изданъ манифестъ о признаніи Петра Феодоровича наследникомъ русскаго престола и форма присяги. Замѣчательно, что во всѣхъ церковныхъ возгласеніяхъ вѣчно было при упоминаніи о наследникѣ вставить слова: *внукъ Петра перваго*; напримѣръ, «и о наследникѣ ея, внукѣ Петра перваго, благовѣрномъ государѣ» и т. д. (№ 8, 671). Этими хотѣли безпрестанно напоминать народу о правахъ его на русскій престолъ.

Такъ утвердилось новое правительство. Мы должны сказать теперь нѣсколько словъ о характерѣ императрицы Елизаветы и людей, имѣвшихъ особое вліяніе на дѣла государственныя,

Разумовскихъ, Бестужева, Шуваловыхъ, Лестока, Вороцова, Трубенкаго и нѣкоторыхъ другихъ.

Елизаветѣ было тридцать два года, когда она вступила на престолъ. Герцогъ Липпскій, испанскій посланникъ при русскомъ дворѣ, такъ описываетъ Елизавету, когда ей было 22 года: «Принцесса Елизавета, дочь Петра I и царицы Екатерины, такая красавица, какихъ я никогда не видалъ. Цвѣтъ лица ея удивительный, глаза пламенны, ротъ совершенный, шея самая бѣлая и удивительный станъ. Она высокаго роста и чрезвычайно жива. Танцуетъ хорошо и ѣздитъ верхомъ безъ малѣйшаго страха. Въ обращеніи ея много ума и пріятности». Что при описаніи наружности нѣтъ лести, доказываютъ всѣ сохранившіеся портреты. Даже на портретахъ послѣднихъ годовъ, когда полнота измѣнила во многомъ самыя черты лица и образъ жизни оставилъ на немъ свои слѣды, видно, что въ молодости она была необыкновенно хороша. Елизавета гордилась этою красотой, и жестокою казнью Лопухиной и Бестужевой многіе объясняли женскою местию. Воспитаніе Елизаветы было довольно пренебрежено. Одна Француженка занималась съ нею въ извѣстные часы. Только поздно назначены были вдова Салтыкова, въ послѣдствіи супруга фельдмаршала Миниха, гувернанткой, а дочь ея и Мавра Егоровна Шепелева фрейлинами. Не смотря на малую заботливость объ образованіи, Елизавета хорошо узнала русскій, французскій, нѣмецкій и даже шведскій языки, отлично танцевала: на этомъ и окончилось ея воспитаніе. Живость характера и страстность рано увлекли ее. Предполагавшееся супружество съ епископомъ любекскимъ, котораго она любила, не состоялось по причинѣ смерти жениха. Другихъ предложеній не было, а потомъ сама Елизавета старалась отклонить ихъ. Императрица Анна сослала въ Сибирь перваго любимца Елизаветы, сержанта Шубина. Въ правленіе принцессы Анны его хотѣли-было возвратить, но

не могли отыскать мѣста ссылки, и только послѣ вступленія Елизаветы на престолъ Шубинъ, послѣ долгихъ поисковъ, былъ найденъ въ Камчаткѣ, возвращенъ въ Петербургъ и пожалованъ генераль-майоромъ, но, измученный долгимъ заключеніемъ и лишеніями всякаго рода, онъ просилъ отставки и удалился въ пожалованныя деревни. Мѣсто его занялъ мало-россійскій пѣвчій Разумовскій, сохранившій привязанность Елизаветы Петровны на всѣ годы. Къ большой чести Елизаветы служить ей привязанность къ Разумовскому. Постоянная память о Шубинѣ также говоритъ нѣсколько въ ея пользу. Это увлеченіе чувства отвлекало Елизавету отъ честолюбивыхъ замысловъ. Послѣ смерти Петра II ей стоило только послѣдовать совѣту Лестока и показаться гвардіи, чтобы получить престолъ; но никакія убѣжденія не могли вызвать ее изъ внутреннихъ комнатъ. Привязанная къ веселости, къ танцамъ и всякаго рода увеселеніямъ, она не прельщалась властію, и даже люди, приверженные къ памяти Петра Великаго, находили ее еще слишкомъ молодою для управленія государствомъ. Все время правленія императрицы Анны провела она въ сторонѣ отъ государственныхъ дѣлъ, и провела бы такъ, быть можетъ, всю жизнь, еслибы ее оставили въ покоѣ; но для правительницы Анны Леопольдовны дочь Петра Великаго казалась слишкомъ опасною. Ее хотѣли выдать почти насильно за Людовика припца Брауншвейгъ-Люнебургскаго, брата Антона-Ульриха, которому хотѣли доставить герцогство Курляндское. Предполагаемый бракъ не правился обѣимъ сторонамъ. Людовикъ, зная разсѣянный образъ жизни Елизаветы, если рѣшился на него, то только изъ необходимости. Мы знаемъ, какъ много труда стоило Лестоку вывести Елизавету изъ ея нерѣшительности и уговорить сдѣлать шагъ къ трону. Сдѣлавшись императрицей, Елизавета мало занималась дѣлами. Еще въ первое время она иногда присутствовала въ сенатѣ

или совѣтѣ, но скоро перестала. Дѣла надѣдали ей, самое лучшее время для разговора о чемъ-нибудь важномъ было во время туалета. Иногда трудно было уговорить ее сдѣлать пустую подпись. Такъ на письмо французскаго короля, извѣщавшаго о рожденіи внука, она подписала отвѣтъ только черезъ три года. Правленіе перешло въ руки лицъ, пользовавшихся ея довѣренностью. Безпрестанные праздники, маскарады по вторникамъ, гдѣ часто мужчины являлись въ женскихъ костюмахъ, а дамы въ кафтанахъ, загородныя поѣздки и балы поглощали все ея вниманіе. На престолъ принесла она только кротость и отвращеніе отъ кровавыхъ мѣръ. Казни и ссылки, ознаменовавшія начало ея царствованія, падаютъ на совѣтъ лицъ, близкихъ къ трону; онѣ были противны характеру государыни. Въ правленіе Елизаветы болѣе, чѣмъ когда-нибудь, должно объяснять событія придворными партіями и интригами. Когда прошла пора увлеченій молодости, время танцевъ и баловъ, Елизавета не сдѣлалась внимательнѣе къ занятіямъ. Гастрономическія наслажденія сдѣлались ей необходимою. Пышные ужины заняли мѣсто танцевъ, и жизнь такого рода, чисто чувственная, имѣла пагубное вліяніе на ея здоровье, была, быть можетъ, причиною ея ранней смерти.)

Первое мѣсто въ числѣ людей, пользовавшихся полнымъ довѣріемъ императрицы, занималъ Алексѣй Григ. Разумовскій. Сыноу бѣднаго реестроваго казака Григорья Разумовскаго, Алексѣй Разумовскій родился въ 1709 году, слѣдовательно, въ одинъ годъ съ Елизаветой, въ деревнѣ Лемешахъ, Козелецкаго повѣта Черниговской губерніи. Онъ былъ пастухомъ при деревенскомъ стадѣ и пѣлъ по праздникамъ на клиросѣ. Полковникъ Вишневскій проѣздомъ замѣтилъ его голосъ, и молодой Разумовскій былъ привезенъ въ С.-Петербургъ и опредѣленъ въ пѣвчіе. Елизавета выпросила его себѣ у оберъ-гофмаршала Левенвольда, и съ этого времени начинается тѣсная связь

между нимъ и Елизаветою. Въ самый день государственнаго переворота, возведшаго на престолъ дочь Петра Великаго, Разумовскій былъ пожалованъ дѣйствительнымъ камергеромъ. 5-го февраля ему былъ данъ орденъ св. Анны 1-й ст., потомъ онъ былъ сдѣланъ оберъ-егермейстеромъ и поручикомъ лейбъ-компаніи, 25-го апрѣля того же года кавалеромъ Андрея Первозваннаго и Александра Невского, 16-го мая 1744 г. графомъ Римской имперіи. Въ 1746 году получилъ отъ польскаго короля орденъ Бѣлаго орла, наконецъ былъ возведенъ въ санъ русскаго генералъ-фельдмаршала. Его мать была привезена въ С.-Петербургъ съ величайшими почестями и помѣщена въ самомъ дворцѣ, но простой, хотя чрезвычайно умной казачкѣ было тяжело жить при дворѣ и она выпросилась домой. Братъ его, Кирила, родившійся въ 1728 г., также былъ вызванъ въ 1743 г. ко двору, былъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ и въ томъ же 1743 г. отправленъ для воспитанія за границу подъ руководствомъ адъюнкта академіи Гр. Н. Теплова. До насъ дошли любопытныя инструкціи, данныя Алексѣемъ Разумовскимъ. Молодой Разумовскій долженъ былъ учиться языкамъ нѣмецкому и французскому, арифметикѣ, географіи, универсальной исторіи, для лучшей стройности тѣла танцевать, фехтовать и ѣздить верхомъ. Замѣчательнъ 10-й пунктъ инструкціи, изъ котораго видно, что Кирила Разумовскій путешествовалъ подъ чужимъ именемъ для избѣжанія лишней пышности. Лемешевскій казакъ путешествовалъ инкогнито! 15-го іюня 1744 г. Кирила Разумовскій былъ сдѣланъ графомъ Россійской имперіи, 24-го мая 1745 г. камергеромъ и кавалеромъ ордена св. Анны, 21-го мая 1746 г. президентомъ академіи наукъ (ему было 18 лѣтъ); 28-го іюня того же года кавалеромъ Александра Невского; 5-го сентября 1748 г. получилъ орденъ Бѣлаго орла, званіе подполковника гвардіи Измайловскаго полка (подполковникомъ

Преображенскаго былъ великій князь наслѣдникъ), сенатора и генералъ-адъютанта, въ 1750 году былъ уже гетманомъ Малороссіи въ званіи генералъ-фельдмаршала. Болѣе ему ничего уже нельзя было дать, а ему было всего 22 года отъ роду. Характеръ братьевъ Разумовскихъ отличался добродушіемъ. Алексѣй мало принималъ участія въ дѣлахъ государственныхъ, а если и принималъ, то развѣ только относительно Малороссіи, для которой и онъ, и братъ его сдѣлали много добра. Оба они не забыли своего низкаго происхожденія. Кіевская академія думала угодить Алексѣю Григорьевичу, заказавъ Козачинскому составить генеалогію и доказать происхожденіе Разумовскихъ черезъ гетмана Рожинскаго отъ Гедимина. Доказательства были напечатаны на латинскомъ, польскомъ и украинскомъ языкахъ. Разумовскіе первые смѣялись надъ этою низкою лестью. Тотъ и другой одинаково знали мать свою и только собственное желаніе было причиною, что она не раздѣляла почестей и богатства своихъ сыновей. Во дворцѣ императрицы и въ гетманскомъ домѣ въ Батуринѣ она ходила въ своей старой казачьей одеждѣ. Порошникъ въ своихъ запискахъ приводитъ характеристическій разсказъ Ник. Иван. Папина и Чернышова о старшемъ Разумовскомъ. Мы приводимъ его, потому что онъ дорогъ для исторіи нравовъ высшаго общества. «Ник. Ив. разсказывалъ о банкахъ, которые гр. Ал. Гр. Разумовскій дѣлывалъ и нарочно проигрывалъ; какъ у него Настасья Михайловна и другіе изъ банку крадывали деньги, и послѣ щедроты его въ надлежащемъ мѣстѣ выхваляли, да не только такія Настасьи Михайловны, но и люди не совсѣмъ безважные при томъ пользовались. За кн. Ив. Васильевичемъ одинъ разъ подмѣтили, что тысячи полторы въ шляпѣ перетаскалъ, и въ сѣняхъ отдавалъ слугѣ своему». «Гр. Ив. Григ. разсказывалъ, въ какой чрезвычайной силѣ былъ тогда графъ Алексѣй Григор. Графъ Петръ Ив.

Шуваловъ всегда ѣзжалъ съ нимъ въ Москвѣ на охоту, и графиня Мавра Егоровна молебны пѣвала по возвращеніи ихъ, что Петръ Ив. батожьемъ отъ него не съченъ. Алексѣй Григ. всегда не спокоенъ бывалъ пьяный». Не забудемъ, что Петръ Ив. Шуваловъ былъ однимъ изъ первыхъ лицъ въ государствѣ, а его супруга была любимицей Елизаветы. Мы будемъ имѣть еще случай говорить о Кирилѣ Григорьевичѣ; скажемъ только, что большинство разсказовъ явно въ его пользу, что много разъ онъ доказалъ свое доброе сердце, обнаружилъ прямой, честный характеръ. Вообще, по нравственнымъ качествамъ, изъ всѣхъ довѣренныхъ лицъ при дворѣ Елизаветы, за исключеніемъ Ив. Ив. Шувалова, Разумовскіе занимали первое мѣсто.

Графъ Арманъ Лестокъ, по происхожденію Французъ, врачъ императрицы, имѣлъ на нее сильное вліяніе въ началѣ ея царствованія. Онъ прибылъ въ Россію въ 1713 г., определенъ докторомъ Екатерины, и въ 1718 г. сосланъ Петромъ Великимъ въ Казань за распутное поведеніе, какъ увѣряетъ Штелинъ въ своихъ анекдотахъ. Со вступленіемъ на престолъ Екатерины Лестокъ былъ возвращенъ и занялъ мѣсто врача при великой княжнѣ Елизаветѣ. Онъ умѣлъ поправиться ей своимъ веселымъ характеромъ, французскою любезностью и остроуміемъ, и скоро сдѣлался повѣреннымъ всѣхъ ея тайшъ. Послѣ смерти Петра II онъ внушилъ ей мысль предъявить свои права на престолъ, но не могъ побѣдить ея рѣшимости, и привелъ въ исполненіе свой планъ только въ 1741 г. Неосторожность Лестока и его болтливость едва-было не погубили Елизавету, и только непонятное ослѣпленіе правительницы сдѣлало возможнымъ переворотъ 25-го ноября. Это же легкомысліе да неумѣніе владѣть собою и сдерживать языкъ и были причиною паденія Лестока. Онъ самъ сознавалъ свою неспособность къ дѣламъ политическимъ, и хотѣлъ-было уѣхать

за границу; оставшись по просьбѣ императрицы, рѣшился держаться въ сторонѣ отъ государственнаго управленія, но не могъ выдержать своей рѣшимости. Полная довѣренность къ нему Елизаветы (онъ видѣлъ ее каждый день), убѣжденіе французскаго посланника и другихъ друзей, желавшихъ пользоваться его вліяніемъ и близостью къ императрицѣ, все это заставило его пошевольтъ вмѣшиваться въ политику, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ придворныя интриги. По его настоянію, Ал. П. Бестужевъ вызванъ былъ ко двору и получилъ званіе вице-канцлера, не смотря на то, что Елизавета, неохотно соглашавшаяся на это, предсказала Лестоку, что онъ самъ готовитъ на себя розги. И дѣйствительно, между Бестужевымъ и Лестокомъ тотчасъ завязалась тайная борьба, постепенно принявшая характеръ самой ожесточенной вражды. Лестокъ былъ купленъ Франціею. Онъ проводилъ большую часть времени у французскаго посланника де-ла-Шетарди, съ которымъ былъ особенно друженъ, находилъ тамъ общество по своему вкусу, карточную игру, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средства платить проигрыши. Всѣми силами онъ старался склонить Елизавету къ тѣсному союзу съ Франціею, доставивъ Шетарди, въ бытность двора въ Москвѣ, тайную аудіенцію во внутреннихъ комнатахъ императрицы и случай еще разъ видѣться у себя въ домѣ во время иллюминаціи, и имѣя самъ возможность видѣть Елизавету каждый день и во всякое время, не пропускалъ ни одной благоприятной минуты для убѣжденія въ выгодахъ французскаго союза. Бестужевъ, преданный Австріи, точно также какъ Лестокъ Франціи, долженъ былъ стараться подорвать вліяніе Лестока. По его внушенію, канцлеръ Черкасскій, непріязненно смотрѣвшій на иностранцевъ, говорилъ Елизаветѣ о томъ, что Лестокъ средства для своей огромной игры получаетъ отъ Франціи. Посланники потребовали, чтобы Лестокъ или пересталъ вмѣшиваться въ дѣла государственныя, или бы занялъ мѣсто въ совѣтѣ и

раздѣлялъ съ другими отвѣтственность. Борьба съ Бестужевымъ была не по силамъ Лестоку, не смотря на огромное преимущество, которое имѣлъ онъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Елизаветой. Онъ слишкомъ презиралъ своихъ противниковъ, открыто являлъ Бестужева наемникомъ и былъ крайне неостороженъ. Мы не будемъ входить въ подробности. Обращикъ средствъ, которыя употребляли другъ противъ друга противники, мы видимъ въ Лопухинскомъ заговорѣ, которымъ Лестокъ хотѣлъ погубить Бестужева. Долго нельзя было никакими средствами поколебать довѣренность Елизаветы къ главному виновнику ея вступленія на престолъ, повѣренному всѣхъ ея тайнъ и любимому доктору. Только въ 1748 г. успѣли вырвать у нея согласіе на его арестованіе. Личный врагъ Лестока С. О. Апракинъ арестовалъ его 13-го ноября и отправилъ въ Петропавловскую крѣпость. Ему же было поручено и президентство въ саѣдственной комиссіи. Продажность Лестока была всѣмъ извѣстна. Онъ получалъ пенсію отъ дворовъ шведскаго, прусскаго и французскаго, но это еще не составляло государственнаго преступленія, въ которомъ его хотѣли обвинить, тѣмъ болѣе, что о французской пенсіи императрица знала еще и прежде. Опасныя для него бумаги Лестокъ, предупрежденный арестомъ своего секретаря за нѣсколько дней до собственнаго ареста, успѣлъ, вѣроятно, уничтожить, по крайней мѣрѣ въ найденныхъ у него бумагахъ комиссія, не смотря на все желаніе, ничего не могла найти. Дѣло тянулось долго. Только въ 1750 г. онъ былъ приговоренъ късылкѣ въ Угличъ, потомъ въ Устюгъ. Имѣніе было конфисковано; великолѣпный домъ подаренъ Апракину. Какъ справедливо производилось слѣдствіе, видно изъ того, что когда Петръ III приказалъ возвратитъ Лестоку взятое у него имѣніе, изъ 40,000 руб. наличными, взятыми при арестованіи, 29,000 показано было потраченными на судебныя издержки, въ томъ

числѣ 800 руб. на перья, бумагу и чернила. Цецольдъ, совѣтникъ саксонскаго посольства, говоритъ о характерѣ Лестока, что онъ былъ безпокойный, безразсудный, безсовѣстный, мстительный и своекорыстный человекъ. При этомъ, не смотря на несчастіе и болѣзни, Лестокъ умѣлъ сохранить до конца жизни веселость и любезность. Онъ умеръ въ 1767 г.

Вліяніе Бестужева на государственную политику было такъ велико, что мы должны будемъ безпрестанно возвращаться къ нему при изложеніи отношеній Россіи къ европейскимъ державамъ. Здѣсь ограничимся нѣкоторыми біографическими замѣтками и общою характеристикой Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина. Родившись 22-го мая 1692 г., 15-ти лѣтъ онъ былъ отправленъ Петромъ Великимъ (1708 г.) для образованія въ Копенгагенъ и Берлинъ, а потомъ путешествовать. Въ 1712 г. опредѣленъ чиновникомъ къ нашему министру кн. Куракину и былъ на утрехтскомъ конгрессѣ. Въ 1713 г., съ согласіемъ Петра, поступилъ на службу къ ганноверскому курфирету съ чиномъ старшаго подполковника, сдѣланъ былъ имъ камеръ-юнкеромъ и, послѣ возведенія курфирета на англійскій престолъ, былъ взятъ Георгомъ въ Англію и посланъ отъ него въ С.-Петербургъ, въ званіи уполномоченнаго посла, съ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ. Только въ 1717 году онъ перешелъ изъ англійской службы въ русскую и состоялъ оберъ-камеръ-юнкеромъ при герцогинѣ курляндской. Въ 1720 г. отправленъ посломъ въ Копенгагенъ и ѣздилъ оттуда для объясненія въ Лондонѣ. При датскомъ дворѣ онъ оставался до 1724 г. и переведенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Голландію. Послѣ кончины Петра онъ, по мести Меншикова, попалъ въ немилость. Въ 1723 г., по ходатайству Бирона, переведенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Гамбургъ и Нижній Саксонскій Округъ. Ему удалось похитить изъ голштинскаго архива духовное завѣщаніе императрицы Екатерины I и другія важныя

бумаги. Въ 1734 г. снова отправленъ чрезвычайнымъ посломъ въ Копенгагенъ и оставался тамъ до 1740 г., когда, наконецъ, окончательно вызванъ въ Россію и, съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, опредѣленъ кабинетъ-министромъ, на мѣсто казеннаго Волынскаго. Такимъ образомъ въ ранней молодости, въ теченіе почти 32 лѣтъ (за исключеніемъ 3-хъ, проведенныхъ при дворѣ курляндскаго герцога), онъ оставался за границей, участвуя во всѣхъ тайнахъ европейской дипломатіи. Въ новомъ званіи онъ постоянно держался стороны Брона, и послѣ его паденія былъ отставленъ. При Елизаветѣ, по просьбѣ Лестока, онъ былъ вызванъ ко двору и скоро назначенъ вице-канцлеромъ и получилъ полную довѣренность императрицы.

Бестужевъ получилъ превосходное и многостороннее образованіе. Составленные имъ капли, до сихъ поръ сохранившія его имя въ медицинѣ, пользовавшіяся громкою славою въ прошломъ вѣкѣ, доказываютъ его знанія въ химіи и медицинѣ. Онъ женатъ былъ на Иѣмкѣ, дочери резидента Беттингера, и постоянно покровительствовалъ Иѣмцамъ. Лютеранская церковь обязана ему многими приношеніями и тѣмъ, что осталась на прежнемъ мѣстѣ, не смотря на требованіе нашего духовенства. Маиштейнъ въ своихъ запискахъ оставилъ намъ слѣдующее описаніе характера Бестужева: «Онъ человекъ довольнонаго ума и по долговременной опытности видно хорошо зналъ дѣла, а сверхъ того и трудолюбивъ. Но съ другой стороны былъ правомъ высокомерецъ, скупъ, развратецъ, криволудецъ и столько мстителей, что никогда не прощалъ тѣмъ, которые оскорбили его высокомеріе или коснулись его пользы.—По властолюбивому своему праву возбудилъ противъ себя весьма много непріятелей, которые ни одного случая не пропускали очернить его предъ государыней» (II, 182). Переписка дипломатовъ и отзывы Фридриха Великаго могутъ служить доказательствомъ вѣрности этого изображенія.

Бестужевъ получалъ большія суммы отъ разныхъ дворовъ, особливо отъ вѣнскаго и дрезденскаго, также лондонскаго и т.д. Къ хитрости онъ умѣлъ присоединять и смѣлость. Никто, не исключая и Разумовскаго, не владелъ такъ волей Елизаветы, и многочисленные враги Бестужева только особенному случаю одолжены возможностью свергнуть Бестужева. Манифестъ объ его осужденіи лучше всего доказываетъ, до какой степени казался онъ страшенъ и въ паденіи. Мы, впрочемъ, подробно будемъ говорить о дѣятельности Бестужева.

Братья Шуваловы, Александръ и Петръ Ивановичи, пользовались огромнымъ вліяніемъ въ продолженіе всего царствованія Елизаветы Петровны. Оба они, происходя изъ небогатой дворянской фамиліи, успѣли попасть ко двору, и своимъ возвышеніемъ обязаны были перевороту 25-го ноября, въ которомъ принимали дѣятельное участіе, служа камеръ-юнкерами при Елизаветѣ Петровнѣ. Старшій, Александръ Ивановичъ, пользовавшійся, по преданію, особенною благосклонностью императрицы, лицо безвѣтное и не отличавшееся ничѣмъ особеннымъ. Съ 1741 по 1753 г. онъ съ необыкновенною быстротою прошелъ служебное поприще съ камеръ-юнкеровъ до званія генераль-аншефа, графа Россійской имперіи и кавалера ордена св. Андрея. Онъ находился, по словамъ Шаховскаго, въ знатнѣйшихъ и большихъ довѣренностяхъ и имѣлъ подъ своею дирекціей, тогда страшную, тайную канцелярію. Онъ начальствовалъ армейскою дивизіей, и произведенъ Петромъ III въ генераль-фельдмаршалы, но уволенъ былъ отъ службы Екатериной. Онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ своихъ братьевъ. Графъ Петръ Ив. Шуваловъ лицо замѣчательное. Его возвышеніе было такъ же быстро, какъ и возвышеніе его брата; но по личному характеру онъ имѣлъ несравненно болѣе значенія въ дѣлахъ внутренняго управленія. Онъ былъ

женать на знаменитой въ лѣтописяхъ придворныхъ интригъ и скандальной хроникѣ Мавръ Егор. Шепелевой, бывшей фрей-линь Елизаветы и ея повѣренной во всѣхъ дѣлахъ. Мавра Ег. жила во дворцѣ и служила усердною помощницей своему мужу. Какъ ревниво остерегали Шуваловы Елизавету отъ всякаго имъ чуждаго вліянія, какія средства употребляли для этого, можно видѣть изъ приключенія съ Бестужевымъ и изъ записокъ Шаховскаго. Жадность въ приобрѣтеніи и властолюбію была отличительнымъ свойствомъ характера Шувалова, хотя первое преобладало надъ вторымъ. Петръ Ивановичъ былъ сдѣланъ конференцъ-министромъ, директоромъ комиссіи для передѣлки мѣдной монеты, управлялъ по званію генераль-фельдцейхмейстера артиллерійскою и оружейною канцеляріями, и безсовѣстно пользовался, какъ этими, такъ и другими средствами, для увеличенія своего огромнаго состоянія. Чтобы дать понятіе объ этой сторонѣ характера Шувалова, приводимъ нѣкоторые факты. Корыстолюбіе Шувалова тяжело отозвалось на нашей промышленности, оно грозило подорвать въ концѣ благосостояніе населенія Бѣломорскаго и Каспійскаго побережья. Онъ выхлопоталъ себѣ исключительную монополію на торговлю саломъ въ Архангельскѣ и Колѣ, на добываніе тюленьяго сала, на промыслы трески, наконецъ на всѣ рыбныя промыслы на берегахъ Бѣлаго и Каспійскаго морей. Всякая частная торговля была запрещена въ выгодахъ бѣломорской компаніи Шувалова. Въ 1751 г. онъ получилъ монополію на рыбныя промыслы въ Астрахани и во всемъ Каспійскомъ морѣ. Такимъ образомъ интересы огромнаго населенія, самаго предпріимчиваго, были пожертвованы мужу любимицы Елизаветы. Но Шувалову было мало этого. «Графскій домъ, говоритъ Даниловъ, наполненъ былъ тогда весь шесцами, которые списывали разные отъ графа прожекты. Нѣкоторые изъ нихъ были, къ

приумноженію казны государственной, которой на бумагахъ миллионы поставлено было цифрами, а другіе прожекты были для собственнаго его графскаго верхняго доходу, какъ-то сало, ворвань, мачтовый лѣсъ и проч., которые были на откупъ во всей Архангелогородской губерніи, всего умножило его доходъ до 400,000 рублей (кромѣ жалованья) въ годъ». Шуваловы взяли также на откупъ знаменитые Гороблагодатскіе заводы и наглымъ образомъ выпросили себѣ не только всѣ находящіяся при нихъ, еще неразработанные матеріалы, но и 100,000 п. уже привезеннаго въ Петербургъ желѣза. Чтобы заставить рабочее населеніе Пермской губерніи обратиться отъ соляныхъ промысловъ къ работамъ на его заводахъ, онъ убѣдилъ правительство пустить въ продажу экономическую соль. Виннымъ откупщикамъ онъ выхлопоталъ многія льготы и самъ вступилъ въ подрядъ, совершивъ съ ними выгодную сдѣлку. Онъ былъ виновникомъ отмѣны внутреннихъ пошлинъ, стѣснявшихъ нашу торговлю, но сдѣлалъ это не изъ видовъ государственной пользы, а, во первыхъ, потому, что, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всѣ рыбныя промыслы и желѣзные заводы, онъ самъ сдѣлался однимъ изъ главнѣйшихъ торговцевъ и, слѣдовательно, платился наряду съ другими, особенно въ торговлѣ желѣзомъ; во вторыхъ, по его внушеніямъ купцы въ благодарность поднесли ему за это бриллантовую звѣзду и крестъ ордена св. Андрея. Сверхъ того по комиссіи о передѣлкѣ мѣдной монеты онъ дѣйствовалъ самостоятельно и не отдавалъ отчета даже сенату, раздавая частнымъ образомъ деньги подъ проценты дворянамъ и извлекая изъ этого огромные барыши. Въ сенатѣ и конференціи министровъ онъ не встрѣчалъ противорѣчій. Онъ ѣздилъ туда только въ самыхъ важныхъ случаяхъ, отзываясь занятіями по должности генераль-адъютанта и своими болѣзнями. Мстительность его была всѣмъ извѣстна и дѣлала его еще болѣе

страшнымъ. Онъ неумоимо гналъ всякаго, кто осмѣливался прогнворѣчить ему даже въ мелочахъ. «Графъ и графиня, говоритъ Даниловъ, тогда были люди знатные и сильные, отъ коихъ и не въ нашу пору трепетали, равные имъ сказывались большими и жили въ приморскихъ своихъ домахъ отъ одного ихъ непріятнаго взгляда». По должности генералъ-фельдцейхмейстера онъ оказалъ довольно важныя услуги русской артиллеріи разными усовершенствованіями и изобрѣтеніями. Онъ придумалъ гаубицы особаго рода, называвшіяся секретными, потому что дула ихъ закрывались особыми закрывками, и приставленные офицеры и рядовые давали особую присягу, что никому не откроютъ тайны ихъ устройства. Эти гаубицы были, впрочемъ, отмѣнены при Екатеринѣ, признаныя бесполезными. При неоспоримомъ умѣ и дарѣ изложенія, П. И. Шуваловъ могъ бы быть полезнымъ для Россіи, еслибы не устремилъ всю способность къ своему обогащенію и выгодѣ. Братьямъ Шуваловымъ мы обязаны за одно только, что они приблизили къ трону своего родственника И. И. Шувалова, о которомъ въ послѣдствіи придется говорить намъ такъ много. Петръ Иванов. Шуваловъ умеръ въ царствованіе Петра III, 4 января 1762 г.

Князь Черкасскій и графъ Воронцовъ, бывшіе государственными канцлерами, первый прежде, а второй послѣ канцлерства Бестужева, по своимъ характерамъ не могли имѣть большаго вліянія на дѣла государственныйя. Кн. Алексій Михайловичъ Черкасскій (р. 1680 г.) отличался крайнею нерѣшительностью, мнительностью и медленностью ума. Еще въ бытность его сибирскимъ губернаторомъ въ началѣ XVIII вѣка, Генингъ такъ писалъ объ немъ Петру Великому. «Правда, что здѣсь губернаторъ Черкасскій человекъ добрый, да не смѣль, а особливо въ судебныхъ и земскихъ дѣлахъ, отъ чего дѣла его не споры, а частію болѣе народу отяготительны, и ежели

его пошлешь сюда, то для своей пользы дай ему мѣшочекъ смѣлости и судей добрыхъ, людей надворныхъ и въ городахъ управителей, и въ слободахъ; да къ военнымъ дѣламъ оберъ-коменданта и такого же секретаря, безъ которыхъ ему быть не можно». Когда, за содѣйствіе при возстановленіи самодержавія Анны Іоанновны, Черкасскій сдѣлался членомъ кабинета, то говорилъ, что онъ представляетъ тѣло, а Остерманъ душу кабинета. До какой степени онъ былъ мнителенъ въ самыхъ пустыхъ вещахъ, доказываетъ слѣдующій анекдотъ о немъ. Разъ ночью онъ велѣлъ разбудить Бреверна, чиновника иностранной коллегіи, чтобы спросить: большими или маленькими буквами подписывать ему свое имя въ отвѣтномъ письмѣ герцогу Мекленбургскому. Вслѣдствіе этой медленности въ соображенія онъ отличался крайнею молчаливостью. Былъ, впрочемъ, честенъ, что было тогда рѣдкостью. Черкасскій умеръ почти черезъ годъ послѣ вступленія на престолъ Елизаветы (4-го ноября 1742 г.).

Графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ, камеръ-юнкеръ Елизаветы, вмѣстѣ съ Лестокомъ, всего болѣе содѣйствовавшій ея вступленію на престолъ, быстро дошелъ до чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, получилъ много иностранныхъ орденовъ, орденъ Александра Невскаго, графское достоинство Римской имперіи и въ 1744 г. сдѣланъ вице-канцлеромъ. Онъ былъ человекъ очень честный и трудолюбивый, но недостатокъ образованія и опытности въ дипломатическихъ дѣлахъ дѣлали его мало способнымъ къ исполненію этой важной должности. Къ интригѣ онъ мало былъ способенъ и потому, не смотря на то, что пользовался полною довѣренностью императрицы и былъ женатъ на ея родственницѣ, гр. Скавронской, онъ не могъ бороться съ Бестужевымъ и отпросился за границу, гдѣ провелъ 2 года (1746—1748). Послѣ сверженія Бестужева онъ занялъ его мѣсто. При Екатеринѣ онъ не могъ удержаться, вслѣдствіе происковъ Панина и Орлова, и

удалился отъ дѣлъ. Объ его характерѣ мы имѣемъ единогласныя хорошіе отзывы современниковъ. Много дѣлаетъ ему чести дружба съ Ломоносовымъ.

Первое время въ большой милости былъ принцъ Людвигъ Гомбургскій, участвовавшій въ замыслахъ приверженцевъ Елизаветы. Онъ поступилъ въ русскую службу еще въ 1724 году полковникомъ, достигъ при Екатеринѣ I и Петрѣ II чина генераль-поручика, а при Аннѣ Иоанновнѣ сдѣланъ былъ генераль-фельдцейхмейстеромъ. Маиштейнъ, знавшій его хорошо, говоритъ, что онъ былъ безъ приличнаго образованія, безъ хорошихъ правилъ, суетливъ, слабодушень и способенъ на всякія низости. Его неспособность къ военной службѣ была такъ извѣстна, что уже въ 1737 г. его не употребляли въ войнѣ противъ Турціи. Съ начала шведской войны ему поручили начальство надъ войсками, расположенными у Красной Горки, въ увѣренности, что тамъ никогда не дойдетъ до дѣла. За участіе въ возведеніи Елизаветы онъ получилъ званіе генераль-фельдмаршала и былъ сначала въ большой довѣренности; но скоро его кредитъ совершенно палъ. Онъ былъ презираемъ войскомъ, при дворѣ носилъ прозвище «фельдмаршала комедіантовъ», и, видя общее къ себѣ, наконецъ, не-расположеніе, онъ рѣшился возвратиться въ свои владѣнія; но въ 1745 г. умеръ въ Берлинѣ.

Въ дѣлахъ внутреннихъ, особливо въ отиравленіяхъ суда, большое вліяніе въ продолженіе царствованія Елизаветы имѣлъ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой (род. 1700 года). Онъ началъ свою дѣятельность въ военной службѣ; онъ былъ во время войны съ Польшей и Турціей при Аннѣ Иоанновнѣ кригсъ-комиссаромъ; но со вступленіемъ на престолъ Елизаветы былъ почти все время генераль-прокуроромъ. Трубецкой въ этомъ званіи былъ предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи и обнаружилъ жестокость своего характера; особливо во время

суда надъ участниками Лопухинскаго заговора, когда онъ позволилъ себѣ непонятную дерзость и произволь. Онъ былъ представителемъ, такъ называемой, старой русской партіи. Непонятенъ отзывъ о немъ сатирика Кантемира, что онъ съ правомъ *честнымъ, тихимъ* соединялъ *совѣсть чистую*. Въ современныхъ разсказахъ находимъ у него совершенно противоположныя качества. Петръ III сдѣлалъ-было его генераль-фельдмаршаломъ и даже полковникомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, но Екатерина II, по вступленіи на престолъ, приказала сказать ему, что желаетъ служить въ одномъ полку съ нимъ и увѣрена, что онъ уступитъ ей начальство. Въ слѣдующемъ году онъ былъ уволенъ отъ всѣхъ должностей. Онъ умеръ 16 октября 1797.

Таковы были главные дѣятели, ближе другихъ стоявшіе къ трону Елизаветы. О многихъ другихъ мы будемъ говорить при изложеніи вѣншей и внутренней исторіи ея царствованія.

Обратимся теперь къ дѣламъ вѣншей политики.

II.

Въ дѣлахъ вѣншей политики на первомъ планѣ стояли отношенія къ Швеціи, потому что Елизавета, вступивъ на престолъ, уже нашла Россію въ войнѣ съ этою державою. Мы должны обратиться нѣсколько назадъ, чтобы объяснить положеніе Швеціи и причины ея разрыва съ Россією. Внутренній переворотъ, послѣдовавшій въ Швеціи за смертію Карла XII, открылъ дорогу къ борьбѣ частныхъ интересовъ и партій, вмѣсто того, чтобы дать возможность странѣ отдохнуть отъ страш-

ныхъ усилій и жертвъ, какихъ стоило ей славолюбіе и упрямство ея героя. Шведское государственное устройство, послѣ этого переворота, мало чѣмъ разнилось отъ польскаго безначалія. Король Фридрихъ, владѣтельный ландграфъ Гессенъ-Кассельскій, женатый на Ульрихъ-Элеонорѣ, сестрѣ Карла XII, былъ государемъ только по имени. Фридрихъ Великій сравниваетъ его съ неспособнымъ къ военной службѣ офицеромъ, который радъ, что получилъ мѣсто городничаго *. Вся власть исходила изъ общаго собранія сословій, собиравшихся черезъ каждые 3 года.

Сословія избирали изъ своей среды тайную комиссію изъ 100 членовъ, которая давала инструкціи сенату объ управленіи и разсматривала дѣйствія сената и короля, въ теченіе времени отъ одного собранія сословій до другаго. Тайная комиссія состояла изъ 50 депутатовъ отъ дворянства, 25 отъ духовенства и столько же отъ городского сословія. Сословіе поселянъ было исключено, и депутаты его призывались въ тайную комиссію только въ особенныхъ случаяхъ. Въ сущности вся власть была въ рукахъ аристократіи или олигархіи. Бѣдность страны, малое развитіе торговли и недостаточность въ самомъ необходимомъ, вмѣстѣ съ сильно возбужденными потребностями роскоши, пагубно дѣйствовали на нравственность высшаго дворянства, въ рукахъ котораго находилась вся власть. Англійскій, русскій и французскій посланники дѣйствовали открыто подкупами. Во главѣ управленія находился графъ Арведъ Горнъ, виновникъ шведской конституціи. Его значеніе усиливалось еще тѣмъ, что онъ, кромѣ своего мѣста въ сенатѣ, на трехъ собраніяхъ государ-

* Il considérait son poste à peu près comme un vieux lieutenant-colonel invalide regarde un petit gouvernement qui procure une retraite honorable. Oeuvres. II, 18.

ственныхъ сословій (1726, 1727 и 1731 гг.) былъ избранъ въ ландмаршалы, и, слѣдовательно, по своей волѣ управлялъ засѣданіями. Только въ 1731 г., стараніями противной партіи, положено было, что должность ландмаршала, или президента государственныхъ сословій, несовмѣстна съ должностью сенатора; но и тутъ, впрочемъ, Горну удалось, въ собраніи государственныхъ сословій 1734 г., доставить званіе ландмаршала генералу Левенгаупту, ему преданному. Главнѣйшій вопросъ, поднятый въ собраніи государственныхъ сословій 1734 г., былъ: принять или не принять участіе въ войнѣ Россіи съ Польшей, по поводу избранія королемъ Станислава Лещинскаго? Франція не щадила усилій и денегъ, чтобы возбудить Шведовъ противъ Россіи. Мысль возвратить области, уступленныя по Нейштадтскому договору, находила сочувствіе въ большинствѣ шведскаго населенія, но истощеніе страны не представляло средствъ для борьбы съ такимъ страшнымъ противникомъ, какъ Россія. Графъ Горнъ, наравнѣ съ другими не любившій Россію, зная плохое состояніе шведскихъ финансовъ, разстройство арміи и двора, предчувствовалъ трудности вопроса о престолонаслѣдіи въ Швеціи по случаю бездѣтности Фридриха, и, вслѣдствіе этого, рѣшительно отказался отъ союза съ Франціей и явился жаркимъ защитникомъ необходимости продолженія мира съ Россіею. Графъ Гилленборгъ, доселѣ явный приверженецъ Петербурга, быстро перешелъ на сторону Франціи для того, чтобы дѣйствовать противъ Горна, съ которымъ онъ велъ давнюю борьбу. Левенгауптъ также отпалъ отъ Горна и присоединился къ партіи, желавшей войны съ Россіей. Сословіе поселянъ было сильно встревожено слухами о близкой войнѣ, которая все болѣе и болѣе пріобрѣтала себѣ приверженцевъ въ высшемъ сословіи. Выступили двѣ партіи: партія шляхъ — французская, партія шапокъ (колпаковъ) — русская. Въ дѣла виѣшались

женщины: графини Ливень и де-ла-Гарди и баронесса Будденброкъ принадлежали къ французской партіи, графиня Бонде къ русской. Заключение трактата о субсидіяхъ съ Франціею 28-го іюня 1735 г. Русскій посланникъ М. П. Бестужевъ возобновляетъ 3-го (16-го) августа 1735 г. союзный договоръ съ Швеціею на 12 лѣтъ; французскій посланникъ, графъ Кастейя, апеллируетъ отъ сената къ собранію государственныхъ сословій. Король нѣсколько разъ требовалъ его отозванія за дерзкія рѣчи, но онъ отозванъ былъ только въ концѣ 1737 г. На его мѣсто былъ присланъ графъ Сень-Северень. Гилленборгъ старался привлечь короля къ союзу съ Франціею общаніемъ Франціи стараться доставить наследство шведскаго престола гессенскому дому. Непріязнь короля къ Франціи и привязанность къ ганноверскому дому были главнымъ препятствіемъ. Гилленборгъ дѣйствуетъ и противъ сената и противъ короля, а апеллируетъ онъ отъ правительства къ націи. Государственныя сословія собрались въ ноябрѣ 1738 г. Королева объявляетъ нежеланіе видѣть графа Тессина ландмаршаломъ, но Тессинъ избранъ 525 голосами противъ 141 и тотчасъ же заключенъ союзъ съ Франціею по которому Франція обязуется платить въ теченіе 3 лѣтъ по 300,000 талеровъ, и обѣ державы не могутъ заключать другихъ союзовъ безъ взаимнаго соглашенія. Горни оставляетъ управленіе, а господствующая партія исключаетъ 3 сенаторовъ. Архенгольдъ, въ сочиненіи, изданномъ на шведскомъ языкѣ въ 1730 г., сказалъ рѣзко о Франціи и кардиналѣ Флѣри. Въ 1738 г. его судили, лишили всѣхъ должностей, заставили письменно просить прощенія у кардинала Флѣри, сожгли всѣ экземпляры его сочиненія. Въ Турцію посланъ майоръ Синклеръ, который и былъ убитъ на дорогѣ двумя русскими офицерами. Послано 8,000 человекъ войска въ Финляндію, съ поспѣшностью, которою даже Франція была

недовольна. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1740 г., умираютъ императоръ Карлъ VI и императрица Анна Іоанновна, и Франція желаетъ войны Швеціи съ Россіею, чтобы Россія не могла подать помощи Австріи. Графъ Гилленборгъ становится главой министерства и созываетъ чрезвычайное собраніе государственныхъ сословій въ декабрѣ 1740 г. Устанавливается олигархическій характеръ правленія: тайная коммиссія выдѣляетъ изъ себя особенную тайную депутацію, откуда возникаетъ самый тайный комитетъ изъ 4 сенаторовъ и 3 депутатовъ. Русскій посланникъ получаетъ подробныя извѣстія о всѣхъ планахъ: секретарь баронъ Гилленштіеръ уличенъ въ передачу Бестужеву всѣхъ тайныхъ денегъ, лишенъ чиновъ, чести, и приреченъ сначала къ смертной казни, потомъ къ пожизненному заключенію. А между тѣмъ партія шляхъ успѣла склонить на свою сторону и короля, позволивъ возвратиться дѣвицѣ Таубе. Шведскій посланникъ въ Петербургѣ, Полкенъ, и начальникъ войска въ Финляндіи, Будденброкъ, посылаютъ въ Стокгольмъ извѣстія, составленныя также въ духѣ воинственной партіи.

Объявленіе войны Россіи послѣдовало 1-го августа нов. ст. 1741 г. Вотъ причины войны, выставленныя въ манифестѣ, написанномъ Синклеромъ: запрещеніе вывозить изъ Ливоніи хлѣбъ въ Швецію, исключеніе псаревны Елизаветы отъ русскаго престола, владычество въ Россіи иностранцевъ, тягости для русскаго народа. Швеція не была готова къ войнѣ: въ Финляндіи было очень мало войскъ, да и тѣ разбросаны въ разныхъ мѣстахъ и на далекихъ разстояніяхъ другъ отъ друга; не устроено хлѣбныхъ магазиновъ, нѣтъ нужныхъ военныхъ припасовъ. Предосторожности, взятныя шведскимъ правительствомъ, чтобы объявленіе войны дошло до Петербурга попозже, не имѣли успѣха: Россія давно все знала. Русскія войска подъ начальствомъ лучшихъ генераловъ, Ласси и Кейта, собраны въ лагерь не-

далеко отъ Выборга. Другой корпусъ на Красной Горкѣ. Левендаля отдѣльно отрядили прикрывать Ливонію и Эстонию. 13-го (24-го) августа, въ день рожденія Іоанна Антоновича, объявленъ манифестъ Россіи о войнѣ, въ отвѣтъ на шведскій манифестъ. Черезъ два дня русское войско двинулось къ границѣ, а 1-го сентября н. ст. уже вступило въ шведскую Финляндію. Шведскія войска, собранныя наскоро, находились въ разныхъ мѣстахъ, недалеко отъ Вильманстратта, подъ начальствомъ Будденброка и Врангеля. Ласси съ 10 тысячами идетъ къ Вильманстратту. Ложная тревога въ русскомъ станѣ мѣшаетъ Русскимъ вполне воспользоваться оплошностью непріятеля. Въ это время подошелъ Врангель съ 5,000 человекъ, но былъ разбитъ (3-го сентября н. ст.), потерявъ 4 штандарта и 12 знаменъ, 18 орудій и 125 плѣнныхъ. Вильманстраттъ взятъ русскими войсками и сожженъ, а жители его переведены въ Россію. Ласси отводитъ войска назадъ на зимнія квартиры. Левенгауптъ, назначенный шведскимъ главнокомандующимъ, успѣлъ собрать войско (23,000), устроить магазины и не только поправить прежнюю оплошность, но даже сжегъ нѣсколько русскихъ запасовъ.

Вступленіе на престолъ Елизаветы повело къ перемирію. Шетарди далъ знать Левенгаупту, что Елизавета вознаградитъ Швецію за содѣйствіе въ достиженіи ею русскаго престола. Швеція требовала областей, завоеванныхъ Петромъ Великимъ. Левенгауптъ до того былъ увѣренъ въ успѣхѣ, что распустилъ всѣ войска по дальнимъ квартирамъ и не принималъ никакихъ мѣръ предосторожности. Елизавета соглашалась на денежное вознагражденіе, но не хотѣла слышать объ уступкѣ какой нибудь части территоріи. Военныя дѣйствія, начавшіяся въ мартѣ, застали шведскую армію совершенно неготовою. Левенгауптъ приказалъ сжечь запасы въ Фридрихсгамѣ и собраться войску; но это была ложная тревога. Русское войско изъ 25,000

сухопутной арміи и 10,000 посаженныхъ на галеры, начало на ступленіе только 18-го іюня н. ст. Левенгауптъ прислалъ полковника Лагеркранца договариваться о мирѣ; Ласси отослалъ его въ Москву и продолжалъ наступленіе: войско должно было тѣпуться по узкимъ дорогамъ, и небольшою отрядъ могъ бы остановить его на долго. Левенгауптъ занялъ сильную позицію при Мендолакѣ въ 4 миляхъ передъ Фридрихсгамомъ, но бросилъ ее, къ крайнему изумленію Русскихъ. Ласси намѣренъ былъ открыть правильную осаду крѣпкаго своимъ положеніемъ Фридрихсгама, но Шведы 10-го іюля зажгли городъ и удалились съ такою поспѣшностію, что Естерботтійскій полкъ позабылъ свое знаніе: 40 пушекъ достались Русскимъ, большая часть запасовъ была уничтожена Шведами. 12-го іюля русское войско дошло до рѣки Кюмени, когда прибылъ гонецъ отъ двора съ приказаніемъ остановиться, дойдя до Кюмени, дальнѣйшее наступленіе и удерживать только занятыя уже земли. На военномъ совѣтѣ русскіе генералы требовали исполненія приказанія; иностранные совѣтовали воспользоваться разстройствомъ шведской арміи и пойти къ Гельсингфорсу. Ласси припалъ послѣднее мнѣніе. Левенгауптъ занялъ станъ подъ Гельсингфорсомъ и хотѣлъ отступить къ Або, когда генералъ Левендаль, воспользовавшись старою дорогой, проложенной чрезъ лѣсъ еще Петромъ Великимъ, зашелъ въ тылъ и преградилъ отступленіе. Въ то же время русскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала Мишукова, заперъ Шведовъ со стороны моря; 25-го августа н. ст. вся шведская армія (17,000 или 12,000) положила оружіе на слѣдующихъ условіяхъ. 1) 10 финскихъ полковъ положили оружіе, а драгуны отдали своихъ лошадей и разошлись по домамъ. 2) Всѣ запасы, полевая артиллерія и оружіе, находившееся въ Гельсингфорсѣ, сданы Русскимъ. Шведамъ выдана была осадная артиллерія и столько провіанту,

сколько необходимо было имъ для возвращенія на родину. 3) Шведская пѣхота должна быть отвезена въ Швецію на шведскихъ галерахъ. 4) Шведская конница должна была идти въ Швецію на Торнео подъ прикрытіемъ нашихъ гусаръ. Изъ 1,200 шведскихъ всадниковъ не болѣе 100 перешло шведскую границу. Шведская пѣхота, 4,000 человекъ, отъ болѣзней и отъ морскаго переезда, потеряла почти половину людей на возвратномъ пути. Военныя силы Швеціи были въ конецъ подорваны и вся Финляндія находилась въ рукахъ Русскихъ, капитуляція тѣмъ болѣе постыдная, что русское войско немногимъ превосходило числомъ шведскую армію, имѣвшую на своей сторонѣ превосходство мѣстности.

Чтобы нѣсколько объяснить это непонятное несчастіе военныхъ дѣйствій, надо войти въ положеніе враждующихъ сторонъ и въ устройство шведской арміи. Партія шляхъ не думала о серьезной войнѣ; военными дѣйствіями она хотѣла прикрыть дипломатическую интригу. Французскія субсидіи разошлись по рукамъ олигарховъ. Вступленіе на престолъ Елизаветы еще болѣе успокоило шведское правительство, ожидавшее всего отъ ея благодарности. Олигархическое устройство произошло и въ армію. Все рѣшалось всеннымъ совѣтомъ, гдѣ засѣдали всѣ полковники, и гдѣ главнокомандующій, наравнѣ съ прочими, имѣлъ только одинъ голосъ. Часто принуждены были отсылать разсужденія военнаго совѣта въ Швецію и ждать рѣшенія отъ короля и сената. Было еще обстоятельство, гибельное для шведской арміи. Въ Швецію, со смерти Ульрики-Элеоноры (23-го ноября 1741 г. н. ст.), подняли вопросъ о престолонаслѣдіи, и партія мира (копнаковъ) получила прежнюю силу. Множество офицеровъ оставило армію, чтобы своимъ присутствіемъ въ Стокгольмѣ подкрѣпить ту или другую партію. Можно ли было при всемъ этомъ ожидать единства въ военныхъ соображеніяхъ, рѣшительности и успѣха военныхъ дѣй-

ствій? Интрига между тѣмъ дѣлала свое: полковникъ Лагеркранцъ, посланный Левенгауптомъ съ мирными предложеніями къ Ласси, и отправленный въ Москву, сдѣлалъ произвольно предложеніе избрать наслѣдникомъ шведскаго престола герцога Голштинскаго. Арестованный по возвращеніи къ войску и отправленный Левенгауптомъ въ Стокгольмъ, онъ не только оправдался, но еще убѣдилъ пожертвовать генералами народному неудовольствію, и избраніемъ герцога Голштинскаго получить миръ съ Россіею. Еще 19-го августа Левенгауптъ и Буденброкъ вызваны въ Стокгольмъ и преданы суду, а гелсингфорскую капитуляцію заключилъ, съ согласія военнаго совѣта, старшій изъ находившихся въ шведской арміи генераловъ, Буске. На собраніи государственныхъ сословій сословіе посадянъ первое объявило себя за герцога Голштинскаго, во первыхъ, потому, что онъ происходилъ отъ царственной шведской крови; во вторыхъ, потому, что этимъ надѣялись получить возвращеніе и мира, и захваченныхъ провинцій. Сословіе горожанъ, а потомъ и сословіе духовенства и дворянства пристали къ этому рѣшенію. Графъ Бонде, баронъ Гамильтонъ и баронъ Шефферъ (4 янв. 1743 г. н. ст.) отправлены были въ Петербургъ предложить шведскую корону герцогу Голштинскому. Ихъ приняли очень холодно, и герцогъ, объявленный уже наслѣдникомъ русскаго престола, принявъ съ именемъ Петра Фелоровича грекороссійское исповѣданіе, отказался отъ предлагаемаго ему шведскаго наслѣдства. Предложеніе шведской короны герцогу не было, впрочемъ, исполнѣ искренно. Партія шляхъ, покорная французскому вліянію, хотѣла доставить корону принцу Биркенфельдскому. Между тѣмъ открыты были переговоры о мирѣ въ Або. Уполномоченными съ русской стороны были Румянцевъ и Люберасъ (по вліянію Лестока), съ шведской—баронъ Цедеркрейцъ и государственный секретарь баронъ

Полкѣнъ. Въ то же время продолжались военныя дѣйствія на морѣ. Хотя флотъ корабельный, находившійся подъ начальствомъ адмирала Головина, и не вступалъ въ дѣло, не смотря на всѣ требованія Ласси, но галерный подъ начальствомъ самого Ласси и генерала Кейта дѣйствовалъ успѣшно, одержавъ верхъ въ нѣкоторыхъ стычкахъ и припудивъ Шведовъ уклониться отъ сраженія.

Въ Швеціи, съ отказомъ герцога Голштинскаго, начались ожесточенныя борьбы партій и претендентовъ на наслѣдіе. Принцъ Биркенфельдскій, поддерживаемый Франціей, и принцъ Гессенскій, покровительствуемый Англіею, мало имѣли шансовъ на успѣхъ; но два другіе претендента располагали значительными силами. Одинъ изъ нихъ былъ близкій родственникъ наслѣдника русскаго престола, Адольфъ-Фридрихъ, титулярный епископъ любекскій, бывшій администраторъ Голштиніи и родной братъ перваго любимаго жениха Елизаветы Петровны. Второй былъ сынъ датскаго короля Христіана VI. Кандидатура датскаго принца находила себѣ приверженцевъ въ сословіи поселянъ, которые желали усиленія королевской власти и уничтоженія тягостнаго владычества олигархіи. Еще лѣтомъ 1742 года 500 датскихъ рекрутъ отказались идти въ Финляндію, если не пойдеть съ ними самъ король: «Мы хотимъ одного короля, а не многихъ», говорили они, и только пушки могли принудить ихъ къ повиновенію. Званіе епископа любекскаго дѣлало ихъ жаркими противниками его избранія. Датчане имѣли наготовѣ 12,000 войска на норвежской границѣ, чтобы при случаѣ подкрѣпить кандидатуру своего принца. Но если надежда на усиленіе королевской власти заставляла поселянъ желать избранія сына Христіана VI, то тѣ же самыя причины побуждали приверженцевъ олигархіи, по чувству самосохраненія, противодѣйствовать этому выбору и склониться на сторону епископа любекскаго. Было и еще важное побужденіе къ этому изъ-

бранію. Полковникъ Фабіанъ Вреде представилъ слѣдующее объясненіе финляндскаго дворянства: «Финскій народъ сохрѣпитель вѣрности, пока у него будетъ надежда остаться за Швеціею; но когда Шведы хотѣтъ сдѣлаться Датчанами, то Финляндія будетъ навѣки оторвана отъ Швеціи, потому что Россія силою удержитъ завоеванныя ею области, и Финны въ этомъ случаѣ лучше добровольно признаютъ владычество Россіи». Въ это время вспыхнуло возстаніе поселянъ въ Далекарліи. Провинціи Упландская, Зюдерманландская, Смоландъ и Сканія также волновались. Далекарлійцы явились 20-го іюля въ Стокгольмъ; гвардейскій полкъ, выведенный противъ нихъ, не хотѣлъ сражаться, позволилъ себѣ обезоружить и взять пушки. Старый король, игравшій самую жалкую роль во всѣхъ этихъ событіяхъ, напрасно выѣзжалъ самъ уговаривать возмущившихся. Только возвращеніе изъ Финляндіи шведскихъ войскъ спасло Стокгольмъ отъ слѣдствій бунта поселянъ. Послѣ жестокой схватки 80 крестьянъ было убито и около 3,000 захвачено. Шедингу, главному виновнику, отрубили голову; майора Врангеля, предводителя ихъ, осудили на вѣчное заключеніе, остальныхъ жестоко наказали; множество умерло въ тюрьмахъ. Волненіе между поселянами и страхъ передъ датскимъ вторженіемъ дали однакоже перевѣсъ датской партіи. Дворянство русскою партіи было вынуждено согласиться на избраніе датскаго принца, если къ извѣстному сроку (4-го іюля) не состоится миръ.

Безпечность Елизаветы едва-было не погубила дѣла Голштинскаго герцога. Два дня она держала курьера, не подписывая деклараціи, и только смѣлость полковника Лингена, кратчайшей дорогой черезъ Аландскіе острова, на рыбацкой лодкѣ, пробравшагося въ Стокгольмъ въ самый день, назначенный для избранія датскаго принца, съ извѣстіемъ о подписаніи въ Або мирныхъ условій, спасла герцога. Прелиминарныя статьи

мирнаго договора, подписанныя 16-го іюля 1743 г. ст. ст. въ Або русскими и шведскими уполномоченными, были слѣдующія. 1) Будетъ вѣчный миръ и тотчасъ же прекращаются военныя дѣйствія. 2) Шведскіе государственные чины изберутъ и объявятъ наслѣдникомъ шведскаго престола Адольфа-Фридриха, администратора герцогства Голштинскаго, епископа любекскаго. Швеція уступаетъ Россіи провинцію Кюменгорскую со всѣми рукавами и устьями рѣки Кюмени до самыхъ рубежей Тавастгустскихъ и Саволакскихъ, сверхъ того городъ и крѣпость Нейшлотъ. 3) Россія возвращаетъ Швеціи завоеванныя ею провинціи. Великій князь Всероссійскій отступаетъ отъ своихъ притязаній на Швецію, которыя онъ могъ имѣть, какъ герцогъ Голштинскій. 4) Будутъ стараться о заключеніи формальнаго мирнаго трактата на основаніи Нейштатскаго. 27-го іюня совершилось избраніе Адольфа-Фридриха наслѣдникомъ шведскаго престола. 4-го іюля подписанъ избирательный актъ всѣми сословіями. 8-го (19-го) августа 1743 г. совершилась ратификація въ Петербургѣ мирнаго трактата, заключеннаго въ Або. Россія приобрѣла подтвержденіе всѣхъ владѣній, уступленныхъ Швеціею по нейштатдскому миру, сверхъ того вновь провинцію Кюменгорскую съ городами Фридрихсгамомъ и Вильманстрандомъ, 109 кв. миль, часть кирхшпиля Пиктиса и крѣпость Нейштатъ съ дистриктомъ (арт. 4 и 5) и уступила Швеціи другія завоеванныя области. Швеція получила право вывозить изъ балтійскихъ русскихъ портовъ хлѣба на 50,000 руб. Остальное на условіяхъ пейштатскаго мира. Обмѣнъ ратификацій совершенъ въ Або 27-го августа 1743 г. Празднованіе абовскаго мира совершилось съ величайшимъ торжествомъ въ Москвѣ, гдѣ находился тогда дворъ. Участвовавшіе и неучаствовавшіе получили большіе награды. Войска были распущены, за исключеніемъ отряда генерала Кейта, предназначавшагося въ Швецію, для подаванія помощи королю.

Избраніе голштинскаго администратора наслѣдникомъ шведскаго престола не прекратило волненія въ Швеціи. Сословіе поселянъ попрежнему стояло втайнѣ за датскаго принца. Христіанъ VI угрожалъ вторженіемъ со стороны Норвегіи и Шоніи. Король и сенатъ, сознавая свое безсиліе, должны были просить вооруженной силы у Россіи. Генераль Кейтъ, не смотря на осеннія бури, съ 11,000 войска переправился на галерахъ въ Швецію и 23 октября 1743 года былъ уже на шведскихъ берегахъ. До іюня 1744 года оставались русскія войска въ провинціяхъ Зюдерманландской и Остерготтійской, прикрывая шведскія владѣнія отъ датскаго вторженія и удерживая внутреннія волненія. Шведское правительство получило отъ Россіи, кромѣ того, 400,000 рублей субсидіи въ три срока (Полн. Соб. Зак. № 8, 857, января 14, 1744 г.). Въ февралѣ 1744 г. отказалось наконецъ датское правительство отъ своихъ притязаній на наслѣдство шведскаго престола и признало права Адольфа-Фридриха. Россія, благодаря борьбѣ внутреннихъ партій въ Швеціи, своекорыстнымъ стремленіямъ олигарховъ и неспособности шведскаго короля, глубоко унизила давнюю соперницу и получила рѣшительное вліяніе на внутреннія дѣла Швеціи, пользуясь имъ для окончательнаго ея ослабленія.

Западная Европа со смертію Карла VI, со вступленіемъ на престолъ Фридриха II прусскаго, выходила на дорогу темныхъ интригъ и нескончаемыхъ войнъ. Въ дипломатіи и войнахъ должна была принимать участіе и Россія, со временъ Петра государство европейское. Прежде, чѣмъ касаться обще-европейскихъ интересовъ, мы должны взглянуть на внутреннее устройство главнѣйшихъ европейскихъ государствъ въ это время.

Во Франціи царствовалъ Людовикъ XV, воспитанный епископомъ фрежюсскимъ, Флери, совершенно овладѣвшимъ умомъ и ч. II.

привязанностью своего воспитанника. Съ 15 лѣтъ (4 февраля 1723 г.) Людовикъ XV началъ по имени управлять государствомъ. Въ сущности вся власть находилась въ рукахъ регента, по смерти котораго герцога Бурбонъ получилъ управление и передалъ его въ руки своей признанной любовницы, маркизы *De Prie*, которая въ свою очередь управлялась своими братьями, сыновьями трактирщика, но умными, энергическими. Главнымъ дѣломъ въ управленіе герцога Бурбона былъ бракъ короля съ Маріей Лещинской, дочерью Станислава, минутнаго короля Польши. Намѣреніе отстранить совершенно Флери отъ участія въ дѣлахъ государственныхъ было причиною удаленія самого герцога Бурбона. Флери, сдѣланный кардиналомъ и первымъ министромъ, съ тѣхъ поръ (11-го іюня 1726 г.) до самой смерти почти безъ раздѣла владѣлъ Франціею, которая обязана ему многимъ. Онъ внесъ въ управленіе финансами бережливость и порядокъ и воспользовался продолжительнымъ миромъ, чтобы по возможности исправить несчастное положеніе страны, которой такъ дорого стоила военная слава Людовика XIV и безумное правленіе регента. Для достиженія этой цѣли Флери сократилъ армію и флотъ, почти совершенно уничтоживъ послѣдній. Тайною сдѣлкой съ англійскимъ министерствомъ онъ обязался постоянно сдерживать развитіе морскихъ силъ Франціи, и старанія Морепа, управлявшаго морскимъ департаментомъ, сколько нибудь противодействовать этому умышленному ослабленію флота или вознаградить его сильнымъ развитіемъ морской торговли и купеческаго флота не могли быть вполне успѣшны. То же самое было съ арміею. Въ первые же 5 лѣтъ она была уменьшена на 65,000. Полки вмѣсто 1,000 состояли изъ 400 человекъ. Флери всего ожидалъ отъ финансовъ и дипломатіи. Онъ называлъ государственныхъ фермеровъ 40 столбами государства. Тайные переговоры, дипломатическія интриги, подкупы

заняли первое мѣсто. Никогда, можетъ быть, дипломатія не получала такого характера, не облакалась такою тайною, не отличалась такою неразборчивостью въ средствахъ, такую безирравственность, никогда не было такого простора для интригъ всякаго рода. Флери удалось довершить планы Ришельё и Мазарини. Вѣнскимъ миромъ онъ доставилъ въ пожизненное владѣніе тестю Людовика XV, Станиславу Лещинскому, герцогство Лотарингію и Баръ, съ тѣмъ, чтобы послѣ смерти Станислава эти владѣнія окончательно принадлежали Франціи. Такимъ образомъ 39 квадратныхъ миль съ 1.240,000 жителей, вѣзвивавшіяся въ предѣлы Франціи и отъ лѣгшія Эльзасъ отъ Франш-Конте, были навсегда приобрѣтены государству. Весь занятый финансами и дипломатіею, кардиналъ Флери болѣе всего боялся войны. Между тѣмъ около молодого короля со всѣхъ сторонъ переплетались придворныя интриги. Полный довѣренности къ своему воспитателю, Людовикъ XV весь преданъ былъ удовольствіямъ. Охота, въ которой участвовали первыя красавицы Франціи, карточная игра, веселые ужины поглощали все его вниманіе. Блестящая придворная молодежь, герцогъ Ришельё, de Gesvres, d'Epervon, Soubise, Aiguillon, de la Trémouille, marquis de Souvré, marquis de Coigny, были его неразлучными товарищами. Къ общему удивленію и неудовольствію, король любилъ свою супругу, Марію Лещинскую, бывшую старше его годами, оставался ей вѣренъ. Придворныя дамы добивались чести быть королевскими наложницами. Вельможи были посредниками въ любовной интригѣ. Мѣшанская добродѣтель молодого короля подвергалась сарказмамъ, куплетамъ и т. п. Марія Лещинская вмѣстѣ съ красотою, свѣжестью, унесенными частыми родами, утратила, наконецъ, власть надъ сердцемъ короля, и герцогу Ришельё, съ согласія кардинала Флери, досталась честь дать королю первую титулованную любовницу въ лицѣ *madame de Mailly*.

Людовикъ XV окончательно поддался ей на одной изъ шумныхъ оргій, и съ тѣхъ поръ Марія Лещинская сохраняла только видѣшныя почести королевской супруги и постепенно заключалась въ тѣсный семейный кругъ, рѣдко посѣщаемый королемъ. Иезуиты овладѣли ею; для короля же открылась новая жизнь. Версаль былъ почти оставленъ. Choisy и маленькіе апартаменты въ этомъ помѣстьѣ были любимымъ мѣстопребываніемъ Людовика XV. Здѣсь царствовала madame de Mailly; непродолжительная связь короля съ ея сестрою, герцогиней de Vintimille, грозила-было ей паденіемъ, но Vintimille умерла родами, оставивъ королю сына, и de Mailly получила прежнюю власть. Она владѣла Людовикомъ, дѣйствуя на его чувственность. Веселая, живая, способная выпивать нѣсколько бутылокъ шампанскаго, не пьянѣя, она была достойной предсѣдательницей королевскихъ оргій. 29-го января 1743 г. умеръ кардиналъ Флери, и Людовикъ XV объявилъ, что самъ будетъ управлять государствомъ съ помощью 4 государственныхъ секретарей, завѣдывавшихъ различными отраслями государственнаго управления: М. Amelot (иностранныя дѣла), графъ de Maugeras (флотъ), графъ de St.-Florentin; D'Argenson (военныя дѣла). Со смертью Флери рушилось единство управленія; интрига получила еще больше значенія. Madame de Mailly была свержена своею младшею сестрой, маркизою de Tournelle, которая черезъ посредство того же герцога Ришельё получала титулъ герцогини de Châteauneuf и сдѣлалась признанною любовницей короля. Послѣ ея смерти, 3-го дек. 1744 г., и краткаго промежутка, m-me d'Etioles, урожденная Poisson, въ послѣдствіи столь извѣстная подъ именемъ маркизы Помпадуръ, овладѣла Людовикомъ и получила огромное вліяніе на дѣла государственныя. Это былъ ударъ для знатныхъ дамъ, добивавшихся той же чести. Нѣсколько времени поднятъ былъ вопросъ: ѣздить ли къ m-me d'Etioles?

Но ловкая развѣнне съумѣла удержать свою власть надъ королемъ, и не только французская аристократія, но и коронованныя особы искали дружбы могущественной куртизанки. Мы упомянули объ этихъ скандалезныхъ интригахъ потому, что онѣ имѣли огромное вліяніе на судьбу не одной Франціи. Уже со времени m-me de Mailly подлѣ официальной политики кардинала Флери находилась тайная политика королевской любовницы. Со времени Châteauneuf и въ особенности Помпадуръ, эта непризнанная политика занимала все болѣе видное мѣсто. Смѣна министровъ и генераловъ, заключеніе союзовъ, война и миръ, однимъ словомъ, важнѣйшія дѣла государственныя рѣшались не въ совѣтѣ министровъ, а въ уборной и спальнѣ королевской наложницы. При каждомъ почти европейскомъ дворѣ подлѣ посланника или резидента, назначеннаго министромъ иностранныхъ дѣлъ, находился тайный агентъ Шатору или Помпадуръ. Придворною интригой, будуарною сценою объясняются или условливаются многія событія, имѣвшія важное значеніе для всей Европы.

Если бы мы захотѣли воплотить понятъ позорное и несчастное состояніе государствъ, въ которыхъ интересамъ одного или нѣсколькихъ лицъ окончательно жертвовалось благосостояніе страны, намъ должно перейти въ Германію. Какъ тяжело было положеніе Швеціи подлѣ властью олигарховъ и среди безпрерывной борьбы ихъ партій, какъ ни унижена была Франція правленіемъ королевскихъ любовницъ и ихъ креатуръ, ихъ участь была однако же завиднѣе, сравнительно съ судьбой Саксоніи и другихъ германскихъ владѣній. Карлъ-Альбертъ, курфирстъ Баварскій, получилъ 30 милліоновъ долгу въ наслѣдство отъ отца. Какъ ни велико было его стремленіе къ расточительности и вѣдшему блеску, онъ долженъ былъ значительно сократить придворный штатъ. Армія была уменьшена болѣе, чѣмъ въ половину, но и оставшаяся часть

могла содержаться только французскою милостыней, подъ учтивымъ именемъ субсидій. Баварское правительство два раза въ теченіе этого вѣка отдавало свою армію въ наемъ врагу имперіи, во время имперской войны. Несмотря на крайнее истощеніе страны, Карлъ-Альбертъ и его супруга любили вышній блескъ и роскошь. Съ этимъ соединялось у нихъ какое-то средневѣковое благочестіе. Во время крайняго безденежья они послали въ Алтеттингъ серебряное изображеніе, вѣсомъ равное ихъ старшему сыну, которому было 8 лѣтъ. Придворные праздники, щедрая разсылка по монастырямъ и церквамъ богатыхъ приношеній поглощали небольшіе государственные доходы Баваріи. Борьба между графами *Прейсингомъ* и *Фунеромъ*, между *Террингомъ* и канцлеромъ *Унертелемъ* за исключительное вліяніе на безхарактернаго курфирста занимали главное мѣсто. При дворѣ и во всей странѣ господствовалъ средневѣковой обскурантизмъ и іезуиты. Безъ денегъ баварскій дворъ хотѣлъ сохранить царственную пышность; безъ арміи Баварія готовилась вступить въ борьбу съ могущественнымъ противникомъ. Отношенія курфирста къ французскому правительству показываютъ глубокое униженіе нравственное точно также, какъ и политическое паденіе Баваріи. Не лучше было положеніе *Саксоніи*. Августъ III, король польскій и курфиретъ саксонскій, былъ въ сущности добрый человѣкъ, но онъ совершенно не занимался дѣлами и короталъ время въ обществѣ графа и графини *Брюль* (Brühl). Вся власть въ государствѣ принадлежала сначала оберъ-камергеру *Сульковскому*, въ теченіе 5-ти лѣтъ составившему себѣ состояніе въ 2, 000, 000; потомъ графу Брюлю. Удаленіе отъ дѣлъ короля было до того полное, что даже во время войны онъ не зналъ, гдѣ находятся его войска. Самъ Брюль тоже не занимался дѣлами и не понималъ ихъ. 8 секретарей завѣдывали каждый своимъ отдѣломъ и подготавливали

дѣла, рѣшеніе которыхъ зависѣло отъ Брюля и его любимцевъ. Все вниманіе перваго министра обращено было на приобрѣтеніе богатства. Даже въ то время, когда Саксонія была совершенно опустошена войною, Брюль жилъ съ царскою пышностію. Его сады, бібліотека, собраніе рѣдкостей удивляли своимъ богатствомъ. Дворецъ былъ наполненъ болѣе, чѣмъ 200 служителей и даже чиновниками, которые исправно получали жалованье, въ то время, когда королевская армія оставалась безъ платы и содержанія; столяръ гр. Брюли великолѣпнѣе далеко превосходилъ королевскій. Даже его собраніе тростей, шляпъ, фраговъ и париковъ было единственнымъ въ своемъ родѣ, и послѣ двукратнаго опустошенія Саксоніи, послѣ разоренія помѣстій Брюля, его состояніе цѣнилось болѣе чѣмъ въ 2,000,000 талеровъ. Положеніе Саксоніи было самое печальное. Графъ Брюль продавалъ могшимъ купить кровь саксонской арміи, по 25-ти мѣсяцевъ не получавшей жалованья. Земледѣліе и торговля погибли въ опустошительныхъ войнахъ. Неприкосновенно оставалось только колоссальное богатство Брюля и его власть надъ флегматическимъ королемъ. Въ *Пфальцѣ* 72-лѣтній Карлъ-Филиппъ, послѣдній потомокъ Нейбургскаго дома, проводилъ свою жизнь въ праздникахъ и охотѣ, въ преслѣдованіи реформатовъ и въ постройкѣ зданій, не обращая ни малѣйшаго вниманія на состояніе своей страны. Его поведеніе во время имперской войны 1734—1735 года возбудило общее негодованіе. Когда французскія войска до того опустошили Пфальцъ, что сами же должны были привезти хоть нѣсколько зерноваго хлѣба для будущаго поѣзда, онъ великолѣпно угощалъ въ Мангеймѣ и Швейнгентѣ французскихъ генераловъ. Старый принцъ Евгений не могъ скрыть своего презрѣнія къ легкомысленному курфирсту, среди ужасовъ войны, разорившей его области, заботившемуся только о сбереженіи дичи въ лѣсахъ.

Въ *Виртембергъ* нѣкоторое время страна пользовалась отчасти отдыхомъ. Послѣ смерти герцога Карла-Александра, его супруга, участвовавшая на ученыхъ диспутахъ гюббингенскаго университета и объявившая себя въ 1735 г. мальтійскою кавалершей, управляла во время малолѣтства старшаго своего сына. Знаменитый математикъ *Бильфингеръ* и его товарищъ *Цехъ*, стоявшій въ главѣ правленія, да *Гарденбергъ* дѣйствовали умѣренно и благоразумно, хотя и здѣсь не обходилось безъ злоупотребленій, какъ со стороны сословій, такъ и со стороны тайнаго совѣта и самой герцогини. Мы долго бы не кончили, еслибы вздумали разсматривать положеніе мелкихъ нѣмецкихъ владѣній. Вся Германія полна была скандаловъ и нескончаемыхъ процессовъ. Множество маленькихъ тирановъ тяжело управляли несчастною страной. Въ *Мекленбургѣ* долженъ былъ, наконецъ, вступиться имперскій судъ за Ростокцевъ и рыцарство противъ жестокости герцога Леопольда и лишить его владѣній. Его братъ и наслѣдникъ окончательно разорилъ страну процессами и открытою войною съ своими подданными. Въ малыхъ саксонскихъ герцогствахъ жители управлялись съ возмутительными несправедливостями. Герцогъ Дессау, хорошій солдатъ, былъ хищный, несправедливый и жестокий деспотъ. Герцогъ Саксенъ-Мейнингенъ велъ войну съ супругой своего ландегермейстера и судился передъ имперскимъ судомъ. Безчисленные процессы, нескончаемыя тяжбы поглощали огромныя деньги. Нетерпимость была въ одинаковой степени и у католиковъ, и у протестантовъ. Большая часть владѣльцевъ получала постоянныя субсидіи, то отъ Англіи, то отъ Франціи, то отъ обѣихъ вмѣстѣ. Нѣмецкіе князья продавали свои войска тому, кто дастъ больше. Для нѣкоторыхъ эта торговля сдѣлалась главнымъ занятіемъ. Гессенцы участвовали во всѣхъ войнахъ, какъ наемники *)

*) Иногда въ одно и то же время находясь въ службѣ у обѣихъ враждующихъ сторонъ. Schlosser, II, 86 sqq.

Средневѣковой мракъ лежалъ надъ Германіей. Іезуиты владѣли большею частію дворовъ и мѣшали всякому движенію впередъ. Нѣмецкая литература находилась въ застоѣ и пользовалась общимъ презрѣніемъ. Въ высшемъ обществѣ безъ раздѣла господствовали французская литература и языкъ, и трудно обвинить его въ этомъ, зная положеніе современной національной поэзіи и словесности Германіи. Въ сочиненіяхъ современныхъ французскихъ писателей выказывалось полное и, къ сожалѣнію, едва-ли не заслуженное презрѣніе къ нѣмецкой наукѣ и нѣмецкимъ ученымъ. Чѣмъ глубже было униженіе Германіи, тѣмъ ярче бросается въ глаза великое значеніе и заслуга Фридриха II прусскаго.

Въ самомъ началѣ XVIII столѣтія курфюрсту Бранденбургскому удалось, пользуясь смутами Европы, возвысить свое государство на степенъ королевства. Если первымъ побужденіемъ къ этой перемѣнѣ было тщеславіе курфюрста, его страсть къ пышности и обрядности, тѣмъ не менѣе это принятіе королевскаго титула имѣло важное значеніе для Бранденбургскаго дома, поставило его въ болѣе независимое положеніе относительно императора и дало возможность Пруссіи занять въ послѣдствіи времени такое важное мѣсто въ числѣ германскихъ государствъ. Строгій приговоръ надъ первымъ королемъ прусскимъ произнесъ вѣкъ его, знаменитый Фридрихъ Великій *). Его ребяческое увлеченіе титуломъ и мелочами этикета, его расточительность при малыхъ средствахъ, его домашняя жизнь нашли во Фридрихѣ Великомъ строгаго обличителя. Фридриха I, говоритъ Фридрихъ Великій, убѣдили въ необходимости имѣть академію точно также, какъ убѣждаютъ только что пожалованнаго дворянина въ необходимости

*) Въ Мемуарахъ для исторіи Бранденбургскаго дома.

имѣть цесовую охоту (I, 188). Тѣмъ не менѣе, сверхъ титула, Фридрихъ I успѣлъ сдѣлать для Пруссіи нѣкоторыя большія, существенныя пріобрѣтенія въ земляхъ, добытыхъ или покупкою, или войной и дипломатіей. Преемникъ его, Фридрихъ-Вильгельмъ (1713—1740) былъ человѣкъ совершенно другаго характера. Натура попреимуществу практическая, безъ внѣшняго лоска, придаваемого воспитаніемъ, одаренная только здравымъ смысломъ, суровый и грубый по привычкамъ и нравамъ, простой до излишества въ образѣ жизни, Фридрихъ-Вильгельмъ былъ основателемъ европейскаго значенія Пруссіи. Вольтеръ и его школа мастерски выставили смѣшную и грязную его сторону и навсегда положили печать насмѣшки на прозаическую, мѣщанскую фizioномію втораго короля Пруссіи. Собственная дочь его, герцогиня Байрейтская, другъ Вольтера, въ своихъ мемуарахъ собрала все, что можно сказать къ униженію памяти отца ея. Соединеніе внѣшняго благочестія съ варварствомъ прежде всего бросается въ глаза, и трудно изъ-за этой крайне непривлекательной внѣшности, подсмотрѣть дѣйствительное, благотельное и для Пруссіи, и даже для всей Германіи, значеніе дѣятельности Фридриха-Вильгельма. Онъ былъ полнымъ представителемъ нѣмецкой грубости и простоты и въ то же время еще болѣе полнымъ представителемъ и нѣмецкой честности, здраваго смысла и трудолюбія. Онъ далъ возможность своему блестящему преемнику возстановить честь нѣмецкаго имени, до него бывшаго предметомъ презрѣнія и насмѣшекъ Европы, приготовивъ ему своимъ деспотическимъ правленіемъ матеріальныя средства для борьбы противъ средневѣковаго мрака, противъ мелкой и позорной тираніи. Въ положеніи современной Германіи и Европы найдемъ мы объясненіе и частію оправданіе деспотическаго и произвольнаго правленія Фридриха-Вильгельма. Какъ деспотизмъ Петра Великаго, деспотизмъ прусскаго

короля былъ вынужденъ необходимостью и былъ во благо для его подданныхъ. Онъ показалъ нѣмецкому городскому среднему сословію, нравы и образъ жизни котораго онъ уважалъ до того, что усвоилъ себѣ самую его одежду, какими средствами оно можетъ достигнуть и упрочить свою независимость. Онъ былъ богатъ не отъ банковыхъ спекуляцій, не отъ купли и продажи, а отъ строгой бережливости и хозяйственной распорядительности въ своихъ небольшихъ доходахъ.

Вмѣсто длинной, запутанной процедуры нѣмецкихъ юристовъ, сбиваемыхъ смѣсью римскаго и средневѣковаго права, онъ ввелъ короткій, основанный на здоровомъ смыслѣ и справедливости судъ, хотя произвольный и иногда жестокій. Къ судебной формалистикѣ онъ питалъ такое же презрѣніе и ненависть, какъ и къ формамъ господствовавшей тогда французской академической литературной образованности и схоластической учености. Предъ его грубымъ здравымъ смысломъ точно также не находила пощады эта искусственная, аристократическая образованность, какъ передъ его врожденнымъ чувствомъ справедливости и въ основѣ демократическимъ деспотизмомъ сословныя притязанія. Онъ разогналъ французскую академію своего отца, уничтожилъ при дворѣ и въ семьѣ употребленіе французскаго языка и ввелъ повсюду, даже въ дипломатическія сношенія, языкъ нѣмецкій; неумолимо преслѣдовалъ подражаніе чужеземнымъ модамъ и отправлялъ въ Шпандау или въ рабочіе дома знатную молодежь, отличавшуюся безнравственностію и роскошью. Подъ составленнымъ пофранцузски мемуаромъ, которымъ хотѣлъ фельдмаршалъ графъ Дона отъ имени сословій отклонить короля отъ введенія общей поземельной подати, Фридрихъ-Вильгельмъ подписалъ свой лаконическій отвѣтъ смѣсью нѣмецкаго, латинскаго и французскаго языковъ: *Tout le pays sera ruiné. Nihil Kredo aber das Kredo, dass die Junker ihre Autorität wird*

ruinirt werden. Ich stabilire die Souverainetaet wie einen Rocher von Bronze. Подъ жалобу одного изъ дворянъ на то, что чиповникъ Пабстъ, мѣщанскаго происхожденія, смѣлъ сѣсть въ церкви на мѣсто, исключительно назначенное для благороднаго сословія, король пшетъ: «Dieses seye Thorheit: in Berlin ist kein Rang, in Cleve muss Keiner seyn. Wenn Pabst über mir sitzt in der Kirche so bleibe ich doch was ich bin». Предъ его судомъ, не знавшимъ формъ и не терпѣвшимъ длинной процедуры, равнялся послѣдній мужикъ съ первымъ вельможей. Когда одинъ дворянинъ, осужденный на долгое тюремное заключеніе, осмѣлился въ присутствіи короля сослаться на свои привилегіи и предложить, что онъ внесетъ денежный штрафъ, король закричалъ: «Ich will dein schelmisches Geld nicht», и приказалъ его повѣсить. Произволомъ отличались почти все его дѣйствія. Часто билъ онъ палкой даже женщинъ, на которыхъ замѣчалъ неаппетитныя ему платья, отличавшіяся или роскошью, или подражаніемъ французскимъ модамъ: безпощадно преслѣдовалъ онъ праздность и расточительность знатной молодежи. Онъ обстроилъ Берлинъ, Потсдамъ и другіе города, осушилъ на свой счетъ болота, не щадя, не смотря на свою скупость, денегъ для построекъ и улучшеній, но и тутъ онъ силой и по своему произволу принуждалъ частныя лица строить зданія. Точно также дѣйствовалъ онъ относительно устройства фабрикъ, относительно распростращенія ремеселъ и улучшенія земледѣлія. Онъ завелъ многочисленную и отлично устроенную армію. Вербовщики прусскаго короля набирали охотниковъ по всей Европѣ и позволяли себѣ возмутительное насилие и хитрость, чтобы доставлять королю рекрутъ огромнаго роста, для пріобрѣтенія которыхъ тратилъ онъ огромныя деньги. Къ своему потсдамскому вахтпараду, составленному изъ великановъ, имѣлъ Фридрихъ-Вильгельмъ почти дѣтское

пристрастіе. Произволъ вносилъ онъ повсюду, даже въ управленіе университетами. Въ домашней жизни онъ отличался мѣщанскою простотою и грубостію. При дворѣ ни оперы, ни танцевъ и музыкантовъ. Онъ распустилъ придворную прислугу и придворный штатъ своего отца, поглощавшій столько денегъ. Только 6 лакеевъ и пажы находились во дворцѣ. Иностранная випа, за исключеніемъ иѣмецкихъ и венгерскихъ, строго изгнаны и повсюду введена строгая экономія. Мѣсто придворныхъ баловъ заступили вечернія табачныя собранія, гдѣ каждый день долго просиживалъ король въ небольшомъ обществѣ. Въ 7 часовъ утра военное ученіе передъ окнами дворца будило королевское семейство. Рѣзко выделялся король прусскій изъ среды европейскіхъ государей, соперничавшихъ другъ съ другомъ великолѣпіемъ дворцовъ, а во Франціи изысканностію и образованіемъ. Грубымъ, невѣжественнымъ капраломъ являлся онъ въ семьѣ государей: но Пруссія быстро развила свою промышленность и торговлю въ его царствованіе, росла нравственное чувство и матеріальное благосостояніе народа, и въ то время, когда все германскіе владѣтели, истощая производительныя силы своихъ государствъ, не могли обходиться безъ англійскихъ и французскихъ субсидій, продавали ради вѣшняго, обманчиваго блеска свою самостоятельность, или торговали кровью своихъ подданныхъ, прусскій король, умирая (1740), оставилъ своему преемнику 83 тысячную, превосходно организованную армію, государство, свободное отъ долговъ, и 8,700,000 экю наличными деньгами въ казначействѣ, сбереженные отъ ежегодныхъ расходовъ. Для государства съ 2,200,000 населенія это было слишкомъ много. Безъ Фридриха-Вильгельма немыслима та роль, которую играла Пруссія при его преемникѣ.

Еще наслѣднымъ принцемъ началъ Фридрихъ Великій борьбу съ средневѣковыми предразсудками. Уже тогда

французская философско-политическая школа смотрѣла на него, какъ на своего прозелита, и замокъ Рейнсбергъ былъ центромъ, куда сходились все враги схоластики, религіозной нетерпимости и невѣжества. Письмо, которымъ извѣстилъ Вольтера Фридрихъ II о своемъ вступленіи на престолъ, показало, что и на тронѣ онъ хотѣлъ слѣдовать прежнему своему направленію. Если Фридрихъ-Вильгельмъ понималъ инстинктомъ, что только деньги и войско могутъ придать Пруссіи самостоятельность и европейское значеніе, Фридрихъ II ясно сознавалъ это. Въ его сочиненіяхъ найдемъ мы и это сознаніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ взглядъ на значеніе королевской власти. Подобно отцу, Фридрихъ дѣйствовалъ, не обращая вниманія на существующія формы и учрежденія. Благочестивые друзья отца его потеряли всякое значеніе, мѣсто ихъ занялъ Вольтеръ, посѣтившій своего царственнаго прозелита сначала въ Клевѣ, въ другой разъ въ Берлинѣ, и люди того же направленія. Онъ не раздѣлялъ страсти своего отца къ солдатамъ-великанамъ, поглощавшей такъ много денегъ, но онъ тѣмъ болѣе заботился объ улучшеніи своей арміи, объ образованіи опытныхъ и храбрыхъ офицеровъ. Вновь собралъ онъ французскую академію своего дѣда и далъ ей другое значеніе. Онъ питалъ убѣжденіе, что большинство нѣмецкихъ ученыхъ его времени были рабочими, и только Французы артистами въ наукѣ. Французскимъ вліяніемъ онъ хотѣлъ содѣйствовать нѣмецкому образованію. Всю жизнь провелъ онъ въ борьбѣ съ ненавистью къ нему старыхъ дворовъ, внѣшній блескъ которыхъ онъ презиралъ глубоко, съ суевѣріемъ и невѣжественною нетерпимостію, съ феодальною аристократіей. Къ этой борьбѣ могла дать ему средства военная диктатура, и во имя общаго блага онъ дѣйствовалъ, какъ диктаторъ и смотрѣлъ на свое государство, какъ на армію. Внутри и внѣ государства онъ дѣйствовалъ съ полнымъ презрѣніемъ къ

формамъ, опираясь только на свое сознаніе и силу. Бранденбургъ имѣлъ давній процессъ съ епископомъ Лютихскимъ, который веденъ былъ юридически. Фридрихъ II рѣшилъ его по военному. Точно также помогъ онъ ландграфу Гессенскому въ его нескончаемомъ процессѣ съ курфюрстомъ Майнцскимъ. Фридрихъ Великій былъ творцомъ Пруссіи, какъ главы протестантскихъ государствъ Германіи; но обрядовое благочестіе и нетерпимость отца были вполне чужды ему. Не только въ завоеванной Силезіи онъ объявляетъ себя защитникомъ католическихъ церквей, но строить одну въ самомъ Берлинѣ. Въ то же время онъ покровительствуетъ гонимымъ гуситамъ и раздаетъ имъ земли. Повсюду вноситъ онъ военный характеръ и быстроту. Онъ поручилъ Рокцею составить кодексъ законовъ по своему плану, изданный въ 1748 г. подъ именемъ Codex Fridericianus, которымъ сокращена и упрощена запутанная процедура и введено единообразіе въ судахъ всехъ провинцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не хотѣлъ дать полной власти судьямъ и министрамъ и требовалъ не только рапортовъ о числѣ рѣшенныхъ дѣлъ, но самъ просматривалъ важнѣйшія дѣла, и ни одинъ смертный приговоръ или важное наказаніе не рѣшалось безъ его разрѣшенія и утвержденія. Фридрихъ II много сдѣлалъ для промышленности и торговли своего государства; заводилъ фабрики, вызывалъ колонистовъ, вводилъ новыя отрасли промышленности и выписывалъ чужестранныхъ мастеровъ для обученія. Заботился о сдѣланіи озера судоходнымъ, устраивалъ каналы и шлюзы, поднималъ торговлю Кёнигсберга и Штетина, очистилъ Свиномюндскую гавань, устроилъ компанію для торговли съ Китаемъ, понизилъ тарифъ и т. п. Противъ многихъ мѣръ можно сдѣлать возраженіе. Ошибки происходили главнымъ образомъ отъ того, что правительство хотѣло дать рѣшительное направленіе народной промышленности и частнымъ интересамъ,

хотѣло предписаніями управлять промышленностію и торговлею. Но примѣръ Силезіи и Остфрисландіи, вновь прибрѣтенныхъ провинцій, служилъ лучшимъ оправданіемъ Фридриха Великаго. Силезія, силою оружія отбитая отъ Австріи, скоро тѣсно примкнула къ Пруссіи. Ея население служить Фридриху съ такою же вѣрностію и самопожертвованіемъ, какъ исконные подданные Бранденбургскаго дома. Онъ освободилъ торговлю и промышленность Силезіи отъ стѣснительныхъ мѣръ прежняго правительства, поднимая горные промыслы, вызвавъ туда искусныхъ мастеровъ и художниковъ, раздавъ пустыя земли трудолюбивымъ колонистамъ, и тамъ, гдѣ австрійское правительство съ трудомъ получало два милліона ежегоднаго дохода, онъ получалъ восемь безъ отягощенія страны. Патріархъ новѣйшихъ германскихъ историковъ Шлоссеръ сохранилъ еще дѣтское воспоминаніе о томъ, какъ гордились жители Остфрисландіи, въ 1744 г. присоединенные къ Пруссіи, *своимъ* королемъ, какъ называли они Фридриха II, какую зависть внушало ихъ ближайшимъ сосѣдямъ подданство Пруссіи. Относительно внутренняго управленія и устройства Фридрихъ Великій сдѣлалъ все, что возможно было при военномъ характерѣ его правленія и что позволяло ему право дворянства, въ рукахъ котораго находилась земельная собственность. Мы увидимъ, какое вышнее, европейское значеніе сумѣлъ онъ придать своему небольшому королевству, въ которомъ, по его собственному замѣчанію, была еще двойственность натуръ, въ которомъ было болѣе курфиршескаго, чѣмъ королевскаго *).

Австрія много утратила силъ и значенія въ послѣднее время правленія Карла VI. Наканунѣ европейской войны,

*) La monarchie était... une espèce d'hermaphrodite qui tenait plus d'électorat que du royaume.—Oeuvres. II, 53, Hist. de mon temps.

которую долженъ былъ неминуемо возбудить вопросъ о наследствѣ, она являлась почти безоружною. Первый періодъ царствованія Карла VI былъ временемъ могущества Австрійскаго дома. Знаменитѣйшій изъ полководцевъ, принцъ Евгенийъ, стоялъ во главѣ управленія и высоко поднялъ славу австрійскаго оружія. Пассаровицкій миръ (въ іюль 1718 г.) былъ славнѣе всѣхъ, которые когда-нибудь заключались Австріей съ Турками. Темесваръ, Бѣлградъ и Семендрія, часть Сербіи и Валахіи были прибрѣтены побѣдами принца Евгения. Важныя прибрѣтенія были сдѣланы на счетъ Испаніи. Миланъ и Неаполь, Испанскіе Нидерланды были утверждены за Карломъ VI раштадтскимъ миромъ. Не таковъ былъ характеръ послѣдней половины царствованія. Старый Евгенийъ пережилъ свою славу, мѣсто его заняли бездарности. Все вниманіе императора было устремлено на то, чтобы получить согласіе европейскихъ державъ на прагматическую санкцію, которою хотѣлъ онъ передать наследіе дочери своей, Маріи-Терезіи. За исключеніемъ Баваріи, не хотѣвшей отступить отъ своихъ притязаній, всѣ дворы безусловно или условно гарантировали прагматическую санкцію; но какъ ненадежны были эти гарантіи, вполне доказали послѣдствія. Принцъ Евгенийъ говорилъ императору, что лучшею гарантіею была бы 180-тысячная армія; но военныя силы Австріи были въ крайнемъ упадкѣ. Армія императора не могла отстоять въ 1734 году Неаполь отъ Испанцевъ, терпѣла пораженія въ верхней Италіи. Вѣнскимъ миромъ (окончательно утвержденнымъ 8-го февраля 1738 года) королевство Обѣихъ Сицилій было уступлено испанскому принцу, часть Ломбардіи королю сардинскому. Зять императора долженъ былъ промѣнять родовое свое наследіе на герцогство Тосканское. Еще позорнѣе кончилась для Австріи послѣдняя война съ Турками. Въ то время, какъ союзники императора, Русскіе, подъ начальствомъ

Ласси и Миниха, повсюду поражали Турокъ, три кампаніи, сдѣланныя Австрійцами, были одна другой несчастнѣе. Къ неспособности генераловъ присоединялись еще противорѣчашія, бессмысленныя предписанія и планы главнаго военнаго совѣта. Секендорфъ, главнокомандующій въ первую кампанію, Виллисъ и Нейпергъ, начальствовавшіе въ третью, были отправлены въ крѣпость. Бѣлградскимъ миромъ Австрія отдала туркамъ Бѣлградъ, Шабачъ, всю Сербію и свою часть Босніи и Валахиі. До того постыдно было положеніе Австріи, что императоръ особымъ циркуляромъ извѣстилъ европейскіе дворы объ измѣнѣ и продажности своихъ полководцевъ и министровъ. Армія была въ полномъ разстройствѣ, финансы въ самомъ жалкомъ положеніи; государство въ долгу и, не смотря на свое богатство производительныхъ силъ и пространство, принуждено прибѣгать къ чужеземнымъ субсидіямъ, на ряду съ второстепенными и мелкими государствами Европы. Средневѣковыя, феодальныя формы неподвижно сохранялись во внутреннемъ строѣ Австріи. Долѣе другихъ государствъ и упорнѣе стояло австрійское правительство за придворный церемоніалъ и строгую обрядность. Господство аристократіи и бюрократіи мѣшало всякому движенію впередъ и благопріятствовало множеству застарѣлыхъ злоупотребленій всякаго рода, а суммы всѣхъ государственныхъ доходовъ не превышали 40 милліоновъ флориновъ, и значительная часть поглощалась бесполезными издержками. При Карлѣ VI число придворныхъ чиновниковъ и служителей, такъ-называемыхъ камералистовъ, было около 40,000; ихъ содержаніе стоило 10 милліоновъ. Сборщики податей увеличивали число чиновниковъ до 60, 000. Можно привести примѣры самыхъ нечѣстныхъ трагъ. Господство аристократіи закрывало дорогу талантамъ и прикрывало своею защитою самыхъ неспособныхъ ея членовъ. Должно прибавить къ этому слабое развитіе и

плохое состояніе промышленности, нетерпимость и предразсудки всякаго рода и наконецъ, въ послѣдніе годы правленія Карла VI, отсутствіе единства даже въ этой, основанной на рутинѣ, системѣ, которою обыкновенно руководилось въ своихъ дѣйствіяхъ австрійское правительство. Марія-Терезія получила тяжелое наслѣдіе отъ своего отца, такъ заботившагося обезпечить ея участь. Почти тотчасъ по вступленіи на престолъ она встрѣтилась съ Фридрихомъ II прусскимъ, прежде другихъ бросившимся на богатую добычу и подавшимъ сигналъ почти къ общей европейской войнѣ.

За исключеніемъ Англіи, намъ не много придется сказать о положеніи другихъ государствъ Европы, тѣмъ болѣе, что Россія, по своему положенію, мало принимала участія въ дѣлахъ южной Европы. Участь Италіи была почти та же, какъ и въ предшествовавшее столѣтіе. Казалось, ей навсегда суждено было находиться подъ властію чужеземцевъ. Съ Остготовъ до современныхъ намъ Австрійцевъ счастливыя области Италіи постоянно манили къ себѣ завоевателей, и мысль о независимости Италіи постоянно было мечтой итальянскихъ патріотовъ, какъ это было мечтою Макіавелли. Лучшія силы Италіи гибли безплодно, служа чужимъ интересамъ; внутреннее раздѣленіе, разрозненность стремленій дѣлали ее послушнымъ орудіемъ въ рукахъ своекорыстной политики болѣе сильныхъ государствъ Европы. Такъ и теперь Ломбардія раздѣлена была между Венеціей, Генуей, Австрійцами и королемъ сардинскимъ. Карлъ-Эммануилъ, король сардинскій, поставленный между двумя могущественными соседями, Франціей и Австріей, старался пользоваться политическими смутами, чтобы усилить свое государство. Для него заветною цѣлью былъ Миланъ и области Ломбардіи, находившейся въ рукахъ Австрійцевъ, и, чтобы пріобрѣсть ихъ, онъ не задумывался передъ средствами.

Еще отецъ его, Викторъ-Амедей, говорилъ, что миланскія области похожи на артишокъ, который надо ѣсть листокъ за листкомъ. XIX столѣтіе видѣло не разъ повтореніе тѣхъ же стремленій вырвать верхнюю Италію изъ рукъ ненавистныхъ Австрійцевъ. Чуждое вліяніе тяжелымъ гнетомъ лежало надъ Италією, и благородные порывы къ политической самостоятельности и единству подавлялись матеріальною силой. Въ Генуѣ видимъ господство аристократіи, преслѣдующей свои эгоистическіе интересы; во время войны за австрійское наслѣдство населеніе Генуи показало, что можетъ сдѣлать патріотическое одушевленіе, но и этотъ порывъ остался безъ результата. Генуя была въ открытой войнѣ съ Корсикой, которая возсталъ противъ правленія генуэзскихъ олигарховъ. Эта борьба Корсики съ Генуей, которой помогали то Австрійцы, то Французы, эфемерное царствованіе нѣмецкаго авантюриста, барона Нейгофа, въ 1736 году, нѣсколько мѣсяцевъ управлявшаго Корсикой подъ именемъ короля Теодора и на минуту появлявшагося тамъ въ 1738 и 1743 годахъ, представляетъ одинъ изъ самыхъ драматическихъ эпизодовъ исторіи Италіи въ XVIII вѣкѣ. Здѣсь точно также, какъ въ возстаніи генуэзскаго населенія противъ занимавшихъ Геную австрійскихъ войскъ, выказались и свѣтлыя и темныя стороны народнаго характера Италянцевъ. Венеція давно уже сошла со степени первой морской державы; европейская морская торговля приняла давно уже другое направленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ перешла въ другія руки. Она еще содержала 15,000 войска подъ начальствомъ Шуленбурга, пользовавшагося лестною военною репутацией; но турки отняли у нея Морею, Каудию, берега Далмаціи. Въ пассаровицкомъ мирѣ Австрія пожертвовала интересами Венеціи для своихъ расчетовъ. Пора венеціанскаго могущества окончательно миновала. Южная Италія нахо-

дилась въ рукахъ испанскаго прища, Дона Карлоса, сына второй супруги Филиппа V испанскаго. Ни отъ короля Обѣихъ Сицилій, ни отъ его министровъ нечего было ждать для благосостоянія его государства. Папа также потерялъ давно власть надъ умами. По смерти Климента XII, намѣстникомъ св. Петра сдѣлался кардиналъ Ламбертини, подъ именемъ Бенедикта XIV. Онъ долго жилъ въ Парижѣ, постоянно пахотился въ кругу знаменитѣйшихъ французскихъ мыслителей, зналъ даже Вольтера и началъ свое управленіе попытками для образованія духовенства и уничтоженія вопіющихъ злоупотребленій; онъ кончилъ его смѣшною выходкой, съ цѣлію обновить притязанія Григорія VII на господство надъ свѣтскою имперіей, и окончательно успокоился на сочиненіи послѣднихъ книгъ и канонизаціи новыхъ святыхъ, предоставивъ все управленіе кардиналамъ Гонзаго и Аквива.

Въ нравахъ и народной жизни Испаніи и Португаліи мы находимъ много восточнаго. О перемѣнахъ и внутреннемъ развитіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи, и исторія этихъ государствъ представляетъ странное явленіе въ общей исторіи XVIII столѣтія. Въ европейской Испаніи царствовалъ внукъ Людовика XIV, Филиппъ V. Его меланхолическое настроеніе подъ конецъ превратилось въ полное безуміе; необыкновенное развитіе чувственныхъ потребностей ставило его въ полную зависимость отъ супруги. Первая жена его унесла въ могилу искреннюю привязанность Испанцевъ. Вторая, Елисавета Пармская, хитрая и честолюбивая, главною цѣлью поставила доставать своимъ сыновьямъ владѣнія въ Италіи. Она уговорила Филиппа V, отрেকшагося отъ престола въ 1724 г. въ пользу старшаго сына своего Людовика, снова вступить на престолъ, послѣ скорой кончины Людовика, и съ этихъ поръ до самой смерти номинально управлялъ Филиппъ Испаніей. Въ 1730 г. король впалъ совер-

шенно въ безпомощное состояніе. По цѣлымъ недѣлямъ онъ проводилъ въ постели молча и безмысленно, и только музыка и пѣніе Фаринелли могли на минуту выводить его изъ этого летаргическаго состоянія. Между тѣмъ королевская подпись была необходима для каждаго важнаго рѣшенія, и нужно было пользоваться рѣдкими пробужденіями, чтобы получить ее. Алберони и потомъ Рипперда, пользуясь довѣренностію королевы, имѣли рѣшительное вліяніе на управленіе. Ихъ старанія подняли на время значеніе Испаніи и придали было нѣкоторое движеніе народной промышленности и торговлѣ; но послѣ ихъ удаленія отъ дѣлъ, все пришло въ прежній порядокъ. Богатства Новаго Свѣта были бесполезны для Испаніи, черезъ нее они переходили въ другія, болѣе искусныя руки, не оживляя промышленной дѣятельности страны. Войны, которыми Елисавета старалась доставить государство въ Италіи своему сыну, окончательно содѣйствовали ослабленію страны. Когда вѣнскимъ миромъ достигнута была цѣль, и Донъ-Карлосъ сдѣлался королемъ неаполитанскимъ, началась война съ Англіею, еще болѣе пагубная для Испаніи. Мало было надеждъ въ будущемъ. Наслѣдникъ престола, Фердинандъ, наследовалъ меланхолію отца своего. Охота и музыка однѣ имѣли способность возбуждать его, и пѣвецъ Фаринелли, пѣвавшій при дворѣ Филиппа V ту же роль, что Давидъ при Саулѣ, долженъ былъ сохранить свое вліяніе и при новомъ правленіи. — Португалія не существовала для Европы. Іоаннъ V, быть можетъ, былъ бы признанъ святымъ въ средніе вѣка, но въ XVIII вѣкѣ казался навѣрно безумнымъ. Болѣзни и тѣлесная слабость давно сдѣлали его неспособнымъ къ мысли и занятіямъ; но тѣмъ болѣе подчинялся онъ суевѣрію. Уже и до него Португалія была наводнена монахами; теперь самъ король сталъ почти монахомъ. Огромныя суммы, болѣе 45, 000, 000 рублей, были употреблены имъ на постройку дворца Мафры,

который долженствовалъ затмить знаменитый Эскуриаль. 300 францисканскихъ монаховъ занимали одну половину; другая оставалась для короля. Большими деньгами купилъ онъ у папъ право особенныхъ привилегій для своихъ духовныхъ и, наконецъ, право имѣть своего патріарха. 200,000 рублей разослано было по монастырямъ за мощи, которыя приносили они во время болѣзни короля. Доходы государства уходили въ Римъ или на постройку церквей. Іезуиты и духовенство господствовали въ дѣлахъ внутренняго правленія и жалкій король, весь поглощенный церковными церемоніями, ничѣмъ не гордился столько, какъ полученнымъ отъ Рима титуломъ *Fidelissimus*. Безспорно, это былъ самый темный уголокъ Европы, куда не проникалъ ни одинъ лучъ свѣта.

На противоположномъ концѣ находимъ другаго благочестиваго короля, столь же преданнаго вышнему обрядному благочестію. Но въ Даніи слѣдствія были нѣсколько другаго рода, можетъ быть, частію потому, что въ самой основѣ протестантизма лежала невозможность для такихъ мрачныхъ, позорныхъ явленій, до какихъ могло довести католическое суевѣріе. Въ октябрѣ 1730 года, занялъ Христіанъ VI датскій престолъ. Его предшественникъ, Фридрихъ IV, въ послѣдніе годы своей жизни изъ страха передъ адомъ измѣнилъ свое поведеніе. Бракомъ на одной изъ своихъ многочисленныхъ любовницъ (гр. Ренентловъ) хотѣлъ онъ искупить свои прежніе грѣхи; въ управленіе онъ ввелъ строгую бережливость, и, умирая, оставилъ значительныя суммы сбереженныхъ государственныхъ доходовъ. Благочестивый Христіанъ хотѣлъ, подобно повѣйшимъ доктринерамъ, преобразовать законодательствомъ общественную и частную жизнь своихъ подданныхъ. Актеры, танцоры, даже маріонетки были строго изгнаны изъ государства. Строгіе законы, достойные теократическаго

государства, наказывали малѣйшее отступленіе отъ исполненія церковныхъ обязанностей. Кто пропустилъ утреннее или вечернее богослуженіе, платилъ денежный штрафъ или выставлялся къ позорному столбу; легкомысленное слово влекло за собою немедленное суровое наказаніе. Страшными казнями карались даже одинъ умыселъ, не только самое преступленіе. Но, съ другой стороны, самъ король подавалъ примѣръ строгой жизни. Правительство не тратило денегъ для поощренія высшихъ знаній, зато обращено было серьезное вниманіе на первоначальное обученіе. Не смотря на жалобы поземельныхъ, благородныхъ владѣльцевъ, въ каждомъ селеніи должна была быть школа и школьный учитель, получавшій необходимое обезпеченіе. Продолжительный миръ содѣйствовалъ увеличенію матеріальнаго благосостоянія, торговли и промышленности. Христіанъ VI не оставилъ, подобно своему предшественнику, денежныхъ капиталовъ. Отношенія къ Россіи и Швеціи, постоянное опасеніе со стороны Голштиніи и планъ соединить въ однѣхъ рукахъ Скандинавскій сѣверъ истощили, не смотря на англійскія субсидіи, его казну и были причиною государственнаго долга. Тѣмъ не менѣе положеніе Дани, сравнительно съ положеніемъ Швеціи и большинства германскихъ государствъ, было довольно благоприятно.

Мы спѣшимъ перейти къ Англіи, но прежде должны сказать нѣсколько словъ о положеніи Голландіи. Отчаянною борьбой противъ Людовика XIV удалось ей отстоять свою независимость, но въ этой борьбѣ Голландія потеряла двѣть своего войска, а продолжительный миръ еще болѣе разстроилъ армію. И здѣсь, какъ во всѣхъ государствахъ тогдашней Европы, правленіе въ основѣ было аристократическое, особенно съ уничтоженіемъ штатгалтерства. Великій пенсіонарій съ собраніемъ государственныхъ штатовъ управлялъ дѣлами республики. По жѣткому замѣчанію Фридриха Великаго,

Голландія была миролюбива по принципу и воинственна по обстоятельствамъ. Вліянія на ходъ европейской политики Голландія не могла имѣть значительнаго, хотя и участвовала въ большей части переговоровъ и трактатовъ.

Вступленіе на престолъ Великобританіи Ганноверскаго дома было естественнымъ завершеніемъ революціи 1688 года. Георгъ I, Георгъ II и Георгъ III, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, были обязаны сохраненіемъ своей власти нисколько не личнымъ своимъ качествамъ. Напротивъ, всматриваясь въ ихъ нравственную физіономію, знакомясь съ ихъ частною жизнью и способностями, трудно съ перваго раза постичь, какимъ образомъ могли стоять они во главѣ такой націи, какова англійская, какимъ образомъ, при ихъ личной ничтожности, Англія могла однако же такъ развить свое внутреннее благосостояніе, упрочить свое европейское значеніе. Правнукъ Іакова I, Георгъ I, курфирстъ ганноверскій, занявшій престолъ въ 1714 г. и сохранившій его до своей смерти въ 1727 г., былъ образцомъ грубости характера и невѣжества, былъ лишень чувства чести и личнаго достоинства, былъ безтактенъ и низокъ. На англійскомъ тронѣ онъ оставался курфиретомъ ганноверскимъ, презиралъ Англичанъ, не зналъ ни слова по-англійски, жилъ окруженный иностранцами, и своимъ поведеніемъ, своею открытою связью съ двумя, вывезенными изъ Ганновера любовницами, онъ оскорблялъ нравственное чувство народа. И однако, несмотря на то, что партія Іакова II была еще очень сильна въ Англіи и Шотландіи, что всѣ симпатіи католической Ирландіи были прикованы къ падшему дому Стюартовъ, и возстаніе 1715 г. грозило принять опасный характеръ, Георгъ I спокойно передалъ упроченный тронъ своему нелюбимому сыну. Сила Георга I заключалась не въ немъ самомъ, а въ его положеніи. Онъ былъ прирожденнымъ врагомъ католицизма и Франціи.

Между нимъ и законнымъ наследникомъ англійскаго престола было 57 лицъ, имѣвшихъ болѣе права на корону Англіи, и, признавая его своимъ властелиномъ, англійскій народъ окончательно разрывалъ съ прежнимъ порядкомъ вещей, съ домомъ Стюартовъ, окончательно уничтожалъ для себя возможность возврата на тотъ путь, съ котораго сошелъ онъ революціей 1688 г. Сынъ Георга I, Георгъ II (1727—1760), былъ немного лучше отца. Лично храбрый, не лишенный простаго, здраваго смысла, онъ былъ грубъ и жестокъ. Скупость доводила его до возмутительныхъ поступковъ. Въ заведеніи государственнаго совѣта онъ скрывалъ духовное завѣщаніе отца, чтобы не платить завѣщанныхъ имъ разнымъ лицамъ денегъ. Фридрихъ II писалъ ему по этому случаю, что онъ вполне заслужилъ ссылку на галеры. Подобно отцу, онъ прежде всего былъ владѣтель Ганновера, и ганноверскія отношенія и интересы ближе всего лежали къ его сердцу. Тотъ и другой для своего нѣмецкаго владѣнія готовы были жертвовать всѣми интересами Англіи. Трудно было представить личность и направленіе болѣе антипатичное для большинства англійскаго населенія. Надъ Ганноверскимъ домомъ долго постоянно висѣла гроза. Іаковъ и его сыновья жили то во Франціи, то въ Италіи, но ни на минуту не оставляли надежды занять снова англійскій престолъ, завязывая постоянно новыя сношенія съ недовольными новымъ правленіемъ, возбуждали противъ него неудовольствіе и обманывали и себя и другихъ приверженцевъ увѣреніемъ въ помощи нѣкоторыхъ европейскихъ державъ. Въ самой Англіи партія торіевъ еще была сильна. Только въ послѣдствіи, сохранивъ прежнее названіе, она мало по малу измѣнила внутреннее значеніе. Теперь часть этой партіи открыто была якобитами, защитниками правъ Стюартовъ, и находилась постоянно въ сношеніяхъ съ ними. Другая часть, признавшая новое правительство,

безсознательно однакоже служила прежнему, потому что старалась увлечь государей Ганноверскаго дома на ту же дорожку, которая довела Стюартовъ до изгнанія. Различіе, которое дѣлаетъ Болинброкъ, одинъ изъ блестящихъ представителей англійской литературы и приверженецъ Стюартовъ, между торіями и якобитами, было пока еще болѣе остроумно, нежели вѣрно.

Надобно было имѣть много ума и политической ловкости, чтобы удержать въ своихъ рукахъ власть при такихъ обстоятельствахъ. Безъ этихъ качествъ Георгъ I достигъ той же цѣли, отстраняясь отъ участія въ дѣлахъ Англіи и предоставивъ всю власть вигамъ, болѣе всего содѣйствовавшимъ его вступленію на престолъ. Съ первыхъ же лѣтъ во главѣ управленія сталъ человекъ, давшій вигамъ полное ручательство въ своей преданности принципамъ, произведшимъ переворотъ 1688 г. Болѣе 20 лѣтъ Робертъ Вальполь имѣлъ рѣшительное вліяніе, управляя государствомъ черезъ послушный ему парламентъ и съ необыкновеннымъ искусствомъ сохранивъ и при Георгѣ II, открыто враждовавшемъ съ отцомъ, то же значеніе, какъ и въ предшествовавшее царствованіе. Личность Вальполя необыкновенно замѣчательна. Онъ не былъ такимъ блестящимъ ораторомъ, каковы были люди, стоявшіе во главѣ оппозиціи, не былъ такимъ ученымъ, какъ Картеретъ, или остроумнымъ, изящнымъ джентльменомъ, какъ Честерфилдъ. Сынъ деревенскаго дворянина, онъ получилъ самое посредственное воспитаніе и не любилъ книгъ. Его свѣдѣнія въ исторіи, въ литературѣ, во внѣшней политикѣ были самыя скудныя. Его манеры носили на себѣ слѣды той жизни, которую велъ онъ въ деревенскомъ домѣ отца, среди фермеровъ и деревенскихъ сосѣдей. Но Вальполь владѣлъ зато другимъ знаніемъ, знаніемъ людей, англійскаго народа, парламента и двора. Съ перваго своего вступленія въ парламентъ онъ

заявляя мѣсто въ рядахъ виговъ, и отзывъ Мальборо объ его первыхъ шагахъ на парламентскомъ поприщѣ доказываетъ, что онъ былъ созданъ для этого рода дѣятельности. Едва ли кто-нибудь лучше его зналъ парламентскую тактику, умѣлъ такъ ловко владѣть преніями, имѣлъ такую настойчивость въ трудѣ. Онъ вносилъ къ свои занятія удивительную тщательность и порядокъ. Оттого-то при постоянной, усидчивой работѣ онъ умѣлъ сохранить довольно много свободного времени. Замѣтимъ еще черту, дѣлающую честь характеру Вальполя. Онъ имѣлъ отвращеніе отъ насильственныхъ и жестокихъ мѣръ, а это была рѣдкость въ то время. Въ рядахъ оппозиціи, наконецъ его свергнувшей, находилось много людей, участь которыхъ вполне отъ него зависѣла, которые, только благодаря ему, сохранили жизнь и достоинство. На памяти Вальполя лежитъ тяжелое обвиненіе въ безразличныхъ средствахъ, которыми охранялъ онъ свою власть, въ подкупахъ, которыми пріобрѣталъ онъ парламентское большинство. Общественное мнѣніе представляетъ его развратителемъ политической совѣсти своихъ современниковъ.

Подкуны Вальполя не подлежатъ сомнѣнію. Едва-ли можно считать его единственнымъ виновникомъ. Еще при Карлѣ II Клифордъ началъ покупать голоса въ нижней палатѣ; Данбл далъ этой системѣ большое развитіе. Таково было положеніе парламента въ XVIII столѣтіи, что имѣть за себя большинство можно было только этимъ путемъ. Парламентъ получилъ особенное значеніе. Устройство его было олигархическое. Его засѣданія были тайныя. Его не сдерживала королевская власть, какъ это было въ XVI вѣкѣ; онъ не находился подъ страхомъ отвѣтственности передъ судомъ общественнаго мнѣнія и народа, какъ въ XIX-мъ. Парламентъ имѣлъ рѣшительное, почти повелѣтельное вліяніе въ управленіи; народъ не имѣлъ большаго вліянія на парламентъ. Перемѣна 3-лѣтняго

срока засѣданія на 7-лѣтній еще болѣе придавала ему олигархическій характеръ. Большая часть членовъ могла примкнуть къ правительству только изъ низкаго разсчета и собственныхъ выгодъ. Болиброкъ, даровитѣйшій изъ обличителей системы подкуповъ, находилъ, однако, одно только средство къ ея уничтоженію—усиленіе королевской власти. Обвинять Вальполя въ развращеніи политической совѣсти членовъ парламента будетъ такъ же справедливо, по остроумному замѣчанію знаменитаго историка Англіи, Маколея, какъ обвинять бѣдныхъ фермеровъ шотландскихъ равнинъ въ томъ, что они, платя окупъ, развращаютъ добродѣтель хищныхъ горцевъ. Болиброкъ самъ можетъ служить образцомъ политической безразличности. Самъ Вальполь былъ недоступенъ подкупу. Когда, еще до вступленія на престолъ Георга I, Вальполь былъ секретаремъ военнаго департамента и министерство торіевъ, послѣ своей побѣды надъ вигами, предложило ему мѣсто въ новомъ кабинетѣ, онъ отказался, былъ обвиненъ публично въ расхищеніи государственной казны и отправленъ въ Тоуеръ, чтобы оттуда снова явиться на парламентскомъ поприщѣ, однимъ изъ главныхъ поборниковъ вигизма. Его главною страстію, цѣлью всей его жизни, было желаніе господствовать, и самое тяжелое обвиненіе, лежащее на его памяти, будетъ не безразличная система, не подкуны, потому что въ этомъ виновенъ онъ не болѣе, какъ и всѣ его современники, союзники и враги, а то, что своему властолюбію готовъ онъ былъ жертвовать интересами своего народа. Это властолюбіе было причиною его сверженія. Въ министерствѣ онъ не могъ терпѣть себя равнаго. Онъ удержался бы, еслибы захотѣлъ подѣлиться властію, еслибы могъ уступить другимъ хотя часть ея; но онъ хотѣлъ имѣть все или ничего. Его любимымъ правиломъ было *quieta non movere*. (спокойствіе, неподвижность). Въ 20 лѣтъ его правленія не было важныхъ

реформъ во внутреннемъ устройствѣ, не было значительныхъ измѣненій въ хорошую или даже дурную сторону, хотя Вальполь понималъ настоящіе интересы своего отечества лучше, нежели кто-либо изъ его современниковъ, ясенѣ другихъ видѣлъ злоупотребленія и отъ души хотѣлъ бы ихъ уничтожить, еслибы могъ сдѣлать это, не рискуя своею властію. Дѣло о введеніи акциза и вопросъ объ испанской войнѣ лучше всего выставляютъ въ полномъ свѣтѣ его господствующую страсть. Въ 1732 году хотѣлъ Вальполь, не смотря на крики, раздававшіеся со всѣхъ сторонъ, ввести акцизъ. Купленное имъ большинство парламента готово было утвердить билль, но населеніе Лондона возстало. Всѣ улицы были заняты народомъ, парламентъ былъ окруженъ, и жизнь Вальполя и его приверженцевъ была въ опасности. Король готовъ былъ вооруженною силою поддержать своего министра, но Вальполь самъ убѣдилъ его отказаться отъ акцизовъ. Отвѣтъ, который далъ онъ въ слѣдующую сессію парламента, на предложеніе одного изъ вліятельныхъ членовъ снова попробовать ввести акцизъ, чрезвычайно характеристиченъ. «Могу увѣрить палату, сказалъ онъ, что я вовсе не такъ безуменъ, чтобы снова воротиться къ акцизному плану, хотя по моему личному убѣжденію я и теперь думаю, что этотъ планъ могъ бы служить къ выгодамъ націи». Еще предосудительнѣе было поведеніе Вальполя во время возникшаго вопроса о войнѣ съ Испаніей. Испанія ревниво охраняла свою исключительную торговлю съ американскими колоніями. Англійскіе спекулянты безпрестанно нарушали строгія таможенныя правила Испаніи, смѣло вели контрабандную торговлю и своею дерзостью вынуждали Испанцевъ принимать жестокія мѣры противъ тѣхъ изъ нихъ, кто попадался въ ихъ руки. Англійскіе купцы постоянно негодовали противъ Вальполя за то, что онъ не принудилъ Испанію къ возобновленію трактата 1715 года, которымъ

Англичанамъ исключительно передъ другими европейскими націями дозволялось участвовать въ торговлѣ съ испанскими колоніями. Англійское торговое сословіе обвиняло его въ недостаточномъ охраненіи коммерческихъ интересовъ Англіи, въ томъ, что онъ не вооружался противъ притязаній Испанцевъ на тѣ острова и берега, гдѣ они не имѣли поселеній, и откуда, какъ, напримѣръ, изъ залива Кампеджи и острова Тортуга, Англичане добывали разные продукты (сандалное дерево и соль). Неудовольствіе росло съ каждымъ днемъ. Англійскія газеты были наполнены извѣстіями о насильственныхъ поступкахъ Испанцевъ противъ англійскихъ судовъ. Исторія капитана Джекинса взволновала народъ и отозвалась въ парламентѣ. «Окровавленная тога Цезаря, выставленная Антоніемъ, не произвела, замѣчаетъ Фридрихъ Великій (II, 14), такого глубокаго впечатлѣнія въ Римѣ, какъ въ Лондонѣ отрѣзанныя уши англійскаго контрабандиста». Въ рядахъ приверженцевъ Вальполя обнаружилось колебаніе. Вальполь убѣжденъ былъ въ необходимости сохранить миръ съ Испаніею. Весь 1737 г. онъ постоянно протестовалъ противъ враждебныхъ намѣреній относительно Испаніи, но въ 1738 году ненависть противъ Испаніи сдѣлала такіе успѣхи, что онъ не могъ воспрепятствовать, чтобы парламентъ въ адресѣ къ королю не потребовалъ необходимости дѣйствій противъ Испанцевъ. Напрасно хотѣлъ Вальполь удовлетворить Англію заключеннымъ имъ 14-го января 1739 г. трактатомъ съ Испаніею въ Пардо. Общее настроеніе было слишкомъ враждебно, чтобы удовольствоваться этими полумѣрами. Вальполю приходилось или ополчиться на войну съ Испаніей, чему противилось его глубокое убѣжденіе въ несправедливости жалобъ англійскаго купечества и во вредѣ для Англіи этой войны, или видѣть противъ себя опасную оппозицію и, можетъ быть, оставить кормило правленія. Вальполь пожертвовалъ убѣжденіями своему властолюбію. Война была

объявлена Испаніи въ октябрѣ 1739 года. Надежды англійскаго народа на эту войну не вполне оправдались. Англійская торговля тяжело почувствовала на себѣ слѣдствія военныхъ дѣйствій на морѣ. Блестящіе подвиги адмирала Ансона, поразившіе Европу неслыханною до Кука смѣлостію въ плаваніи по мало извѣстнымъ морямъ, богатые призы, отнятые у Испанцевъ, опустошеніе Портобелло, все это не представляло достаточнаго вознагражденія за тотъ вредъ, который нанесла война морской торговлѣ Англіи. Робертъ Вальполь, могшій или отвратить войну, или пасть со славою, былъ теперь свергнутъ могущественною оппозиціей, не имѣя за собою права на сочувствіе. Ненависть къ Вальполю соединила всѣ партіи. Во главѣ оппозиціи стоялъ изгнанный глава Стюартовъ и бывший въ немилости наслѣдникъ Ганноверскаго дома. Торп, недовольные виги, молодые республиканцы сходились въ однихъ и тѣхъ же обвиненіяхъ противъ Вальполя, какъ главнаго виновника зла. Оппозиція находила опору въ литературѣ, большинствѣ поземельныхъ владѣльцевъ, въ городскомъ сословіи. Вальполь не могъ устоять противъ столькихъ враговъ. Въ министерствѣ, котораго онъ былъ главою, открылось предательство, какъ скоро члены министерства убѣдились, что паденіе Вальполя не увлечетъ ихъ за собою. Съ титуломъ графа Оксфорда оставилъ Робертъ Вальполь министерство и политическую дѣятельность въ февралѣ 1742 г. и умеръ, не будучи въ состояніи выносить жизнь частнаго человека. Народъ и страна мало выиграли отъ переменъ министерства. Единство враждебнаго Вальполю большинства парламента рушилось, какъ скоро съ паденіемъ Вальполя исчезла ненависть къ нему, соединявшая всѣ партіи въ одно цѣлое, и противорѣчащія другъ другу стремленія выступили тотчасъ на сцену. Лордъ Картретъ слѣлался ненадолго главою министерства. Онъ владѣлъ огромными свѣдѣніями по всѣмъ

отраслямъ знаній. Каноническіе писатели и схоластика, ораторы и поэты были одинаково ему знакомы; не было мелочнаго вопроса общенароднаго права, который бы не былъ ему извѣстенъ во всѣхъ подробностяхъ. Знаніе иностранныхъ языковъ давало ему огромное преимущество передъ его соотечественниками. Въ пренія парламента, въ свѣтское общество и въ засѣданія совѣта вносилъ онъ жизнь и энергію. Вальполь не могъ его выносить своимъ товарищемъ и заставлялъ выйти изъ кабинета и стать въ ряды оппозиціи. Онъ не могъ удержаться во главѣ министерства, смѣнившего министерство Вальполя. Вся власть перешла въ руки герцога Ньюкестля и его брата Пельгама. Герцогъ Ньюкестль, живая карикатура на политическаго дѣятеля, невѣжливый, грубый, безъ способностей оратора и политика, былъ однакоже 30 лѣтъ государственнымъ секретаремъ и 10 лѣтъ первымъ лордомъ казначейства. Его громадное состояніе, фамиліевыя связи и большое вліяніе въ парламентѣ, въ соединеніи съ его упорною настойчивостію въ стремленіи къ одной цѣли, поддерживали его во главѣ управленія. Пельгамъ выкупалъ своими качествами неспособность своего брата. Это былъ Вальполь въ меньшихъ размѣрахъ по способностямъ. Хорошій парламентскій тактикъ, дѣловой человекъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ отличался особенною ясностію и отчетливостію въ изложеніи финансовыхъ мѣръ. По характеру онъ отличался отъ Вальполя. Довольно боязливый, онъ не умѣлъ внушать такого страха. Почти вся оппозиція, съ которою долженъ былъ бороться Пельгамъ, состояла изъ членовъ того правленія, во главѣ котораго стоялъ онъ. Англія мало выиграла отъ переменъ министерства и отъ сверженія Вальполя. Ея внутреннее развитіе совершалось помимо его правительственныхъ мѣръ, независимо отъ борьбы парламентскихъ партій. Но паденіе Вальполя повлекло за собою

важную перемену въ отношеніяхъ Англіи къ европейской политикѣ. Боязнь Вальполя увеличить государственный долгъ Англіи прямымъ участіемъ въ дѣлахъ континентальной политики не сдерживала новаго министерства, и Англія все болѣе и болѣе увлекалась въ борьбу, шедшую на континентѣ Европы.

Въ такомъ положеніи была западная Европа, когда со смертію императора Карла VI поднялся вопросъ объ австрійскомъ наслѣдствѣ. Всѣ державы, за исключеніемъ Баваріи, гарантировали прагматическую санкцію, но эта гарантія была пустымъ словомъ, какъ сказалъ Фридрихъ Великій. Онъ первый подалъ сигналъ къ войнѣ. Бранденбургскій домъ имѣлъ старыя притязанія съ одной стороны на герцогства Юлихъ и Бергъ, съ другой на часть Силезіи. Фридриху оставалось выбрать, въ какую сторону направить ударъ. Соображеніе, что въ войнѣ съ Австріей онъ будетъ имѣть Францію за себя, а въ домогательствѣ оружіемъ Юлиха и Берга противъ себя, рѣшило его колебаніе. Въ одно и то же время отправилъ онъ свои требованія къ вѣнскому двору и двинулъ армію въ Силезію. Австрійцы должны были отступать. Нейпергъ, заключенный въ крѣпости за свои безславныя дѣянія противъ Турокъ, и теперь сдѣланный предводителемъ австрійской арміи въ Силезіи, не могъ бороться съ такимъ генераломъ, каковъ былъ Шверинъ. Въ битвѣ при Молвицѣ (10-го апрѣля 1741) Австрійцы были разбиты и вытѣснены изъ Силезіи. Фридрихъ сумѣлъ привязать къ себѣ населеніе этой провинціи. Протестанты смотрѣли на него, какъ на освободителя; права католиковъ были строго охраняемы. Между тѣмъ вся Европа была полна темныхъ дипломатическихъ интригъ, позорныхъ сдѣлокъ между дворами, гарантировавшими прагматическую санкцію. Испанія объявляла притязанія на все наслѣдство Карла VI, или, по крайней мѣрѣ, на итальянскія владѣнія, нѣкогда принадлежавшія ей. Карлъ-Альбертъ

баварскій требовалъ Австріи, Богеміи, Тироля. Онъ основывалъ свои притязанія, предъявленные еще въ 1724 г., на ложно толкуемомъ завѣщаніи Фердинанда I. Безъ арміи и денегъ онъ могъ надѣяться только на помощь Франціи, и переписка его съ кардиналомъ Флери представляетъ примѣръ самаго позорнаго униженія. При извѣстной склонности кардинала къ миру, его исканія остались бы безъ успѣха, если бы вліяніе братьевъ Белиль и мадамъ де-Мальи не оказало на этотъ разъ сильнѣе убѣжденій кардинала. Старшій Белиль явился въ мартѣ 1741 г. въ Германіи, какъ уполномоченный со стороны Франціи. Безумною роскошью ослѣплялъ онъ германскихъ владѣтелей, не щадившихъ униженій передъ французскимъ посланникомъ. Нимфенбургскимъ договоромъ 18-го мая 1741 г. Франція обязалась содѣйствовать Карлу-Альберту въ полученіи императорской короны. Испанія и король обѣихъ Сицилій, Польша, Саксонія и Сардинія приступили потомъ къ этому договору, котораго секретныя статьи оставались неизвѣстными и сомнительными почти до нашего времени. Положеніе Маріи-Терезіи было критическое. На Россію она не могла разсчитывать при тѣхъ переворотахъ, которые тамъ совершались. Англія могла бы оказать ей сильное содѣйствіе; но Вальполь, еще стоявшій во главѣ министерства, не допустилъ Англію, не смотря на симпатіи англійскаго народа, принять участіе въ континентальной войнѣ. Георгъ II безъ помощи Англіи не рѣшался употребить тридцатитысячнаго ганноверскаго войска въ защиту своей союзницы, а появленіе прусской и французской обсерваціонныхъ армій на границахъ его наслѣдственныхъ владѣній заставило его не только объявить себя нейтральнымъ, но даже трактатомъ 17-го сентября 1741 г. въ Ганноверѣ дать свой голосъ въ пользу выбора Карла-Альберта въ императоры. 20-го ноября Французы и Баварцы заняли Прагу и почти всю Богемію.

Король прусскій, заключившій было перемиріе, нарушилъ его, какъ скоро Франція гарантировала его владѣнія Нижнею Силезіей. Всѣмъ извѣстно, что Марія-Терезія въ этомъ отчаянномъ положеніи искала послѣдняго спасенія въ вѣрности венгерскаго народа. Трогательная картина Маріи-Терезіи, явившейся съ шестилѣтнимъ сыномъ на рукахъ въ собраніе венгерскихъ чиновъ, встрѣтившихъ ее криками: «*Moriamur pro rege nostro Maria Theresia!*» перешла во всѣ учебники, хотя по депешамъ и другимъ официальнымъ актамъ Иосифъ былъ привезенъ въ Пресбургъ не ранѣе 20-го сентября, а Марія-Терезія 11-го сентября вручила торжественно свою участь вѣрности Венгерцевъ. Какъ бы то ни было, въ Венгріи и Тироли дѣло Маріи-Терезіи было дѣломъ народа. Венгерскіе магнаты не жалѣли ни денегъ, ни крови для защиты правъ ея. Кроаты, Пандуры, Словаки, Венгерцы вооружились почти поголовно. Огромное количество нерегулярной легкой кавалеріи, страшной въ партизанской войнѣ, явилось на помощь регулярнымъ войскамъ Австріи. Полная неспособность баварскихъ и французскихъ полководцевъ, не менѣе вооруженной преданности венгерцевъ, помогла Маріи-Терезіи. Въ то время, когда жалкій Карлъ-Альбертъ великолѣпнымъ праздникомъ торжествовалъ свое избраніе и коронацію германскимъ императоромъ, его наслѣдственные владѣнія были заняты Австріяцами, опустошены набѣдами Кроатовъ и другихъ полудикихъ защитниковъ Маріи-Терезіи. Его полководецъ Тѣрницъ разбитъ, и влѣдствіе этого французскій генералъ Сегюръ капитулировалъ въ Ллицѣ и отступилъ съ своимъ 10-тысячнымъ корпусомъ. Черезъ годъ послѣ этихъ пышныхъ праздниковъ, императоръ Германіи долженъ былъ выпрашивать у французскаго маршала Ноайя въ займы 40, 000 эку, чтобы не умереть съ голоду. Въ 1742 году австрійскія войска готовы были запереть Французовъ въ Прагѣ, а сверженіе Вальцолы давало возможность Англіи и

новому министерству подать дѣятельную помощь Маріи-Терезіи. Одинъ Фридрихъ Великій былъ опасенъ для Австріи. Въ битвѣ 17-го мая при Хотузицѣ онъ окончательно упрочилъ свою военную славу, разбивши австрійскую армію. Но Фридрихъ Великій преслѣдовалъ свои личныя цѣли, вполне понималъ всю неспособность своихъ союзниковъ, видѣлъ открытое недоброжелательство Саксонцевъ и недовѣрлялъ Франціи. Какъ скоро посредничество Англіи дало ему надежду на уступку Австріею Силезіи, онъ не задумался заключить отдѣльный миръ. 11-го іюля 1742 г. подписаны были предварительныя условія въ Бреславлѣ, по которымъ Австрія уступала ему Верхнюю и Нижнюю Силезію, за исключеніемъ Тропцау, Егерндорфа и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ. Саксонія сѣвшила также присоединиться къ этому миру, который былъ окончательно утвержденъ 28-го іюля въ Берлинѣ. Счастіе начинало служить Австріяцамъ. Маршалъ Белиль былъ осажденъ въ Прагѣ и терпѣлъ нужду въ самомъ необходимомъ. Армія Гаркура, вытѣсненная было Австрійцевъ изъ Мюнхена, потеряла отъ болѣзней болѣе 10,000 человекъ. Маршалъ Мальбуа, посланный съ 30,000 человекъ на выручку осажденныхъ въ Прагѣ, воротился съ богемской граппы, не посмѣвъ дать битву. Французы, доведенные до крайности, должны бы были сдаться, еслибъ Белиль отчаяннымъ отступленіемъ въ ночь съ 16 на 17 декабря 1742 г. не ушелъ изъ Праги съ 14,000 войска, потерявъ на дорогѣ значительную часть его. Англія рѣшилась давать 5½ милліоновъ флориновъ субсидіи Австріи. Самъ Георгъ II съ Англичанами, Ганноверцами и наемными Гессенцами началъ военныя дѣйствія на Майнѣ и разбилъ Французовъ при Деттингенѣ. Французскій корпусъ въ Баваріи перешелъ обратно за Рейнъ. Секендорфъ, главнокомандующій баварскимъ войскомъ, заключилъ съ Австріяцами договоръ, по которому отдалъ имъ Баварію, и обязался съ своими войсками оставаться нейтральнымъ

Дѣла Испанцевъ въ Верхней Италіи шли безъ всякаго успѣха. Англичане угрозой бомбардировать Неаполь заставили въ 1744 г. короля обѣихъ Сицилій объявить себя нейтральнымъ. Саксонія присоединилась (договоръ въ декабрь 1743 г. и потомъ 13-го марта 1744 г.) къ Австріи и Англіи и обязалась выставить за англійскія субсидіи 20,000 войска *. Это заставило Францію принять болѣе рѣшительныя мѣры, а Фридриха II сблизиться съ нею. Франція объявила войну Англіи и потомъ Австріи, потому что до сихъ поръ она, помогая Баваріи, не находилась однако же въ открытой войнѣ съ Маріей-Терезіей. Франкфуртскимъ союзомъ Пруссія, императоръ Карлъ VІІ, Пфальцъ, Швеція, Гессенъ-Кассель обязались взаимно обезпечить свои владѣнія, поддерживать германскую конституцію и вновь избраннаго императора. Война принимала опять новый оборотъ. Каково же было отношеніе Россіи къ враждующимъ сторонамъ? **

Война съ Швеціей и борьба придворныхъ партій, спорившихъ о вліяніи, не позволяла Россіи принять дѣятельное участіе въ событіяхъ западной Европы, и опредѣлить ясно свои отношенія. Французскій посолъ, Шетарди, имѣлъ сильное вліяніе на Елизавету черезъ Лестока, вполне преданнаго и продажнаго версальскому кабинету. Онъ могъ бы склонить императрицу къ тѣсному сближенію съ Франціей; но французское правительство отозвало его изъ Россіи, и онъ выѣхалъ оттуда въ сентябрѣ 1742 г., получивъ огромные подарки ***.

* Трактатомъ въ Вормсѣ 13 сент. 1744 г. король Сардинскій обязался защищать ломбардскія владѣнія Австріи.

** См. въ *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* за 1867 г. статью С. Соловьева: Политика Россіи во время войны за австрійское наслѣдство.

*** Сверхъ 12,000 р., обыкновеннаго прощальнаго подарка, онъ получилъ орденъ св. Андрея, осыпанный брилліантами въ 35,000 р., портретъ императрицы и табакерку въ 30,000 и дорогую карету. Императрица купила у него столовый сервизъ и экипажи за 20,000 р. Вообще Печольдъ цѣнитъ всѣ подарки и деньги, полученные имъ, въ 150,000 р. А. Т.

Его преемникъ, д'Альонъ, не могъ имѣть того значенія, какъ Шетарди. Старанія Лестока Лопухинскимъ заговоромъ уничтожить Бестужева-Рюмина и разорвать дружескія отношенія къ вѣнскому кабинету не удалось. Пруссійскій король воспользовался случаемъ, чтобы сблизиться съ Россією. Его посланникъ, Мардефельдъ, не щадилъ денегъ и обѣщаній. Елизавета Петровна хотѣла женить своего племянника, наслѣдника русскаго престола. Она обратила сначала вниманіе на старшую сестру короля прусскаго, Луизу-Ульрику. Саксонскій дворъ хотѣлъ выдать за Петра Оедоровича принцессу Маріанну, вторую дочь Августа III, и приготовилъ было черезъ Бестужева свадебный трактатъ, который впрочемъ не удался. Фридрихъ II (*Oeuvres*, III, 29) не хотѣлъ допустить такого сближенія саксонскаго двора съ русскимъ и въ то же время не хотѣлъ отдать за Петра Оедоровича свою сестру. Онъ обратилъ вниманіе Елизаветы Петровны на принцессу, которая всего лучше соотвѣтствовала прусскимъ интересамъ. Это была принцесса ангальтъ-цербтская. Отецъ ея былъ генераломъ въ прусской службѣ; мать, урожденная принцесса голштинская, была родная сестра наслѣдника шведскаго престола, герцога голштинскаго, и, слѣдовательно, тетка Петра Оедоровича. Устроить дѣло было довольно трудно. Даже герцогъ ангальтъ-цербтскій находилъ возраженія. Ревностный лютеранинъ, онъ съ трудомъ соглашался на принятіе дочерью православія. Надобно было скрывать свои дѣйствія. Дядя предполагаемой невѣсты привезъ въ С. Петербургъ портретъ 15-лѣтней Софіи-Августы-Фридерики ангальтъ-цербтской (въ февр. 1744 г.). Потомъ сама принцесса ангальтъ-цербтская съ дочерью пріѣхали въ Москву. На возраженіе Бестужева императрица говорила, что она хотѣла сначала выбрать невѣстунизъ французскаго, потомъ изъ польско-саксонскаго домовъ, но что теперь рѣшилась выбрать протестантку (ей легче перейти въ православіе) и притомъ изъ мелкихъ владѣтель-

нихъ домовъ, чтобы не было вліянія на Россію, и что никто такъ не соединяетъ въ себѣ этихъ условій, какъ принцесса ангальтъ-цербтская, которая къ тому же происходитъ изъ голштинскаго дома. Синодъ сдѣлалъ было съ своей стороны препятствіе по поводу родства между Петромъ Ѳедоровичемъ и его невѣстой; но это препятствіе было устранено. Юня 14-го принцесса ангальтъ-цербтская приняла православіе съ именемъ Екатерины Алексѣевны и была обручена съ Петромъ Ѳедоровичемъ.

Въ то же время Фридриху II удалось получить согласіе Елизаветы Петровны на свадьбу его сестры съ наслѣдникомъ шведскаго престола, которая и совершилась въ августѣ 1744 г. Не смотря однакоже на все искусство Мардефельдта, ему не удалось возобновить прежняго тѣснаго союза Россіи съ Пруссіей, и заключенная имъ гарантія прусскихъ владѣній была въ такихъ неопредѣленныхъ или двусмысленныхъ выраженіяхъ, что не могла имѣть большаго значенія.

Трактатомъ, заключеннымъ въ С. Петербургѣ 16 (27) марта 1743 г., возобновленъ былъ прежній союзъ на 18 лѣтъ. 5-ю статей этого трактата Россія и Пруссія обязались помогать другъ другу въ случаѣ нападенія другихъ державъ 3,000 человекъ пѣхоты и 2,000 конницы или же ежегодно субсидіей въ 250,000 р. 1-мъ сепаратнымъ артикуломъ постановлено было способствовать возвращенію прежнихъ правъ и привилегій диссидентамъ греческой и протестантской религіи, притѣсняемымъ въ Польшѣ и Литвѣ. Сравнивая этотъ трактатъ съ трактатами, заключенными Россіею съ Англіею 11-го декабря 1742 г. или съ Августомъ 24-го февраля 1744 г., легко убѣдиться, что Фридрихъ II далеко не получалъ того, чего онъ ожидалъ отъ своего содѣйствія при выборѣ невѣсты Петра Ѳедоровича и отъ ловкости своего министра при санктпетербургскомъ дворѣ, Мардефельдта.

Трактатомъ съ Англіею, заключеннымъ на 15 лѣтъ, Россія обязалась помогать Георгу II 10,000 пѣхоты и 2,000 конницы, получая въ замѣнъ помощь 10 кораблей и 700 пушекъ или ежегодно 500.000 займы. Сепаратными статьями былъ признанъ императорскій титулъ за Елизаветой Петровной и ея наслѣдниками и положено было включить въ союзъ короля польскаго, курфирета саксонскаго и пригласить ко вступленію въ него короля прусскаго и республику Голландскую. Договоромъ съ Августомъ III (С. З. № 8, 866) возобновленъ былъ на 13 лѣтъ союзъ, заключенный въ 1733 г. Россія обязалась помогать Августу 8,000 пѣхоты и 4,000 конницы или 450,000 р. ежегодно получая отъ него въ случаѣ войны 3,000 конницы и 5,000 пѣхоты или 300,000 р. с.; и кромѣ того обѣ державы наибольшательнѣе гарантировали другъ другу все владѣнія, ничего изъ того не включая. Актомъ 1-го ноября 1743 г. (С. З. № 8814) Россія, по предложенію англійскаго правительства, приступила къ бреславскому миру, заключенному въ іюль 1742 года между Фридрихомъ II и Маріей-Терезіей. Все эти трактаты показываютъ довольно нерѣшительное положеніе Россіи среди европейской борьбы, поднявшейся за наслѣдство Карла VI. До тѣхъ поръ, пока при русскомъ дворѣ были двѣ прямо противоположныя другъ другу партіи, почти равныя своимъ вліяніемъ на императрицу, это колебаніе должно было продолжаться. Французская партія хотѣла получить перевѣсъ сверженіемъ Бестужева, и къ этой цѣли направляла все усилія; но она имѣла дѣло съ опытнымъ бойцомъ, сумѣвшимъ отстоять себя. Онъ вскрывалъ и дешифровалъ депеши французскаго посланника, получалъ предостереженія отъ англійскаго министерства и извѣстія отъ англійскаго посланника въ Стокгольмѣ, и имѣлъ такимъ образомъ возможность слѣдить за всеми дѣйствіями и планами противниковъ.

Между тѣмъ, повидимому, расчеты французской партіи были вѣрны и планъ сверженія Бестужева придуманъ хорошо. Изъ перехваченныхъ писемъ д'Альона и Шетарди мы можемъ получить нѣкоторое понятіе объ этой интригѣ, которая, въ случаѣ успѣха, должна была увлечь Россію къ прямому и дѣятельному участию въ борьбѣ западной Европы. Такъ-какъ д'Альонъ далеко не пользовался при с. петербургскомъ дворѣ тѣмъ вліяніемъ, которое имѣлъ его предшественникъ, то рѣшено было вызвать снова въ Россію Шетарди, и онъ явился въ Россію въ 1743 г., хотя и безъ званія посланника. Д'Альонъ доносилъ своему двору, что Бестужевъ совершенно проданъ вѣнскому, лондонскому и копенгагенскому кабинетамъ, что пока онъ стоитъ въ главѣ иностранныхъ дѣлъ, Франціи нечего надѣяться со стороны Россіи, но что, впрочемъ, часть его паденія близокъ. Шетарди долженъ былъ дѣйствовать въ союзѣ съ барономъ Мардефельдомъ, прусскимъ посланникомъ, и въ особенности съ принцессой ангальт-цербтскою, матерью невѣсты великаго князя наследника, пользовавшейся особенною дружбой Елизаветы Петровны и жившею во дворцѣ. Сдѣлано было много для того, чтобы поощрить усердіе партіи, преданной интересамъ версальскаго двора. Ежегодный пенсіонъ Лестоку былъ увеличенъ двумя тысячами рублей. Румянцовой, которая находилась при молодой принцессѣ и жила во дворцѣ, дали 1, 200 р., женѣ Шувалова 600. Было обращено вниманіе и на то, чтобы склонить на свою сторону нѣкоторыхъ членовъ духовенства, пользовавшагося сильнымъ вліяніемъ на императрицу. Сверхъ Лестока, усердными приверженцами Франціи были генераль-прокуроръ кн. Трубецкой, и генераль Ал. Ив. Румящевъ, отецъ Задунайскаго. Они съ точностью передавали французскому посланнику подробности о засѣданіяхъ совѣта министровъ. Французская партія старалась привлечь на свою сторону Воронцова, который

и лично, и черезъ жену, урожденную графиню Скавронскую могъ дѣйствовать на императрицу. Стараніями принцессы ангальт-цербтской и Лестока удалось ей отвлечь его отъ дружбы и союза съ Бестужевымъ. Де-ла Шетарди сильно жалуется на скупость французскаго правительства, бывшую главнымъ препятствіемъ для успѣха дѣйствій. Рядомъ съ придворною интригой, которая должна была ослабить кредитъ Бестужева-Рюмина, шла другая, которая должна была нанести ему сильный ударъ. Графъ Гилленбургъ и другіе главные представители французской партіи въ Швеціи напрягали всѣ силы, чтобы помочь сверженію Бестужева. Они собирали показанія, сдѣланныя Гилленштирномъ послѣ его ареста, и извлекали изъ нихъ все, что могло бросить невыгодный свѣтъ на вице-канцлера. Лордъ Картеретъ поручилъ англійскому посланнику въ С. Петербургѣ увѣдомить русскихъ министровъ объ этихъ замыслахъ. Въ то же время англійскій посланникъ въ Стокгольмѣ увѣдомлялъ своего петербургскаго товарища о томъ, что шведское министерство хочетъ попытаться склонить Бестужева выгодными предложеніями и обѣщаніями къ французской политикѣ; но что, въ случаѣ его несогласія, они рѣшились прибѣгнуть ко всѣмъ средствамъ и истратить до 100,000 руб., чтобы лишить его довѣрія императрицы. Шетарди былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Еще проѣзжая черезъ Гамбургъ, онъ высказалъ свои надежды. Теперь во всѣхъ письмахъ видна эта увѣренность. Но Бестужевъ принялъ свои мѣры. Онъ представилъ императрицѣ копія съ вскрытыхъ депешъ и писемъ, особенно тѣ, въ которыхъ Шетарди описывалъ характеръ Елизаветы Петровны и ея жизнь, ея полное удаленіе и отвращеніе отъ дѣлъ государственныхъ. Тамъ находились отзывы и подробности, которые должны были раздражить императрицу. Нѣкоторое время Бестужевъ надѣялся даже погубить Лестока, возбудивъ подозрительность

императрицы; но на этотъ разъ долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что ему пожертвовали Шетарди. И это было уже очень много, потому что Елизавету трудно было довести до рѣшенія какого-нибудь важнаго дѣла. Принцесса ангальтъ-цербтская и Лестокъ были нѣкоторое время въ немилости, и первая даже вышла изъ дворца; но этимъ временнымъ удаленіемъ и ограничилась побѣда Бестужева-Рюмина. Воронцовъ, Трубецкой и другіе остались въ прежней милости. 3-го іюня, рано поутру, генераль-адъютантъ Ушаковъ явился къ Шетарди и объявилъ ему приказаніе въ 24 часа оставить Москву. Все было приготовлено заранѣе къ отправленію, и онъ въ тотъ же день вышелъ съ унтеръ-офицеромъ. Въ Ригѣ губернаторъ Долгорукій отобралъ у него орденъ Св. Андрея и портретъ императрицы, оставивъ однако же ему брилліанты, которыми онъ былъ украшенъ, и отправилъ его за границу. Объявленіе, сдѣланное петербургскимъ дворомъ иностраннымъ министрамъ, находившимся въ Россіи, о высылкѣ Шетарди, любопытно потому, что въ немъ находимъ подтвержденіе писемъ Шетарди. Тамъ сказано; что онъ, «забывъ себя (всеконечно, безъ указа короля, государя своего), покусился вѣрность разныхъ персонъ и *духовенства* подкупать, партію себѣ устроить и министровъ низвергнуть, да и многія непристойности отсюда писать... А въ неоспоримое доказательство помянутаго Шетарди продерзости, имѣются разныя за его рукою оригинальныя его депеши». Тамъ сказано, что, «хотя маркизъ де-ла Шетарди, яко приватный и безъ характера понынѣ здѣсь бывшій человекъ, такого менажементу, каково по правамъ министры чужихъ государствъ при дворахъ въ Европѣ имѣютъ, и не заслуживалъ, однако императрица съ нимъ, Шетардіемъ, по винѣ его такъ, како онъ по малоожидаемому своему кондиту достоинъ и на себя совершенное право подалъ, поступить не

соизволила», и т. д. Французское министерство не хотѣло протестовать противъ поступка съ Шетарди, потому что онъ еще не былъ облеченъ въ званіе посланника. Д'Альонъ снова явился представителемъ Франціи при с. петербургскомъ дворѣ, и, чтобы загладить въ умѣ императрицы дурное впечатлѣніе, произведенное письмами Шетарди, призналъ императорскій титулъ за нею и ея наследниками. Такъ какъ все русскіе приверженцы Франціи остались въ прежней милости у императрицы, то эта партія старалась, по крайней мѣрѣ, нейтрализировать успѣха Бестужева къ заключенію тѣснаго союза съ Австріей. Плохое состояніе русскихъ финансовъ, мнѣніе большинства дворянства и духовенства, не желавшаго прямого вмѣшательства Россіи въ дѣла, ей чуждыя, все это содѣйствовало отстраненію Россіи отъ дѣятельнаго участія въ европейской войнѣ. Императрица вся была поглощена и приготовленіями къ свадьбѣ великаго князя, которую хотѣли праздновать съ необыкновенною роскошью. Русское посольство въ Парижѣ должно было доставить подробное описаніе всѣхъ церемоній и празднествъ, которыми торжествовали бракъ дофина съ испанскою инфантой. Изъ Дрездена посланы были подробности о свадьбѣ Августа III, праздновавшейся еще при жизни отца его, славившагося своимъ великолѣпіемъ. Бракосочетаніе Петра Федоровича совершилось 4-го августа 1745 г.

Среди празднествъ мало обращалось вниманія на то, что совершалось въ Европѣ. Тамъ, между тѣмъ, Австрійцы одерживали верхъ въ сѣверной Италіи, и ихъ легкіе отряды вторгались въ Эльзасъ и Лотарингію. Людовикъ XV самъ явился къ арміи, дѣйствовавшей противъ Австрійцевъ въ Нидерландахъ. Фридрихъ Великій началъ войну съ Австріей въ Богеміи. Смерть Карла Альберта или Карла VII въ 1745 г. (20-го января) заставила Баварію прекратить тягостную и

безславную для нея войну. Фюссепскимъ миромъ 22-го апрѣля 1745 г. наслѣдникъ Карла-Альберта, Максимилианъ, отказался отъ притязаній на австрійское наслѣдство и обѣщалъ свой голосъ на имперскихъ выборахъ въ пользу супруга Маріи-Терезіи. Саксонія и Австрія трудно было бороться съ королемъ прусскимъ. Побѣды Фридриха при Гогенфридбергѣ и въ особенности при Кессельсдорфѣ (13-го декабря 1745 г.), за которыми слѣдовало занятіе Дрездена и части Саксоніи, заставляли короля саксонскаго отступить отъ своихъ замысловъ противъ ненавистной ему Пруссіи и желать мира. Напрасно саксонскій дворъ требовалъ отъ Россіи исполненія трактата 1744 года, присылки вспомогательнаго войска. Баронъ Мардефельдъ обѣщалъ Бестужеву-Рюмину 40,000 экю, если Россія не приметъ участія въ войнѣ, и русское войско не явилось на помощь Августу (*Oeuvres*, IV, 19). Дезденскимъ миромъ (25 декабря 1745 года) подтверждены были условія бреславскаго, и Фридрихъ призналъ германскимъ императоромъ Франциска I, супруга Маріи-Терезіи, и Саксонія, ничего не выигравшая миромъ, понесла всю тяжесть бесполезной для нея войны и была разорена войсками и контрибуціями всякаго рода. Война между другими державами продолжалась до апрѣля 1748 года. Если Испанія со смертію Филиппа V (въ іюль 1746 года) сошла съ театра войны, зато Голландія была принуждена защищать свои области отъ Французовъ, объявившихъ ей войну въ апрѣлѣ 1747 г. Мы можемъ не рассказывать подробностей этой войны. Блестящія дѣйствія французской арміи въ Нидерландахъ, подъ предводительствомъ Морица Саксонскаго, такъ долго и напрасно искавшаго Курляндскаго герцогства и руки Анны Іоанновны; драматическій эпизодъ высадки въ Англію Карла-Эдуарда, внука Іакова II, престонъ-павскою битвой сдѣлавшаго было сомнительнымъ на минуту владычество Ганноверскаго дома

въ Англію и послѣ битвы при Куллоденѣ принужденнаго въ опасномъ бѣгствѣ искать спасенія; возстановленіе, въ виду грозившей Голландіи опасности, достоинства пожизненнаго штатгалтера въ особѣ Вильгельма IV; наконецъ, борьба Франціи съ Англіей въ Индіи, гдѣ Дюплексъ и Лабудонне положили было прочное основаніе французскому владычеству и гдѣ только близорукость и неспособность французскаго министерства спасли существованіе англійскихъ владѣній, — все это завлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ русской исторіи. Въ Россіи постоянно слабѣло вліяніе французской партіи и выросло значеніе Бестужева. По случаю празднованія мира съ Швеціею онъ былъ сдѣланъ великимъ канцлеромъ. Вице-канцлерство получилъ Воронцовъ, но онъ не былъ въ состояніи бороться съ Бестужевымъ, и въ 1746 году долженъ былъ отправиться путешествовать за границу. Интриги Бестужева лишили Россію лучшихъ генераловъ. Левендалъ долженъ былъ оставить русскую службу и пріобрѣлъ себѣ лестную военную репутацію, какъ маршалъ Франціи въ кампаніяхъ Морица Саксонскаго. Еще прискорбнѣе была потеря Кейта. Ревностный приверженецъ Стюартовъ, Кейтъ закрылъ для себя навсегда возможность возврата на родину и принужденъ былъ вступить въ службу къ другимъ государямъ. Честно служилъ онъ Россіи съ самаго начала царствованія Анны Іоанновны, былъ во всѣхъ походахъ Миниха и Ласси, показалъ Малороссіи первый примѣръ добросовѣстнаго и справедливаго управленія и умѣлъ пріобрѣсть полное уваженіе въ Россіи. Бестужевъ, по личной неприязни и по внушеніямъ англійскаго посланника, старался всеми способами вредить Кейту. Оскорбленный Кейтъ вытребовалъ отставку. 16-го сентября 1747 года онъ прибылъ въ Берлинъ, а 18-го уже Фридрихъ Великій успѣлъ принять его въ свою службу съ чиномъ фельдмаршала. Отзывъ Фридриха II о Кейтѣ (*Oeuvres*,

IV, 6) показываетъ, какъ высоко цѣнили онъ свое новое пріобрѣтеніе; въ письмахъ Кейта (см. «Рус. Вѣст.» 1841 г., № 4) подробно разсказаны происки Бестужева и причины, побудившія его оставить службу въ Россіи. Бестужевъ сталъ явнымъ врагомъ короля прусскаго. Въ своихъ сочиненіяхъ Фридрихъ Великій приписываетъ это мести за то, что баронъ Мардефельдъ изъ неумѣстной бережливости или личной неприязни не уплатилъ ему обѣщанныхъ 45,000 экю. Бестужевъ постоянно старался вооружить Елизавету противъ прусскаго короля, а средствъ было много. Набожная среди самой разсѣянной жизни, Елизавета оскорблялась антирелигіозными выходками вѣчнаго ученика Вольтера. Креатуры канцлера не пропускали случая доводить до свѣдѣнія императрицы злыя остроты Фридриха относительно образа жизни и выбора любимцевъ Елизаветы. Болѣе и болѣе склонялась Елизавета на сторону союза съ Австріей. Мая 22-го (іюня 2-го) 1746 года былъ заключенъ въ Санктпетербургѣ оборонительный трактатъ между Россіей и Австріей. Объявленный трактатъ, напечатанный въ Полномъ Собраніи Законовъ (№ 9,288), есть возобновленіе вѣнскаго договора 6-го августа 1726 года. Третьею статьею положено было взаимно помогать другъ другу 30,000 человекъ, съ тѣмъ ограниченіемъ, что Россія не обязана посылать вспомогательнаго корпуса для войны въ Италію, а Австрія для помощи Русскимъ противъ Персіи, хотя однакоже та и другая держава должна держать наготовѣ войска, дабы (какъ сказано въ трактатѣ), «тогда какъ во время продолженія въ Италіи или въ Персіи начатой войны, другая война произошла бы, онѣ другъ другу толь скорѣе потребную помощь подать могли.» Артикуломъ 13 постановлено было, чтобы министры Австріи и Россіи, находящіеся при другихъ дворахъ, «между собою дружескіе совѣты имѣли и соединеннымъ стараніемъ другъ

другу въ дѣлахъ и негоціаціяхъ вспомогами и подкрѣпляли». Артикуломъ 15-мъ положено было пригласить къ приступленію къ этому союзу короля польскаго, курфирета саксонскаго и короля великобританскаго. Главное, впрочемъ, заключалось не въ опубликованномъ трактатѣ, а въ 5 секретныхъ и 1 секретнѣйшемъ артикулахъ. О первомъ секретномъ артикулѣ, касающемся Даніи, мы скажемъ въ послѣдствіи. Особенно важенъ 4-й секретный артикулъ. Въ немъ положено, что Марія-Терезія хочетъ соблюдать условія дрезденскаго мира (1745 г.). Но если король прусскій самъ первый разрушить этотъ миръ, напавъ или на владѣнія Австріи, или на Россію и Польшу, Марія-Терезія получаетъ прежнія права на уступленную Пруссіи часть Силезіи и на графство Глацъ. Марія-Терезія будетъ постоянно держать войско наготовѣ въ Богеміи и Моравіи; Россія должна имѣть также 30,000 въ Ливоніи. Такъ какъ въ случаѣ войны по 30,000 войска съ каждой стороны недостаточно для завладѣнія провинціями, уступленными по дрезденскому миру, то обѣ стороны обязуются выставить по 60,000. Россія не хочетъ дѣлать завоеваній, но такъ какъ она обязывается дѣйствовать 60,000 войска на морѣ или на сухомъ пути, то Австрія съ своей стороны обязуется уплатить ей въ теченіе года 2,000,000 рейнскихъ флориновъ, какъ скоро будетъ имѣть Силезію въ своихъ рукахъ. Изъ этого секретнаго артикула довольно ясна главная цѣль оборонительнаго трактата между Россіей и Австріей, но еще яснѣе обнаруживается эта тайная цѣль изъ дипломатическихъ переговоровъ саксонскаго двора по случаю приступленія Саксоніи къ союзу, изъ инструкцій, которыя даны были саксонскимъ министерствомъ Вицтуму и Цецольду въ Санктпетербургѣ и графу Лоссу въ Вѣнѣ. Саксонія требовала, чтобы число вспомогательныхъ войскъ съ ея стороны было соразмѣрно съ настоящимъ положеніемъ ея арміи; чтобы

Россія и Австрія обѣщали двойное число противъ вспомога-
тельнаго корпуса Саксоніи, а въ случаѣ нужды еще болѣе
сильное содѣйствіе; чтобы обѣ имперіи постоянно держали на
готовѣ войска въ Богеміи и на прусской границѣ, а главное,
чтобы саксонскій король получилъ значительную часть въ
добычѣ, которую предполагали приобрѣсти насчетъ Пруссіи. Въ
переговорахъ съ Австріей саксонское министерство ссылается
на проектъ раздѣла прусскихъ областей, составленный еще
въ маѣ 1745 года въ Лейпцигѣ. Въ депешѣ графа Арнима
къ графу Брюлю отъ 18-го апрѣля 1747 года мы находимъ
извѣстіе, что австрійскому уполномоченному, графу Претлаху,
въ тайной аудіенціи у императрицы Елизаветы Петровны, въ
присутствіи Бестужева, конфиденціальными сообщеніями о
поступкахъ прусскаго короля удалось привести императри-
цу въ такое противъ него негодованіе, что онъ думалъ, что
этотъ гнѣвъ можетъ легко перейти въ открытую неприязнь.
Наконецъ, лондонскому двору удалось склонить Россію къ
принятію положительнаго участія въ войнѣ противъ Франціи.
12-го іюня (ст. ст.) 1747 г. заключена была конвенція ме-
жду Россіей и Англіей, по которой Россія за 100,000 фунт.
стер. обязалась содержать въ теченіе года корпусъ въ 30,000
человѣкъ и сверхъ того въ готовности 40 или 50 галеръ, кото-
рые были бы употреблены въ такомъ мѣстѣ, гдѣ захотятъ Ан-
гличане. 3-й артикулъ конвенціи такъ любопытенъ, что при-
водимъ его вполнѣ. «Ежели его британскому величеству
угодно будетъ упомянутый корпусъ и въ будущемъ году на
поставленныхъ настоящею конвенціею кондиціяхъ (т. е. за
100,000 фунт. стерл. въ годъ) удержатъ, то его величество
обязуется оное заблаговременно объявить, а именно въ
ноябрѣ мѣсяцѣ шестнаго года, дабы, когда бъ его британ-
скому величеству болѣе нужды не было упомянутый корпусъ
въ той землѣ удержатъ, оный внутри имперіи, какъ то за

«сходственно разсуждено будетъ, раздѣленъ быть могъ» (П.
С. З. № 9,414).

Это значило просто, что Россія, подобно Гессенъ-Касселю и
Кельну, отдала въ наймы 30-тысячный корпусъ. 20-го ноября
1747 г. конвенціей между Голландіей, Англіей и Россіей
(не напечатанной въ П. С. З.) морскія державы взяли на
свое содержаніе корпусъ русскихъ войскъ, назначенныхъ
дѣйствовать на Рейнѣ противъ Франціи. Начальство пору-
чено было Василю Никитичу Репнину, одному изъ лучшихъ
русскихъ генераловъ, по свидѣтельству Миниха, но котора-
го болѣзнь въ погѣ заставила отказаться отъ полевой
службы. Репнинъ занималъ должность генераль-фельдцейх-
мейстера и былъ генераль-адъютантомъ, состоя при вели-
комъ князѣ наслѣдникѣ. Эти должности и болѣзнь требовали
его присутствія въ Санктпетербургѣ.

Въ письмахъ Кейта мы находимъ разгадку этого страннаго
назначенія. Репнинъ былъ не въ ладу съ Бестужевымъ, и
канцлеръ, не желая оставлять при великомъ князѣ человѣка,
на котораго не могъ разсчитывать, и желая помѣстить туда
одну изъ своихъ креатуръ (Чоглокова), придумалъ такимъ
образомъ удалить Репнина. Въ началѣ 1748 года передо-
вые отряды русскихъ войскъ, шедшихъ черезъ Польшу,
Моравію и Богемію, явились уже въ Франконіи и на Рейнѣ,
не смотря на то, что версальскій дворъ предлагалъ Репнину
100,000 ефимковъ за медленность въ походѣ. Русскимъ
войскамъ не пришлось впрочемъ принять участія въ битвахъ.
Въ маѣ 1748 г. были остановлены военныя дѣйствія и вскорѣ
потомъ былъ заключенъ миръ въ Ахенѣ. Этимъ миромъ,
окончательно утвержденнымъ 18-го октября 1748 г., окан-
чивалась 8-лѣтняя война, стоившая столько крови конти-
нентальной Европѣ, истощившая Германію и столь ничтожная

по своимъ результатамъ. Франція положила оружіе во время самыхъ блестящихъ успѣховъ въ Нидерландахъ и въ Индіи; но миръ былъ нуженъ для ш-ше Помпадуръ, и Людовикъ XV, разыгравъ тотчасъ послѣ побѣды при Лауфельдъ роль великодушнаго героя, на самомъ полѣ битвы изъяснилъ готовность вступить въ переговоры. Завоеванія должны были быть возвращены съ обѣихъ сторонъ. Марія-Терезія уступила дону-Филиппу, сыну Елизаветы Пармской, второй супруги жалкаго Филиппа V, Парму, Пьяченцу и Гвасталу съ условіемъ, что, если старшій братъ его, король неаполитанскій, получитъ корону Испаніи и донъ-Филиппъ перейдетъ въ Неаполь или умретъ бездѣтнъ, эти владѣнія воротятся къ Австріи. Испанія возобновила Assiento съ Англіей, т.-е. обязалась покупать у Англичанъ невольниковъ для своихъ колоній. Король сардинскій получилъ нѣсколько участковъ въ Миланѣ. Королю прусскому было подтверждено владѣніе Силезіей и Глагомъ. Франція отказалась отъ пріобрѣтеній въ Индіи и должна была потерять, въ то же позорное правленіе Людовика XV, свое значеніе въ Индіи, купленное геніальною дѣятельностію Дюплексъ. Король французскій, не пріобрѣтавшаго для государства 8-ю годами тяжелыхъ усилій Франціи и блестящими побѣдами Морица Саксонскаго, принялъ на себя постыдное обязательство выслать несчастнаго Стюарта изъ Франціи, котораго само же французское правительство увлекло въ рискованную высадку въ Англію и потомъ оставило безъ помощи. Ахенскій миръ, очевидно, не рѣшалъ ничего, имъ не уничтожались многіе поднятые вопросы, не сглаживалась взаимная ненависть. Это было перемиріе передъ новою борьбой.

Обратимся теперь къ отношеніямъ Россіи къ Скандинавскимъ государствамъ. Мы видѣли уже положеніе Швеціи до войны и во время войны съ Россіей. Послѣ Абовскаго мира

исторія Швеціи представляетъ ту же борьбу олигархическихъ партій, ту же деморализацію высшаго сословія и забвеніе главнѣйшихъ интересовъ государственныхъ. Жалкій король Фридрихъ, въ союзѣ съ партіей шапокъ, сталъ въ полную зависимость отъ русскаго и англійскаго посланниковъ. Напротивъ того, наследный принцъ Адольфъ-Фридрихъ, обязанный своимъ успѣхомъ исключительно Россіи, соединился теперь съ французскою партіей и сталъ открыто во враждебное положеніе къ петербургскому двору. Своею оппозиціей противъ русскаго вліянія онъ какъ будто хотѣлъ заставить шведскій народъ забыть, что его избраніе было главнымъ условіемъ постыднаго мира, окончившаго не менѣе постыдную войну. Русскій посланникъ Корфъ деньгами успѣлъ доставить барону Унгернъ-Штернбергу, преданному Россіи, мѣсто ландмаршала на сеймѣ 1746 г. Но главная сила шведской олигархіи заключалась въ тайной коммисіи, а она была продана французскому двору. Корфъ апеллировалъ къ шведскому народу на рѣшенія тайной коммисіи, предостерегалъ его противъ усиленія королевской власти, именемъ Елизаветы требовалъ удаленія графа Тессина и напоминалъ наследному принцу о благодарности, которою онъ обязанъ Елизаветѣ Петровнѣ. Его поступки вынудили Адольфа-Фридриха къ объясненію въ тайной коммисіи, что онъ готовъ скорѣе тысячу разъ пожертвовать жизнью, нежели допустить, чтобы Швеція постыдною зависимостью заплатила его долгъ благодарности Россіи. Положеніе стараго короля было жалко; ему запретили видѣться безъ особаго разрѣшенія тайной коммисіи съ иностранными министрами и угрожали отослать его въ Германію, въ случаѣ неповиновенія. Его докторъ, Шотландецъ Блаквель, былъ осужденъ на смерть; купецъ Шпрингеръ, дѣйствовавшій въ видахъ Россіи, былъ осужденъ на пожизненное заключеніе. Наконецъ, англійскій посланникъ

былъ высланъ изъ Швеціи, и до 1763 г. не было представителя Англіи при стокгольмскомъ дворѣ. Олигархія окончательно торжествовала, и разрывъ съ Россіей готовъ былъ совершиться. Россія дѣлала приготовленія къ войнѣ, Данія тоже. Для датскаго правительства права голштинскаго дома на Шлезвигъ составляли предметъ постоянного страха, и для утвержденія за собою окончательно Шлезвига, Данія болѣе, чѣмъ когда-нибудь, старалась сблизиться съ Россіей. 10 го іюня 1746 г. заключенъ былъ въ С. Петербургѣ трактатъ о возобновленіи прежняго договора о дружбѣ и взаимной гарантіи между русскимъ и датскимъ дворами. Хотя 4-мъ артикуломъ герцогство Шлезвигъ было исключено изъ гарантіи датскихъ владѣній, однакоже Елизавета Петровна обязалась «употребить сколько возможно всѣ добрыя свои офиціи къ тому, дабы имѣющіяся между его королевскимъ величествомъ и его императорскимъ высочествомъ (Петромъ Оедоровичемъ) о выше упомянутой части герцогства Шлезвигскаго несогласія полюбовно и какъ скоро возможно прекратить». Конвенціей, заключенною того же числа въ С. Петербургѣ, условлено было о взаимной помощи на случай войны. Артикуломъ 2-мъ Россія и Данія обязались помогать другъ другу 8-ю линейными кораблями отъ 60 до 70 пушекъ и 4-мя фрегатами отъ 30 до 40 пушекъ. Артикуломъ 3-мъ Россія обязалась отправить сухимъ путемъ 12,000 войска, если Данія потребуетъ войска вмѣсто флота. Если же сухимъ путемъ невозможно будетъ отправить войска, тогда Данія должна перевезти ихъ на свой счетъ моремъ, куда будетъ нужно. Изъяснительнымъ актомъ 8-го мая 1747 года подтверждены и дополнены были условія предыдущей конвенціи. Между прочимъ, артикуломъ 5-мъ выговорено было, что русскія вспомогательныя войска никакъ не могутъ быть употреблены въ Норвегіи. Петербургскій кабинетъ давалъ надежду

Даніи возвратитъ области, уступленныя Швеціи по Роскильдскому миру. Были даже планы о низложеніи наслѣднаго принца шведскаго и о соединеніи въ рукахъ датскаго короля всей Скандинавіи. Съ своей стороны, Швеція также готовилась къ войнѣ. Она возобновила (6-го іюня 1747 г.) союзный трактатъ съ Франціей на 10 лѣтъ и получила субсидіи. Черезъ посредство Франціи также былъ заключенъ союзъ съ Пруссіей. До открытаго разрыва не дошло впрочемъ. Данія была успокоена обѣщаніемъ Адольфа-Фридриха обмѣнять, еслибы ему досталось голштинское наслѣдство, герцогство Шлезвигъ на графство Ольденбургъ и Дельменгоретъ. Россія готовилась принять участіе въ войнѣ за австрійское наслѣдство, и ей трудно было бы одновременно вести и войну съ Швеціей. Петербургскій кабинетъ отозвалъ Корфа изъ Стокгольма; но Панинъ, заступившій его мѣсто, дѣйствовалъ въ томъ же духѣ. Такъ, напримѣръ, онъ сдѣлалъ слѣдующую декларацію, которая должна была довольно странно звучать въ ушахъ представителя Россіи: «Въ Швеціи есть люди, которые замышляютъ по смерти короля ввести деспотическій образъ правленія, противъ желанія всего народа, въ видахъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ. Императрица находитъ, что исполненіе этого плана будетъ предосудительно для спокойствія сѣвера и объявляетъ, что обязана по силѣ трактатовъ 1721, 1743, 1745 годовъ употребить въ этомъ случаѣ всѣ средства, чтобы поддержать существующій доселѣ образъ правленія и соединенное съ нимъ спокойствіе на сѣверѣ». Адольфъ-Фридрихъ принужденъ былъ писать къ императрицѣ, что онъ не думаетъ объ усиленіи королевской власти и сдѣлаетъ въ этомъ же смыслѣ объявленіе, чтобы уничтожить слухи, распускаемые русскимъ посланникомъ. Со смертію стараго короля, Фридриха, и со вступленіемъ на престолъ Адольфа-Фридриха, съ 25-го марта 1751 г.,

положеніе короля и его отношенія къ господствующей олигархіи мало улучшились. Передъ коронованіемъ долженъ былъ новый король дать торжественное обѣщаніе не думать объ усиленіи своей власти. На собраніи государственныхъ сословій были утверждены новыя 24 артикула, всѣ клонящіеся къ усиленію олигархіи и къ конечному униженію королевской власти. Жалкое состояніе короля, лишеннаго всякаго значенія въ государствѣ и подвергавшагося самымъ невыносимымъ оскорбленіямъ со стороны олигарховъ, во главѣ которыхъ сталъ теперь графъ Тессинъ, возбуждало негодованіе многихъ, особенно офицеровъ и членовъ русской партіи, къ которой теперь склонялся Адольфъ-Фридрихъ. Въ 1756 г. сдѣлано было покушеніе произвести переворотъ въ пользу королевской власти; но заговоръ былъ открытъ. Графъ Эрихъ Браге, полковникъ конной гвардіи, баронъ Горнъ и двое другихъ участниковъ сложили голову на эшафотѣ, и король шведскій потерялъ и послѣднее значеніе. Россія должна была торжествовать, потому что монархическая власть, которую она не хотѣла терпѣть въ Швеціи, была окончательно подорвана и вся власть окончательно перешла въ руки продажной олигархіи. Французскому и русскому посланникамъ оставалось только не жалѣть денегъ на покупку олигарховъ.

Любопытны отношенія Россіи къ Даніи по поводу переговоровъ о Шлезвигѣ. Обнародована офиціальная переписка датскаго посланника въ С. Петербургѣ, графа Роха-Линара, брата любовника Анны Леопольдовны. Эта переписка драгоцѣнна еще и потому, что бросаетъ яркій свѣтъ на положеніе Петра Оедровича и его супруги относительно Елизаветы Петровны и стараго двора. Въ Даніи послѣ смерти благочестиваго Христиана VI, о дѣятельности котораго мы уже говорили, сдѣлался королемъ сынъ его, Фридрихъ V (1746—1766 гг.). Въ

его правленіе смягченъ былъ протестантскій ригоризмъ прежняго правленія. Общественныя увеселенія перестали считаться тяжкимъ грѣхомъ и преступленіемъ противъ государственныхъ законовъ. Покровительство наукъ и литературѣ высоко поставило Данію въ общественномъ мнѣніи. Ода Клоштока къ королю извѣстна всей Европѣ. Великолѣпныя постройки, придворная пышность, напоминавшая въ миниатюрѣ пышность и чинность Людовика XIV, придали датскому двору вышній блескъ, не совѣмъ оправдываемый внутреннимъ состояніемъ государства. И здѣсь, какъ въ Швеціи, высшее сословіе стремилось къ олигархическому устройству, хотя безъ такого успѣха. Положеніе низшаго сословія, особенно поселянъ, бывшихъ крѣпостными, было весьма тяжело. Къ чести датскаго правительства должно сказать, что уже при Фридрихѣ V было положено начало освобожденію поселянъ отъ власти поземельной аристократіи, окончательно совершившемуся при его преемникѣ. Эта благотѣльная перемѣна исходила отъ самой аристократіи. Бернсторфъ и вдовствующая королева сдѣлали многое въ своихъ помѣстьяхъ. Последняя, по совѣту графа Штольберга, даровала своимъ крестьянамъ право собственности на ихъ дома. Необходимость освобожденія еще не была вполне сознаана. Правительство часто принимало мѣры совершенно въ противномъ смыслѣ, но первое начало было сдѣлано, мысль была пущена въ ходъ, и преемникъ Фридриха V могъ совершить благотѣльный переворотъ, поставившій имя министра Бернсторфа на ряду съ именемъ Вильберфорса. Вопросъ о герцогствѣ Шлезвигскомъ становился капитальнымъ для Даніи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ герцогъ голштинскій сдѣлался наслѣдникомъ русскаго престола. Въ оборонительный трактатъ съ Маріей Терезіей 22-го мая (іюня 2-го) 1746 г. включено было первымъ секретнымъ артикуломъ повтореніе прежняго обязательства

со стороны империи (1726 г.) содействовать признанию правъ голштинскаго дома на владѣніе Шлезвигомъ. Вѣдъ было извѣстно, какую цѣну придавалъ Петръ Оеодоровичъ своимъ голштинскимъ владѣніямъ. Наслѣдникъ русскаго престола, онъ до конца своей жизни, даже будучи императоромъ, принималъ всегда близко къ сердцу голштинскіе интересы, даже болѣе, чѣмъ интересы русскоѣ имперіи. До самой трагической катастрофы, лишившей его короны и жизни, онъ оставался герцогомъ голштинскимъ. Даниі грозилъ страшная опасность, и датское министерство не щадяло усилій, чтобы еще при жизни Елизаветы уничтожить притязанія герцога голштинскаго на Шлезвигъ. Конвенціей и трактатомъ 10-го іюня 1746 г., какъ мы видѣли, Елизавета Петровна обѣщала употребить свое посредничество для полюбовнаго окончанія дѣла. Дѣятельнаго и сильнаго помощника нашло датское правительство въ лицѣ канцлера Бестужева. Столько же изъ личной непріязни къ великому князю наслѣднику, сколько и изъ политическихъ расчетовъ старался Бестужевъ не только содействовать принятію предложеній Даниі обмѣнять Шлезвигъ на графство Ольденбургъ и Дельменгосертъ, но, еслибы было возможно, и совершенному уничтоженію заграничныхъ личныхъ владѣній великаго князя. Отношенія Бестужева къ Петру Оеодоровичу представляютъ рядъ тайныхъ и явныхъ преслѣдованій и стѣсненій всякаго рода. Великій князь-наслѣдникъ вообще не пользовался общимъ расположеніемъ, и должно сознаться, что главною виною этого былъ онъ самъ. Онъ не сумѣлъ стать въ настоящее положеніе относительно новой своей родины. Въ этомъ отношеніи онъ стоялъ неизмѣримо ниже своей супруги, которая, не смотря на свою молодость, съ необыкновеннымъ тактомъ умѣла понять свои отношенія къ Россіи и примѣняться къ окружающей ее средѣ. Съ необыкновенною быстротой, настойчивымъ трудомъ,

разстроившимъ ея здоровье, она овладѣла русскимъ языкомъ. Принявъ грекороссійское исповѣданіе, она такъ хорошо ознакомилась съ новою религіею, такъ вошла въ нравы русскаго народа, такъ много и, повидному, такъ искренно обнаруживала свое усердіе къ церкви, что не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ ея православіи. Наконецъ, не смотря на всѣ интриги, она сумѣла сохранить хорошія отношенія къ императрицѣ, сумѣла подъ конецъ войти въ тѣсный союзъ съ самимъ Бестужевымъ, въ началѣ столько же враждебнымъ къ ней, какъ и къ ея мужу. У Петра Оеодоровича не было ни этой гибкости характера, ни такого ума и такта. Въ дѣтствѣ онъ не получилъ настоящаго образованія, и усилія Штелина вознаградить въ Петрѣ-Георгѣ это упущеніе остались безъ успѣха. При несомненно хорошихъ способностяхъ, при добрыхъ наклонностяхъ, Петръ Оеодоровичъ лишенъ былъ яснаго пониманія своего положенія и твердости характера. Онъ не понималъ, напримѣръ, что въ Россіи увѣренность въ православіи наслѣдника престола, въ его преданности къ русскоѣ церкви—необходимое условіе для привлеченія къ его особѣ сочувствія народа. Въ то время, когда Екатерина Алексѣевна удивляла всѣхъ своимъ благочестіемъ, Петръ Оеодоровичъ позволялъ себѣ вольныя рѣчи и выходки во вкусѣ Фридриха II; онъ не скрывалъ также и того, какъ мало цѣнилъ онъ Россію. Онъ изъявлялъ сожалѣніе въ томъ, что принужденъ былъ отказаться отъ шведской короны, гласно обнаруживъ еще разъ это же сожалѣніе, когда узналъ о вступленіи на шведскій престолъ Адольфа-Фридриха. Къ Русскимъ онъ обнаруживалъ нерасположеніе, старался окружить себя Голштинцами. Не сумѣлъ онъ также поставить себя въ хорошія отношенія къ Елизаветѣ Петровнѣ. Въ то время, какъ она ясно высказывала свою непріязнь къ королю прусскому, онъ не скрывалъ своего восторженнаго удивленія къ Фридриху II,

и въ послѣдствіи завязалъ съ нимъ втайнѣ непрерывныя сношенія, продолжавшіяся даже и во время войны Россіи съ Пруссіей. Все это не мало способствовало тому, что при дворѣ была противъ него сильная партія, среди которой не разъ обнаруживалась мысль отстранить его отъ престолонаслѣдія. Графъ Линаръ въ депешѣ отъ 14-го (23-го) декабря 1730 г. говоритъ о томъ, что въ прошломъ году, во время сильнаго припадка, случившагося въ Москвѣ съ императрицей и заставившаго опасаться за ея жизнь, многіе изъ вельможъ, на тайныхъ сходахъ, рѣшились захватить великаго князя-наслѣдника и его супругу и возвести на престолъ Ивана Антоновича. О подобныхъ замыслахъ намъ придется еще говорить не разъ. Бестужеву можно было, опираясь почти на общее нерасположеніе къ Петру Федоровичу, преслѣдовать его мелочными оскорбленіями, отдалять отъ него людей, ему преданныхъ, и окружать его своими креатурами, передававшими ему каждый шагъ великаго князя. Большая часть Голштинцевъ, пріѣхавшихъ съ великимъ княземъ въ Россію, была удалена. Такъ въ 1746 году высланы были гофмаршалъ Брюмеръ и камергеръ Берггольцъ. Въ 1747 г., по приказу Елизаветы Петровны, отосланы были въ Голштинію оберъ-егермейстеръ Бредалъ, камергеръ Дюккеръ, камеринтендантъ Крамеръ и даже купецъ Шриверъ, имѣвшій званіе голштинскаго придворнаго комиссіонера и часто помогавшій великому князю въ его затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. При дворѣ оставлены были голштинскій министръ Пехлинъ и камергеръ Брёмбзенъ, и то потому, что они были въ хорошихъ отношеніяхъ съ Бестужевымъ. Главнымъ лицомъ при дворѣ великаго князя явился камергеръ Чоголковъ, мужъ графини Генриковой, человекъ безъ способностей и образованія, но зато тѣломъ и душой преданный канцлеру. Наконецъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, удаленъ былъ изъ Россіи (въ іюнѣ

1747 г.) и принцъ Августъ Голштинскій, жившій въ Россіи съ начала 1744 года и находившійся въ самыхъ тѣсныхъ, дружескихъ отношеніяхъ съ великимъ княземъ. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ и самыхъ вліятельныхъ противниковъ принятія датскихъ предложеній и всего болѣе мѣшалъ планамъ Бестужева. Такъ какъ онъ былъ назначенъ администраторомъ герцогства Голштинскаго, то легко было заставить его переѣхать въ Голштинію для личнаго управленія ею. При отъѣздѣ ему пожаловали осыпанный брилліантами орденъ Андрея Первозваннаго, 10,000 рублей на путевыя издержки и 15,000, какъ особый подарокъ, и вообще знаками милости, расположенія старались прикрыть его удаленіе изъ Россіи. Теперь Бестужеву можно было дѣйствовать въ пользу Даниі. Шлезвигское дѣло состояло въ слѣдующемъ. Въ 1720 г. Карлъ-Фридрихъ, герцогъ Голштейнъ-Готторпскій, получилъ родовую часть Голштинскаго герцогства, но часть герцогства Шлезвигъ, также ему принадлежащая, была удержана датскимъ королемъ. Въ теченіе 14 лѣтъ не переставалъ Карлъ-Фридрихъ протестовать противъ такого незаконнаго лишенія. Секретнымъ артикуломъ 24-го марта 1724 г. Швеція и Россія обязались способствовать возвращенію ему Шлезвига. Петръ Великій обручилъ голштинскому герцогу свою дочь Анну и, вѣроятно, оружіемъ возстановилъ бы его права, еслибы смерть не помѣшала ему. Екатерина I исполнила волю супруга, выдала дочь свою за Карла-Фридриха и включила въ трактатъ съ Австріей въ 1726 г. обязательство помогать ему въ полученіи Шлезвига. Датскій король (Фридрихъ IV) предлагалъ герцогу денежное вознагражденіе за Шлезвигъ, но тотъ отказался. Онъ имѣлъ надежду составить изъ владѣній Голштиніи, Бремена, Вердена, Ольденбурга и Дельменгорста 10-е курфюршество. Смерть Екатерины I снова разрушила его надежды. Правда, духовнымъ завѣщаніемъ она назначила герцога

голштинскаго членомъ регентства и поручила своимъ преемникамъ заботиться объ его интересахъ; но Меншиковъ заставилъ герцога выѣхать изъ Россіи и дѣйствовалъ противъ него. При Аннѣ Ивановнѣ заключенъ былъ въ 1732 г. договоръ съ Даніей, по которому Анна Ивановна обязалась оставить герцога на произволъ судьбы, если онъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, не согласится принять 1,000,000 риксдалеровъ, какъ вознагражденіе за Шлезвигъ. Карлъ-Фридрихъ отказался принять вознагражденіе и, умирая въ іюнѣ 1739 г., завѣщалъ своему сыну не оставлять права на родовое владѣніе. Со вступленіемъ на престолъ Елизаветы Петровны, положеніе Даніи было весьма опасно. Съ одной стороны, сынъ Карла-Фридриха слѣдался, съ именемъ Петра Ѳеодоровича, наследникомъ русскаго престола, съ другой—ближайшій родственникъ покойнаго герцога, Адольфъ Фридрихъ, наследникомъ шведскаго престола. Надобно было, во что бы то ни стало, кончить дѣло, прежде нежели права этихъ претендентовъ будутъ подкрѣплены всѣми силами Россіи и Швеціи. Со стороны Швеціи удалось отстранить опасность. Прелиминарными статьями, подписанными въ Копенгагенѣ 7-го августа 1749 г. и обращенными въ окончательный трактатъ 25-го апрѣля 1750 г., Адольфъ-Фридрихъ обязался, въ случаѣ, если къ нему перейдетъ наследство голштинское, промѣнять свои права на Шлезвигъ за Ольденбургъ и Дельменгорстъ и за денежное вознагражденіе. Не такъ легко было кончить съ Петромъ Ѳеодоровичемъ. Графу Липару поручено было вести переговоры, и онъ долженъ былъ предлагать въ обмѣнъ за Шлезвигъ графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ, приносившія столько же дохода, какъ и Шлезвигъ, и къ тому же свободныя отъ долговъ, и сверхъ того отъ 1½ до 2-хъ милліоновъ риксдалеровъ одновременнаго вознагражденія. Елизавета Петровна формально обязалась употребить «свои добрыя

оффиціи» для склоненія великаго князя къ обмѣну. Бестужевъ не щадилъ усилій. Онъ былъ теперь на верху могущества. Въ 1748 г. ему удалось погубить въ мѣншіи императрицы графа Лестока и отправить его въ ссылку. Баронъ Пехлинь, голштинскій министръ при Петрѣ Ѳеодоровичѣ, былъ на сторонѣ Россіи. Но великій князь упорно стоялъ на своемъ намѣреніи исполнить волю отца и сохранить въ своемъ домѣ Шлезвигъ. Пехлинь не имѣлъ у него довѣренности и очень рѣдко видѣлся съ нимъ. Екатерина Алексѣевна, на нѣкоторое время получившая рѣшительное вліяніе надъ умомъ своего супруга, поддерживала его въ этомъ сопротивленіи и помогала ему выпутываться изъ интригъ, которыми старался опутать его Бестужевъ. Петръ разсчитывалъ сверхъ того на содѣйствіе прусскаго короля, и канцлеръ напрасно старался внушить ему черезъ своихъ приверженцевъ, что прусскій король не потерпитъ, чтобы Россія твердою ногой встала въ Германіи. Великому князю помогали въ его сопротивленіи также и нѣкоторые противники Бестужева, напримѣръ, графъ Воронцовъ. Бестужеву удалось довести императрицу до того, что она черезъ Чоглокова запретила Екатеринѣ мѣшаться въ это дѣло, но, не смотря на старанія внушить императрицѣ болѣе сильныя мѣры, весь успѣхъ Бестужева ограничивался тѣмъ, что она грозила иногда поступить съ великимъ княземъ такъ, какъ Петръ съ Алексѣемъ Петровичемъ. А отъ угрозъ до дѣйствительности было слишкомъ далеко при слабости, безпечномъ характерѣ Елизаветы Петровны. Петръ Ѳеодоровичъ наотрѣзъ отказался отъ обмѣна, и въ 1752 г. переговоры были прерваны.

Это была, повидимому, побѣда великаго князя надъ его сильнымъ противникомъ. Но этотъ успѣхъ, объясняемый только отвращеніемъ императрицы отъ всякихъ сильныхъ мѣръ, требовавшихъ ея личнаго участія въ нихъ, нисколько не улучшилъ

его положенія. Напротивъ, съ каждымъ днемъ Петръ Ѳедоровичъ все дальше и дальше отходилъ отъ стараго двора, теряя своихъ союзниковъ, заключааясь въ тѣсномъ кругѣ своихъ приближенныхъ и терпя всевозможныя оскорбленія. Его собственная безхарактерность и происки враговъ ставили его въ то ложное и нестерпимое отношеніе къ Россіи, изъ котораго онъ не могъ выйти и которое привело его къ гибели. Бестужевъ не спускалъ нина минуту глазъ съ своего противника. Перехватываніе и вскрытіе писемъ было однимъ изъ вѣрныхъ средствъ, которыми пользовался онъ, чтобы уничтожить мало по малу, и безъ того уже колебавшееся, расположеніе императрицы къ ея наслѣднику. Канцлеръ дѣйствовалъ съ замѣчательною наглостію. Голштинскій офицеръ, возвращавшійся изъ Россіи въ Киль и везшій письма Екатерины къ ея матери, былъ остановленъ и письма были отобраны подъ предлогомъ, что перевозъ писемъ путешественниками лишаетъ почтовое вѣдомство доходовъ. Письма были отосланы по адресу, но копіи съ нихъ остались въ рукахъ Бестужева, который сообщилъ императрицѣ жалобы молодого двора и его неудовольствіе противъ правительства. Въ сентябрѣ 1751 года Петръ Ѳедоровичъ съ тактомъ, котораго трудно было ждать отъ него, избѣжалъ опасности. Нѣсколько солдатъ составили заговоръ, цѣлю котораго было свергнуть Елизавету Петровну и возвести Петра Ѳедоровича. Къ счастью, великій князь понялъ тотчасъ всю опасность своего положенія и немедленно далъ знать императрицѣ о слѣланномъ имъ открытіи. Виновные были схвачены и разосланы по дальнимъ гарнизонамъ. Повидному, Петръ Ѳедоровичъ доказалъ чистоту своихъ намѣреній и преданность къ Елизаветѣ Петровнѣ. Но тѣмъ не менѣе на него стали смотрѣть еще подозрительнѣе. Безъ участія въ дѣлахъ государственныхъ, опутанный со всѣхъ сторонъ враждебными интригами, стѣсненный во всѣхъ

своихъ дѣйствіяхъ, печально проводилъ онъ зиму въ Петербургѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая весны, принесившей ему больше свободы и возможность жить посвоему. Онъ спѣшилъ въ подаренный ему Ораниенбаумъ. Тамъ онъ имѣлъ небольшой отрядъ голштинскихъ войскъ и нѣсколько русскихъ, отданныхъ въ его распоряженіе императрицею и составлявшихъ гарнизонъ Ораниенбаума. Съ ними онъ весь предавался своей страсти къ военнымъ экзерциціямъ. Въ Ораниенбаумѣ выстроены были каменные казармы. Инженеры построили по планамъ Петра небольшую крѣпость по всѣмъ правиламъ военного искусства. Внутри находился столь же миниатюрный дворецъ великаго князя. Здѣсь ему была полная воля отдаться удивленію къ Великому Фридриху, вводить прусскую одежду и прусскіе ружейные приемы, копировать рабски свой недостагаемый образецъ и разыгрывать недостойную его роль прусскаго офицера. Петръ Ѳедоровичъ съ увлеченіемъ мѣнялъ скучную и тяжелую для него придворную жизнь на казарменное общество и привычки. Въ обществѣ разгульных нѣмцевъ и голштинскихъ офицеровъ онъ принималъ самъ дурныя привычки казарменной жизни. Съ трубкой и за стаканомъ онъ забывалъ съ ними свое настоящее положеніе. Въ 1752 году онъ потерялъ и послѣдняго надежнаго руководителя, который могъ бы съ одной стороны сдерживать его, съ другой зорко смотрѣть за его интересами. Здѣсь не мѣсто останавливаться на изслѣдованіи причинъ, которыя произвели охлажденіе между великимъ княземъ и его супругою. Самый фактъ не подлежитъ сомнѣнію. Охлажденіе, особенно со стороны Екатерины, ясно уже опредѣлилось въ то время, когда, повидному, прочно закрѣплялся рожденіемъ Павла Петровича (1-го октября 1754 г.) супружескій союзъ, до сихъ поръ остававшійся безплоднымъ. Еще Петру Ѳедоровичу не приходило на мысль подозрѣніе, а уже интересы его супруги были

въ тайнѣ отдѣлены отъ его интересовъ. Между Екатериной и неумолимымъ преслѣдователемъ великаго князя, Бестужевымъ, былъ уже заключенъ въ глубокой тайнѣ союзъ, который скрѣплялся все болѣе и болѣе. Потерявъ довѣріе Екатерины, Петръ терялъ самаго вѣрнаго защитника противъ замысловъ враговъ, окончательно предоставлялся собственнымъ силамъ и собственному уму, а у него, какъ мы знаемъ, не доставало ни сознанія своего положенія, ни такта. Къ прежнимъ интригамъ, занимавшимъ дворъ и высшихъ сановниковъ, прибавились новыя. Время семилѣтней войны, безъ сомнѣнія, самое темное въ царствованіе Елизаветы Петровны время, когда воплѣтная интрига, губившая политическую нравственность высшаго сословія и тяжелымъ гнетомъ падавшая на государство, окончательно завладѣла правленіемъ.

Не для одной Россіи семилѣтняя война была высшимъ пунктомъ, до котораго могло достигъ господство интриги и частныхъ интересовъ, забвеніе всѣхъ государственныхъ интересовъ. Въ исторіи европейской дипломатіи нѣтъ періода болѣе позорнаго, болѣе лишеннаго внутренняго смысла, чѣмъ время, предшествовавшее великой борьбѣ короля прусскаго противъ соединенныхъ силъ почти всей Европы. Намъ должно нѣсколько остановиться на причинахъ и тайныхъ побужденіяхъ, породившихъ эту войну, остановиться столько же для того, чтобы понять отношенія Россіи къ европейскимъ державамъ, сколько и для того, чтобы убѣдиться, что то несчастное направленіе, которому отдалась Россія на время, было общимъ во всей Европѣ и тамъ проявлялось еще съ большею свободой и наглостью, нежели у насъ. Намъ не удивлять быстрые переходы Россіи отъ одного союза къ другому, продажность канцлера и другія возмутительныя явленія, когда мы посмотримъ въ то, что происходило въ другихъ государствахъ, не имѣвшихъ оправданія въ новости своего политическаго европейскаго значенія.

Ахенскій миръ, порожденный тою же частной интригой, какъ и самая война, окончившаяся имъ, не рѣшилъ ни одного изъ вопросовъ европейской политики. Не только имъ не уничтожилась возможность близкой войны въ Германіи, гдѣ еще разъ Австрія и Пруссія готовились схватиться за владѣніе Силезіею и, пользуясь имъ, только собирали силы для послѣдней ожесточенной борьбы, имъ не рѣшались даже такіе вопросы, которые могли бы быть окончательно уничтожены при сколько-нибудь меньшей поспѣшности, при сколько-нибудь большемъ вниманіи французскаго правительства къ интересамъ государственнымъ. Въ 1753 и 1754 годахъ Французы и Англичане уже сражались въ Сѣверной Америкѣ, прежде чѣмъ была объявлена война между обоими государствами. Споры за владѣнія въ Сѣверной Америкѣ, ускорившіе начало повой общеевропейской войны, начаты были давно уже. Канада и Лузіана принадлежали тогда Франціи. И Франція и Англія объявляли притязанія на пустынные тогда берега Миссисипи и Огіо, гдѣ не было твердыхъ европейскихъ поселеній и гдѣ бродили племена Индійцевъ. За границы Акадіи или Новой Шотландіи шелъ также давній споръ между обоими государствами. Утрехтскимъ миромъ Акадія по старымъ границамъ перешла къ Англіи, но эти старыя границы были неопредѣленны, и при ахенскомъ мирѣ уполномоченные Франціи слишкомъ спѣшили заключеніемъ, чтобы остановиться на интересахъ своихъ колоній. Между тѣмъ точное обозначеніе границъ было необходимо. Торговля мѣхами влекла въ лѣса Америки и французскихъ и англійскихъ промышленниковъ, сталкивавшихся враждебно. Вновь учрежденная Англіей, правительствомъ патентованная огійская компанія стремилась исключительно завладѣть торговлей съ Индійцами. Французы основаніемъ фортовъ при озерахъ Эріо и Онтарио, на Огіо и Миссисипи думали положить предѣлъ распространенію

англійской торговли. Съ обѣихъ сторонъ дошло до открытыхъ схватокъ. Смерть Пельгама и перемѣна въ англійскомъ министерствѣ еще болѣе усилили враждебныя отношенія, переговоры не послужили ни къ чему. Въ январѣ 1755 г. англійскія войска, присланныя изъ Европы, оружіемъ хотѣли вытѣснить Французовъ изъ ихъ укрѣпленій. Первая попытка была неудачна и только туземныя милиціи, подъ начальствомъ знаменитаго въ послѣдствіи Вашингтона, спасли англійскій отрядъ отъ совершеннаго истребленія. Враждебныя дѣйствія начались. Англійскіе корабли начали захватывать французскія купеческія суда. Болѣе 300 судовъ захвачено въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. На рѣкѣ Св. Лаврентія Англичанамъ удалось даже взять 2 французскихъ линейныхъ корабля. Два форта на границахъ Новой Шотландіи также достались въ ихъ руки, и Французы были вытѣснены изъ этихъ странъ. Война вскрылась; стороны старались пріобрѣсть союзниковъ. При всѣхъ европейскихъ державахъ начались тайныя переговоры, темныя сдѣлки. На Германію преимущественно было обращено вниманіе обѣихъ державъ. Въ Ганиверѣ думала Франція нанести самый чувствительный ударъ Георгу II. Всѣ усилія англійскаго министерства были направлены на то, чтобы обезопасить нѣмецкія владѣнія своего короля. Мелкимъ государствамъ Германіи открылся просторъ въ продажѣ тому или другому государству крови своихъ подданныхъ. Открытая торговля приняла широкій размѣръ. Гессенъ, Гота, нѣкоторыя другія владѣнія продали своихъ солдатъ Англіи. Баварія взяла съ Георга II 10,000 фунтовъ стерлинговъ и въ то же время обязалась выставить на помощь Франціи 6,000 человекъ. Кельнъ и Пфальцъ были куплены Франціею.

Не въ мелкихъ государствахъ Германіи искали, впрочемъ, враги своихъ главныхъ союзниковъ. Это была мелочная торговля, рядомъ съ которою шли болѣе серьезныя сдѣлки. Австрія и Пруссія

своими силами могли дать рѣшительный перевѣсъ той или другой сторонѣ. вмѣстѣ дѣйствовать онѣ, очевидно, не могли и должны были встрѣтиться врагами. Оставалось рѣшить, какъ онѣ разберутъ роли въ этой кровавой драмѣ. Повидному, ихъ отношенія къ той и другой враждующей сторонѣ были опредѣлены заранѣе съ полною ясностію. Естественною союзницею Англіи явилась Австрія; Пруссія должна была примкнуть къ Франціи. Такъ дѣйствовали онѣ въ предыдущей войнѣ; такъ, казалось, онѣ должны были дѣйствовать и теперь. Трудно было предвидѣть возможность, напиримѣръ, союза Австріи съ Франціею. Это было бы забвеніе вѣковой политики обѣихъ государствъ, вѣковой вражды Габсбургскаго дома съ Франціею. Трудно также, хотя не въ такой степени, было бы сближеніе Пруссіи съ Англіею. Кромѣ личнаго, взаимнаго нерасположенія англійскаго и прусскаго королей, между ихъ государствами были споры, до тѣхъ поръ не рѣшенные, ставившіе ихъ въ непріязненныя отношенія другъ къ другу. Дѣло о прусскихъ корабляхъ, захваченныхъ еще до ахенскаго мира англійскими каперами, еще тянулось, и было повидному, далеко отъ мирнаго разрѣшенія. Ни при дворахъ, ни въ министерствахъ не было почти сомнѣнія въ томъ, чью сторону возьмутъ эти два главнѣйшія германскія государства. Между тѣмъ Пруссія и Австрія съ пользою употребляли мирное время. Пруссійскій король, имѣвшій въ казні, при заключеніи дрезденскаго мира, по собственному признанію, только 13,000 экю, дѣятельно занялся устройствомъ финансовъ и арміи. Умными распоряженіями онъ не только успѣлъ поправить разстроенное войною состояніе своего небольшого государства, но въ виду новой войны онъ являлся съ силами значительнѣе прежнихъ. Австрія, не оставлявшая никогда надежды на возвращеніе Силезіи, обнаружила небывалую дѣятельность и движеніе. Рутинная система австрійской монархіи поколебалась передъ

волею и умѣньемъ Маріи-Терезіи. Самъ противникъ ея отдастъ въ своихъ сочиненіяхъ полную справедливость ея правленію. Все, что возможно было сдѣлать, не разрушая вполне вѣковаго строя Австріи, было сдѣлано. Чопорное и чинное министерство дѣйствовало съ обычною медленностію, но уже выходилъ на сцену Кауницъ и его невидимое вліяніе начинало уже пересиливать вліяніе признанныхъ членовъ управленія. Пятый и младшій членъ конференціи министровъ, Кауницъ, владѣлъ довѣренностію Маріи-Терезіи и, оставляя своимъ знатымъ товарищамъ всю виѣшность власти, былъ тѣмъ не менѣе двигателемъ всѣхъ важныхъ рѣшеній; уже на сѣздѣ въ Ахенѣ ему пришла мысль измѣнить совершенно отношенія европейскихъ государствъ и въ союзъ съ Франціей подавить ненавистную Пруссію. Безъ обнародованія тайной дипломатической переписки невозможно составить понятіе объ этихъ интригахъ, которыя оставались тайной даже для министровъ тѣхъ государствъ, между которыми велись онѣ, и которыя разрѣшились тѣмъ невѣроятнымъ союзомъ между Франціей и Австріей, котораго обнародованіе поразило всю Европу. Въ то время, когда французское министерство было вполне убѣждено въ искреннемъ и прочномъ союзѣ вѣйскаго и лондонскаго дворовъ, когда никто не могъ представить себѣ возможности сближенія между Австріей и Франціей, Кауницъ полагалъ невидимое основаніе этого сближенія. Дѣло началось въ Вѣнѣ. Французскій посланникъ и въ особенности тайный агентъ г-жи Помпадуръ были окружены самой внимательной предупредительностію. Въ 1750 г. самъ Кауницъ въ качествѣ посланника отправился въ Парижъ, чтобы войти въ непосредственныя сношенія съ всемогущею любовницею короля. Въ интимныхъ собраніяхъ въ Версали и въ остроумныхъ салонахъ парижскихъ Кауницъ игралъ двойную роль роскошнаго придворнаго и философа. Въ 1753 г. онъ оставилъ

Францію, передавъ Штерембергу, какъ офиціальное званіе австрійскаго посланника, такъ и роль тайнаго посредника между Маріей-Терезіей и г-жею Помпадуръ. Дочь Карла VI пожертвовала своею гордостію своею ненависти противъ Фридриха II. Собственноручнымъ письмомъ къ королевской наложницѣ, которую называла она та *cousine*, она окончательно склонила ее на свою сторону. Тщеславіе Помпадуръ не могло устоять противъ этого доказательства дружбы и уваженія со стороны гордой императрицы, извѣстной сверхъ того строгостію своихъ принциповъ. Тогда-то началась эта секретная корреспонденція, обманувшая всю Европу. Ни французское, ни австрійское министерства не выходили изъ обычной колеи. Не только товарищи Кауница, самъ супругъ Маріи-Терезіи не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія о томъ, какія новыя, небывалыя отношенія завязывались между Австріей и Франціей. Посланники играли самую двусмысленную роль. Штерембергъ изъ Парижа, маркизь де Готфоръ изъ Вѣны посылали въ одно и то же время одну депешу для министерства, другую для лицъ, знавшихъ тайну; между обѣими не было ничего общаго. Какъ дорого стоили государству эти подземныя интриги, видно изъ того, что французскій посланникъ въ Вѣнѣ, сверхъ обыкновеннаго ежегоднаго содержанія въ 250,000 ливровъ, сверхъ одновременно полученныхъ имъ въ 1751 г. 40 т. для праздника, по случаю рожденія герцога Бургундскаго, оказался долженъ при своемъ отъѣздѣ еще 180,000 ливровъ, которые и были выплачены французскимъ правительствомъ. Между тѣмъ прежнія дружественныя отношенія вѣйскаго двора къ Англіи, по всей видимости, не подверглись никакому измѣненію, и англійское министерство тѣмъ болѣе могло надѣяться на продолженіе союза, что давній опытъ убѣдилъ въ его необходимости для Австріи. Несмотря на обширность и богатство производительныхъ силъ, Австрія не могла сдѣлать

шагу безъ англійскихъ субсидій. Какъ для Франціи въ высшей степени желательна была война на континентѣ, точно также всѣ интересы Англій требовали сохраненія мира въ Германіи. Ганноверскія владѣнія англійскаго короля были всегда болѣзненнымъ мѣстомъ въ англійской политикѣ, и всѣ усилія англійскаго министерства были направлены къ тому, чтобы отдалить отъ нихъ военныя дѣйствія, избѣжать, во что бы то ни стало, войны на континентѣ Европы. Не подвержены были еще сомнѣнію и дружественныя отношенія Пруссіи къ французскому кабинету. Союзный трактатъ между обоими государствами, заключенный въ Бреславлѣ въ 1841 г., долженъ былъ кончиться въ іюнѣ 1756 г., и не было, повидимому, никакихъ препятствій для его возобновленія.

Не въ одной, впрочемъ, Германіи сосредоточивалось вниманіе воюющихъ державъ: не менѣе важный узелъ завязывался въ Россіи. Предполагая возможность вывести Россію изъ ея бездѣйствія, ея внимательства въ дѣла западной Европы могли дать рѣшительный перевѣсъ той или другой сторонѣ. Мы должны обратиться къ отношеніямъ петербургскаго кабинета къ другимъ державамъ. Какъ дипломатическая переписка графа Ливара служить главнымъ источникомъ для объясненія голштинскихъ переговоровъ, точно также донесенія англійскихъ посланниковъ, впервые приведенныя въ извѣстность Раумеромъ (*Beiträge zur neueren Geschichte*) въ 1836 г. и извлеченныя изъ 75 фоліантовъ, относящихся до Россіи, бросаютъ яркій свѣтъ на это темное время. Въ дипломатическихъ сношеніяхъ мы можемъ найти и драгоценныя подробности о постановкѣ придворныхъ партій, много важныхъ указаній на внутреннее состояніе государства и общества, въ особенности же на нравы. Къ сожалѣнію, это источникъ, почти вовсе еще неразработанный. По всѣмъ донесеніямъ англійскихъ министровъ, Елизавета совершенно не занималась

дѣлами. Никакія усилія канцлера не могли довести ее до скораго рѣшенія. Трудно даже было получить отъ нея аудіенцію и говорить о дѣлахъ. Все шло черезъ лицъ, пользовавшихся ея довѣренностію, и на склоненіе ихъ на свою сторону должно было обратитъ преимущественное вниманіе иностранныхъ агентовъ. Въ Елизаветѣ Петровнѣ, впрочемъ, была одна живая струна, это—ненависть къ королю прусскому, ненависть личная, которую безпрестанно раздували ея приближенные изъ своихъ выгодъ. Къ прежнимъ лицамъ, имѣвшимъ на нее сильное вліяніе, прибавилось еще одно, на время отстранившее даже стараго любимца Елизаветы, Алексѣя Разумовскаго. Это былъ извѣстный Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Бестужевъ рѣдко видалъ Елизавету Петровну. Его бумаги, представляемыя къ ней, были передаваемы Шувалову, и его мнѣніе имѣло рѣшительное вліяніе. Уже въ февралѣ 1755 г. англійскій посланникъ Гюй-Диккенсъ доносилъ своему двору, что одна изъ главныхъ причинъ неуспѣха Бестужева заключается въ его лѣни, что онъ рѣдко видитъ императрицу и пропускаетъ единственно удобный случай видѣть ее у Разумовскаго. Теперь надобно было вести дѣло черезъ Шувалова. Для интересовъ Англій невыгодно было пристрастіе новаго любимца къ Франціи и Французамъ. Замѣчательна постановка молодого двора. Великій князь, какъ извѣстно, былъ жаркій приверженецъ прусскаго короля, съ которымъ онъ находился въ тайной перепискѣ. Екатерина Алексѣевна, теперь сблизившаяся съ Бестужевымъ и получившая, по свидѣтельству англійскихъ агентовъ, довольно сильное вліяніе на придворныхъ, которые или любили ее, или боялись, по во всякомъ случаѣ старались сохранить ея расположеніе, имѣла свои политическія убѣжденія, которыя она старалась внушить и окружающимъ. Не будучи столь привержена къ прусскому королю, какъ ея супругъ, она и не была,

впрочемъ, столь предубѣждена противъ союза съ Пруссіей, какъ императрица, и скорѣе была за сближеніе съ этимъ государствомъ. Гораздо, впрочемъ, яснѣе высказывалось ея нерасположеніе къ Франціи и убѣжденіе въ необходимости союза съ Англіей. Въ ней находилъ поэтому англійскій посланникъ надежнаго союзника. Бестужевъ, какъ мы знаемъ, былъ давно враждебенъ Франціи и преданъ вѣнскому и англійскому дворамъ. Пока не было сомнѣній въ дружбѣ между этими двумя государствами, роль его была проста и естественна; она становилась двусмысленною и трудною, какъ скоро старые союзники встрѣтились врагами. Заключение дружественнаго договора между Англіей и Россіей не встрѣтило большихъ затрудненій. Англійскій посланникъ Вильямсъ имѣлъ на своей сторонѣ не одного Бестужева. Въ своей депешѣ отъ 4-го іюля 1755 г. онъ доноситъ, что ему удалось пріобрѣсти и вице-канцлера Воронцова. Рѣшительное вліяніе на Воронцова имѣлъ Олсуфьевъ. «Воронцовъ, доноситъ Вильямсъ, говоритъ только то, что внушено ему Олсуфьевымъ. За 1,500 дукатовъ наличными и за 500 фунт. ежегодно можно пріобрѣсти Олсуфьева и, какъ я полагаю, сдѣлать изъ него хорошее употребленіе. Точно также же вліяніе имѣетъ на Воронцова и саксонскій посланникъ Функъ. Онъ вѣрно служитъ своему двору, но слишкомъ 2 года не получаетъ содержанія, а потому часто нуждается. Онъ будетъ служить англійскому королю за ту же сумму, какъ и Олсуфьевъ.» Въ другой депешѣ мы находимъ, что Вильямсъ за 500 фунт. одновременно и за 250 ежегоднаго жалованья купилъ также и Волкова, тайнаго секретаря Бестужева. Въ донесеніяхъ Вильямса мы найдемъ и много другихъ указаній на подобныя средства склоненія на свою сторону вліятельныхъ лицъ петербургскаго двора. Не много найдется людей, чистыхъ отъ подкуповъ, и въ высшей степени

интересно было бы составить по донесеніямъ иностранныхъ пословъ списокъ суммъ, переданныхъ разнымъ лицамъ. По нему можно бы было составить ясное понятіе не только о нравахъ тѣхъ временъ, но и о степени вліянія того или другаго лица на дѣла государственныя. 19-го сентября 1755 г. ст. ст. заключена была въ С. Петербургѣ конвенція между Бестужевымъ и Воронцовымъ съ одной стороны и Вильямсомъ съ другой. Ею возобновленъ былъ союзъ, заключенный въ декабрь 1742 года. Второю статьею положено было, что Россія обязуется помогать Англіи 53,000 войска, то-есть 40 т. пѣхоты и 15 т. конницы, которыя и будутъ содержать наготовѣ въ Лифляндіи. Третьею статьею Россія обязалась также содержать наготовѣ отъ 40 до 50 галеръ для перевоза войска. Четвертая статья обязала Россію двинуть сухимъ путемъ 45 т. по первому требованію сдѣлать 10 т. десанта, куда будетъ нужно. Пятою статьею Россія обязуется считать нападенія на ганноверскія владѣнія короля за *casus foederis*. Шестою статьею Англія обязалась платить Россіи ежегодно по 500 т. фунтовъ стер., считая съ того дня, когда русскія войска выступятъ изъ русскихъ областей по требованію Англіи. 13-я статья опредѣляла, что конвенція будетъ продолжаться 4 года (П. С. З. № 10464 и прил. къ XIV т.). Повидимому, цѣль Англіи была достигнута вполне. Бестужевъ получилъ обычный подарокъ въ 10,000 фунт. стер. Воронцову былъ сдѣланъ тоже подарокъ. Главною цѣлью Англіи было обезпечить нѣмецкія владѣнія своего короля. Договоромъ съ Россіей она вовсе не хотѣла войны, но думала сдержать прусскаго короля, отъ котораго, какъ отъ предполагаемаго союзника Франціи, всего скорѣе можно было опасаться вторженія въ Ганноверъ. Страхъ нападенія 55-тысячнаго корпуса Русскихъ долженъ былъ внушить ему болѣе миролюбивыя намѣренія. Трактатъ былъ направленъ

преимущественно противъ Фридриха, и англійскій посланникъ заодно дѣйствовалъ съ австрійскимъ дворомъ, не предугадывая, что работаетъ для своего врага противъ будущаго союзника. Во всѣхъ депешахъ Вильямса, немедленно послѣ заключенія договора, видна радость и увѣренность. Скоро, впрочемъ, эта увѣренность начала колебаться. 19-го февраля 1756 г. доносить онъ своему двору: «Договоръ съ Англіей лежитъ вотъ уже пять недѣль на письменномъ столѣ императрицы, и я съ горестью долженъ видѣть, что она держитъ себя такъ, что ни одинъ изъ канцлеровъ не смѣетъ напомнить ей о подписаніи договора. Многіе изъ вельможъ открыто дѣйствуютъ противъ Англіи, напримѣръ Петръ Шуваловъ, за то, что не получилъ никакого подарка, а онъ совершенно управляетъ молодымъ любимцемъ, Иваномъ Шуваловымъ». Наконецъ, 14-го февраля (25-го февраля) подписала императрица договоръ, но съ ограниченіемъ совершенно неожиданнымъ. Она обязалась соблюдать договоръ въ случаѣ нападенія короля прусскаго на владѣнія Англіи или на ея настоящихъ союзниковъ. Этимъ ограниченіемъ, сдѣланнымъ въ комнатахъ Шувалова помимо обоихъ канцлеровъ, договоръ терялъ свою обязательную силу во всѣхъ другихъ случаяхъ, дѣлался, слѣдовательно, бесполезнымъ при тѣхъ перемѣнахъ въ европейской политикѣ, которыя уже начинало готовить англійское министерство. Англія истратила огромныя суммы денегъ, но выиграла одна Австрія, ненадежная ея союзница.

Двусмысленное поведеніе вѣнскаго кабинета заставляло англійское министерство искать другихъ обезпеченій нѣмецкихъ владѣній Георга II. Сдѣланъ былъ шагъ къ сближенію съ Пруссіей. Положеніе Фридриха было весьма затруднительно. Относительно враждебныхъ намѣреній Англіи онъ не могъ имѣть

ни малѣйшаго сомнѣнія. Онъ получилъ черезъ Вейнгартена, подкупленнаго секретаря австрійскаго посольства въ Берлинѣ, и черезъ Менцеля, чиновника тайной канцеляріи въ Дрезденѣ, вѣрныя извѣстія о всѣхъ планахъ, составляемыхъ противъ него. Съ другой стороны, еще менѣе можно было сомнѣваться въ личной ненависти къ нему русской императрицы. Уже въ 1750 году русскій уполномоченный въ Берлинѣ, Гроссъ, выѣхалъ изъ Пруссіи. Фридрихъ искренно желалъ сохраненія мира. Ему оставалось выбирать между Франціей и Англіей. Въ своей «Исторіи семилѣтней войны» (Oeuvres, IV, 30) онъ такъ говоритъ о своемъ положеніи: «Возобновляя союзъ съ Франціей, ему приходилось бороться съ силами Англіи, Австріи и Россіи; напротивъ, заключивъ союзъ съ Англіей, онъ могъ надѣяться, что Французы не начнутъ войны въ Германіи, и Пруссія, въ соединеніи съ Англіей и Россіей, можетъ уничтожить въ Маріи-Терезіи желаніе завладѣть Силезіей, какъ бы велико оно ни было. Прежде, однако, нежели рѣшиться на этотъ важный шагъ, онъ желалъ имѣть увѣренность въ искренности союза Англіи съ Россіей. Англійское министерство дало ему самыя положительныя увѣренія. 16-го января 1756 г. былъ заключенъ поэтому трактатъ между Фридрихомъ II и Георгомъ II, извѣстный подъ именемъ вестминстерскаго. Вскорѣ послѣ того явился въ Германію французскій посланникъ, герцога Нивернуа, для возобновленія союзнаго договора съ Франціей и для убѣжденія короля къ вторженію въ Ганноверъ. Фридрихъ Великій показалъ ему договоръ съ Англіею. Въ то же время вскрылась, къ удивленію всей Европы и самого императора германскаго, мужа Маріи-Терезіи, тайна сношеній Кауница съ г-жею Помпадуръ. 1-го мая 1756 г. былъ подписанъ въ Версалѣ союзный договоръ между Австріей и Франціей. 17-го мая объявлена война Франціи со стороны Англіи, а 9-го іюня Англія со стороны Франціи. Дѣла запутались въ высшей

степени. Англійское министерство, неблагоприятно возбуждавшее неприязнь Елизаветы Петровны къ Фридриху II, должно было употребить теперь всю дипломатическую ловкость, чтобы уничтожить это нерасположеніе и дать заключенному съ Россіей договору толкованіе, сообразное съ настоящими интересами Англии. Съ другой стороны, Австрія, постоянно заботившаяся о разрывѣ Россіи съ Франціей, сдѣлалась теперь посредницей между версальскимъ и с. петербургскимъ кабинетами. Не забудемъ, что отношенія Англии къ Австріи, Пруссіи къ Франціи и Россіи еще недостаточно выяснились и опредѣлились. Ясно, какое широкое поле открывалось для интригъ всякаго рода. Донесенія англійскихъ посланниковъ изъ С. Петербурга, Вѣны и Берлина даютъ возможность слѣдить за ними шагъ за шагомъ. Должно сознаться, что Вильямсъ былъ тонко проведенъ въ Петербургъ. До конца онъ питалъ обманчивыя надежды не только на искренность дружбы съ Россіей, но даже и на доброе расположеніе и содѣйствіе со стороны Австріи. Очевидно, его увѣренность происходила изъ убѣжденія, что въ Россіи съ деньгами можно все сдѣлать, и онъ далъ широкіе размѣры системѣ подкуповъ. Получивъ извѣстіе о заключеніи вестминстерскаго договора, Вильямсъ посѣщилъ къ Бестужеву, чтобы уговорить его по возможности ослабить дурное впечатлѣніе, которое неминуемо должна была произвести на императрицу вѣсть о немъ. Вооруженіе, производимое Россіей, сборъ войскъ въ Лифляндіи должны были беспокоить англійское министерство; но оно еще не теряло увѣренности въ возможности употребить силы Россіи въ свою пользу. Отъ 27-го мая доносятъ Митчелъ изъ Берлина о своемъ разговорѣ съ королемъ прусскимъ о томъ, какъ перевезти 10,000 русскаго войска въ Ростокъ или Штетинъ. Фридрихъ Великій не раздѣлялъ вполне этой увѣренности. 7-го іюня писалъ онъ къ Митчелю:

«Все это дѣло заключается въ двухъ пунктахъ. Во первыхъ, склонить на свою сторону Россію: за это берется англійскій король. Если онъ успеетъ, Германія останется спокойной, и намъ нечего бояться. Во вторыхъ (если оправдаются извѣстія изъ Гаги и убѣдятъ императрицу Россіи отказаться отъ исполненія обязательствъ относительно Англии), обратиться къ Туркамъ и золотомъ обезпечить себѣ диверсію съ ихъ стороны» (Raum. II, 341). Король прусскій, говоря, что лучше всего сохраненіе мира, настаивалъ однакоже на необходимости сильныхъ и скорыхъ мѣръ для своей безопасности. 12-го іюня доносятъ Вильямсъ изъ Петербурга, что Бестужевъ боленъ, что австрійскій дворъ втайнѣ старается разрушить доброе согласіе между Англіей и Россіей. Въ то же время однакоже онъ успокоиваетъ насчетъ военныхъ приготовленій Россіи. «9-го іюля, пишетъ Вильямсъ, ко всемъ русскимъ посланникамъ отправлено приказаніе быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ французскими. Бестужевъ говорилъ мнѣ: «Наше несчастіе, что у насъ есть теперь молодой любимецъ, который говоритъ пофранцузски, любитъ Французовъ и ихъ моды и съ удовольствіемъ увидать при дворѣ французскаго посланника. Его вліяніе такъ велико, что нельзя ему противиться». Въ другомъ извѣстіи отъ того же числа прибавляетъ Вильямсъ: «Бестужевъ жаловался, что императрица даетъ ему только 7,000 руб. въ годъ, а этимъ невозможно жить самостоятельно. Еслибы англійскій король положилъ ему годовое содержаніе въ 2500 фунт. стерл., онъ бы служилъ ему впередъ». 8-го августа было получено согласіе на его просьбу. Въ третьемъ извѣстіи, тоже отъ 9-го іюля, Вильямсъ сообщаетъ о своемъ разговорѣ съ Екатериной Алексѣевной, которая попрежнему была расположена въ пользу Англии. Наконецъ, въ четвертомъ онъ извѣщаетъ, что сближеніе съ Франціей было рѣшено прежде, нежели заключенъ былъ

договоръ между Англіей и Пруссіей, что это дѣло Шуваловыхъ, что канцлеръ ничего объ этомъ не зналъ и принужденъ былъ только исполнить приказаніе императрицы. Дѣйствительно, мы находимъ вскорѣ кавалера Дугласа, въ качествѣ французскаго повѣреннаго при петербургскомъ дворѣ, а въ іюлѣ 1756 г. отправленъ былъ русскій чиновникъ въ Парижъ. 17-го августа Вильямсъ пишетъ: «Кажется, все идетъ хорошо. Вліяніе Бестужева превозмогаетъ; если онъ дѣйствуетъ такъ, какъ увѣряетъ, все пойдетъ прекрасно». Черезъ недѣлю однакоже мы встрѣчаемъ болѣе вѣрное извѣстіе. «Русскіе, говоритъ англійскій посланникъ (отъ 24-го августа), не хотятъ ни получать денегъ отъ Англіи на основаніи заключеннаго договора, ни предпринимать что-нибудь».

Въ это время король прусскій рѣшился выйти изъ нерѣшительнаго положенія. Зная о союзѣ Австріи съ Франціей, видя огромныя военныя приготовленія, направленныя противъ него, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, предупредить непріятеля, прежде нежели онъ соберетъ все свои силы. Послѣ требованія отъ Австріи положительнаго удостовѣренія въ ея намѣреніяхъ, и по полученіи уклончиваго, ничего не объясняющаго отвѣта, онъ двинулъ 60 тысячъ войска въ Саксонію въ концѣ августа. Правда, онъ давалъ этимъ вторженіемъ давно желанный случай Австріи къ объявленію ему войны и къ праву требовать отъ Россіи помощи, обѣщанной прежнимъ договоромъ; но къ этому онъ былъ выпущенъ увѣренностію, что военныя дѣйствія со стороны Австріи и безъ того должны были бы начаться, какъ скоро пришли бы къ концу ея приготовленія. Въ дрезденскомъ архивѣ нашелъ Фридрихъ II оригинальные документы относительно враждебныхъ плановъ Австріи и Саксоніи противъ Пруссіи; напечатавъ ихъ, онъ нѣкоторымъ образомъ оправдывалъ передъ судомъ общественнаго мнѣнія свое вторженіе въ Саксонію безъ объявленія войны и предварительнаго

разрыва. Въ 14 дней прусскія войска заняли всю Саксонію. 4-го октября 1756 г. произошла битва при Ловозницѣ съ австрійской арміей, спѣшившей на помощь къ союзникамъ. Она осталась не вполне рѣшительной, но Фридрихъ извлекъ изъ нея огромную выгоду. 16-го октября слалась вся саксонская армія, находившаяся вмѣстѣ съ курфирстомъ въ укрѣпленномъ лагерѣ при Пирнѣ. 17 тысячъ Саксонцевъ принуждены были вступить въ прусскую службу. Война началась. Переговоры между Англіей и Австріей, а вмѣстѣ съ ними и послѣднія надежды на сохраненіе мира, должны были прекратиться. Елизавета Петровна письмомъ увѣдомила курфирста саксонскаго, короля польскаго, въ ея полной готовности оказать ему помощь противъ Пруссіи. Изъ донесеній Вильямса отъ 4-го, 7-го и 21-го сентября видно: 1) что Россія, безъ вторженія Фридриха, предпочла бы остаться нейтральной; 2) что теперь Елизавета Петровна рѣшилась воевать съ Пруссіей, но что войска еще не готовы и мнѣнія сапожниковъ несогласны между собою. Фридрихъ II предложилъ Бестужеву 100 тысячъ талеровъ, чтобы склонить его на свою сторону и отключить грозу, собиравшуюся надъ его головою. «Я пытался, пишетъ Вильямсъ 28-го сентября, склонить Бестужева на сторону Пруссіи. Первые двѣ три попытки были совершенно неудачны. Наконецъ, онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ: съ этой минуты я другъ королю, но не знаю, чѣмъ могу служить ему теперь. Зная это двумя мѣсяцами раньше, можно бы было многое сдѣлать. Но теперь война началась и ничѣмъ нельзя отговорить императрицу отъ рѣшенія помогать Австріи; все распоряженія уже сдѣланы. Я не могу теперь обѣщать что-нибудь сдѣлать, потому что это не въ моей власти. Но вы можете увѣрить короля прусскаго: все, что предпринималъ противъ меня Мардефельдъ, отнынѣ забыто мною и я готовъ, какъ скоро представится случай, доказать королю не пустыми ч. II.

словами, что я желаю служить ему». 31-го декабря 1756 года заключенъ былъ въ С. Петербургѣ между Бестужевымъ и Воронцовымъ со стороны Россіи, графомъ Эстергази со стороны Австріи и кавалеромъ Дугласомъ со стороны Франціи актъ о приступленіи Россіи къ версальскому договору, заключенному между Франціей и Австріей 1-го мая 1756 года. Этимъ актомъ Россія приняла весь версальскій договоръ, за исключеніемъ втораго артикула, содержащаго подтвержденіе версальскаго трактата и другихъ, заключенныхъ между Австріей и Франціей, въ которыхъ ея императорское величество Всероссійская никакого участія не имѣетъ. «Но при семъ приступленіи и соединеніи особливо и именно изъясняется, что ея императорское величество Всероссійская освобождаетъ его величество короля французскаго отъ назначенной вышеписаннымъ трактатомъ обороны и помощи ея владѣніямъ и землямъ, подаемой въ случаѣ происходящаго иногда нападенія оныхъ со стороны Оттоманской Порты или Персіи, также взаимно его величество король христіанѣйшій не будетъ отъ ея императорскаго величества Всероссійской требовать обороны и помощи своимъ въ Европѣ находящимся владѣніямъ и землямъ, въ случаѣ, когда бы оныя не только при нынѣшней съ Англіей войнѣ (которая и безъ того уже вышеписаннымъ трактатомъ исключена), но и по окончаніи оной впредь отъ англійской короны или отъ какой, въ Италіи находящейся, державы или области атакованы будутъ». Ратификація Людовика XV послѣдовала 15 го февраля 1757 года (Н. С. З. XIV, № 10,680), 22-го января 1757 года заключена была въ С. Петербургѣ конвенція между Россіей и Австріей, которою возобновлялся союзный договоръ 1746 года и давалось взаимное обѣщаніе дѣйствовать противъ прусскаго короля. Въ предисловіи сказано: «Ея величество императрица Всероссійская не токмо подаетъ немедленно ея величеству императрицѣ-королевѣ венгеро-богемской всѣ, счастливо

пребывающими между ихъ имперіями трактатами, постановленія помощи, но ея величество императрица-королева венгеро-богемская сверхъ того вознамѣрилась употребить гораздо знатнѣйшія силы противъ сего общаго непріятели, возмутителя всенародной тишины, и не полагать оружія, пока Божіимъ вспоможеніемъ, защищающимъ справедливость, ихъ дѣло достигнуто не будетъ, возвратитъ всю Силезію и графство Глацъ подъ державу ея величества императрицы - королевы венгеро-богемской, и положить достаточныя предѣлы силъ такого государя, котораго несправедныя замыслы никакихъ предѣловъ не знаютъ». Статьей 3-й Россія обязалась выставять, во все продолженіе войны, не менѣе 50 тысячъ регулярнаго войска, да отъ 15 до 20 линейныхъ кораблей и фрегатовъ и бомбардирскихъ гальотовъ, и не меньше 40 галеръ. 4-ю статьею постановлено, что 4-й сепаратный тайный артикулъ договора 1746 г. признаваемъ былъ за основаніе сей конвенціи. 5-ю статьею положено «не полагать оружія, пока Силезія и Глацъ не будутъ въ рукахъ Австріи и возвращеніе сихъ областей будетъ обнадежено ея величеству торжественнымъ мирнымъ трактатомъ, который отъ ея императорскаго величества Всероссійской гарантированъ быть имѣетъ». 2-й сепаратною статьею Россія обѣщаетъ стараться склонить Швецію къ принятію участія въ войнѣ противъ Пруссіи, а также и Дачію. 3-й такою же статьею обѣ императрицы обѣщаютъ курфирсту саксонскому «все то, что отъ нихъ зависѣть можетъ, не токмо, дабы возстановитъ сего государя въ его владѣнія курфиретскихъ земель; но дабы и доставитъ ему на изживеніе короля прусскаго сродственную сатисфакцію, за обиды и убытки, кои онъ претерпѣлъ».

Русская армія, давно уже готовившаяся къ походу, должна была, наконецъ, двинуться къ прусскимъ границамъ. Въ ней мало уже было опытныхъ и искусныхъ товарищей Миниха и Ласси. Лучшіе генералы изъ иностранцевъ принуждены были

оставить русскую службу. Левендадь былъ тогда французскимъ маршаломъ; Кейтъ фельдмаршаломъ Фридриха II; Манштейнъ, адъютантъ Миниха, находился также въ прусской службѣ; сынъ фельдмаршала Ласси служилъ Австріи. Это не значитъ, впрочемъ, что мѣста иностранцевъ были заняты Русскими. Напротивъ, изъ 34 генераловъ и бригадировъ, участвовавшихъ въ первомъ прусскомъ походѣ, мы встрѣчаемъ только 13 русскихъ фамилій. Въ русской службѣ остались иностранцы, мирившіеся съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи, успѣвшіе устоять среди интригъ. Главнымъ начальникомъ былъ генераль-фельдмаршалъ Степанъ Оедоровичъ Апраксинъ. За исключеніемъ Миниховыхъ походовъ противъ Турокъ, онъ не участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, былъ посланникомъ въ Персію, генераль-кригсъ-коммиссаромъ и президентомъ военной коллегіи. Бантышъ-Каменскій въ своемъ Словарѣ дѣлаетъ такое описаніе характера Апраксина: «Онъ былъ добрый супругъ, пѣжрый отецъ и другъ вѣрный; любилъ благотворствовать неимущимъ, равнымъ и дряхлымъ воинамъ; имѣлъ быстрое соображеніе на ратномъ полѣ; но, къ сожалѣнію, затмилъ славу свою пристрастнымъ судомъ надъ Лестокомъ и удаленіемъ изъ Россіи храбраго генерала Кейта по личнымъ неудовольствіямъ». Другія свидѣтельства, и притомъ современниковъ, выставляютъ въ другомъ свѣтѣ характеръ фельдмаршала. Вильямсъ отзывается объ немъ съ полнымъ презрѣніемъ. Онъ говоритъ объ его тщеславіи, глупой расточительности, всегдашней нуждѣ въ деньгахъ, несмотря на богатые подарки императрицы. Въ его депешахъ находимъ мы указаніе на то, что Апраксинъ не былъ недоступенъ для подкуповъ; а анекдотъ, приводимый самимъ Бантышемъ-Каменскимъ, о деньгахъ въ бочкахъ, пересланныхъ имъ изъ Пруссіи къ женѣ, можетъ служить нѣкоторымъ подтвержденіемъ отзывовъ Вильямса. Въ интересныхъ правдивыхъ запискахъ Болотова,

служившаго офицеромъ въ прусскую кампанію, высказывается весьма низкое мнѣніе о нравственныхъ качествахъ Апраксина. Уже одно то, что къ нему приставленъ былъ, какъ дядька, генераль Ливецъ, показываетъ, какъ мало на него надѣялись. Кромѣ природной своей лѣни и безпечности, Апраксинъ былъ связанъ въ дѣйствіяхъ отношеніями къ Бестужеву и къ молодому двору, котораго, по словамъ Вильямса, онъ боялся болѣе, нежели стараго. Движеніе русской арміи къ прусскимъ границамъ производилось съ крайнею медленностью, какъ бы нехотя. Одна часть войска, подъ начальствомъ Фермора, осадила Мемель, славійся 24-го іюня; только послѣ половины іюля вступила въ прусскія владѣнія наша главная армія. Всего было 19 кавалерійскихъ полковъ и 31 пѣхотный. Къ этому присоединились 14,000 казаковъ, 2,000 казанскихъ Татаръ и 1,000 Калмыковъ. Опустошенія, производимыя русскими войсками, были ужасны. Можно бы счесть описанія ихъ преувеличенными, если бы мы не имѣли свидѣтельства русскаго очевидца Болотова, который говоритъ о нихъ съ неодобреніемъ. Калмыки и другія легкія войска не только разгоняли жителей изъ селеній, но мучили ихъ, грабили и убивали, жгли жилища и такія дѣлали злодѣйства, безчеловѣчія и безпорядки, говоритъ Болотовъ, «какіе только варварамъ приличны, и когда слухъ о сихъ разореніяхъ и варварствахъ разсѣялся, тотчасъ повсюду и вездѣ стали почитать насъ сущими варварами. Но сего было еще не довольно: такъ какъ разлакомившихся тѣмъ нашихъ казаковъ и послѣ унять уже не было способа, то учиненныя ими разоренія самимъ намъ обратились послѣ въ существенный вредъ и сдѣлали то, что все предпринимаемое въ сіе лѣто и толь многочисленныя труды пользы не принесли ни малѣйшей». 19-го августа произошла знаменитая гротъ-егеридорфская битва. Надобно прочесть у Болотова ея описаніе, чтобы вполне убѣдиться и въ неспособности

Апраксина и въ блестящихъ качествахъ русскаго солдата. Апраксинъ не хотѣлъ воспользоваться неожиданною побѣдой и, несмотря на всѣ убѣжденія польскаго генерала Сибильскаго, оставилъ всякое преслѣдованіе и простоялъ два дня на одномъ мѣстѣ. Сдѣлавъ потомъ нѣсколько небольшихъ переходовъ до рѣки Лаль, наша армія, къ крайнему своему удивленію и негодованію, двинулась 29-го августа и отступила въ польскія границы, очистивъ всѣ занятыя ею прусскія владѣнія, за исключеніемъ Мемеля. Въ арміи громко обвиняли главнокомандующаго въ измѣнѣ. Выставленная на военномъ совѣтѣ причина отступленія, имѣнно недостатокъ провіанта и фуража, не могла обмануть никого. Поведеніе Апраксина было загадочно и для нашихъ союзниковъ. Дѣло до сихъ поръ не объяснено достаточнымъ образомъ, хотя разгадку должно искать не въ главной квартирѣ русской арміи, а въ Петербургѣ, откуда шло тайное распоряженіе объ отступленіи, слѣдствіемъ котораго было сверженіе Бестужева и судъ надъ Апраксинымъ. Для объясненія надобно обратиться нѣсколько назадъ и снова къ темнымъ интригамъ, не прекращавшимся при петербургскомъ дворѣ.

Здоровье императрицы давно уже внушало серьезныя опасенія. Съ 1749 года мы встрѣчаемъ въ депешахъ иностранныхъ пословъ извѣстія о частыхъ припадкахъ, случавшихся съ Елизаветой Петровной, которые усиливались постоянно и принимали эпилептический характеръ. Образъ жизни императрицы мало содѣйствовалъ медицинскимъ средствамъ, и мысль о возможности ея неожиданной кончины не оставляла ея приближенныхъ. Уже въ депешѣ графа Линара, въ 1750 г., мы видимъ намекъ на тайныя сходки и замыслы государственныхъ сановниковъ, въ виду грозившей имъ перемѣны правленія. Въ донесеніяхъ Вильямса встрѣчаются безпрестанныя извѣстія о плохомъ здоровьѣ императрицы и

объ измѣненіи въ ея характерѣ, дѣлавшемся грустнымъ и раздражительнымъ, о возможныхъ комбинаціяхъ въ случаѣ ея кончины. Мысль о перемѣнѣ правленія должна была заставлять сильно задумываться главныхъ государственныхъ дѣятелей царствованія Елизаветы. На престолъ долженъ былъ вступить нелюбимый, безпрестанно оскорбляемый Петръ Оеодоровичъ. Постоянною грозой надъ головами временщиковъ висѣла месть справедливо ожесточеннаго наслѣдника престола. Самые сильные изъ нихъ искали себѣ гарантіи противъ страшнаго для нихъ будущаго. Между ними и Екатериной завязывалось сближеніе. Шуваловы, владѣвшіе въ то время довѣріемъ Елизаветы, искали въ то же время и покровительства у Екатерины. Въ донесеніяхъ Вильямса мы находимъ извѣстіе объ этихъ переговорахъ. Мы знаемъ также, что Бестужевъ, прежде одинаково преслѣдовавшій и великаго князя и его супругу, воспользовался ихъ взаимнымъ охлажденіемъ и вошелъ въ тѣсный союзъ съ послѣдней. Время сглаживало память объ ихъ прошлой враждѣ и скрѣпляло ихъ общіе интересы. Бестужевъ не пропускалъ случая дѣлать угодное для Екатерины. Когда Понятовскій, находившійся въ свитѣ англійскаго посланника племянникъ князей Чарторижскихъ, пріобрѣлъ расположеніе великаго князя и въ особенности его супруги, Бестужевъ настоялъ на томъ, чтобы саксонскій дворъ назначилъ Понятовскаго своимъ посланникомъ при петербургскомъ дворѣ. Изъ донесеній Прассе, совѣтника саксонскаго посольства, мы видимъ, какія усилія употреблялъ Бестужевъ, чтобы отклонить графа Брюля отъ его рѣшимости отозвать изъ Россіи Понятовскаго. Сближеніе Бестужева съ Англіей и Пруссіей, его сдѣлка съ англійскимъ посланникомъ не были тайною для Екатерины. Въ этомъ сближеніи она сама принимала дѣятельное участіе. Иностранные посланники говорятъ о томъ, какъ выросло ея значеніе въ государствѣ по мѣрѣ того, какъ близилась роковая минута,

которая должна была возвести на престолъ Петра Ѳеодоровича. Отъ великаго князя Бестужева не могъ ничего ожидать. Со вступленіемъ Петра на престолъ безвозвратно кончалась для канцлера государственная дѣятельность. Все, на что онъ могъ надѣяться, это было великодушное забвеніе прежнихъ оскорбленій, не болѣе. Не мудрено, что онъ изыскивалъ всевозможныя средства, чтобы отклонить отъ себя бѣду. Постоянными внушеніями и прописками онъ уже ослабилъ довѣріе и расположеніе императрицы къ ея племяннику, лишилъ великаго князя всякаго участія въ дѣлахъ государственныхъ. Ему хотѣлось довершить свое дѣло, отстранить совершенно великаго князя отъ наслѣдія. Мысль была не новая. Уже въ 1749 г., по донесенію Лицара, былъ заговоръ возвести на престолъ Ивана Антоновича; но тогда еще Петръ Ѳеодоровичъ былъ бездѣтенъ. Теперь рожденіемъ Павла Петровича давалась возможность новой комбинаціи. Объявить императоромъ Павла Петровича и правительницею Екатерину Алексѣевну, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ее соправительницею Петра Ѳеодоровича, — таковы были планы, занимавшіе Бестужева. Въ нихъ принимали участіе многіе. Знала о нихъ, кажется, и сама Екатерина. Во время болѣзни императрицы, случившейся въ Царскомъ Селѣ и грозившей смертію, Бестужевъ старался убѣдить Елизавету отстранить великаго князя отъ наслѣдія. Въ это-то время, по всей вѣроятности, онъ послалъ тайное письмо къ Апраксину, чтобы тотъ воротился съ войскомъ въ Россію. Апраксинъ, по донесенію Вильямса отъ 8-го января 1757 г., совершенно былъ преданъ Екатеринѣ, и потому, въ случаѣ необходимости, могъ оружіемъ поддержать планы Бестужева. Намѣреніе объ отстраненіи отъ престолонаслѣдія было извѣстно многимъ въ Петербургѣ. Одинъ священникъ издалъ даже книжку противъ злоумышленниковъ. Онъ былъ лишенъ сана и преданъ гражданской власти. Новгородскій

архіепископъ Дмитрій Сѣменовъ увѣдомилъ Петра о замыслахъ противъ него. Присутствіе великаго князя при постели большой императрицы сильно помѣшало успѣху внушеній его противниковъ. Съ выздоровленіемъ императрицы самовольное возвращеніе Апраксина возбудило негодованіе Елизаветы Петровны. Французскій и англійскій дворы говорили объ измѣнѣ русскаго главнокомандующаго, австрійскій комиссаръ нашей арміи генералъ С. Андре и саксонскій генералъ Сибильскій протестовали противъ несправедливости причинъ, выставленныхъ военнымъ совѣтомъ къ отступленію Австрійскій посланникъ Эстергази и французскій Лопиталь настойчиво требовали изслѣдованія. Апраксинъ долженъ былъ сдать начальство Фермору, и въ Парвѣ къ нему явился конференц-секретарь Волковъ съ допросными пунктами. Въ послѣдствіи ѣздилъ туда съ тою же цѣлью Александръ Ивановичъ Шуваловъ, начальникъ тайной канцеляріи. Не трудно было Эстергази и Лопиталю угадать, чья рука дѣйствовала волей Апраксина. Отъ нихъ не могло скрыться также и двусмысленное положеніе Бестужева между Австріею и Пруссіею. Противъ канцлера направлены были всѣ ихъ усилія. Многочисленные враги Бестужева дружно дѣйствовали. Ими же были открыты его дѣйствія. Страшный гнѣвъ палъ на канцлера и великую княгиню. 13-го февраля 1758 года Бестужевъ былъ арестованъ и нарядили комиссію для суда надъ нимъ. Иностраннымъ посламъ было объявлено, что сверженіе канцлера не измѣнитъ русской политики. 17-го февраля 1758 г. вышелъ первый манифестъ, которымъ и объявлялось объ арестѣ Бестужева и о лишеніи его всѣхъ чиновъ и достоинствъ. Въ немъ сказано было, что, «наконецъ, преступленіе въ оскорбленіи величества до того дошло, что безъ совершеннаго пренебреженія къ правосудію и всего того, что мы себѣ и достоинству Нашему должныствуемъ, даѣе попускаемо и сносимо быть не могло»

(№ 10,802, т. XV). Коммиссія для суда надъ Бестужевымъ составлена была изъ князя Трубецкаго, Бутурлина и Шувалова. Въ бумагахъ канцлера найдено было, какъ говорятъ, отречение, которое хотѣли заставить подписать Петра Оедоровича. Письма къ Апраксину не отыскиали. Коммиссія приговорила его къ смертной казни.

Слѣдствіе продолжалось очень долго. Только 3-го апрѣля 1759 г. вышелъ второй манифестъ, опредѣлившій судьбу преступника. Изъ него узнаемъ мы, что онъ упорно не признавался въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ, что, несмотря на запрещеніе, подѣ страхомъ смертной казни, «открывать кому-либо и во всю жизнь свою о вопросахъ, ему дѣлаемыхъ, онъ нашель способъ тогда же не только сообщитъ о томъ письменно, но и подавать всѣмъ тѣмъ наставленія, что имъ отвѣтствовать, ежели спрашиваны будутъ, о которыхъ только думать могъ, что ихъ спрашивать будутъ». По словамъ манифеста, вотъ его преступленія. 1) «Онъ присвоилъ себѣ многія, ему не принадлежащія дѣла и всякими непозволенными образами искалъ распространить власть свою, дабы наружно удовольствоваться безмѣрное свое тщеславіе и властолюбіе 2) Имянные повелѣнія, когда оныя не согласовались съ пристрастными его хотѣніями, не токмо не исполнялъ съ надлежащимъ усердіемъ, но дѣйствительно и тогда исполненію оныхъ тайными происками препятствовалъ, когда оныя сами собою приходили въ исполненіе. 3) Тайлъ объ ущербахъ государственнымъ интересамъ. 4) Къ крайнему оскорбленію Величества, вздумалъ собственныя свои приказанія признавать важнѣйшими и дѣйствительнѣйшими Нашихъ повелѣній, и, такъ разсылая свои, безъ Нашего вѣдома, и часто въ противность Нашимъ соизволеніямъ, дѣлалъ себя чрезъ то соправителемъ. 5) Не устранился обносить Намъ разными злыми своими вымысленіями Ихъ Императорскихъ Высочествъ Нашего Любезнѣйшаго Племянника и

Наслѣдника Великаго Князя, и Нашу Любезнѣйшую Племянницу Великую Княгиню, а въ то же время злостнѣйшими внушеніями старался умалить въ Ихъ Высочествахъ должную къ Намъ любовь и, почитаніе, и несмотря на то, что ухищренія его не предупредили, не престалъ, однако же, продолжать оныя до того времени, пока пстоишь Наше терпѣніе». «Впрочемъ (сказано въ концѣ манифеста), между взятыми у него письмами найдены проекты, писанные собственною его рукою и содержащія въ себѣ такія дальновидные замыслы и распоряженія, которыми онъ явно показываетъ свое недоброхотство къ Нашей особѣ и къ Нашему здоровью...»

Вмѣсто смертной казни, ему назначена была ссылка въ собственныя его деревни и тамъ велѣно жить подѣ карауломъ, дабы, какъ сказано въ манифестѣ, другихъ охранить отъ уловленія мерзкими ухищреніями сего, въ томъ состарѣвагося, злодѣя». Имѣніе Бестужева, за вычетомъ суммъ, должныхъ имъ въ казну, было также ему оставлено. Этотъ милостивый приговоръ, волиѣ согласный съ личнымъ характеромъ императрицы, не терпѣвшей суровыхъ мѣръ, показываетъ однакоже и силу Бестужева, страшнаго и въ паденіи. Сверженный канцлеръ удался въ свое помѣстье Горетово, въ 120 верстахъ отъ Москвы. Тамъ онъ провелъ остальные годы царствованія Елизаветы Петровны и краткое правленіе Петра Оедоровича. Первымъ долгомъ Екатерины, по вступленіи на престолъ, было возвратитъ изъ ссылки стараго приверженца. Не только Бестужеву возвращены были прежнія чины и средства, съ перепменованіемъ въ генераль-фельдмаршалы, но высочайшимъ манифестомъ, читаннымъ повсюду въ церквахъ, была признана его *безпорочная* служба и несправедливость его обвиненія «вслѣдствіе коварства и подлоговъ недоброжелательныхъ». Медалями, выбитыми во время отставки и по возвращеніи, хотѣлъ Бестужевъ увѣковѣчить

свою память. На одной из них надпись «*Immobilis in mobili*» (выбита въ Гореговъ); на другой, заготовленной имъ еще при жизни на свою кончину: «*Tertio triumphat*». Гордость канцлера, о которой говорятъ все современники и которую не смогло сломить самое несчастіе, выказывается вполне въ этихъ надписяхъ.

Апраксинъ не пережилъ своей немилости. Слѣдствіе надъ нимъ продолжалось долго; но отсутствіе положительныхъ доказательствъ противъ него, а, можетъ быть, и тайное заступничество П. Шувалова, котораго, говорятъ, склонила на свою сторону красавица дочь Апраксина, останавливали приговоръ надъ нимъ. Къ тому же сверженіемъ Бестужева достигалась главная цѣль тѣхъ, кто особенно настаивалъ на необходимости строгаго изслѣдованія. Апраксинъ умеръ отъ удара, какъ говорятъ, отъ страха пытки въ ту самую минуту, когда его готовились объявить невиннымъ. Судъ надъ Бестужевымъ грозилъ также и Екатериѣ. Подозрѣніе объ ея участіи въ планахъ канцлера или по крайней мѣрѣ о знаніи этихъ плановъ невольно приходило на умъ императрицѣ. Прассе доноситъ отъ 28-го апрѣля 1758 г., что арестована любимая камерфрау великой княгини, что допрашивали оберъ-штабмейстера Сумарокова, хотя и не подвергали его аресту. Въ донесеніи отъ 2-го мая 1758 г. онъ говоритъ, что взяты двѣ горничныя Екатерины. Еще большія подробности находимъ мы въ депешахъ Кейта, заступившаго въ Петербургѣ мѣсто Вильямса. Англійскій агентъ вполне подтверждаетъ извѣстіе саксонскаго совѣтника посольства. Онъ говоритъ о сильномъ неудовольствіи императрицы противъ великой княгини. Въ депешѣ отъ 28-го апрѣля онъ доноситъ, что за четыре дня передъ тѣмъ Екатериѣ удалось видѣть Елизавету Петровну, что она бросилась къ ногамъ императрицы, говорила о своемъ несчастіи, о томъ, что жизнь ей въ тягость, и

умоляла позволить ей оставить Россію и провести остатокъ дней у матери. Она говорила, что если угодно ея величеству для блага государства избрать для великаго князя другую супругу, ни она, ни ея семейство не будутъ этому противиться. Императрица была очень тронута и говорила съ нею очень мило. Въ той же депешѣ высказываетъ Кейтъ надежду, что примиреніе не замедлитъ, потому что Екатерина имѣетъ много друзей, сильныхъ вліяніемъ на императрицу. Надежды англійскаго посланника вполне оправдались. Мы видѣли, какъ говорить манифестъ объ отношеніяхъ Бестужева къ великой княгинѣ. Самую большую помощь Екатериѣ оказали Шуваловы, о сближеніи съ которыми мы упоминали уже прежде. Уже въ донесеніи отъ 18-го апрѣля, слѣдовательно за недѣлю до сцены, о которой говоритъ Кейтъ, онъ извѣщаетъ, что П. И. Шуваловъ увѣдомилъ Екатерину о томъ, что императрица скоро ее увидитъ, что все можетъ быть улажено. Прассе доноситъ графу Брюлю отъ 13-го сентября 1758 г., что молодой дворъ снова начинаетъ «*sich ziemlich redoutable zu machen*»: Въ донесеніи отъ 28-го ноябрю онъ извѣщаетъ, что вся фамилія Шуваловыхъ положительно на сторонѣ молодого двора, что камергеръ Шуваловъ (П. И.) особенно выказываетъ свою преданность великой княгинѣ. То же самое подтверждается донесеніемъ отъ 3-го января 1759 г. и многими другими.

Главными виновниками суда надъ Апраксинымъ и сверженія Бестужева единогласное свидѣтельство современниковъ представляетъ австрійскаго и французскаго посланниковъ, которые вмѣстѣ съ партіей, враждебною Бестужеву, устроили все дѣло. Отступленіе русскихъ войскъ спасло Фридриха и дало ему возможность побѣдами при Росбахѣ и Лейтенѣ, не только остановить успѣхъ союзниковъ, но и стать относительно ихъ въ довольно грозное положеніе. Первымъ дѣломъ

поэтому вѣискаго и версальскаго кабинетовъ было склонить русское правительство въ скорѣйшему возобновленію военныхъ дѣйствій противъ Фридриха Великаго. Едва только принявъ начальство, Ферморъ открылъ уже зимній походъ. 5-го января 1758 г. онъ уже двинулся съ однимъ отрядомъ изъ Мемеля, черезъ шесть дней былъ уже передъ Кёнигсбергомъ, столицей собственной Пруссіи. Въ то же время Румянцевъ овладѣлъ Тильзитомъ. Эти области собственной Пруссіи Россія хотѣла удержать за собою. Жители Кёнигсберга и другихъ городовъ были приведены къ присягѣ на вѣрность русской императрицѣ. Имъ были подтверждены всѣ вольности и привилегіи, какими пользовались они подъ властію короля прусскаго. Нашимъ войскамъ предписано было соблюдать самую строгую дисциплину. Въ Кёнигсбергѣ назначенъ былъ губернаторомъ князь Волконскій и потомъ 3-го марта генерал-поручикъ Корфъ. Инструкціей, данной ему 6-го мая, ему предписывали особенно заботиться о томъ, «дабы во всѣхъ городахъ и мѣстахъ королевства Прусскаго добрый порядокъ и строгая дисциплина содержимы были, а наипаче вездѣ бы строгое правосудіе безъ оказанія ни малѣйшей грубости и обидъ происходило». «Все сіе, сказано далѣе въ инструкціи, толь лучше достигнуто быть можетъ, что правленіе королевства Прусскаго учреждено на своихъ правахъ и отъ Насъ никакой отмены ни въ чемъ не сдѣлано, такъ что вамъ не остается болѣе, какъ только смотрѣть, дабы дозволенные отъ Насъ Кёнигсбергу и всему королевству Прусскому на прошеніе его пункты ненарушимо хранимы были». Составъ прусскихъ правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ остался тотъ же самый. Къ прежнимъ членамъ съ нашей стороны были прибавлены только два бригадира. Особеннымъ пунктомъ инструкціи определено было поведеніе Корфа относительно находившейся въ Кёнигсбергѣ гоштейнъ-бекекой фамиліи. Ему

предписано было: «такъ какъ конечно она будетъ адресоваться къ вамъ съ разными докуками и просьбами, то вамъ надлежитъ, не пренебрегая должной персональной учтивости, доволствоваться генеральнымъ ихъ обнадеживаніемъ о Нашемъ ко всемъ безъ изыятія благоволеніи и милости; но что какъ вы при отъѣздѣ иного повелѣнія отъ Насъ не получили, какъ только содержать все на томъ основаніи, какъ съ покоренія Пруссіи было то вы не можете больше, какъ только Намъ доносить о томъ, въ чемъ иногда ихъ прошеніе состоятъ будетъ».

Изъ записокъ Болотова, стоявшаго съ полкомъ въ Кёнигсбергѣ и прикомандированнаго къ губернаторской канцеляріи въ качествѣ переводчика, видно, что Корфъ былъ вполне на своемъ мѣстѣ. Вспыльчивый, но добрый и справедливый, онъ заслужилъ доброе расположеніе новыхъ подданныхъ императрицы. Кромѣ того, имѣя самъ большое состояніе, получая сверхъ огромнаго жалованья 6,000 руб. въ годъ на одинъ столъ, и не имѣя дѣтей, онъ жилъ самымъ пышнымъ образомъ, и, по словамъ Болотова, «не такъ какъ бы генерал-поручику, но какъ бы какому-нибудь владѣтельному князю, или, по крайней мѣрѣ, вицерею жить было надобно». Словомъ, онъ проживалъ тутъ не только все свое жалованье, но и всѣ свои собственные многочисленные доходы. Платье, экипажи, ливреи, лошади, прислуга, столъ и все прочее было у него на столъ пышной и великолѣпной ногѣ, что обратилъ онъ вниманіе всѣхъ прусскихъ жителей на себя. Блестящіе праздники Корфа оживили весь городъ и сблизили прусское дворянство съ русскими офицерами.

Съ 1-го іюня русская армія, ограничивавшаяся до сихъ поръ занятіемъ Прусскаго королевства, начала наступательное дѣйствіе. Она двинулась въ Силезію, но выгодная позиція, занятая прусскимъ генераломъ Дона при Франкфуртѣ на

Одеръ, заставила ее измѣнить движеніе. Ферморъ, повернувъ вправо, двинулся въ Бранденбургскую маршю къ Кюстрину, который и началъ бомбардировать. Приближеніе Фридриха заставило его снять осаду; 14-го августа произошла битва при Цорндорфѣ, одна изъ самыхъ кровопролитныхъ во всю семилѣтнюю войну. Ферморъ расположилъ нашу армію огромнымъ каре, какъ будто имѣлъ дѣло съ Турками, а не съ первымъ полководцемъ своего времени. Несмотря на эту ошибку, побѣда не разъ колебалась. Только потерявъ цвѣтъ своей арміи, Фридриху удалось сломить нашу пѣхоту, и онъ долженъ былъ отдать полную справедливость спокойному мужеству Русскихъ. Сраженіе отличалось страшнымъ ожесточеніемъ. Пруссаки, озлобленные ужасною картиною полуразрушеннаго Кюстрина и грабежами нашихъ иррегулярныхъ войскъ, не давали пощады. Мы потеряли около 21 т. убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ, болѣе 100 орудій и 37 знаменъ (Фридрихъ въ своихъ сочиненіяхъ говоритъ о 27-ми), 941 офицера. Три генерала и два бригадира были взяты въ плѣнъ. Старикъ генералъ-аншефъ Браунъ получилъ болѣе 17 ранъ въ голову. Самъ король признается, что прусская кавалерія не брала въ плѣнъ, а рубила сдававшихся. Ему стоила побѣда болѣе 10 т. лучшаго войска, 26 орудій, нѣсколькихъ знаменъ и 324 офицеровъ. Ферморъ простоялъ два дня на полѣ битвы, не рѣшаясь возобновить сраженіе, хотя могъ бы почти навѣрное рассчитывать на побѣду, и отступилъ къ польскимъ границамъ. Кампанія 1758 г. кончилась, такимъ образомъ, неудачею для насъ. Осада Кольберга также должна была окончиться снятіемъ ея. Ферморъ самъ просилъ снять съ него главное начальство надъ арміею. Его преемникомъ былъ назначенъ генералъ-аншефъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ.

Въ виду грозившей опасности отъ возможнаго появленія въ Балтійскомъ морѣ англійской эскадры, которую давно уже

требовалъ Фридрихъ II, апрѣля 26-го 1758 г. (П. С. З. XV, 10, 830) обнародована была декларация полномочнаго русскаго министра при стокгольмскомъ дворѣ, Панина, и шведскаго министерства, по которой объявлено, что «Швеція и Россія, не взирая на военныя ихъ войскъ операціи въ областяхъ королевства Прусскаго, въ свободности коммерціи препятствовать и отправленіе оной пресѣкать не будутъ, но будучи паче намѣрены способствовать оной сколько возможно общаются они для купеческихъ судовъ всѣхъ націй свободный входъ и выходъ во всѣхъ приморскихъ городахъ и портахъ прусскихъ, выключая тѣ мѣста, которыя, дѣйствительно, осаждаемы будутъ, и тѣ суда, на которыхъ найдутся непріятельскія войска, для умноженія гарнизоновъ назначенныя (статья 1)». Такъ какъ Англія дѣлаетъ морскія вооруженія и можетъ послать эскадру въ Балтійское море, то «ея императорское величество Всероссийская повелѣла письменно объявить Англіи, что ея величество наималѣйшій непріятельскій со стороны оныя поступокъ признавать будетъ за нарушеніе всѣхъ пребывающихъ между ними трактатовъ и за явное нападеніе» (ст. 3). Для предупрежденія Россія обязалась отправить въ море, тотчасъ по очищеніи онаго отъ льда, 15 линейныхъ кораблей и 4 фрегата, которые должны будутъ находиться при островѣ Готландѣ и между Шонскими берегами (ст. 5). Швеція съ своей стороны посылаетъ туда же 10 линейныхъ кораблей и 4 фрегата (ст. 6). Въ случаѣ появленія англійскаго флота, соединенныя эскадры займутъ проливъ между Зеландіею и островомъ Драгомъ (ст. 11). Если Англичане захотятъ пройти, несмотря на представленіе соединенныхъ эскадръ, то они имѣютъ силу силою же отвращать (ст. 12). Русская эскадра, если не будетъ опасности отъ Англичанъ, будетъ находиться при берегахъ Помераніи для прикрытія шведскихъ транспортовъ (ст. 13). Швеція

дозволяетъ русскимъ кораблямъ входить въ свои гавани и чинить имъ всякое вспоможеніе (ст. 14).—24 го іюня 1758 г. былъ заключенъ въ С. Петербургѣ между вице-канцлеромъ Воронцовымъ съ одной стороны и барономъ Поссе, чрезвычайнымъ шведскимъ посланникомъ, съ другой трактатъ, которымъ возобновлялся на 12 лѣтъ оборонительный договоръ между Россіею и Швеціею, постановленный 25-го іюня 1843 года (П. С. 3. т. XV. № 10, 832). 9 го марта 1759 года заключена была въ Петербургѣ конвенція между Россіей и Швеціей, которою подтверждались декларація Панина и шведскаго министерства о содержаніи въ Балтійскомъ морѣ русской и шведской эскадры для предупрежденія появленія тамъ каперовъ. Все различіе конвенціи отъ прежней деклараціи заключается въ томъ, что тамъ, гдѣ въ деклараціи названа прямо Англія, тамъ въ конвенціи говорится о посторонней державѣ.—Франція (актомъ октября 27-го) и Данія (актомъ марта 17-го) приступили къ этой конвенціи, при чемъ Данія обязалась выставить и свою эскадру для содѣйствія въ случаѣ нужды русскому и шведскому флотамъ.

Третья кампанія русскихъ войскъ въ Пруссіи ознаменовалась двумя побѣдами, которыя могли бы погубить Пруссію, еслибъ Салтыковъ захотѣлъ воспользоваться ими. Русская армія, состоявшая изъ 70,000 человекъ, двинулась на соединеніе съ Австрійцами къ Франкфурту. Фридрихъ далъ приказаніе генералу Веделю дать сраженіе. 12-го іюля при деревнѣ Пальцигъ, прусскія войска были разбиты, 22-го іюля къ Салтыкову присоединился Лаудонъ съ 18,000 австрійскихъ войскъ. Фридрихъ Великій спѣшилъ изъ Силезіи, чтобы поправить дѣло. Съ 50,000 арміею онъ не задумался 31-го іюля напасть на 70,000 войска Салтыкова и Лаудона. Битва произошла при деревнѣ Кунерсдорфѣ. Она кончилась совершеннымъ пораженіемъ прусской арміи, уже готовой

торжествовать побѣду. 26 знаменъ, 172 пушки, 21,500 плѣнныхъ досталось Русскимъ. Болѣе семи тысячъ убитыхъ Пруссакъ было похоронено на полѣ битвы. Фридрихъ писалъ къ своему министру Финкенштейну, что у него изъ всей арміи осталось только 3,000 человекъ, все остальное погибло или разбѣжалось, что все потеряно, что онъ не переживетъ этого несчастія. Салтыковъ спасъ его, остановивъ преслѣдованіе. Потери Русскихъ въ двухъ сраженіяхъ были слишкомъ велики. Салтыковъ понималъ, что Австрійцы русскою кровью хотятъ купить себѣ Силезію, а можетъ быть и мысль о великомъ князѣ сдерживала его. Какъ бы то ни было, Салтыковъ оставался въ лагерѣ, несмотря на всѣ настойчивыя требованія Австрійцевъ. Фридрихъ Великій имѣлъ время собрать бѣглецовъ. Черезъ нѣсколько дней у него было уже 28,000 человекъ. Между русскими и австрійскими полководцами не было согласія. Съ этого времени обнаружилось уже то нерасположеніе русской арміи къ Австрійцамъ, которое выказывалось такъ сильно въ Суворовскихъ кампаніяхъ, которое было замѣтно и въ послѣднюю венгерскую войну. Напрасно главнокомандующій австрійскій, Дауиъ, думалъ личнымъ свиданіемъ склонить Салтыкова къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Русскія войска двинулись было въ Лузацію, но медленныя дѣйствія Австрійцевъ, ихъ отступленіе передъ королемъ прусскимъ раздражали Салтыкова. Увидѣвъ, что, уклоняясь самъ отъ боя, Австрійцы хотѣли выставить впередъ наши войска, Салтыковъ перешелъ за Одеръ, а потомъ отвелъ свои войска въ Польшу. Положеніе прусскаго короля было самое отчаянное. Въ неравной борьбѣ съ силами почти всей Европы онъ истощилъ всѣ средства своего государства. Крайность заставляла его прибѣгать къ мѣрамъ, несогласнымъ съ его правилами. Перечеканка монеты съ уменьшеніемъ ея внутренней цѣнности при сохраненіи номинальной, насильственные

наборы рекрутъ, страшныя контрибуціи — все было истощено. Напрасно онъ думалъ отдѣлить Францію или Россію отъ союза съ Австріею. Переговоры его тайнаго эmissара съ Шуазелемъ, первымъ французскимъ министромъ, не повели ни къ чему. Точно также безуспѣшны были попытки войти въ сношеніе съ русскимъ правительствомъ. Марта 7-го 1760 года заключенъ былъ въ С.-Петербургѣ актъ, по которому Россія приступала къ трактату 30-го декабря 1758 г. между Франціею и Австріею, о продолженіи войны общими силами противъ прусскаго короля (№ 11,036). 21-го марта 1760 г. заключенъ былъ оборонительный трактатъ на 25 лѣтъ между Россіею и Австріею (№ 11,041) и того же числа конвенція между тѣми же державами о продолженіи войны съ Пруссіею (№ 11,042). 5-ю статьею этой конвенціи подтверждалось прежнее обѣщаніе доставить Австріи всю Силезію и графство Гляцъ, а относительно Россіи постановлено, чтобы «Ея императорскому величеству Всероссійской къ совершенному ея удовольствію на пждивенія короля прусскаго возвращены были убытки, къ чему она пріобрѣла себѣ напосновательнѣйшее право не токмо за употребленныя въ сію войну издержки, но и за показанныя общему добру дѣлу генеральныя услуги» (6 ст.). Обѣ стороны не только гарантировали другъ другу взаимныя пріобрѣтенія, но и обязались стараться о гарантіи со стороны другихъ державъ. Въ присоединенной къ конвенціи деклараціи объяснено было, что, «хотя императрицы австрійская и всероссійская постановили всѣ старанія обще и согласно къ тому употребить, чтобы королевство Прусское нынѣ оружіемъ ея императорскаго величества Всероссійской дѣйствительно уже завоеванное, ея величеству уступлено было, однакожь ея императорское величество Всероссійская черезъ сіе предоставляет себѣ принять съ королевствомъ и республикою Польскою такія мѣры о королевствѣ Прусскомъ, кои бы ко взаимному обѣихъ

сторонъ удовольствію служили, а ея величество королева венгеро-богемская общается, предприемлемую о томъ въ свое время съ республикою негоціацію, добрыми своими офиціями укрѣплять».

Хотя въ кампаніи 1760 г. главная русская армія подъ начальствомъ Салтыкова и не предпринимала ничего особенно важнаго, ограничиваясь занятіемъ позицій, тѣмъ не менѣе взятіе корпусомъ Чернышева и Тотлебена самого Берлина и опустошеніе Бранденбургской марші было для Фридриха чрезвычайно тягостно. Несогласія между Русскими и Австрійцами еще болѣе усилились. Нѣсколько разъ обманутый Дауномъ, Салтыковъ, наконецъ, отказался дѣйствовать заодно съ нимъ иначе, какъ по письменнымъ соглашеніямъ. Въ Берлинѣ между Австрійцами и Русскими едва-было не дошло до важныхъ столкновеній. Всѣ современныя извѣстія отдають справедливость дисциплинѣ и порядку русскихъ войскъ, занимавшихъ столицу прусскихъ владѣній, и ихъ нравственному превосходству сравнительно съ Австрійцами, отличавшимися при этомъ случаѣ грабежами и опустошеніями. Приближеніе Фридриха заставило союзниковъ оставить Берлинъ 1-го октября, а вскорѣ и вся русская армія отошла на зимнія квартиры. Въ юнѣ 1761 г. Бутурлинъ, назначенный главнокомандующимъ на мѣсто больного Салтыкова, началъ пятую кампанію. Русская армія пошла въ Силезію, но и Бутурлинъ не могъ согласиться съ австрійскими полководцами и отвелъ войска за Одеръ. Только 20-тысячный корпусъ Чернышева остался съ Лаудономъ, и принялъ дѣятельное участіе во взятіи Швейдница. Другой отрядъ въ 10,000 подъ начальствомъ Румянцева дѣйствовалъ въ Помераніи, и на этотъ разъ Кольбергъ, двукратная осада котораго кончалась отступленіемъ въ прежніе походы, долженъ былъ сдаться. Казалось, война не представляла исхода. Смертію Фердинанда испанскаго (авг. 1759 г.) увеличивалось число враговъ

Фридриха; напротивъ, въ Георгъ II (ум. въ окт. 1760 г.) прусскій король терялъ и послѣдняго союзника. Переѣзды въ англійскомъ министерствѣ лишали его и того содѣйствія, которое до сихъ поръ, хотя и не въ надлежащей мѣрѣ, находилъ онъ со стороны Англіи. Уже въ 1760 г. находили на прусскаго короля минуты отчаянія; въ 1761 г. у него не разъ мелькала мысль о самоубійствѣ. Смерть императрицы Елизаветы Петровны (25-го дек. 1761 г.) и вступленіе на престолъ Петра Ѳеодоровича дали совершенно новый оборотъ дѣламъ.

Чтобы вполне окончить обзоръ вѣдѣній политики Россіи въ царствованіе Елизаветы Петровны, намъ должно сказать нѣсколько словъ о Курляндіи и упомянуть о договорѣ съ Даніею. Положеніе герцогства Курляндскаго и Семигальскаго послѣ ссылки Бирона было самое печальное. Уничтожились и послѣдній порядокъ. Поставленная между Польшей и Россіей, Курляндія потеряла свою самостоятельность. Съ одной стороны король польскій, какъ ленный владѣтель, дѣлалъ свои распоряженія, съ другой—русскія войска, занимавшія герцогство, и русскій резидентъ были въ сущности полными господами Курляндіи. Доходы герцогства шли частью на уплату долговъ Бирона, частью на содержаніе русскихъ войскъ. Россія предъявляла требованіе въ 2.500,000 рублей и до уплаты этой огромной суммы занимала герцогство. Во внутреннемъ управленіи была анархія. Между партіями шла ожесточенная борьба. Съ одной стороны дворянство, съ другой бюргеры и представители церковныхъ приходовъ спорили на ландтагахъ. Дворянство доказывало, что оно свободное сословіе и равное по правамъ съ польскимъ, что потому, за отсутствіемъ герцога, вступить въ права верховной власти. Герцогскіе совѣтники и адвокатъ надворнаго суда Цигенборнъ утверждали, напротивъ, что курляндское дворянство привилегированное, но не свободное сословіе. Партія дворянства и такъ-называемыхъ

«майористовъ» ни въ чемъ не могли согласиться между собой. Дворянство составило-было въ 1749 году конфедерацію. На ландтагахъ 1754 и 1756 годовъ приняты были строгія мѣры противъ своевольнаго дворянства. Къ этимъ внутреннимъ безпорядкамъ присоединились еще споры съ польскимъ епископомъ Лифляндіи, съ сосѣдними польскими магнатами. Ландтаги 1752, 1754 и 1756-го годовъ умоляли короля просить о возвращеніи Бирона. Польскій сенатъ въ 1750 г. также представилъ королю объ этомъ. Требованіе было безуспѣшно. Елизавета Петровна объявила, что она не приметъ курляндскихъ депутатовъ. Ходатайству Августа III также не посчастливилось. Письменно и словесно объявила императрица, что государственныя соображенія препятствуютъ освобожденію и возвращенію въ Курляндію Бирона, что войска не могутъ быть выведены изъ герцогства прежде, чѣмъ будутъ удовлетворены денежныя притязанія Россіи. Во время войны съ Пруссіей, между Россіей и Августомъ III начались новые переговоры относительно Курляндіи. Польскій король хотѣлъ доставить герцогство своему любимому сыну Карлу Христіану Юсифу. Онъ отправилъ его въ Петербургъ для личнаго представленія императрицѣ и успѣлъ получить ея согласіе. Назначеніе новаго герцога встрѣтило, между прочимъ, многія затрудненія. Съ одной стороны католицизмъ Карла возстановлялъ противъ него протестантское населеніе герцогства, съ другой Августу трудно было получить согласіе Польши на инвентитуру. Сеймъ въ Гродно не согласился на представленіе короля. Въ собраніи сенаторовъ въ Варшавѣ могущественная фамилія Чарторижскихъ протестовала. Препятствія были, впрочемъ, отстранены. Карлъ обязался фрейгерамъ и дворянамъ курляндскимъ не строить католическихъ церквей и часовенъ, не допускать католическихъ процессій, изгнать іезуитовъ, которые появились-было въ Курляндіи, однимъ словомъ, поддерживать все въ

точно такомъ же состояніи, какъ было при лютеранскихъ герцогахъ. 5-го ноября 1759 г., послѣ многихъ споровъ, послѣдовало наконецъ согласіе рыцарства, земства и городовъ. Карлъ Христіанъ получалъ отъ своего отца инвеституру на герцогство Курляндію. 16-го іюля 1759 г. заключенъ былъ актъ между Россіей и новымъ герцогомъ курляндскимъ, по которому Карлъ обязался давать свободный пропускъ черезъ герцогство русскимъ войскамъ, доставлять имъ квартиры и припасы по цѣнѣ, заранѣе установленной обще съ министромъ російскимъ. Россія соглашается на выпускъ хлѣба изъ Курляндіи. Герцогъ обязуется чинить вспоможеніе русскимъ войскамъ подводами, лѣсомъ, дровами и т. п. за справедливую цѣну, оставить по прежнему открытыми для русскихъ кораблей курляндскія гавани. Съ герцогскихъ имѣній снять будетъ секвестръ, какъ скоро арендные деньги съ нихъ по Ивановъ день поступятъ въ казну ея императорскаго величества. Новый герцогъ недолго владѣлъ Курляндіею. Вступленіе на престолъ Петра Ѳеодоровича возвратило Бирону его прежнее владѣніе. Правленіе Карла Христіана сверхъ того прошло въ борьбѣ съ частію дворянства и въ другихъ спорахъ.

Данія, какъ мы видѣли, находилась въ постоянномъ страхѣ за Шлезвигъ. Договоромъ 4-го мая 1758 г. она заключила союзъ съ Франціей, по которому король французскій обязался содѣйствовать негоціаціей промѣну Шлезвига на Дельменгоретъ и Ольденбургъ или, при отказѣ со стороны великаго князя Петра Ѳеодоровича, доставить Даніи справедливое вознагражденіе, съ тѣмъ однако, чтобы это вознагражденіе было не на счетъ Франціи или Австріи. Елизавета Петровна актомъ отъ 16-го (27-го) марта 1760 г. приступила къ этому договору съ тѣмъ условіемъ, чтобы вознагражденіе Даніи, въ случаѣ неуспѣха переговоровъ о промѣнѣ Шлезвига, совершено было не на счетъ Россіи. Сверженіе Бестужева отозвалось

на ходъ голштинскихъ переговоровъ. Сепаратною секретною статьею союзнаго договора между Россією и Австрією (21-го марта 1760 г.) постановлено было, что Австрія обязуется дѣйствовать заодно съ Россією для сохраненія интересовъ голштинскаго дома; что она гарантируетъ всѣ владѣнія герцогства Голштинскаго въ Германіи; что, въ случаѣ если Данія не удовлетворитъ требованіямъ голштинскаго дома, обѣ императрицы условятся относительно дальнѣйшихъ мѣръ. Съ 1758 года Данія содержала войско на случай войны съ Россією, тѣмъ болѣе, что русской арміи, находившейся въ Помераніи, легко было, пачать враждебныя дѣйствія. Эти военныя приговленія истощали матеріальныя средства небольшого королевства, не доставляя ему надежной гарантіи противъ грозившей опасности.

III

Царствованіе Елизаветы Петровны не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя оставляютъ по себѣ долгую память во внутреннемъ строѣ государства.

Двадцать лѣтъ ея правленія не ознаменовались важными измѣненіями въ государственныхъ учрежденіяхъ, несмотря на то, что эти измѣненія, повидимому, вызывались необходимою. Мы напрасно будемъ искать въ правительственныхъ распоряженіяхъ какой-нибудь системы, какого-нибудь общаго плана. Въ этомъ отношеніи царствованіе Елизаветы представляетъ продолженіе предыдущихъ правленій. Какъ въ дѣлѣ вѣнш-

ней политики, здѣсь, можетъ быть, еще съ большею ясностью представляется господство личныхъ побужденій, случайности и отсутствіе всякаго опредѣленнаго принципа. Тѣмъ не менѣе въ царствованіе Елизаветы Петровны сдѣлано было довольно такого, на чемъ останавливается вниманіе историка, и останавливается съ полною благодарностью. Въ основаніи Московскаго университета, въ колонизаціи южной Россіи, Елизавета имѣетъ право на признательность потомства. Въ эти 20 лѣтъ правы много потеряли своей прежней грубости. Достаточно слѣдить манифестъ о наказаніи Миниха, Остермана и другихъ, или манифестъ о Лопухинскомъ заговорѣ съ тѣмъ, которымъ объявлено было народу о дѣйствительныхъ преступленіяхъ Бестужева, чтобы наглядно убѣдиться въ быстромъ смягченіи правовъ, совершившемся въ ея правленіе. И должно сказать, что въ этомъ смягченіи много участвовалъ личный характеръ императрицы. Въ памяти народа изъ ея нравственнаго облика удержалось только, какъ главная отличительная черта, кротость и привѣтливость дочери Петра Великаго. Какъ ни трудно представить картину общественнаго, нравственнаго и умственнаго состоянія Россіи въ это время, такое изображеніе необходимо, какъ естественное дополненіе вѣтшей исторіи. Отрывочность и неполнота не должны насъ останавливать. Отсутствіе общаго плана, безсистемность, случайность точно такой же характеристическій признакъ пныхъ царствованій, какъ ясная, сознательная дѣятельность, отличающая другія. Много, учрежденное при Елизаветѣ, явилось безъ всякаго отношенія къ прошедшему, исчезло безъ слѣда съ ея кончиной, но самые факты любопытны, потому что они имѣли сильное вліяніе на современниковъ: притомъ развитіе общества, исключая, разумѣется, низшіе слои его, остававшіеся въ движеніи, никогда не совершалось съ такою быстротою, какъ въ XVIII вѣкѣ. Каждое 25-лѣтіе составляетъ какъ бы особый періодъ.

Мы начнемъ съ вѣтшей, административной и матеріальной, стороны общества, чтобы перейти потомъ къ его внутренней, нравственной жизни. Россія дѣлилась при Елизаветѣ на 16 губерній, изъ которыхъ нѣкоторыя подраздѣлялись на провинціи. Это были: 1-я) Московская съ 9 провинціями, 2-я) Новгородская съ 4-мя, 3) Бѣлогородская съ 2-мя, 4) Воронежская съ 4-мя, 5) Смоленская безъ провинцій, 6) Архангелогородская съ 3-мя, 7) Казанская съ 3-ю, 8) Нижегородская съ 2-мя, 9) Астраханская, 10) Кіевская безъ провинцій, 11) Оренбургская и 12) Сибирская, каждая съ 2-мя, 13) Рижская, 14) Ревельская, 15) Выборгская и 16) Петербургская безъ провинцій. Всѣ эти губерніи, за исключеніемъ Выборгской, существовали прежде и вообще при Елизаветѣ не сдѣлано было въ этомъ отношеніи никакихъ измѣненій. Выборгская же образована по высочайше утвержденному 14 января 1744 г. докладу сената изъ вновь завоеванныхъ отъ Шведовъ областей съ присовокупленіемъ прежнихъ Выборгской и Кексгольмской провинцій. Этими 16 губерніями не ограничивались впрочемъ владѣнія имперіи. Въ вѣтшіи коллегіи иностранныхъ дѣлъ находились Малороссія и степи Южной Россіи. Въ этихъ южныхъ предѣлахъ имперіи совершены важныя перемѣны въ царствованіе Елизаветы Петровны. Начнемъ съ Малороссіи. Послѣ смерти Данила Апостола въ 1734 году, не было гетмана въ Малороссіи. Она была отдана въ управленіе 6-ти членамъ, составлявшимъ малороссійское правленіе. Половина членовъ были Великоруссы, половина Малороссы. Они управляли на основаніи статей, данныхъ Апостолу. Главные начальники смѣнялись одинъ другаго очень скоро. За Бярятинскимъ слѣдовалъ Румянцевъ, получившій титулъ украинскаго статгальтера. Послѣ Румянцева Кейтъ, оставившій по себѣ добрую память въ народѣ; за нимъ Леонтьевъ, потомъ Неплюевъ. Всѣ эти перемѣны были между 1737 и 1741 г. Малороссіянамъ сильно не по сердцу было отнѣ-

неніе гетманщины и правленіе великорусскихъ членовъ, при Леонтьевъ получившихъ перевѣсъ надъ ихъ малороссійскими товарищами. Министерская канцелярія осталась надолго памятною своими дѣйствіями. Въ Исторіи Руссовъ *Конисскаго* высказалась вполнѣ народная ненависть. «Преданіе общее и достовѣрное, говоритъ онъ, повѣствуетъ о самомъ мѣстѣ, гдѣ была министерская канцелярія, что ежели бы перстомъ руки Божіей изрыть частицу земли на мѣстѣ томъ, то ударила бы изъ него фонтаномъ кровь человѣческая, пролитая министерскою канцелярією». Конисскій приводитъ одинъ примѣръ употребленія слова и дѣла, которому трудно повѣрить въ наше время. Яркими красками описываетъ архіепископъ бѣлорусскій правленіе курляндскаго герцога. «Всякъ, вѣруй въ Бирона и твою волю его, спасень и прославленъ, а не вѣруй въ него и противяйся ему осужденъ есть и погибшій». Присутствіе въ Старадубѣ брата Биронова позволявшаго себѣ, по словамъ Конисскаго, самыя возмущающія душу насилія, давало особенно чувствовать Малороссамъ тяжесть зависимости отъ Россіи. Все измѣнилось со вступленіемъ на престолъ Елизаветы. Передъ окончательнымъ уничтоженіемъ своего мѣстнаго, исключительнаго существованія, Малороссія суждено было ненадолго воротиться къ ея гетманщинѣ, повѣрить на минуту возможности возврата прошлаго. Перемяна въ отношеніяхъ почувствовалась немедленно. Зная приближенныхъ къ императрицѣ, не трудно угадать, кто внушалъ ей милостивое расположеніе къ Малороссіи, кто заставилъ ее полюбить этотъ народъ. Малороссійскіе члены правленія получили равенство правъ съ Великоруссами, нарушенное Леонтьевымъ. Въ 1744 г. сама императрица прибыла въ Кіевъ, Конисскій рассказываетъ, что однажды Елизавета, окруженная безчисленнымъ народомъ, громко сказала: «Возлюбя меня Боже такъ въ царствіи небесномъ, какъ я люблю сей благоправный и незлобивый народъ». Въ Кіевѣ подана

была ей просьба о возстановленіи гетманства. Императрица приказала прислать депутатовъ въ Петербургъ ко дню бракосочетанія великаго князя Петра Ѳеодоровича съ Екатериною Алексѣевною. Депутаты воротились обласканные и одаренные дворомъ и привезли грамоту, обещающую скорое избраніе гетмана. Когда въ 1748 году пожары и голодъ опустошали Малороссію, правительство приняло мѣры для облегченія тяжелой участи народа. Изъ Украйны выведены были 7 русскихъ полковъ, квартировавшихъ тамъ, розданы деньги въ пособіе и т. п. Депутаты малороссійскіе, отправленные въ Москву въ 1745 году, воротились только въ декабрѣ 1749 г. Они привезли вѣсть, что скоро прибудетъ Гендриковъ для того, чтобы присутствовать при избраніи новаго гетмана вольными голосами. Причина медленности въ удовлетвореніи желанія Малороссовъ заключалась въ томъ, что Кирила Разумовскій, которому предназначалось гетманство, еще путешествовалъ за границей. 22-го февраля 1750 года въ Глуховѣ съ необычайной торжественностью, въ присутствіи уполномоченнаго императрицы, совершилось избраніе. На вопросъ Гендрикова, кого желаютъ имѣть гетманомъ, раздалось имя Кирилы Разумовскаго. Депутація была отправлена въ Петербургъ съ извѣстіемъ о результатѣ избранія и для полученія утвержденія императрицы. 24-го апрѣля, въ торжественной аудіенціи, государственный канцлеръ Бестужевъ объявлялъ подтвержденіе императрицею сдѣланнаго избранія, и 22-лѣтній Разумовскій произведенъ былъ въ генераль-фельдмаршалы. Именнымъ указомъ 5-го іюня 1750 года, даны были на урядъ новому гетману многія имѣнія, приказано было отставить всѣхъ великорусскихъ членовъ изъ войсковой и министерской канцелярій, изъ генеральнаго суда, изъ комиссій экономіи и объ обихахъ. Самыя комиссіи и министерская канцелярія были уничтожены. 24-го іюля того же года разрѣше-

но было возстановить городъ Батурина и сдѣлать его попрежнему гетманскою резиденціей. Другимъ указомъ того же числа повелѣно было отдать Разумовскому всѣ доходы съ гетманскихъ имѣній, которые собирались съ 1834 года, то есть со смерти Давида Апостола, деньгами, хлѣбомъ, виномъ и другими припасами. Указомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ 25-го іюля того же года сказано: «Всемилоствѣйше подтвержденный отъ насъ гетманъ Кирила Разумовскій, предъ всѣми другими гетманами имѣя ту отличность, что онъ нашей имперіи графъ, мы же высочайше имѣя къ его персонѣ особливую довѣренность и благоволеніе, соизволеніе наше есть, чтобы въ отправленныхъ къ нему изъ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ грамотахъ даванъ ему былъ предикать: *«высоко и благоурожденнаго, намъ любезно - вѣрнаго подданнаго»*. Указомъ сенату отъ 19-го октября 1750 года повелѣно было подчинить малороссійскому гетману Запорожскую Сѣчь, бывшую до тѣхъ поръ въ вѣдѣніи кievскаго губернатора.

Правленіе гетмана Разумовскаго памятно Малороссамъ по многимъ льготамъ. Такъ указомъ 2-го мая 1754 года дозволено провозить изъ Малороссіи въ Россію и обратно хлѣбъ. Указомъ 13-го мая 1755 года разрѣшенъ беспошлинный въ Малороссію привозъ иностранныхъ товаровъ. Еще нѣсколько прежде именнымъ указомъ 13-го іюля 1754 года отмѣненъ индуктный сборъ, а февраля 17-го слѣдующаго года разрѣшенъ беспошлинный ввозъ въ Малороссію пеньки, воска, конопля, масла, кофе и хлѣба. Чрезвычайно важенъ былъ указъ 2-го апрѣля 1755 года, по которому Малороссія освобождалась не только отъ индукты и евекты, но и уничтожены были всѣ многочисленные внутренніе сборы, введенные прежними гетманами подъ именами *покуховнаго* и *скатнаго* (съ продажи вина и легтю), *армонковаго* и *поко-*

вшеваго, размыроваго (съ мельницъ) и *показаницыны* (съ винокуренныхъ котловъ) и т. п., которыми стѣснялась мѣстная промышленность, но которые доставляли войсковому скарбу 48,147 р. ежегодно. Въ замѣнъ этихъ сборовъ въ скарбъ войсковой повелѣно было отпускать изъ государственной казны опредѣленную сумму. Указомъ 17-го января 1756 года, перенесены были малороссійскія дѣла изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ вѣдѣніи которой они состояли, въ сенатъ, гдѣ учреждена была по этому особая экспедиція, причемъ, однакоже, удержана прежняя форма сношеній съ гетманами. Это измѣненіе, сдѣланное по просьбѣ Разумовскаго, имѣло важныя послѣдствія: имъ вводилась Малороссія въ общій составъ Русскаго государства и послѣдній гетманъ, по всей вѣроятности, безсознательно или для личныхъ своихъ выгодъ, содѣйствовалъ уничтоженію исключительнаго положенія Малороссіи. Въ 1761 году взять Кіевъ изъ вѣдомства гетманскаго и непосредственно подчинить сенату. Во внутреннемъ устройствѣ Малороссіи замѣчательнъ универсалъ гетмана 17-го ноября 1759 года, которымъ онъ далъ большее значеніе генеральному суду, приказавъ присутствовать въ немъ депутатамъ отъ 10 малороссійскихъ полковъ и освободивъ его отъ аппеляціи въ генеральную канцелярію. Казаки принимали участіе въ Семилѣтней войнѣ, кромѣ того ихъ отряды наряжали для работъ въ крѣпостяхъ, для прикрытія новыхъ поселеній, въ погонщики въ армію и т. д. Возвращеніе званія гетманскаго не воротило Малороссіи прежняго времени. Гетманщина въ самомъ своемъ устройствѣ носила условія своей недовѣрчивости. Обстоятельства измѣнились, а съ ними становилось ненужнымъ особое, исключительное положеніе Малороссіи, дѣлалось необходимымъ слѣпить ея съ областями Великой Россіи. Самъ Разумовскій, несмотря на свою силу при дворѣ, не обольщался надеждами, не вѣрилъ въ возможность возвра-

та къ старинѣ. Мазепу называлъ онъ послѣднимъ гетманомъ еще въ то время, когда онъ не предчувствовалъ, что достанется ему заключить своимъ именемъ списокъ малороссійскихъ гетмановъ.

Явленія высокой важности происходили въ степяхъ, прилежавшихъ къ низовью Днѣпра и владѣніямъ крымскихъ и нагайскихъ ордъ. Тамъ доживалъ свое послѣднее время кошъ запорожскій, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе показывавшій свою несовмѣстимость съ государственными порядкамъ; тамъ же полагалось начало колонизаціи, начало Новороссійскаго края.

Извѣстно, какое участіе приняли запорожцы въ измѣнѣ Мазепы. Почти вся старшина и 8 тысячъ запорожцевъ перешли Шведамъ вмѣстѣ съ гетманомъ. 14-го мая 1709 года полковникъ Яковлевъ взялъ приступомъ Сѣчь и разрушилъ ее до основанія. Манифестомъ 26-го мая 1709 г. разгнѣванный Петръ объявилъ месть запорожцамъ. Напрасно въ 1710 году они пытались-было основать кошъ при впаденіи рѣчки Каменки въ Днѣпръ. (Въ Херсон. уѣздѣ Херсонской губ.) Гетманъ Скоропадскій и генералъ Бутурлинъ разорили ихъ поселеніе. Запорожцы передались крымскому хану. Въ 1710 году они основали кошъ въ урочищѣ Алешкахъ, на берегу нижняго Днѣпра, среди песковъ и тонкихъ камышей.

Запорожье оставалось одинокимъ представителемъ стараго казачества. Время не коснулось древняго устройства этой военной общины. Оно только все рѣзче и рѣзче выставляло различіе между запорожскимъ кошемъ и остальною Малороссіей, быть которой измѣнился уже во многомъ. Самы запорожцы чуждались гетманщины, называя ее городовымъ казачествомъ, презирая ее, и вотъ теперь пришла пора наказанія за это добровольное отчужденіе отъ всѣхъ успѣховъ гражданственности. Подъ верховною властію крымскаго хана, пскони врага православія Руси, невыносимо было положеніе бойцовъ

за вѣру и Русь. Казачьи пѣсни говорятъ о пребываніи въ Алешкахъ, какъ о времени бѣдствія. «Ой Олешки, будемъ васъ знать, и той лихой дець, и ту лихую годину», поютъ украинскіе бандуристы. Гордѣнко умеръ въ этомъ изгнаніи. Орликъ и другіе приверженцы Мазепы не могли подавить общаго желанія запорожцевъ воротиться въ подданство русскаго царя. Но дѣло было трудное. Трактатомъ 5-го апрѣля 1712 г. Петръ отказался отъ всѣхъ правъ на Сѣчь запорожскую. Въ 1728 году Даниилъ Апостолъ доносилъ верховному тайному совѣту, что запорожцы, забравъ войсковые клейноты, хотѣтъ возвратиться въ старую Сѣчь и вступить въ подданство Россіи. Императоръ Петръ II отвѣчалъ на это приказомъ отбивать ихъ съ оружіемъ въ рукахъ отъ нашихъ границъ, если они будутъ пытаться войти въ нихъ. Позволено было принимать только отдѣльныхъ безоружныхъ выходцевъ. Только въ 1734 г. удалось запорожскому кошу исполнить свое первое желаніе, выйти изъ неестественнаго и невыносимаго подчиненія крымскому хану. При Алиѣ Ивановичѣ указомъ 25-го іюля 1734 года генералу графу Вейсбаху повелѣно основать въ степи линію крѣпостей и редутовъ для прикрытія нашихъ границъ. Эта линія, извѣстная подъ именемъ Старой или Украинской, должна была вытянуться отъ Днѣпра, отъ Богородицкаго ретраншемента до Сѣвернаго Донца у границъ Изюмской провинціи. Вейсбахъ, въ виду постоянной опасности отъ крымскихъ наѣздовъ и польскаго безначалія, задумалъ планъ возвратить запорожцевъ, псконныхъ враговъ и Крыма, и Польши. Съ августа 1734 года начались тайныя сношенія между нѣмъ и кошемъ. Въ 1734 году онъ сообщилъ нѣмъ копіи съ простительной грамоты, подписанной императрицей Анной 31-го августа 1733 года. Въ этомъ же году кончились ихъ бѣдствованія въ Алешкахъ, гдѣ они жили съ Татарами, по ихъ выраженію, въ такомъ согласіи, *въ якомъ собака съ котомъ живе*. 27-го марта кошевой Милашевичъ

донесъ Вейсбаху, что онъ съ стараго мѣста *увернулся* и сталъ новымъ кошевымъ въ русскихъ предѣлахъ, на правомъ берегу Днѣпра, на рѣчкѣ Подпольной (въ 8 верстахъ отъ старой Сѣчи). Здѣсь на полуостровѣ, образуемомъ глубоко Подпольной, основался 4-й и послѣдній кошъ запорожскій, основана была съ благословенія архіепископа кievскаго и сѣчевая церковь. 7-го сентября 1734 года получила запорожская старшина въ Бѣлой церкви и подлинную грамоту императрицы, и денежное жалованье и принесла присягу на вѣрность. Тутъ же получила она и войсковыя клейноды. Началось внутреннее устройство по старымъ, неизмѣннымъ правиламъ. Всѣ земли и рѣчки раздѣлены по *регуль* казацкой на курени, въ остальныхъ позволено селиться *подданству* войсковому и *поженившемуся* казачеству. Эти села составили двѣ *Товщи* или вѣдомства, управляемые *паланками*, т.е. полковою старшиною. Поставлены были посты для защиты границъ и рыболовства, возобновлены перевозки, доставлявшіе порядочный доходъ войску. Наконецъ, положено было ежегодно отправлять ко двору команду *столичниковъ* за хлѣбнымъ и денежнымъ жалованьемъ. Кошъ организовался окончательно. Въ войнѣ съ Турками запорожцы принимали дѣятельное участіе. Особенно памятенъ для нихъ по трудности остался днѣстровый походъ 1738 года. Бѣлградскимъ миромъ (18 сент. 1739 г.) Сѣчь запорожская признана за Россіей. Артикуломъ дополнительной Иссской конвенціи опредѣлилась южная граница Россіи съ турецкими владѣніями прямою линіею отъ источниковъ рѣки Конскія Воды, впадающей въ Днѣпръ, до источниковъ рѣки Берды, вливающейся въ Азовское море (нынѣшняя межа между Таврической и Екатеринославской губерніями). Этимъ разграниченіемъ всѣ владѣнія запорожцевъ, за исключеніемъ одного *Горда** на Бугѣ, вошли въ

* *Горда* въ Южной Украинѣ значить мѣсто для рыбной ловли. Скальковский: Ист. Нов. Сѣча, 1 т., 62 стр.

составъ непосредственныхъ владѣній Русской имперіи, которая такимъ образомъ могла распорядиться Запорожествомъ, какъ собственностью, и уничтожить Сѣчь по первому желанію. Вскорѣ потомъ обозначена была граница Запорожья со стороны Польши; эта граница соотвѣтствуетъ теперешней межѣ между Херсонской, Подольской и Кіевской губерніями. Это размежеваніе было необходимо. Между Польшей и казаками была непримиримая ненависть. Наѣзды гайдамаковъ влекли за собою крайне жестокія мѣры со стороны польскихъ начальствъ. Дикое варварство среднихъ вѣковъ обнаруживалось въ этихъ столкновеніяхъ. Царствованіе императрицы Елизаветы Петровны было лучшимъ временемъ новой Сѣчи Запорожской, хотя въ это царствованіе кругомъ Запорожья положено начало тому поясу укрѣпленій, который потомъ задушилъ этотъ послѣдній остатокъ вольнаго казачества. Тотчасъ послѣ присяги на вѣрность, кошъ отправилъ для поздравленія императрицы своего бывшаго кошевого Милашевича, вмѣстѣ съ просьбами о болѣе точномъ разграниченіи со стороны Польши и разборѣ жалобъ, о разграниченіи съ донскими казаками и о болѣе положительномъ законѣ о хлѣбномъ и денежномъ жалованьи. О разграниченіи со стороны Польши мы уже упомянули. Разборъ взаимныхъ жалобъ коша и Крыма тянулся чрезвычайно долго. Онъ кончился только на сѣздѣ русскихъ и крымскихъ депутатовъ, въ 1749 году, въ Сѣчѣ, хотя не могъ прекратить вполне всѣхъ поводовъ къ столкновеніямъ. Споры съ Донцами за рѣчки и угодья, за рыболовство по берегамъ и косамъ Азовскаго моря были также едва кончены послѣ изслѣдованія на мѣстѣ, начавшагося въ 1743 году и приведеннаго къ окончанію не прежде 1746 г. Рѣка Калміусъ или Калка назначена была границею между запорожцами и донцами. Но и послѣ того рыболовство запорожцевъ на кубанской сторонѣ подавало поводъ къ безпрерывнымъ распрямъ. Относительно льготъ запорожцамъ просьба

ихъ была удовлетворена вполнѣ. Указомъ 1-го августа 1742 г. повелѣно было отпускать запорожскому товариществу серебряною монетою по 4.660 рублей въ годъ, да 1,000 четвертей муки съ пропорціональнымъ размѣромъ крупъ.

Грамотою 16-го сентября 1742 года приказано было пропускать черезъ форпосты въ Малюю Россію запорожцевъ безъ платежа *мостоваго* и *погребельнаго* (гребля — плотина) сбора, съ товаровъ же брать пошлину на общихъ правахъ. Запорожье было единственнымъ путемъ заграничной черноморской торговли. Поэтому подобное разрѣшеніе весьма важно. Указомъ 20-го сентября 1743 г. это разрѣшеніе распространено и на людей не торговыхъ, на чумаковъ и идущихъ на заработки. Войску пожалованы были клейноды, т. е. инвентура всѣхъ ихъ вольностей. Въ 1743 году миргородскій полковникъ Капнистъ и инженеръ де-Боскетъ сняли, по приказу императрицы, карту Заднѣпровья и запорожскихъ владѣній. Указомъ 14-го октября 1750 года повелѣно было запорожскому войску состоять въ вѣдѣніи малороссійскаго гетмана, а не кievскаго генералъ-губернатора, какъ это было прежде. Эта перемѣна, впрочемъ, мало значила для запорожья, сохранявшаго всю независимость своего внутренняго управления. Военныя поселенія стѣснили приволье Запорожцевъ и повели къ нескончаемымъ спорамъ. Уже кабинетнымъ указомъ Анны Ивановны въ 1741 году дозволено было русскимъ и малороссійскимъ бѣглецамъ, скрывавшимся въ Крыму, Молдавіи и Польшѣ, возвращаться въ Россію и селиться въ заднѣпровскихъ степяхъ. Изъ этихъ выходцевъ образовались села на запорожскихъ земляхъ, причисленные къ Малороссіи, къ миргородскому и полтавскому полкамъ. Въ 1743 г. полковникъ миргородскій Капнистъ началъ, по приказу императрицы, строить шанцы, Новоархангельскій на Сянохъ и Орловскій на Бугѣ, у самой польской границы. Съ

1750 г. поселеніе приняло большіе размѣры. Въ 1750 году нѣсколько сербскихъ офицеровъ явились въ Вѣнѣ къ русскому послу и просили позволенія поселиться въ Россіи, обѣщая за земли составить гусарскіе и пандурскіе полки. Русскому посланнику была хорошо извѣстна польза австрійской Военной границы. Подвиги пандуровъ въ войнѣ за австрійское наслѣдство были у всѣхъ въ свѣжей памяти. Начались переговоры съ Австріею. Указомъ, даннымъ 13-го іюля 1751 года Бестужеву-Рюмину, нашему послу въ Вѣнѣ, приказано было объявить полковнику Хорвату, «что не токмо онъ и другіе офицеры, но и сколько бы ихъ изъ сербскаго народа въ нашу имперію перейти хотѣло, всѣ оныя яко *«елиновѣрныя съ нами въ службу и подданство наше приняты будутъ, и что намъ обѣщанное имъ Хорватомъ набраніе гусарскаго и пандурскаго полковъ угодно, и что для поселенія ихъ Сербовъ, не токмо въ Украйнѣ, но и въ другихъ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашей Имперіи, кои не меньше для житія человѣческаго выгодны, пространныя и плодоносныя земли даны будутъ.»* 10-го октября полковникъ Хорватъ отъ Куртичь былъ въ Кіевѣ съ 218 человѣками обоего пола, и получилъ чинъ генералъ-майора нашей службы. Прошеніемъ своимъ Хорватъ объявилъ, что онъ желаетъ учредить 4 полка регулярныхъ, 2 гусарскіе и 2 пандурскіе, каждый полкъ въ 4,000 человекъ. Для этихъ полковъ установлено равенство по командѣ съ прочими драгунскими и пѣхотными полками русскаго войска. Гусарскіе полки получаютъ жалованье, равное съ гусарскими полками русскими, а пандурскіе полки третью меньше, вмѣсто же порціоновъ и раціоновъ, дается земля. Въ мирное время имѣть этимъ поселеннымъ полкамъ свободную торговлю во внутреннихъ областяхъ имперіи, въ Крыму, Молдавіи и Польшѣ. Каждая гусарская рота одна отъ другой по 8 верстъ разстоянія имѣеть, а въ степи 30 верстъ; пандурская

6 верстъ, а въ степи 25. Каждый полкъ будетъ состоять изъ 20-ти ротъ. Какъ гусарамъ, такъ и пандурамъ дается на первый разъ изъ казны все оружіе. Для строенія крѣпостей нарядить рабочихъ. Просилъ Хорватъ «исходатайствовать отъ Австріи для него набрать въ ихъ владѣніяхъ публичнымъ вербугомъ отъ 500 до 1,000 человекъ, а если этого нельзя, то разрѣшить вербовку, хотя бы то тихимъ и тайнымъ образомъ.» Именнымъ указомъ 24-го декабря 1751 года сообщено было сенату о принятіи въ подданство Сербовъ и сообщенъ экстрактъ изъ донесенія русскаго посла въ Вѣнѣ, которымъ доказана польза Военной границы, а также и прошеніе Хорвата. 29-го декабря того же года состоялся сенатскій указъ, утвердившій поселеніе Сербовъ и представленіе Хорвата. Сербамъ Хорвата отведены были земли въ сѣверо-западной части Запорожья, почти незанятою, но принадлежавшей кошу. Земли начинались отъ рѣки Кагарлика (въ Бобринецкомъ уѣздѣ Херсонской губерніи), оканчивались у впаденія рѣки Омельника въ Днѣпръ (въ Александрійскомъ уѣздѣ). Это поселеніе названо Новою Сербіею. Въ 1753 году основана была крѣпость св. Елизаветы на вершинахъ рѣки Ингула. Января 11-го 1752 года дана была жалованная грамота генераль-майору Хорвату, которою подтверждались права поселенныхъ Сербовъ, поручалось ему вызвать въ Россію выходцевъ изъ православнаго сербскаго, македонскаго, болгарскаго и валахскаго народовъ, для формировація изъ нихъ гусарскихъ и пандурскихъ полковъ, давалось право ему, а по смерти его одному изъ дѣтей быть непрѣмнымъ полковникомъ одного изъ гусарскихъ полковъ.

Въ крѣпости св. Елизаветы положено было содержать гарнизонъ изъ ландмилицскихъ полковъ, подъ начальствомъ коменданта бригадирскаго ранга по назначенію военной коллегіи, и т. д. Указомъ 20-го января 1752 года приказано

было малороссійскому гетману отправить для строенія крѣпости св. Елизаветы 2,000 казаковъ, но Разумовскій послалъ въ 1754 г. не болѣе 600 рабочихъ людей. Построеніе крѣпости возбуждало подозрѣніе запорожцевъ и самой Турціи. Послѣдніе приверженцы Мазепы, жившіе въ Крыму, указывали запорожскимъ посланнымъ на грозившую имъ опасность. Они говорили имъ въ 1755 году: «Россіяне нынѣ уже войско запорожское въ конецъ истребить хотятъ, для чего и вновь по сей сторонѣ Днѣпра города, яко то Елизаветъ и прочіе, надѣланы и уже войско запорожское все въ мѣшокъ убрано, только жъ еще, чтобъ якъ тотъ мѣшокъ завязати, Россіяне способу не избрали». Порта даже отправила особаго чиновника въ Новую Сербію, чтобы удостовѣриться въ справедливости слуховъ. По ея настоянію постройка укрѣпленія въ крѣпости св. Елизаветы была приостановлена. Опасенія Запорожья и Порты не были лишены основанія. Въ послѣдствіи Русскіе изобрѣли способъ завязать въ этотъ мѣшокъ не одно Запорожье, но и самый Крымъ. Поселеніе шло дѣятельно. 3-го февраля 1752 года дана была инструкція генераль-майору Глѣбову объ отводѣ земель Сербамъ Хорвата и о водвореніи ихъ. Определено было выдавать земли въ той пропорціи, какъ и ландмилиціи, т. е. капитану 100, поручику 80, подпоручику 70, прапорщику 50, рядовому отъ 25 до 30 четвертей на семью. На содержаніе и жалованіе 4 гусарскимъ и пандурскимъ полкамъ и штабу положено было выдавать въ военное время по 524,590 р. 11 к., въ мирное время по 124, 957 р. 95 к. въ годъ, да единовременно на изготовленіе оружія и амуниціи 109,053 р. 60 к. Судъ и расправа отдавались Хорвату и Глѣбову, которые должны были дѣйствовать по военному уставу и существующимъ постановленіямъ. Указомъ 24-го апрѣля 1752 года разрѣшено было Хорвату принимать выходцевъ сербскаго, болгарскаго, молдавскаго и

валахскаго происхожденія изъ Турціи и польскихъ владѣній и пропускать ихъ черезъ границу безъ паспортовъ, не принимая только Поляковъ и преступниковъ. 29-го мая того же года разрѣшено принимать и тѣхъ православныхъ иностранцевъ, которые отставлены изъ русскихъ гусарскихъ полковъ. Указомъ 27-го іюня снята пошлина съ припасовъ, привозимыхъ въ Новую Сербію изъ Польши. Скоро явились и другіе охотники на переселеніе. Полковники Иванъ Шевичъ и Райко Прерадовичъ изъявили желаніе перейти въ русское подданство. Оба они произведены въ генералъ-майоры; но ихъ предложеніе относительно мѣста для поселенія не было уважено. Въ именномъ указѣ сенату отъ 20-го ноября 1752 года о выводѣ изъ Новой Сербіи малорусскихъ выходцевъ высказана, между прочимъ, мысль, что въ случаѣ выхода въ Россію многого числа Сербовъ устраивать такъ, чтобы они не все въ одномъ мѣстѣ были, но между русскими подданными въ поселеніи состояли. Поэтому сенатскимъ указомъ 29-го мая 1753 года Шевичу и Прерадовичу для поселенія отведены были уже мѣста на сѣверо-восточной границѣ Запорожя, именно между сѣвернымъ Донцомъ и рѣчками Бахмутомъ и Луганью (въ Славяно-сербскомъ и Бахмутскомъ уѣздахъ Екатеринославской губерніи). Это второе поселеніе получило названіе Славяно-Сербіи. Организациія его была та же самая, что и Новой Сербіи. Водвореніе было поручено инженеръ-полковнику Бибикову; Славяно-Сербія отдана въ веденіе военной коллегіи, а не сената, какъ хорватское поселеніе. Крѣпость св. Елизаветы была уже за чертою Новой Сербіи, далѣе внутри запорожскихъ владѣній. Кругомъ ея селились малорусскіе выходцы изъ Польши, русскіе раскольники и Молдаване. Это новое поселеніе получило названіе Новослободскаго казачьяго поселенія, въ отличіе отъ слободскихъ полковъ, основанныхъ въ нынѣшней Харьковской губер-

ніи гораздо прежде. Правительство запрещало поселеніе Малороссіянъ въ собственныхъ земляхъ Новой Сербіи, старалось, напротивъ, заселить русскими поселенцами окрестности крѣпости св. Елизаветы. Въ сенатскомъ указѣ 5-го іюня 1761 года мы находимъ любопытныя подробности. Ротмистру Попову поручено было вызывать изъ Польши бѣглыхъ русскіихъ людей для поселенія ихъ въ порожнихъ около крѣпости св. Елизаветы мѣстахъ. Имъ опредѣлено было давать льготу на 6 лѣтъ, не опредѣлять въ казаки, а селить ихъ на землѣ при крѣпости, опредѣляя на хлѣбопашество и въ мѣщанство и равняя ихъ по складу съ стародубскими раскольниками, когда кончится льготное время. Ротмистра Попова снабждали, что если онъ выведетъ изъ Польши 2,000 семей, то не будетъ оставленъ безъ награжденія отъ правительствующаго сената. Какъ много должно было являться изъ Польши русскихъ выходцевъ, видно изъ сенатскаго указа 15-го февраля 1761 года объ учиненіи въ малороссійскихъ раскольничьихъ слободахъ новой переписи, въ которомъ помѣщено донесеніе поручика Халкидонскаго, бывшаго управителемъ въ двухъ такихъ слободахъ. Халкидонскій доносилъ, что живущіе тамъ раскольники, «яко при самой польской границѣ не имѣя (за отдаленіемъ волостнаго правленія) никакого страха, русскіихъ бѣглыхъ драгунъ, солдатъ и другихъ всякаго званія людей и крестьянъ цѣлыми селеніями проводятъ потаеннымъ образомъ за границу въ Польшу; проживши тамъ малое время, возвращаются къ границѣ, по милостивымъ указамъ для опредѣленія въ раскольничьи слободы; которые-де никогда раскольниками не бывали, но только для единой вольности, укрываясь отъ помѣщиковъ, въ раскольническія слободы записываются.» Свободное водвореніе въ новослободскомъ поселеніи, разрѣшенное уже послѣ донесенія Халкидонскаго, должно было дать еще большіе размѣры этому бѣгству въ

Польшу и выходу оттуда къ крѣпости св. Елизаветы. Новослободское поселеніе разрасталось такимъ образомъ. Въ крѣпости образовалось довольно многочисленное торговое и мѣщанское поселеніе. На сѣверной границѣ Новой Сербіи устроено было полковникомъ Капнистомъ поселеніе близъ самой польской границы на рѣкѣ Виси, названное Ново-Миргородомъ и населенное Болгарами, Молдованами, Сербамъ. Болгары, селившіеся также въ Новосербскихъ ротахъ, вышли между 1752 и 1754 гг. изъ польскихъ владѣній, куда они пришли было въ числѣ 620 семей изъ Турціи, но не нашли въ Польшѣ свободнаго хлѣбопашества. Молдаване начали съ 1753 года селиться въ значительномъ числѣ на земляхъ новослободскаго казачьяго поселенія. Полковникъ Василій Звѣревъ, называвшійся прежде Лупуломъ, и Штеричъ вывели въ теченіи 10 лѣтъ около 1,800 семей заднѣпровскихъ Молдаванъ, формируя изъ нихъ военно-земледѣльскія роты. Полковникъ Адабашъ первый далъ этимъ поселенцамъ правильное казачье устройство. Вскорѣ изъ нихъ образовалось до 23 ротъ или укрѣпленныхъ селъ. Сверхъ русскихъ и малороссійскихъ выходцевъ изъ Польши, указомъ отъ 7-го октября 1757 г. позволено было принимать въ учреждавшійся слободскій гусарскій полкъ и самихъ Поляковъ, если они только примутъ православіе.

Новослободское поселеніе растягивалось все далѣе по сѣверо-западнымъ границамъ Запорожья и соединило наконецъ Новую Сербію съ Славяно-Сербіею или весь такъ называемый Новосербскій корпусъ. Января 30-го 1760 года поручено было полковнику Солчинскому произвести первый инспекторскій смотръ всѣмъ новосербскимъ поселеніямъ. 14-го августа того же года сенатъ выдалъ дополнителныя правила для казацкихъ поселеній за рубежомъ Новой Сербіи. Такимъ образомъ на всей сѣверной границѣ Запорожья отъ Синюхи до Лугани, впадающей въ Сѣверный Донецъ, и до

земель донскаго казачества, протянулась новая линія разноплеменныхъ поселеній. Съ запорожскими зимовниками на близкомъ разстояніи почти перемѣшались сербскія роты съ ретраншементами и нѣмецкимъ устройствомъ военныхъ поселеній, болгарскія, молдавскія и волошскія села, малорусскіе хутора и раскольничьи русскія деревни. Разноязычные и разноплеменные поселенцы сталкивались между собою. Общаго было только предпримчивость и своеволие. Эта пестрая смѣсь жителей, независимое почти существованіе сербскихъ владѣльцевъ, жившихъ съ своими дружинами, какъ они жили на родинѣ, и только машинально подчинившихся правильной организаціи военныхъ поселеній, хорошо схвачены въ романѣ Кулиша «Михайло Чернышенко», довольно рѣдко. Безпрестанные споры были неминуемымъ слѣдствіемъ поселеній на запорожскихъ земляхъ, тѣмъ болѣе, что трудно было удержать буйныхъ поселенцевъ въ предѣлахъ отведенныхъ имъ земель. Своими хуторами и выселками они распространялись далѣе въ степь Запорожья. Такъ со стороны Бахмута поселенцы Славяно-Сербіи своими заведеніями доходили до самарскаго вѣдомства, лучшей части Запорожья. Новослободскіе поселенцы захватывали земли вблизи великаго и малаго Ингула. Правленіе крѣпости св. Елизаветы безпрестанно выдавало открытые листы новымъ *осадчимъ*, или основателямъ поселеній, которые такимъ образомъ вытѣсняли запорожскіе зимовники. Безпрестанно происходили враждебныя столкновенія. Въ 1755 году запорожскій кошъ рѣшился отправить депутацію въ Петербургъ. Главными пунктами данной депутатамъ инструкціи вѣрно было просить высочайшей грамоты кошу на владѣніе землями, прибавки денежнаго и хлѣбнаго жалованья и разрѣшенія безпошлиннаго привоза изъ Малороссіи различныхъ припасовъ и необходимыхъ предметовъ и такого же вывоза изъ Запорожья соли, шкуръ, лошадей и т. п. Изъ

представленія запорожскаго войска и переписки съ кошею депутатовъ мы узнаемъ нѣкоторыя интересныя статистическія показанія, между прочимъ то, что въ это время въ Запорожьѣ было 13,000 служащаго товариства и 15,000 другихъ жителей степей; тамъ же находимъ любопытныя указанія на права русскаго чиновничества и на способъ хожденія по дѣламъ. Послѣ продолжительныхъ хлопотъ, запорожскіе депутаты выѣхали изъ Петербурга въ іюль 1756 года, получивъ только разрѣшеніе на беспошлинный привозъ и вывозъ изъ Малороссіи товаровъ, за исключеніемъ впрочемъ соли и другихъ заграничныхъ товаровъ. Грамота не была дана и приказано было прежде составить описаніе и карту всѣмъ запорожскимъ землямъ и угодьямъ. Для этого описанія должны были съѣхаться депутаты изъ Малороссіи и Запорожья и отъ сербскихъ и слободскихъ поселеній; но начальству Новой Сербіи было невыгодно точное размежеваніе, и оно не состоялось, а въ 1758 году побѣхала снова ко двору запорожская депутація, везя съ собою подарки императорской фамиліи и важнымъ лицамъ. Хотя на этотъ разъ ихъ просьбы объ неотводѣ земель подъ военныя поселенія остались безуспѣшны, но по крайвей мѣрѣ другія требованія были удовлетворены. Указомъ 25-го января 1760 года разрѣшенъ былъ свободный провозъ изъ Малороссіи всѣхъ предметовъ, также вывозъ изъ Запорожья товаровъ, за исключеніемъ соли, за которую взималась пошлина; позволено запорожцамъ ѣздить съ паспортами отъ кошевыхъ атамановъ. Грамотой 10-го мая 1759 г. на имя Разумовскаго прибавлено кошу денежнаго жалованья по 2,000 рублей въ годъ къ прежнимъ 1,660 рублямъ и подарено три пушки. Когда Сѣчь была опустошена пожаромъ, императрица приказала выдать войску 1,000 пудъ желѣза и 1,000 бревенъ изъ заподѣнныхъ лѣсовъ. Но грамоты на земли запорожцы все-таки не получили. Страшное для нихъ описаніе, которое казалось

имъ отложеннымъ, должно было возобновиться. Подробности его чрезвычайно любопытны для характеристики положенія управленія въ тѣхъ мѣстахъ. Въ Петербургѣ были чрезвычайно недовольны старыми обычаями запорожцевъ (при выборѣ кошевого въ 1759 году дѣло дошло до рукопашной схватки); но не менѣе произвола было и со стороны русскіхъ чиновниковъ. Бригадиръ Муравьевъ, комендантъ крѣпости св. Елизаветы, на запросъ запорожскихъ депутатовъ объ указѣ относительно поселенныхъ земель, отвѣчалъ: «Я самъ указъ». Въ призденіе въ исполненіе описанія начальство слободскихъ и новосербскихъ поселеній старалось внести всевозможныя затрудненія, а между тѣмъ Новослобжане своевольно захватывали земли и овладѣли почти всѣмъ нынѣшнимъ Верхнеднѣпровскимъ уѣздомъ. Правильнаго размежеванія, а слѣдовательно, и грамоты на владѣніе, не могли получить запорожцы въ царствованіе Елизаветы, а при Екатеринѣ дѣла приняли другой оборотъ.

Малороссія и Запорожье оставались во все царствованіе императрицы Елизаветы Петровны съ своимъ особеннымъ устройствомъ: первая съ 10 полками, съ гетманомъ, генеральнымъ судомъ и генеральною канцеляріею, съ генеральною полковою и сотенною старшиною; послѣднее съ раздѣленіемъ на курени, на холостое товариство и на подданство, съ выборнымъ кошевымъ, съ демократическимъ устройствомъ, которое заставляло кошъ подозрительно смотрѣть даже на депутатовъ, облеченныхъ довѣренностью товариства, съ раздѣленіемъ на паланки и, т. п. Хотя указомъ 17-го января 1756 г. перенесеніе малороссійскихъ дѣлъ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ вѣдомство сената, вслѣдствіе чего туда начали поступать аппеляціи на рѣшенія гетманскаго правленія, и положило начало уничтоженію особаго существованія Малороссіи, однако при Елизаветѣ Петровнѣ перемяна была пока нечувствительна, и внутреннее

устройство Малороссіи и Запорожья оставалось на своихъ старыхъ основаніяхъ.

Кромѣ малороссійскаго и запорожскаго казачества, на юго-восточныхъ границахъ Россіи мы находимъ еще много казачьихъ поселеній подъ названіями: Азовскихъ, Астраханскихъ, Волжскихъ, Гребенскихъ, Донскихъ, Терскихъ, Бахмутскихъ, Оренбургскихъ, Сибирскихъ, Торскихъ, Моидкихъ, Яицкихъ, Хоперскихъ, и т. п. Говорить о ихъ положеніи въ царствованіе Елизаветы Петровны было бы весьма затруднительно, какъ по отсутствію статистическихъ свѣдѣній за это время, такъ и потому, что въ это царствованіе они оставались болѣею частію на прежнемъ основаніи, слѣдовательно, пришлось бы обращаться къ мѣрамъ предшествовавшихъ государей, а это завлекло бы слишкомъ далеко. О нѣкоторыхъ промышленныхъ и торговыхъ мѣрахъ относительно казаковъ намъ придется говорить при обзорѣ торговлаго и промышленнаго состоянія Россіи при Елизаветѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ эти поселенія, сохраняя свое устройство, входили уже въ составъ Астраханской, Оренбургской и Сибирской губерній. Здѣсь замѣтимъ только нѣкоторыя постановленія. Такъ 10-го марта 1746 г. дана была Елизаветой жалованная грамота Войску Донскому въ замѣну грамоты 1706 года, сгорѣвшей вмѣстѣ съ войсковыми клейнодами, пожалованными Петромъ Великимъ. Этою грамотою подтверждалась прежняя, данная Петромъ, за вѣрность Донскаго Войска, обнаруженную во время астраханскаго бунта въ 1705 году. Указомъ 27-го октября 1748 г. велѣно было соединить бахмутскихъ, торскихъ и маяцкихъ казаковъ въ одно и сформировать изъ нихъ трехсотенный бахмутскій казацкій полкъ. Указомъ 23-го іюля 1746 года соединены были семейные терскіе казаки съ гребенскими подъ названіемъ гребенскаго войска, а опредѣленіемъ военной коллегіи 30-го іюля 1755 года снова раздѣлены. Есть еще нѣсколько

указовъ о жалованьѣ, о раздачѣ въ вѣкторіальныя дни вина, и т. п.

Въ вопросѣ о губерніяхъ, на которыя раздѣлялась Россійская имперія, насъ всего болѣе поражаетъ несоразмѣрность ихъ между собою. Сибирская губернія, простиравшаяся отъ Урала до Восточнаго Океана, поставлена на ряду съ чрезвычайно малыми Рижской и Ревельской губерніями. Такое же различіе должно было существовать и въ степени власти главныхъ правителей, различіе, разумѣется, чисто фактическое, потому что всѣ губернаторы руководствовались одними и тѣми же инструкціями и постановленіями. Вдали отъ центра государственнаго управленія власть губернатора принимала, разумѣется иныя размѣры, нежели въ областяхъ ближайшихъ. Въ Сибири, напримѣръ, долго ходила въ народѣ пословица: «На небѣ Богъ, а въ Иркутскѣ Кохъ» объ одномъ изъ правителей.

Въ юго-восточной части Россіи и въ Сибири продолжалось важное дѣло колонизаціи великорусскаго населенія среди инородцевъ, а вмѣстѣ съ нимъ и распространенія христіанства и цивилизаціи. Если въ настоящее время въ Оренбургской губерніи считается $\frac{1}{3}$, а въ Астраханской $\frac{2}{3}$ инородческаго населенія, несмотря на многочисленныя переселенія изъ внутреннихъ областей имперіи, на развитіе въ этомъ краѣ хлѣбопашества и промышленности, то можно себѣ представить, что было тамъ болѣе чѣмъ за сто лѣтъ тому назадъ. Постепенное развитіе русской колонизаціи, вліяніе ея на измѣненіе въ нравахъ и образѣ жизни инородцевъ, отношеніе русскихъ поселенцевъ среди разноразличнаго, по большей части кочеваго населенія, представляетъ высокій историческій интересъ. Къ сожалѣнію, за исключеніемъ Полнаго Собранія Законовъ, мы мало найдемъ официальныхъ или частныхъ извѣстій, а такъ какъ власть губернаторовъ нигдѣ не была такъ велика, какъ на этихъ окраинахъ русскаго государства, то постановленія,

исходящая отъ центральной власти, далеко не могутъ дать настоящаго понятія о положеніи страны. На такомъ разстояніи правительство не могло вмѣшиваться въ подробности внутренняго управленія, предоставляя его на отвѣтственность губернаторовъ. Только одной Оренбургской губерніи посчастливилось въ этомъ отношеніи. Въ запискахъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Ивановича Неплюева, бывшаго тамъ губернаторомъ въ царствованіе Елизаветы Петровны, въ «Исторіи Оренбургскаго края» и въ «Топографіи оренбургской», составленныхъ Петромъ Рычковымъ (последняя издана академіей наукъ въ 1762 году), наконецъ въ «Журналѣ или дневникѣ» капитана Николая Рычкова, веденномъ во время путешествія его по нынѣшнимъ Казанской, Симбирской, Самарской и Оренбургской губерніямъ въ 1769 и 1770 годахъ, изданномъ въ 1770 году, мы находимъ любопытныя подробности о состояніи Оренбургскаго края, объ управленіи, о положеніи русскихъ поселенцевъ, и т. п. По нимъ мы можемъ составить нѣкоторое понятіе и вообще о положеніи всего восточнаго края Русской имперіи. Оренбургскій край до учрежденія губерніи извѣстенъ былъ подъ именемъ Оренбургской Экспедиціи, потомъ, съ назначеніемъ туда правителемъ извѣстнаго историка Татищева, состоялъ въ вѣдѣніи оренбургской комиссіи. Указомъ 15-го марта 1744 г. онъ преобразованъ въ Оренбургскую губернію, и первымъ губернаторомъ назначили Неплюева, находившагося тамъ въ званіи командира оренбургской комиссіи уже съ 1742 года. Къ новой губерніи причислена была Исетская провинція съ зауральскими Башкирцами, а также и Уфимская провинція со всѣми башкирскими дѣлами. Въ послѣдствіи туда же причисленъ городокъ Гурьевъ; а также и Ставропольское вѣдомство, принадлежавшее къ Симбирской провинціи Казанской губерніи, было во многомъ подчинено оренбургскому губернатору. Населеніе губерніи было

самое разнородное. Кромѣ азіатскихъ выходцевъ, Бухарцевъ, Хивинцевъ, Персѣянъ и т. п., въ небольшомъ числѣ живущихъ въ пограничныхъ городахъ, постоянными жителями были Татары, Башкирцы, Мещеряки, Киргизы, Каракалпаки, Мордва, Черемисы, Чуваши и Вотяки. Предѣлы Оренбургской губерніи къ востоку простирались за Аральское море. Русскихъ поселенцевъ, по показанію Рычкова, было не болѣе 200,000 обо-его пола, считая въ томъ числѣ и около 20,000 служилыхъ людей, шесть полковъ гарнизонныхъ, четыре ландмилицкихъ, казаковъ, драгуновъ и т. п. Нѣсколько линій укрѣпленій и крѣпостей съ постояннымъ гарнизономъ изъ армейскихъ и драгунскихъ полковъ и приписныхъ казаковъ сдерживали въ повиновеніи инородческое населеніе и охраняли разсѣянныхъ русскихъ поселенцевъ. Горные заводы частныхъ владѣльцевъ были укрѣплены стѣнами и пушками. О заводѣ Троицкомъ, на рѣкѣ Кидашѣ, принадлежавшемъ Осоевцу, капитанъ Рычковъ говоритъ, что онъ укрѣпленіями превосходитъ многіе уѣздные города; сверхъ стѣны съ башнями, внѣ заводскаго строенія подѣланы батареи. Иначе и быть не могло въ краѣ, еще не совершенно подчиненномъ, населенномъ племенами, помнящими свою независимость. Предшественники Неплюева жили обыкновенно въ Самарѣ; въ Оренбургскую крѣпость, окруженную заборомъ изъ плетня, осыпаннымъ землею и дерномъ, ѣзжали разъ въ годъ съ многочисленнымъ конвоемъ, а зимою и всякое сообщеніе съ Яицкою линіей прекращалось. Неплюевъ, осмотрѣвъ Оренбургъ и найдя мѣстоположеніе его неудобнымъ по низменности и безлѣсности мѣста и по небезопасности каравановъ отъ хищныхъ Киргизовъ, перенемовалъ его въ Орскую крѣпость и заложилъ новый городъ верстахъ въ 200 слишкомъ отъ прежняго, внизъ по Яику, гдѣ онъ и теперь находится, и первый изъ начальниковъ края тамъ поселился. Это было чрезвычайно важно для страны, населенной

буйными племенами. Башкирскіе бунты были въ свѣжей памяти. Третій изъ нихъ продолжался цѣлые шесть лѣтъ, отъ 1735 до 1741 года, и былъ усмирень послѣ сильнаго кровопролитія. По показанію Петра Рычкова, убито въ сраженіяхъ, послано въ ссылку въ остзейскія губерніи, роздано разнымъ лицамъ для поселенія внутри Россіи по рапортамъ и разнымъ канцелярскимъ запискамъ 28,491 душа Башкирцевъ, не считая побитыхъ въ малыхъ стычкахъ и вольницей разбѣжавшихся, и т. п. При самомъ Неплюевѣ Башкирское возмущеніе грозило-было принять большіе размѣры и было укрошено только, благодаря ловкимъ мѣрамъ губернатора. Въ 1755 году Башкирцы Исетской провинціи, возмущенные фанатизмомъ Батыршею, перерѣзали всѣхъ русскихъ промышленниковъ, отыскивавшихъ глину, годную для фарфора, каменищниковъ, сожгли заводъ Шувалова и т. п. Возстаніе имѣло религіозный характеръ. Батырша разослалъ воззваніе къ Татарамъ Казанской губерніи, къ Киргизамъ и другимъ магометанскимъ племенамъ. Киргизы не замедлили отозваться на воззваніе набѣгами. Военныхъ силъ, нахотившихся въ губерніи, было недостаточно для подавленія возстанія. Неплюевъ собственною властью послалъ приказаніе къ четыремъ армейскимъ полкамъ, стоявшимъ въ Казанской губерніи, немедленно явиться къ нему на помощь, вытребовалъ точно также казаковъ съ Дона и Калмыковъ изъ Астраханской губерніи, обнаруживъ, несмотря на свою болѣзнь, необыкновенную дѣятельность. Еще дѣйствительнѣе и важнѣе по своему вліянію на будущее были другія мѣры стараго губернатора. Возстаніе было подавлено оружіемъ, но Башкирцы начали перебираться за Яикъ къ Киргизамъ. Уже около 50,000 душъ переправилось за уральскія степи. Неплюевъ прибѣгнулъ къ той же политикѣ, къ которой не разъ или, лучше сказать, постоянно прибѣгали Европейцы въ Индіи. Недовольный тѣмъ, что уговорилъ оренбургское

магометанское духовенство писать обличенія и опроверженія противъ фанатическихъ воззваній Батырши, Неплюевъ хотѣлъ возбудить вѣчную ненависть между магометанскими племенами, и это вполнѣ удалось ему. Съ одной стороны, онъ поднялъ противъ Башкирцевъ Тептярей и Мещеряковъ, на которыхъ Башкирцы смотрѣли, какъ на племена имъ подчиненныя. Неплюевъ посланіями указалъ имъ на постыдную для нихъ подчиненность, затронулъ гордость и сдѣлалъ то, что Мещеряки неумоимо преслѣдовали возставшихъ Башкирцевъ и самъ Батырша былъ захваченъ и выданъ мещеряцкимъ старшиною. Съ другой стороны, онъ сумѣлъ посѣять кровавую вражду между Башкирцами и Киргизами. Своими письмами онъ льстилъ Киргизамъ; несмотря на ихъ вторженія, онъ показывалъ видъ, что разсчитываетъ на ихъ вѣрность Россіи и когда Башкиры во множествѣ перекочевали за Уралъ, Неплюевъ написалъ къ Киргизамъ, что русское правительство въ награду за вѣрность позволяетъ имъ захватить женъ и дочерей измѣнниковъ Башкирцевъ съ однимъ условіемъ, чтобы мужнины были изгнаны. Киргизы не устояли противъ этой приманки. Черезъ нѣсколько времени бѣжавшіе Башкирцы явились по сю сторону Яика или Урала, припоса повинную, требуя только позволенія отмстить Киргизамъ за кровную обиду, за отнятіе семействъ. Официально имъ запретили мщеніе, но подъ рукою дали знать, что губернаторъ будетъ смотрѣть на это сквозь пальцы. Страшный набѣздъ разъяренныхъ Башкирцевъ на киргизскіе аулы, рѣзня не ожидавшихъ нападенія Киргизовъ положили начало племенной ненависти и кровомщенію. Оренбургскому губернатору оставалось только поддерживать эту вражду. Башкирцы, тѣсимые Русскими, ненавидимые Мещеряками и Киргизами, должны были смириться. Съ тѣхъ поръ прекратились ихъ общія возстанія. Одними собственными силами они уже не могли бороться съ русскимъ населеніемъ.

Во время пугачевщины они дѣйствовали, но уже не во имя религіознаго фанатизма, не за независимость, а заодно съ заводскими крестьянами и яцкими казаками.

Неплюева должно почитать организаторомъ Оренбургскаго края. Уже одно перенесеніе центра управленія изъ Самары въ Оренбургъ, слѣдовательно, по ту сторону башкирскихъ земель, между ними и киргизской степью, имѣло важное вліяніе; но этимъ далеко не ограничилась его дѣятельность. Онъ основалъ множество укрѣпленій, увеличилъ число войскъ вдвое, заложилъ внутри Башкиріи Зелаирскую крѣпость, гдѣ постоянно находились драгунская и пѣхотная роты. Башкирцы были привлечены кроткими мѣрами. Неплюевъ всѣми силами старался о привлеченіи новыхъ поселенцевъ въ Оренбургскій край. Такъ онъ разными льготами переманилъ купцовъ изъ Самары въ новопостроенный Оренбургъ. Необходимость русскихъ поселеній среди инородцевъ была сознава давно уже и часто подавала поводъ къ довольно крутымъ мѣрамъ. Такъ, напримѣръ, при Апиѣ Ивановичѣ указомъ 31-го іюля 1739 года велѣно было произвести наборъ среди крестьянъ Сибирской губерніи, изъ 200 душъ по человѣку, для поселенія ихъ въ оренбургскихъ крѣпостяхъ по Яику. При Апиѣ Ивановичѣ и въ управленіе Анны Леопольдовны припаты были мѣры для поселенія въ Оренбургскомъ краѣ выходцевъ изъ Малороссіи и поселено было 209 семей, изъ которыхъ 849 человѣкъ записаны въ дѣйствительные казаки; но положеніе малоросійскихъ поселенцевъ было весьма незавидно. Они поддерживались казеннымъ хлѣбомъ и жалованьемъ, не заводились хозяйствомъ и просились назадъ въ Малороссію. Велѣдствіе представленія Неплюева, желающимъ разрѣшено возвратиться на родину, а остальнымъ отведены были земли по ихъ желанію. Гораздо дѣйствительнѣе были другія мѣры. Указомъ 8-го марта 1744 года приказано было селить въ крѣпостяхъ Закамской линіи

отставныхъ унтеръ-офицеровъ, солдатъ и драгунъ. Неплюевъ представилъ о желаніи зажиточныхъ казанскихъ Татаръ переселиться въ Оренбургъ. Сенатъ указомъ того же 8-го марта 1744 года разрѣшилъ поселить не болѣе впрочемъ 200 семей. Главнымъ же источникомъ для заселенія Оренбургскаго края были бѣглецы крестьяне. Въ донесеніи сенату Неплюевъ говоритъ, что по дѣламъ видно, что за 50 лѣтъ передъ тѣмъ, въ Исетской провинціи ни единой души не было изъ Русскихъ; а въ вѣдомости 1741 года показано въ крѣпостяхъ оренбургскихъ сходцевъ, записанныхъ въ регулярныя и нерегулярныя службы, дворцовыхъ, сиподальныхъ, монастырскихъ, помѣщичьихъ и разночинцевъ 5,154 души мужскаго пола. Неплюевъ указывалъ на то, что, въ случаѣ возвращенія прежнимъ владѣльцамъ этихъ поселенцевъ, слободы Исетской провинціи запустѣютъ. Велѣдствіе этого сенатъ въ докладѣ, высочайше утвержденномъ 27-го іюня 1744 г. положилъ: «1) бѣжавшихъ до ревизіи 1719 года оставить въ оренбургскихъ крѣпостяхъ и не отдавать прежнимъ владѣльцамъ; 2) бѣглыхъ крестьянъ, записанныхъ въ подушный окладъ по ревизіи 1719 года въ другихъ мѣстахъ и поселившихся въ оренбургскомъ краѣ уже послѣ ревизіи, вывести на прежнія жилища; 3) которые же бѣглецы записаны въ новопостроенныхъ по линіи къ Оренбургу крѣпостяхъ въ казаки и тамъ уже обсеялись и дѣйствительно службы служатъ, тѣхъ всѣхъ для представленныхъ отъ тайнаго совѣтника Неплюева резоновъ оттуда не высылать, а быть имъ какъ оныя нынѣ есть въ казакахъ; а помѣщикамъ и другимъ владѣтелямъ, кромѣ разночинцевъ, зачесть въ будущій наборъ въ рекруты.» Такимъ образомъ 3-й пунктъ значительно ослаблялъ или почти уничтожалъ дѣйствіе 2-го пункта. Какъ много было бѣглыхъ, видно изъ указа 24-го мая 1748 г., гдѣ говорится, что въ сентябрѣ 1747 года непомнящихъ родства и помѣщиковъ и

опредѣленныхъ къ поселенію въ Оренбургскомъ краѣ оказалось 711 человекъ мужскаго пола. Бѣгле крестьяне и поселенные отставные солдаты и драгуны постоянно увеличивали число русскаго населенія, находившаго въ плодородныхъ земляхъ Уфимской провинціи, въ развитіи горной промышленности, требовавшей много рукъ, всѣ условія для матеріальнаго благосостоянія, а главное, большій просторъ, чѣмъ во внутреннихъ областяхъ Россіи. Довольно важный фактъ въ исторіи Оренбургскаго края представляетъ также поселеніе крещеныхъ Калмыковъ. Уже съ конца XVII вѣка началось обращеніе нѣкоторыхъ изъ Калмыковъ въ христіанство. Съ 1724 по 1736 годъ, какъ значится по свидѣніямъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, вышло къ городамъ Астраханской губерніи и крещено 1,446 кибитокъ, въ которыхъ было 5,282 души, а послѣ число обращенныхъ увеличилось. Въ числѣ крещеныхъ былъ и владѣлецъ Петръ Тайшинъ. Уже въ царствованіе Анны Ивовны приняты были мѣры для поселенія крещеныхъ Калмыковъ, которыхъ старались отдѣлить отъ некрещеныхъ. Послѣ разныхъ плаговъ о мѣстѣ, ихъ рѣшено было въ 1737 году водворить близъ Волги и выстроить для нихъ городъ Ставрополь. Рычковъ приводитъ рапортъ ставропольской канцеляріи, по которому въ іюнь 1734 г. показано ихъ 8,693 души обою пола. Елизавета, весьма ревностная въ религіозномъ отношеніи, сильно заботилась о распространеніи христіанства между инородцами. Эта ревность выразилась во многихъ указахъ, стѣснительныхъ для магометанъ. Напримѣръ, Калмыкамъ, желавшимъ принять крещеніе, выдавалось денежное вознагражденіе; запрещено было обращать ихъ въ другія христіанскія вѣроисповѣданія кромѣ греко-россійскаго. Ставропольское поселеніе отдано было сенатскимъ указомъ 18-го апрѣля 1744 г. въ вѣдомство Оренбургской губерніи, и однимъ изъ лучшихъ доказательствъ полезной

дѣятельности Неплюева служатъ его распоряженія и представленія относительно этого поселенія. Особенно замѣчательно огромное его донесеніе въ сенатъ отъ 8-го ноября 1744 г. въ 31 пунктѣ, занимающее слишкомъ 16 страницъ Полнаго Собранія Законовъ (№ 9110). Здѣсь съ необыкновенною внимательностью обсуждено настоящее положеніе новыхъ поселенцевъ и указы мѣры къ достиженію новой цѣли ихъ поселенія. Ограничены власть и своеволие зайсанговъ, опредѣлено по смерти зайсана спрашивать у улусныхъ Калмыковъ, хотѣтъ ли они находиться въ вѣдомствѣ у его наслѣдника, хотя въ то же время смотрѣть, чтобы чрезъ то лучшія и заслуженныя фамиліи въ презрѣніе и уничтоженіе не приходили. Предписано строго наблюдать чтобы владѣлецъ не наказывалъ произвольно смертію или отобраніемъ имущества. Велѣно въ Ставрополь учредить калмыцкій судъ изъ лучшихъ людей калмыцкаго народа; главному командиру исподоволь вводить русскія постановленія. Русскія селенія, находившіяся внутри земель, отведенныхъ Калмыкамъ и назначенныя къ своду въ другія мѣста, Неплюевъ совѣтовалъ оставить, «ибо сходитѣ, когда Калмыки будутъ между такими людьми пребывать, которые домами живутъ и пашни производятъ, къ чему и сами они время отъ времени иногда будутъ привыкать». Въ Ставрополь должно стараться привлечь купцовъ и ремесленниковъ, «ибо чрезъ нихъ крещеные Калмыки къ торговлѣ, промысламъ, а, слѣдовательно, и къ основательному селенію всегда и наилучше пріохочиваны быть могутъ». За лѣсами, находящимися около Ставрополя, должно имѣть особенное смотрѣніе. Особенно Неплюевъ заботился, «чтобы оныя всѣ крещеные Калмыки по должности христіанской пребывали..., а особливо бы никакихъ прежнихъ ихъ идололаторскихъ забобовъ и всего того, что православно-христіанской вѣрѣ предосудительно, между ними не было». Для достиженія

этой дѣли Неплюевъ настаивалъ на необходимости имѣть тамъ ученыхъ и добросостоятельныхъ священниковъ, особливо знающихъ калмыцкій языкъ; священникамъ часто объѣзжать улусы, увеличить заведенную для калмыцкихъ дѣтей школу, перевести на калмыцкій языкъ молитвы и пужйѣйшія священныя книги и т. д. Въ донесеніи отъ 4-го марта 1746 г. Неплюевъ увѣдомляетъ объ успѣшномъ дѣйствіи этихъ мѣръ, о томъ, что въ пріѣздъ его въ Ставрополь нѣкоторые изъ лучшихъ Калмыковъ охотно отпустили съ нимъ своихъ дѣтей въ Оренбургъ, чтобы тамъ удобнѣе научиться русскіимъ обыкновеніямъ, что другіе дѣтей своихъ русской грамотѣ и письму охотно обучаютъ и «уже нѣсколько изъ оныхъ говорить, читать и писать нарочито обученныхъ есть». Къ сожалѣнію, просвѣщенная дѣятельность Неплюева, кончившаяся въ 1758 году, не нашла себѣ достойныхъ подражателей. Съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаемся на его распоряженіяхъ, потому что всѣ они воодушевлены желаніемъ блага для страны, имъ управляемой. Въ его запискахъ превосходно объяснены эти мѣры. Многие онъ сдѣлалъ для Оренбургскаго края; еще болѣе онъ хотѣлъ сдѣлать, но не успѣлъ или не могъ. Замѣчательны во многомъ его докладъ отъ 4-го марта 1746 г. Въ какихъ-нибудь три года послѣ основанія, въ Оренбургѣ было уже 628 дворовъ, 4 церкви, 44 лавки въ гостинномъ дворѣ, 131 лавка въ мѣновомъ, сдѣлана большая часть укрѣпленій и т. д. Множество крѣпостей и редутовъ были вновь выстроены или исправлены. Особое стараніе прилагалъ онъ объ увеличеніи торговли съ Азіею. Съ одной стороны, онъ писалъ во всѣ русскіе городовые магистраты, указывая на выгоду азіатской торговли, съ другой — разосланными черезъ оренбургскихъ Татаръ приглашеніями онъ старался привлечь торгующихъ Бухарцевъ, Хивийцевъ и другихъ жителей средней Азіи. Слѣдствіемъ этого было

то, что съ 1745 года начался уже довольно важный торгъ въ повопостроенномъ Оренбургѣ, такъ что вмѣсто 4,799 руб. сбору, получившагося въ 1742 году при началѣ управленія Неплюева, въ 1754 году, слѣдовательно, черезъ 12 лѣтъ, сборовъ было уже 65,912 рублей, изъ нихъ болѣе 50 т. таможеннаго сбору, несмотря на льготы, данныя для привлеченія азіатскихъ купцовъ. Главнымъ предметомъ привоза было золото и серебро. По показанію Петра Рычкова, отъ 1748 года по 1755 годъ ввезено въ Россію золота до 50, серебра до 4,000 пудовъ, не считая того, что провезено безъ явки. При маломъ развитіи добыванія у насъ золота въ то время понятно, какъ важна была оренбургская торговля. Въ 1750 году ѣздилъ Неплюевъ ко двору, чтобы представить свой планъ о заведеніи торговли съ Индіею. Къ сожалѣнію, его представленіе не имѣло успѣха въ Петербургѣ. Изъ всего сказаннаго можно видѣть, какое отрадное явленіе во внутренней исторіи Россіи представляетъ дѣятельность Неплюева. Должно замѣтить, что онъ принадлежалъ къ числу молодыхъ людей, посланныхъ Петромъ Великимъ за границу, и образовался подъ его сильнымъ вліяніемъ. До глубокой старости онъ честно служилъ идеямъ великаго преобразователя. Его преемникамъ оставалось только продолжать начатое. Но многое изъ мѣръ Неплюева осталось безъ исполненія или оставлено послѣ.

Относительно управленія Сибирью мы имѣемъ довольно большое число указовъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, но эти мѣры правительства въ царствованіе Елизаветы Петровны не представляютъ собою ничего общаго, состоятъ изъ отрывочныхъ распоряженій, и потому за отсутствіемъ частныхъ извѣстій, которыя, подобно труду Рычкова и запискамъ Неплюева, дополняли бы и поясняли недостающее въ правительственныхъ актахъ, трудно составить себѣ сколько-нибудь

отчетливое понятіе о состояніи страны въ это время. Поэтому замѣтимъ только нѣкоторыя мѣры. Указомъ 15-го февраля 1758 г. приняты нѣкоторыя мѣры для увеличенія въ Нерчинскомъ уѣздѣ казенной десятинной пашни. Указомъ 12-го сентября 1760 года заведена казенная пашня въ Селенгинскомъ уѣздѣ. Указомъ 7-го іюля 1759 года разрѣшено приписывать въ Иркутскѣ и Нерчинскѣ черносошныхъ крестьянъ, зашедшихъ туда изъ другихъ губерній, по подтверждено не принимать помѣщичьихъ, дворовыхъ и монастырскихъ крестьянъ. Указомъ 17-го октября 1760 года предписано было сибирскому губернатору Соймонову, для безопасности нашихъ границъ со стороны китайскихъ владѣній и Зюнгаровъ, занять мѣста отъ Устькаменогорской крѣпости до Телецкого озера, построить крѣпости и поселить по рѣкамъ и рѣчкамъ до 2,000 семей русскихъ людей, набирая ихъ изъ охотниковъ самой Сибири и изъ государственныхъ крестьянъ Архангельской губерніи, Устюжской и Вятской провинцій, находящихся въ Сибири по промысламъ. Изъ указа 2-го декабря 1760 года видно, какъ трудно было правительству принудить крестьянъ къ обязанному хлѣбопашеству. Въ нѣкоторыхъ слободахъ Ялуторовскаго уѣзда дѣло дошло до открытаго возмущенія. А между тѣмъ распространіе хлѣбопашества было необходимо, особенно для содержанія военныхъ силъ тамошняго края. Въ томъ же 1760 году Иркутская канцелярія доносила, что въ командахъ, находящихся въ дальнихъ острогахъ, умерло съ голоду больше 40 человекъ, а остальные ѣдятъ кожаныя сумы и ремни. Для увеличенія числа рабочихъ рукъ правительство обнародовало указъ 13-го декабря 1760 года, которымъ вызывало помѣщичьихъ отправлять въ Сибирь на поселеніе своихъ крестьянъ, принимая взрослыхъ мужчинъ зарекруть, а ихъ семействамъ платя по установленной таксѣ, именно за мужской полъ до 5-ти лѣтъ по 10 рублей, а отъ 5 до 15-ти лѣтъ по 20 рублей, за женщинъ

половину. Тотъ же самый вызовъ обращенъ былъ къ дворовымъ, сподальнымъ, архіерейскимъ, монастырскимъ крестьянамъ. Находимъ также распоряженіе о припискѣ крестьянъ къ заводамъ; такъ къ Колывано-Воскресенскимъ заводамъ приписано слѣшкомъ 12 т. душъ крестьянъ. Къ Нерчинскимъ приписаны крестьяне, находящіеся въ Томскомъ и другихъ уѣздахъ. Любопытны мѣры, ограничивавшія злоупотребленія. Губернаторы присвоили себѣ власть жаловать въ дворяне и дѣти боярскіе. Указомъ 6-го февраля 1746 года вновь запрещено это самоуправство и приказано обратить новопожалованныхъ снова въ податное состояніе. Въ 1745 году отправленъ былъ парочно въ Сибирь полковникъ Вульфъ для защиты инородцевъ отъ притѣсненій мѣстныхъ начальниковъ, которые брали себѣ въ кабалу новокрещенныхъ и некрещенныхъ инородцевъ. Въ 1761 году сенаторъ Воронцовъ допесъ сенату о дѣйствіяхъ тобольской митрополичьей коллегіи и расколичьей комиссіи, которыя, командами вѣзжая въ крестьянскія деревни, грабятъ дома и все имѣніе, а крестьянъ бьютъ и мучатъ немилосердно и сажактъ въ цѣлихъ подъ караулъ.

Въ государственныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ мы найдемъ малое измѣненіе въ царствованіе императрицы Елизаветы, а если и находимъ, то измѣненія частныя, состоящія болѣею частью въ возвращеніи къ постановленіямъ Петра Великаго и въ отмѣненіи перемѣнъ, произведенныхъ въ предшествовавшія царствованія. Того организующаго направленія, которымъ отмѣчена дѣятельность Екатерины Великой, нечего искать въ правленіе Елизаветы. Мы упоминали уже о возстановленіи сената, которымъ почти началось царствованіе дочери Петра Великаго. Кабинетъ министровъ былъ уничтоженъ, но почти тотчасъ же его мѣсто заняла конференція при высочайшемъ дворѣ, гдѣ рѣшались важнѣйшіе вопросы, особенно

по дѣламъ внѣшней политики. Она уничтожена Петромъ III. Въ запискахъ Шаховскаго мы найдемъ любопытныя подробности о порядкѣ дѣлъ и о характерѣ этой конференціи, а также и о сенатѣ. Одно, что ясно въ этихъ подробностяхъ, это—огромная власть лицъ, пользовавшихся довѣріемъ императрицы. Особенно интересны въ запискахъ Шаховскаго отношенія Шувалова (П. Ив.) къ сенату, имѣвшему право общаго контроля. Относительно синаода замѣчательны постановленія о монастырскихъ и духовныхъ имуществѣхъ. Указомъ 15-го іюля 1744 г. уничтожена коллегія экономіи, завѣдывавшая архіерейскими и монастырскими имѣніями и судомъ между духовными и состоявшая подъ вѣдѣніемъ и контролемъ сената. Теперь всѣ церковныя вотчины передавались въ непосредственное вѣдомство и управленіе синаода со всѣми расходами, за исключеніемъ только Законодательскаго училищнаго монастыря съ его доходами, который будетъ содержаться на особую сумму. Іюня 4-го 1745 г. переименована была коллегія экономіи въ канцелярію синаодальнаго экономическаго правленія. Эта важная перемѣна объясняется набожностью Елизаветы Петровны, находившейся, по словамъ Шаховскаго, подъ сильнымъ вліяніемъ духовника и графа Разумовскаго, которые оба дѣйствовали въ интересахъ духовенства. Какою властью пользовался духовникъ, мы видимъ изъ записокъ Шаховскаго, а также и изъ переписки запорожскихъ депутатовъ съ кошемъ. Изъ послѣдняго источника узнаемъ, что вліяніе духовника не ограничивалось одними духовными дѣлами. 22-го декабря 1755 г. писали депутаты въ кошъ: «Его Высокопреподобіе г. духовникъ Е. И. В. отецъ Павелъ просилъ насъ запорожской низовой шуки зимней, просольной изъ Коша какъ возможно выписать и притомъ приказавъ свое святое благословеніе вельможности Вашей и всему войску написать.» Депутаты просили выслать на подводахъ двѣ бочки просольной шуки, чтобы

одною кланяться Разумовскому, а другою духовнику. Въ концѣ письма они прибавляютъ: «А такіе оба высокіе и сильныя персоны, что по нихъ бѣльшихъ никого нѣтъ и ежели такимъ не услужить, то негдѣ намъ и милости искать.» При такой помощи управленіе церковными имѣніями, разумѣется, было совершенно въ рукахъ синаода, старавшагося избавиться отъ всякаго контроля относительно употребленія доходовъ съ имѣній. Когда Шаховской, бывшій прокуроромъ синаода, представилъ о необходимости составить вѣдомость о состояніи монастырскихъ и другихъ церковныхъ имѣній и точное опредѣленіе доходовъ съ нихъ для употребленія ихъ по смыслу постановленій Петра Великаго, члены синаода согласились и разослали томъ указъ; но потомъ онъ, узнавъ что «по большей части властители съ тѣхъ деревень, себѣ получать, а не въ казну умножать доходы желающіе, черезъ непримѣныя между собою сообщенія согласились, чтобы такихъ вѣдомостей въ св. синаодъ не присылать; и хотя и о томъ ея величеству объяснительно представлялъ и по ея же благоволенію и наставленію многія старанія и домогательства употреблялъ, но не возмогъ сдѣлать къ тому полнаго успѣха.» Результатомъ настойчивости Шаховскаго была борьба между членами синаода, которой подробности находятся въ 1-й части записокъ Шаховскаго. Указомъ 7-го апрѣля 1742 г. возстановлены были въ прежнемъ своемъ составѣ бергъ - коллегія и мануфактуръ - коллегія, которыя въ 1731 г. соединены были съ коммерцъ-коллегіей. Вслѣдствіе этого съ 1736 г. учрежденъ былъ генераль-бергъ директоріумъ, уничтоженный тѣмъ же указомъ, которымъ возстановлялись бергъ - и мануфактуръ - коллегіи. Указомъ 21-го мая 1743 г. возстановленъ главный и прочіе магистраты, уничтоженные было въ 1727 г. по представленію князя Долгорукаго для лучшаго посадскихъ охраненія. Этими ограничивались измѣненія въ государственныхъ

учрежденіяхъ. Точно также мало найдемъ измѣненій и въ уѣздныхъ. Относительно губернаторовъ мы находимъ нѣскольکو указовъ объ отвѣтственности ихъ за нерадѣіе въ сборѣ подушныхъ денегъ и казенныхъ взысканій, за несодѣйствіе ревизіи и за неисполненіе указовъ военной коллегіи. Любопытенъ только указъ 11 октября 1745 г. по дѣлу клинскаго воеводы, взятаго по нѣкоторому секретному дѣлу въ кантору канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ. Этимъ указомъ приказано было: «ежели впредь изъ котораго мѣста губернаторъ или воевода въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ или оной въ кантору взять будесть, то той канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, не объясняя о дѣлахъ ихъ, того же числа, котораго взяты будутъ, въ сенатъ или въ сенатскую кантору рапортовать, дабы на ихъ мѣсто (пока они безъ стражи свободны будутъ) другіе въ скорости опредѣлены быть могли, чтобы въ тѣхъ мѣстностяхъ остановки быть не могло.» Замѣчательны указъ 12 октября 1760 г., которымъ приказано было государственнымъ крестьянамъ въ защиту отъ притѣсненій, наборовъ и взятокъ со стороны воеводъ, управителей и проч., также для ходатайствъ по крестьянскимъ дѣламъ, надсматриванія имѣть особыхъ выборныхъ, которыхъ запрещено было вытребивать или заирать по дѣламъ изъ волостей въ города, дабы «тотъ безгласный народъ, сказано въ дополнительномъ указѣ 19-го марта 1761 г., ни подъ какимъ видомъ излишними наборами и несправедливыми положеніями притѣсняемъ и въ отягощеніе приводимъ не былъ».

Должно замѣтить мѣры, относящіяся къ кодификаціи. Составленіе новаго уложенія, свода, и приведеніе къ единству многочисленныхъ постановленій, часто забытыхъ или противорѣчащихъ другъ съ другомъ, было признано необходимымъ еще въ предшествовавшія царствованія, но всѣ мѣры къ составленію уложенія оставались безплодными. Царствованію

Елизаветы также не суждено было рѣшить этотъ вопросъ, не рѣшенный и знаменитой комиссіей для составленія новаго уложенія, собранной при Екатеринѣ II. Тѣмъ не менѣе, нельзя оставить безъ вниманія этихъ попытокъ, тѣмъ болѣе, что ихъ повтореніе доказываетъ великость зла отъ отсутствія общаго свода законовъ; а ихъ безплодность знаменательна для опредѣленія настоящаго характера и правительства, и общества. 11-го марта 1754 г. состоялось высочайшее повелѣніе о «сочиненіи ясныхъ и понятныхъ законовъ по обстоятельству нынѣшнихъ временъ, въ примѣненіи обычаевъ и нравовъ». Въ исполненіе этого повелѣнія и образована была при сенатѣ комиссія, а 24 августа того же года сенатъ опредѣлилъ для членовъ распределеніе занятій и утвердилъ планъ къ сочиненію новаго уложенія. Это уложеніе должно было состоять изъ 4-хъ частей: I-я (въ 50 главъ) содержать въ себѣ все то, что надлежитъ до суда и судебныхъ мѣстъ, и въ какихъ случаяхъ письменные и словесные суды производить и по нихъ рѣшеніе чинить. Часть II (въ 21 гл.) тлсать о такихъ правахъ, которыя подданнымъ въ государствѣ, по разному ихъ состоянію, персонально принадлежатъ. Часть III (въ 23 гл.) содержать въ себѣ все то, что до движимаго и недвижимаго имѣнія и до раздѣленія онаго принадлежитъ, и по какимъ крѣпостямъ и случаямъ оныя кому и какимъ образомъ крѣпкія быть должны. Часть IV (въ 65 гл.) показываетъ, какимъ порядкомъ и въ какихъ случаяхъ розыскъ и пытки производить и какія за разныя преступленія казни, наказанія и штрафы положены. О своихъ трудахъ комиссія должна представлять сенату ежемѣсячные рапорты. 29-го сентября 1761 г. состоялся указъ сената, въ которомъ говорилось о планѣ Петра Великаго составить уложеніе, о неудачныхъ мѣрахъ къ тому же Екатеринѣ I, Петра II и Анны Ивановны, далѣе о трудахъ комиссіи, учрежденной императрицею Елизаветою, и о томъ, что

двѣ части новаго уложенія, судная и криминальная, уже готовы и потому, «какъ оное сочиненіе уложенія для исправленія всего государства гражданскихъ дѣлъ весьма пужно, слѣдственно всего общества и трудъ въ совѣтахъ быть къ нему потребенъ, предписывалось къ слушанію того уложенія изъ всякой провинціи (кромѣ новозавоеванныхъ, также Сибирской, Астраханской и Кіевской губерній) прислать изъ дворянства по 2 человека за, выборомъ всего тѣхъ городовъ шляхетства, также изъ купечества по одному человеку». Губернаторамъ предписано было объявить дворянамъ, чтобъ они произвели выборы и выслали депутатовъ къ 1 января 1762 г., но самими губернаторамъ и воеводамъ въ выборы никакъ не вступаться, также губернаторамъ, воеводамъ и магистратамъ не вступаться въ выборы купечества. Св. синоду также было сообщено о присылкѣ своихъ депутатовъ, сколько онъ соизволитъ. Указомъ 8-го декабря 1761 года приказано было выслать депутатовъ изъ провинцій, а также отъ тобольскаго, иркутскаго, кіевскаго, нѣжипискаго и оренбургскаго купечества по два же человека, къ 1 марта 1762 г. Изъ Иркутска нашлись въ Петербургѣ два купца, поэтому и велѣно было ихъ употребить для слушанія, не высылая новыхъ депутатовъ отъ этого города. Кромѣ того, еще въ прежнее правленіе была составлена коммиссія для составленія лифляндскаго уложенія; а указомъ 31-го августа 1761 г. сенатъ поручилъ малороссійскому гетману «разсмотрѣть статутъ литовскій чрезъ особо опредѣленныхъ для того людей, какіе являлись въ немъ недостатки оные пополнить, напротивъ того, излишки исключить, также и въ Кіевѣ тѣ законы, по коимъ тамошніе граждане, мѣщанство, посполитые и другаго званія люди судомъ и прочимъ распоряженіемъ содержатся, разсмотрѣть же, и если донинѣ какими коммиссіями чего къ тому не сочинено или сочиняемо было, да неокончено, то все оное

сочинить за надлежащимъ объясненіемъ и единственнымъ положеніемъ, какъ чему быть, и оное все съ депутатомъ, который бы могъ дать о всемъ потребное изъясненіе, прислать въ сенатъ». Коммиссія и депутатамъ не удалось начать своихъ трудовъ при Елизаветѣ. Екатерина II, указомъ 13 января 1763 года, распустила по домамъ собранныхъ депутатовъ, потому что предварительныя работы не были еще окончены.

Трудно было правительству знать нужды и потребности народа, когда оно не знало ни государственной территоріи, ни народонаселенія. Собираніе географическихъ свѣдѣній, народныя переписи представляютъ очевидное доказательство неестественнаго положенія дѣлъ. Многое, чему положилъ начало великій преобразователь, было пренебрежено и забыто его недостойными преемниками. Екатерина II должна была начать съизнова. При академіи наукъ былъ профессоръ географіи Винсгеймъ (ум. въ 1753 г.) и географическій департаментъ, издавшій въ 1745 г. атласъ Россійской имперіи въ 19-ти картахъ, причемъ, по замѣчанію Ломоносова, далеко не воспользовались всѣми матерьялами, находившимися подъ рукой. Ломоносовъ сильно заботился объ исправленіи атласа. Онъ требовалъ снаряженія астрономической экспедиціи для опредѣленія широтъ и долготъ важнѣйшихъ мѣстъ въ Россіи, безъ чего нельзя сочинить исправнаго атласа. Проектъ Ломоносова опредѣлялъ время, нужное для исполненія этой экспедиціи, въ 1 годъ и 16 недѣль. Экспедиція должна была раздѣлиться на три части. Одна осматрѣла бы западную и юго-западную Россію, другая юго-восточную, третья сѣверную и часть средней Россіи. Планъ не былъ приведенъ въ исполненіе по разнымъ причинамъ. Нѣсколько полезнѣе было другое средство для полученія географическихъ извѣстій, хотя замѣтимъ, что планъ Ломоносова, неисполненный тотчасъ, послужилъ однакоже

основаніемъ для астрономическихъ трудовъ академіи при Екатеринѣ Великой. Въ 1759 г., по требованію Ломоносова, академія предложила сенату потребовать для составленія новаго атласа свѣдѣній со всей имперіи. Въ январѣ 1760 г. разосланы были во все мѣста вопросы академіи съ сенатскимъ указомъ. Этихъ вопросовъ было 30. Они касались положенія мѣстностей, названія городовъ и селеній, состоянія ихъ промышленности, ярмарокъ, и т. п. Указомъ предписывалось во всехъ городахъ, по полученіи этихъ вопросовъ, опросить знающихъ городскихъ жителей и крестьянъ, чего не можно узнать черезъ разпросы, для узнанія посылать нарочныхъ, измѣрять разстояніе; отвѣчать по мѣрѣ того, какъ будутъ собираться свѣдѣнія, и т. п. Планъ Ломоносова и въ этомъ отношеніи былъ очень обширный; онъ хотѣлъ составить карты промышленности, сверхъ картъ географическихъ. Кроме того, академія просила синодъ доставить свѣдѣнія о монастыряхъ, церквяхъ и имѣніяхъ. Хотя на первое требованіе академіи синодъ отвѣчалъ было, что и самъ не имѣетъ о томъ извѣстія, однако же скоро начали получаться отвѣты. Это побудило Миллера, сдѣлавшагося инспекторомъ классовъ шляхетскаго корпуса, чрезъ правленіе корпуса разослать также 30 вопросовъ съ тою же цѣлію и также съ сенатскимъ указомъ отъ 19-го декабря 1760 г. Въ теченіе 7-ми лѣтъ въ академіи накопилось большое число отвѣтовъ, хотя на многіе вопросы и изъ многихъ мѣстъ не было прислано никакихъ извѣстій. При Елизаветѣ академія еще не могла воспользоваться этими отвѣтами, потому что разсылка вопросовъ была только за годъ съ небольшимъ до ея кончины. Только въ 1771 г. изданы были, на основаніи полученныхъ свѣдѣній, топографическія извѣстія, служащія для полнаго географическаго описанія Россійской имперіи. Изданы были 4 книжки 1-го тома, содержащія въ себѣ описаніе Московской губерніи. Въ нихъ находимъ мы

нѣсколько довольно любопытныхъ данныхъ и для царствованія Елизаветы, потому что часть отвѣтовъ относится къ ея времени. Состояніе географическихъ извѣстій о Россіи всего лучше характеризуется словами Бакмейстера, издателя топографическихъ извѣстій (см. предисловіе, стр. 3). Мы видѣли, какъ трудно было снять карту и описаніе Запорожья, несмотря на повтореніе распоряженій объ этомъ и несмотря на то, что карта Дебоскета была довольно удачнымъ опытомъ. Кроме Рычкова «Топографіи Оренбургскаго края», мы не находимъ никакихъ сколько-нибудь систематическихъ описаній частей Россіи. Не менѣе сбивчивы и неточны были свѣдѣнія правительства и о числѣ народонаселенія. Лучшимъ и единственнымъ средствомъ была, разумѣется, ревизія; но способы произведенія ея были самые несовершенные. Сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній нельзя было получить, не смотря на все усилія правительства, которое и само было еще весьма неопытно въ этомъ отношеніи. Сверхъ того не все жители государства входили въ ревизію, имѣвшую цѣлію собраніе подушнаго, а дополнить показанія ревизіи не было возможности. Нѣкоторымъ оправданіемъ можетъ служить развѣ неточность собираемыхъ свѣдѣній и въ наше время. Чтобы показать, чего мы въ правѣ требовать отъ правительства за 100 лѣтъ тому назадъ, я приведу любопытный примѣръ официальныхъ свѣдѣній нашего времени. Въ «Матеріалахъ для статистики Россійской имперіи», издаваемыхъ статистическимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ по донесеніямъ епархіальныхъ начальствъ за 1835 годъ разночинцевъ числилось 3,507,772 обою пола православнаго исповѣданія. Въ свѣдѣніяхъ, изданныхъ министерствомъ финансовъ въ 1836 году разночинцевъ всехъ вѣроисповѣданій было всего 138,651. Послѣ этого легко можно представить себѣ, какая точность могла быть при Елизаветѣ Петровнѣ, къ царствованію которой мы и

вернемся. Въ высшей степени замѣчательнъ докладъ сената отъ 17 сентября 1742 г. Тамъ высказано полное признаніе невѣдѣнія правительства о настоящемъ состояніи государства и о немѣннѣи нужныхъ свѣдѣній. Во время сильной нужды правительства въ деньгахъ оно не имѣло средствъ собирать подати. Сверхъ огромныхъ недоимокъ, многія волости и деревни отказывались платить что-нибудь за пустотою, а повѣрить ихъ не было возможности. По одному уѣзду Переяславля Залѣскаго показано въ сенатѣ пустоты въ 68 помѣщичьихъ деревняхъ. Правительству оставалось обращаться за свѣдѣніями къ духовенству, имѣвшему болѣе всего средствъ доставить точныя мѣстныя свѣдѣнія, но и тутъ не пашли помощи. На запросъ въ синодъ о вѣдомостяхъ полученъ отвѣтъ, что и въ присылкѣ такія вѣдомости не изъ всѣхъ епархій, да и тѣ разныхъ годовъ. Если сенатъ, по свидѣтельству Шаховскаго, не могъ потребовать вѣдомостей изъ подвѣдомственной ему комиссіи, находившейся въ самомъ Петербургѣ, когда въ интересахъ этой комиссіи было избѣжать контроля, понятно, какъ должны были отбиваться отъ показаній мѣста отдаленныя. Докладъ говорить: «Многія души приписываемыя въ городахъ разныхъ чиновъ людей къ городскимъ ихъ дворамъ, за которыми деревень нѣтъ, и послѣ того оныя люди, за кѣмъ души написаны, померли и въ другія безвѣстныя мѣста отбыли и дворы ихъ запустили и только мѣста остались..., послѣдниковъ кто послѣ тѣхъ людей, за кѣмъ души написаны, остались ли неизвѣстно, и гдѣ тѣ за ними души написаны невѣдомо». Далѣе: «Между оными есть такіе, за кѣмъ души написаны къ домамъ, и дворовъ ихъ, гдѣ они жили, не отыскано». Далѣе: «А нѣкоторые помѣщики и съ людьми своими выѣхали, а куда неизвѣстно; земли ихъ лежатъ впустѣ, и никто ими не владѣетъ; а между тѣмъ и такіе есть помѣщики, за которыми записаны души, что и владѣнія ихъ въ тѣхъ мѣстахъ въ дачахъ

не бывало, и гдѣ тѣ помѣщики никто не вѣдаетъ.» То же сказано о стрѣльцахъ, разночинцахъ, мушкатерахъ и т. п. Сборъ податей останавливался за *пустотою* и незнаніемъ, гдѣ находятся тѣ, которые подлежатъ подати, и сколько ихъ. Собрать болѣе точныя свѣдѣнія необходимо было для финансовыхъ цѣлей. Сенатъ требовалъ генеральной переписи и періодическаго повторенія ея черезъ каждые лѣтъ 15. Вслѣдствіе этого состоялся извѣстный указъ 16 декабря 1743 г. о произведеніи генеральной переписи во всемъ государствѣ мужескаго пола душамъ. Изъ переписи исключены были завовавшіе города, астраханскіе и уфимскіе Татары, Башкирцы и сибирскіе ясачные иноземцы. Въ каждую губернію посланъ былъ одинъ изъ генералитета. Того же 16-го декабря 1743 г. была подписана инструкция ревизорамъ, напечатанная въ январѣ слѣдующаго года. Ревизорамъ предписано было брать значительныя штрафы за утайку ревизіи подлежащихъ людей и за тѣхъ, которые явятся безъ паспортовъ. Послѣ многихъ дополнительныхъ указовъ, опредѣлявшихъ подробности и сомнительные случаи въ производствѣ ревизіи, а также и мѣры для предупрежденія и наказанія за умышенное утаеніе подлежащихъ подати душъ, 2-ая ревизія была окончена, и съ 1747 г. на основаніи ея начали сборъ податей. Подробныхъ свѣдѣній о результатѣ ея мы не имѣемъ. Извѣстно только показаніе или перечневая вѣдомость о числѣ жителей Архангелогородской губерніи, помѣщенная въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1841 г. (Т. III, отд. геогр. и стат. Россія, стр. 283). Изъ нея узнаемъ мы, что ревизія окончена въ февралѣ 1749 г. и продолжалась 5 лѣтъ. Сверхъ того извѣстно воловое показаніе, именно по 2-й ревизіи мужескаго пола оказалось въ Россіи 6.643,335 душъ податныхъ сословій. 25 ноября 1761 г. обнародованъ былъ указъ о произведеніи новой ревизіи. На этотъ разъ не было посылаемо особыхъ ревизоровъ, а собраніе

свѣдѣній возложено было намѣстное управленіе. Сроку окончательной подачи вѣдомостей назначенъ въ декабрѣ 1762 года. Результатомъ было 7.363,348 душъ мужскаго пола, хотя и приказано было прежнимъ еще распоряженіемъ подавать сказки и о числѣ женскаго пола. Разумѣется, показанія 2-й и 3-й ревизіи не даютъ точнаго понятія о настоящей величинѣ народонаселенія. Въ предѣлахъ Россійской имперіи далеко не все жители вошли въ перепись. Много инородцевъ, напримѣръ, осталось не перечисленными. Въ Малороссіи первая перепись сдѣлана уже при Екатеринѣ Великой, именно въ 1764 г. Нужно читать у Кошисекаго, какъ она производилась въ Малороссіи; а по актамъ П. С. З., которые свидѣтельствуютъ объ упорной утайкѣ душъ въ областяхъ Россіи, можно догадываться, что ревизоры 2-й переписи дѣйствовали въ томъ же духѣ, какъ и при произведеніи переписи въ Малороссіи, тѣмъ болѣе, что при третьей ревизіи правительство отмѣнило посылку особыхъ ревизоровъ. По показанію Шафонскаго перепись 1764 г. показала въ Малороссіи 1.024,023 д. муж. пола. Относительно Запорожья правительство должно было удовлетвориться свѣдѣніемъ, доставленнымъ самимъ кошемъ, о которомъ мы уже говорили. Важность ревизіи состояла преимущественно въ болѣе точномъ опредѣленіи подушныхъ сборовъ и въ прикрѣпленіи лицъ, немѣвшихъ опредѣленнаго состоянія и мѣста жительства.

Намъ слѣдуетъ перейти къ изображенію промышленнаго и торговаго состоянія Россіи, но прежде считаемъ необходимымъ остановиться на одномъ явленіи большой важности, не оставшемся безъ вліянія и на развитіе нашего промышленнаго быта. Одною изъ цѣлей ревизіи было опредѣленіе сословныхъ правъ и мѣста жительства множества лицъ, подлежащихъ подати и между тѣмъ отбывавшихъ отъ нея, равно какъ и отъ всѣхъ другихъ обязательствъ. Никогда, можетъ быть, бѣгство

крестьянъ не являлось въ такихъ огромныхъ размѣрахъ. Въ самыхъ правительственныхъ актахъ, сверхъ общихъ распоряженій, мы находимъ драгоцѣнныя числовыя показанія, которыхъ напрасно бы стали искать въ другихъ источникахъ. Числовые показанія правительства, при несовершенствѣ собиранія свѣдѣній, и при безсиліи центрального контроля, часто даже и мѣстнаго, очевидно, должны быть не совсемъ точны; но эта неточность можетъ быть лишь съ одной стороны. Числа могутъ быть меньше дѣйствительности, но не могутъ быть больше ея. Слѣдовательно, мы должны принимать ихъ за minimum; но и этого minimum слишкомъ довольно, чтобы показать всю великость зла. Бѣгство крестьянъ было вѣчнымъ протестомъ противъ этого состоянія, въ которое еще въ прошлыхъ столѣтіяхъ обратило свободныхъ земледѣльцевъ правительство. Пока будетъ существовать это ненормальное состояніе, протестъ естественъ и будетъ продолжаться въ большей или меньшей степени. Но были и еще причины, которыя дѣлали бѣгство особенно сильнымъ и общимъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Первая общая ревизія, произведенная при Петрѣ I, окончательно сгладила еще существовавшее различіе между разноправными обрабатывателями помѣщичьихъ и другихъ земель: все они были признаны крѣпостными. Такимъ образомъ первой ревизіей произведено было окончательное прикрѣпленіе къ землѣ, и крѣпостное право получило послѣднее опредѣленіе. Подобное же стремленіе объединять подъ общимъ именемъ и правами крѣпостныхъ и тѣхъ немногихъ лицъ, которыя еще жили на чужихъ земляхъ, не подходя подъ этотъ общій уровень, замѣтно и въ распоряженіяхъ относительно второй общей ревизіи, то есть при Елизаветѣ. Очевидно, это еще болѣе увеличивало число бѣглецовъ, а средства къ безнаказанному бѣгству были самыя легкія во время безурядицы отъ смерти

Петра до вступленія Елизаветы, а также и при слабомъ правленіи этой государыни. Прибавимъ къ этому бироновщину, самоуправство большихъ и малыхъ временщиковъ, слабость центрального управленія и т. п., и огромное число бѣглыхъ станетъ вполне естественно. Бѣгство было всеобщимъ, а не мѣстнымъ явленіемъ. Только сѣверная полоса Россіи представляетъ исключеніе; но тамъ сохранялись подъ именемъ черносошныхъ крестьянъ послѣдніе остатки свободныхъ земледѣльческихъ общинъ, сохранившихся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже до нашего времени. Изъ средней и южной Россіи, гдѣ эти общины были задавлены крѣпостнымъ правомъ, во всѣ стороны стремились бѣглецы. Желаніе воли было такъ сильно, что его не могли остановить никакія пожертвованія. Передъ этою настоячивою потребностью умолкала врожденная русскому человѣку антипатія къ нѣмецкому племени. Нужно было въ статьяхъ мирнаго трактата съ Швеціею помѣстить требованіе о взаимной выдачѣ бѣглыхъ, хотя тутъ полной взаимности не могло быть. Еще въ 1740 году была учреждена особая коммиссія для отыскиванія и разбора русскихъ бѣглецовъ въ Лифляндіи и Эстляндіи и лифляндскихъ бѣглыхъ въ Россіи (№ 9023 и 9300). Указомъ 6-го октября 1753 г. (№ 10139) учреждена была эта коммиссія, потому что «ожидаемаго успѣха чрезъ тѣ коммиссіи и понынѣ не получено». Изъ Лифляндіи и Эстляндіи выслано бѣглыхъ только 1,125 душъ и «хотя, сказано въ указѣ, по присланнымъ изъ реченныхъ коммиссій вѣдомостямъ оныхъ бѣглыхъ въ Лифляндіи и Эстляндіи еще остается не малое число, однакожъ отъ тѣхъ губерній въ невысылкѣ бѣглыхъ въ отговорки представлено, что за неровнымъ возвращеніемъ бѣглыхъ (въ Лифляндію изъ Россіи выслано всего 45 душъ обоего пола, а въ Эстляндію 104 души) тамошнимъ публичнымъ и приватнымъ мызамъ причинится великое раззореніе». Главное стремленіе бѣгле-

цовъ было, впрочемъ, не на западъ. Обѣтованной землей для русскихъ крестьянъ были южныя степи Запорожья и Малороссіи, польская граница, Пермь, Оренбургъ, Астрахань и наконецъ вся Сибирь. Тамъ былъ просторъ для предприимчивости, гарантія въ безопасности отъ поисковъ и преслѣдованій прежнихъ владѣльцевъ. Чтобы понять, какъ много должно было бѣжать изъ имѣній, достаточно указать, что въ двухъ губерніяхъ, Бѣлогородской и Воронежской, однодворцевъ и другихъ служилыхъ людей, изъ которыхъ ландмилиція содержится, показано въ бѣгахъ 10,423 человека (см. № 8836 инструкции посланнымъ для вновь учиненія ревизіи 16-го декабря 1743 г.). На польской границѣ были устроены въ черниговскихъ раскольниковыхъ слободахъ сборныя мѣста для бѣглецовъ въ Польшу. Цѣлыми семьями они проводились тайно за границу. Бывшій управитель двухъ черниговскихъ слободъ, Халкидонскій, доноситъ сенату, «что крестьяне для перехода въ Польшу только малое пребываніе въ слободахъ имѣютъ», но и не всѣ изъ нихъ оставались въ Польшѣ. Часть, побывши тамъ нѣсколько времени, выходила обратно на границу, пользуясь не разъ повторяемымъ вызовомъ нашего правительства, обѣщавшаго выходцамъ изъ Польши прощеніе и льготы. Одни изъ этихъ выходцевъ «для единой вольности, по словамъ Халкидонскаго (т. XV, № 11208), укрываясь отъ помѣщиковъ, въ раскольниковскія слободы записываются», не будучи, впрочемъ, раскольниками; другіе селились въ Новой Сербіи или около крѣпости св. Елизаветы въ Новослободскомъ поселеніи. Донесеніе Халкидонскаго вполне оправдывается докладомъ сената отъ 16-го сентября 1749 г., гдѣ сенатъ, требуя генеральной ревизіи, говоритъ, что «Смоленской губерніи многое число за рубежъ въ Польшу вышло и вывезено не только числомъ людей, но и цѣлыми деревнями». Запорожье по своему характеру могло наполниться только бѣглецами и выходцами,

искавшими прежде всего личной свободы. Здѣсь правительство не могло предпринять ничего для остановки бѣглецовъ; ихъ находимъ также въ казачьихъ допскихъ городахъ (т. XIII, № 9632). Бѣглецами наполнялись степи Астраханской и Оренбургской губерній и пермскіе заводы. Особенно любопытно показаніе объ Астрахани. «Увѣдомились мы, сказано въ именномъ указѣ сенату отъ 14-го марта 1745 г. (№ 9125), при ревизіи въ Астрахани явились многіе изъ подлыхъ, объявляющіе о себѣ, что не знаютъ своихъ помѣщиковъ, ни того, гдѣ родились, которыхъ по указамъ о ревизіи высылать оттоль велѣно въ Петербургъ на поселеніе, а иные подлые люди по привычкѣ жить кругомъ Астрахани отъ той высылки бѣгутъ въ Пермь и бусурманятся, также въ степи на кубанскую сторону на р. Куму и на бухарскую сторону за Яикъ, и тамъ, промысломъ звѣринымъ питаюсь, звѣрски въ отчаяніи живутъ». Ничто не можетъ лучше характеризовать этой жажды воли. Бѣглецы русскіе и въ Остзейскихъ провинціяхъ, въ Польшѣ, въ Пруссіи, даже въ Турціи оставались вѣрны религіи отцовъ; надобно было, чтобъ положеніе ихъ было слишкомъ отчаянное, когда они рѣшились лучше бусурманиться, чѣмъ воротиться къ помѣщикамъ. Правительство должно было отступить отъ своихъ распоряженій, и въ томъ же именномъ указѣ императрица предлагаетъ: «Не лучше ли будетъ записать ихъ въ перепись и поселить по р. Волгѣ на пустыхъ мѣстахъ, которыя никакой пользы будучи пустыми не приносятъ, а поселенные во всякомъ случаѣ потребности». Астрахань привлекала къ себѣ значительную часть бѣглыхъ. Въ 1757 г. въ Тамбовскомъ и Козловскомъ уѣздахъ обнаружилось волненіе между крестьянами. Они бѣжали, забирая пожитки и лошадей. За Волгой устроены были землянки, и поселившіеся тамъ бѣглые объявили, что будутъ принимать у себя всякихъ приходящихъ людей. Здѣсь, слѣдовательно, начинало

образовываться такое же общество, какъ и въ Черниговскихъ слободахъ. Между крестьянами пушёнъ былъ слухъ, что въ Царицынѣ и въ Камышинѣ велѣно принимать всѣхъ бѣглыхъ для приписки къ казенному шелковому заводу, что для принятія бѣглыхъ опредѣленъ майоръ Нарубучъ, и крестьяне явно шли туда. Правительство должно было разосланнымъ повсюду сенатскимъ указомъ 13 января 1758 г. (№ 10791) объявить лживость этихъ слуховъ, которые ласкаютъ вольностію простой народъ и приказать ловить разглашателей этихъ слуховъ и подвергать ихъ строгому наказанію. Важно также официальное показаніе о числѣ бѣглыхъ на горныхъ заводахъ. Горнымъ заводчикамъ постановленіемъ Анны Ивановны было опредѣлено: сколько должно было приписывать къ заводамъ крестьянъ, именно на каждую домашнюю печь сто дворовъ, да къ двумъ молотамъ по 30 дворовъ, итого 160 дворовъ, полагая по 4 души мужескаго пола на дворъ. Въ мѣдныхъ заводахъ на каждые 1000 пуд. выплаваемой чистой мѣди положено имѣть по 50 дворовъ или по 200 мужескихъ душъ. Въ 1753 г. оказалось (т. XIII, № 10131), что по этому расчету при заводахъ Сибирской и Казанской губерній должно было быть только 8,362 души между тѣмъ какъ ихъ было въ наличности 23,627, слѣдовательно, 17,265 душъ лишняго противъ дозволенной пропорціи; изъ нихъ 8,377 душъ пришлыхъ, въ томъ числѣ на 7 заводахъ Акифія Демидова пришлыхъ и не помнящихъ родства 4,124 сверхъ приписанныхъ вѣчно въ 1736 г., пришлыхъ же 2,604. Бергъ-коллегія, донося о томъ сенату, требовала приписанія излишнихъ противъ пропорціи крестьянъ къ казеннымъ заводамъ, которые терпѣли недостатокъ въ рабочихъ, и въ этомъ смыслѣ и состоялся сенатскій указъ 12-го августа 1753 г. Еще знаменательнѣе сенатскій указъ 30-го декабря 1753 г. Тамъ сказано, что на заводахъ Акифія Демидова пришлыхъ изъ разныхъ губерній послѣ ревизіи 1724 г. показано 6,852 души. Сенатъ

опредѣлил: съ казенныхъ сибирскихъ заводовъ пришлыхъ послѣ ревизіи 1724 г. по вѣдомостямъ и по 2-й общей ревизіи показано 2,357 душъ; ихъ не высылать. Съ партикулярныхъ сибирскихъ и пермскихъ заводовъ Акифія и Никиты Демидовыхъ, барона Строгонова, Петра и Гаврилы Осокиныхъ такихъ же пришлыхъ 4,493 души также не высылать. Причины выставлены слѣдующія. Такое число бѣглыхъ трудно выслать на мѣсто ихъ жительства безъ огромныхъ конвоевъ; они разойдутся по лѣсамъ, или уйдутъ за границу. Примѣръ оставленія бѣглыхъ подавъ уже въ Астрахани, гдѣ, по объявленіи, что правительство оставляетъ ихъ въ Астрахани, тотчасъ же 3000 бѣглецовъ явился и всѣ самохотно обязались платить 40-алтынный подушный окладъ. Бѣглецы, живши на заводахъ, отставъ уже отъ паши, и не уживутся, и уйдутъ опять сами въ Сибирь, да еще подговорятъ съ собой и другихъ, а въ Сибири могутъ быть безъ платежа подушныхъ. Кромѣ того, сенатъ принялъ еще въ соображеніе, что Сибирская губернія, которую сенатъ считаетъ между прочимъ *не весьма великой обширности* (XIV, стр. 493), требуетъ заселенія пустыхъ мѣстъ, что заводы приносятъ большую пользу государству, а высылкой пришлыхъ людей «распространенные только заводы въ опустошеніе приведены быть могутъ». Вслѣдствіе этого и позволено было окончательно оставить при заводахъ всѣхъ бѣглыхъ, запретивъ только строго принимать новыхъ.

О бѣглыхъ въ Оренбургской губерніи мы уже говорили. Для полноты картины не будетъ однако лишнимъ дополнить сказанное. Въ докладѣ своемъ сенату (Т. XII № 9,006) Неплюевъ пишетъ: «Всѣ крестьяне, что ихъ ни есть въ Исетской провинціи, не суть тамошніе природные, но сходцы изъ разныхъ мѣстъ; ибо при строеніи сибирскихъ слободъ, по указамъ изъ Тобольской приказной палаты, велѣно было тѣ слободы

населять изъ вольныхъ, прихожихъ и гулящихъ людей, почему всѣ тѣ по большей части или едва не всѣ помѣщичьими населены». Въ 1741 г. по вѣдомостямъ оказалось такихъ сходцевъ, въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ записанныхъ въ службѣ, 5,154 ч. По осмотру въ сентябрѣ 1747 г. (№ 9501) вновь присланныхъ, оказалось не помнящихъ родства и помѣщиковъ 711, подлежащихъ точно въ подушный окладъ, за исключеніемъ малолѣтнихъ и дряхлыхъ. Подобно бергъ-коллегіи, Неплюевъ требовалъ, чтобы позволено было не выдавать прежнимъ владѣльцамъ этихъ бѣглецовъ, уже давнымъ-давно поселившихся въ Оренбургскомъ краѣ. Точно также онъ указывалъ, что въ случаѣ ихъ высылки слободы опустѣютъ, «также и казенныхъ, для Оренбургской губерніи столь нужныхъ отпращеній исполнить будетъ нечѣмъ; ибо въ нихъ, какъ выше упомянуто, большая часть бѣглыхъ наберется». Правительство должно было уважить представленіе Неплюева. Въ отдаленныхъ областяхъ Сибири не было возможности узнать хотя приблизительно число бѣглецовъ. Мы не находимъ въ современныхъ актахъ общаго числа бѣглецовъ. Для сравненія можно привести только справку, слѣзанную въ 1742 г. сенатомъ съ вѣдомостями военной коллегіи. Должно замѣтить, что податные люди приписаны были къ арміи и сборъ съ нихъ шелъ на содержаніе войска (Т. XI, № 8619). По показанію военной коллегіи въ 1729 г. въ теченіе времени отъ 1719 по 1727 г. бѣглыхъ было 198,876 мужчинъ, число огромное, особенно если предположить, какъ и слѣдуетъ, что неточность могла быть въ уменьшеніи, а не въ увеличеніи дѣйствительнаго числа бѣглыхъ. Съ 1727 года нисколько не измѣнились главныя обстоятельства, способствовавшія побѣгамъ, а слѣдовательно, трудно предполагать значительное уменьшеніе числа бѣглецовъ. Разсматривая современные правительственные акты, нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ выгодъ отъ этихъ побѣговъ.

Бѣглецами населены украинны Россіи, чрезъ нихъ колонизація русскаго племени проникала далеко среди инородцевъ и должна была могущественно дѣйствовать на распространеніе между ними первыхъ началъ промысловъ и хлѣбопашества. Бѣглецами держались наши заводы въ сѣверо-восточномъ углу Россіи и въ Сибири. Не забудемъ, что эти новые колонисты были самою энергической, предприимчивой частью сельскаго населенія Россіи. Малодушный и слабый духомъ покорно склонялся подъ условія крѣпостнаго права, смѣлый уходилъ въ астраханскіе степи или въ лѣса Сибири. Говоря о бѣглецахъ, мы беремъ одну только часть, оставляя въ сторонѣ бѣглыхъ раскольниковъ, хотя, собственно говоря, между ними была тѣсная связь, что мы могли уже замѣтить въ донесеніи Халкидонскаго. Въ полномъ свѣтѣ связь между этими двумя протестами высказалась въ пугачевщинѣ, гдѣ дикія страсти разыгрались на просторѣ, гдѣ на объявленіе, что самозванецъ жалуетъ бороδοю и вольностью, отозвалось почти все населеніе восточной Россіи. Говоря о бѣглыхъ въ царствованіе Елизаветы Петровны, мы должны заключить, что далеко не всѣ бѣглецы стремились искать на русскіхъ украиннахъ новыхъ мѣстъ для поселеній. Естественно, что часть ихъ должна была остаться по близости прежнихъ мѣстъ; одни, какъ мы знаемъ изъ правительственныхъ распоряженій по ревизіи, искали вольной работы на фабрикахъ и заводахъ внутри Россіи, иногда въ самомъ Петербургѣ или въ Москвѣ. Другіе разрывали всѣ связи съ обществомъ, становились разбойниками. Разбой были необходимымъ слѣдствіемъ такого повсемѣстнаго общаго явленія, каково было бѣгство крестьянъ; и средствъ къ заведенію тайныхъ притоновъ, къ укрывательству отъ поисковъ было много. Назадъ тому 100 лѣтъ самыя природныя условія страны были не совсѣмъ тѣ же, что теперь, когда болѣе сжатое населеніе, сильное развитіе земледѣльской и фабричной про-

мышленности во многомъ совершенно измѣнило ихъ. Правда, и въ царствованіе Елизаветы мы находимъ нѣсколько указовъ, запрещающихъ истреблять лѣса, особенно около большихъ городовъ, но въ то же время въ топографическихъ извѣстіяхъ, основанныхъ на свѣдѣніяхъ, доставленныхъ или въ самомъ концѣ ея царствованія, или нѣсколько позже, мы находимъ, напримѣръ, что въ Клинскомъ уѣздѣ Московской провинціи встрѣчались еще олени и дикія козы (Т. I стр. 36), что въ Муромскихъ лѣсахъ Владимирской провинціи водились еще лоси (стр. 135). При такихъ условіяхъ разбой должны были являться въ большихъ размѣрахъ. И дѣйствительно, въ официальныхъ актахъ мы находимъ замѣчательныя извѣстія. Не съ однимъ ножомъ или кистенемъ разбойничать по большимъ дорогамъ бѣглый крестьянинъ или солдатъ, не въ одиночку или малыми шайками отправляли они свое кривое ремесло (Т. XII № 9020). Въ 1744 г. доносилъ директоръ китайскаго каравана Лобратовскій, ѣхавшій, видно, изъ Москвы въ Сибирь, что на него до самой Казани чинимы были нападенія отъ разбойниковъ и что онъ едва пушками могъ спасти свое судно; что во время плаванія по Окѣ онъ встрѣтилъ на дорогѣ болѣе 50 разбитыхъ и пограбленныхъ судовъ, на которыхъ людей имѣлось человекъ 60 и многое число наѣзжалъ раненыхъ. До самаго Вышняго Волочка являлись разбойничьи партіи. 7-го сентября 1744 г. состоялся именной указъ сенату объ искорененіи воровъ и разбойниковъ; во всѣ губерніи отправлены особые сыщики съ военными командами; по рѣкамъ пѣшіе отряды на судахъ, конные разъѣзды по дорогамъ, должны были ловить злодѣевъ. Того же числа подписана подробная инструкція сыщикамъ (Т. XII № 9025, 9026 и 9027). Въ тотъ же день подписана и инструкція штабъ-офицерамъ, посланнымъ по губерніямъ для производства слѣдствій надъ прежними сыщиками. Въ 1756 г. доносилъ съ Волги майоръ Бражниковъ, что имѣлъ

онъ бои съ разбойниками, въ которомъ убито изъ его команды 27 человекъ, а ранено 5, а изъ разбойниковъ убиты до смерти эсаулъ и еще до 5 человекъ, а живыхъ получить не могъ, ибо при нихъ находились пушки и весьма вооружены; да казанскій сыщикъ майоръ Ермолаевъ поймалъ въ Чебоксарахъ одного разбойника, который показалъ съ пытки, что одна разбойничья партія ниже Чебоксаръ на Волгѣ на 2 лодкахъ съ 6 пушками и 50 человекъ должна была въ ночь на 28-го мая сухимъ путемъ и водою явиться въ Чебоксары, а онъ съ 2 товарищами посланъ былъ зажечь городъ; что другая также вооруженная партія стоитъ на 2 лодкахъ въ Окѣ выше Нижняго; что всѣ партіи должны были соединиться въ Нижнемъ Услонѣ и идти до Астрахани, дѣйствуя общими силами (Т. XIV, № 10,571). Для разбойниковъ мало было явиться въ многолюдныя селенія Хованскаго или Шереметева (въ Сузд. уѣздѣ), перебить тѣхъ, кто пытался сопротивляться, сжечь строенія, забрать помѣщичьи оброчныя деньги и крѣпости на крестьянъ, какъ они это сдѣлали въ 1744 г. (Т. XII, № 9,026). Въ 1756 г. доносила Алатырская провинціальная канцелярія, при которой находилось 96 человекъ солдатъ, правда, безъ ружей съ одними копьями и рогатинами, что въ ночь на 3-е марта вошли въ Алатырь разбойники, разбили провинціальныя магистратъ и взяли соянаго сбора денежной казны 949 р.; что порѣкъ Сурѣ весной они разбиваютъ и грабятъ казенныя и частныя суда, чиня многія смертныя убійства и грабительства; что часто подаются явочныя прошенія въ разбояхъ и пожарахъ. Алатырская канцелярія требовала присылки 100 ружей, шпагъ и пороку для вооруженія находящихся при ней солдатъ, потому что въ Алатырѣ не было крѣпости, а она боялась новаго нападенія (Т. XIV, № 10,612). Не въ одной восточной половинѣ Россіи разбой принимали такой опасный характеръ, хотя тамъ Волга съ ея притоками, дремучіе лѣса и

отдаленность правительственнаго центра, разумѣется, должны были особенно благопріятствовать безнаказанности. Мы видѣли, что въ 1744 г. партіи разбойниковъ доходили водою до Вышняго Волочка. Въ именномъ указѣ 22 октября 1759 г. сказано: «Извѣстно намъ, что во многихъ провинціяхъ, и особенно въ Московской и около Новгорода, великіе разбои завелись и ужасныя грабительства, какъ проѣзжающимъ, такъ и живущимъ по деревнямъ помѣщикамъ чинятся» (т. XV, № 11,001). Сенатъ указомъ 11 октября 1761 г. приказалъ главному сыщику Новгородской и Смоленской губерній, полковнику Кошчеву, командировать комплектную роту въ Новгородъ, да и самому съ командой расположиться ближе къ этому городу, чтобы прекратить разбой. Правительство усилило отрядъ Бражникова на Волгѣ. Кромѣ сыщиковъ и штабъ-офицеровъ для слѣдствія надъ старыми сыщиками, были еще разсланы другіе штабъ и оберъ-офицеры для отысканія бѣглыхъ солдатъ, матросовъ, рекрутъ, которые наполняли собою разныя шайки. Уже изъ самыхъ наказаній правительства, изъ строгихъ мѣръ, принимаемыхъ имъ, можно видѣть, какъ велико было зло. Въ то же время можно замѣтить, какъ мало имѣло правительство силъ для его прекращенія. Разбой, какъ уже замѣчено, составляютъ естественное дополненіе бѣгства крестьянъ. Бѣглецы дѣлались. Одни шли въ степи и дальнія мѣста добывать себѣ вольнымъ трудомъ кусокъ хлѣба, приписывались къ заводамъ, поступали въ рыболовныя ватаги, или селились на земляхъ, отведенныхъ правительствомъ, и принимали служебныя и подушныя повинности, стараясь только уничтожить возможность возврата къ прежнимъ владѣльцамъ. Другіе остались около прежнихъ жилищъ и кроваво мстили обществу за лишеніе воли.

Перейдемъ къ торговому и промышленному состоянію Россіи. Здѣсь мы найдемъ лучшее доказательство того, что

движеніе, приданное развитію Петромъ Великимъ, шло впередъ, несмотря на всѣ препятствія. Въ самомъ дѣлѣ, если безпре-
станно измѣнявшіеся постановленія правительства сегодня за-
прещали то, что было позволено вчера, но что будетъ позво-
лено опять завтра, если монополіи и запретительныя мѣры въ
интересахъ сильныхъ временщиковъ, если отсутствіе обще-
ственныхъ гарантій не загубили только-что зародившуюся
промышленность, значитъ она успѣла пустить глубокіе корни
въ почву. Мы видимъ медленный, сдерживаемый, но постоян-
ный прогрессъ. Чтобъ показать, какъ велики были монополіи,
остановимся на привилегіяхъ, данныхъ Петру Ивановичу
Шувалову и другимъ, и на нѣкоторыхъ общихъ распоряже-
ніяхъ, относительно различныхъ отраслей промышленности.
25 іюня 1742 г. состоялось высочайше утвержденное опре-
дѣленіе сената объ отобраніи у барона Шемберга рудныхъ
мѣстъ въ Лапландіи и Гороблагодатскихъ заводовъ, также салъ-
ныхъ и китоловныхъ промысловъ, которыми онъ пользовался,
какъ монополистъ, на привилегіяхъ, данныхъ ему еще при
Петрѣ Великомъ. Въ этомъ сенатскомъ постановленіи подроб-
но доказано, что «Шембергъ не исполнилъ кондицій, что онъ
отъ тѣхъ казенныхъ отданныхъ ему заводовъ вмѣсто прибыли
оказалъ казнѣ не малый убытокъ, и уже заводовъ содержать
стало нечѣмъ; а съ вышеписанныхъ отданныхъ ему Горобла-
годатскихъ и Лапландскихъ заводовъ по обязательству своему
ничего въ казну не платилъ, да и въ плавлѣ мѣди на Лапланд-
скихъ заводахъ не было, а съ салъныхъ и рыбныхъ промысловъ
что надлежало въ казну платить—ли, того неизвѣстно, и сверхъ
того казенныхъ денегъ не малую сумму за срокомъ не пла-
тилъ». Вслѣдствіе того, заводы были взяты въ казенное вѣ-
домство до тѣхъ поръ, пока въ содержаніе охочимъ къ тому
надежнымъ людямъ съ приращеніемъ казенной прибыли отданы
будутъ. Скоро, впрочемъ, всѣ эти заводы перешли въ руки

самовластнаго временщика, который болѣе, чѣмъ баронъ Шем-
бергъ, могъ дѣйствовать безнаказанно своекорыстно. 6-го іюля
1748 г. именнымъ указомъ отданы были имѣющіеся у города
Архангельска и въ Колъсальные промыслы, «для лучшаго тѣхъ
промысловъ произведенія и приращенія казеннаго интереса»,
графу П. Шувалову и женѣ его и наслѣдникамъ на 20 лѣтъ.
Затраченные изъ казны на заготовленіе сала и моржовой кожи
6,000 р. были пожалованы ему за вѣрныя службы (т. XII, №
9,515). Для Шувалова стѣлана была и другая льгота: «А
понеже при тѣхъ промыслахъ содержаны были Гроупландскіе
китоловные промыслы, которые сначала во все время не только
пользу приносили, но и не малый казенный убытокъ причи-
нили, а для того оныя Гроупландскіе промыслы отъ вышеупо-
мянутыхъ исключаются, развѣ онъ, графъ Шуваловъ, самъ
пожелаетъ ихъ производить». Отдача этихъ промысловъ Шу-
валову не была еще стѣснительна для промысловъ Бѣломор-
скихъ; но за первымъ указомъ слѣдовали другіе. П. И. Шу-
валовъ былъ дѣятеленъ въ изысканіи способовъ къ увеличе-
нію своего богатства, а довѣріе императрицы позволяло ему
забирать въ свои руки монополію насчетъ свободной промыш-
ленности. Указомъ 19 января 1750 г., (т. XIII, № 9,704)
было запрещено брать съ товаровъ, для Бѣломорской компа-
ніи Шувалова, всякія другія пошлины, кромѣ положенныхъ
5 коп. съ рубля. Февраля 1-го того же года (т. XIII,
№ 9,705) состоялся стѣснительный для промышленниковъ
указъ, которымъ объявлялось въ Архангельской и Новгородской
губерніяхъ, что сало, ворвань и кожи провозятся и продаются
вольными промышленниками помимо компаніи графа Шувалова,
отвозя ихъ въ разныя мѣста, между прочимъ въ Остзейскіе
порты и хотя «чрезъ то имъ такая же плата и прочее удо-
вольствіе чинится, однако для распространенія вышеписанныхъ
салъныхъ промысловъ и приращенія высокаго е. и. в. интереса»

запрещается, подъ опасеніемъ конфискаціи товаровъ, продавать сало и кожи постороннимъ, помимо прикащиковъ Шувалова. «Буде же промышленники за дальностію къ Архангельскому и по неимѣнію у нихъ способныхъ къ тому судовъ везти тѣхъ своихъ товаровъ не пожелаютъ, то для лучшаго ихъ удовольствія въ тамошнія мѣста изъ конторы его имѣютъ быть посылаемы съ готовыми деньгами для покупки оныхъ товаровъ прикащики». 23-го марта 1750 же года, по донесенію Шувалова, что и продажа трески вольными промышленниками по морскому берегу также мѣшаетъ дѣйствіямъ его компаніи, а оттого и интересу ея императорскаго величества въ сборѣ таможенныхъ пошлинъ уповательно есть умаленіе, сенатъ призналъ невыгоды вольныхъ промысловъ и вольной продажи и указомъ запретилъ продажу трески помимо конторы Шувалова и его приказа (№ 9,723).

Въ то время, когда строго запрещалось провозить соль даже изъ Запорожья и Малороссіи, Бѣломорской компаніи Шувалова разрѣшено было выписывать изъ-за моря для соленія трески отъ 300 до 500 пудовъ испанской и французской соли (указъ 4-го сентября 1750 г. № 9796). Указомъ 11-го марта 1753 г. (т. XIII, № 10,076) объявлено, что въ Ригу прибыло судно съ полнымъ грузомъ трески, ловленной въ Колѣ (слѣдовательно, доставленной изъ Бѣломорской компаніи Шувалова), которая «доброотою превосходитъ привозимой понинѣ изъ Бергена трески жъ, коя частію здѣсь расхотѣть, частію же въ сосѣдственныя мѣста покупается, и потому ежели бы привозъ изъ Бергена и изъ другихъ иностранныхъ мѣстъ этой трески запрещенъ, а напротивъ того, одну только ловленную въ Колѣ треску жъ привозить позволено было, чтобъ оттого высочайшему ея императорскаго величества интересу не малое приращеніе и коммерціи быть, потому что не токмо деньги за такой изъ чужестранныхъ мѣстъ

привозимый товаръ уже здѣсь въ землѣ останутся, но и пошлина за ту привозимую изъ Колы рыбу равномѣрно жъ платима будетъ и тѣмъ внутренній торгъ извѣстно увеличится». Сенатъ запретилъ привозъ иностранной трески и интересамъ многочисленныхъ потребителей пожертвовали корыстью Шувалова. Указомъ 6-го октября 1750 г. запрещено было и рыбнымъ промышленникамъ Ладожскаго озера продавать ворвань и сало кому бы то ни было, кромѣ прикащиковъ графа Шувалова. Марта 26-го 1753 г. разрѣшено для прикащиковъ Бѣломорской компаніи Шувалова ѣздить на судахъ въ Карское море, въ Обскій и Тазовскій заливы, строить магазины и вести торгъ съ инородческими племенами; для огражденія купечества запрещено было только прикащикамъ Шувалова ѣздить внутрь земли далѣе 25 верстъ отъ морскаго берега, хотя устройство по берегамъ магазиновъ съ хлѣбомъ, котлами, топорами, однимъ словомъ, всеми товарами, удовлетворяющими непрехотливому требованію инородцевъ, дѣлало эти ограниченія почти лишними (№ 10083). Указомъ марта 6-го 1751 г. отданъ Шувалову тюлений промыселъ въ Астрахани и на всемъ Каспійскомъ морѣ, съ запрещеніемъ вольнымъ промышленникамъ продавать свою добычу помимо его конторы.

Это были прямые стѣсненія со стороны знатныхъ монополистовъ, а сколько было косвенныхъ, которыхъ разгадку надобно искать не въ официальныхъ актахъ, а въ частныхъ запискахъ и извѣстіяхъ! Отъ личнаго произвола, отъ своекорыстія временщиковъ зависѣла участь той или другой отрасли народной промышленности. Укажемъ на записки Шаховскаго, гдѣ объяснены поступки Шувалова и особенно на его разсказъ о производствѣ суконъ. И большая часть мѣръ была вызвана подобными же побужденіями. Было бы слишкомъ долго останавливаться на разныхъ распоряженіяхъ, изъ

которых многія мѣнялись частію совершенно въ противоположномъ смыслѣ. Приведемъ общія мѣры и нѣкоторыя частныя. Указомъ 13-го марта 1744 г. предписано было русскимъ фабрикантамъ бархатовъ и прочихъ матерій клеймить свои произведенія для обозначенія, въ какомъ городѣ и въ какой именно фабрикѣ они дѣлацы. То же подтверждено указомъ 12-го августа 1753 г., подъ опасеніемъ штрафа за неисполненіе этого указа. 27 іюля 1744 г. состоялся высочайше утвержденный доклад сената о возобновленіи права фабрикантовъ покупать деревни къ фабрикамъ. 12-го марта 1752 г. указомъ сената опредѣлено, сколько дозволяется имѣть прикупныхъ крестьянъ при фабрикахъ и заводахъ. Мы уже имѣли случай замѣтить, по поводу бѣглыхъ изъ горныхъ заводахъ, какъ превышало число наличныхъ заводскихъ крестьянъ указную пропорцію. Указъ 12-го марта вызванъ подобною же несоразмѣрностію, оказавшеюся на пгольной фабрикѣ Рюминыхъ, гдѣ излишнихъ крестьянъ оказалось около 2 тысячъ. Постановленія о числѣ душъ, положенныхъ при желѣзныхъ заводахъ, намъ уже извѣстны. На другихъ заводахъ и фабрикахъ казенная пропорція опредѣлена слѣдующая (№ 9934): къ каждому стану бархатныхъ, штофныхъ и т. п. матерій съ переборами приписываются по 16 душъ мужскаго пола; къ станамъ для матерій безъ переборовъ по 12 душъ, къ суконнымъ по 42, къ паразейнымъ по 15 (въ указѣ № 10,147 положено по 30), къ полотнянымъ по 12, къ шляпному лучку по 30 душъ, а женскаго пола сколько при мужьяхъ обрѣтаться будетъ. Изъ нихъ предписывалось употреблять на дѣйствительную фабричную работу на шелковыхъ фабрикахъ $\frac{1}{4}$ часть, на суконныхъ, полотняныхъ и прочихъ фабрикахъ $\frac{1}{3}$ часть, а прочихъ оставлять при крестьянскихъ работахъ. Бергъ и мануфактуръ-коллегіи обязаны были «крѣпкое смотрѣніе имѣть, дабы они, заводчики и фабриканты, излишними

крестьянами, яко по ихъ званію непринадлежащимъ интересомъ, подъ видомъ заводовъ и фабрикъ пользоваться случая не имѣли». Указомъ 5-го ноября 1753 г. разрѣшалось покупать фабрикантамъ крестьянъ безъ земли въ число указной пропорціи (№ 10147). 22-го октября 1758 г., сенатъ, по представленію князя Трубецкаго, потребовалъ у мануфактуръ-коллегіи и ея конторы и у главнаго магистрата общаго ихъ мнѣнія, что должно почитать за фабрику и мануфактуру, и что за одно рукодѣліе и мастерство, потому что стѣ смѣшенія этихъ понятій происходили многія злоупотребленія и стѣсненія для простаго народа, напримѣръ, привилегированные фабриканты запрещали всякую вольную выдѣлку, именно набоекъ низшаго сорта, шляпъ мужицкихъ и т. п. (№ 10910). Присланное еще въ 1753 г. мнѣніе мануфактуръ-коллегіи было такое, что «всякія мастерства, по большей части почитаются за фабрики, черезъ что у мастеровыхъ, какъ крестьянъ, такъ и промышляющихъ тѣмъ людей, пропитаніе отнято быть можетъ». Есть запрещеніе учреждать огнедѣйствующіе заводы въ разстояніи меньше 200 верстъ отъ Москвы, въ видахъ сбереженія лѣсовъ. Съ тою же цѣлію воспрещено было устроить фабрики и заводы вблизи С.Петербурга. Сенатскимъ указомъ 13-го декабря 1761 приказано было предоставить самимъ фабрикантамъ вывозъ изъ-за границы иностранныхъ мастеровъ, которые прежде нанимались черезъ русскія посольства въ Парижъ, Лондонъ и другихъ столицахъ Европы. Указомъ 27 іюля 1760 г. предписано было приписанныхъ къ частнымъ заводамъ и фабрикамъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ не считать вѣчно собственностью тѣхъ заводовъ. Указомъ 15-го октября 1751 г. опредѣлено, чтобы «никто безъ дозволенія мануфактуръ-коллегіи никакихъ фабрикъ заводить и производить и тѣмъ настоящимъ фабрикантамъ въ размноженіи ихъ фабрикъ помѣшательства

чинить и производить не дерзали; а кто какую фабрику завести и производить пожелаетъ, тѣмъ просить позволенія отъ мануфактуръ-коллегіи».

Относительно горныхъ заводовъ замѣтить слѣдуетъ поставленіе 16-го апрѣля 1744 г.: по представленію губернатора Неплюева и бригадира Аксакова, сенатъ разрѣшилъ отдать находившійся въ Уфимской провинціи казенный негодный Табынскій мѣдный заводъ сибирскому купцу Ив. Твердышеву, несмотря на то, что сопскаателями его явились дѣйст. ст. сов. Акинфій Демидовъ, знаменитый въ исторіи нашей горнозаводской промышленности, а также богатый промышленникъ Петръ Осокинъ (т. XII, № 8924). Неплюевъ настоялъ на отдачѣ завода Твердышеву, и не ошибся въ своемъ выборѣ. Въ «Топографіи Оренбургскаго края» Рычкова, напечатанной въ 1762 г., показано въ Оренбургской губерніи 5 мѣдныхъ и 2 желѣзныхъ завода, принадлежащихъ компанейщикамъ Ив. Твердышеву и Ив. Мясникову, находившихся въ полномъ ходу въ 1760 г., и два желѣзныхъ вновь устроенныхъ завода. Тамъ же найдемъ мы и характеристику дѣятельности Твердышева, *начинателя* этого дѣла, какъ называется его Рычковъ. Табынскій казенный заводъ перенесенъ былъ на другое мѣсто, получивъ названіе Воскресенскаго, въ 90 верстахъ отъ прежняго мѣста на р. Торговѣ. Поселеніе русскихъ промышленниковъ и заведеніе заводовъ среди башкирскаго населенія встрѣчало большія препятствія. Твердышевъ съ братьями и съ Мельниковымъ, не жалѣя ни труда, ни издержекъ, повелъ дѣло такъ ловко и честно, что Башкирцы, почитавшіе поселеніе на своихъ земляхъ нарушеніемъ вѣковыхъ правъ собственности, полюбили ихъ, считали ихъ хозяевами и «не только никакихъ помѣшательствъ и препятствій ни въ чемъ имъ не чинили, но и сами, узнавъ свойство рудъ, изъ награжденія имъ объявлять стали; а многіе изъ платы и

возкою на заводъ руды промышленять вознамѣрились (11, 226)». Какъ въ Сибири, такъ и въ Оренбургскомъ краѣ русскіе заводчики дѣйствовали по указанію старинныхъ копей, носившихъ у простаго народа названіе Чудскихъ, памятниковъ какой-то погибшей цивилизаціи неизвѣстнаго народа, не оставившаго въ исторіи ничего, кромѣ могилъ и этихъ копей. Октября 13-го 1753 г. состоялся весьма замѣчательный указъ относительно горныхъ заводовъ Оренбургской губерніи (т. XIII, № 10141). По свидѣтельству посланнаго горнаго чиновника и мѣстнаго начальства, нельзя было не убѣдиться въ процвѣтаніи частныхъ заводовъ и въ ихъ превосходствѣ надъ казенными, находившимися въ завѣдываніи своекорыстныхъ чиновниковъ. Правительство должно было придти къ этому сознанію и высказало его въ этомъ указѣ. «Башкирцы, сказано тамъ, съ оными партикулярными заводчиками такъ уже хорошо обошлись, что сами руды сыскиваемые приносятъ и возкою на ихъ заводы съ рудниковъ разработанныхъ рудъ и отдачей имъ въ оброки своихъ земель и угодій охотно промышленяютъ и пользуются, а нѣкоторые и продажею къ тѣмъ заводамъ изъ своихъ вотчинъ земель и угодьями по добровольнымъ договорамъ способствуютъ... и такъ оное порядочно происходитъ, что отъ Башкирцевъ никакихъ жалобъ и отъ заводчиковъ неудовольствія не бывало; напротивъ того, оный же башкирскій народъ, по смѣжности его съ Екатеринбургскимъ вѣдомствомъ, довольно знаетъ, на какомъ основаніи тамошніе казенные заводы содержатся». Сенатъ приказалъ во всей Оренбургской губерніи казенныхъ желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ не заводить, а крайнее стараніе прилагать размножать такіе заводы партикулярнымъ людямъ. Вслѣдъ за Твердышевымъ явились дворяне: Демидовъ, Строгановъ, Шуваловы и другіе. Всего въ Оренбургской губерніи въ 1760 г. было уже 28 желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ. Даже воз-

станіе Батырши не уничтожило этой промышленности. 25-го мая 1754 г. обнародованъ былъ сенатскій указъ (т. XIV, № 10243) во всеобщее свѣдѣніе, которымъ вызывались «желающіе въ Сибирской губерніи и Иркутской провинціи искать рудъ и каменія; тѣмъ позволялось во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ, какъ на собственныхъ, такъ и на чужихъ земляхъ, искать, копать, плавить и чистить всякіе металлы, сирѣчь: золото, серебро, мѣдь, олово, свинецъ и желѣзо, также и мисералловъ, яко селитра, сѣра, купоросъ, квасцы и всякихъ красокъ и каменія». Намешиимъ предписывалось только испрашивать позволенія на постройку заводовъ. Того же дня публикованъ указъ бергъ-коллегіи, разрѣшающій подобные поиски и въ Оренбургской губерніи. Къ сожалѣнію, мѣры правительства не всегда отличались послѣдовательностію. Какъ скоро замѣшпвался интересъ вліятельнаго лица, дѣло принимало другой оборотъ. Такъ въ 1753 г. правительство созналось въ превосходствѣ частныхъ заводовъ передъ казенными, въ большей отъ нихъ выгодѣ для государства и запретило заводить казенные мѣдные заводы во всей Оренбургской губерніи. Черезъ годъ съ нѣсколькими мѣсяцами мы находимъ мѣру о запрещеніи вывоза мѣди за границу и объ умноженіи казенныхъ мѣдныхъ заводовъ. Причина заключалась въ томъ, что П. И. Шуваловъ, начальникъ комиссіи для передѣлки мѣдной монеты, извлекавшій изъ этого огромныя денежныя выгоды и не дававшій отчета сенату, находилъ для себя несравненно выгодиѣ имѣть дѣло съ казенными заводами, нежели съ частными промышленниками. Въ 1747 г. отобраны были въ казну Колывано-Воскресенскіе, Барнаульскій и Шульбинскій заводы умершаго Акинфія Демидова. Въ 1757 г. ноября 14-го (т. XIV, № 10779) мы находимъ новый замѣчательный указъ сената, а въ приложеніи еще болѣе любопытное донесеніе главнаго судьи монетной канцеляріи *Шлаттера*.

Шлаттеръ пишетъ о Нерчинскихъ серебро и золото содержащихъ заводахъ, что серебряныя руды «казеннымъ коштотомъ пріискивать и добывать не столь способно, какъ партикулярными людьми, которые для себя гораздо проворнѣе и прилежиѣ поступаютъ и больше рудъ находятъ и добываютъ, ибо за казенными рудоискателями надлежащее смотрѣніе имѣть никакъ невозможно, и не много сыщется такихъ рачительныхъ собственною совѣстію, чтобы безъ крайняго, такъ вѣрнаго, какъ хозяйскаго, за ними наблюденія, хотѣли, по пустымъ мѣстамъ въ горахъ и въ дѣсахъ пріискивая рудъ, трудиться». Шлаттеръ приводитъ въ примѣръ пермскіе казенные заводы. «Пока при оныхъ, говорятъ онъ, рудопромышленниковъ учреждено и пріохочено не было, по то время мѣдныхъ рудъ про одинъ малый заводъ недовольно было казенными рудоискателями и горными служителями, сколько о томъ не старались, находить не могли, да и жители около тѣхъ пермскихъ заводовъ руднаго промысла боялись и ненавидѣли слышать о рудахъ, и смертная опасность тогда представляла подлымъ людямъ говорить про руду, чтобы ихъ не убили; но когда партикулярный рудный промыселъ учрежденъ, и люди къ тому пріохочены и въ обычное оное дѣло вошло, то безчисленное множество рудъ мѣдныхъ найдено, и всѣ жители около тѣхъ пермскихъ заводовъ съ перехваткою другъ отъ друга въ тотъ рудный промыселъ обратились, и столько на заводы навожено рудъ рудопромышленничьимъ партикулярнымъ коштотомъ, что нынѣ уже на 5-ти заводахъ и съ прибавленными на нихъ плавильными печами переплавлять не успѣваютъ, а казенная рудъ добыча оставлена вовсе; а горные служители изъ Перми переведены и употреблены къ сибирскимъ золотымъ промысламъ». Шлаттеръ предлагалъ на всѣхъ серебряныхъ и золотыхъ пріискахъ употреблять вольныхъ промышленниковъ, ссужая ихъ изъ казны деньгами и всячески поощряя. Сенатъ

призналъ представленіе Шлаттера совершенно основательнымъ и издалъ указъ, по которому опредѣлилъ производство поисковъ черезъ вольныхъ промышленниковъ, и всѣ серебряные заводы отчислилъ отъ вѣдомства бергъ-коллегіи. Представленіе Шлаттера замѣчательно, какъ чрезвычайно умное и основательное соображеніе всѣхъ невыгодъ существовавшаго тогда управленія. 4 го октября 1760 г. опредѣлено было бергъ-коллегію перевести въ Петербургъ, а Перчпскимъ и Екатеринбургскимъ серебрянымъ и золотымъ заводамъ, а также и Воицкому золотому руднику (открытому въ цымѣшней Олонекской губерніи въ 1745 и разрабатывавшемуся до 1794 г.) быть опять въ вѣдомствѣ бергъ-коллегіи.

Относительно фабрикъ льняныхъ и бумажныхъ издѣлій замѣтимъ указъ 29-го ноября 1743 г., которымъ строго подтверждался Петровский указъ, запрещавшій выдѣлку узкихъ полотень и предписывавшій извѣстную ширину для холста, съ цѣлью болѣе успѣшнаго сбыта нашихъ издѣлій за границу. Въ 1745 г. новымъ указомъ было отменено это запрещеніе и предоставлена была свобода въ изготовленіи полотень всякой мѣры. Правительство поняло, что стѣсненіе такой важной промышленности, какъ льняная, вредно и что контроль невозможенъ, потому что приготовленіе полотень производилось не на фабрикахъ, а по домамъ. Въ 1757 г. выдана была привилегія иностранкѣ Терезіи изъ Брюсселя для основанія въ Петербургѣ или Москвѣ фабрики нитяныхъ кружевъ, добротой противъ брабантскихъ. Ей позволено было купить у помѣщиковъ до 500 женщинъ и до 200 мужчинъ, дано было заимообразно 20,000 р. безъ процентовъ на 10 лѣтъ и въ теченіе того же времени запрещено заводить другія такого же рода фабрики. «Что же слѣдуетъ до дѣланія въ домахъ, также и въ монастыряхъ, въ томъ запрещенія не чинить, а можетъ она то преодолевать добротой дѣланныхъ на ея

мануфактурѣ» (т. XIV № 10,759). Замѣтимъ еще распоряженіе, вызванное стѣснительными для частной промышленности притязаніями шляпныхъ и ситцевыхъ фабрикантовъ (№ 10,910). Относительно химическихъ, мыловаренныхъ, оружейныхъ и литейныхъ заводовъ въ царствованіе Елизаветы Петровны нѣтъ почти никакихъ постановленій и свѣдѣній. Находимъ только инструкцію 1751 г. для отливанія въ Олоонецкомъ и Кончозерскомъ заводѣ чугунныхъ досокъ для двorca и Воскресенскаго дѣвичьяго монастыря, а также для варенья купороса. Вообще въ царствованіе Елизаветы Петровны болѣе находимъ поощрительныхъ мѣръ для фабрикъ, удовлетворявшихъ искусственнымъ потребностямъ роскоши и моды, нежели для болѣе скромныхъ, но несравненно болѣе полезныхъ отраслей народной промышленности. Въ этомъ отношеніи прямая противоположность съ дѣятельностію великаго Петра. Только изрѣдка встрѣтишь нѣкоторыя мѣры, почти вынужденныя или прежними подобными же мѣрами, или необходимостію, или чисто случайныя. Яснаго взгляда на развитіе народной промышленности не было у государственныхъ людей того времени. Взглядъ ихъ съ необыкновенною ясностію и проинпательностію видѣлъ только ихъ личную выгоду, чему примѣръ мы видѣли въ дѣятельности П. И. Шувалова. Кому было заботиться о невидимыхъ основахъ народнаго состоянія? Въ 1742 г. приказано было присутственнымъ мѣстамъ брать писчую бумагу съ русскихъ фабрикъ у тѣхъ фабрикантовъ, которые будутъ ставить и дешевле и лучше, нежели старый фабрикантъ Затрапезный, пользовавшійся привилегіей. Въ 1743 г. дана была привилегія купцу Постовалову на основаніе въ Воронежѣ бумажной фабрики. Есть нѣсколько постановленій о смольчужныхъ и селитряныхъ заводахъ. Въ 1757 г. устроены въ Малороссіи казенные смольчужные заводы (№ 10,709). Въ 1744 г. запрещено было заводить

селитряные заводы за линіей укрѣпленій малороссійской границы, въ видахъ безопасности отъ Татаръ. Въ 1730 г. отданы были астраханскіе селитряные заводы, основанные при Петрѣ Великомъ майоромъ Молоствовымъ, въ вѣчное содержаніе купцу Кобякову. Производство мѣдныхъ и желѣзныхъ издѣлій находилось большею частію при самыхъ горныхъ заводахъ, оттого въ 1733 г. и приказано было, по случаю возникшаго сомнѣнія, считать эти фабрики, находящіяся при заводахъ, въ вѣдомствѣ бергъ - а не мануфактуръ-коллегии. Многіе заводы особенно занимались выдѣлкою изъ собственной руды разныхъ издѣлій. Въ 1736 г. сдѣлано было распоряженіе о размноженіи въ Россіи стальныхъ и желѣзныхъ фабрикъ по примѣру находящихся въ Сиріи. Мы не знаемъ, были ли какія-нибудь слѣдствія отъ этого распоряженія. Въ слѣдующемъ царствованіи находимъ новые указы о томъ же. Нѣсколько болѣе распоряженій относительно стеклянныхъ заводовъ. Въ 1747 г. приказано было уничтожить такіе заводы на разстояніи отъ Москвы менѣе 300 верстъ въ мѣстахъ, не имѣющихъ водной коммуникаціи. Въ 1753 г. переведены стеклянные заводы изъ Петербурга въ Ямбургъ. Оба распоряженія сдѣланы были въ видахъ сбереженія лѣсовъ около обѣихъ столицъ. Въ 1752 г. дано было позволеніе и вспоможеніе знаменитому Ломоносову на основаніе фабрики мозаическихъ вещей, бисеру, стеклярусу и т. п. Въ 1760 г. была основана извѣстная и до сихъ поръ стеклянная и хрустальная фабрика Мальцова. Болѣе всего мѣръ находимъ относительно суконной и шелковой промышленности. Въ 1743 году воронежскій купецъ Поставаловъ получилъ привилегію на основаніе въ Воронежѣ суконной фабрики. Стараніями князя Шаховскаго, бывшаго въ то время крѣгс-коммиссаромъ, постановка суконъ на русскую армію, бывшая до того времени въ рукахъ Англичанина Вульфа, закупившаго въ свою пользу

русскихъ вельможъ, отдана была русскимъ фабрикантамъ, а это много содѣйствовало развитію нашей суконной промышленности. Въ 1745 году сенатскимъ указомъ предписано было мануфактуръ-коллегіи наблюдать за усовершенствованіемъ суконныхъ издѣлій, потому что первая поставка русскихъ суконъ въ казну оказалась несовсѣмъ удовлетворительною. Въ 1752 году отдана была въ вѣчное владѣніе купцу Матвѣеву казенная суконная Путиловская фабрика съ обязательствомъ, чтобы эта фабрика «въ пользу государственную размножена была сильною рукою» и чтобы Матвѣевъ ставилъ въ первые же три года по 30,000 аршинъ сукна въ годъ, а потомъ по 50,000 въ казну. 20-го апрѣля 1759 г. состоялся весьма важный для суконныхъ фабрикантовъ указъ сената, по которому предписывалось брать у нихъ деньги изъ суммъ, слѣдующихъ имъ изъ казны, вмѣсто рекрутъ съ приписанныхъ къ фабрикамъ крестьянъ. Рекрутскій наборъ иногда лишалъ фабрикантовъ лучшихъ мастеровыхъ, а сверхъ того влекъ за собою всякаго рода притѣсненія со стороны губернскаго начальства, взысканія, личное задержаніе и т. п., не говоря уже о взяткахъ. Для шелковой промышленности важно уже было постановленіе 13 апрѣля 1744 г. (№ 8919), которымъ разрѣшалось Армянамъ, Индійцамъ и Бухарцамъ безпрепятственно заводить въ Астрахань фабрики и заводы, свободно отправлять свое богослуженіе и судиться по ихъ прежнимъ законамъ. Но кромѣ того были и другія поощренія. Въ 1742 г. подтверждена привилегія, данная Армянину Ширванову съ товарищами на заведеніе въ Астрахань и въ Кизлярѣ шелководства, сѣянiе сарачинскаго шена и хлопчатой бумаги и на устроеніе фабрики шелковыхъ матерій. Въ 1744 г. мануфактуръ-коллегіи предписано было заботиться объ усовершенствованіи шелковыхъ издѣлій и, какъ одно изъ средствъ, предписывалось клейменіе фабричною печатью каждаго куска матеріи.

Въ 1747 г. даны были нѣкоторыя преимущества Армянину Макарову, содержателю шелковыхъ мануфактуръ и заводовъ и принятому въ русское подданство. Въ 1758 дано было позволеніе и надежда на вспоможеніе 30-ю т. руб. иностранцу Миллеру, для заведенія въ Петербургѣ фабрики шелковыхъ чулковъ. Шелковые фабриканты получали разнаго рода облегченія и поощренія. Торговля шелкомъ покровительствовалась. Кушцы, продававшіе шелкъ на фабрики, не платили пошлинъ. Иногда само правительство закупало шелкъ для нашихъ фабрикантовъ. Содержатели шелковыхъ фабрикъ получили право вызывать изъ-за границы рисовальныхъ и красильныхъ мастеровъ. Черезъ таможи пропускали безъ пошлины итальянскій и персидскій шелкъ, выписывали фабрикантовъ и т. д. Въ 1760 г. состоялось дозволеніе Шемякину о безпошлинномъ ввозѣ и вывозѣ изъ Россіи всѣхъ сортовъ шелка и другихъ товаровъ, цужныхъ для шелковыхъ фабрикъ. Покровительствомъ правительства пользовались также шляпныя и шпалерныя фабрики. Въ 1744 году сданъ былъ вольнымъ компанейщикамъ казенный шляпный заводъ Московской губерніи, находившійся въ совершенномъ разстройствѣ, и заключенъ былъ съ ними договоръ на поставку шляпъ для арміи. Въ 1747 г. для покровительства шляпной фабрики московскихъ фабрикантовъ Черникова и Сафьянщикова запрещено вывозить изъ Россіи бобровый пухъ, привозить въ Россію иностранныя шляпы и дѣлать въ Москвѣ и въ московскомъ уѣздѣ шляпы, кромѣ какъ на ихъ фабрикахъ. Потомъ даны были привилегіи петербургскимъ шляпнымъ компанейщикамъ, Сокольникову и Боткину. Въ послѣдствіи правительство, въ видахъ защиты низшаго класса производителей и погребителей со стороны шляпныхъ фабрикантовъ, принуждено было запретить заводить фабрики, привилегированныя для шляпъ низкой доброты, и предоставить выдѣлку ихъ каждому

желающему. Относительно шпалерныхъ фабрикъ находимъ мѣры объ управленіи казенною шпалерною фабрикой, привилегіи Англичанину Ботлеру и потомъ еще иностранцу Леману, и т. п. Шпалерныя фабрики удовлетворяли требованіямъ двора и знатнѣйшихъ вельможъ *).

Мы говорили о домашнемъ воспитаніи въ половинѣ XVIII вѣка, объ иностранцахъ гувернерахъ и дядькахъ, о частныхъ пансіонахъ и т. д. Крайняя недостаточность частныхъ средствъ для образованія должна была обратить на себя вниманіе правительства и вызвать умноженіе государственныхъ заведеній для образованія. Царствованіе Елизаветы исполнило планы Петра Великаго: основаніемъ московскаго университета, московской и казанской гимназій оно составило эпоху въ исторіи русскаго просвѣщенія. Прежде, впрочемъ, чѣмъ перейти къ этому событію, рассмотримъ другія мѣры правительства и состояніе другихъ заведеній, хотя всѣ другія правительственныя распоряженія совершенно теряются въ виду указа объ основаніи университета. Относительно образованія низшихъ классовъ народонаселенія замѣтимъ указъ 7 іюля 1742 г. объ учрежденіи школъ въ Казанской губерніи въ разныхъ мѣстахъ для обученія новокрещенныхъ иновѣрческихъ дѣтей. 18 ноября 1748 г. состоялся указъ объ учрежденіи въ Оренбургѣ, подъ вѣдѣніемъ губернской канцеляріи, особой школы для обученія и содержанія прижитыхъ ссыльными; 29 декабря 1751 г. объ учрежденіи школъ въ поселеніяхъ сербскаго народа; 13 апрѣля 1752 г. объ учрежденіи на украинской линіи школъ для обученія одиодворческихъ и ландмилицескихъ малолѣтнихъ

* Здѣсь въ рукописи пропущена одна лекція, которая, вѣроятно, была прочитана безъ конспекта. Рукопись, какъ мы уже сказали, составилась изъ лекцій, то болѣе подробныхъ, то краткихъ, смотря потому, сколько времени было у автора для приготовленія къ чтенію: этия объясняются неровности въ изложеніи. А. Т.

дѣтей. Сюда же относится и указъ 26 окт. 1744 г. о соединеніи въ губерніяхъ и провинціяхъ ариѳметическихъ и гарнизонныхъ школъ въ одно мѣсто и обученіи въ нихъ всякаго чина людей, о бытіи тѣмъ школамъ въ вѣдомствѣ коменданта и о жалованьи учителямъ. Еще раньше, именно въ апрѣлѣ 1743 г., состоялся указъ сената, которымъ предписывалось разослать повсюду буквари и катехизисы, внушить приходскимъ священникамъ, чтобы они наблюдали за обученіемъ катехизиса въ своихъ приходахъ, и наконецъ брать штрафъ съ тѣхъ, кто не будетъ обучать своихъ дѣтей катехизису. Штрафъ положенъ за cadaго челоуѣка съ шляхетства по 10, а съ прочихъ по 2 рубля. Этотъ указъ состоялся вслѣдствіе замѣчанія, что русскіе дворяне обучаютъ своихъ дѣтей только часослову и псалтырю. Къ этимъ же мѣрамъ принадлежатъ: основаніе семинарій для духовенства (напр. въ 1748 г. семинаріи въ Тобольскѣ при архіерейскомъ домѣ), надзоръ за этими духовными училищами и требованіе отъ нихъ вѣдомостей. Другія мѣры имѣли цѣлю удовлетвореніе правительственныхъ потребностей, образованіе спеціальныхъ людей для службы. Такъ при сенатѣ была школа, гдѣ обучались коллегіи юнкера и дворяне, освобождавшіеся потому отъ дежурства на службѣ. 16-го марта 1753 г. приказано было помѣщать въ артиллерійскую школу малопомѣстныхъ дворянъ въ комплектъ преимущественно передъ тѣми, которые могутъ быть на собственномъ иждивеніи. Въ 1755 году велѣно было находящихся при камеръ-коллегіи юнкеровъ обучать французскому и нѣмецкому языкамъ въ академіи наукъ. Въ 1753 предписано было въ бергъ-коллегіи обучать горной наукѣ дворянскихъ дѣтей изъ школъ артиллерійской и инженерной. Главнымъ заведеніемъ военнымъ былъ сухопутный шляхетскій корпусъ, основанный по плану Миниха (см. указъ 1731 г.). Отсюда выходили армейскіе и гвардейскіе офицеры; здѣсь получили образованіе

нѣкоторые изъ лучшихъ нашихъ полководцевъ: Румянцевъ, Каменскій, Ферзенъ и т. д. Кадеты, обучавшіеся фортификаціи, переходили въ инженерное вѣдомство. Тѣхъ же, которыхъ готовили къ гражданской службѣ, велѣно было при Елизаветѣ Петровнѣ обучать юриспруденціи и ариѳметикѣ и освободить отъ экзерциціи и наукъ собственно военныхъ. Въ 1752 г. составленъ штатъ морскаго кадетскаго корпуса. Сдѣлано было также довольно много для образованія медиковъ. Въ 1754 г. вызваны были изъ духовнаго вѣдомства студенты для обученія въ казенныхъ госпиталяхъ медикохирургіи и фармаціи. Находимъ указъ объ отправленіи за границу для усовершенствованія въ медицинскихъ наукахъ. Всѣ эти мѣры, очевидно, клонились къ образованію людей, нужныхъ государству для практическихъ цѣлей. Представителями науки въ ея высшемъ значеніи были двѣ академіи, духовная или славяно-греко-латинская въ Москвѣ и академія наукъ въ Петербургѣ. Основаннымъ нѣсколько напихъ. Славяно-греко-латинская, основанная при Федорѣ Алексѣевичѣ и получившая во второй четверти XVIII вѣка титулъ императорской, представляла въ это время не одно только чисто богословское заведеніе. Здѣсь получали образованіе не одни дѣти духовенства или лица, готовившіеся къ поступленію въ духовное званіе. Въ 1736 г. въ нее, наприимѣръ, разомъ поступило 158 дѣтей дворянскихъ, между которыми были дѣти знаменитѣйшихъ фамилій въ государствѣ. Здѣсь были, кромѣ того, подъяческія, канцелярскія, солдатскія дѣти и т. д. Она представляла собою, слѣдовательно, науку въ возможной ея полнотѣ, хотя, разумѣется, съ преобладаніемъ богословскаго направленія. Подъ властію ректора, архимандрита, назначаемаго св. синодомъ, находились 9 классовъ, начиная отъ славяно-русской школы, гдѣ обучали начальному чтенію и письму, и восходя до богословія. Названія классовъ были: фара, инфима, грамматика, синтаксима, піитика,

реторика, философія и богословіе. Классъ богословія занималъ 4 года, философію и реторику по 2 года, пѣтики и синтаксисы по 1. Весьма немногіе могли въ 12 или 15 лѣтъ пребыванія въ академіи окончить курсъ. Для многихъ курсъ продолжался лѣтъ до 20. Бывали примѣры, что ученики въ классѣ синтаксисы просиживали 10 лѣтъ. Временемъ вѣшняго процвѣтанія былъ 1725, г. когда 629 учениковъ сходилось въ академію. При Елизаветѣ Петровнѣ ихъ было отъ 200 до 280. Почти всѣ они не жили въ зданіяхъ академіи, а получали жалованье. Въ 1745 г. приказано было по новому штату отпускать изъ соляной конторы на содержаніе академіи по 4,450 р. Ученики академіи получали по 3 коп. въ день, студенты философіи и богословія по 4. Ученикъ русской школы вмѣсто денегъ получалъ печеный хлѣбъ изъ хлѣбни, заведенной при синодальномъ домѣ. Вотъ ученый составъ академіи: Ректоръ, читавшій и богословіе: это была верховная власть академіи. Префектъ или инспекторъ, на которомъ лежала обязанность надзора за учениками; онъ же обыкновенно читалъ и философію: Духовный регламентъ требовалъ, чтобы префектъ былъ «и не весьма свирѣпый, и не меланхоликъ». Два проповѣдника, говорившихъ поученія каждый воскресный и праздничный день въ церкви Заиконоспасскаго монастыря. 6 или 7 учителей. Собственно академическое ученіе начиналось съ фарты, гдѣ учили читать и писать полатыни; въ пѣтимѣ преподавали грамматическія правила славяно-русскаго и латинскаго языковъ; въ грамматикѣ первую часть латинской грамматики и всю славянскую. Тутъ же сообщали нѣкоторыя свѣдѣнія историческія и географическія, начинали катихизисъ и арифметику. Синтаксиса была высшимъ грамматическимъ классомъ; здѣсь же продолжалось ученіе катихизиса, арифметики, исторіи и географіи; въ пѣтихъ стихотворное ученіе русское и латинское; въ реторикѣ краснорѣчіе; въ классѣ философіи префектъ преподавалъ

логику, физику, метафизику и политику. Въ классѣ богословія ректоръ читалъ 4-хъ годичный курсъ богословія. Лекціи были на латинскомъ языкѣ. Схоластика царила въ академіи...*)

*) Къ сожалѣнію, собственноручный курсъ о Елизаветѣ Петровнѣ С. В. Ешевскаго, которымъ мы пользовались, прерывается на этой фразѣ. Должно замѣтить, что поразительно небрежно напечатанный въ *Отч. Зап.* «Очеркъ царств. Елиз. Петр.» не исчерпываетъ даже этого прерваннаго курса. Все, помѣщенное нами, начиная съ 537 стр., не было еще нигдѣ напечатано. А. Т.

К О Н Е Ц Ъ В Т О Р О Й Ч А С Т И .

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

-
1. Эпоха переселенія народовъ и Королинги. . . .	1
2. Очеркъ царствованія Елизаветы Петровны. . . .	363
-